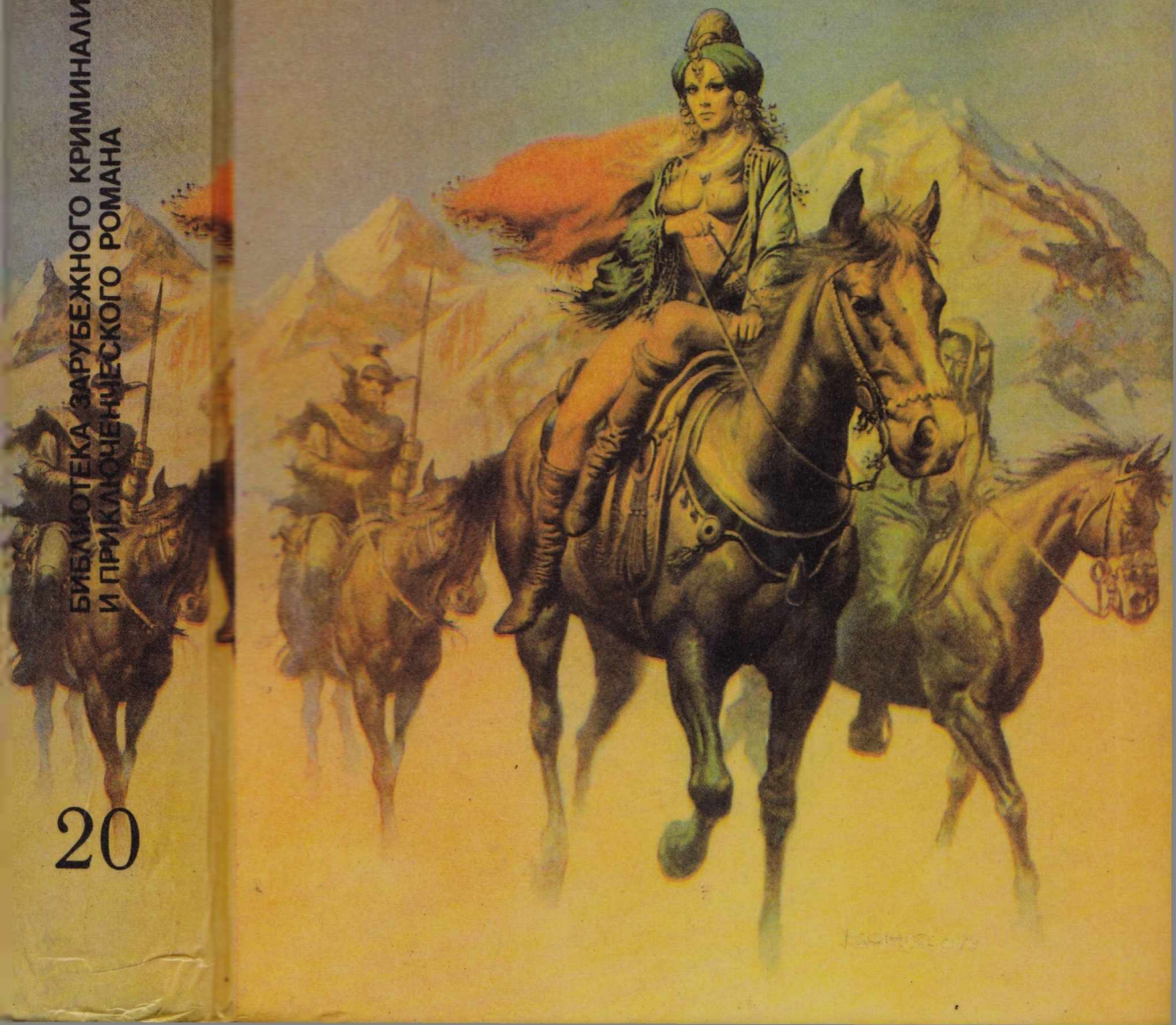
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

Бертран ЧАНДЛЕР

ДВЕНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

20

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная
остросюжетная
фантастика

БЕРТРАМ ЧАНДЛЕР

ДВЕНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"
1994

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

БЕРТРАМ ЧАНДЛЕР
«Двенадцатые звездные войны». Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллин: «Мелор». 1994, 512 стр.ил. /«Библиотека зарубежного криминального и прикл.романа». Выпуск 20/.

Двенадцатые звездные войны представлены в настоящем сборнике пятью фантастическими супербоевиками, названия которых говорят сами за себя: «Звездные узники» К.Мак-Аппа, «Ландскнехты Галактики» и «Тернистый путь» Б.Чандлера, «Пропавшие среди звезд» Л.Тириона, «Война с монстрами» А.Ван Вогта...

Итак, «Двенадцатые звездные войны»...

$4\frac{470310100-011}{8У3/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-011-1

© «MELOR», 1994г.

ЗВЕЗДНЫЕ УЗНИКИ

Глава 1

Тусклая лампа распространяла по большой приемной запах горелого животного жира. Рааб Джеран стоял у прикрытого сеткой окна и всматривался в ночь. Единственная лампа снаружи (единственная, потому что животный мир, как и многое другое, был теперь в недостаточном количестве) отбрасывала мерцающий призрачный свет на пожухлую, увядающую траву лужайки.

Откуда-то из темноты донесся звук вялых и запинающихся шагов часового, и кулаки Рааба, стиснутые в карманах его белого офицерского мундира, сжались еще сильнее. Он был на грани того, чтобы окликнуть невидимого часового и приказать ему подтянуться и пройти так, как полагается представителю Флота! С тех пор как блимпы вражеской блокады стянулись вокруг в готовности напасть на них, атмосфера поражения распространилась даже здесь, в Штабе Флота.

Из-за закрытой двери офиса адмирала Клайна снова донеслись возбужденные голоса. Рааб подавил искушение подойти ближе к двери и попытаться подслушать, но он и так мог слышать достаточно, чтобы знать, что адмирал Клайн все еще давит на собравшихся, пытаясь пробить предложение Рааба, и встречает горячее сопротивление некоторых из них. Такое сопротивление не явилось неожиданностью. Главная причина была не в том, что Раабу всего двадцать два года и он имел только звание Алтерна — кто-то из Штаба неистово доказывал, что Рааб слишком искренне защищал своего покойного отца от абсурдных обвинений в измене.

Гнев, тлеющий в душе Рааба, вспыхнул с новой силой. Он сильнее сжал кулаки в карманах, повернулся и, не глядя на закрытую дверь, широким шагом пересек приемную. Он остановился перед портретом своего отца, который еще висел на одной стене, так как адмирал Клайн запретил убирать его.

Это был хороший портрет, хотя некоторые детали были преувеличены. Роул Джеран, адмирал Флота Столовой Горы Лоури, на самом деле не был таким высоким — его рост был такой же, как у Рааба, шесть футов и полдюйма — и кроме того, Рааб никогда не видел на его лице такого надменного, подавляющего выражения. Но портрет передавал общий внешний вид худощавого и жилистого Роула Джерана. Коротко подстриженные жесткие прямые волосы черного, но слегка поблекшего цвета; лохматые брови домиком; горящие голубые глаза (поразительные на смуглом от темного загара лице) пылали над длинным узким носом; крепкий выступающий подбородок. "Старое вытянутое лицо с выступающими скулами и резко очерченным носом", говорили о нем за его

спиной. Он знал это и, уединившись, частенько посмеивался. Это было единственное, чего Рааб никогда не мог понять в своем отце — как такой сердечный, гуманный и веселый человек, никогда и ничего не делающий из ложного благородства, мог выдержать такую жестокую, безжалостную насмешку. Это волновало Рааба, потому что такое отношение казалось ему почти лицемерным.

Размеры рук бывшего адмирала тоже были преувеличены (на самом деле в таком преувеличении не было никакой нужды). Рааб разжал кулаки и рассеянно, не вынимая рук из карманов, пошевелил пальцами. Его руки были такими же большими, как и у отца, правда, не такие волосатые и искривленные. Он знал, что выглядит очень похожим на отца, и полагал, что с годами, под жестоким солнцем Дюрента, сходство может увеличиться, если ему — думал он, ощущая пустоту в своей диафрагме,— удастся достаточно долго прожить под этим солнцем. Флот Мэдерлинка, захвативший преобладающее большинство свободного жизненного пространства Дюрента, делал будущее офицера Лоури очень сомнительным.

Он услышал скрип стульев в кабинете адмирала Клайна, повернулся и, вытащив руки из карманов, опустил их вдоль туловища, заставляя усилием воли не сжиматься в кулаки. Маленький палец его левой руки (полуперерубленный оснасткой блимпа, когда ему было одиннадцать лет) пульсировал, как это было всегда, когда он волновался. Он знал, что его жесткие черные волосы сейчас сбились набок — он ничего не мог с ними поделать — зато настойчиво пытался убрать со своего лица выражение угрюмости и пренебрежения. Хотя он не во всем соглашался с некоторыми из своих начальников, но не желал выказывать им неуважения.

Они выходили по одному, сначала гражданские (в Штабе находились два члена Совета), затем старшие офицеры, а потом более младшие. Некоторые бросали на него явно враждебные взгляды, некоторые просто холодно смотрели на него, а один или два посмотрели с любопытством и не особенно враждебно.

Но что самое поразительное, человек, дольше всех остальных пристально рассматривавший его, был одним из гражданских. Член Совета Ольвани даже приостановился, вытаращив глаза на Рааба, так что остальным пришлось его обходить. Рааб, старающийся ни на кого не смотреть, все же не сумел избежать встречи с заторможенным взглядом этого человека.

Ольвани был невысокий, плотный, совершенно лысый человек с оливковым цветом кожи, который выглядел моложе своих шестидесяти лет. Его маленькую, лопатообразную седую бороду давно требовалось подравнять. Он был в строгом сером костюме простого покроя, но плохо проглаженном, словно его владельца не волновало общественное мнение. Его рубашка могла бы быть немного свежее, а черные ботинки вычищены получше.

Конечно, Рааб не успел заметить всего этого, бросив на него единственный короткий взгляд — просто Ольвани всегда выглядел одинаково, а Рааб видел его довольно часто. Но в данный момент он заметил только абсолютно ничего не выражающий, напряженный взгляд человека, словно Рааб был каким-то официальным документом, который необходимо прочитать полностью и быстро, чтобы заучить за одно прочтение. Только единственный долгий изучающий взгляд, затем Ольвани повернулся и последовал за остальными к двустворчатым дверям, ведущим из приемной.

Рааб внимательно посмотрел им вслед. Он мог слышать скрежет гравия под их ботинками; мог слышать их затихающие голоса, некоторые из которых были довольно сердитые.

Эмоциональная напряженность, возникшая в результате этой неприятной очной ставки, которая ожесточила его, теперь спала, так и не выплеснувшись наружу. Он повернулся и взглянул на еще открытую дверь кабинета адмирала Клайна.

Внезапно появившийся в дверном проеме адмирал Клайн бросил ничего не выражающий взгляд на Рааба, подошел к двустворчатой двери, которую самый младший из офицеров закрыл за собой, и толкнул ее, чтобы открыть снова.

— Фу! Давайте здесь немного проветрим!— Он постоял некоторое время, всматриваясь в ночь, как совсем недавно Рааб, затем с утомленной улыбкой повернулся к Раабу.— Приступайте, юноша.

Клайн был рослым человеком в возрасте, очень широким в плечах, но не широким в поясе. Китель его белой формы хрустел так, словно адмирал за весь день не нашел возможности переменить его. Абсолютно седые волосы были еще густы, и он, как большинство офицеров Флота, носил их зачесанными назад, хотя они были несколько длиннее, чем у остальных офицеров. (Как адмирал Флота, кем он стал после смерти Роула Джерана, он, конечно, мог позволить себе такую привилегию.) Его глаза были светло-серыми. Солнце Дюрента оставило на его лице скорее красноватый, чем коричневый загар, но в морщинах, собравшихся в уголках его глаз, можно было различить естественный оттенок кожи. Его зубы были белы и ровны. На широком лице сверкала улыбка (так, по крайней мере, он улыбался друзьям, и сейчас Рааб мог видеть на его лице такую улыбку), занимающая всю ширину лица.

— Садись, Рааб. Как поживает твоя мать? После похорон твоего отца я собирался съездить в Востокоград, чтобы навестить ее, но все идет так...— конец предложения утонул в утомленном вздохе.

— С ней все нормально,— немного нетерпеливо ответил Рааб.— Вы знаете, она осталась у своей сестры.— Он всматривался в его лицо, которое знал очень хорошо; почти так же хорошо, как лицо своего отца.— Сэр, Штаб решил...

Клайн обошел вокруг стола и с ворчанием опустился на стул так, словно тот был несколько жестче, чем обычно.

— Ты действительно вызываешь у них враждебное отношение, Рааб. По крайней мере, ты не облегчил мою задачу.

Рааб почувствовал, что слегка краснеет.

— Я очень сожалею об этом, но что вы хотите от меня? Эта ложь, которой они, кажется, верят...— его горло сжалось, и он не смог закончить фразу.

Утомленный Клайн откинулся на спинку стула и нахмурил брови.

— Я надеюсь, что в дальнейшем ты будешь более сдержан. Я знал твоего отца немного дольше, чем ты, и, возможно, в некоторых вопросах гораздо лучше, а обвинения, выдвинутые против него, меня тоже раздражают. Но я не бегаю по всей Столовой Горе, неистово ораторствуя и порождая новых врагов,— он сделал паузу и усмехнулся.— Однако я сомневаюсь, что это, в конечном счете, составит большую разницу. Такие вещи забываются,— он вздохнул.— Да, я ухитрился получить их согласие, но не знаю, хочешь ли ты сейчас заниматься этим, или нет. Точнее, я не знаю, должен ли я р а з р е ш и т ь тебе это.

Рааб бросил на него быстрый взгляд, чувствуя, что в нем снова зашевелился гнев.

— Почему нет, сэр? Мы... вы же признали, что это должно быть сделано!

Клайн повернулся на шарнирном стуле и уныло посмотрел в затянутое сеткой окно кабинета. Слабый ветерок, проникающий внутрь, едва колыхал натянутую сетку. Этот ветерок, прошедший через всю Столовую Гору, принес с собой запах теплой осенней ночи — запах мяты, пожухлой и высохшей больше от недостатка удобрений, чем из-за позднего времени года; немножко горьковатый — так пахли флейтовые вязы, роща которых находилась в полумиле вверх по реке (Рааб мог даже слышать слабые звуки труб, возникавшие, когда ветер продувался через странно закрученные листья); запах апельсиновых деревьев, земная разновидность которых сумела выжить в долгих скитаниях корабля колонии. Эти деревья, как и большинство растений, растущих на Столовой Горе Лоури — все они не были местными, а попросту хорошо адаптировались к высоте и изначально бедной почве вершины Столовой Горы — могли погибнуть, если блокада, введенная Мэдерлинком, исключавшая ввоз гуано, который являлся единственным отвечающим требованиям естественным удобрением, продолжится сколько-нибудь дольше.

Клайн со вздохом снова повернулся к Раабу.

— Да, я согласен с тобой, что некоторые действия необходимы как знак некоего сопротивления и что ни один другой молодой офицер не имеет такого хорошего шанса прорваться через блокаду, кроме тебя, если, конечно, ты помнишь все, чему научил тебя отец касательно блимпов и навигации. Но дело вот в чем: Штаб не хочет рисковать людьми Флота. Если ты все-таки решишься на это предприятие, можешь

набрать экипаж из восемнадцати гражданских, которые подпишутся под этим из-за все более усиливающегося голода или по каким-либо иным причинам, не оставляющим им никакой надежды. Плюс второй офицер и два триммера.

Рааб недоверчиво посмотрел на него.

— В о с е м н а д ц а т ь?

Клайн сделал жест, который показал его отношение к Штабу и, возможно, к некоторым другим решениям, которые ему пришлось поддержать.

— Это будет маленький экипаж даже для "Пустельги". Но ее газовый баллон наполнен только наполовину, так что поднять полный экипаж она не в состоянии.

Внезапно Рааб осознал, что вскочил на ноги и дрожит от гнева и досады. Он шагнул к старому, покрытому царапинами столу, напомнив себе на всякий случай, что адмирал Клайн был его другом, а не врагом.

— "Пустельга"? Учебный корабль? Почему... почему... она не способна поднять больше, чем... наперсток груза, даже если мы все-таки прорвемся! Какая чепуха...

Клайн нетерпеливо махнул рукой.

— О, конечно, конечно, но это все, чем они согласились рискнуть. В любом случае, главный вопрос не в размерах груза. Самый большой блимп, который мы могли бы послать, не сможет доставить столько гуано, чтобы изменить ситуацию. Это будет только символом. Во всяком случае, все, на что мы надеемся — символ,— он сделал паузу и мрачно взглянул на Рааба.— Теперь ты понял, почему я колеблюсь, посылать тебя или нет? Для тебя это может равняться самоубийству.

Рааб приложил все усилия, чтобы хотя бы наполовину контролировать себя. В конце концов, хотя его маленький палец еще пульсировал, он понизил голос и жестко сказал:

— Дайте мне ваше слово, сэр.

Клайн усмехнулся без тени юмора.

— Я уже дал слово твоему отцу, когда он лежал на смертном одре, что присмотрю за тобой и твоей матерью. Я думаю о ней так же, как и о тебе. Я не хочу, чтобы она, кроме всего прочего, еще лишилась единственного сына. Но я не знаю, имею ли я право в данной ситуации беспокоиться о таком вопросе, как мое слово, или о тебе и твоей матери как отдельных личностях. Это возвращает нас к нашему первоначальному спору между мной и тобой. Если мы хотим, чтобы Столовая Гора Лоури выдержала — а мы единственные, кто остался стоять между Мэдерлинком и полным господством, которое он хочет получить,— необходимо предоставить что-нибудь в поддержку морального состояния народа. Вот что ты должен сделать, Рааб: провести "Пустельгу" в страну ущельев, собрать гелий, чтобы полностью накачать ее газовый баллон, проскользнуть к морю и, добравшись до одного из островов, загрузить в нее столько гуано, сколько сможешь — возможно, даже тонну, если ты

используешь его вместо балласта,— а затем вернуться домой, не давая себя перехватить. Если откровенно, то только сумасшедший может думать, что он удачливее других может сделать это.— Клайн еще раз вздохнул.— Хорошо... если этот сумасшедший ты, я не стану останавливать тебя.

Рааб безмолвно поднялся. Гнев медленно покидал его, но вместе с ним его покинули и другие эмоции. Почему он ничего не чувствует сейчас? Он так тревожился и в то же время был так решительно настроен, пока Штаб решал судьбу этого предприятия. Рааб снова сел, безвольно опустив руки.

— Такой окольный путь. Я думаю... надеюсь, это может занять три-четыре дня, чтобы обойти блокаду, самое большее один день на каком-нибудь маленьком острове, чтобы собрать гуано, возможно, пару дней, чтобы дождаться благоприятной погоды, а затем с попутным ветром быстро вернуться назад...

Клайн снова улыбнулся своей безрадостной улыбкой.

— Вероятно, будет более выгодно, я имею в виду с политической точки зрения, если ваше путешествие займет больше времени. До выборов осталось не так долго. Если вы опоздаете или, предположим, будете взяты в плен, оппозиция выставит это как доказательство бесполезности дальнейшего сопротивления, поэтому вам лучше вернуться перед самыми выборами. Если, по мнению народа, у нас остался какой-нибудь шанс, то он в твоих руках. Такая попытка, в конечном счете, не может рассматриваться как обязательство с нашей стороны. На данном этапе положение таково, что Президент Вольфан может удержать минимальное большинство голосов. И я думаю, если ничего не случится, мы сможем обеспечить ему это.— Клайн кисло поморщился и внимательно посмотрел на Рааба своими поблекшими, но ясными серыми глазами.— Ну?

Рааб глубоко вздохнул.

— Я... я хочу попробовать сделать это, сэр.

— Тогда все нормально,— выдохнул Клайн.— Первое, что я сделаю завтра утром, пошлю кого-нибудь собрать ваш экипаж.

Он взглянул на Рааба, размышляя о чем-то, рассеянно отвернулся, затем тяжело поднялся на ноги и, обойдя вокруг стола, облокотился на руку.

— Кстати, Рааб, ты случайно не связывался с членом Совета Ольвани, или, возможно, передавал через своих друзей какие-нибудь просьбы?

Рааб на некоторое время задумался. Вопрос заинтересовал его.

— Нет, сэр. Но когда он уходил, как-то странно посмотрел на меня, хотя я никогда не говорил с ним ни на улице, ни здесь или в Столице. А почему вы спросили об этом?

Клайн подошел к двери, открыл ее и придержал, пропуская Рааба.

— Он поддержал твое предложение, что очень странно. Мы были абсолютно уверены, что он возглавляет движение капитуляции. Он высту-

пал перед народом с речью о "соглашении" с Мэдерлинком. Хотел бы я знать... Ладно, завтра у тебя будет много дел. На тот случай, если я перед твоим отъездом не смогу поговорить с тобой наедине, хочу пожелать тебе удачи, Рааб. И побереги себя!

Глава 2

Адмирал Клайн стоял в дверях приемной и смотрел вслед Раабу, удаляющемуся по гравиевой дорожке. Как Рааб похож на своего отца! Даже его нетерпеливая походка была в точности как у его отца. И, конечно, он унаследовал такой же вспыльчивый характер, который был одним из недостатков Роула Джерана, пока тот не научился контролировать себя.

Клайн закрыл дверь, вернулся в свой кабинет и с ворчанием снова опустился на стул. Уже миновала полночь и ему пора было идти домой отдыхать, но он знал, что не сможет уснуть, во всяком случае, с таким настроением. Он предпочел остаться здесь, в своем кабинете, который знал более счастливые времена.

Он рассеянно потянулся за трубкой, лежавшей на его столе, но вспомнил, что табака нет уже много дней, и раздраженно отдернул руку назад. Затем он положил руки ладонями вниз на крышку стола и посмотрел на них. Какой сухой и морщинистой стала его кожа! И когда появились на ней эти коричневые пигментные пятна? Или годы его долгой жизни оставили на ней эти отметины? Куда ушли эти годы?

— Я снова начинаю жалеть себя,— с кривой усмешкой пробормотал он. В последнее время, когда все было так плохо, он часто испытывал такие ощущения, особенно, когда был утомлен, а сейчас, после завершения всех дел, возникших в течение дня, и последующего долгого и неприятного спора со Штабом, он был очень утомлен.

Ладно, он справился со своей задачей и протащил предложение Рааба, хотя это отняло ужасно много сил. Интересно, имеет ли мальчик хоть какое-то представление о том, чего это ему стоило — ему пришлось просить поддержки у своих друзей в Штабе; требовать возвращения старых политических долгов; и даже в одном или двух случаях фактически прибегнуть к шантажу. Да поможет ему бог, если в ближайшем будущем он попытается протащить еще какой-нибудь проект через Штаб!

Но он также не чувствовал и торжества победы; рассматривая мотивы, побудившие его сделать это, он сомневался, что все сделал правильно. Определенно, он не был счастлив от того, что Рааб подвергнет себя такому риску. Сможет ли он найти какие-нибудь оправдания для себя, если Рааб погибнет в молодые годы?

Но, как он уже заметил Раабу, в его положении он не имел права позволить себе, чтобы безопасность и счастье нескольких человек ока-

зывали воздействие на его решения. Нет, даже если бы они были так дороги ему, как сестра, племянник или внук.

Он усмехнулся, вспомнив ту давнюю ночь, когда Роул встретил Лайлу. Он, Клайн, сам привел ее на бал. Его и Роула выпускной бал из Академии Флота. Она была тогда очень красива и привлекала взоры и внимание каждого молодого офицера на балу. Отблески в глазах этих молодых мужчин были не совсем джентльменскими. Возможно, в его глазах отражалось такое же распутство, как и в любых других — он помнил, что в его мозгу рождались дикие идеи, хотя он знал, что она была порядочной девушкой.

Но между ними не было любви, и когда он увидел, какое чувство вспыхнуло между ней и Роулом в то мгновение, как он их познакомил — эта невероятная вспышка заставила обоих безмолвно и неподвижно стоять и неотрывно смотреть друг на друга, словно детей, пораженных каким-то пышным великолепием,— немедленно выбросил все неприличные мысли из головы. И такие отношения сохранялись между ними троими все долгие годы. Он так и не женился, так как считал, что вряд ли был бы счастлив с кем-нибудь, кроме Лайлы. Конечно, у него были женщины и о некоторых из них он иногда вспоминал с грустной ностальгией, но у него не возникало никаких сомнений в том, что, если бы он мог заново прожить свою жизнь, не смог бы жениться и в этом случае.

Сейчас Лайла была вдова. И п о с т а р е в ш а я. Страшная магия лет и здесь внесла свои изменения!

Но хотя он отошел в сторону в ту ночь на балу, не все жеребцы сделали так же. Прежде чем ночь подошла к концу, Роул принял участие в двух кулачных боях, и оба выиграл, хотя получил небольшой синяк и несколько царапин. Даже сейчас дыхание Клайна немного участилось, когда он вспомнил пару этих кулаков. Это было чудо! Его вызвал Бен Спрейк, имеющий примерно такое же телосложение, что у Роула, но, в отличие от темноволосого Роула, он был белокурый. Эта пара, сошедшаяся в драке, была незабываемым зрелищем, и Клайн очень ясно помнил ее сейчас. Он почти слышал крики молодых людей, собравшихся в тесном кругу вокруг дерущихся, пронзительный визг девушек, глухой звук ударов; почти ощущал запах от жировых ламп и запах крови! Там было совсем немного крови.

Лайла рассвирепела тогда, но затем слегка остыла и позволила Роулу увидеть ее дом, и потом рассеялись все сомнения. Они поженились, как только Роул (и Клайн, и Бен Спрейк, и многие другие, кого Клайн мог отчетливо вспомнить сейчас) вернулся из своего первого воздушного плавания.

Бен Спрейк извлек довольно хороший урок из своего поражения, правда, впоследствии он и Роул так и не стали близкими друзьями. Бен стал квалифицированным, но немного упрямым офицером. Но сейчас его тоже уже не было: он пропал во время того гибельного сражения, в котором Роул получил свои смертельные раны. С тех пор не было

никаких подтверждений того, что он попал в плен к врагу, и вполне вероятно, что он тогда погиб.

К тому же сын Спрейка, Бен Спрейк-младший, покинул Флот, так как из него не получился хороший офицер, да и вряд ли мог получиться.

Роул, разумеется, был настоящим офицером, с самого начала он был одним из лучших и полностью заслужил тот успех, которым пользовался. Во всем, кроме его трагического конца — смертельно раненный, он продолжал командовать в безнадежно проигранном сражении, организовал отступление и этим сохранил несчастные остатки Флота. Он умер через два дня после приземления.

Клайн снова бездумно потянулся за трубкой и на этот раз коснулся ее пальцами прежде, чем вспомнил, что табак, выращенный на Лоури, уже кончился. Он что-то пробормотал себе под нос. Кажется, человек должен отказаться от своих немногих привычек!

Возможно, политическая оппозиция права. Зачем терпеть такие безнадежные лишения? Здесь могут возникнуть только худшие и худшие испытания для каждого, прежде чем окончательно истощенная Столовая Гора в конце концов капитулирует. Он оборвал свои мысли и почувствовал, что его кулаки крепко сжаты. Он никогда не проголосует за капитуляцию! Странный... ироничный человек... каким он был, который всю свою жизнь с отвращением избегал политики, теперь обнаружил себя всунувшим свою старую морщинистую шею в подобную чепуху. Это не заставило его относиться к политике сколько-нибудь лучше, к тому же он знал, что это было необходимо для почти лишившегося физической силы, но еще сплоченного Флота, который собирал вокруг себя отчаявшихся людей. Пока Президент и многие другие общественно-политические фигуры колебались, Флот непоколебимо оставался на посту. Если он, Клайн, отступит или внезапно умрет, вся коалиция может развалиться.

Большинство из гражданских, а в этом он был уверен, намеревались придерживаться выбранного курса, но их мнение могло измениться, если положение еще ухудшится.

Полгода назад...

Он сердито выругался, дав себе душевную встряску. Это было глупо и неубедительно — бормотать и жалеть себя. Сейчас у него было две причины держаться так долго, как он сможет. Первая — приближающиеся выборы, а вторая — удостовериться, что Рааб вернется домой на Столовую Гору, если только мальчик сделает это.

Если мальчик сделает это... С чувством какой-то вины, он понимал, что в глубине его памяти, кроме всего прочего, затаилась непростительная тревога за "Пустельгу". Этот жалкий, незначительный по сравнению с образцами современного флота, устаревший корабль мог быть давно списан за ненадобностью. Главным образом это была его заслуга, что "Пустельга" и ее сестра "Сова" остались в строю, хотя во всем этом чувствовались сплошные эмоции. Непростительная, но очень характерная

для него вещь. Он, Роул и многие другие выпускники Академии совершали свои первые рейсы именно на этих кораблях. В то время они были гордыми боевыми кораблями приграничья.

Теперь, когда "Сова" исчезла (внесенная в списки как "пропавшая без вести", она, несомненно, была уничтожена), "Пустельга", казалось, была вдвойне дорога ему.

Старик, угрюмо думал он, пытающийся цепляться за несколько трогательных лоскутков своей жизни.

Он застонал и ударил по столу кулаком. Как могла Столовая Гора Лоури, гордая и неприступная прежде, оказаться сейчас в такой ситуации? Ох, он знал как это началось: восемь, десять или двенадцать лет назад. Какой-то чуждый вид циничной пассивности распространился среди населения. Кто может сказать, почему это случилось? Возможно, потому, что здесь на протяжении многих лет не было трудностей и лишений, и каждый человек был свободным, процветающим и нравственно слабым. В любом случае, люди не хотели замечать дальнего прицела Мэдерлинка на расширение жизненного пространства. Люди выражали недовольство налогами — видит бог, по сравнению с всеобщим изобилием налоги были довольно низкими — и требовали ответить, почему Правительство желает сохранить Флот в полном составе. Некоторые даже говорили, что Столовая Гора Лоури сама виновата в возникновении трений с Мэдерлинком. А пропаганда Мэдерлинка разворачивалась умно и неутомимо. Но как какой-нибудь свободный гражданин, наслаждающийся правом выбора своего правительства, мог примкнуть к чуждой диктатуре, явно склоняющейся к захвату жизненно важных озер с плывунами и гуано островов, принадлежащих другим столовым горам...

В то время как гроза усиливалась, Флот сокращался. Но кто скажет, почему все произошло так ужасно несправедливо, так внезапно? Разве он, Роул и другие офицеры ошибались, когда в полном составе решили вступить в бой с врагом? Хотя блимпы Мэдерлинка, включая и боевые блимпы, все дальше вторгались в жизненно необходимые свободные зоны, еще можно было продолжать вид пассивного полусопротивления, время от времени совершая вылазки на конвоируемых грузовых блимпах, которые могли бы доставлять гуано и собирать гелий. По крайней мере, такая политика могла задержать поражение.

Но как показывало нынешнее положение, к поражению мог привести также и голод на Столовой Горе. Нет — сражение было единственной стратегией, оставляющей надежду! И планы были хорошие; они давали прекрасный шанс на победу. Флот Лоури мог извлечь выгоду из внезапного нападения и, создав временный перевес силы в определенном месте, мог ударить по главному корпусу вражеского Флота; атака сконцентрированных сил должна была разметать вражеские блимпы и уничтожить их поодиночке.

Но в чем была ошибка? Уже не в первый раз Клайн мучился, пытаясь ответить на этот вопрос. Курицы Лоури (большие раздутые блимпы, которые поднимали на высоту и запускали планеры) не смогли соединиться наверху. Почему? Что с ними произошло? С тех пор это оставалось тайной, но все-таки все обстоятельства указывали на предательство. Когда Роул повел блимпы в атаку, он обнаружил, что его ожидают силы вдвое превосходящие те, что должны были находиться там. И там были курицы, вражеские курицы, с планерами, налетевшими на них и опустошающими все вокруг, так что Роул смог спасти только жалкие остатки Флота. Как бы я хотел быть там, устало подумал Клайн. Я скорее умру, чем разберусь во всем этом.

Он сердито отогнал от себя эти мысли.

— Что есть, то есть,— пробормотал он, поднимаясь со стула.

Постояв некоторое время на онемевших ногах, он начал тушить лампы. Единственная вещь, которую он отметал прочь безо всяких оговорок, было обвинение в измене, воздвигнутое против мертвого Роула. Он допускал, что кто-нибудь, кто не знал хорошо Роула, мог найти значительные основания для этого. Кто-то ложно рапортовал, подтверждая прием их приказов курицами, и этот кто-то занимал довольно высокий пост в командовании Флота. И еще были показания уцелевших, которые утверждали, что гарпуны врага, казалось, сторонились флагманского корабля Роула и только рассеянная атака планеров нанесла ему ранение. И вполне естественно, после такого поражения должен был найтись козел отпущения.

Клайн сердито нахмурил брови. Этому должно было быть какое-то объяснение, и, если проживет достаточно долго, он найдет его. Кто-то другой, но только не Роул, был предателем...

Он потушил последнюю лампу в своем кабинете, прошел в приемную и погасил лампу там, затем закрыл и запер двустворчатую дверь, и только после этого медленно, с трудом передвигая ноги, пошел по дорожке. Гравий скрипел под его ботинками. Он надеялся, что в конце концов получит пару часов крепкого сна. Завтра надо будет многое сделать и встретить множество политических препон; много льстить, требовать, заставлять и убеждать по разным вопросам; и он хотел быть в лучшей форме, которая, вяло думал, вряд ли когда-нибудь будет лучшей.

Глава 3

Рааб позавтракал в Офицерской столовой на Северной Стоянке, затем, перед тем как выйти на поле и принять командование над "Пустельгой", поднялся по двум маршам лестницы и вышел на плоскую крышу, чтобы определить погоду на ближайшее время. Он внимательно

осмотрел небо, отыскивая точки вражеских блимпов, которые время от времени нагло пролетали на высоте над Столовой Горой. В последнее время, когда погода была благоприятна и ветры попутны, случалось несколько подобных примеров. Нет, они не отваживались спускаться достаточно низко и не представляли никакой физической угрозы, но сегодня он должен принять "Пустельгу" с ее разношерстным экипажем, чтобы повести корабль в первое плавание над Столовой Горой, и поэтому он не хотел, чтобы глаза врагов шпионили за ними.

Большое солнце Дюрента висело над восточным горизонтом Столовой Горы. В этом направлении, точно так же, как в северном и западном, небо было чистым и темно-голубым. Далеко на юге над горизонтом неясно вырисовывалось образование облаков, ослепительно белых в лучах утреннего солнца. Эти облака отмечали обращенный к морю край Столовой Горы Лоури. Когда какой-нибудь ветерок дул с моря, а это было почти все время, там постоянно собирались облака. Это и не удивительно. Влажный ветер вдоль крутого утеса резко поднимался вверх на высоту полных четырех миль, и вполне естественно, что на более прохладных высотах формировались облака. Иногда, перевалив через отвесный край столовой горы, они покрывали часть ее территории, а в сырые сезоны — всю, но чаще влага выпадала в виде дождя или тумана в пределах десяти миль от края. Только когда солнце действительно прогревало вершину столовой горы, туман отступал, но даже тогда он задерживался в узкой зоне, тянувшейся вдоль южного края.

Сегодня утром туман покрывает большую территорию на юге, решил он, не собираясь вести "Пустельгу" так далеко.

Столовая Гора Лоури была третьей по величине столовой горой (она уступала только Мэдерлинку и Оркету) в изученной зоне планеты Дюрент, но довольно большой и имела полный спектр климатических условий. Представьте себе громадный продолговатый кекс с довольно ровной, имеющей только несколько холмов, вершиной и с отвесными сторонами. Она была ста двадцати с лишним миль длиной, тянувшейся главным образом параллельно морскому побережью, и чуть более пятидесяти миль шириной в самом широком месте. Почти три из четырех миль ее высоты составляли отвесные скалы. Ниже по всему периметру ее окаймляли склоны крутого утеса. Понижаясь, они все больше и больше выравнивались и в конце концов расплескивались песчаным передником, тянувшимся на многие мили во всех направлениях, исключая побережье, где ландшафт был изрезан на лоскуты низкими утесами и пляжами береговой линии. Множество маленьких речек стекали с этого склона, разбегаясь от того места, куда величественно и с оглушающим ревом падал с северного края вершины столовой горы водопад. Здесь, на Северной Стоянке и на мили вокруг, приглушенный грохот пробивался через край столовой горы и всегда слышался на полтона ниже всех других звуков.

Самая большая Внутренняя река, протекающая по девяностомильной зоне столовой горы, и многие другие реки завершали свой путь в этом длинном водопаде. Когда Рааб был ребенком, ему казалось странным, что река текла к северу, удаляясь от моря. Но в конечном итоге упавшая со скалы вода извилисто огибала столовую гору и присоединялась к более величественной реке, вытекающей из страны ущелий, и вместе с ней неслась к морю. Он представлял себе тогда, что вода, выпадающая в виде дождя, пыталась вырваться от моря. Он думал, что это было мучительной и жестокой несправедливостью, когда такие героические усилия воды, в конечном итоге, проваливались. Он помнил, что был очень сердит на море.

Он подошел к западному краю крыши офицерской столовой и задумчиво посмотрел в направлении Внутренней реки, где она лениво несла свои воды к водопаду. В этот сезон воды было мало, но здесь всегда было течение, хотя иногда почти незаметное, и это было одной из причин, почему база Флота была построена в этом месте.

За рекой был город, где персонал Флота, который не хотел жить на базе, нашел себе квартиры. Кроме того, здесь был фермерский центр, хотя в последнее время сельское хозяйство пришло в упадок. Он мог видеть немногих людей, бредущих в тупой безнадежности по улицам города, и это раздражало его. Конечно, его гнев был направлен главным образом на Мэдерлинк. Или должен был быть, сказал он себе. Вся эта столовая гора с полуторамиллионным населением, что составляло одну шестую часть всего населения Дюрента, страдала и разваливалась только потому, что олигархия, правившая Столовой Горой Мэдерлинк, хотела стать крутыми парнями, стоящими выше всех! Это было единственное объяснение, которое он мог видеть. Здесь были люди, которые не хотели замечать ни этого, ни социальных пороков, существующих на Столовой Горе Лоури и других столовых горах, включая и Мэдерлинк, словно не было никаких социальных пороков и ничего более худшего! И еще были некоторые гражданские, говорившие, что Столовая Гора Лоури сама "спровоцировала" данную ситуацию, и Рааб рассматривал этих людей как презренных лицемеров.

Его отец предположил однажды, что демократия на Лоури и Оркете заставляет олигархию Мэдерлинка сильно нервничать. Возможно, так оно и было. Два года назад они ухитрились свергнуть законно выбранное правительство на Оркете.

Он отбросил эти размышления и повернулся к противоположному краю крыши.

Стоянка простиралась в восточном направлении на три четверти мили. В сотне ярдов от него располагалось одноэтажное здание Штаба Флота, где он прошлой ночью разговаривал с адмиралом Клайном. Его беспокоило, что во время встречи адмирал выглядел таким постаревшим

и утомленным. Несомненно, он испытывал значительное напряжение в эти дни.

Позади Штаба Флота стояло меньшее здание штаба командования Североградa. Между офицерской столовой, где он стоял, и зданиями штабов находились бараки, ряд за рядом. Большинство из них сейчас пустовали, но наверху находились установленные на шарнире метатели гарпунов. Поставленные для защиты базы, они были способны держать вражеские блимпы на расстоянии и даже отбить внезапную атаку планеров. Конечно, на Дюренте не было сколько-нибудь действенных взрывчатых веществ, которые описывались в старых книгах о Земле, поэтому для того, чтобы более или менее эффективно сбросить зажигательный снаряд, враг должен был приблизиться к цели на расстояние выстрела установленных на крыше метателей гарпунов.

Интересно, лениво подумал он, может ли какой-нибудь другой колониальный корабль с Земли обнаружить Дюрент? Едва ли. Космос огромен, и после первых нескольких лет космического путешествия его предки перестали отмечать свой блуждающий курс и сообщаться с Землей.

С южной стороны бараков вдоль длинной гравиевой дорожки были пришвартованы уцелевшие блимпы.

Глядя против солнца, он смог различить на дальнем конце пришвартованных блимпов "Кондор". Это был флагманский корабль его отца. Он был гордым и грозным блимпом, но сейчас его газовый баллон был сморщен, словно шкура оголодавшего животного, и смят так, что ребра внутренних газовых камер выступали наружу; восемь поворотных шарниров по бортам его корзины были пусты; метатели гарпунов были сняты и подняты на крыши для защиты базы. Рааб снова вспыхнул от гнева.

Рядом с "Кондором" стоял "Павлин", старейший корабль, темно-серая прорезиненная ткань которого была закрашена местами облупившейся от времени и штормов краской, поверх которой один из его прежних экипажей намалевал его имя. По крайней мере, его газовый баллон был наполнен; он использовался для доставки личного состава Флота в разные точки столовой горы — пока такие рейсы еще совершались.

В этой линии находились и другие корабли более или менее способные летать, но заплаты, поставленные на их газовых баллонах, заставляли педантичного офицера морщиться: ни один из них не имел достаточно гелия, чтобы взмыть вверх более чем на, скажем, две тысячи фунтов над столовой горой. Определенно, этого было мало для того, чтобы принять бой с хорошо накаченными газом вражескими блимпами, или для того, чтобы поднять планеры на достаточную высоту. И кроме всего прочего, в этой линии было гораздо больше свободных швартовочных мест, чем занятых.

В конце концов, словно это было неприятным долгом, он перевел взгляд на "Пустельгу". Она была крошечной. Ее газовый баллон был всего двести тридцать футов в длину и шестьдесят футов в диаметре, когда он был накачан газом полностью, но сейчас этого не было. В сравнении с большими боевыми блимпами, ее корзина выглядела хрупкой и незащищенной. В корзине находился только один метатель гарпунов, поставленный для защиты от огромных летающих хищников, которых она могла встретить на низких высотах. Эти плотоядные бестии могли плавать, летать и передвигаться по суше, за что их прозвали вездесущими. Кроме метателя гарпунов, в подставках стояли обычные ручные луки. По крайней мере, они заменили старые простые весла на новые, лопасти которых напоминали ставни, автоматически открывающиеся и закрывающиеся в воздухе, так что гребцам теперь не требовалось выставлять свои запястья за пределы корзины с каждым взмахом весла. Ох, когда-то она и сестра "Сова", теперь погибшая, были боевыми блимпами. Но это было много лет назад, а в последнее время она выполняла обязанности учебного судна.

Пока он рассматривал ее, два человека в серых боевых комбинезонах Флота вышли из ближайшего служебного ангара и направились к "Пустельге". Это были передний и кормовой триммеры, Эммет Олини и Солс Хэмпел.

Позади них брели гражданские гребцы, записавшиеся в экипаж. Рааб задержал на них свой заинтересованный взгляд. Все они выглядели как оборванцы, и только двое из них были действительно сильными людьми. Большинство были истощены, а один, тощий неуклюжий коротышка лет сорока, выглядел так, что Рааб даже засомневался, сможет ли он работать веслом наравне со всеми.

Во всяком случае, тот, кто набирал этот экипаж, заставил их надеть серую и темную одежду, которая не выделялась бы ночью или во мраке глубоких ущельев.

И в заключение младший Алтерн, второй офицер в команде Рааба, вышел из ангара, неся книгу в кожаном переплете — это был вахтенный журнал. Рааб с беспокойством посмотрел на него. Конечно, он давно знал Бена Спрейка-младшего, так как оба они были сыновьями офицеров Флота и, судя по тому, как Бен учился, тренировался и вел себя в жизни, Рааб со всей определенностью не должен был брать его для этой миссии. Он был белокурый, невысокий, слегка полноватый, но совсем не сильный. Большинство офицеров не признавали его; именно поэтому он имел звание только "Младший Алтерн", хотя был на два года старше Рааба. В последнее время, когда они встречались, он не был настроен дружелюбно. Несомненно, он негодовал из-за быстрого продвижения Рааба.

Рааб надеялся, что в этом рейсе он не будет таким угрюмым. Хотел бы он знать, почему назначение к нему получил худший офицер. Возможно, мрачно подумал он, они решили, что Бен больше не вернется.

Еще раз взглянув на пустое небо, он большими шагами направился к лестнице.

— Отдать швартовы!

Два триммера, Олини впереди около Рааба и Хэмпел на корме, сворачивали в бухты освободившиеся буксировочные концы. Стояночная линия скользнула вниз, и "Пустельга" мягко поднялась в воздух. Ее нос поднимался немного быстрее, чем корма, но не потому, что она была плохо сбалансирована, а из-за того, что Хэмпел, освобождая узлы на корме, немного замешкался.

Рааб поморщился от досады. Хэмпел был опытным триммером и мог бы действовать лучше. Рааб взглянул на угрюмое лицо кормового триммера, резко вздохнул и чуть было не сделал выговор замешкавшемуся человеку, но остановил себя. Он не хотел, чтобы у экипажа из незнакомых гражданских лиц сложилось впечатление о капитане как о придирчивом солдафоне. Вместо этого он приказал немного более резко, чем было необходимо:

— Сбалансировать корму!

Это, в данном случае, значило, что требуется немного ослабить канаты, стягивающие газовый баллон на корме. Чтобы сделать это, Хэмпел взялся за штурвал, расположенный на уровне его головы, освободил тормозной храповик и немного повернул штурвал. Это позволило деревянной оси, выступающей за корму примерно на тридцать футов, тоже немного повернуться. Стягивающие канаты с завязанными через равные промежутки узлами были навиты на эту ось. Даже такое минимальное ослабление сжатия кормовой секции газового баллона увеличило плавучесть кормы настолько, что она начала догонять нос. Рааб внимательно следил за Хэмпелом. На мгновение он подумал, что триммер упустит момент и блимп накренится на нос, но Хэмпел, покрасневший под испытующим взглядом Рааба, в нужное время усилил сжатие, и "Пустельга" теперь парила в воздухе с выровненным килем.

Рааб взглянул на Олини. Передний триммер выглядел так, словно происходящее слегка забавляло его. Рааб очень хорошо знал Олини и был уверен, что с этого края корзины неприятностей не будет.

Он снова посмотрел на корму, туда, где стоял Бен Спрейк. Теперь, когда они были наверху, можно было перейти к обычной процедуре и управлять блимпом через него.

— Бен, разверни нас и возьми направление точно на юг, ты понял?

Бен, выглядевший слегка рассерженным, вместо того, чтобы выкрикнуть подтверждение получения приказа, пробормотал что-то себе под нос, но занялся его исполнением.

— Гребцам правого борта держать удар! Гребцам левого борта полудара на ритм,— он начал отсчитывать ритм.— Обратно... стоп... тяни! Обратно... стоп... тяни!— его голос слегка дрожал, словно он сомневался в своих действиях.

Рааб вздохнул и отвернулся.

"Пустельга" продвигалась вперед и медленно поворачивалась. Сейчас она была в четырехстах футах над землей и все еще продолжала медленно подниматься. Нет, это еще был не предел для ее слабо накачанного газового баллона. Рааб оглянулся назад и посмотрел вниз, на базу. Дюжина людей в форме Флота, которые составляли боевые расчеты метателей гарпунов, установленных на крышах бараков, неподвижно стояла и смотрела вслед поднимающемуся блимпу. На таком расстоянии Рааб не мог различить выражения на их лицах, но то, как они молча наблюдали за их отправлением, было весьма красноречиво. Хотя в этот день новый экипаж должен был совершить только пробное путешествие над столовой горой, они рассматривали "Пустельгу" как блимп, который ожидает плохая судьба.

Он посмотрел в направлении Штаба и сначала не заметил адмирала Клайна, и его диафрагма сжалась от досады. Затем он увидел приземистую беловолосую фигуру, стоявшую в дверях и смотревшую вверх. Он не махал им вслед рукой (приличия Флота запрещали проявление личных чувств), но было достаточно того, что адмирал подошел к двери и наблюдал за его отплытием. Он не стал бы делать этого ни для кого другого.

Рааб вернулся мыслями к "Пустельге", наклонился вперед и обеими руками оперся о перила. Голос Бена монотонно отсчитывал ритм. Гребцы с обоих бортов сейчас работали в полную силу, и блимп, двигающийся на юг в слабом попутном ветре, развил скорость, как заключил Рааб, до трех узлов.

— Бен, проведи нас за реку. Мы пойдем вдоль того берега.

Не очень сердечно Бен ответил:

— Да, сэр,— и приказал: — Веслам правого борта — пол-удара!

Стоянка, оставшаяся позади, исчезла из поля зрения. Под ними вдоль песчаной поймы тянулась узкая коричневая лента осенней реки. По обоим берегам расположились фермы: в этой относительно сухой зоне столовой горы в основном выращивали урожай местного зерна, которое люди называли "фарэ", но все-таки здесь были также и сорта земной пшеницы. Овощеводческие фермы и фруктовые сады обосновались ближе к краю, тянувшемуся вдоль побережья моря, в то время как овцеводческие ранчо (коровы не смогли пережить период ранней колонизации) располагались на западном конце, где Лоури отступала от моря и где климат был теплее и суше.

Снизу, едва слышно, донесся собачий лай. Рааб перегнулся через перила и посмотрел вниз. Сначала он не видел животного, но потом разглядел темношерстного эрдельтерьера, мчавшегося стрелой среди пыльно-зеленой поросли, укоренившейся в песчаной пойме. Пока он наблюдал за собакой, что-то поднялось из кустов в воздух и, совершая волнообразные движения, быстро двинулось в сторону реки. Это был сущ — "вездесущий" — местная форма жизни с телом, напоминающим очень

толстую змею или угря. У него было шесть мясистых треугольных крыльев, выстроившихся вдоль тела тремя парами, и четыре коротких ноги, наподобие птичьих. Этот экземпляр был приблизительно пяти футов длиной, а размах его передних крыльев достигал почти длины его тела. Эрдельтерьер, заморенная голодом собака, преследовала его до тех пор, пока сущ не нырнул в воду, плюхнулся за ним следом, с минуту тщетно и неистово разбрызгивал воду, а затем вброд пошел к берегу. Отряхнувшись, он удрученно постоял некоторое время и пошел к роще флейтовых вязов, которые росли в пойме. Это была довольно глупая собака, решил Рааб. Вместо того, чтобы лаять на сущa и загонять его в воду, надо было наброситься сразу. Вездесущие имели зубы, но для истощенной собаки такая еда могла с лихвой оплатить несколько небольших царапин.

Он взглянул в направлении вверх по реке. Здесь и там он мог видеть ловивших рыбу людей. На этом участке реки, вероятно, еще остались некоторые виды земных рыб. Столетия назад колониальный корабль, остававшийся на орбите около Дюрента в течение нескольких лет, снабдил Лоури, так же как и другие столовые горы, рыбой из корабельных аквариумов, но довольно смышленые вездесущие быстро научились добывать эту рыбу.

Однако, если правильно действовать, сущи тоже могли попасть на крючок и составить хорошую пищу, тем более, что еды сейчас катастрофически не хватало.

Волшебные звуки, доносившиеся из рощи флейтовых вязов, постепенно затихали позади. Он посмотрел вокруг, окидывая взглядом небо, насколько это позволял газовый баллон, нависающий сверху и, конечно же, скрывающий все, что творилось над головой, а затем двинулся на корму корзины, чтобы получше ознакомиться с экипажем.

Корзина "Пустельги" — хрупкая конструкция из похожего на бамбук дерева, добываемого (с определенным риском) в стране джунглей, расположенной немного выше уровня моря — была девяти футов шириной и около сорока — длиной. Сидения для гребцов по обоим бортам, включая дополнительные два фута со стороны перил для того, чтобы тяжелые весла имели достаточный рычаг для работы, оставляли между рядами в середине корзины узкий проход, едва достигавший двух футов. С одной стороны этого прохода от носа к корме тянулись перила для того, чтобы во время сильной качки стоявший в проходе человек мог держаться за них. Сейчас корзина раскачивалась слабо, отклоняясь от центра не более пяти футов в каждую сторону, поэтому Рааб держался свободно.

Он остановился за спиной худого, загорелого, темноволосого молодого человека, который с легкостью тянул свое весло.

— Рад видеть вас на борту. Вы Вайнер, правильно?

Человек задумчиво и довольно добродушно повернул свое лицо к Рааб у.

— Правильно, капитан. Вилли Вайнер. Перед тем как блокада стянулась вокруг нас два года назад, я нанимался на грузовые блимпы.

— Очень хорошо,— сказал Рааб.— Насколько я могу видеть, у вас крепкие руки и запястья.

Вайнер смущенно посмотрел на него и усмехнулся.

Рааб двинулся дальше и остановился за спиной самого сильного человека в экипаже. По его мнению, этому сильному человеку было около тридцати пяти, его тяжелое лицо с маленькими, глубоко посаженными серыми глазами могло быть мясистым, если бы его владелец питался лучше. Он посмотрел на Рааба ничего не выражающим взглядом.

— Я Джон Кадебек, капитан.

— О!— Рааб чувствовал себя несколько неудобно под этим прямым взглядом.— Вы представитель экипажа. Гражданского, я имею в виду.

Рот Кадебека слегка изогнулся, что могло означать улыбку.

— Да, капитан, гражданского.

Рааб почувствовал на лице тепло от прихлынувшей крови, кивнул и двинулся дальше.

Коротышка, которого он заприметил раньше, испытывал некоторые затруднения, толкая свое весло, хотя "Пустельга" шла с небольшой скоростью. У него была седоватая короткая и клочковатая бородка, покрасневший от солнца и почти лысый череп, напоминающие кувшин уши, сломанные зубы и выцветшие голубые глаза, которые с изумлением смотрели на окружающее. От усилий, прилагаемых к каждому взмаху веслом, он высунул кончик языка из уголка рта и тихо покрякивал. Когда Рааб остановился за его спиной, он с беспокойством оглянулся, а его весло чуть не столкнулось с тем, что было впереди.

— Привет, капитан,— нервно сказал он.— Меня зовут Поки Рэйджер. Я понимаю, что не самый сильный человек на Дюренте, но в подобном путешествии имею одно преимущество над остальными — я много не ем!

Послышался смех. Рааб, ограничившийся только улыбкой, крикнул Бену Спрейку:

— Остановись на минутку, понял?

Бен недовольно и с сомнением посмотрел на него и приказал:

— Все весла — стоп!

Быстро, пока небольшой бриз не отклонил блимп от курса, Рааб перегнулся через коротышку Рэйджера, поднял весло, освобождая паз из опорной щели, продернул его на шесть дюймов внутрь корзины и вставил следующий позиционный паз в опорную щель.

— Удлиненный рычаг немного облегчит тебе работу. Все нормально, Бен.

Спрейк снова начал отсчитывать ритм. Рэйджер посмотрел на Рааба глазами заблудившегося щенка.

— Благодарю, капитан!

Они двигались вверх по течению реки до тех пор, пока она не превратилась в большой ручей. Солнце клонилось к зениту. Гребцы, которых Рааб мог хорошо видеть, были в разной степени утомлены. И он не нашел ни одного, кого мог бы отбраковать сразу — даже Поки Рэйджер держал удар, хотя он не ожидал этого — но им было очень далеко до способностей экипажа регулярного Флота.

— До столицы осталось совсем немного, всего час полета,— сказал он им,— затем мы повернем, и попутный ветер будет нам помогать. Бен, проведи нас к Горе Купола, ты понял? Там наши планеры, и я хочу убедиться, что полеты продолжаются.

— Весла правого борта — пол-удара,— приказал Бен.

"Пустельга" начала поворачивать вправо. Изменять направление горизонтального плавания она могла, только изменяя силу взмаха весел по бортам, так как не имела поворотной лопасти, зафиксированной на корме, которыми оснащались новейшие блимпы. Сейчас, когда ветер дул перпендикулярно ее курсу, она немного отклонила нос к наветренной стороне, чтобы противодействовать этому ветру. Гора Купола, высочайшая точка Столовой Горы Лоури, неясно вырисовывалась чуть левее ее носа.

В данный момент Рааб мог видеть только два планера, круживших на такой же высоте около горы, но он знал, что еще, по крайней мере, два планера летают выше, скрытые газовым баллоном "Пустельги". Конечно, они находились наверху в роли наблюдателей. Поднимаясь в восходящих потоках на высоту восьми — девяти тысяч футов над уровнем столовой горы, они, при благоприятной погоде, могли заметить вражеские блимпы на значительном расстоянии; например, над скоплением облаков, тянувшимся вдоль Южного Края. Но сейчас Рааба интересовало другое: какие блимпы поднимали их на стартовую высоту? Если местная База Командования перекачала гелий из нескольких блимпов в одну курицу, то в критическом положении эти разграбленные блимпы окажутся бесполезными.

Когда "Пустельга" приблизилась к горе, он увидел огромный сферический баллон, пришвартованный на склоне горы примерно на тысячу футов ниже ее вершины.

— Ого!— удивленно воскликнул он.

Джон Кадсбек, сидевший лицом к корме, как и полагалось гребцам на веслах, оглянулся через плечо.

— Что-нибудь не так, капитан?— спросил он с заинтерссованностью в голосе.

Рааб восхищенно улыбнулся.

— Нет. Просто я увидел, что здешняя база для подъема планеров использует баллон с нагретым воздухом! Должно быть, они сами смастерили его. Это старая идея, но мы, насколько я помню, ее никогда раньше не использовали. Вы увидите все это, когда мы продвинемся немного вперед.

Баллон, наполняемый горячим воздухом, был, вероятно, ста пятидесяти футов в диаметре; огромная сфера из прорезиненной ткани, которая должна быть гораздо тоньше той, что использовалась на блимпах, была вся оплетена веревочной сетью. Горячий воздух в баллон поступал через широкую трубу десятифутовой толщины, основание которой упиралось в грубо сделанную печь, выстроенную из необработанных, скрепленных глиной камней. Внизу, около ее основания, располагалась топка. Рааб мог видеть дым и колебания поднимающегося вверх горячего воздуха, а иногда вырывающиеся из трубы языки пламени. Когда они подошли ближе, он даже услышал потрескивание огня. Туго натянутый баллон возвышался над этой конструкцией и рвался в высоту, но удерживался веревками, в которые вцепились две дюжины, а может и больше, человек. Пока он наблюдал, эта команда, словно в плохо отрепетированном балете, шатаясь из стороны в сторону, оттащила огромный баллон от огня. Затем они начали сходиться в одну плотную группу (было забавно наблюдать, как они, почти поднятые баллоном в воздух, танцуют неистово на кончиках пальцев ног). Когда их веревки были собраны вместе, два или три человека отбежали и начали растягивать связанные вместе веревки в ровную линию. Эта прочерченная на земле линия тянулась к грациозному тонкокрылому планеру, пилот которого поднял одну руку в знак одобрения. Словно игрушка на нитке, планер начал подергиваться и раскачиваться, когда освобожденный баллон устремился вверх. Но от первого планера тянулся вниз еще один отрезок веревки; когда слабина этой веревки вытравилась, под первым планером повис второй. Разумеется, это была обычная практика: курицы обычно поднимали по шесть—восемь планеров, подвешенных парами один под другим.

Этот баллон с горячим воздухом поднимал только пару. Он поднимался около двадцати минут, может, немного больше, замедляя подъем по мере того, как остывал воздух. Теперь баллон слегка сморщился, и наконец подъем прекратился. Пилот нижнего планера освободил буксировочный конец, и его планер нырнул в пикирующем полете, набрал полетную скорость и плавно перешел в горизонтальное планирование. В это время баллон, сбросивший половину груза, поднялся немного выше. Газовый мешок "Пустельги" закрыл то, что происходило дальше, и Рааб больше ничего не видел.

Но то, что хотел, он уже увидел.

— Разверни нас, Бен, и держи направление по ветру.

"Пустельга" медленно развернулась, и, когда они встали на курс и двинулись в выбранном направлении, медленно опускающийся остывший баллон снова появился в поле зрения. В конце концов шар, опустившись примерно на тысячу футов, сложился и потерял свою форму. Рааб видел, как он быстро опускается на наветренный склон горы, где его, несомненно, ждали люди, чтобы расправить, перетащить, а возможно, перевезти на тележках к печи и снова наполнить горячим воздухом.

По его оценке, планеры находились примерно на милю ниже вершины горы. Теперь, когда "Пустельга" отошла на довольно приличное расстояние, Рааб мог видеть оба планера и то, как они совершали серии S-образных поворотов, отыскивая теплые восходящие потоки воздуха. Эти потоки могли исходить от темных проплешин открытого грунта, что было хорошо известно пилотам. Но восходящие потоки были непредсказуемы: если пилот не сможет быстро найти какой-нибудь из них, он имеет возможность вернуться к горе, зайти с наветренной стороны и подняться вверх по склону с дующим ветром, хотя такой умеренный бриз, какой был сегодня, не позволит набрать хорошую высоту.

Когда "Пустельга" удалилась от горы примерно на четыре мили к югу, им навстречу попался низко летящий планер, очевидно, направляющийся на базу для отдыха и ленча после того, как провел патрульный полет и потерял высоту. Они старались облететь как можно большую территорию и обычно возвращались на предельно низкой высоте. Заметив их, он сменил курс на всех парусах и понесся к блимпу. Не долетев до него, планер резко накренился в крутом повороте и некоторое время летел параллельным курсом, не заботясь о том, что может потерять немного высоты. По сравнению с тяжелыми боевыми планерами, эта облегченная разведывательная модель без метателя гарпунов могла составить пропорцию потери высоты как один к пятнадцати. Рааб увидел глаза пилота, который с любопытством рассматривал слабо накаченный газовый баллон и разношерстный экипаж в гражданской одежде. Он посмотрел на Рааба и начал в приветствии поднимать руку, но вдруг сдержал этот жест. Рааб увидел, как приветливость на его лице сменилась враждебностью. Естественно, являясь сыном Роула Джерана, он был известен в самых широких кругах Флота, и, очевидно, этот пилот относился к немногим людям, веривших в обвинения, выдвинутые против мертвого адмирала.

Разворачиваясь, планер снова резко накренился и поспешил к подветренной стороне горы.

Рааб вспыхнул от гнева. Хотя он сохранял контроль над своим лицом, его маленький палец пульсировал.

Очень медленно гнев начал затихать.

Он смотрел на проплывающий внизу ландшафт. Река с восточной стороны была еще видна, но все мелкие детали уже стерлись.

— Бен, ты хорошо знаешь этот район, чтобы доставить нас к столице?

— Думаю, я смогу найти столицу... сэр!

Рааб удержался от резкого ответа и сказал:

— Прекрасно, но вы, по-моему, держите курс на пять градусов восточнее.

Бен проигнорировал это замечание и продолжал отсчитывать ритм.

— Весла назад... стоп... тяни!— но после нескольких веселых взмахов приказал: — Весла правого борта — ослабить удар на три четверти.

Столица Столовой Горы Лоури лежала в ущелье между двух ручьев, впадающих в Озеро Индиго (такое название оно получило из-за цвета воды, отражающей чистое небо), из которого брала начало река Пограничная. Озеро было узким, но длинным, и его длина составляла семь миль. "Пустельга" медленно двигалась вдоль его восточного берега. На озере находилось несколько лодок, люди в которых занимались важным делом — рыбной ловлей, то есть добыванием пищи. Казалось, никто теперь не имел ни времени, ни настроения для обычных человеческих развлечений.

Рааб бросил взгляд на Правительственный Центр. Главное трехэтажное здание было самой большой постройкой на столовой горе и самой претенциозной по архитектуре. В этом году его не перекрашивали. Почва вокруг него из-за недостатка удобрений истощилась, и лужайки с настоящей земной травой погибли; кустарник, исключая некоторые местные виды, адаптировавшиеся к бедной почве столовой горы, выглядел не лучше. На ровной крыше здания были установлены метатели гарпунов, и Рааб с мрачной угрюмостью подумал, что здесь от них мало пользы, ибо они пригодны разве что для поддержания морального состояния людей. Мэдерлинк пока не планировал вторжение. Было вполне достаточно и блокады.

Внезапно Рааб понял, что не хочет пролетать над городом, не хочет видеть почти пустые улицы, обветшавшие дома и увядшие газоны, а также истощенных собак, которые могли скитаться внизу (если — до него доходили такие слухи — их всех не съели).

— Поверни на правый борт,— резко приказал он Бену.

Бен с удивлением посмотрел на него, но подчинился. "Пустельга" повернулась носом на девяносто градусов вправо и поплыла над озером. Большинство людей, насколько им позволяла их нелегкая работа на веслах, пристально разглядывали Столицу. Рааб отвернулся.

Достигнув противоположного берега, он резким жестом указал направление движения вниз по течению. Бен, слегка покраснев, снова повернул направо, так что теперь они двигались точно на север. Рааб почувствовал себя несколько пристыженным. Это было мальчишеством, недостойным офицера Флота — так явно проявлять свои собственные настроения. Он решил сказать экипажу что-нибудь бодрое, чтобы немного встряхнуть их, и начал подбирать слова. Но прежде чем он нашел их, его взгляд остановился на расположенном внизу старом двухэтажном доме, прилегающая территория которого с одной стороны граничила с озером. И передний триммер, Эммет Олини, который мог проговорить от силы дюжину слов, включая подтверждения полученных приказов, мягко спросил его:

— Капитан, это ваша ферма внизу?

Пораженный Рааб быстро взглянул на Олини.

— Я... да, думаю так оно теперь и есть.

Он оглянулся на фермерский дом, в котором появился на свет. До сих пор ему даже не приходило на ум, что теперь, как единственный наследник своего отца, он унаследовал эту ферму. Никто до сих пор даже не напомнил ему об этом.

В этом сезоне зерно никто не сеял, но из просыпанных ранее зерен вырос очень редкий урожай. В нормальные годы едва ли кто стал бы его собирать, но в теперешней обстановке это следовало бы сделать. В проплывающих внизу очертаниях фруктового сада еще можно было заметить немногие созревающие плоды, но на клочке земли, отведенном под огород, не было видно ничего, кроме местных сорняков. Дядя Рааба хотел приглядывать за фермой, хотя без необходимых удобрений едва ли можно было вырастить хороший урожай. Мать Рааба осталась в Востокограде, городе по соседству с Восточной Стоянкой Флота и, конечно, тоже не стремилась на ферму. И Рааб с удивлением понял, что она, испытывая такие же чувства, как и он, просто спряталась от затруднений, которые могли возникнуть в общении с соседями, наполовину поверившими в ложь о ее погибшем муже.

Внезапно перед глазами Рааба мелькнуло что-то малиновое. Мгновение он пристально всматривался в это пятно и задохнулся от гнева. Кто-то нарисовал большую красную букву "М", несомненно означающую Модерлинк, на дверях дома. В этот момент он ничего не хотел, кроме того, чтобы уничтожить все, что могло попасть ему под руку. Его большие и сильные руки до боли сжали перила. С большим усилием он заставил себя расслабиться; сейчас он едва ухитрялся контролировать выражение лица. Он не знал, заметил ли кто-нибудь еще из находящихся на борту этот малиновый знак. Отвернувшись, он выпрямился, глубоко вздохнул и заставил себя полностью расслабиться, после чего повернулся назад и снова положил руки на перила. Но он не мог остановить ни их дрожь, ни пульсацию, пульсацию в виске.

Внезапно он вновь обрел способность говорить ровным голосом.

— Ну что, ребята, вы уладили все свои дела?

К нему полуобернулись головы, и мгновение спустя Джон Кадебек тихо ответил:

— За последнее время у нас было не много дел, капитан.

— Хорошо,— коротко произнес Рааб.— В таком случае, мы уходим на две ночи раньше.

Воцарилась тишина, затем послышалось неясное ворчание, к которому присоединился Бен Спрейк. Наконец Джон Кадебек сказал:

— Следовательно, до завтра мы не отдохнем и не получим приличной еды? Ну ладно, если говорить от своего имени, то я не возражаю. Не знаю, много ли хорошего принесет нам это путешествие, но, во всяком случае, чем быстрее оно начнется, тем быстрее я получу об этом представление. На моих руках восьмилетняя племянница, и я уже стал смотреть, как она худеет с каждым днем.

Глава 4

Меньшая и более удаленная луна Дюрента давала очень слабый свет, но все же он был более ярким, чем Рааб предпочел бы сейчас. Напрягая глаза, он всматривался вперед, пытаясь разглядеть малейший намек на движение или более темное пятно в темноте, что могло оказаться вражеским патрульным блимпом. Несколько разбросанных по Северной Стоянке ламп оказались за кормой "Пустельги" и теперь представляли некоторый риск, поскольку на фоне этих ламп мог быть виден ее силуэт. Но этот риск необходим, потому что необычная светомаскировка неизбежно привлечет внимание вражеского патруля, не говоря уже о шпионах, которых Мэдерлинк несомненно имел на столовой горе.

Хотя весла в щелях были тщательно обернуты пропитанными жиром тряпками, Рааб сейчас не беспокоился о производимом ими шуме. Мощный гул Внутренней реки, сорвавшейся с утеса и превратившийся в длинный водопад, полностью заглушал все обычные звуки. Теперь, когда "Пустельга" перевалила через край, гул стал больше, чем шум; это был гром, который сотрясал воздух, который так же ударял по коже человека, как и по его барабанным перепонкам; это был оглушающий грохот, сочетающий в себе гром огромных кузнечных молотов, тарелок и басовых барабанов. Рааб, опершийся рукой на передние перила, ощущал дрожь даже в них.

Он едва слышал ломающийся тонкий голос Бена Спрейка, отсчитывающего ритм. Он почувствовал рядом плечо триммера Олини, наклонился ближе к его уху и крикнул:

— Сжатие на один оборот!

Он почувствовал, как Олини потянулся вверх, освободил тормозной храповик и повернул штурвал, хотя не мог слышать скрип оснастки. Но зато он ощутил, как "Пустельга" накренилась и опустила нос. Он уловил едва слышный ритм и присоединил свой более твердый голом к хриплому голосу Бена. Он не пытался ясно произносить слова, потому что гребцы все равно улавливали только ритм, зная, что они безо всякого принуждения тянут весла, прикладывая все силы. Этот ужасный грохот, бомбардирующий людей, действовал на них сильнее, чем какой-нибудь хлыст. Даже он, проходивший над этим краем много раз, чувствовал, как первобытный инстинкт толкает его на паническое бегство ради спасения.

Теперь, перейдя в небольшое пике, "Пустельга" брала дополнительную скорость. Это было превосходно. Он был готов пожертвовать целой милей высоты, лишь бы набрать скорость, прорваться через блокаду, как можно дальше уйти на север от столовой горы, прежде чем взойдет вторая большая луна. И как можно дальше уйти от этого ужасного грохота.

Пролетели секунды, минуты, час... Шум водопада еще казался самым могущественным звуком во вселенной, но теперь он затихал позади них. Сейчас он мог ясно слышать охрипший, надтреснутый голос Бена. Он думал о том, что в баллоне "Пустельги" слишком мало газа, и надеялся, что выбранная траектория спуска не слишком крутая. Он не знал точно, до какой высоты они могли, не опасаясь, спускаться в постоянно увеличивающемся давлении воздуха, прежде чем достигнут критической точки, когда внешнее давление на баллон превысит внутреннее, что могло привести к крушению блимпа. Он начал сжимать баллон так, что плавучесть стала отрицательной, и блимп вошел в необратимое погружение.

— На корме — сжатие на пол-оборота. Убрать пол-оборота впереди,— и услышал подтверждение в получении приказа с кормы от триммера Хэмпела.

"Пустельга" постепенно выровняла киль.

Он предоставил гребцам десятиминутный отдых, затем они двинулись дальше. Прошел еще час. Шум водопада сейчас доносился до них едва слышным ворчанием. Это даже удивило его: что стали слышны обычные звуки — слабый звук складывающихся лопастей, шепот самих весел, рассекающих воздух (здесь он был заметно плотнее, чем на столовой горе), скрип оснастки и учащенное дыхание людей. Он напряженно прислушался к крикам какого-то маленького вездесущего, который вылетел на ночную охоту. Если он начнет преследовать "Пустельгу" и привлечет других своих сородичей, как это часто случалось, стая может своими криками выдать их какому-нибудь затаившемуся в темноте и находящемуся довольно близко вражескому блимпу.

Но вездесущий направился в какое-то другое место.

Рааб оглянулся и посмотрел в направлении Лоури. Не было видно ни огней Северной Стоянки, ни каких-либо других огней, но он различил чуть более светлое небо над абсолютно черной массой столовой горы. Он еще мог слышать водопад, но сейчас это был только шепот. Он посмотрел в сторону восточного горизонта, чтобы с помощью хорошо знакомых звезд определить время, но ничего не увидел.

— Бен... раскачай немного корзину, ты понял?

Бен ничего не ответил, но затем хрипло приказал:

— Весла левого борта — удар с запозданием. Назад... назад... стоп... стоп. Тяни... тяни.

Даже хриплый голос не мог скрыть его мрачной угрюмости. Рааб усмехнулся в темноте. Не совсем удобно отсчитывать ритм, когда твое горло сорвалось от крика.

Благодаря разрозненным ударам весел, "Пустельга" начала раскачиваться из стороны в сторону, и, когда корзина начала отклоняться на двенадцать-тринадцать градусов от вертикали, Рааб увидел на востоке знакомые красноватые звезды. Бетельгейзе. Земля, подумал он, находилась где-то за этим отдаленным гигантом. Времени прошло гораздо

больше, чем он думал. Большая луна могла взойти меньше чем через час.

— Все нормально, Бен. Выравнивай киль.

Бен прекратил двойной отсчет, и качка перешла в обычное мягкое раскачивание.

Спустя четверть часа Рааб услышал впереди что-то такое, что заставило его насторожиться. Он сжал перила, повернул голову и тихо сказал:

— Все весла стоп!— Прислушавшись, он услышал подобный звук немного западнее.— Встать к балансировочным штурвалам!— Затем он спросил Олини голосом, который даже ему самому показался взволнованным:— Эммет, ты слышал это?

— Да, сэр,— спокойно ответил Олини.— Свистки с блимпа.

Рааб вздрогнул...

— Я думаю так же. Если они создали звуковой барьер, они должны были отодвинуться подальше, чтобы водопад не заглушал все... Проклятье! Вместо того, чтобы двигаться на север в горизонтальном полете, мы сможем пройти только спускаясь под углом вниз.

— Не сомневаюсь,— сказал Олини,— что они установили звуковые барьеры на разных уровнях. Они могли разместить здесь много блимпов, включая корабли связи и даже грузовые суда.

— Я тоже так думаю.

Рааб обдумывал свои дальнейшие действия, и его маленький палец пульсировал. Что он должен сделать, если учесть, что в баллоне "Пустельги" было так мало газа? Он не мог подняться вверх и пройти над линией заграждения. Он прислушался к свисткам, следующим через равные интервалы. Они были едва слышны, поскольку "Пустельга" пока находилась на некотором удалении. А если он подойдет ближе и начнет пересекать звуковой барьер? Эхо отразится от баллона "Пустельги" и скажет близко затаившемуся в темноту врагу о их присутствии. Но он также не мог и поднырнуть под звуковой барьер, потому что...

Но "Пустельга довольно легко и быстро выровнялась на этой высоте. К тому же она несла небольшой экипаж, облегченную оснастку и более чем скудный запас пищи. Значит, она должна выдержать еще один небольшой спуск...

— Сжатие на один оборот впереди!

Он услышал затрудненное дыхание Бена.

— Сэр...

— Замолчи!— резко приказал Рааб, зная и без этого боязливого карканья, в какую рискованную авантюру они влезли.— Всем веслам — пол-удара. Назад... стоп... тяни.

Он примерно с минуту отсчитывал ритм, а затем приказал заняться этим Бену.

Они отодвинулись вниз, но на этот раз не так быстро, как в прошлый, потому что гребцы ослабили удары веслами. Он не имел балласта: мешки,

висевшие по бортам корзины, были пусты. Также они не имели никакого груза, который в случае крайней необходимости можно было выбросить за борт. Принимая это решение, он взял на себя большую ответственность.

— Убрать четверть оборота впереди,— приказал он и услышал скрип штурвала Олини.

В темноте было невозможно определить, насколько они спустились. Он действительно ощущал возрастание давления, или только представлял себе, что ощущает это? У него заложило уши, и, чтобы избавиться от этого, он несколько раз резко вздохнул и выдохнул воздух через нос.

— Все весла — стоп.

Если не считать слабый скрип дерева и веревок, в корзине стояла полная тишина. "Пустельга" продолжала медленно скользить вниз. Свистки теперь доносились с обеих сторон, но они не очень беспокоили его — "Пустельга" была слишком маленькой целью, чтобы отразить эхо. Но, если они пересекут звуковой барьер точно или почти точно между двумя блимпами, заглушит газовый баллон свистки или нет? Он мог представить себе, как вражеский офицер, держа в руке деревянный молоток, наклоняется к свистку и ударяет по отполированной пластине природного кварца, некоторые из которых доходили до ярда в диаметре, а затем неподвижно и не дыша стоит, напряженно вслушиваясь в эхо. Опытный свистун по эху мог различить довольно много вещей: направление движения, размер судна и даже сколько газа в баллоне.

Спуск "Пустельги" не замедлялся.

Внезапно все инстинкты Рааба пронзительно заверещали.

— Хватит!— крикнул он громким шепотом.— Убрать сжатие впереди. Оставить четверть оборота на корме!

— Джеран, надеюсь, ты знаешь, что делаешь?— спросил Кадебек. Его низкий голос дрожал так, словно в этих словах он выплеснул все чувства, которые скопились в нем за последние полчаса.

— Если даже не знаю, уже слишком поздно,— ответил Рааб, чувствуя, как все пересохло у него во рту.— Хэмпел, оставить четверть оборота.

— Но сэр...— пропищал Бен.

Рааб проигнорировал это.

— Все весла — полный удар! Назад... стоп... тяни! Бен...

Бен, вероятно, вспомнивший о флотской дисциплине, начал дрожащим голосом отсчитывать ритм. Рааб крепко сжал руками передние перила. Свинцовая тяжесть опустилась в его желудок. "Пустельга" понемногу выравнивалась, но ему казалось, что она все еще теряет высоту, окружающий воздух казался плотным и удушливым.

— Эммет, помоги мне перенести все пожитки на корму!

Эммет безмолвно спустился вниз. Рааб нащупал свой ранец и потащил его по узкому проходу между рядами гребцов. Блимп сейчас медленно раскачивался, но качка усиливалась. Он положил ранец и

пошел за другими вещами; отступил в сторону и пропустил Олини; подхватил чей-то чемодан и понес на корму.

— Убрать сжатие на корме!

Казалось, что Хэмпел, исполняя приказ, очень торопился освободить тормозной храповик и повернуть штурвал.

Когда все вещи были перенесены на корму, Эммет Олини, не говоря ни слова, остался там вместе с Раабом. Корма была переполнена, и Рааб, стоявший около Бена, мог чувствовать дрожь белокурого офицера. Рааб постоял там некоторое время, затем с трудом перебрался на свободное место и двинулся туда, где Поки Рэйджер, задыхаясь и кряхтя, тянул весло, стараясь не отстать от ритма.

— Подвинься!— сказал он и взялся за рукоять весла.

Он не ожидал, что вымотавшийся коротышка, а так, казалось, и было, оставит руки на рукоятке весла и будет помогать Раабу тянуть его. Раабу казалось, что почти осязаемый плотный воздух создает вокруг них угнетающую атмосферу. Свистки, доносившиеся до них, были явно сзади и сейчас едва слышались. Но были и другие звуки, которые посылали волны беспокойства по его вспотевшей спине: снизу слабо, но отчетливо доносились пронзительные крики и рев обитателей джунглей, хлопки крыльев, когда они перемещались над невидимыми джунглями и вели свой вечный бой ради жизни и пищи. Боже, как низко опустилась "Пустельга"!

Но она больше не опускалась, он был почти уверен в этом! Он знал наверняка, что они достигли и проскочили критическую точку для такого немощного блимпа. Но все же, немного задрав нос кверху, она еще держалась в воздухе, а удары весел, противодействуя отрицательной плавучести, медленно, но верно проталкивали ее вверх. Сейчас возник другой вопрос (он занял все мысли Рааба и колотился в его пульсе, словно трубы Судного дня), как долго обычные люди, полуголодные, многие из которых не казались слишком сильными еще до начала путешествия, смогут продолжать тянуть весла. Уже сейчас корзина была наполнена шумом задыхающихся в мучении людей.

Но люди, знающие, что их жизни брошены на чашу весов, выдержат эту муку — выдержат скорость, обжигающую их легкие, боль, ощущаемую в каждом мышечном волокне, тошноту в пустых желудках, сжавшихся под напряжением брюшными мускулами. Двоих или троих из них действительно рвало; их ужасное рычание смешалось с мучительно тяжелым дыханием и всхлипываниями от безнадежности усилий. В голове Рааба сверкнула мысль, что воздух, которым они сейчас дышали, обладает одним ценным качеством. Да, он усиливает их пытку, приносит им ощущения, словно они заживо похоронены, заставляет их первобытные инстинкты визжать от негодования, но дает возможность их истощенным легким получать больше кислорода.

Казалось, они невероятно долго боролись со своими инстинктами, пытающимися заставить их остановиться. Спустя две или три вечности,

Рааб, все еще не веря себе, понял, что окружающий воздух стал чуть-чуть реже и немного прохладнее, а затем он почувствовал, что из его носа течет тонкая струйка крови. Он был абсолютно вымотан, и, чтобы его голос был услышан, ему пришлось ужасно потрудиться. Но он справился с этим и кое-как проквакал:

— Все весла стоп!

Он резко упал и с минуту лежал на грани обморока, почти надеясь, что он все-таки лишится сознания, чтобы на время не чувствовать невыносимую боль в легких и мускулах. Затем он с огромным усилием поднял голову и заплетающимся языком пробормотал:

— Мы сделали это. Мы... остались на плаву.

— Все весла — пол-удара.

Слова все еще отзывались болью в его легких. Сейчас, собравшись с силами, он стоял на своем обычном месте около передних перил, зная, что после двухчасового сна снова будет в полном порядке. Кровь из носа больше ни у кого не текла, и все, кроме Бена, который все таким же ровным голосом отсчитывал ритм, ухитрились проглотить один или два сэндвича. Вместо этого Бен промочил свое горло фруктовым соком. Никто сейчас не находился в сколько-нибудь серьезном состоянии.

Первая из больших лун сейчас полностью вышла из-за горизонта. Рааб рассеянно посмотрел в ее направлении и вспомнил, как однажды, путешествуя со своим отцом, он видел какой-то далекий блимп, вырисовывающийся четким силуэтом на фоне такой луны. Это был тот самый момент, когда он впервые узнал, что ощущают люди, посвященные в жизнь летающих блимпов, и впервые почувствовал, что любовь, вспыхнувшая между ним и Флотом, останется на всю жизнь. Так или иначе, черный силуэт медленно двигался на фоне луны, выкристаллизовывая в его сознании понятия о том, какое огромное небо было в действительности и как далеко он могло завести человека, и что блимпы могли сделать из человека гораздо больше, чем просто человека. И с тех пор до сегодняшнего дня он никогда не ощущал себя живым и счастливым, если его ноги стояли на земле.

Конечно, это луна — или ее подруга, которая должна взойти пару часов спустя — могла выдать "Пустельгу", если удача отвернется от них. С блимпа, находящегося в пределах мили к востоку от них или висящего над головой, можно было ясно их видеть; и кроме того, всегда оставался слабый шанс, что силуэт их корабля может четко выделяться на фоне луны, как тот неизвестный блимп в его отрочестве. Но все-таки больше говорило за то, что сейчас они далеко ушли от зоны блокады. И вероятность этого требовала от него большей решимости.

Он повернулся и взглянул на корму корзины. Усталость экипажа проглядывала в каждом мучительном взмахе весел.

— Все весла стоп.— Он устало усмехнулся, услышав вздох облегчения.— Ребята, уберите весла и повесьте их за бортом, но не забудьте

проверить веревки. Здесь можно спать в такой же безопасности, как и в любом другом месте. Триммеры Олини и Хемпел, сделайте и раздайте сэндвичи, вы поняли? А фруктовый сок давайте в неограниченном количестве.

Рааб не давал себе расслабиться до тех пор, пока не удостоверился, что все накормлены и удобно устроены. Два триммера спали на подстилках, которые они постелили на своих концах корзины. Бен Спрейк расположился около Хэмпела. Гребцы свернулись в клубки на прокладках своих собственных сидений. Кому не хватало сорока пяти дюймов длины сиденья, выставили ноги в проход, а некоторые отвязали прокладки и расположились на досках под сиденьями. На такой высоте в такое время года никто не беспокоился о том, чтобы укрыться чем-нибудь.

Горизонтальная площадка с верхней части метателя гарпунов, который занимал восемь футов с правого борта на носу корзины, служила кроватью Раабу. Эта площадка, ширина которой составляла три с половиной фута, со стороны, примыкающей к борту, была обита доской, препятствующей ему выпасть за перила. Человек, повернувшись во сне, мог упасть за борт, и кто-то позаботился о его безопасности. Но сейчас Рааба это не волновало. Пока не успели уснуть последние несколько человек, он сказал:

— Первую двухчасовую вахту я отстою сам, а для второй разбужу Бена Спрейка и Эммета Олини. Через два часа после этого мы двинемся дальше.

Вторая большая луна (ее назвали "Золотистая", потому что она была желтее первой — "Серебристой") поднималась сейчас, и это означало, что ему осталось стоять на вахте около пятнадцати минут. Он лежал на левом боку и лениво наблюдал восход луны через свисающую над корзиной веревочную петлю. Конечно, Золотистая была сейчас в меньшей фазе, чем Серебристая, что являлось следствием угловых отношений между Дюрентом, двумя лунами и солнцем Дюрента.

Он еле-еле приподнялся и сел, так как после погружения осталась боль во всем теле и усталость, затем слез с метателя гарпуна, используя в качестве лестницы бортовой шкафчик, подошел к передним перилам и посмотрел вниз. Пятнистое море тумана, призрачно вырисовывающееся в двойном свете лун, скрывало раскинувшиеся внизу джунгли. Раньше, когда он совершал путешествия в дневное время, то пролетал над этим районом довольно низко и поэтому ясно представлял себе природу джунглей — толстые ветви, словно змеи, расползались во всех направлениях и были покрыты изрезанными по краям листьями, достигающими четырех-пяти футов в поперечине; здесь и там торчали из листвы множество скал, в проплешинах болот виднелись темные лоскуты открытой воды. Чтобы поглощать солнечный свет, профильтрованный густым воздухом нижних высот, листва в основном имела темно-зеленый цвет.

Иногда, в дневное время, когда туман не очень густой, вы можете увидеть громадных вездесущих, греющихся на солнышке. Они взбираются на торчащие скалы, сворачивают кольцами свои шестидесятифутовые тела, а мясистые крылья раскидывают в разные стороны. Ночью, подобной этой, когда особенно сильные вспышки хищничества, спаривания или просто жестокости порождали в джунглях бедлам из визга, криков и мычания, вы можете увидеть, как некоторые большие особи выныривают из тумана в чистый воздух и на всех парусах удаляются в волнообразном полете к более тихим территориям. Но сегодня джунгли были безмолвны.

Протиснувшись между метателем гарпунов и передними перилами, он перешел к противоположному борту и посмотрел вниз с этой стороны. Словно какой-то жирный темный слизень, на поверхности тумана лежала тень "Пустельги". Конечно, если бы наверху был какой-нибудь блимп, это могло бы погубить их, но если такой блимп находился близко или приближался, его собственная тень была бы видна так же ясно.

Рааб устало поднял голову и посмотрел в направлении восточного горизонта. Море тумана простиралось до самого горизонта. Как ночь стирает все краски, так туман почти всегда покрывал эти незначительные высоты.

Где-то вдали за белым горизонтом был расположен Мэдерлинк. Почти девятьсот миль джунглей лежало между самой западной точкой Столовой Горы Лоури и восточным краем большого Мэдерлинка. Покоренный, если не прочно завоеванный Мэдерлинк, Оркет находился на две третьих ближе к Мэдерлинку, но южнее прямой линии между Мэдерлинком и Лоури. Так же как и Лоури, он находился вблизи морского побережья, которое в этой части южного континента тянулось почти по прямой линии, и от него до Мэдерлинка была добрая сотня миль. Западнее и восточнее Лоури были другие столовые горы, но Оркет, Мэдерлинк и Лоури — единственные обитаемые, потому что все другие находились слишком далеко от зоны, называемой страной ущелий, и от гуано-островов.

Он повернул голову и снова посмотрел на Золотистую. Его два часа истекли; даже немного больше, потому что во избежание ошибки он всегда давал припуск. И, устало оторвавшись от перил, он тихо разбудил Эммета Олини. Затем он двинулся на корму по проходу между рядами спящих людей, среди которых некоторые даже храпели, здесь и там перешагивая или обходя торчавшие ноги, и, разбудив Бена Спрейка, вернулся к своей постели, чтобы моментально погрузиться в сон.

— Два часа, капитан.

Рааб проснулся сразу, едва Олини коснулся его, но в его глазах было такое странное ощущение, словно в них насыпали песок. Ворча, как старик, он медленно поднялся на ноги и заглянул за перила. У "Пустельги" теперь было две тени, одна под ней, а вторая с правой стороны, и обе не слишком темные. Он глубоко вздохнул и подумал, что экипаж

сейчас чувствует себя не лучше и поднимать его было равносильно садизму. Но он должен был сделать это, и сделал. Он прошел между рядами и поочередно будил людей, стоя около них некоторое время, пока не убеждался, что человек очнулся и вспомнил, что находится в корзине блимпа.

Когда все были разбужены, он обратился к экипажу.

— Теперь, когда мы довольно далеко ушли от Лоури, я могу рассказать вам наши ближайшие планы. В страну ущельев есть путь, который в течение двух поколений был секретом Флота Лоури.— В тусклом свете он всматривался в их лица.— Вы все знаете, что Большая Песчаная река протекает по широкому и пригодному для судоходства Ущелью Хаузер. Но большинство из вас не знает, что по ущелью, где протекает приток Большой Песчаной, тоже можно пройти.— Он подождал, пока Солс Хэмпел кончил раздавать сэндвичи.— По этому ущелью пройти почти невозможно; к тому же оно слишком узкое и во многих местах обвалы заблокировали его. Но там есть довольно большой туннель, по которому может пройти маленький блимп. Очевидно, в половодье, когда воды очень много, приток Большой Песчаной нашел узкую щель и расширил ее,— он услышал тихое ворчанье и усмехнулся.— Нам потребуется полтора дня, чтобы добраться до входа в это ущелье. Я намерен войти в него после полудня, если к тому времени нас никто не заметит. Часть пути мы пройдем ночью, но даже среди дня там почти нет света. Путешествие не будет комфортабельным, но раньше я уже дважды проходил через него, а триммер Олини был там несколько раз.— Он дал им время обдумать услышанное, пока они жевали свои сэндвичи.— Будут какие-нибудь вопросы?

Казалось, ни у кого не возникло вопросов относительно их дальнейшего пути, хотя Бен Спрейк пробормотал что-то Солсу Хэмпелу. Но спустя минуту Джон Кадебек тихо сказал:

— Капитан, возможно, это не имеет отношения к делу, но мне кажется, что блокада осталась далеко позади.

Рааб ждал, что представитель экипажа продолжит говорить, но тот молчал, и спустя некоторое время он ответил:

— Да, так оно и есть, но я не сомневаюсь, что шпионы предупредили врага о нашем появлении. В противном случае, они должны были ожидать, что кто-то попытается прорвать блокаду со стороны морского побережья, чтобы как можно быстрее собрать груз гуано,— он сделал паузу, задумавшись.— Но мне все-таки кажется, их действия были слишком шаблонными, чтобы стать действительно эффективными. Они действовали, словно на простом посту наблюдения.

Послышалось перешептывание, а потом Кадебек сказал с усмешкой:

— Выходит, мы не зря ушли раньше срока.

Рааб улыбнулся в ответ.

— Лучше скажи, что счастье было на нашей стороне.

Глава 5

Член совета Ольвани внимательно посмотрел на своего посетителя.

— Ну, садись.— Хотя Джергенс был его главным информатором во Флоте, он не любил этого офицера. Ему нравилось видеть, что Джергенс одет в поношенную домотканную одежду (посетитель, конечно же, не мог прийти сюда в форме).— Садись!— повторил он. Джергенс был высок, и Ольвани раздражало, что на него приходится смотреть снизу вверх.

Слегка покраснев, тот сел.

Более минуты Ольвани смотрел на него молча, стараясь, чтобы его чувства не отражались на лице.

— Ну?

— Плохие новости,— сказал Джергенс.— "Пустельга" ушла на два дня раньше срока и проскочила через блокаду. Этот молодой дурак Джеран сам принял такое решение. По крайней мере, они по крутой траектории снижения на довольно большой скорости проскочили через линию заградительных блимпов. Там так и не узнали, потерпела "Пустельга" крушение или нет.

Ольвани прокойтролировал выражение лица. Иногда ему казалось, что он имеет дело с бездарями, включая некоторых тайных союзников на Мэдерлинке.

— Потерпело крушение? А что ты сам думаешь об это? Что они сделали, проскочив вниз? Спустились за ними на кораблях заграждения?

Джергенс снова покраснел.

— Нет. Я уже говорил, что в баллоне "Пустельги" было слишком мало газа; она пролетела мимо них, словно раненый вездесущий. И, конечно, они не ждали его так быстро.

Внутренне разгневанный Ольвани не позволил своим чувствам проявиться внешне. Он не хотел показать этому человеку, что расстроен. Он мечтал о дне, когда не будет иметь вообще никаких дел с персоналом Флота, а также с большинством других людей, которые сейчас стояли у власти на Лоури. Разве что только подписывать приказы с поручением выполнять работу...

Все еще возбужденный Джангерс продолжал:

— Мое личное мнение таково, что "Пустельга" не могла выжить. Когда в блимп закачано так мало газа, как в этот...

Ольвани холодно сказал:

— Все это ты объяснял мне четыре дня назад. Ты и тогда не был уверен, но блимп могли накачать перед самым уходом. Если они ушли на два дня раньше срока, значит, ты целых два дня держал эту важную информацию при себе и не передавал ее мне. Почему?

Дженгерс угрюмо посмотрел на него.

— Вы знаете, я не гражданский и не могу приходить сюда, когда захочу! Вы запретили мне пользоваться посредниками. Кроме того... я сам получил эту информацию только сегодня.

Ольвани потер руки и, сложив их перед собой на столе, посмотрел на них. Он не мог позволить себе в лицо называть этого человека дураком и поставить под сомнение его способности. Источник информации не должен иссякнуть. Он заметил, что кожа на его руках сморщилась больше, чем это было совсем недавно, и нахмурился. Он не стар! Возможно, ему надо питаться немного лучше. Естественно, он не мог позволить себе явную роскошь, если хотел сохранить политическую поддержку населения. Но немного тайно переправленных продуктов...

Джергенс продолжил:

— Во всяком случае, это наш шанс, или нет? Я имею ввиду, если "Пустельга" потерпела крушение. Думаю, я смогу навязать определенное мнение и объявить...

Ольвани, скрывая холодный гнев, произнес:

— Мы не сможем этого сделать. Полагаю, это может оказаться ошибкой. В том случае, если они все-таки вернутся или, по крайней мере, если они как-то сумеют передать сообщение, тогда твое мнение рикошетом ударит в нас.

— Вы ничего не знаете о блимпах и действиях Флота,— сказал Джергенс.— Даже если "Пустельга" уцелела после этого спуска, Джеран должен пробраться в страну ущелий, чтобы получить гелий. Блимпы Мэдерлинка почти наверняка перехватят его там. Но даже если он перехитрит их и доберется до одного из гуано-островов в открытом море — при таком положении вещей у него остается шанс сделать это, если, конечно, он выдержит достаточно долго — шансы на то, чтобы еще раз проскочить блокаду и вернуться на столовую гору, практически равняются нулю. Возможно, вы даже не представляете, какая плотная блокада окружает нас. Курицы Мэдерлинка несут на себе, по крайней мере, четыре дюжины планеров, способных держаться в воздухе часами.

— Вопреки тому, что среди некоторых из вас Джеран не пользуется популярностью,— сказал Ольвани,— до меня дошла информация, что он очень компетентный офицер Флота. И если я не ошибаюсь, в безлунную ночь блимп сможет найти какой-нибудь способ, чтобы вернуться на Лоури.

Джергенс снова нахмурился.

— Через блокаду, подобную этой...

Ольвани едва сдерживал свое раздражение.

— У меня больше нет доверия к офицерам Флота Мэдерлинка...— он остановился и начал заново:— Я предупреждаю, мы не должны распускать никаких слухов. Как ты объяснишь знание того, что они проскочили? Может, ты хочешь рассказать им, из каких источников ты получаешь подобную информацию?

Джергенс стал совсем багровым.

— Вы считаете, что я полный идиот? Я говорил только об определенным образом сформулированном мнении. Мы з н а е м, что "Пустельга" имеет очень мало газа. Мы з н а е м, что в то время, когда она отправилась в рейс, корабли вражеской блокады стояли около Северограда. Единственное, что они могли сделать, это быстро скользнуть вниз и попытаться пройти под ними!

— Ты снова пытаешься напомнить мне, что я слишком мало знаю о блимпах,— сказал Ольвини.— Теперь я хочу напомнить тебе, Джергенс, что ты абсолютно ничего не знаешь об общественном мнении. Определенный процент людей — должен признать, что этот процент не маленький — довольно глуп и полон надежды, что "Пустельга" вернется прежде, чем будут заключены какие-нибудь соглашения с Мэдерлинком. Они никогда не признают логику, даже если будут находиться на грани голодной смерти. Между прочим, они упрямо не станут верить никаким плохим известиям о "Пустельге, пока не получат неопровержимых доказательств. Но ты сам признаешь, что дать их мы не можем.— Он снова потер руки и, не мигая, уставился на офицера Флота.— Во всяком случае, ты думаешь, что старый Клайн, услышав это, не заметит, что ты действуешь нечестно? Ты думаешь, что сможешь перехитрить его?

Джергенс снова покраснел и отвернулся

— Клайн не будет жить вечно.

Ольвани почувствовал, что его губы скривились от отвращения к Джергенсу, но снова овладел собой.

— К несчастью, мне приходится действовать в настоящем, а не в будущем. А сейчас извини меня... И пожалуйста, в дальнейшем постарайся доставлять мне важные новости побыстрее. Я не могу платить деньги за плохую работу.

Джергенс покраснел еще больше, встал и, не говоря ни слова, вышел.

Ольвани задумчиво посмотрел ему вслед. Он очень сильно давил на Джергенса, но все же не думал, что тот наберется храбрости и начнет бунтовать. Было бы неглупо подготовить что-нибудь... Он устало вздохнул. Эти вынужденные интриги отнимают так много времени. Кажется, что Ольвани сам должен планировать все от начала и до конца. Даже среди его полных приверженцев было так мало тех, кто мог абсолютно все продумать и действовать как надо.

Он рассеянно потрепал свою маленькую остроконечную бородку. Люди слишком ленивы и невнимательны. Конечно, в большинстве случаев само общество было виновато в этом.

Даже общественность Мэдерлинка не была так... так логична и эффективна, как должна была быть. Но судьба, размышлял он, благосклонна к нему, и, когда придет время, после того как Мэдерлинк послужит его намерениям, он сможет перехитрить своих бывших союзников. Он не будет торопиться и все тщательно спланирует; и, конечно, он начнет с того, что полностью разоружит военных Лоури. Некоторый период, после того как люди Лоури низко поклонятся Мэдерлинку, он будет

вилять хвостом перед высокомерным правительством Мэдерлинка: заплатит определенную сумму дани, которую они, несомненно, потребуют; отдаст им господство над гелием и гуано-островами; будет упрашивать и умолять их, когда ему что-нибудь потребуется. Все это будет продолжаться до тех пор, пока они не сочтут целесообразным поручить ему управлять Лоури.

Нет, Мэдерлинк не сможет долго держать превосходство. Нет никаких сомнений, что такое высокомерное империалистическое общество в конце концов развалится от разъедающего его сонного яда. И между тем, последовательно вводя в жизнь свои тщательно разработанные планы, свою разумную систематизацию населения Лоури, свою умелую переориентацию школ, промышленности и системы распределения, свой крепкий, но благосклонный контроль над распространением новостей, он намеревался вырвать с корнем всю ерунду, которая сейчас вводила в заблуждение народ... В этом построенном им обществе, освобожденном от раздутых до огромных размеров расходов, усилия каждого будут посвящены сельскому хозяйству, промышленности и их общим целям. Да, Лоури должна будет продвинуться вперед со скоростью света!

Конечно, на некотором этапе здесь, в той или иной форме, установится временное могущество военных, чтобы они могли сбросить каналы приходящего в упадок Мэдерлинка. Точные детали он разработает в будущем, в зависимости от развития событий. Сначала Лоури должна выпустить бутон начала процветания; люди должны фантазировать в своих коллективных усилиях. Каждый обязан служить Государству, чтобы в один прекрасный день Государство могло служить людям...

Он нахмурился и снова посмотрел на свои руки. Эти морщины не могут быть признаком старости. Нет, он не состарится — его судьба не допустит этого! Несмотря ни на что, ему было всего тридцать четыре года (равноценно пятидесяти девяти земным) и он еще совсем не стар. Он чувствовал себя абсолютно здоровым. Его живот был втянут и на нем не было даже признаков дряблости; его мысли было отточены, а память надежна, как никогда раньше. Нет, он выдержит и закончит свою работу. Это ему г а р а н т и р у е т его предназначение.

Глава 6

Держась одной рукой за вертикальную стойку, Рааб сидел на передних перилах и наблюдал, как колеблющаяся тень "Пустельги" мягко ползет по холмистой земле. Джунгли остались далеко позади них, и кроме того, они уже миновали зону прямых высоких деревьев, где добывали не уступающий в прочности бамбуку строевой лес. Покрывающая землю трава грелась в теплых лучах осеннего солнца Дюрента. Ее

цвет был чуть зеленее, чем у светло-желтой соломы. Огромные стада жвачных животных с толстой рыже-коричневой шкурой, напоминающие рогатых гиппопотамов, тихо паслись по берегам ручьев и множества озер, разбросанных друг от друга на небольших расстояниях. Вездесущие, словно толстые крылатые угри, хлопали крыльями и, извиваясь, перелетали от озера к озеру, совершая свои таинственные миграции. Здесь, на сотню миль севернее джунглей, крупные крылатые хищники, способные побеспокоить жвачных животных, встречались крайне редко, хотя иногда какой-нибудь вездесущий монстр бросил свое насиженное место и, набрав три или четыре тысячи футов высоты, добирался сюда за легкой добычей.

Стадо, насчитывающее около дюжины быстроногих пожирателей травы, напоминающих лошадей с лосиными головами, изо всех сил убегало от тени "Пустельги". Они бежали по открытым лужайкам, не приближаясь к воде, и наконец, резко свернув и сделав круг, остановились, задрали вверх головы и стали смотреть на блимп. Рааб знал — раньше они видели множество блимпов и сейчас не были сильно возбуждены. Только инстинкты заставляют их бежать, даже если их никто не преследует.

Он остановился западнее Большой Песчаной реки, в то время как обычные северные маршруты от Платформы проходили по территории, лежавшей дальше к востоку, где их могли ожидать враги. За слишком большой риск иногда приходится расплачиваться.

Далеко впереди, с запада на восток, вдоль горизонта вытянулась толстая серая линия, выглядевшая с расстояния туманной и мерцающей. Через неровные промежутки эту серую линию прорезали тонкие и черные вертикальные линии, напоминающие нитки (хотя не все эти нитки были одинаковы по толщине). Толстая серая линия образовывалась обрывистым южным краем страны ущельев, а вертикальные черные нитки обозначали выходы из ущельев. Когда-то эта широкая линия обрывистых скал омывалась волнами моря, довольно мелкого в этой зоне; и лужайка, находившаяся под ними, тогда тоже являлась морским дном. Но позднее море отступило к своим настоящим позициям, где и находится уже многие миллионы лет.

Все знали предполагаемую теорию образования страны ущельев и то, что Рааб видел в свои прежние путешествия, казалось, подтверждало ее. В далеком прошлом, когда морская вода покрывала всю планету, ужасные приливы и подводные течения делали наносы, наслаивающиеся друг на друга в течение долгого времени и впоследствии превратившиеся в континент, который занимал площадь в четверть миллиона миль и имел выходы вулканических пород. Первоначально этот континент полого спускался от каменных образований, ставших потом столовыми горами, к морскому побережью. Но со временем, возможно, благодаря пагубным осадкам поверхности планеты, эта огромная подошва перед каменными образованиями исчезла, и вершины столовых гор оказались изолирован-

ными от окружающего мира двумя сотнями миль неприступных отвесных скал.

Необъятный древний прилив магмы, расплавляющей камни, выплеснулся на поверхность; охлаждаясь, магма, словно высыхающая в поле грязь, образовала ажурные пилообразные трещины; скальные структуры, лежавшие в основании, так и не расплавились, поэтому остались неповрежденными; и теперь, скрытая под толстыми отложениями, в некоторых местах достигающими более тысячи футов, бывшая поверхность превратилась в скальное основание страны ущелий. Вертикальные и расширяющиеся у основания ущелья были ни чем иным, как острыми трещинами. Некоторые были частично завалены, некоторые вертикально уходили вниз, на глубину полных трех миль от вершины и упирались в скальное основание. В некоторых местах обвалы образовывали темные пропасти, которые никогда не знали воды, если не считать дождевой, выпадающей в определенное время года, и не знали света, кроме мельчайших лучей, что смогли прорваться вниз от вершины. Эрозия, землетрясения и небольшая вулканическая деятельность в течение долгих веков в некоторых местах расширили эти ущелья, в некоторых сузили и образовали большие или меньшие пустоты, которые позднее покрылись участками почвы.

В отдельных ущельях обрушившаяся часть стен не упала на дно, а застряла где-то посредине и образовала различные по величине черные тоннели, по одним из которых текли реки, а по другим нет.

К северу от страны ущелий располагалась зона, где несущие от моря влагу ветры сбрасывали воду в виде снега, который растаяв, снова устремлялся к морю, поэтому в стране ущелий насчитывалось огромное количество рек и озер. Весной некоторые реки превращались в могучие гремящие потоки и, заполняя ущелья, могли достичь тысячи футов глубины. Напоровшись на завал, реки останавливались и образовывали озера, пока не находили нового стока, который, впоследствии углублялся и расширялся течением. Внушающий благоговейный страх ежегодный прилив воды приносил с собой ил, гравий и камни, создавая временами изумительные скульптуры.

Терпеливо вторгаясь туда на протяжении веков, жизнь внесла свои изменения в страну ущелий. Местность, где было достаточно открытого пространства, солнечного света и воды, была усеяна плодородными долинами. Животная жизнь следовала за травой и деревьями до тех пор, пока там не собралась вся экология, происходящая несомненно от одного вида, особенно приспособившегося к местным условиям. Благодаря своей врожденной приспособляемости там преобладали вездесущие; они могли летать, плавать и ползать, а все это было необходимо в стране ущелий. Там не было огромных видов, которые наполняли джунгли ужасом ночных кошмаров, потому что для шестидесятифутовых монстров с их мускулистыми, но относительно небольшими крыльями, воздух был недостаточно плотный, так как страна ущелий находилась на высоте полу-

тора миль над уровнем моря. Но все-таки там были достаточно большие, чтобы представлять определенную зубастую угрозу, вездесущие, длина которых достигала двадцати футов.

Каким-то образом — абсолютно непостижимым, если не верить, что жизнь обладает крайне неумолимой магией — менее приспособленные животные нашли свой путь даже в самые глубокие ущелья этой страны. Там, где на открытые пространства проникали солнечные лучи, существовали дюжины различных видов травоядных, включая и гиппопотамов — Рааб сейчас лениво наблюдал за их непрерывно жующими сородичами. Создания, напоминающие грызунов, скрывались в темных расселинах. Другие, как кролики, передвигающиеся прыжками, наполняли ущелья. Живущие на деревьях четвероногие, очень похожие на земных кошек, о которых Рааб читал в книгах, выискивали на ветвях гнезда вездесущих или спрыгивали сверху на спины опрометчиво зазевавшихся существ, живущих на земле.

Среди растительной жизни, большинство представителей которой были уникальны, королями Дюрента были плавуны-растения, что росли на длинных извилистых озерах средних высот, где световой поток, если не прямые солнечные лучи, создавал благоприятные условия.

Плавуны, хотя и существовали в других областях Дюрента, особенно хорошо приспособились в стране ущельев. Они росли в спокойной воде, глубина которой могла достигать двадцати футов, а их длинные корни тянулись ко дну и словно якорем цеплялись за грязь.

Над единственным, утолщающимся книзу, корнем плавал толстый и пористый (и поэтому плавучий) лист, достигающий пятнадцати футов в диаметре. На этих мягких растительных полях вертикально, на рост человека, поднимались зеленые ветви с маленькими листьями. Ветви располагались довольно близко друг к другу, но все-таки человек мог пролезть между ними.

В определенные сезоны в середине плавучего листа появлялся прямой толстый стебель, поддерживающий семенную коробочку растения. На Дюренте существовали и другие растения, размножающиеся воздушным путем, когда ветер уносил их семена, но это были маленькие растения; их семена уносились ветром за счет массы пушистых и шелковистых прядей. Семена плавунов достигали размеров головы человека, поэтому природа позаботилась о них и пнаделила большими, наполненными гелием шарами восьми футов в диаметре, которые поднимали семена над озером и уносили прочь от ущелья.

Как плавуны забирали гелий из воздуха (атмосфера содержала только четыре процента гелия) было загадкой ботаники. Одна теория, которая вполне удовлетворяла Рааба, предполагала, что в процессе роста растение использует другие составляющие воздуха, а гелий откладывает в шар. Газ, насыщающий клетки плавучего листа, был тем же гелием, хотя не таким чистым, как в шаре. Кроме того, в шаре газ находился под дав-

лением, поэтому стенки непроницаемой растительной материи не сморщивались даже тогда, когда это хитроумное приспособление природы поднималось в более разреженный воздух.

В любом случае, плавуны вырабатывали гелий и наполняли им шар, который после созревания семян отрывался от пересохшего стебля и уносился в небо. Шар поднимался к солнечному свету на тысячу футов над краями ущельев и дрейфовал в воздухе пару сотен миль, пока через какую-то способность световосприятия или восприимчивость к восходящим воздушным потокам, а может, каким-нибудь чувством, что присущи животным, не находил новое озеро, подходящее для воспроизводства.

Эти шары плавунов и были источниками гелия. Конечно, блимпы могли отлавливать в воздухе освобожденные шары, но это было слишком утомительно, а для "Пустельги" вообще невозможно. Обычно блимп (в нормальные времена это были курицы или другие большие грузовые корабли) отыскивал озеро с созревшими семенами и, используя ручные меха, перекачивал гелий из шара в свой газовый баллон.

Рааб сомневался, что Мэдерлинк обладает такими же знаниями о стране ущельев и озерах плавунов, какие собрал он сам. Он думал, что, когда придет время собирать урожай плавунов, он сможет избежать встречи с вражескими блимпами.

Первую часть своего плана он все-таки выполнил.

Он повернулся и посмотрел на корму корзины. Усталые руки и спины гребцов двигались сейчас быстро и согласованно, только взмахи маленького Поки Рейджера были несколько вялыми и неуверенными. Для разношерстного, набранного с таким трудом экипажа они принимали все более приемлемый вид, и он надеялся, что они выдержат его до конца. Продовольствие, находящееся на борту "Пустельги", нельзя было назвать превосходным, но теперь они добрались до страны ущельев, и Рааб хотел попытаться поохотиться, потратив день-два на это, а также насобирать орехов, зерен и зелени. В таком рейсе люди должны питаться гораздо лучше, чем они могли позволить себе на Столовой Горе Лоури.

Он посмотрел в южном направлении. Едва видимая в тумане, Лоури выделялась над самым горизонтом. Вы могли бы различить ее очертания, если бы знали точно, куда смотреть. При постоянной работе веслами и попутном ветре, скорость которого в среднем составляла два узла, за два дня "Пустельга" покрыла довольно больше расстояние.

— Хорошо снова оказаться в воздухе, Рааб,— сказал Эммет Олини. Рааб, горло которого немного сжалось от волнения, посмотрел на триммера и кивнул.

— Да. Но нам еще надо добраться до входа в ущелье и пересечь его.— Он посмотрел вперед, где неясно вырисовывались потрескавшиеся стены обрывистого края страны ущельев.— Я думаю, мы подойдем к утесу и двинемся вдоль него на восток. Мы находимся примерно на сорок миль

западнее Большой Песчаной Реки, и, по моему мнению, приток протекает где-то в семнадцати милях восточнее нас.

— Это точно, капитан.

Они закончили свой путь к востоку вдоль утеса. Здесь не было никаких признаков находящихся вблизи вражеских блимпов или планеров.

"Пустельга" сейчас двигалась на высоте около пятисот футов над основанием утеса и примерно на таком же расстоянии от края страны ущельев. Внизу были разбросаны осыпавшиеся камни. На таком фоне она выделялась едва заметным пятнышком, ползущим в воздухе.

Тем не менее руки Рааба вспотели; хотя вероятность того, что блимп будет перехвачен здесь, прежде чем капитан введет это создание чистого неба в черную дыру, была небольшой, он не мог не испытывать волнения.

Чистый ручей, покрытый пятнышками бурунов над подводными камнями, вытекал из этой черной дыры в основании утеса. Своеобразное узкое ущелье над этим ручьем раскалывало утес и уходило вверх так далеко, как позволял разглядеть глаз. Рааб ждал, когда солнечные лучи осветят эту трещину, достигающую ширины двадцати футов; нет, Рааб не надеялся рассмотреть что-нибудь в самом ущелье, просто на входе ему надо было хоть немного света, так как "Пустельга" не могла сразу окунуться в абсолютную темноту.

Время приближалось. Он тяжело вздохнул.

— Бен, я сам поведу ее. Весла левого борта — четверть удара. Назад... стоп... тяни!— Он взглянул на Олини.— Сжатие впереди на полоборота.— Он выждал, пока накренившаяся вперед "Пустельга" не нацелилась носом на ущелье.— Весла правого борта — четверть удара,— некоторое время он отсчитывал ритм, затем приказал: — Все весла стоп!— Теперь, по мнению Рааба, они точно направлялись в ущелье, учитывая поправку на слабый бриз с правого борта. Когда "Пустельга" войдет в ущелье и углубится на несколько ярдов, этот ветерок исчезнет, должен исчезнуть.— Сжатие на четверть оборота на корме и впереди.

Храповики щелкнули, веревки заскрипели, и "Пустельга" немного опустилась.

В своем обычном состоянии она хорошо слушалась руля на этих высотах. Сейчас они были точно над ручьем.

— Убрать четверть оборота сжатия впереди. Все весла — четверть удара! Назад... стоп... тяни!

"Пустельга" медленно приближалась к черному отверстию. Она теперь выровнялась, и удары весел больше не отклоняли ее ни вверх, ни вниз. Достаточно ли они опустились вниз, чтобы пройти свободно под каменным потолком? Да... лучше больше не спускаться и оставить резерв высоты, потому что в ущелье могли произойти новые обвалы во время последнего половодья.

Они ровно скользнули в отверстие. Глаза Рааба всматривались в расстилающийся впереди мрак. Он был рад, что рядом с ним находится

Олини: опытный представитель Флота, который управлял наклоном корзины, знал, как избежать опасностей. Кроме того, что острейшие камни могли проткнуть слабый баллон "Пустельги", она могла зацепиться оснасткой и сломать что-нибудь, а это значило, что им придется испытать несколько неприятных моментов, остановиться для ремонта и...

— Мы прошли точно, капитан,— сказал Олини, словно угадав беспокойство Рааба.

Рааб с благодарностью посмотрел на него.

— Все весла — стоп.

Они прошли довольно далеко внутрь ущелья, и свет от входа едва пробивался сюда, а он хотел, чтобы их глаза привыкли к темноте. Он думал предостеречь гребцов, что "Пустельгу" может снести к той или иной стороне и что они должны быть готовы вовремя оттолкнуться веслами, но решил этого не делать — пока все шло нормально, а ближайший отрезок пути проходил по прямой.

Впереди, где наклонный тонкий луч света пронзал ущелье, поблескивала поверхность ручья. Все-таки свет, проникающий в ущелье, давал тусклое освещение, и он мог видеть пространство, тянувшееся до первого плавного поворота. Он с облегчением вздохнул.

— Бен, ты будешь отсчитывать ритм? Пока всем грести в полсилы.

Входное отверстие осталось далеко позади и было не видно. Зажженные лампы были развешаны на перилах под газовым баллоном. Чтобы получить больше направленного света, одна сторона каждой лампы была закрашена белой краской. Рааб мог видеть проплывающие по обеим сторонам каменные стены (хотя на некотором расстоянии впереди и за кормой, насколько это позволял слабый рассеянный свет, можно было разглядеть и потолок).

— Сохраняй наблюдение,— сказал он Олини и, обойдя метатель гарпунов, подошел к борту, чтобы проверить привязанные длинные тонкие щупы. Затем он проверил их на противоположном борту. Он не думал, что они понадобятся прямо сейчас — он чувствовал, что в этом проходе лампы обеспечат безопасность — но в дальнейшем, на особенно темных участках ущелья эти щупы могли пригодиться. Привязанные к перилам на носу и на корме, они торчали в разные стороны, словно усы ночного вездесущего.

Казалось, до сих пор все шло нормально. На поверхности солнце должно было уже клониться к западу.

— Бен, через несколько поворотов с правого борта будет довольна большая пещера, чтобы "Пустельга" могла войти в нее. Когда мы доберемся до нее, ты сверн ешь туда. Мы встанем там на якорь, поедим и час отдохнем.

Спрейк что-то про ормотал, подтверждая получение приказа. Рааба уже утомило его мрач ное настроение, но он не стал заострять на этом внимание и вернулся к передним перилам.

Пока Бен Спрейк довольно уверенно проходил повороты, Рааб всматривался в расстилающуюся впереди темноту. Еще несколько ярдов и передние лампы выхватили вход в пещеру.

Что-то внезапно заставило Рааба напрячься.

— Все весла — стоп!— Он услышал вздох Бена и ворчание экипажа.— Триммерам приготовиться!

Некоторое время он, напрягая глаза, всматривался в неопределенную темную массу, которая с одной стороны частично запруживала маленькую подземную речку. Белая вода, едва видимая (и слышимая) отсюда, раздраженно огибала это препятствие. В этой темной массе, которая могла оказаться гигантским вездесущим, хотя Рааб даже не представлял себе, что он мог здесь делать, не было даже намека на движение.

"Пустельга" сошла с курса и начала рыскать по сторонам.

— Все весла — четверть удара!— он начал отсчитывать ритм, затем крикнул: — Бен!— и младший алтерн подхватил счет.

Очень медленно "Пустельга" повернула нос. Свет ламп постепенно высветил темную массу впереди. Рааб глубоко вздохнул:

— Эммет, тебе ничего не напоминает эта?..

— Да, Рааб. Это пустой газовый баллон, упавший на корзину. Небольшой блимп...

— Это "Сова"!— голос Рааба был взволнован.— Она не прошла здесь! Слажение... убиты... но она просто не прошла здесь!

— Капитан,— спокойно спросил Олини,— может, на ней есть сообщение для наших куриц?

Рааб выдохнул и снова глубоко вздохнул.

— Возможно.

Он дрожал так, словно искупался в самом холодном ручье страны ущельев. Он попытался взять себя в руки. Очень ярко он представил себе, как "Сова" двигается в темноте по этому ущелью, и ее лампы, как у "Пустельги", светят вперед, а затем внезапная засада! Свист стрел и гарпунов, и труп "Совы" падает вниз. Предательство... Измена...

Он вытер вспотевшие ладони о свои брюки. Если сейчас их тоже поджидает засада, он уже ничего не сможет сделать. "Пустельга" представляла из себя прекрасную невооруженную мишень; у них даже не будет времени взять луки и достать из бортовых шкафчиков стрелы для обороны.

— Убрать четверть оборота сжатия впереди и на корме!— Едва ли враги (даже если им известно это место, а все говорило за это) успели добраться сюда раньше "Пустельги", подумал он. Но если он ошибается...— Все весла — четверть удара,— хрипло приказал он.

"Пустельга" медленно двинулась вперед. Теперь он ясно видел обломки потерпевшего крушение блимпа.

— Сжатие на четверть оборота впереди и на корме,— он сурово и прямо стоял у передних перил, готовый принять на себя первые стрелы, если они все-таки прилетят. Черная пустота пещеры зияла почти у са-

мого борта.— Весла правого борта — стоп! Триммерам приготовиться! Мы входим и встаем на якорь.

Тихо, если не считать слабого скрипа весел и оснастки, а также шума крови, пульсирующей в висках Рааба, старая "Пустельга" медленно проплыла над поверженной сестрой и повернула в пещеру. Рааб взял лампу и наклонил ее, чтобы свет шел под углом вниз. Осыпь гравия может представлять хорошее место... Опустив корму, корзина слегка наклонилась... Надо приготовиться перепрыгнуть через перила и перебежать к линии больших валунов...

— Все весла — стоп! Сжатие на один оборот впереди и на корме!

Рааб поставил часовых вверху и внизу по течению речки, так что пещера оставалась посредине, и это было все, что он мог сделать для безопасности.

Несколько минут ушло на то, чтобы стащить пустой газовый баллон "Совы" с ее корзины.

Этот прорезиненный саван не позволил вездесущим и другим обитателям реки забраться в корзину. Рааб подавил подступившую к горлу тошноту и заставил себя снова посмотреть туда.

— Стрелы Мэдерлинка, все точно! В засаде здесь, вероятно, было не менее пятидесяти лучников. И, по крайней мере, два метателя гарпунов, установленных в пещере. Никто на борту "Совы" даже не получил шанс взять лук в руки!

— Я знал обоих триммеров и большинство членов экипажа,— тихо сказал Олини.— Они были хорошими парнями. Но все-таки некоторые из них должны были выбраться со своих мест!

Рааб мрачно покачал головой.

— Они были утыканы стрелами прежде, чем смогли понять, что происходит. Они представляли из себя прекрасную мишень — не гребли и сидели в ожидании очередного приказа. "Сова" вообще не двигалась.

Олини бросил на него быстрый взгляд.

— Откуда ты это знаешь, Рааб?

Палец Рааба неистово пульсировал. Широким шагом он подошел к передним перилам корзины, перегнулся через них и открыл дверку маленького шкафчика, приткнувшегося в правом углу. Такой же шкафчик был на борту "Пустельги", и Олини, когда не был занят, сидел на нем. Одна сгнившая кожаная петля отвалилась и дверка обвисла.

— Кто-то на борту знал, что должно произойти,— мрачно сказал он.— И стрелы не попали в него. Прежде чем газовый баллон обрушился на корзину, он успел выбраться из нее. И, кроме того, он прихватил с собой лаг и вахтенный журнал "Совы"!

Экипаж безмолвно смотрел на него. Спустя некоторое время Олини сказал:

— Возможно, ты прав, Рааб, среди экипажа нет его капитана. Кто был командиром? Ты знаешь?

Рааб кивнул.

— Капитан Мэйкл.— Некоторое время он стоял, опустив руки вдоль тела, кулаки сжаты и маленький палец пульсировал.— Нам лучше позаботиться о своих делах. Я не думаю, что после этого мы останемся здесь!

Бен Спрейк, который больше молчал после этого ужасного открытия, вдруг подал взволнованный голос.

— Один из триммеров на борту "Совы" был моим двоюродным братом.— Он посмотрел на тело одного из них и быстро отвернулся.— Наименьшее, что мы можем сделать для них, это похоронить с почестями. Там, в глубине пещеры, есть песок, а потом сверху мы можем навалить камни...

Рааб почувствовал, как гнев закружил ему голову, и повернулся к младшему алтерну.

— Ты не понимаешь, что враги, напрягая все силы, разыскивают нас? И ты хочешь задержаться здесь, чтобы похоронить трупы годичной давности?

Бен немного замялся.

— По крайней мере, мы можем их сбросить в реку.

— Ты думаешь, что один такой умный?— огрызнулся Рааб.— Как ты считаешь, что решит капитан вражеского блимпа или пилот планера, увидев плывущие вниз по реке трупы?— И тут же, пожалев о своей легкомысленной вспышке, добавил: — Большинство мужчин, которые погибли в бою, остались не похоронены.

— Здесь было другое,— упрямо сказал Бен,— они двигались к морю. Я не думаю, что ты отрицаешь право на уважение...

Рааб, стараясь не выйти из-под самоконтроля, шагнул к Бену.

— Это глупое замечание. Вспомни, что мой отец — так же как и твой — погиб в бою!

Бен свирепо посмотрел на него, на его пухлом лице появились признаки мятежа.

— Во всяком случае,— с дрожью в голосе сказал он,— я уверен, что мой отец не был предателем.

Даже если он и пытался, Рааб не смог сдержать свои рефлексы. Его правая рука поднялась, согнулась в локте и отвелась назад, а потом рванулась вперед к челюсти Бена. Удар, в который он вложил все бешенство, кипевшее в нем и сдерживаемое в течение года, принес некоторое облегчение, переходящее почти в экстаз. Бен пошатнулся, отступил назад и тяжело упал на гравий. Приподнявшись, он оперся на локти, но так и остался лежать, глядя снизу вверх на Рааба. На его лице появилось выражение удивления, обиды и, возможно, след раскаяния. Со сжатыми кулаками Рааб шагнул вперед и некоторое время стоял над ним. Только одна мысль сжигала его полуконтролируемый мозг: "Если он поднимется,

я убью его... Я буду бить его, пока он не превратится в бесформенную массу..."

Но долго жаждать крови своего товарища отрочества, который к тому же, не проявлял ни малейшего желания продолжать драку, было невозможно. Наконец Рааб справился с обуревающими его чувствами.

— Все на борт,— коротко сказал он, повернулся и зашагал к "Пустельге"; взявшись за свисающую веревку с узлами, он начал подниматься, используя для этого только слабо дрожавшие руки, которые, казалось, стали вдвое сильнее.

Через некоторое время, когда они были уже в пути, он пожалел, что ударил Бена. Это ничего не доказывало, а только показало его уязвимое место и ненависть ко лжи об отце. Но что еще он мог сделать?

Сжимая перила обеими руками, он стоял чуть наклонясь вперед, и всматривался в ту сторону, куда носовая лампа отбрасывала тусклый свет. Бен на корме мрачным голосом отсчитывал ритм, стараясь показать себя более обиженным, чем есть на самом деле. Когда он поднялся на борт, Раб заметил, что в одном уголке его рта была маленькая струйка крови. Но в прежние годы Рааб и большинство других молодых людей получали много подобных ударов в юношеских играх или полусерьезных драках.

Конечно, Бен не часто принимал участие в таких приключениях.

Гребцы покрякивали от прилагаемых усилий. Казалось, они тянули весла на пределе своих возможностей. "Пустельга" была слишком уязвима, слишком беспомощна в ловушке этого длинного тайного прохода. Он спросил экипаж, не хотят ли они остановиться и поесть сэндвичей, но оказалось, что все, как и он сам, хотели скорее выбраться отсюда.

Выход из тоннеля был, по крайней мере, импозантный: не очень широкое вертикально поднимающееся отверстие, возникшее в результате каких-то катаклизмов, в котором протекающий здесь ручей падал вниз на милю глубины. Шум водопада был таким оглушающим, что Раабу приходилось отдавать свои приказы жестами. Слабые гребки веслами очень медленно — в три раза медленнее, чем должно было быть при нормально накачанном газовом баллоне — поднимали "Пустельгу" вверх.

Рааб постоянно думал о том, что может случиться, если наверху их ожидают вражеские блимпы. В свете второй, самой яркой луны (когда они приблизятся к выходу, он, конечно, погасит лампу) "Пустельга" станет жалкой мишенью. Если гарпуны сразу пронзят ее газовый баллон, им не придется даже тратить стрелы — падение вниз по этой черной оглушающей трубе, по которой они в данный момент поднимались, успешно завершит начатое ими дело.

Но врагов не было. Они медленно поднялись в лунном свете и прежде чем дали себе возможность расслабиться, выровнять дыхание, предоставить отдых болевшим спинам и пожевать сэндвичи, полчаса неистово

гребли, стараясь как можно дальше уйти от этого места. Рааб тоже сидел на весле рядом с Поки Рейджером. Немного отдохнув, они продолжили свое путешествие, но в более терпимом ритме. На этой высоте воздух был примерно такой же, как и дома.

К восходу солнца они почти добрались до известного Раабу укрытия, где можно было отдохнуть, постирать одежду и пополнить свои запасы.

Глава 7

Держась в тени каменного утеса, Рааб внимательно изучал долину, к которой привел "Пустельгу". Крутые стены, которые, вероятно, были кратером древнего вулкана, образовывали яму около полутора миль в диаметре и почти полмили глубиной. Река, когда-то пробившаяся сюда, образовала озеро, принесла слой почвы, осевший на дне, а когда нашла себе другое обходное русло, предоставила озеру возможность подпитываться из небольших местных ручейков. Озеро сжалось до нескольких сотен ярдов в диаметре и обнажило плодородную почву, которая в избытке получала солнечное тепло, если не считать участка вдоль южного утеса, где почти всегда лежала тень.

Здесь в неторопливой поступи времени природа воссоздала траву, деревья и другую растительность. Возможно, этому содействовали и вездесущие, которые неумышленно переносили прицепившиеся к лапкам семена растений, насекомых и всякую всячину из других районов. В конце концов на этой щедрой экологической базе обосновалась другая местная фауна, приспособившаяся к этой высоте и к здешнему климату. Рааб знал, что здесь были, по крайней мере, два земных вида, одичавших после первой высадки колоний и выживших в конкуренции с целым спектром вездесущих форм Дюрента. Это были полосатые кошки и чайки, которые, очевидно, нашли здешнее окружение более гостеприимным, чем морское побережье (правда, на маленьких островках вдали от берега чайки тоже нашли пристанище). К разнообразной фауне Дюрента чайки добавили недостающие ей перья.

Сейчас в эту долину Рааба привлекало не обилие животной и растительной пищи, а то, что здесь было укромное место, не видимое с воздуха, куда он мог спрятать "Пустельгу". Это была каверна, расположенная в основании бросающего глубокую тень южного утеса. Высота ее от пола до каменного свода потолка составляла шестьдесят — семьдесят футов и, по крайней мере, на сотню футов она углублялась в утес, что позволяло укрыть здесь гораздо больший блимп. Высокие деревья с прямыми стволами и круглыми листьями росли так близко к каверне, что полностью закрывали ее своими вершинами; они создали такой эф-

фективный экран, что даже ночью там можно было разводить огонь, не опасаясь быть обнаруженным.

Он в последний раз окинул взглядом долину; кроме медленно передвигающегося по открытому большому лугу стада пасущихся животных, здесь и там перелетающих вездесущих различных размеров, он не заметил никакого движения. Он вытянул шею, чтобы осмотреть как можно больше неба, скрытого газовым баллоном, встретил взгляд триммера Олини, усмехнулся и пожал плечами.

— Насколько я знаю, здесь нет другого способа произвести разведку, кроме как спуститься на землю и пройтись ножками. Все весла — полудара. Триммерам приготовиться.

"Пустельга" выползла из тени и двинулась над долиной.

— Сжатие впереди на полтора оборота.— Она опустила нос. Весла левого борта — стоп!— "Пустельга" начала поворачивать, продолжала снижение, встретила тень южного утеса и пересекла ее.— Все весла — пол-удара.— Теперь она прекратила поворот и мягко заскользила вниз вдоль утеса.— Все весла — стоп.

"Пустельга" шла по инерции, медленно теряя высоту. Рааб всматривался вниз, пытаясь определить местонахождение скрытой за экраном деревьев каверны. Даже находясь так близко, он не видел ее, но надеялся, что узнает характерную выпуклость утеса над ней.

— Все весла — реверс! Четверть удара — реверс! Назад... стоп... толкай. Назад... стоп... толкай.

Экипаж не имел большой практики в таком виде передвижения, и поэтому взмахи были короткими и несильными. Но это уже не решало дела: "Пустельга" перестала двигаться вперед и медленно оседала вертикально вниз.

— Убрать впереди пол-борта сжатия.— Он ждал, чувствуя мягкое покачивание корзины и наблюдая, как уплывающий вверх утес двигается все медленнее, медленнее...— Убрать впереди одну восьмую оборота сжатия.— Она все еще не выровнялась... Он подождал еще, давая ей возможность медленно принять горизонтальное положение, и вдруг заметил старые пни, где много лет назад срубили деревья, расчищая вход в каверну.— Убрать четверть оборота сжатия впереди и на корме. Весла — вперед. Назад... стоп... тяни.

"Пустельга" начала входить в каверну, и ветви деревьев заскребли по газовому баллону, пощелкивая время от времени, когда сучки задевали оснастку. Рааб приостановил ее движение и позволил спуститься почти к самой земле, а затем приподнял ее нос и ввел под защиту каменного потолка.

— Сжатие на один борт впереди и на корме. Мы должны срезать столбы, вбить их в землю и закрепить блимп.

"Пустельга" была закреплена. Рааб собрал высадившийся экипаж и сказал:

— Вы можете купаться и стирать одежду в ближайшем ручье, но остерегайтесь приближаться к озеру — там могут оказаться большие крепкие зубы.— Он сделал паузу.— Лучше всего ловить рыбу в озере на заброшенный линь. Если для приманки вы используете насекомых, на крючок, вероятно, не попадется что-то слишком большое, но на всякий случай держите под рукой дубинки. Оставайтесь вблизи укрытия и не бросайте вокруг ничего, что может быть замечено с воздуха.— Он в некотором замешательстве посмотрел на Бена.— Младший алтерн, если хочешь, можешь пропустить первую вахту, но оставь глаза открытыми и следи за общей безопасностью.

— Мы получили мыло?— спросил Джон Кадебек.— Большинство из нас не смогли принести его с собой.

Рааб кивнул.

— У нас есть мыло, но не очень много, поэтому постарайтесь не расходовать его зря.— Он повернулся к Олини.— Ты, Эммет, и триммер Хэмпел проверьте всю оснастку блимпа. Так как вы первыми заступите на вахту и будете находиться поблизости, вам это не составит особого труда.

— Конечно, капитан. Во всяком случае, прежде чем я искупаюсь, пусть солнце немного прогреет этот ручей.

Рааб немного покраснел и усмехнулся — на самом деле он не взял на себя первую вахту совсем по другой причине. Он вынул из бортового ящичка сигнальную флейту.

— Я собираюсь сходить в разведку и хочу, чтобы со мной пошли еще два человека. Вайнер, ты выглядишь не очень усталым — не желаешь пойти со мной?— Он посмотрел вокруг, отыскивая следующего претендента.

— Я тоже хочу идти,— сказал маленький Поки Рейджер прежде, чем Рааб сделал свой выбор.— Я тоже не собираюсь купаться в холодной воде и хочу немного размять ноги.

— Прекрасно.— Рааб достал три лука и колчан со стрелами.— Если у нас будет возможность, мы принесем немного мяса, но главное, что мы хотим разведать, это — известно ли врагу это место и появлялись ли они здесь.— Отойдя от экипажа, он добавил: — Не разбредайтесь далеко друг от друга и слушайте сигналы флейты. Один долгий звук будет означать, что мы нашли признаки посещения врага — в этом случае, каждый должен соблюдать особую осторожность. Два длинных звука — появление в небе блимпов или планеров. Серия коротких нот будет означать, что мы попали в беду и нуждаемся в помощи. Вы поняли?

Кадебек подтвердил это.

— Капитан, на сколько времени вы уходите?

— Мы вернемся еще до полудня.

Когда они вышли на открытую площадку, солнце уже пригревало, но предутренний холод еще чувствовался в тени утеса и в затененных рощах.

Рааб держался поближе к рощам и поэтому заметил планер, когда он был над серединой долины.

Он вытянул руку и затащил Вилли Вайнера под прикрытие. Они стояли и смотрели вверх сквозь редкую листву. Планер над ними держался на высоте около трех тысяч футов, сохраняя высоту, чтобы перескочить через окружающие утесы, и лениво двигался по кривой S-образной линии. Рааб нерешительно потянулся за сигнальной флейтой, но снова засунул ее в карман. Любой звук, способный преодолеть расстояние между ними и лагерем, мог быть так же услышан пилотом планера.

Поки Рейджер спросил тихим голосом:

— Капитан, это враг?

— Это образец Флота Мэдерлинка,— ответил Рааб.— Если в лагере его сразу заметили, он не будет представлять реальной угрозы, но он находится очень низко, а это значит, что курица недалеко.

— Почему, капитан?

Рааб посмотрел на тощего коротышку.

— Поблизости нет ни одного места, где мог бы приземлиться планер, поэтому курица будет ловить его в воздухе. Воздух здесь почти неподвижен, и на такой высоте он не сможет уйти в дальний планирующий полет.

— Сколько отсюда до ближайшего озера плавунов?— спросил Вилли Вайнер.— Вы — я имею ввиду Флот — не устраивали базу в этой зоне?

— Около шестидесяти миль. Мы предполагали его занять. Но курица этого планера находится гораздо ближе — вероятно, не более десяти миль. Это значит, что нас активно ищут!

— Голого человека в ручье можно легко заметить,— сказал Вайнер.

Рааб вздохнул. Он и сам прекрасно знал об этом.

— Если это о т к р ы т ы й ручей. Тот, что протекает вблизи "Пустельги", в основном, закрыт листвой. Хотя она не очень густая, но этого хватит, чтобы замаскировать находящиеся под ней предметы. Я только надеюсь, что они были осторожны. В данный момент я не могу воспользоваться флейтой.

Больше они не говорили и смотрели, как планер завершил очередной разворот над долиной и крылся в северном направлении. Рааб с тревогой думал о возможном местонахождении курицы. В пределах десяти миль не было площадок, пригодных для планеров, но курица могла принести их с базы и послать в различных направлениях. Из этого вытекало, что некоторое количество куриц могло действовать в различных точках. Он мог наглядно представить себе принцип их действий: база является ступицей колеса, а вдоль каждой спицы расположены курицы. Он попы-

тался припомнить местность в зоне поисков. Хотя он не собирался планировать что-нибудь прямо сейчас, но знать о существующих поисках было лучше, чем не знать.

— Капитан, раз они находятся так близко,— спросил Поки Рэйджер,— значит, мы вообще не получим гелий?

— Мы не пойдем к лучшим источникам,— рассеянно ответил Рааб.— Там есть дюжины маленьких озер с небольшим количеством плавунов, некоторые из них я хорошо знаю. Они расположены поблизости. Нас может удовлетворить одно из них, когда мы туда доберемся. На наше счастье, "Пустельга" так мала, что ей не требуется много гелия.

— А они знают это, как ты думаешь?— спросил Вайнер.— Или они ждут большой блимп?

Рааб почувствовал пульсацию своего маленького пальца.

— Если учесть все, что случилось,— мрачно ответил он,— мы можем предположить, что они точно знают, какой блимп прорвался через блокаду и его технические особенности.

Пилот планера не проявил никаких признаков того, что заметил нечто важное в долине. Возможно, он пытался их обмануть, но на это было не очень похоже. По крайней мере, один раз он снизился и сделал круг, чтобы рассмотреть все получше. В любом случае, исходя из того, как Рааб представлял себе систему поиска, здесь не должно было появиться вражеских планеров в пределах следующего часа, и с некоторым риском он, Вайнер и Рэйджер могли потратить на пополнение их небольших запасов это время.

Они пошли вокруг наибольшего открытого луга, чтобы ближе подобраться к пасущимся животным, которые были меньше большеголовых, напоминавших Раабу виденных им на картинках земных гиппопотамов, но, вероятно, это были родственные виды. У них были широкие морды, и поэтому они, набив полный рот, могли щипать десятидюймовой высоты луговую травку, не теряя ее, но все же не шли ни в какое сравнение с ходячими пожирателями травы, обосновавшимися в стране низких холмов. Вместо тяжелых и широко закрученных рогов у них были короткие и тонкие дуги. У них была рыжевато-коричневая шкура. Захватив полный рот травы, они то и дело вскидывали голову, и Рааб предположил, что эта привычка служила для стряхивания почвы с корней травы. По прежним путешествиям он знал, что эти животные весьма подвижны и очень быстро бегают, если их вспугнуть.

Он поставил Вайнера и отошел от него на пятьдесят ярдов, оставив Рэйджера посредине, не надеясь, что тот сделает хороший выстрел. Они уже выбрали молодого самца, который по только известным ему причинам отошел от стада на несколько ярдов в сторону рощи. Возможно, животное хотело за счет осторожности получить больше сочной травы.

Надеясь, что зверь подойдет ближе, Рааб выждал десять минут, но когда этого не произошло, вынул лук, и, поскольку расстояние было большим, послал стрелу по слегка изогнутой траектории. Прежде чем она попала в цель, в воздухе уже была стрела Вайнера. Рааб признал, что это был хороший выстрел, хотя не сомневался, что у Вайнера крепкие руки. Обе стрелы попали в цель, но не совсем удачно: стрела Рааба застряла в правой лопатке, а стрела Вайнера пронзила грудь, не задев сердца.

Зверь испуганно взметнулся в воздух, повернулся и умчался прочь, прежде чем Рэйджер успел выпустить свою стрелу. Его запоздалый слабый выстрел поразил траву много ближе и на двадцать ярдов левее того места, где стояло животное.

Рааб посмотрел вслед быстро перебирающему ногами стаду и затем, забрав по пути Рэйджера, подошел к Вайнеру.

— Теперь, после того как одного ранили, мы начнем преследовать их.

Рэйджер выглядел слегка ошеломленным, словно впервые в жизни стрелял по живой мишени, а Вайнер лишь пожал плечами.

— А если они свернут в лес?

— Я так не думаю. Но все-таки мы снова обойдем их вокруг.

Так они и сделали. Когда они наконец под прикрытием деревьев осторожно приблизились к стаду, раненый зверь лежал в окружении других животных. Его бока тяжело вздымались. Даже если они не убьют его раньше, он умрет в течение нескольких часов, подумал Рааб, поэтому он не мог позволить ему страдать так долго, тем более у них не было времени ждать.

— А что случится, если я пройду вдоль той опушки и выбегу с той стороны?— нерешительно спросил Рэйджер.— Может быть, они побегут в вашу сторону?

Рааб посмотрел по сторонам. Во всяком случае, стадо может побежать боком к нему и Вайнеру.

— Хорошо, попробуем это сделать.

Они ждали. Рэйджер шел довольно тихо, и они не видели его до тех пор, пока он не выбежал неуклюжей рысью на луг, крича и размахивая руками. Стадо снова затопало ногами и под небольшим углом понеслось в сторону Рааба и Вайнера. Раненое животное немного замешкалось, пытаясь подняться на ноги, и они выпустили в него еще по стреле. Пошатываясь, зверь сделал несколько шагов и упал.

Испытывая слабую тошноту, которая всегда подступала, когда он убивал живых существ, Рааб выбежал на луг и перерезал животному горло своим кремниевым ножом. После этого они вытащили тушу под прикрытие, пронеся ее около четырехсот футов, содрали шкуру и разрезали на куски так, чтобы каждый из троих мог взять посильную ношу.

Не успели они отойти на достаточное расстояние, как увидели извивающихся вездесущих, которые слетались к точке, где они оставили останки животного.

Рааб отошел от каверны, где Олини развел два костра и поджаривал филе пойманного в озере вездесущего. Чтобы зажарить большие куски мяса, принесенные трио Рааба, он насадил их на вертел и пристроил над огнем.

Раб пошел к устью ближайшего ручья, где, как сказал ему Олини, находились наиболее удачливые рыболовы. Их довольно потрепанная одежда, которую трудно было заметить с воздуха, была развешена на кустах для просушки. Четыре или пять человек продолжали забрасывать свои лини. Решив искупаться, Рааб начал было раздеваться, но, услышав низкий голос Кадебека, пошел вдоль берега озера, пока не наткнулся на представителя экипажа.

Кадебек сидел на корточках и чистил вытащенного из озера четырехфутового вездесущего. Он поднял глаза и кивнул.

— Олини сказал мне, что ты первый заметил тот планер и довольно быстро увел всех под укрытие,— сказал Рааб.

Не разгибаясь, Кадебек сел на землю и вытянул вперед затекшие ноги.

— Один или двое купались на открытом месте, и я действительно предупредил их, но это было до того, как я заметил планер. Уверен, когда он проходил над нами, они уже скрылись.

— Хорошо,— несколько рассеянно ответил Рааб, наблюдая за ножом, которым пользовался крепыш.— Это металлический нож?

Кадебек поднял нож, лежащий около полуочищенной добычи, дважды воткнул в землю, чтобы очистить лезвие от крови, и ручкой вперед протянул Рааб у. Рааб взял нож и стал рассматривать. Костяная ручка не представляла особого интереса, но лезвие... переходящее в рукоять под костяными накладками, оно было из единого куска темной бронзы. Рааб провел пальцем вдоль десятидюймовой режущей комки. Это был великолепный металл; довольно толстый кусок шириной в один дюйм и длиной в восемнадцать дюймов. Если срезать металл, к которому крепилась рукоятка, можно было сделать еще одно маленькое лезвие. Цена такого ножа составляла годичный заработок гребца.

Рааб вернул нож хозяину.

— Спасибо. Я слышал много доводов за и против, а что ты можешь сказать, исходя из своего опыта?

Кадебек, казалось, обдумывал ответ и одновременно разрезал на ломтики крыло своей добычи. Это был обычный серебристо-серый вид вездесущих, у которого были немного короткие крылья, поэтому они, даже когда вырастают, не могут перелетать на длинные расстояния. Каждое крыло, насаженное на вертел и зажаренное, могло насытить взрослого человека. Кадебек взглянул вверх.

— У этого ножа есть и хорошие и плохие стороны. Лезвие твоего...— он кивнул на кремниевый нож с кожаной рукояткой, висевший на поясе Рааба, который имел каждый офицер Флота,— ...может резать веревки, рубить деревья и не затупиться. Но бронза не ломается и не откалывается так легко, как кремний, и может быть заточена в несколько минут. Главная неприятность в том, что лезвие надо постоянно очищать и смазывать жиром, чтобы защитить от коррозии, и еще надо знать, какой жир можно использовать.— Он перевернул вездесущего и вспорол ему живот. Острота лезвия была очевидна.— Кроме того, металлический нож тоньше кремниевого и его удобнее носить.

— Что правда, то правда,— сказал Рааб.— Это металл с Земли или местный?

— Местный,— усмехнулся Кадебек.— Чтобы достать столько земного металла, надо ограбить музей Оркета. А это местная бронза, неоднократно переплавленная, чтобы избавиться от слишком большого содержания цинка или чего-то еще.— Он аккуратно вырезал потроха вездесущего и ответил на так и незаданный вопрос Рааба: — Четыре или пять лет назад, когда был моложе и глупее, я истратил на него все свои сбережения. Позднее были времена, когда я находился на грани того, чтобы его продать, но всякий раз находил выход из положения и он оставался висеть на моем поясе. Возможно, я стал еще глупее, хотя уже не так молод.

Рааб пожал плечами.

— Я бы не стал так говорить, поскольку это превосходная вещь.— Он почти повернулся, чтобы уйти, но остановился.— Олини уже обеспечил всех мясом, а ты только собираешься жарить этого суща.

Ближе к полудню Рааб помылся и закончил стирать свою одежду. Он развесил ее на кусты там, где она была бы не видна. В затененном ручье вода была еще холодной, но солнце, пробивающееся через листву, было теплым. И он вспомнил счастливые времена, когда дважды был здесь со своим отцом. Ходили разговоры об основании здесь базы отдыха Флота, но к тому времени, благодаря общественному мнению, Флот лишился дотации и начал приходить в упадок.

Надев еще сырые брюки, Рааб пошел к каверне, где в деревянных чашах была приготовлена горячая вода для бритья, побрился и подсел к экипажу, жующему куски вездесущего (мясо травоядных, посоленное, зажаренное и завернутое в тонкую кожу, могло дольше пролежать в пищевом шкафчике "Пустельги", находившемся на носу перед сидениями гребцов).

Позднее, когда впервые со времени отъезда с Лоури экипаж охватило веселое настроение, он решил из небогатых запасов выдать немного вина. Этого, разумеется, было слишком мало, чтобы кто-нибудь захмелел, но вполне достаточно, чтобы добавить немного веселья. Неожиданно Вилли Вайнер ухитрился извлечь из сигнальной флейты что-то, напоминающее

музыку, кто-то начал стучать по пустым деревянным чашам, и возникло нечто похожее на хорнпайп [1]. Один из людей замычал старинную песню — бессмысленную и абсолютно немелодичную, которую привезли с Земли первые колонисты, и которая пережила многие поколения: "Джонни, твоя собака кусается, собака кусается..."

Рааб задумался о Земле. Само название — Земля — несло им сознание могущества, славы и неописуемой красоты. А может, это внушал чужой и негостеприимный мир Дюренте, остававшийся таким для многих поколений людей? Или это сохранившиеся инстинкты, вызывающие ностальгию по земным видам деревьев и животных, которые ни один человек, живущий на Дюренте, даже не видел? Что, например, заставляло сильнее биться сердце Рааба, когда он видел гибкую грацию кошек, осторожно покидающих укрытия в этой долине? Такие чувства не возникали у него, когда он наблюдал за небольшими, совсем непохожими на них местными хищниками, живущими на деревьях.

Вероятно, нет — просто он слишком много разглядывал старые земные картинки и немного свихнулся на этом. Возможно, никто из его товарищей не чувствовал того, что смутно беспокоило его сейчас. После веселья, шумевшего полчаса назад, а теперь затихшего, такое настроение могли принести воспоминания о Столовой Горе Лоури, которую они могут больше никогда не увидеть.

Он почувствовал некоторую неприязнь к себе. Вероятно, единственный глоток вина сделал его слезливым; да и других тоже.

Глава 8

Подъем "Пустельги" был заметно медленнее, потому что взятые на борт запасы продуктов сделали ее гораздо тяжелее. Они погрузили более тонны мяса, полтонны клубней и других богатых крахмалом растений, несколько сот фунтов фруктов, ибо Рааб знал, что люди нуждаются в витаминах, а в десять балластных мешков были насыпаны орехи. Кроме этого они взяли почти сотню караваев плоского, испеченного на горячих камнях хлеба, так как хлеб, выпеченный на жире вездесущих, который они взяли на Лоури, почти кончился. На выпечку нового хлеба и приготовление подсоленного мяса ушли практически все запасы соли. Но сейчас им необходимо хорошо питаться.

Низко, над почти голой, каменистой вершиной древнего пласта магмы "Пустельга" двигалась к северу.

1 Хорнпайп — английский матросский танец

Сверху светила только одна луна, отдаленная и маленькая, но ее свет был таким слабым, что Рааб вообще не видел тень от "Пустельги". Когда взойдет одна из больших лун, блимп станет заметен для глаз возможных наблюдателей.

Шутливо переговариваясь, люди легко тянули свои весла.

— С моральным состоянием нет проблем, Рааб!— заметил Олини.

Рааб всматривался в темноту.

— Пока нет, но довольно скоро у нас наступит подавленное настроение. Даже сейчас мы не можем позволить себе беззаботность. Факт, что над долиной больше не появлялись планеры, еще не говорит о том, что поиски прекращены.

— Если бы они знали, как мало газа в нашем баллоне,— сказал Олини,— были бы очень удивлены, что мы вообще уцелели после того спуска. По свисту, исходившему от нашего блимпа, они должны были определить, что мы спускались на довольно большой скорости!

— Да,— согласился Рааб.— Они предполагают, что мы провалились и потерпели аварию, я в этом не сомневаюсь, но поступая благоразумно, они могут только надеяться на это — не больше. Во-вторых, если только их шпионы не забрались выше, чем я думаю, они не могут быть уверены, что через блокаду пытался прорваться только один блимп. Кроме того, они не могут исключить вероятность, что мы просто выполняли отвлекающий маневр. Так что все правильно, они сохранят наблюдение!

— Думаю, ты прав.— Олини выглянул за правый борт и на минуту затих.— Куда мы пойдем сначала?

— К маленькому озеру в пределах мили, где, как я подозреваю, находится ближайшая курица,— ответил ему Рааб.— Это озеро даже названия не имеет, и я надеюсь собрать там урожай больше пяти-шести плавунов, а это меньше одной десятой того, что нам нужно. Но зато даже такое количество гелия увеличит нашу плавучесть и улучшит маневренность, а сам блимп не будет выглядеть истощенной дворняжкой.

Олини заметил, что полдюжины плавунов не сделают погоды.

Медленно поворачивая голову, Рааб всматривался в каменистую поверхность, пытаясь рассмотреть знакомые ориентиры. Он внимательно высматривал узкое ущелье, которое могло их вывести прямо к маленькому озеру без малейшей необходимости снова подниматься в открытый воздух. Ему нельзя было проскочить это ущелье — до восхода Золотистой оставалось меньше часа. Он прислушался к голосу отсчитывающего ритм Бена. Даже младший алтерн после двухдневного отдыха был в довольно хорошем настроении.

Прошло еще четверть часа, может, больше, а может, меньше. От беспокойства, что он мог не заметить ущелья и пройти мимо, Рааб начал покрываться потом, когда вдруг увидел черную линию, по диагонали пересекающую темную поверхность.

— Все весла — стоп!

В корзине стало так тихо, что он услышал, как сглотнул Бен. Веревки слабо скрипели. Рааб повернулся лицом к экипажу, хотя, судя по тому, что он видел только смутные пятна в темноте, они не могли видеть его лицо.

— Ущелье, в которое мы сейчас спустимся, такое узкое, что нам потребуются щупы. В конце этого тяжелого ночного путешествия мы получим несколько плавунов. В течение следующих четырех часов мы будем двигаться медленно и с небольшими остановками на отдых, потому что к озеру мы должны добраться чуть после полуночи. Чтобы собрать плавуны, нам потребуется еще четыре часа. Затем до восхода солнца — который мы, кстати сказать, не увидим — я хочу уйти от него не менее, чем на десять миль. После этого, если не возникнет никаких неприятностей, мы сможем отдохнуть.

Послышался низкий голос Кадебека.

— Мы успеем собрать весь урожай за ночь?

— Успеем. Мы не знаем, сколько маленьких озер с плавунами враг уже обнаружил сейчас и какие из них находятся под наблюдением. Я знаю несколько озер, которые лунный свет заливает в очень короткие промежутки. В течение этого времени мы должны будем быстро осмотреть озеро, определить созревшие плавуны и выбрать маршрут от одного к другому. Мы будем передвигаться, сколько потребуется, но, чтобы нас никто не заметил сверху, будем оставаться глубоко в ущелье.

Около минуты стояла тишина, а затем заговорил Кадебек.

— Как я понял, ты хочешь сказать, что мы будем двигаться по ущельям в течение восьми-десяти дней, не видя солнце? Если не больше...

— Это примерно то, что я хотел сказать. Вы, вероятно, заметили, сколько кислых фруктов мы погрузили на борт. Они будут необходимы, потому что мы будем находиться в темноте и сырости так долго, сколько потребуется. До тех пор, пока мы не покинем страну ущельев и не направимся к побережью, солнечные лучи, вероятно, не коснутся нашей кожи.

— А затем,— воскликнул Кадебек,— ночами мы будем усиленно грести против ветра, а в течение дня скрываться в тумане или в облаках, чтобы нас не заметили вражеские блимпы!

— Ты точно оценил обстановку,— сказал Рааб с некоторой досадой в голосе.— Может, для тебя было бы предпочтительнее умереть на Лоури от истощения?

Снова установилась тишина, которую первым нарушил Кадебек.

— Думаю, мы переживем то, что ты спланировал для нас,— усмехнулся он,— хотя и не говорим, что это очень нам нравится.

— Нет,— ответил Рааб и начал спуск в ущелье.

В узком ущелье было так темно, что Рааб не видел даже вездесущих, которые пролетали в нескольких ярдах от "Пустельги", издавая

пронзительные крики. Рааб знал, что они находят дорогу в темноте, прислушиваясь к эху, отражаемому твердыми объектами. Где-то далеко внизу недовольно шелестела река, выбирая извилистый путь вокруг беспорядочно разбросанных и еще не покрытых илом камней. Оснастка блипма скрипела. Но Рааб не прислушивался к этим звукам. С напряженным вниманием он прислушивался к тому, как концы щупов скребут по крутой каменной стене. Ориентируясь по этим звукам, Рааб вел свой блимп вверх, хотя Бен Спрейк еще пытался неуверенным, запинающимся голосом отсчитывать ритм. Рааб сам отдавал все команды.

Какая все-таки упрямая штука эта жизнь, думал Рааб. Он и его экипаж, борясь за жизнь в кромешной темноте, испытывая неудобства и тревогу, делали свою тяжелую работу — и, надо сказать, неплохо справлялись с этим. Но и другая жизнь в ущелье боролась тоже. Стены ущелья покрывал похожий на лишайник мох. Он не был виден в темноте, но исходивший от него запах сырости не позволял забывать о его присутствии. На этом мху жили насекомые; вездесущие, извиваясь, двигались в воздухе и, отыскивая насекомых, хватали их; еще большие сущи терзали меньших. На такой высоте, в полумиле от вершины древней лавы, шестифутовые вездесущие едва ли смогли бы летать, и оптимальный размер хищников составлял четыре фута. Пожиратели насекомых были в два раза меньше.

Во всяком случае, кто-то считал, что здесь можно жить — и жил.

Громкий скрежет щупа с левого борта резко оборвал его размышления.

— Весла правого борта — стоп!

Щуп, зацепившийся за какой-то выступ на стене, издал жалобный звук. От страха, что он может сломаться, Рааб почувствовал пустоту в желудке. Затем согнувшийся щуп высвободился, и он снова услышал скрежет по камню. Он с облегчением вздохнул, усмехаясь в ответ на такую свою реакцию. Сломанный щуп не являлся катастрофой — у них были запасные, которые можно было заменить за пять минут — но ощущение слепоты в этом сыром ущелье приводило его в такое смятение, что он не жалел даже минимально кризисной ситуации.

Было бы гораздо легче, подумал он, если бы эта проклятая магма, остывая, треснула по прямой линии...

Они медленно ползли вперед. Дыхание гребцов становилось все более тяжелым и прерывистым. Наконец Кадебек проворчал:

— Джеран... сколько еще до перерыва?

Рааб вздохнул.

— Все весла — стоп!— Некоторое время он сидел неподвижно, давая своим нервам немного успокоиться.— Сейчас мы с успехом можем съесть сэндвичи и немного фруктов. Олини, достань полдюжины караваев хлеба, ты понял? Кэмпел, нарежь мясо, которое мы заготовили,— распорядился Рааб, а сам двинулся по середине корзины и начал раздавать фрукты. Подойдя к Кадебеку, он сказал: — Не видя луны и под-

дающихся распознаванию звезд, невозможно точно определить время. Если бы у меня был Флотский экипаж и блимп с нормально накачанным баллоном, я мог бы сказать, сколько времени займет это путешествие. Но при таком положении дел, по самым точным подсчетам, я могу лишь сказать, что до озера мы доберемся через час-полтора, плюс-минус несколько минут, потому что я не учитываю слабый бриз, который мы можем встретить в ущелье. Движение воздуха здесь не имеет ничего общего с направлениями ветров на поверхности. Еще час работы веслами...

Он прошел на корму, отвязал концы щупов и, опустив, оставил вертикально висеть за бортом, чтобы они не сломались, если блимп начнет дрейфовать в сторону. "Пустельга" могла повернуть в ту или иную сторону и застрять, уткнувшись носом и кормой в противоположные утесы; но в таком положении она не будет рыскать носом вверх и вниз и сноситься ветром назад, а это было то, что нужно Раабу.

Дав экипажу возможность дожевать сэндвичи и подождав еще несколько минут, он сказал:

— Ну ладно, здесь мы плавунов не найдем. Бен, ты возьмешься вести блимп дальше? Я хочу ненадолго сесть за весло.

Бен взялся, по крайней мере, попробовать. Механически, как можно идти пешком, Рааб тянул весло (Рэйджера) и прислушивался к скрежету щупов, чтобы в случае необходимости помочь Бену.

Он думал, что прошло уже полтора часа, прежде чем Олини, стоявший около передних перил, тихо крикнул:

— Капитан, впереди очень тусклый свет. Возможно, это выход к озеру.

Историю возникновения этого озера, как и любого другого узкого озера в стране ущельев, можно было легко проследить: две остывшие трещины проходили близко друг к другу в слое магмы; через некоторое время подрезанная водой узкая перегородка разрушилась. Могла пройти вечность, прежде чем терпеливые реки унесли большую часть щебня, но они сделали это; затем они придали форму озеру и нанесли ил. Ширина этого озера составляла всего пятьсот футов, а длина — почти три мили. Очевидно, озеро было мелким и его глубина не превышала двадцати футов, потому что плавуны росли не только по краям, а и в середине.

Когда "Пустельга" осторожно приблизились к слабо светившейся вертикальной линии, которая отмечала выход, Рааб, отдавая команды, повысил голос, чтобы перекричать шум водопада — вода озера, переваливаясь через естественную плотину из обвалившихся камней, падала на дно ущелья и снова становилась рекой.

Рааб слышал ее бормотание внизу. Как далеко было до водопада, он мог только предполагать. Возможно, миля.

Он скорее почувствовал, чем услышал, что щуп с левого борта проскрежетал по камню.

— Весла правого борта — стоп!

Двигаясь вперед, "Пустельга" медленно повернула, затем они медленно выплыли из промежутка между двух стен, которые в течение долгих часов так угнетающе действовали на них.

— Все весла — стоп!

Озеро представляло прекрасное зрелище. Одна из двух больших лун — Золотистая — взошла, и, хотя ее свет еще не коснулся поверхности воды, на западном утесе высветилась широкая полоса яркого шафрана, отражающаяся в озере. Поверхность в озере рябила, и листья плавунов мягко двигались. Над большинством пористых листьев висели различных размеров шары. С этого места Рааб смог рассмотреть несколько, достигших нужных размеров, и, по крайней мере, один из них был рыжего цвета, что говорило о полном созревании.

На озере или вокруг него не было никаких признаков человеческой деятельности. Здесь и там маленькие вездесущие перелетали с места на место, но из-за шума водопада, находившегося под "Пустельгой", Рааб не мог слышать их пронзительные крики.

— Все весла — на пол-удара!— крикнул он, перекрывая шум, и блимп двинулся вперед.

Как только они перевалили через край, шум начал быстро затихать, хотя еще слышалось глубокое эхо.

— Весла правого борта — стоп. Сжатие воздуха впереди на полоборота.— Он подождал, пока "Пустельга" опустила нос и повернула вправо.— Все весла — пол-удара.

Она закончила поворот и начала медленно снижаться, планируя в глубокой тени вдоль восточного утеса.

Когда они находились менее чем в пятидесяти футах над уровнем озера, он снова остановил ее. На фоне отражающегося от утеса лунного света, он хорошо видел силуэты плавунов. Он принюхался к ветру. В нем еще чувствовался сырой запах лишайника; еще к нему добавился смолистый запах, исходивший от веток плавунов; но в воздухе не было и намека на запах горящего дерева.

Он выдержал паузу чуть больше минуты, и в этот момент Бен Спрейк нервно сказал:

— В тени на нашей стороне может быть засада. Я думаю, нам надо подождать.

Рааб попытался скрыть свое раздражение.

— Здесь сотни озер, подобных этому, на которых они могут устроить засаду. Если учесть, что один единственный планер появляется здесь раз в день, то шансы могут равняться — все против ничего. В любом случае — мы не можем ждать, пока поверхность воды зальется лунным светом! Мы должны начать сбор урожая прямо сейчас!

Возникла пауза, затем Кадебек тихо спросил:

— А если лунный свет зальет поверхность прежде, чем мы кончим? Что, если на этой стороне д е й с т в и т е л ь н о есть засада?

— В таком случае,— жестко ответил Рааб,— мы можем только жалеть, что не остались на столовой горе. Но поверьте мне, прикрывая такую зону, они должны быть ясновидящими, чтобы поставить блимп именно здесь!

Следующий донесшийся с кормы голос принадлежал триммеру Хэмпелу — и в нем слышались нотки насмешки.

— Капитан, а какая это зона?

Рааб почувствовал, как к его лицу приливает кровь, но сдержал свой голос.

— Зона включает все точки, где мы можем сейчас находиться.— Он повернулся и около минуты всматривался в озеро. Признаков беды не было...— Все весла — пол-удара!

"Пустельга" как можно ниже опустилась над первым созревшим плавуном, который Рааб заметил от самого выхода к озеру. С этого места он увидел еще два, находящихся на небольшом расстоянии.

— Бен, опусти нос и постарайся удерживать нас на одном месте.

Через передние перила он начал спускать шланг от насоса, стараясь не запутать его в балластных мешках и веревках, затем привязал веревочную лестницу и сбросил ее свободный конец за борт.

— Олини, ты приготовил меха? Вайнер, я хочу, чтобы твои крепкие руки занялись этими мешками. На случай, если ты этого никогда не делал, должен предупредить, что это тяжелая работа.

— Я имел с ними дело, капитан.

— Хорошо.— Рааб посмотрел на корму корзины.— Рэйджер?

— Я, капитан?

— Ты. Я хочу, чтобы ты спустился со мной. Ты самый легкий.

— Конечно, капитан! Пористый лист плавуна может выдержать десять таких, как я!

Рааб перебрался через перила и спустился по раскачивающейся лестнице. Ногой он оттолкнул в сторону ветви с листьями и попробовал, насколько крепка поверхность плавучего листа. Он шагнул на лист и посмотрел, как Рэйджер начал неуклюже спускаться вниз. Олини только посмеивался.

— Спускайся только по одной стороне лестницы,— посоветовал Рааб Поки,— тогда веревки не будут раскачиваться.— Он придержал лестницу, а затем отодвинулся в сторону, уступая место тощему коротышке.

Под двойным весом край листа прогнулся, и холодная вода лизнула их ноги. Испуганный Рэйджер что-то пробормотал. Рааб начал пробираться к середине листа.

Внезапно Рэйджер сказал тихим голосом:

— Замри, капитан!

Рааб замер, так как в голосе коротышки слышались нотки приказа. Неужели он увидел другой блимп? Но тут из корзины послышался голос Олини.

— К вам плывет десятифутовый вездесущий. Я достал лук и, если он полезет на лист, я его подстрелю.

Рааб (он знал, на что похожи зубы десятифутового суща, и не хотел быть убитым или покалеченным, даже не видя атакующего) очень медленно повернул голову в том направлении, куда смотрел Рэйджер, и потянулся за ножом. Через некоторое время он дотянулся до него и тут увидел подобную угрю голову, двигающуюся к листу и оставляющую позади S-образный след. Вездесущий двигался слишком быстро.

Он тверже сжал кремниевый нож.

Внезапно существо подняло голову выше, а затем погрузилось под воду. Над взбаламученной водой то и дело появлялись поблескивающие различные части тела нырнувшего суща. Лунный свет придавал им зеленоватый оттенок.

— Это не озерный вид!— резко крикнул Олини.— Такие сущи водятся на столовых горах! Что он здесь делает?

— Не знаю,— ответил Рааб,— но я хорошо вижу его. Он поднимается на поверхность!— Не успел он договорить, как развивший необходимую скорость в коротком подводном броске вездесущий взломал поверхность воды и взвился в воздух.

Размахивая крыльями, сущ по сжатой спирали поднялся вверх и спланировал в направлении Олини! И в этот момент Рааб увидел то, что заставило его поспешно крикнуть:

— Не стреляй... он ручной!

Олини что-то недоверчиво и негодующе проворчал, но стрелу не выпустил. И теперь вездесущий кружил вокруг корзины, издавая особенно скрипучие звуки, что было выражением его симпатии. Теперь и Олини заметил кожаный ошейник, плотно стягивающий его шею, отложил лук со стрелами и выпрямился.

— Иди, сапожник! Иди!

Вездесущий, извиваясь, двинулся к тому краю корзины, где стоял Олини, неуклюже сорвался с потока воздуха, таким способом все сущи совершают посадку, и, издавая счастливые звуки, где-то устроился, но где, Рааб не видел.

— Проклятье!— удивленно воскликнул Олини.— Он приземлился на крышку метателя гарпунов так, словно там вылупился из яйца!— Через мгновение он резко сказал вездесущему:— Не двигайся, идиот, я сниму эту штуку с твоей шеи! Как только ты до сих пор не задохнулся!

Ошейник сидел так плотно, что Олини пришлось подсунуть под него лезвие ножа и разрезать. Возбуждение вездесущего теперь стихло, и он спокойно посвистывал.

— Все нормально, на нем был футляр для сообщений!— довольным голосом сказал Олини, а через мгновение, вероятно, открыв его, он до-

бавил:— В нем кусок бумаги с каракулями, но при таком свете его невозможно прочитать.

— Зажги лампу!— сказал Рааб.

В тусклом лунном свете он увидел, как Олини перегнулся через борт и посмотрел на него.

— Рааб, я не ослышался? Несомненно, этот сущ — талисман вражеского блимпа!

— Нет,— ответил Рааб,— этот — нет! Если бы над озером появлялись какие-нибудь блимпы, его бы здесь уже не было. Ты не понял, почему у него был такой тесный ошейник? С тех пор, как ему его надели, вездесущий здорово вырос. Это талисман "Совы"! Зажги лампу и прочитай записку!

Экипаж затаил дыхание. Рааб услышал, как Олини высекает искры из огнива; увидел слабо мерцающую ожившую лампу. Дрожа от волнения, он ждал; его маленький палец пульсировал. Он мог видеть, как Олини искоса рассматривает записку, отведя руку в сторону. Наконец триммер посмотрел вниз.

— Здесь ничего нет разобрать. Я полагаю, тот, кто писал, здорово торопился. Кроме того, она слишком долго была в воде,— он затих на момент.— Ты думаешь, что сущ находится здесь со времени гибели "Совы"?

— Да, я так думаю,— голос Рааба немного дрожал.— Кто-то на борту "Совы" — только не капитан — положил записку в футляр для сообщений и отпустил вездесущего. Возможно, он притворился мертвым и получил шанс написать записку, возможно, он прыгнул в реку и сделал это прежде, чем враги нашли и уничтожили его.— Он сделал паузу и некоторое время стоял на листе плавуна, сжав кулаки. Пульс стучал в его висках.— Все ясно. Кто-то написал записку в надежде, что талисман доберется до нашей курицы. Можете считать, что сообщение было,— он снова умолк, размышляя, что бы изменилось, если бы сообщение дошло до флотилии Лоури.— Вы не можете ожидать слишком много от вездесущего, даже если ему, как и талисману "Совы", три-четыре года. Он не понял, что от него требовалось, и остался в стране ущельев. Из того прохода очень легко добраться до этого озера. В ранние рейсы "Совы" он, вероятно, был здесь и запомнил дорогу. С такими размерами он едва ли набрал нужную высоту и поэтому остался здесь. Он ждал, пока кто-нибудь не заберет его отсюда.

Олини тихо выругался. А спустя минуту Бен Спрейк воскликнул:

— Мы можем послать его на Лоури с сообщением!

— Чтобы его перехватила блокада?— резко спросил Рааб.— Нет, мы оставим его. Он еще пригодится. В темноте вездесущие действуют лучше людей, а старый талисман гораздо раньше почувствует приближение другого блимпа, и мы сможем быстрее уйти от него. Запомните, "Пустельга" — сестра "Совы"!

Рааб вернулся к прерванному занятию добычи гелия из шара плавуна.

Пока Поки Рэйджер болтался на веревке, поддерживая шар, чтобы тот не улетел в воздух, если сломается его стебель, Рааб выбрал место около основания, сжал конец шланга и протолкнул сквозь прочную кожуру. Прежде чем он наложил резиновую прокладку, улетучилось совсем немного гелия. Закрыв отверстие, прокладка прочно и плотно прижалась к плавуну, и послышалось слабое шипение, когда газ двинулся вверх по шлангу. Затем он услышал, как в корзине заработали ручные меха. Когда он услышал шипение газа, поступающего в вялый баллон "Пустельги", у него возникло ощущение победы.

Около четверти часа Вилли Вайнер неутомимо перекачивал гелий. Рааб чувствовал, как тугой, достигающий восьми футов в диаметре шар постепенно увядает под его руками. Теперь Рааб и Рэйджер, которым больше нечего было делать, надавливали на шар, чтобы выдавить остатки гелия. Наконец пустой шар лег среди ветвей с листьями. Рааб наклонился, чтобы срезать стебель ножом, но этого не потребовалось — стебель сломался в его руках. Еще день, и освободившийся шар поднялся бы в воздух, отдаваясь воле ветров. Рааб поднял пустую оболочку шара и засунул под край пористого листа, стараясь протолкнуть подальше, чтобы его нельзя было заметить с воздуха. В другое время ей нашлось бы применение, но на борту "Пустельги" она была не нужна.

Приободренный успешно выполненной работой, Вилли Вайнер сказал:

— Могу поклясться, капитан, что я закачал газ в баллон, но почти никакого сопротивления не чувствовал. Ты уверен, что нигде нет утечки?

Несколько гребцов застонали, но Кадебек серьезно спросил:

— Сколько еще ты надеешься собрать на этом озере, капитан?

— Возможно, полдюжины,— ответил Рааб, подождал, пока Рэйджер поднялся по лестнице, и затем полез сам. Встав на перила, он с минуту всматривался в озеро. Когда Рааб и Поки Рэйджер поднялись на борт, Олини убрал сжатие, но нос "Пустельги" остался наклоненным вниз.— Убери крен, Олини.— Рааб оставил шланг и лестницу висеть на перилах.— Все весла — пол-удара.

Когда они откачали гелий из шестого плавуна, прошло примерно столько времени, сколько предполагал Рааб.

Ущелье в верховьях озера было немного шире, чем то, через которое они вышли к нему. Это значило, что даже на такую глубину, на какой двигалась "Пустельга", проникали узкие полосы дневного света, позволявшего видеть каменистые стены утесов. В полумиле над ними тянулась то сужающаяся, то расширяющаяся бело-голубая полоска неба. Далеко внизу в кромешной темноте протекала река, и иногда можно было слышать ее бормотание.

В течение дня они несколько раз могли наблюдать, как изнывающий от безделья вездесущий, свернувшийся на крышке метателя гарпунов, развертывался и с едва слышным зубовным скрежетом бросался в воздух, чтобы поохотиться. Через некоторое время до них доносились короткие взволнованные крики, в которых слышался смертельный ужас небольших сущей, потом наступала тишина, когда талисман начинал есть. Затем десятифутовый хищник, извиваясь, возвращался назад, делая пару кругов вокруг "Пустельги" и снова усаживался на крышку метателя гарпунов. После четвертого раза Олини посмотрел на него и усмехнулся.

— Рааб, ты, кажется, лишился своей кровати.

— Это точно. Ладно, на борту есть запасные подстилки. Я устроюсь в проходе между рядами.

За день они прошли гораздо больше миль, чем ночью, когда направлялись к маленькому озеру с плавунами, потому что теперь им не надо было пользоваться щупами и они двигались быстрее. Щупы были убраны и снова привязаны вдоль перил. Полоска неба над головой была уже не такая яркая. Рааб решил, что время давно перевалило за полдень. Он становил блимп и накормил экипаж. Когда они снова двинулись в путь, полоска неба приобрела пурпурный оттенок.

Все шло по плану — Рааб не хотел приближаться к очередному озеру до темноты. Последние несколько миль они двигались с вновь установленными щупами и очень медленно. Гребки весел составляли только четверть удара на ритм. К следующему озеру они подошли в сумерках. Он задержал "Пустельгу" на выходе из ущелья, откуда мог видеть все весрообразное озеро.

Талисман проявил к нему определенный интерес, и Рааб импульсивно решил попробовать его в роли разведчика.

— Дружище,— хотел бы я знать твое имя, но, вероятно, мы станем звать тебя "Совой" — иди! Смотри! На разведку!— он попытался вспомнить другие слова, использующиеся в командах для вездесущих.— Смотри вражеские блимпы. Блимпы — врага! Скрытно, незаметно — ты понимаешь? Скрытно. Смотри. И возвращайся назад.

Среди экипажа слышались смешки. Это был спорный вопрос о том, насколько вездесущие могут понимать человеческую речь. Сейчас талисман лежал, свернувшись кольцами, и, подняв голову, внимательно смотрел на Рааба. Тот снова повторил инструкции, а затем просто махнул рукой в сторону озера.

Сущ издал скрипучий звук, словно пружина взмыл в воздух и, извиваясь, полетел прочь.

— Он здесь летает гораздо лучше,— заметил Олини,— чем любой другой таких же размеров на вершине столовой горы. На Лоури я никогда не видел, чтобы десятифутовый сущ пролетел более четверти мили!

— Он прожил целый год на этой высоте,— ответил Рааб.— И, кажется, в основном ему приходилось добывать пищу в воздухе. Надо учесть, что мы примерно на полмили ниже, чем вершина Лоури. Если я не

ошибаюсь, разница в давлении воздуха составляет около полутора фунтов на квадратный дюйм. Но в любом случае, он летает.— Рааб проследил за силуэтом суща, выделяющимся в поздних сумерках, что стояли над озером.

— Держу пари,— сказал Кадебек,— что мы никогда больше не увидим его. И что будет, если он обнаружит вражеский блимп? Ты уверен, что он не сядет к ним на борт? И не приведет ли он их потом сюда к нам?

Рааб немного покраснел. Теперь его самого терзали запоздалые сомнения.

— У талисманов Флота есть одна интересная особенность, Кадебек. Никто не знает, что творится в их головах, но есть все основания полагать, что они имеют понятие о вражеском флоте и вражеских блимпах. Даже если у них не было никакого боевого опыта, за исключением учебных маневров,— некоторое время он задумчиво помолчал.— Есть свидетельство, что талисман моего отца сорвался с флагманского корабля и атаковал вражеский планер, идущий в гарпунную атаку. Согласно отчетам, подобные вещи случались и раньше. И вспомните, этот сущ видел, как его корабль наткнулся на засаду и как были убиты его хозяева. Я могу поспорить, что он даже близко не подойдет к вражескому блимпу.

Кадебек в ответ что-то скептически проворчал.

В небе взошла маленькая луна, но над озером установилась полная темнота. Рааб вывел "Пустельгу" из ушелья и посмотрел вниз на воду. Он надеялся, что сможет заметить созревшие плавуны...

Послышались скрипучие звуки, и талисман, выписав причудливую воздушную фигуру, с безвольным глухим стуком опустился на свое место отдыха.

Кадебек выругался и усмехнулся.

— Джеран, по крайней мере, в одном я оказался неправ. Но теперь, когда он вернулся назад, я хочу послушать, как он будет докладывать об обстановке!

На корме фыркнул триммер Хэмпел, но Рааб проигнорировал это.

— Действительно, сущ не очень красноречив. Думаю, именно по этой причине их не обучают для ведения разведки. Но если вы не знаете, я скажу вам, что такая идея рассматривалась. Так же рассматривалось предложение об использовании их, после соответствующего обучения, в сражениях. Но на Дюренте очень долго не велись войны, пока...— Он решил не заводить разговор о Мэдерлинке.— Его рапорт вполне удовлетворяет нас: "На озере нет вражеских блимпов!"

Шесть маленьких озер с плавунами, которыми в обычное время они пренебрегали, наполнили баллон "Пустельги". Теперь она несла нормальный вес, а висевшие за передними и кормовыми перилами балластные мешки были наполнены щебнем. Когда триммеры на корме и впереди убрали сжатие, она легко начала подъем.

Закончив сбор урожая, Рааб дал экипажу отдохнуть. Усталые, но ликующие, они парили в залитом лунным светом укромном уголке, который находился в сотне миль к востоку от места их первой стоянки в стране ущельев.

Кадебек жевал сэндвич.

— Джеран, в последние несколько дней я делал кое-какие скептические высказывания. Теперь я признаю, что недооценивал твои знания этой части страны ущельев, и твои планы относительно вывода отсюда "Пустельги". Каковы дальнейшие планы? Ты не знаешь какого-нибудь места, наподобие той солнечной долины, до которого можно было бы добраться за день или два? Я уже начинаю чесаться!

Рааб колебался. Он признал (с некоторым стыдом за свою неискренность), что получил шанс составить у них определенное мнение о своей памяти.

— Ладно, мы можем воспользоваться одним местом, где сможем выкупаться и немного побыть на солнце. Но дело в том, что сейчас мы находимся на окраине зоны, которую я знаю в совершенстве. Кроме того, мы не знаем, сколько вражеских сил брошено на наши поиски. Хотя мы ничего пока не видели, небо может быть заполнено блимпами и планерами.

Установилась тишина, а затем Бен Спрейк угрюмо сказал:

— Я не думаю, что нам следует сейчас возвращаться к морю.

— У меня нет таких намерений,— с некоторым беспокойством ответил Рааб.— Я думаю, самое лучшее для нас сейчас двинуться на восток и пройти вокруг,— он сделал паузу и подготовил себя к тому, что приближалось к лицемерию.— Но если приложить к нашим планам здравый смысл, мы сможем немного больше узнать об их действиях в этом районе. Мы почти уверены, что они оккупировали наши собственные главные базы в зоне, но не знаем, какими силами. Я думаю, что этой ночью мы можем провести очень осторожную разведку. Я знаю чудесный путь от этого места до базы.— Он замолчал, а когда в тишине появилось почти осязаемое недоверие, добавил:— Мы сможем встать где-нибудь на день или два для отдыха, но все зависит от того, что мы обнаружим.

Замечаний не последовало, даже от Кадебека. Рааб снова испытал стыд. Он намеренно не был откровенен с ними. По его личному мнению, не было никакой необходимости приближаться к предполагаемой концентрации врага. Просто захват базы был частью истории разгрома (хотя и не полного уничтожения) Флота, в котором погиб его отец. Он горел желанием хотя бы украдкой посетить это место и узнать все, что мог.

КАК ЛЕГКО, подумал он, Я ПОШЕЛ НА ОБМАН, ТОГДА КАК ВСЕГДА ИСПЫТЫВАЛ ПОТРЯСЕНИЕ И ГОРЕ, КОГДА ЭТИМ ПОЛЬЗОВАЛСЯ КТО-НИБУДЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО БЫЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫХ Я УВАЖАЛ — ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО БЫЛИ ОТЕЦ И АДМИРАЛ КЛАЙН.

Он сидел в темноте, отвернувшись так, чтобы даже Эммет Олини не мог видеть его лицо. Сначала он хотел хотя бы в неопределенных выражениях выложить им правду — но отбросил такое решение. Командовать людьми — непростое и нелегкое дело. Дисциплина всегда далека от простоты и легкости. Когда вы хотите сделать то, от чего люди вполне благоразумно могут отказаться, то воспользуетесь любыми средствами, лишь бы это сработало. Вы обманете их. Если сможете, вы сделаете так, чтобы их собственный эгоизм работал на вас. А если придет время и вы не сможете сделать ничего, кроме как приказать, вы прикажете так уверенно и непреклонно, что у них даже не возникнет мысли о бунте. Даже если вы не уверены в своей правоте, или знаете, что многим рискуете, вы не должны ни на секунду показывать свою нерешительность; ни одного неуверенного взгляда.

Он вспомнил старую шутку, распространенную в Академии. Когда курсант становился особенно груб, кто-нибудь мог заметить: "Ну, кто, несмотря ни на что, чертовски хочет стать офицером?" Но ни один не бросил Академию добровольно. Даже Бен Спрейк-младший, который, вероятно, страдал больше, чем остальные.

Глава 9

Одна из двух больших лун, Золотистая, полностью вышла из-за горизонта, так что по западному краю ущелья тянулась постепенно сгущающаяся полоса позолоты. Рааб держал "Пустельгу" всего на пятьсот футов ниже вершины ущелья, но такой глубины было достаточно, чтобы ее невозможно было увидеть даже как серую тень, а от уровня развернувшегося впереди большого озера ее высота оставляла чуть более мили.

Он протянул руку и успокаивающе похлопал взволновавшегося вездесущего, издававшего какие-то возбужденные звуки, потом тихо сказал Олини:

— Он почувствовал дым от костра.

Более пяти минут он стоял, сжимая передние перила и сосредоточенно прислушиваясь к любым доносившимся звукам, игнорируя только крики небольших вездесущих, летавших ночью в ущелье и над озером.

— Все весла — четверть удара!

"Пустельга" на несколько дюймов продвинулась к выходу из ущелья. Обвалившиеся камни образовали перемычку выше уровня озера, поэтому шум водопада сюда не доносился. Рааб знал: когда они выйдут из ущелья, вражеский блимп может оказаться ближе чем в тысяче футов. Но все-таки лучше было сохранить движение "Пустельги", чтобы она могла плавно повернуть в тень, тянувшуюся вдоль восточного берега озе-

ра. Он рассчитывал, что блеск западной стены немного ослепит наблюдателей, если только сейчас на них не наткнется какой-нибудь дикий вездесущий... Он протянул левую руку к талисману и мягко сдавил его мускулистую шею.

— Дружище, если хочешь, то иди на охоту. Преследуй их! Только оставайся поблизости. Оставайся близко!

Замершее существо внезапно дернулось, словно шланг, когда в нем создалось давление, и бросилось в темноту.

Когда "Пустельга" начала выползать на открытое пространство, нос, глаза и уши Рааба были заняты. Здесь должен быть сделан довольно крутой поворот...

— Весла правого борта — стоп! Весла левого борта — пол-удара!— Сейчас он мог оценить крики летающих над озером вездесущих, полностью заглушающих его тихие команды. Он не ожидал, что его волнение будет таким напряженным — волнение и бессмысленный гнев.

Теперь они были над озером, и он мог видеть огни лагеря, усеявшие остров, который располагался ближе к восточному утесу в семи милях к верховьям озера. Их было не очень много — возможно, чуть больше пятидесяти — и они тянулись на протяжении всего острова, который, автоматически вспомнил он, был много меньше полутора миль длины и трех четвертей миль ширины.

И хотя эта часть озера была еще в глубокой тени, огни хорошо освещали ряд жирных куриц, пришвартованных вдоль западного пляжа острова. Курицы Мэдерлинка! Их баллоны так распирало от закачанного гелия, что складки, образованные стягивающими веревками, были видны даже с такого расстояния. Он сосчитал их. Четырнадцать куриц! А на другом краю острова шесть — нет, семь — больших крейсерских блимпов. Он узнал их силуэты. Корзины вдвое длиннее и в полтора раза шире, чем у "Пустельги". Двадцать гребцов с каждого борта, хотя "гребцами" их называли только по привычке, так как их экипажи крутили кривошипный механизм, приводящий в движение огромные воздушные винты. За последние несколько лет Мэдерлинк построил большое количество блимпов, и поэтому они обладали последними нововведениями в конструкциях.

Рассматривая эти вражеские баллоны, Рааб вздохнул, дрожа от напряжения. Конечно, они были хорошо наполнены газом! Это озеро было одним из лучших среди всех озер Лоури, и плавуны здесь были в изобилии. Только за одно лето это единственное озеро могло снабдить гелием десять флотов и...

Гелий ЛОУРИ!

Он заставил себя расслабить руки, с убийственной силой сжимающие перила, но не смог остановить пульсацию в деформированном пальце. Внутренний голос шипел на него: "ТЫ ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА! ТЫ СЛИШКОМ МОЛОД, ЧТОБЫ БЫТЬ КАПИТАНОМ. КАК ТЫ СМОЖЕШЬ СОХРАНИТЬ ХОЛОДНУЮ ГОЛО-

ВУ, ЕСЛИ В ТЕБЕ ПОЛЫХАЕТ ТАКОЙ ГНЕВ?" Но он не прислушивался к нему. Слишком громкий стук в висках заглушал тихий внутренний голос.

Сейчас "Пустельга" подошла на расстояние двух миль от острова, и он мог видеть на песчаной отмели выстроившиеся в линию планеры. Он услышал, как дрожащий Бен сбился с ритма, и прорычал:

— Младший алтерн, держать ритм!

"Пустельга" скользила вблизи восточного утеса, и Рааб всматривался в темноту. Он не мог рассмотреть утеса, но крики вездесущих говорили, что до него было еще, по крайней мере, сто футов.

— Весла правого борта — четверть удара!

Он подвел "Пустельгу" ближе к утесу. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь вражеский патрульный блимп оказался между ней и утесом, откуда мог заметить ее силуэт на фоне лагерных костров или золотистой полосы, которую лунный свет прочертил по западному утесу.

Теперь они подошли очень близко к острову, и гребцы, повернув головы, могли рассмотреть его. Кто-то тихо бормотал. А затем сдали нервы Бена Спрейка. Он бросил отсчитывать ритм и прошептал:

— Мы не думали... это гораздо больший риск, чем...

— Замолчи!— Прежде чем овладеть собой, Рааб даже сделал несколько больших шагов к корме, сжав кулаки.— Все весла — стоп!— Звук сталкивающихся в воздухе весел мог узнать любой человек, имеющий какое-нибудь отношение к блимпам.

Но паника Бена сломала последнюю плотину, сдерживающую гнев Рааба.

— Послушайте, вы все. Там, внизу, находится половина флотилии вражеских куриц и полная флотилия крейсеров, а сколько там планеров, вы можете подсчитать сами. Я могу заключить пари с каждым из вас на сумму, равную плате за этот рейс (глупое предложение, где бы он взял даже десятую часть такой суммы?), что, поравнявшись с островом, мы увидим наши собственные курицы в линии, которые, как и "Сова", были застигнуты врасплох и захвачены. Возможно, никто из гражданских не сможет отличить планер Флота Мэдерлинка от нашего, но я могу, и третья часть находящихся внизу планеров когда-то принадлежала нам. Враг использует их, чтобы следить за нами; с такой концентрацией силы они имеют прекрасный шанс обнаружить нас быстрее, чем мы сможем удалиться от страны ущелий хотя бы на столь миль.— Его удивляла настойчивость собственного голоса и то, как легко текли слова. Его пульс успокоился; мускулы слабо дрожали. Подобная речь, когда мгновенно приходится высказывать то, что едва родилось в мыслях, каким-то образом действовала успокаивающе на людей. Так же, как физическое действие сжигает адреналин.— А теперь они, жирные и нахальные, расположились внизу и даже представить себе не могут, что на Дюренте есть маленький устаревший учебный блимп, который отважится напасть на них. Но мы в самом деле можем ударить по курицам! Мы можем сде-

лать так, что две или три из них не смогут подняться в небо в течение десяти-двенадцати дней!

В корзине установилась тишина. Затем из носовой части послышался тихий смешок Олини, триммер Хэмпел на корме что-то пробормотал, что могло быть недоверчивой руганью. Бен Спрейк был слишком потрясен, и Рааб полагал, что тот сидит, открыв рот от изумления.

Когда прошло первоначальное парализирующее действие, послышался низкий спокойный голос Кадебека:

— О небеса! Я слышал, как о твоем отце, говорили, что при виде врага он становится сумасшедшим. Кажется, ты унаследовал от него не только внешнее сходство!

Рааб почувствовал короткий приступ гнева, но легко с ним справился.

— Нет, мой отец не был сумасшедшим, он был боец! И умный. Он бы никогда не упустил подобный шанс; и любой другой компетентный офицер тоже. Нет, только идиот может упустить такой шанс!

— Даже если ценой этому будет блимп и экипаж? И своя собственная жизнь?— с некоторой издевкой спросил Кадебек.

Теперь относительно их шансов Рааб мог лгать убедительно. По любой самой поверхностной оценке риск был ужасный. Но если люди решатся на бой и их тела и мысли будут действовать в унисон — нет вероятностей!

— Пойми,— сказал он Кадебеку,— я не собираюсь посылать им самоубийственный вызов и вести бой по правилам! Я говорю о том, чтобы один-единственный раз пробежать над островом! Мы сбросим камни из балластных мешков на парковочную зону планеров, а затем гарпунами и стрелами ударим по линии куриц. Стрелы, выпущенные под углом вниз, сохранят достаточную скорость, чтобы проткнуть ткань баллонов. У нас на борту шесть луков. Один возьмешь ты, второй — Вилли Вайнер, по одному возьмут триммеры. Я беру на себя гарпуны,— он хотел остановиться на этом, но решил добавить немного убеждения, сейчас уже без лжи.— Я знаю узкое ущелье в верховьях озера, в которое мы углубимся быстрее, чем они смогут поднять в воздух какой-нибудь крейсер.

Кадебек продолжал спорить, хотя издевка исчезла из его голоса.

— Послушай, Джеран, ты хоть знаешь, на каких условиях мы подписались на этот рейс? Никакого риска, если его можно избежать! Безопасность экипажа стоит на первом месте во всем, кроме получения груза гуано!

— Ты хочешь сказать, что чувствуешь себя в безопастности, когда в небе парит три десятка планеров, брошенных на твои поиски?— спокойно спросил Рааб и, не дожидаясь продолжения спора, прошел вперед, направляясь к метателю гарпунов, наклонился и нащупал запор крышки.— Эммет, помоги мне подготовить метатель к бою, ты понял?

— Два оборота сжатия впереди!

Олини потянулся к штурвалу и тихо спросил:

— Рааб, это погружение?

— Я хочу сбросить весь носовой балласт на эти планеры,— ответил Рааб.

Он потянулся к штурвалу, чтобы помочь Олини. Когда баллон так туго натянут, как сейчас, сделать два оборота сжатия было нелегко. Выдержат ли веревки? Они были довольно новые, сплетенные из восьми полосок кожи, и прежде чем разорваться, должны немного вытянуться. Но древко... Вал был старый, высохший, немного покоробленный, и его поверхность покрывали небольшие изломы...

Оснастка пугающе скрипела, но держала. "Пустельга" круто опустила нос.

— Все весла — полный удар!— Без Кадебека, Вайнера и еще двух сильных мужчин экипаж был значительно ослаблен. Лучше пока не заставлять их прилагать все усилия. В любом случае, скорость увеличится за счет погружения.— Все весла — пол-удара. Восстановите дыхание и будьте готовы тянуть эти весла, словно черти!

Бен отсчитывал ритм дрожащим громким шепотом. Рааб надеялся, что он не сломается в критический момент — через несколько секунд он, Рааб, будет очень занят. Он взялся за рукоять метателя, повернул оружие на шарнире и удостоверился, что оно поворачивается легко; нащупал гарпун, проверяя правильность установки; звякнул обеими резиновыми тетивами, по звуку определяя силу натяжения. Затем, держась одной рукой за метатель, он вытянул вторую руку и нащупал веревки свисавших за перилами балластных мешков. Все нормально — он может дотянуться до них.

Момент атаки быстро приближался.

— Убрать пол-оборота сжатия впереди!

Он понизил голос — враг был близко, и он мог уже видеть экипажи вражеских блимпов, пирующих вокруг костров. Он надеялся, что вино уже вскружило им головы и они немного замешкаются... Его взгляд устремился на приближающуюся линию планеров. Сейчас! Он выдернул нож из ножен, резанул по балластному мешку, почувствовал, как посыпались камни. Проклятье! Чтобы дотянуться до следующего, он должен отойти от метателя.

— Я займусь этим, капитан!— сказал Олини, словно прочитав его мысли.

Когда балласт был сброшен, нос "Пустельги" подпрыгнул вверх.

— Все весла — полный удар!— хрипло прошептал Рааб.

Полурыдающий Бен был не в состоянии связать двух слов, но все же белокурый офицер кое-как отсчитывал ритм. "Пустельга", набравшая скорость в погружении, быстро двигалась над островом. Рааб воткнул нож в ножны и наклонился к метателю; повернул и нацелил на первую курицу в линии. Какую он должен сделать поправку, чтобы скомпенсировать уменьшающуюся скорость "Пустельги"? Какой должна быть

траектория полета гарпуна? При таком крутом угле атаки она не должна быть большой. Корзина качнулась, когда тяжелый гарпун, словно гигантская стрела, устремился вперед. Он потянулся назад, и Олини вложил ему в руку древко второго гарпуна. Он ощутил наплыв благодарности за то, что рядом с ним находится настоящий человек Флота. Он воткнул гарпун в паз; взвел метатель рукоятью, пока резина снова не натянулась. Несомненно, что каждый находившийся внизу мог слышать скрип заводящегося механизма! Он увидел лица, внезапно повернувшиеся к небу, но, очевидно, "Пустельга" была еще не видна, хотя они неизбежно увидят ее силуэт на фоне звездного неба, когда она окажется непосредственно над ними. Он торопливо наклонил метатель; навел с опережением в несколько ярдов на вторую курицу, пришвартованную на туго натянутых веревках. Боже, эти высокомерные служаки Мэдерлинка швартовали свои блимпы в двадцати футах над землей. Нацелив метатель, он инстинктивно нажал большим пальцем на тяжелый спуск. Снова дребезг резины, и гарпун затерялся внизу. Время позволяло сделать еще один выстрел! Он схватил гарпун из рук Олини, вставил на место, взвел рукоятью... Сейчас он мог слышать вопли, доносившиеся с острова, видеть разбегающиеся в свете костров фигуры. Он пропустил третью курицу — она была слишком близко — и прицелился в четвертую. Одно мгновение он наблюдал за полетом гарпуна, затем бросил рукоять метателя и схватил лук, который предварительно положил на палубе. Четыре других лука уже звенели; даже триммер Хэмпел, независимо от отношения к Раабу, был настоящим представителем Флота. Кадебек и Вайнер были превосходны, превосходны! Рааб выпустил свою первую стрелу почти отвесно вниз, вторую даже немного назад. Последняя курица сейчас находилась прямо под ними. Рааб торопливо послал в нее две стрелы, затем снова повернулся вперед. Люди уже карабкались по веревочным лестницам в корзины крейсерских блимпов. Грубый смех вырвался у него. Они даже не оставили дежурные экипажи на борту боевых блимпов! Низким и резким голосом он крикнул своим лучникам:

— Огонь — вперед! Теперь сосредоточьтесь на крейсерах!

Нет, несколько стрел не смогут вывести из строя боевой блимп — большинство из них, вероятно, вообще не сможет пронзить сверхпрочную ткань баллонов — но стрелы, мелькающие вокруг пытающихся взобраться на борт экипажей, могли немного задержать их внизу и на некоторое время дезорганизовать их.

Но экипажи добрались до корзин. Люди, как фантастические муравьи, еще прилагали усе усилия, карабкаясь вверх по лестницам, когда веревки, удерживающие первый боевой блимп, были обрезаны, и он прыгнул вверх. Теперь остров разразился криками и проклятиями. И Рааб внезапно понял, что пришло время прервать атаку.

— Все весла — полный удар. Кадебек, Вайнер — займите свои места!— Сам Рааб побежал и сел около Рэйджера. Таща на себя тяжелое весло, он внимательно всматривался вниз сквозь переплетения корзины.

Последний костер лагеря сейчас исчез за кормой...— Весла правого борта — пол-удара!

Ему не требовалось говорить гребцам левого борта, чтобы они продолжали тянуть весла изо всех сил, они задыхались и покрякивали от усилий. "Пустельга" быстро повернула.

Взглянув на остров, он определил, что теперь она двигается к восточному утесу под углом в сорок пять градусов.

— Еще пол-оборота сжатия впереди!

Сбросив балласт с этого края корзины, "Пустельга" теперь почти выровняла киль, но он хотел спуститься еще ниже к воде, чтобы войти в ущелье на высоте не более ста футов от поверхности. Сможет ли он найти эту узкую расселину в темноте? На короткое время беспокойство охватило его — он действительно не подумал о том, что после лагерных огней его глаза должны довольно быстро привыкнуть к темноте. Но теперь уже слишком поздно менять планы!

Он поднялся и, оставив весло в полное распоряжение Рэйджера, торопливо подошел к передним перилам и устремил глаза в темноту. Когда в нескольких футах от него возникло движение воздуха, он быстро схватился за нож, но это был только талисман, вернувшийся к блимпу из облета озера. Извиваясь, он приблизился к корзине, которую считал своим воздушным стойлом и, шипя от возбуждения, с глухим стуком опустился на крышку метателя гарпунов.

Рааб боролся с искушением оглянуться на остров, так как это снова могло ослепить его глаза! Он всматривался в темноту и почти на траверзе увидел чернее черного вертикальный разрез.

— Все весла — стоп!

С минуту он дал "Пустельге" возможность подрейфовать, а сам напряженно всматривался туда, убеждая себя, что это именно то ущелье, которое им было нужно. После этого он приказал:

— Весла левого борта — полный удар!

"Пустельга" быстро развернулась. Рааб сделал дважды небольшую корректировку курса, и "Пустельга" медленно вплыла носом в узкий разрез. Он посмотрел через перила и увидел отражавшиеся в озере звезды. Они были немного выше, чем ему хотелось бы, но это уже не имело значения.

Сейчас он мог слышать крики, доносившиеся откуда-то сверху, и с беспокойством прислушался. Видят ли с этого поискового блимпа расселину? По-видимому, нет. Внезапно голоса стали почти не слышны, значит, невидимый корабль прошел мимо; несколько секунд спустя голоса снова стали громче и вновь затихли, удаляясь к верховьям озера.

— Привяжите щупы!— приказал он напряженным шепотом.

На выполнение этого ушло две или три минуты, и теперь он мог позволить себе посмотреть назад на пришвартованные курицы.

Какое-то мычание с примесью глупого хихиканья сформировалось в его горле. Два баллона полностью выпустили газ и лежали поверх

корзин, баллон третьего блимпа, самого последнего в ряду, был заметно меньше других. Курицы, для того чтобы поднимать большой вес, не имели в баллонах внутренних перегородок. Он повернул лицо в сторону Джона Кадебека.

— Кадебек... ты заметил какие-нибудь повреждения планеров?

— Я видел дыры в шести или семи крыльях,— ровным голосом ответил Кадебек.— Но в других могли быть меньшие пробоины. Когда я получил возможность посмотреть на них, мы уже миновали песчаную косу.

Рааб дрожал от возбуждения и дикарской радости от того, что сумел нанести урон врагу. Он глубоко вздохнул и приказал:

— Все весла — пол-удара!

"Пустельга" двинулась в ущелье, и их окружила абсолютная темнота. Рааб уменьшил взмахи весел до четверти удара. Последние отдаленные неистовые крики замерли позади и сменились на обычные успокаивающие звуки — скрип оснастки "Пустельги", крики ночных вездесущих и даже редкий скрежет щупов по каменным стенам ущелья. Рааб знал, что эта расселина была заблокирована сверху и имела проход над уровнем озера, и сомневался, что враг будет искать их в этом направлении. В ближайшем будующем, не имеющие никакой уверенности, что их атаковал только один блимп, они почти наверняка сконцентрируют свои яростные поиски по краям вокруг озера и попытаются удостовериться, что атаковавший их блимп не ускользнул. И, конечно, они перекроют вход и выход озера, куда, ориентируясь по свету звезд, могли бы устремиться спасающиеся бегством блимпы.

Он почувствовал уверенность, что они ускользнули чисто. Но не успели они пройти и мили, как с кормы послышался низкий сердитый голос Кадебека.

— Джеран!

Рааб повернул голову, и в его голосе чувствовались признаки гнева.

— Ну?

— Возможно, нам следовало бы поторопиться и уйти в более безопасное место, но я хочу зажечь лампу и тщательно обыскать блимп. Кто-то украл мой нож!

* * *

Недоверчивый и безмолвный Рааб словно прирос к одному месту.

— Держи здесь ухо востро,— наконец сказал он Олини и двинулся на корму корзины. Он остановился около крепыша, который с такой злобой тянул свое весло, что даже опережал ритм.— Очем ты говоришь? Что заставляет тебя думать, что нож не выпал, когда ты стрелял из лука? Или когда пробирался к своему месту? Ты пытался поискать вокруг?

— Я ощупал всю палубу, куда смог дотянуться. Что еще я могу сделать без света! Я никогда не оставляю ножны расстегнутыми, когда в них находится нож. Пока я стрелял, кто-то расстегнул их и вытащил нож.

Удары весел пошли вразброд, и Рааб приказал:

— Все весла стоп!— Мгновение он колебался.— Будь благоразумен, Кадебек! Я знаю, что твой нож имеет большую ценность, но кто станет красть его, зная, что мы останемся на борту в течение дней, если не недель, без малейшей возможности покинуть корзину? Если бы кто-нибудь захотел украсть его, он бы выждал, пока мы вернемся домой!

— Я хочу обыскать все и всех в этой корзине!— огрызнулся Кадебек.

Маленький палец Рааба начал пульсировать. Он удержался от грубости. Ладно, если какой-то дурак украл нож, его обязанность выяснить, кто это сделал, а если Кадебек ошибается (что выглядело более правдоподобным), он должен убедить его в этом. Вероятно, в те лихорадочные мгновения нож просто выпал из ножен.

Хоть рукоять ножа не могла проскользнуть сквозь щели плетеной палубы, но он легко мог вывалиться через широкие отверстия в бортах. Рааб не хотел даже рассматривать такую возможность — но должен был. Кадебек стоял, навалившись грудью и поставив колено на свое сидение... Рааб вздохнул.

— Ладно. Я сожалею, что такое мо́гло случиться, но сейчас мы не можем стоять. Я думаю, через час. Во всяком случае, нам понадобится перерыв для отдыха и еды. И все-таки, пусть каждый очень внимательно ощупает палубу вокруг себя. Только осторожнее, не столкните его за борт. Кадебек, я обещаю, во время следующей остановки мы осмотрим всю корзину!

Рааб вернулся к передним перилам. Какие звуки он слышал в корзине во время короткой атаки на вражеские блимпы? Он слышал, что весла не один раз сталкивались в воздухе, и это могло означать, что кто-то на короткое время покинул свое место, подкрался к Кадебеку и вытащил нож из ножен. Но это не казалось ему правдоподобным.

— Все весла — четверть удара!— приказал он.

Пока они, словно слепые, ползли по узкой расселине, какая-то часть его мозга была отвлечена от утомительной, нервной работы прокладки курса и пыталась разрешить вопрос о загадочном исчезновении ножа.

Глава 10

Две лампы висели на перилах — одна впереди, другая на корме. Они довольно хорошо освещали корзину и нижнюю часть баллона "Пустельги", но окружающая темнота действовала угнетающе. Стены ущелья, куда попадал свет, выглядели словно стены сырого каземата. Небольшие вездесущие,извиваясь, влетали в освещенный круг, смотрели на них круглыми и блестящими, как бусинки, глазами, показывали свои зубы и враждебно кричали, на что талисман отвечал низкими и резкими угрожающими звуками.

Рааб молил бога, чтобы газовый баллон полностью перекрыл свет так, чтобы случайно пролетающий над ущельем вражеский разведчик не заметил зарево. Что касается возможного появления вражеского блимпа в самом ущелье — он старался об этом не думать. На озеро выходило много ущельев, и большинство из них было гораздо шире, чем это. Враги едва ли предпримут такой тщательный поиск ночью.

Экипаж сидел по своим местам и безмолвно наблюдал, как Рааб и Джон Кадебек смотрят в лицо друг другу. Кадебек смотрел угрюмо. Рааб чувствовал, что его лицо выглядит окаменевшим.

Крепыш прорычал:

— И не надейся, что я поверю, будто кто-то расстегнул ножны, взял нож — а затем выбросил его за борт!

— Я и не ждал, что ты поверишь во что-нибудь, кроме того, во что хочешь верить,— холодно ответил Рааб.— Я не собираюсь больше спорить. Мы обыскали всю корзину, все шкафчики, ощупали все узлы с личными вещами и с продуктами, обыскали всех без исключения — ножа здесь нет. Скажу больше, я очень сожалею, что ты потерял его, но сейчас поиски пора прекращать! Теперь каждая минута промедления увеличивает опасность для наших жизней, не говоря уже о нашей миссии. Сядешь ты на свое место или мне рассматривать тебя как мятежника?

Мгновение Кадебек смотрел на него свирепо, затем сделал широкий шаг в сторону и занял свое место.

— Если мы когда-нибудь вернемся на Лоури, Джеран, я потребую компенсацию за этот нож — а кроме того, возможно, несколько иное удовлетворение!

Рааб проигнорировал его слова и крикнул Бену:

— Погаси лампу на корме, ты понял?— Сам он потянулся ко второй лампе и погасил ее. Затем подошел на ощупь к передним перилам и крепче, чем было необходимо, обхватил их руками.— Все весла — пол-удара!

Ночь затянулась. Спустя несколько вечностей она все-таки подошла к концу, и затем они стали ждать, когда перевалит за полдень. Даже в

середине дня узкая яркая полоска света оставалась далеко наверху и впереди, насколько позволял его видеть баллон "Пустельги" — но здесь были только мучительные сумерки. Монотонность путешествия сводила с ума. Рааб готов был завыть и полагал, что экипаж чувствует себя не лучше. Во время остановок почти не разговаривали. С тех пор как они не смогли найти нож Кадебека, тот вообще не говорил ни слова; на его окаменевшем лице застыло хмурое выражение. Рааб несколько раз был на грани того, чтобы извиниться и заверить его, что Флот как-нибудь заменит его драгоценный бронзовый нож, но его останавливала гордость.

Тяжелое испытание продолжалось, и Раабу уже начало казаться, что в мире не существует ничего, кроме замшелого ущелья с запахом сырости и криками небольших сущей, скрипящей оснастки "Пустельги" и усталого хриплого голоса Бена Спрейка-младшего, отсчитывающего ритм. Внезапно талисман поднял голову и издал короткий шипящий звук. Рааб напряженно всмотрелся в расстилающийся впереди мрак.

— Все весла — стоп!

В этот момент лампы не горели, хотя за последние несколько часов он не один раз использовал их, когда впереди оказывался крутой поворот или завал щебня. Пложив руку на шею талисмана, Рааб прислушался. Но вездесущий не пытался покинуть корзину, что, как думал Рааб, произошло бы, если бы он услышал что-то, говорящее о присутствии вражеских блимпов.

А затем и его уши уловили отдаленный слабый звук. Он с облегчением вздохнул.

— Мы прошли гораздо большее расстояние, чем я думал. До соединения с широким ущельем, в котором протекает река, осталось около мили. Там будет большинство из вас — мы сможем остановиться там на день и устроить баню.— Он поколебался и решил воспользоваться случаем, чтобы сломать затянувшееся молчание между ним и представителем экипажа.— Кадебек, что ты об этом думаешь? Вероятнее всего, враг просто не поверит, что мы можем добраться сюда, не поднимаясь в открытый воздух. Ты хочешь рискнуть?

Голос Кадебека был ровным и холодным.

— По крайней мере, ты обещал нам, что если мы атакуем врага, то сможем немного погреться на солнышке. Мы атаковали — и теперь попробуй доказать, что мы были не так эффективны, как ты надеялся! Я бы лучше продолжил путь до тех пор, пока мы не увидим с о л н е ч н ы й свет. Моя шкура еще не покрылась сыпью, и я не чешусь до такой степени, что не хочется жить. Какие-нибудь возражения?

Послышалось бормотание, но определенных возражений не было.

— Чудесно,— сказал Рааб, удовлетворенный благоразумием Кадебека.— Это ущелье с рекой проведет нас на шестьдесят или семьдесят миль к востоку, а затем мы оставим его, потому что оно свернет на север. Дальше я не могу планировать, но, если удача не отвернется от нас, мы

сможем найти какую-нибудь открытую долину, где сможем расположиться на день.— Он немного поколебался.— Триммеры, убрать один оборот сжатия на корме и впереди. Мы приблизились к широкому ущелью и теперь, я думаю, можем рискнуть и подняться вверх, где больше света. Все весла — пол-удара!

"Пустельга" двинулась в ровном подъеме. Утомленный Рааб еще некоторое время прокладывал курс по слуху, пока в расселине не появился слабый свет. Затем, чувствуя, что снова оживает после долгого существования в преддверии ада, он хрипло приказал:

— Опустить щупы!

Теперь он мог видеть перелетающих с места на место вездесущих — слегка отличающихся от тех, что обитали внизу, так как на этой высоте требовался больший размах крыльев — и проплывающие мимо покрытые мхом стены. Но день уже клонился к вечеру. Он надеялся, что в широком ущелье их ничего не задержит. В противном случае, когда взойдет Золотистая, они смогут подняться в открытый воздух.

Чувствуя потребность выговориться, он обсудил это с Эмметом Олини.

— Это будет здорово, если мы снова внизу увидим открытую почву!

— Аминь!— сказал Олини.— Ты думаешь, это уже безопасно, Рааб?

— Думаю, да. Когда взойдет луна, любой блимп, находящийся западнее нас, будет хорошо освещен и мы сразу его заметим, в то время как обращенная к ним сторона "Пустельги" останется темной. А мы находимся далеко к востоку от их базы.

— Скорее к юго-востоку, чем к востоку,— поправил Олини,— но я понял, что ты хотел сказать. Они ожидали, что мы рванемся на юг или юго-запад.— Триммер потянулся и позволил храповнику штурвала щелкнуть один раз.— Ты говоришь, что мы остановимся на один день, чтобы отдохнуть и побыть на солнце, а затем повернем к морю и двинемся с такой скоростью, с какой только сможем, да?

— Правильно,— сказал Рааб.— Я думаю, что чесотка, возникшая у меня на данном этапе путешествия, пройдет после купания.— Он сделал паузу.— Надеюсь, что там не будет сильных встречных ветров. С таким кукареканьем, как у нас сейчас, даже умеренный ветер может принести неприятности.

— Сезон штормов еще не наступил,— усмехнулся Олини.— Если бы это было не так, мы смело могли бы взять отпуск и провести его в стране ущелий!

Рааб, прислушиваясь к шуму реки, рассеянно кивнул. Но звук не становился громче, потому что хотя они и приближались к ущелью с рекой, но в то же время поднимались.

Но сейчас впереди появился каскад интенсивного, если не ободряюще яркого света. Когда они вплыли в широкое ущелье и повернули на восток (это было вверх по течению реки), там опускались сумерки, так как небо уже приобретало пурпурную окраску. Но все же этот каскад индиго впе-

реди "Пустельги" словно предоставлял им какую-то передышку после долгого наказания.

Утомленный Рааб с облегчением приказал:

— Все весла — стоп! Триммеры, сделайте сэндвичи, вы поняли?

Он послал талисман вперед на разведку. До того как вездесущий вернулся, они отдыхали около получаса. Он вернулся, не проявляя никаких признаков возбуждения, и со скрипящими звуками его собственного облегчения шлепнулся на бывшую постель Рааба. Длинный полет на такой высоте требовал от него определенных усилий. Но в то время как экипаж возобновит свое путешествие, он сможет отдохнуть.

Через некоторое время, когда свет Золотистой позолотил один край ущелья, они покрыли такое расстояние, какое планировал Рааб. Но затем возникло препятствие.

* * *

Рааб сидел на передних перилах и старался не выказывать напряжения. "Пустельга" без движения висела в неподвижном воздухе ущелья. Сейчас она примерно на двадцать градусов наклонилась на корму, потому что там, сбившись в тесную группу, собрался весь экипаж. Весь, за исключением Поки Рэйджера и Эммета Олини. Олини оставался на своем посту около Рааба, а Рэйджер сначала присоединился к собравшимся, но затем смущенно вернулся на свое место.

Рааб ощущал сухость во рту и очень хотел знать, как будет звучать его голос, когда придет время говорить. Он знал, как обходиться с явным бунтом, по крайней мере, можно драться, с успехом или без такового. Но эта ситуация призывала действовать сдержанно и с умом. Экипаж через представителя команды Кадебека спросил разрешения, и это не противоречило закону, провести совещание и соблюдал все правила, установленные на Флоте (хотя это был гражданский экипаж и в том, стоило ли им соблюдать все формальности, было сомнение).

Совещание распустилось. Кадебек, тащившийся за Беном Спрейком, вышел вперед. Наклон "Пустельги" изменился, когда большинство членов экипажа собрались на носу. Триммер Хэмпел тоже сделал нерешительную попытку перейти вперед, но Рааб резко сказал:

— Триммер, я полагаю, ты останешься на своем посту!

Его голос звучал нормально. Не говоря ни слова, Хэмпел вернулся к перилам на корме.

Бен прочистил горло, издал пару непонятных звуков и снова умолк. Не ожидая, когда белокурый офицер возобновит свои попытки, Кадебек проговорил:

— Джеран, мы все, за исключением тебя, триммера Олини и Поки Рэйджера, который оказался слаб в коленях, провели голосование и пришли к мнению, что ты превышаешь свои полномочия, подвергая излишнему риску блимп и его экипаж.

— Вы уверены, что я превышаю свои полномочия?— спокойно спросил Рааб, удивляясь холодности в совем голосе.

Кадебек коротко засмеялся.

— Ты хочешь, чтобы за обещанную плату мы получили достаточно страданий, а теперь пытаешься противоречить себе?

Прежде чем ответить, Рааб выждал минуту.

— Нет, я буду придерживаться собственной версии. Во всяком случае, я не думаю, что мог бы сделать что-то еще лучше. Я полагаю, что сейчас самый уместный вопрос такой — был ли в нашей атаке на превосходящие силы врага излишний риск или нет? В свое время я говорил вам, что предполагаю немного ослабить врага и тем самым уменьшить давление поисков. Мы это сделали. Но на это можно взглянуть и с другой точки зрения: теперь единственное желание врага — узнать, сколько наших блимпов находится в стране ущельев. В дальнейшем они будут сомневаться в эффективности шпионов, обосновавшихся на Лоури.

— О, все это мы допускаем,— нетерпеливо сказал Кадебек.— Допускаем также, что ты все блестяще спланировал, проявил смелость и другую формальную ерунду. Но мы утверждаем, что наш риск не уменьшился — вместо этого он у в е л и ч и л с я. Мы не уничтожили превосходящие силы и не нанесли никакого ущерба, который нельзя было бы исправить в несколько дней, а только раздразнили их и дали ясно понять, что находимся в стране ущельев.— Крепыш сделал паузу.— И мы, Джеран, подвергаем сомнениям твои побуждения. Учитывая наше задание, была ли оправдана эта атака? или ты действовал по другим причинам, как, например, вынудить врага сделать ответный удар? Что ты на это скажешь, капитан? Ты не хочешь сказать всем нам, что решился на атаку, с л е д у я с в о е й с о б с т в е н н о й м и с с и и?

— Я не думаю,— сказал Рааб,— что смогу ответить на этот вопрос прежде, чем получу шанс обдумать его и все то, что вы подразумеваете. Я также не буду спрашивать тебя, какая взаимосвязь между потерей очень ценного металлического ножа и занимаемой тобой позицией. Конечно, оба эти вопроса могут подождать до официального расследования на Столовой Горе Лоури, если мы когда-нибудь вернемся туда. Сейчас я спрошу вас другое — ты знаешь, что говорится в уставе Флота об отношениях с командиром, смене командования и мятеже в воздухе?

— Думаю, что мы знаем это. Даже если мы никогда не уделяли этому особого внимания, младший алтерн кратко проинструктировал нас об этом.

Рааб холодно улыбнулся и получил время все обдумать.

— Тогда все нормально. Я полагаю, вы достаточно хорошо ознакомились с уставом, но еще хочу напомнить, что здесь, кроме меня, находится только один офицер Флота — Бен Спрейк-младший. Если экипаж намерен незаконно захватить командование, то он единственный, кто уполномочен сделать это. Как вы заметили, он кратко проинструктировал вас. Он упоминал об этом?

Представитель экипажа колебался. Видит ли он, чего хочет Рааб?

— Он не делал на этом упор, Джеран, но мы все знаем. Я думаю, он готов сказать сам за себя.

Возникла неловкая тишина, в течении которой Рааб даже почувствовал что-то, напоминающее симпатию к Бену. Наконец Спейк глубоко вздохнул и выдавил:

— Сэр, в соответствии с уставом и согласно результатам голосования, в котором, как уже упоминалось ранее, принимало участие девяносто процентов экипажа, я... я утверждаю, что вы грубо нарушили данный вам приказ и... и подвергли опасности блимп, исполнение миссии и жизни экипажа. Я, эхм,— он сглотнул.— Таким образом, я признаю свое право принять командование до завершения нашей миссии или до тех пор, пока сам добровольно не откажусь от этого!

В корзине стояла напряженная тишина. Талисман заволновался и обеспокоенно пошевелился. Рааб расслабил руки, смертельной хваткой обхватившие перила за спиной, и успокаивающе похлопал по шее суша. Он ощутил в себе странный холодный гнев, который заставлял его маленький палец бешено пульсировать.

— Я признаю результаты вашего голосования и доводы,— спокойно сказал Рааб,— отказываюсь вести с вами споры, но сохраняю за собой право опротестовать ваши обвинения в будущем. От командования я отказываюсь. Бен, принимай блимп.

Он двинулся на корму. Теперь тишина стала более глубокой, но Бен вздохнул и сломал ее.

— Я... эх... Рааб, тут нет ничего личного...

Рааб остановился и снова повернулся к ним лицом.

— Я так и не думал, Бен. Признаю, что подверг вас всех излишнему риску, который мы могли избежать. Сейчас я не отрицаю, что превысил свои полномочия или даже нарушил данный мне приказ — пусть в этом разбирается Правительственная Комиссия по Расследованиям, если мы когда-нибудь вернемся на Лоури. Я говорю, принимай командование!

Теперь послышалось бормотание и, по крайней мере, один тихий смешок. Рааб подумал, что он исходил от Вилли Вайнера. Со слезами истерики в голосе, Бен спросил:

— Сэр... Рааб... я хочу спросить, какие были твои дальнейшие планы? Я не знаю... ты понимаешь... там не было много...

— Давай лучше забудем о моих планах, даже если они и были,— сказал Рааб.— Они могут вовлечь нас в такой риск, которого можно избежать. Если ты спрашиваешь совета, ладно, я скажу. Мы должны прямо сейчас подняться из этого ущелья, пока луна не поднялась выше, и в открытом воздухе двинуться в направлении моря. Должны ли мы опуститься в другое ущелье до восхода солнца или после него — это спорный вопрос. Затем, когда мы достигнем края страны ущельев, мы должны будем пересечь свободное пространство и выйти наконец из зоны блокады.— Он предоставил им возможность подождать продолжения.—

Ну и, конечно, там есть другие проблемы. Вы знаете, что это очень старый блимп, и, несомненно, ткань баллона ослабла и стала хрупкой. После того, как мы полностью накачали баллон газом, мы ни разу не поднимались выше, чем на полмили от открытой почвы. Я не ошибся? Если мы поднимемся выше, выдержит баллон или лопнет? Сможем ли мы прокладывать курс на такой высоте? Если мы все-таки решимся на это — сможем ли мы там в случае необходимости вести бой? И что, если нам потребуется подняться, скажем, на милю над уровнем столовой горы? Можем мы быть *уверены*, что баллон не лопнет? И...

Послышались явные смешки и ругань.

— Рааб... сэр... я хочу, чтобы ты прокладывал курс блимпа!— отчаянно сказал Бен.

— О нет, Бен!— вздохнул Рааб.— Ты знаешь устав. Если ты законно принял командование, а это так и было, то должен командовать во всем!

Кадебек выругался. Рааб повернулся к нему.

— Все в порядке, представитель экипажа. Вы хотели, чтобы младший алтерн Спрейк попытался командовать в этой миссии? Может, ты сам хотел попытаться? Я могу временно назначить тебя на офицерскую должность. Подумай! Если я поведу блимп, значит, я отметаю всякий вздор и оставляю за собой полное командование! В противном случае, что бы ни случилось, я избавлю вас от своих советов!

Кадебек посмотрел на него в сумеречном свете и вдруг засмеялся.

— Ладно, Джеран. Я думаю, ты раскусил наш блеф. Мы согласны, чтобы ты командовал нами, только хотим, чтобы ты обещал нам, что больше не будешь вовлекать нас в подобные стычки!

— Я обещаю это,— холодно ответил Рааб,— но с одной оговоркой: если возникнет какая-нибудь ситуация, в которой я должен буду превысить свои полномочия или просто она может быть так истолкована, прошу вас всех проголосовать и подчинюсь вашему решению. Согласны?

Кадебек снова засмеялся.

— Согласны!— Его голос звучал почти с восхищением — вероятно, он ожидал худших результатов.

Послышалось одобрительное ворчание, а некоторые гребцы просто пожали плечами в сумеречном свете.

— Капитан,— заунывно спросил Поки Рэйджер,— если мы не можем подняться из этого ущелья, как же мы доберемся до солнечного света, который ты обещал нам?

— Я думаю, что мы можем подняться не очень высоко над открытой почвой,— ответил Рааб.— Баллон старый! Но, как бы трудно нам ни было, мы доберемся до края страны ущелий и найдем какое-нибудь солнечное местечко, где сможем спрятать блимп. "Пустельга" не очень большая, так что для ее маскировки много листвы не понадобится. Мы отдохнем один день, а потом быстро, как только сможем, двинемся к побережью. Возможно, во время этой пробежки нам для маскировки на день

придется раз или два использовать траву, и, надеюсь, этого будет достаточно. А может, найдем место, где можно будет наломать веток. И если удача не отвернется от нас, когда мы приблизимся на сотню миль к побережью, утренние туманы скроют наше продвижение.

Глава 11

Член совета Ольвани стоически терпел холодную сырость узкой полоски на южном краю Столовой Горы Лоури, где почти никогда не было людей, ни солнца. Определенно, южный край был жалким местом. На голых камнях не росло ничего, кроме напоминающих мох губчатых ростков. Эти растения — единственные, сумевшие выжить под мелким непрекращающимся дождем. Зато никогда не рассеивающийся над южным краем мрачный сырой туман был хорошим прикрытием для заговора. Когда Ольвани и алтери Джергенс отошли на двадцать шагов от доставившего их сюда флотского блимпа, туман полностью поглотил обоих.

Ольвани в очередной раз поправил поднятый воротник своего плаща и без выражения посмотрел на Джергенса.

— Ты уверен, что экипаж не заподозрит нас?

Рукой в перчатке Джергенс сделал жест возражения.

— Мы осторожно проверили их взгляды, хотя они даже не знают этого. Вся эта команда согласна на компромисс с Мэдерлинком. Во всяком случае, наше прикрытие довольно убедительно — мы доставили вас сюда, чтобы проверить слухи о якобы хранящихся здесь запасах гуано, которые не хотят использовать. Наша двухчасовая прогулка не вызовет большого любопытства.

Ольвани посмотрел под ноги на скользкую поросль лишайника. Несколько лет назад они вообще не обращали внимания на грязь в здешних ручьях, на которой не росло ни одной травинки. Когда он пришел к власти, один из его проектов предполагал вывозить эту грязь с южного края. Он думал, что бесплодная здесь, в солнечном месте она должна стать плодородной. По крайней мере, в нее можно добавить немного гуано.

— Трудно поверить, что морские суши могут существовать здесь,— сказал он Джергенсу.— Во всяком случае, им нужен другой климат.

Джергенс покачал головой.

— В начале лета, когда ветры дуют с внутренней территории, здесь бывает несколько солнечных дней. Вы знаете, в то время туман собирается над северным краем. Небольшие морские сущи поднимаются сюда, чтобы спариться и высидеть яйца. Но их не много, поэтому отложения

гуано не привлекали большого внимания. Я был здесь в ясную погоду и видел место, где первые колонисты забирали старые отложения. Они забирали все, и с тех пор почти ничего не накопилось.

От блимпа, который они покинули, послышался свисток.

— Мне кажется,— сказал Ольвани,— что нашим гостям придется подойти довольно близко, прежде чем они услышат сигнальные свистки!

Джергенс усмехнулся.

— Сэр, возможно, вас это удивит, но они очень легко найдут это место. Они прекрасно видят стены утеса ниже уровня тумана, и компетентный капитан, побывавший здесь хоть один раз, легко определит место, где надо подниматься. Я уже четыре раза встречал их здесь,— он снова усмехнулся.— Свистки — штука полезная, но мой младший альтерн посылает их для нас, чтобы мы знали, где находится блимп.

Ольвани почувствовал приступ раздражения на собеседника. Неужели этот дурак думает, что он, Ольвани, мог пойти на такую рискованную вылазку, не изучив и не обдумав деталей? Он только кивнул головой.

— Я надеюсь, что гости не опоздают. Даже представить себе не могу, что здесь можно провести несколько минут и остаться здоровым!

— Они могут появиться в любой момент.

Ольвани заставил себя быть терпеливым. Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как круживший темный туман потемнел еще больше и превратился в баллон большого блимпа. Боже! Как близко он подошел, прежде чем они смогли его увидеть!

Джергенс пронзительно крикнул, и в ответ с вражеского блимпа донесся тихий голос. Ольвани услышал приказ о сжатии впереди и на корме, об остановке весел, и блимп Мэдерлинка приостановил движение, а затем опустился на поверхность. Люди в чужой форме выпрыгнули из корзины и, рассыпавшись в цепь, начали прочесывать местность. Такая стремительность рассердила его. К чему такая охота, если они не ждут никаких неприятностей?

Как только отделение прочесало несколько ярдов тумана и вернулось, из корзины выбралось трио и двинулось к ним. Трое в плащах. Лицо Ольвани застыло от удивления. Тройку возглавлял адмирал Норва — главнокомандующий силами блокады!

* * *

Под холодным хмурым взглядом адмирала лицо Ольвани снова стало невыразительным. Он не любил людей, которые из-за своего роста смотрели на него сверху вниз, даже если его визави надо было встретить равнодушно. Они встречались уже не первый раз, и он не хотел показать открыто свою враждебность, решив, что должен сказать что-нибудь дипломатическое.

— Я сожалею, сэр, что наша встреча проходит под таким отвратительным мерзким дождем!

Норва ответил с усмешкой в голосе:

— Я не буду говорить долго. Мне надо сказать совсем немного. Ты простофиля! Ты уверял нас, что со столовой горы выскользнул один-единственный маленький учебный блимп с недоукомплектованным экипажем и со слабо накачанным баллоном. Ты клялся, что все остальные единицы боевого Флота под твоим неусыпным взором. Не сомневаюсь, что теперь ты понимаешь глупость такого утверждения!

Ольвани, выбитый из колеи таким началом, покраснел. Когда-то...

— Адмирал, если не считать "Пустельгу", за последние семьдесят или восемьдесят дней столовую гору не покидал ни один блимп, даже торговый! Я не могу вообразить, почему вы...— Он повернулся и заметил усмешку в глазах Джергенса.— Алтерн, можешь ты или нет перечислить все блимпы Флота, находящиеся в удовлетворительном состоянии, и их точное местонахождение на данный момент?— он улыбнулся Норве.— Что касается торговых кораблей, сэр, то я могу заверить вас...

Норва непристойно выругался и перевел взгляд на Джергенса. Алтерн покраснел и весь дрожал, но, как расценил Ольвани, больше от страха, чем от гнева.

— Я м о г у перечислить весь список, сэр! Не было ничего заслуживающего внимания, кроме той нелепой экскурсии "Пустельги". Штаб...

Ольвани сдержанно прервал его.

— Алтерн, разреши напомнить тебе, что я сам принимаю участие в работе Штаба и не пропустил ни одного совещания, так что ни одно важное сообщение не прошло мимо моих ушей.— Он снова повернулся к адмиралу.— Адмирал, я никак не пойму, что вас так беспокоит. Ни один корабль не покинул столовой горы, кроме одного небольшого блимпа. И если вы помните, в последнем полученном от вас сообщении о "Пустельге" говорилось...

Адмирал свирепо прервал его.

— Ты дурак? Я как раз и втолковываю тебе, что отдельные блимпы Флота Лоури организовали действия против нас! Я не знаю, "Пустельга" это была или нет, мне безразлично — хотя я еще не забыл, что донесение об ее отправке пришло с запозданием. Но ради наших будущих отношений, мы не будем это обсуждать! Сейчас я говорю о мощных боевых блимпах — по-видимому, их было не много, но то, что их было несколько, не вызывает никакого сомнения — действующих в стране ущельев! По моим здравым рассуждениям, этот молодой хулиган Рааб Джеран покинул Лоури не для того, чтобы привезти груз гуано, а для того, чтобы объединить силы, сделавшие налет в стране ущельев! Если он хотя бы наполовину такой человек, каким был его отец, я и сам выбрал бы его для подобного налета, несмотря на то, что он молод и не до-

служился до высокого звания.— Он остановился, бросил подозрительный взгляд на Джергенса и холодно продолжал обращаться к Ольвани.— Мне кажется, ты не совсем мудро подбираешь своих информаторов.

Ольвани попытался сдержать гнев.

— Адмирал, разрешите заверить вас, что всю сомнительную информацию от нашего Флота я подвергаю тройному контролю. Положение такое, как мы говорим вам,— ни один боевой блимп, если вы не захотите отнести к ним "Пустельгу", не покидал Лоури. И если, а я это "если" подвергаю большому сомнению, по вашему мнению, удар нанесли наши блимпы, то они, вероятно, выжили после того сражения. Но я абсолютно не понимаю, как...

Норва взорвался фонтаном ругательств.

— Послушай, ты, государственный деятель,— мы знаем, сколько блимпов насчитывает ваш Флот перед сражением, сколько мы уничтожили и сколько вернулось на Лоури. Отсюда ускользнуло больше, чем одна жалкая "Пустельга"!

Теперь мысли Ольвани заработали более интенсивно. Командующий вражеской блокадой, даже доведенный до такого бешенства, не стал бы появляться здесь только для того, чтобы высказать все это лично. Норва хочет чего-то другого... Но было бы не совсем умно показать адмиралу, что он понял это! Выиграв время, Ольвани нерешительно проговорил:

— Возможно, это были блимпы Оркета...

Норва презрительно усмехнулся.

— Оркет не представляет опасности. Поэтому я приказал, чтобы ты лично явился на встречу со мной. Нас не удовлетворяет, как ты выполняешь свои обязанности. Мы хотим, чтобы ты принял на себя кое-какие обязательства. Если хочешь, можешь назвать это ультиматумом.

Ярость Ольвани, вспыхнувшая после слова "приказал" и усиленная страхом на перспективу увеличивающихся требований, почти не поддавалась его контролю, тем не менее он победил в борьбе с собой и даже ухитрился улыбнуться. Остановив руку на полпути к бородке, он тихо сказал:

— Я не думаю, что правительство Мэдерлинка хочет, чтобы я перед самыми выборами начал действовать опрометчиво.

Теперь Ольвани был уверен, что, по крайней мере, часть гнева адмирала была симулирована.

— Ольвани,— сухо сказал Норва,— мы не собираемся вести переговоры. Мы пока не собираемся компрометировать тебя перед этими глупыми выборами. Если твоя партия победит, прекрасно — мы будем придерживаться прежних соглашений. Если нет — мы начнем вторжение!

Ольвани изумленно моргнул. Он не мог сдержать этого. Вторжение? Не ожидая, пока голод сломает последнее сопротивление? Вероятно, на Мэдерлинке возникли какие-то проблемы... или на Оркете! Но он не сказал о своей догадке Норве.

— Адмирал, я не военный человек, но имею доступ ко всем планам Флота и разведки. Лоури разваливается, как блимп в сражении, и с каж-

дым днем блокады положение становится все хуже и хуже. Но торопиться с вторжением, особенно если результаты выборов покажут, что народ поддерживает программу продолжения сопротивления...

— По нашей оценке, а мы кроме вас имеем и другие источники информации, выборы пройдут с небольшим перевесом в ту или иную сторону,— сказал Норва.— От вас требуется следующее: с началом вторжения, а если точнее, на день-два раньше, ты должен поднять восстание. Мы не надеемся, что вы захватите всю столовую гору, и не ждем. Мы хотим, чтобы вы захватили базу и удержали зону для приземления наших блимпов. Мы понимаем, что наиболее сильны вы на западе...

Теперь Ольвани пытался подобрать внезапное, почти непреодолимое желание засмеяться. Дураки! Он все продумал на годы вперед; но он даже не предполагал ничего подобного! Они были орудием для исполнения его одиноких мечтаний, а теперь оказывается, у них есть собственные мысли! Он сосредоточился на своем лице, затем голосе и, запинаясь, сказал:

— Я... восстание? Но почему, адмирал, я...

Норва презрительно ответил:

— Если у тебя нет мужества, чтобы сделать это, мы найдем кого-нибудь другого.— Он дал Ольвани время обдумать эти слова, с презрительной усмешкой послушал, как Ольвани, заикаясь, выражает согласие, и вяло прервал его: — Детали будут разработаны в ближайшие, скажем, десять дней. Единственное, что от тебя требуется — абсолютная гарантия, что об этом никто не узнает раньше времени.

Адмирал посмотрел на Джергенса, и Ольвани увидел глаза холодного и расчетливого убийцы. Интересно, как Мэдерлинк может утихомирить Джергенса, если Норва решит, что альтерн представляет излишний риск?

Все еще заставляя свой голос дрожать, Ольвани сказал:

— Альтерн полностью на нашей стороне. Вы можете спокойно говорить при нем.

Норва неуверенно произнес:

— Я уже все сказал.— Затем снова нахмурился.— Но все-таки я хочу, чтобы ты выяснил, сколько и каких кораблей пробралось в страну ущельев! Они не нанесли большого вреда нам — весь причиненный ущерб произошел по глупости моих командиров — но этот пустячок меня смущает. Я должен получить сообщение, которое поможет найти их и уничтожить. Ты сделаешь это?

Такая постановка вопроса несколько испугала Ольвани. В этом не было слишком большой необходимости. Он смиренно ответил:

— Адмирал, я клянусь, что использую каждую возможность, чтобы собрать эту информацию. Я не могу поверить, что это были блимпы Лоури, и не стану держать при себе то, что сумею обнаружить. Это я вам обещаю!

Глава 12

"Пустельга" медленными толчками двигалась в нескольких футах над слабой зыбью моря. Где-то за тонким облачным покрывалом солнца Дюрента совершало свой утренний моцион. Рааб несколько раз взмахнул руками, стараясь немного согреться. По утрам, когда еще сохранялась ночная прохлада, густой воздух на уровне моря буквально вымывал тепло из тела! Кроме того, после временного пребывания в стране ущельев его дыхание еще не приспособилось к этому воздуху. Они добрались до края страны ущельев, помылись и постирали одежду, а затем, ночью двинулись в южном направлении. Дважды в следующие четыре дня они делали остановки, когда погода становилась ясной и несла опасность быть замеченными. В первый раз они укрылись в роще бамбукоподобных деревьев, а в другой — в довольно глубокой лощине почти на краю джунглей. Всю последнюю ночь им пришлось грести против ветра, достигающего четырех узлов, и к рассвету они только приблизились к побережью. Но сейчас над ними было тонкое покрывало из облаков, и поэтому, очень усталые, они продолжали свое продвижение вперед. За время путешествия на юг они видели восемь идущих в парах вражеских блимпов. Они также видели несколько планеров, и у них были неприятные моменты, но враг их не обнаружил.

Эммет Олини закончил проверку оси и сжимающих веревок, а затем заметил:

— Я думаю, мы сейчас уже близко подошли к тому острову, до которого ты хотел добраться.

Рааб кивнул.

— Я надеюсь, что мы окажемся там прежде, чем рассеются облака. Хотя мы забрались далеко на восток, здесь все равно должны быть патрульные блимпы.

Он снова вернулся к изучению горизонта. На острове, к которому они сейчас двигались, Рааб был всего один раз. Это был небольшой и не очень высокий островок, который не имел даже названия, но Рааб не сомневался, что сумеет его обнаружить.

Двигающаяся точка с левого борта вынырнула из облаков и привлекла его внимание. Он напрягся. Планер? Нет, он рассмотрел волнообразные движения длинного тела и вялые взмахи похожих на обрубки крыльев. Большая разновидность морских вездесущих — если он захочет, может доставить им неприятности. Но вездесущий, вероятно, спешил по своим делам, перебираясь в другую зону, где море хранило лучшие запасы фуража, и не стал отклоняться от курса.

Внезапно впереди и немного справа на горизонте появился низкий горб.

— Весла правого борта — на пол-удара!— Нос "Пустельги" повернулся на несколько дюймов.— Все весла — полный удар!— Послышалось ворчание, но утомленные люди продолжали свою тяжелую работу.

Темный горб вырос. Рааб посмотрел на облака. Солнце почти пробивалось через них, но прикрытие должно продержаться достаточно долго...

Но нет, опасность себя не проявляла, и он слегка изменил курс, приблизившись к острову со стороны солнца.

Остров около четырех миль длиной и почти милю шириной, слегка изгибаясь, тянулся с юго-запада на северо-восток. Насколько Рааб помнил, со стороны открытого моря должна быть небольшая бухта... Точно, она там есть! Ее окружает роща похожих на бананы деревьев. Он медленно направил "Пустельгу" в направлении чистого ручья, впадающего в бухту. В широком устье его вода была слегка солоноватой. Нервы Рааба звенели от напряжения. Засада могла так легко...

Нос "Пустельги" углубился в джунгли, расступившиеся около ручья, но это не принесло ничего, кроме криков разлетающихся вездесущих, длина которых была менее трех футов.

Он завел блимп в небольшой изгиб, чтобы тот не был виден со стороны моря, и с усталым облегчением сказал:

— Все весла стоп — стоп. По-оборота сжатия впереди и на корме.

* * *

Когда утомленный экипаж покончил с ленчем, более аппатитным благодаря сорванным с деревьев зрелым, но слегка кисловатым фруктом, солнце уже пробилось сквозь облака.

— Первое, что мы должны сделать,— сказал Рааб,— это нарезать веток и замаскировать блимп, затем до полудня мы можем отдохнуть, искупаться и постирать одежду, а после этого разделимся на две группы. Я возьму первую и поведу к дальнему концу острова, другую, в противоположном направлении, повсдет Бен. За исключением гребня горы, тянущегося по середине острова, весь он покрыт растительностью, где мы и собирем гуано. Больших отложений там нет, но их хватит, чтобы погрузить на "Пустельгу" столько, сколько она сможет поднять на столовую гору. Каждый человек наполнит свой мешок, и в итоге мы получим нужное нам количество. Если хорошо поработаем, то до темноты соберем полный груз.— Он сделал паузу. Ему не терпелось побыстрее доставить груз на Лоури, но это было бы неправильно — не дать экипажу отдохнуть после того, как он героически почти выполнит свою задачу.— Когда мы закончим погрузку, сможем немного расслабиться; вылетим завтра после захода солнца.

— Капитан,— вклинился Поки Рэйджер,— мы будем сидеть с наваленным вокруг этим веществом?

Послышался смех.

— Мы засунем мешки под сидения, но большенство груза заполнят балластные мешки,— ответил Рааб.— Когда вы будете собирать гуано, выбирайте старые отложения и сухие, чтобы до них не доставала вода прибоя. Если вы так сделаете, то поймете, что вещество доставит неприятностей не больше, чем солома. В любом случае мы не хотим, чтобы гуано было слишком тяжелым из-за воды.— Он повернулся к Олини.— Эммет, мы все будем следить за небом, так что тебе не надо будет беспокоиться об этом. Ты не будешь возражать, если тебе придется остаться одному около "Пустельги"?

— Разумеется, нет, Рааб. Когда вы вернетесь, ужин будет уже готов!

— Прекрасно!— оставляя Олини на вахте, Рааб даже не подумал, что тому придется готовить ужин.

Они занялись маскировкой блимпа.

* * *

Солнце прошло уже половину пути к западному горизонту.

Растительность острова в равнинной зоне, тянувшейся от небольшой бухты (эта зона, вне всякого сомнения, когда-то была залита морем), состояла из колючего кустарника с бледными желто-зелеными листьями и другой его разновидности, чьи листья были круглыми и темно-зелеными; плюс несколько других видов, которых никто и никогда не видел на столовой горе или в стране ушельев. Небольшое количество вездесущих, извиваясь, перелетали от куста к кусту, хватали насекомых и общипывали листву. Это были сухопутные виды, которые гнездились на остроконечных каменных пиках острова. Другие виды кружились над прибоем и следили за морскими формами жизни, которые время от времени выплывали на отмель. Иногда один из них резко пикировал, хватал что-то парой небольших когтистых лап и снова набирал высоту для очередного пикирования. Это был маленький морской вид, откладывающий гуано на камнях по обеим сторонам острова. Точно также, только более щедро, поступали их двоюродные братья и сестры на больших островах, которые составляли действительно заслуживающие внимания источники.

Густой, прогретый солнцем воздух нес смолистый и немного пряный запах кустарника, но не такой, как исходил от флейтовых вязов на Столовой Горе Лоури. В пределах двухдневного перелета блимпа от Лоури были разбросаны сотни таких островов. У Рааба мелькнула мысль, что, если Мэдерлинк все-таки покорит их столовую гору, группы граждан могут бежать и какое-то время существовать на островах. Но это было бы тяжелым и голодным существованием с постоянной угрозой нападения больших морских вездесущих и других существ, живущих на небольших высотах. Он отбросил эти мысли. Лоури еще не побеждена!

Он отдал приказ своей группе и остановился, осматривая небо со стороны моря. Они спустились с покрытого кустарником косогора и пошли

по кромке открытого пляжа, обходя каменистый мыс. Небо оставалось пустым. Ведя за собой группу, он позволил себе некоторое время полюбоваться глубоким пурпурно-голубым цветом моря.

Они пересекли открытый пляж, пройдя по самой кромке прибоя, чтобы волны смыли их следы, и с другой стороны мыса снова стали взбираться по косогору.

Внезапно впереди раздался крик человека. Рааб напрягся и приготовил лук, который прихватил с собой. Но через мгновение он расслабился и с неприкрытым изумлением воскликнул:

— Это люди нашего Флота!

* * *

Маленькая группа людей, выскочившая из чащи и бегущая к ним, была одета в обтрепанные остатки серой формы. Двое или трое были вооружены стандартными флотскими луками; у остальных были корявые луки, очевидно, согнутые из местных деревьев. Все одиннадцать были истощены; их лица закрывали клочковатые растрепанные бороды. Но несмотря на худобу, выглядели они вполне здоровыми.

Когда они приблизились, кто-то узнал его.

— Рааб! Рааб Джеран!

Теперь Рааб перешел на бег, и его группа последовала за ним. Две группы встретились и посыпались беспорядочные ругательства, громкий полуистерический хохот и шлепки по спине. Рааб пожал руку тому, кто возглавлял встречную группу.

— Ник Рус! Проклятье, триммер, ты числишься погибшим! Как ты умудрился вычеркнуть свое имя из Небесных списков?..

Ник Рус, черноволосый парень, на дюйм ниже Рааба, черноглазый, с начинающей лысеть макушкой и с выбитым передним зубом, улыбнулся в ответ. Как результат какого-то старого несчастного случая, его нижняя челюсть была слегка перекошена на левую сторону.

— Очень жаль, что мне пришлось опровергнуть официальные данные, сэр! Когда мы падали, вражеские планеры — двухместные аппараты с открытой кабиной для лучников — раз десять облетели вокруг нас и перестреляли часть экипажа. Но тринадцать человек укрылись под разрушенным баллоном до ночи, а затем из обломков корзины мы сплели плот. До этого острова, который я помнил по ранним рейсам, мы добрались за четыре дня. Один человек умер по пути сюда, а другой уже здесь.— Он повернулся и махнул рукой.— С этой стороны острова есть пещеры, в которых мы скрывались, когда над островом проходили патрульные блимпы.

— Значит, здесь проходят патрули!— сказал Рааб.

— Да, это точно! Каждый второй день, по крайней мере, один блимп проходит над островом утром и возвращается вечером. Во всяком случае, это говорило нам о том, что Лоури еще держится.— Он посмотрел в глаза

Рааба.— Как там дела, алтерн? Флот еще сражается? Мы сумели восстановить его?

Рааб мрачно покачал головой.

— Запасов гелия хватит только для того, чтобы поднять несколько блимпов. Мы даже не могли наполнить газом такой маленький блимп, как наш — чтобы полностью закачать баллон, нам пришлось сначала лететь в страну ущельев. Ник, блокада действует эффективно! Моральное состояние на столовой горе очень низкое; а теперь приближаются выборы...

— Мы видели, как вы подходили,— сказал Рус.— Это "Сова"?

— Нет, "Пустельга". А "Сова" попала в засаду и...— Бицепс на его правой руке напрягся.— Скажи, Ник... во время сражения ты не видел никаких доказательств предательства? Было там что-нибудь, что ты мог бы...

Ник нахмурился.

— О, предательство там действительно было, это точно! Наша курица скрытно подошла к месту сражения, но враги, казалось, точно знали о перемещениях нашего блимпа... Я скажу больше, капитан одного из наших блимпов оказался предателем! В критический момент он сломал боевой порядок и всю линию отдал на растерзание. Кроме того, он вообще не передавал приказы, поступающие с флагманского корабля!

Рааб схватил его руку, и Рус наморщился от боли.

— Триммер!— прорычал Рааб.— Ты уверен в этом? Другие уцелевшие утверждали, что враги даже близко не подходили к флагманскому кораблю...

Рус непристойно выругался.

— Абсолютная чепуха! Мы стояли с его левого борта. Ты знаешь, мы все ушли под прикрытие облака и ждали, когда подойдут наши курицы. Этот блимп — мы так и не смогли его хорошо рассмотреть, чтобы опознать впоследствии — слишком далеко выдвинулся из линии, если, конечно, он вообще собирался поддерживать боевой порядок, и поэтому мы не слышали его сигнальных свистков. А затем он вывалился из облака и метнул дюжину гарпунов во флагманский корабль...

Рааб задохнулся.

— Ты уверен в этом, Ник? Ты у в е р е н?

Потерпевший кораблекрушение удивленно посмотрел на него.

— Конечно, уверен! Мы были довольно близко, выпустили ответный залп и заставили их сменить направление. Затем кое-кто из экипажа, по-видимому, понял, что они натворили, и блимп снова ушел в облака, но мы слышали крики, словно в его корзине кто-то спорил. Мы решили, что капитан попытался притвориться, что совершил ошибку. Но мы видели все от начала до конца, и я скажу, что это было сделано намеренно!

Рааб почувствовал, что люди вокруг них застыли словно статуи и прислушиваются к разговору. Так ровно, как только мог, он сказал:

— Ник, в измене обвинили моего отца! Он привел свой блимп на Лоури, но через день умер от ран. Донесения уцелевших в сражении содержали обрывочные данные, но кому-то показалось, что враги умышленно берегли Флагманский корабль.

Рус нахмурился и мрачно улыбнулся.

— Я не знаю, ошибся ли кто-то или это надуманная ложь, но тот блимп — боже, как бы я хотел подойти к нему ближе и рассмотреть его — несомненно помогал врагу. В любом случае, мы сражались бок о бок с флагманским кораблем до тех пор, пока не провалились вниз. Последнее, что мы заметили, Флагман был атакован вражескими блимпами. Эх, значит, он добрался домой? Мы даже не представляли себе, что они смогут это сделать! Мы вообще не думали, что к т о-н и б у д ь сможет!

Рааб тяжело вздохнул.

— Ну, это совпадает с рассказом его экипажа, но все эти люди были под подозрением. Они говорили, что просто обстреливали врагов всякий раз, как вражеские блимпы подходили слишком близко.— Он задумался на минуту.— Ник, что еще ты можешь сказать о сражении? Действительно ли бой вели большей частью планеры, как об этом говорилось в рапортах?

— Все правильно, в основном это были планеры. Каждый раз, как мы выходили из-под прикрытия облаков, они набрасывались на нас с гарпунами. А в облаках мы не могли вести бой. Но твой отец ухитрился собрать несколько блимпов сверху — мы видели это, когда уже опустились на воду, хотя не могли точно определить, какие это были блимпы — и организовал отступление. Именно в этот момент мы видели, как Флагман атаковали два вражеских блимпа. Он был последний в линии,— я думаю, твой отец приказал остальным идти вперед — а враги вынырнули из облаков чуть позади него и завязали бой. А затем снова все скрылось из вида.

Рааб заговорил отрешенно, словно извлекая слова из своей памяти.

— Мой отец говорил своему экипажу, что единственная имеющая значение вещь, которую надо было сделать после поражения, это привести домой как можно больше блимпов и экипажей, чтобы сохранить для Лоури хотя бы небольшие боевые силы... Силы действительно были небольшие, но этого оказалось достаточно, чтобы сплотить вокруг себя людей... Я не знаю, что...— Он внимательно посмотрел на Ника.— Приближаются выборы. Мы хотим взять здесь груз гуано. Теперь, учитывая, что мы возьмем с собой еще одиннадцать человек, количество полезного груза уменьшится. Но возвращение группы представителей Флота тоже может поднять моральное состояние народа!

Ник на минуту затих.

— Рааб, ты хочешь оставить нас здесь?

— Нет, черт возьми!— взорвался Рааб.— Вы можете сесть за весла, и мы доберемся домой гораздо быстрее.— Он внезапно понял, что эти одиннадцать человек в течение последнего года питались только мясом

вездесущих и их яйцами. Не имея пшеницы, других земных растений и мяса травоядных, им пришлось сидеть на не совсем здоровой диете.— Послушай, мы сейчас соберем гуано. Почему бы тебе и твоей группе не пойти к "Пустельге" и не попробовать приличной пищи? Мы спрятали ее в небольшой бухте, в устье ручья, что протекает в середине острова. На вахте триммер Олини. Я думаю, что ты его знаешь.

Рус улыбнулся и смачно выругался.

— Эммет Олини? Знаю ли я его? Мы вместе с ним делали свои первые рейсы!

— Отлично, тогда идите!— сказал Рааб. Он стоял в окружении своих людей и наблюдал, как потерпевшие кораблекрушение бегут рысью по направлению к мысу.

Когда оборванная команда скрылась из виду, он повел своих людей дальше.

— Капитан,— сказал Вилли Вайнер,— их общий вес будет близким к тонне, а это почти столько, сколько мы хотели взять гуано!

— Да,— ответил ему Рааб,— но я не собираюсь поднимать их и груз гуано на вершину столовой горы одновременно. На скале, обращенной к морю, я знаю пещеру. Мы можем ночью подойти к ней и оставить там часть груза, а позднее снова пробраться вниз и забрать остальное!

Вайнер скептически посмотрел на него и пожал плечами.

Они дошли до покрытых слоем гуано камней на конце острова. Но едва они стали наполнять мешки, как Рааб услышал отдаленные крики.

— Спрячьте и уберите мешки с открытого места!— приказал он своей группе.— Не оставляйте ничего, что можно заметить с воздуха!

Но как оказалось, крики не имели никакого отношения к патрульным блимпам врага.

Когда они приблизились, Рааб узнал голос триммера Руса, а затем и сам Рус с одним из своих бородатых товарищей отрешенно и запинаясь вошли в поле зрения.

— Рааб,— задыхаясь произнес триммер.— Олини убит! Баллон "Пустельги" весь изрезан, и в нем не осталось ни капли газа!

* * *

Несколько гражданских гребцов, плюс Бен Спрейк и триммер Хэмпел угрюмо сидели, прислонив спины к корзине "Пустельги". В красноватом прыгающем свете лагерного костра их лица, казалось, покраснели от гнева. Рааб торопливо и мучительно решал вопрос о том, должен ли он их связывать — решил воздержаться от этого, потому что не мог даже представить себе, что все они действовали заодно. Кроме того, физическое насилие могло привести к большим неприятностям (если, мрачно думал он, вообще что-нибудь может быть хуже, чем уже случилось). Но как бы там ни было, он мог рассчитывать на верность тех, кто определенно были невиновны в этом.

Он сказал Нику Русу, другим потерпевшим кораблекрушение и тем гражданским, кто собирал гуано вместе с ним, чтобы они действовали без колебаний, если кто-нибудь попытается взбунтоваться. Он внутренне содрогнулся, представив себе, как стрелы, нацеленные на этих угрюмых людей, вдруг сойдутся в одной точке, но все же выдал оружие и расставил людей полукругом по другую сторону костра, чтобы огонь не слепил им глаза.

С тихой яростью Джон Кадебек сказал:

— Джеран, теперь я знаю, что ты настоящий сумасшедший. Я думаю, что самым вероятным кандидатом в трупы являешься ты!

Свой гнев, слабо пульсирующий где-то глубоко внутри него, Рааб в этот момент держал под контролем; возможно, частично, потому что устал и был ошеломлен охватившим его отчаянием.

— Мы ограничимся тем, что выслушаем все факты, какие сможем. Вы должны уяснить для себя, что Олини, вероятнее всего, был убит вскоре после того, как мы оставили его одного.— Он сделал паузу и попытался подавить запоздалое раскаяние за глупую и пагубную ошибку — он оставил Олини одного.— Когда его обнаружили, стекавшая в лужицу кровь еще не свернулась. Он еще даже не приступил к разведению костра.

Кадебек усмехнулся.

— Ну а что мешало тебе на минуту отлучиться от своей группы, вернуться и убить его?

Рааб посмотрел на Вилли Вайнера, сидевшего в стороне от костра, прислонясь к стволу дерева. Он был так же угрюм, как и любой из подозреваемых, но крепко сжимал свой лук. Наложив стрелу на тетиву, он был готов без колебаний выпустить ее, если возникнет необходимость.

— Со мной было десять гражданских — это половина тех людей, которых ты представляешь, Вайнер. Скажи, я покидал свою группу на какое-то время?

Вайнер выразительно покачал головой и сказал Кадебеку:

— Не говори ерунды, Джон. Капитан все время был с нами. Никто из нас не уходил из поля зрения других, более чем на секунду или две.

Кадебек нахмурился еще больше и на мгновение задумался.

— Ладно... Джеран, почему ты предполагаешь, что кто-то из нашей группы мог...

Рааб оборвал его.

— Я бы предпочитал, чтобы от имени своей группы говорил младший алтерн Спрейк. Бен,— после всего случившегося ему казалось странным называть Бена по имени,— можешь ты рассказать, что делал каждый из твоих людей в определенный момент времени?

Бен побледнел, с трудом сглотнул и сказал:

— Я... Рааб, ты разрешил нам искупаться по дороге. Я полагаю, там были... были моменты, когда... некоторые из нас были вне поля зрения остальных, и...

Рааб не дал ему договорить.

— Но вы ушли группой. Двигаясь к концу острова, вы так и оставались в группе? Никто из вас не отстал от группы?

Бен старался не смотреть в глаза Рааба; он с мольбой взглянул на Кадебека. Рааб раздраженно проворчал:

— Хорошо, Кадебек — в таком случае, ты отвечай на этот вопрос!

Он напряженно всматривался в лицо крепыша, представляющего экипаж, почти бессознательно передвигая свою правую руку ближе к ножнам. Тем не менее он горячо надеялся, что это окажется не Кадебек. Этот человек во многом вызывал сомнение, но Рааб рассчитывал на его благоразумие и большую силу, которая не помешала бы в критическом положении.

Кадебек перенес вес тела на левую руку, словно готовясь быстро подняться на ноги.

— Джеран, с абсолютной уверенностью я могу говорить только за себя. Так как я не предполагал, что мы можем оказаться в роли обвиняемых, поэтому не особенно следил за остальными. Там было много моментов, когда я не знал, где находятся отдельные люди из нашей группы. Младший алтерн сверху показал нам место, куда мы направляемся, и все разошлись в разные стороны, когда пробирались через кустарник. Нет, я не могу сказать о действиях каждого человека в любую минуту.

Один из гражданских, сидевший через два или три человека от представителя экипажа, крикнул:

— Кадебек, я тоже не могу сказать ничего определенного о тебе!

Кадебек посмотрел на него, затем перевел задумчивый взгляд на Рааба. В его глазах еще чувствовался гнев, но теперь он утихал.

— Джеран, ты уверен в людях, которых вы встретили?

Рааб взглянул на Ника Руса.

— Может, ты сам ответишь, триммер?

Прежде чем заговорить, Рус немного подумал.

— С моей точки зрения, здесь не должно возникать вопросов. Олини и я долгое время оставались друзьями, близкими друзьями. И если кто-то, воспользовавшись задницей вместо мозгов, подумал, что мы изрезали баллон "Пустельги" и уничтожили свой собственный шанс снова попасть домой... ну, он просто не знает, что может чувствовать человек, который провел целый год на таком острове!

Кадебек перевел взгляд на Руса.

— Я полагаю, мы можем поверить в искренность такого заявления. Но ты абсолютно у в е р е н, что никто из вас не сломался за этот год?

Триммер посмотрел в глаза представителю гражданского экипажа.

— Даже если такое случилось — а я допускаю эту возможность — во время убийства мы находились все вместе в верховьях острова. Твоя теория справедлива только в том случае, если мы все сговорились и теперь выгораживаем друг друга. Но мы все еще хотим вернуться домой!

Кадебек усмехнулся.

— Или вернуться к у д а-н и б у д ь в д р у г о е место. У меня складывается такое впечатление, что предатель или предатели уверены, что блимпы Мэдерлинка подберут их, как только потребуется.

Рус непристойно выругался.

— Ты думаешь, что мы целый год дожидались здесь "Пустельгу" для того, чтобы организовать диверсию?

— Кадебек, то, о чем ты говоришь, мне тоже приходило в голову. Но более логично применить это к тем, кто пришел на "Пустельге".

Послышалось ворчание. Кадебек пожал плечами.

— Ну ладно, давай предварительно исключим тех, кто был с тобой, и тех, кого вы там встретили. И еще некоторых из нас — как ты думаешь, один человек, два или даже три могли убить Олини, чтобы на них не остались следы борьбы? И еще вопрос, где был талисман, когда это случилось? Вероятно, тот человек пользовался его доверием.

Рааб посмотрел на нос корзины, где поднятая голова вездесущего едва виднелась в тусклом свете. Он вернулся из какой-то своей экскурсии перед заходом солнца, когда Олини был уже похоронен, и с тех пор не привлекал к себе внимание. Определенно, сейчас он чувствовал напряженность обстановки и поэтому беспокоился.

— Я полагаю,— сказал Рааб,— он улетал на охоту. Я абсолютно уверен, что он стал бы драться за Олини.

Один из подозреваемых грубо сказал:

— А почему Олини не дрался сам за себя?

Рааб вздохнул.

— А вам разве не ясно? Он з н а л того, кто приближался к нему, и ничего не подозревал.— Он снова взглянул на Ника Руса.— Расскажи им все, что ты рассказал мне. О том положении, в котором вы нашли его.

— Ладно,— вздохнул Рус.— Я был очень потрясен, и теперь на мои воспоминания может наложиться то, что я услышал после. Мы хотели удивить его и поэтому приближались очень тихо. Олини мог оценить такую шутку. Мы нашли его свернувшимся на боку в десяти футах от корзины и примерно на одну треть ближе к корме, но на перилах тоже была кровь,— он посмотрел в направлении корзины.— Когда мы снова вернулись сюда, перила были уже чистыми. Баллон был разрезан с другой стороны. А теперь о том, как я представляю себе случившееся. Кто-то появился здесь и попросил его достать что-нибудь из шкафчиков на борту. Олини подошел к корзине и перегнулся через перила, чтобы достать это... и... и убийца воткнул нож ему в почки, сначала с одной, а потом с другой стороны позвоночника. Затем, когда Олини выпрямился и отшатнулся назад, он перерезал ему горло!

Послышалось несколько тяжелых вздохов, потом снова воцарилась тишина. Рааб подавил дрожь в теле.

— Ник, ты еще говорил, что он закрыл ему рот рукой, чтобы тот не закричал.

Ник Рус рассеянно пожал плечами.

— Да, говорил, но теперь, когда у меня было время подумать, я решил, что убийца, вероятно, был не один.

Гражданский, который перед этим рычал на Кадебека, добавил:

— Либо это был действительно сильный человек.

Все глаза устремились на Кадебека. Крепыш сказал деревянным голосом:

— Все нормально. Я скажу даже больше. Эти раны, как и разрезы на баллоне, выглядят так, словно они были нанесены очень острым ножом. Возможно, металлическим ножом,— он сделал паузу и вызывающе посмотрел на всех.— Но когда все это случилось, я был единственным, кто шел вместе с младшим алтерном Спрейком. Мы обсуждали определенные вопросы.

Рааб быстро взглянул на Бена. На полном лице офицера было такое выражение, словно он заболел.

— Я... это правда. Мы с Кадебеком были вместе. Мы...

Но Рааба не интересовали вопросы, которые они обсуждали. Кадебек посмотрел на Рааба.

— И вспомни, Джеран, когда мы обыскивали корзину в поисках украденного ножа, ты и меня тоже обыскал. Кажется, это была твоя идея.

Рааб быстро кивнул головой.

— Это полусерьезное предложение исходило от Олини, но я решил, что в общем смысле это была неплохая мысль.— Он повернулся к Нику Русу.— Триммер, какое твое мнение, могли эти раны и разрезы на баллоне быть сделаны кремниевым ножом?

— Да, Рааб, могли, если он был наточен так остро, как возможно.— Он поколебался некоторое время.— Но меня поразило другое — кто бы ни был убийцей Эммета, это был не любитель! И он точно знал, где надо разрезать наружную ткань баллона, чтобы легче было испортить внутренние элементы. Он перерезал все три перегородки. И как он порезал баллон сверху? Может, взобрался туда по оснастке?

— Гораздо проще влезть на стоявшие поблизости деревья,— сказал Рааб.— Мы довольно плотно загнали ее между этих деревьев.— Некоторое время он сидел задумавшись.— Ну ладно, теперь мы должны подумать о будущем. Я пока еще не решил, что мы будем делать, но с этого времени придется постоянно следить друг за другом. Ни один человек — поддерживает он это решение или нет — не должен ни на минуту уходить куда-то без сопровождения.

— Почему?— спросил Кадебек и, когда Рааб посмотрел в его задумчивые глаза, продолжил: — Ты даже не хочешь еще больше прояснить обстановку?

Рааб нетерпеливо поднялся на ноги, обхватил деформированный маленький палец и успокоил пульсацию.

— Я не хочу говорить да или нет прямо сейчас, но, если произойдет еще что-нибудь, мы должны точно знать, кто где находился.

Бен Спрейк, заикаясь, спросил:

— Ты... ты думаешь... баллон пустой, что еще...

Рааб нетерпеливо оборвал его.

— Тут есть еще одно дьявольское намерение, которое он, вероятно, захочет воплотить в жизнь. Он может подать сигнал вражеским блимпам, когда они будут проходить над островом.

Кадебек пренебрежительно усмехнулся.

— Ты уверен, что это сделает обязательно предатель и убийца? Не захотят ли некоторые из нас узнать, что лучше — сдаться в плен или гнить на острове, как Рус и его группа?

Кровь застучала в висках Рааба, и он шагнул к крепышу. Но, взглянув на лица людей, он понял, что они не относят на свой счет высказанное предложение. Просто Кадебек хотел рассмотреть все возможные варианты.

— Мы не будем гнить здесь,— сказал Рааб.— На острове может случиться что-нибудь непредвиденное!

Рааб отвернулся и почувствовал, что покраснел от глупости своего высказывания. Ну что м о ж е т случиться? Даже если бы столовая гора была способна выслать спасательный блимп, на Лоури понятия не имеют, где они находятся. Хотя Ник Рус со своей группой добрался до острова в приспособленной под плот корзине, идея добраться таким образом до материка казалась смехотворной. Даже если они уберегутся от вражеских патрулей и морских монстров и доберутся до побережья, вершина столовой горы останется для них недосягаемой. Кроме того, песчаный пляж граничил с непроходимыми джунглями.

Он чувствовал себя так, словно наполненные камнями балластные мешки опустились в его желудок. Возможно, он должен пересилить себя и разрешить, по крайней мере, гражданским, если они захотят, подать сигнал вражескому блимпу и сдаться. Он и другие представители Флота могут спрятаться или драться до конца, если их выдадут.

Внезапно он вспомнил, что его предки пришли на Дюрент — а если точнее, на столовые горы — из другого мира.

* * *

Ник Рус и Рааб сидели напротив друг друга около костра и жевали мясо травоядного животного из запасов "Пустельги".

— Рааб, я даже представить себе не мог, что когда-нибудь буду так ненавидеть мясо вездесущих! И моллюсков. Где вы взяли это?

— В стране ущельев, перед тем, как закачали гелий. Послушай, Ник, ты говоришь, что патрульный блимп проходит здесь утром и возвращается ночью?

— Да.

— Ты когда-нибудь задумывался о зависимости времени и направления этих блимпов?

Рус вытер руки о землю, затем отряхнул их и потер одну о другую.

— Конечно. Сначала мы даже составили их расписание. Они приходят с запада или с юго-запада, над островом поворачивают на север и затем уходят в этом направлении. Ближе к побережью находится другой, немного больший остров. Ты помнишь его?

— Да. Я даже сначала хотел направиться на тот остров, но потом решил, что на пути от этого острова к Лоури будет больше прикрывающих облаков, чем от того.

— Правильно. Они, вероятно, проверяют эти острова, а потом возвращаются на базу, которая находится где-то на западе в открытом море. Так как здесь обычно проходит только один блимп, мы решили, что это самая восточная зона блокады.

Рааб немного возбужденно сказал:

— Это имеет смысл. Мы тоже подозревали, что они устроили базу где-то в открытом море. Но мы считали, что она гораздо восточнее. А теперь смотри — если они проходят утром и возвращаются на базу вечером...

Рус кивнул.

— По-моему, база находится на Медовом острове.

Рааб нахмурился.

— На Медовом? Это почти напротив Лоури. Но мы знаем, что перед сражением они даже не пытались пробраться туда.

— Регулярное патрулирование началось дней через двадцать после сражения,— сказал Ник.— У них было время расчистить площадку и построить бараки. А впоследствии они могли перенести туда главную базу блокады.

— Это не единственная база,— сказал Рааб.— В стране ущельев они заняли нашу основную базу.— В его мозгу зародилась сумасшедшая идея. Но сначала он должен выяснить кое-что еще...— Ник, они приземлялись здесь когда-нибудь? На какой высоте они обычно проходят? Этот остров для них обычный штурманский ориентир? Я имею в виду...

Рус усмехнулся.

— Я точно знаю, что ты имеешь в виду, Рааб! Мы сами думали об этом тысячи раз! Как-нибудь заманить их вниз и захватить блимп. Нет, Рааб, они в патрулировании или идут на патрулирование. Это всегда боевой блимп с четырьмя метателями гарпунов, а около гребцов находится, по крайней мере, дюжина лучников.— На какой-то момент их взгляды встретились.— Но... у меня создалось впечатление, хотя, возможно, это просто безумная идея потерпевшего кораблекрушение, что этот блимп проводит смену экипажей на кораблях блокады. Одно из двух — либо они проводят учения на том острове, либо двигаются дальше к побережью.

— Возможно, ты прав,— мрачно сказал Рааб.— То немногое, что мы знаем или предполагаем об их планах, говорит, что рано или поздно, если только Лоури не капитулирует быстрее от голода, они начнут вторжение. Ты думаешь, что даже с большим количеством людей, соб-

равшихся сейчас на острове, мы не сможем заманить этот блимп вниз и захватить его?

Рус с долей скептизма пожал плечами.

— Возможно, это сработает, если мы сможем заставить их спуститься, не вызывая подозрений. Но они очень подозрительны, Рааб.

Рааб поднялся на ноги; его маленький палец снова пульсировал.

— Все нормально. Возможно, что мне в голову пришла лучшая идея. Ты помнишь историю с "Бумажным Змеем"?

Рус посмотрел на него снизу вверх.

— Конечно, я читал об этом. Они сделали лодку из корзины и ткани баллона, а затем на ней доплыли до одного из гуано-островов, где их позднее подобрали. А почему ты спрашиваешь? Ты думаешь, что мы сможем сделать нечто подобное и добраться до побережья? Ты говорил, что с Лоури больше не будут посылать блимпы на гуано-острова.

Рааб сделал два шага и вызывающе посмотрел на триммера.

— Нет... не к побережью! Это бесполезно.

Рус взглянул на него.

— Ну, значит, к другому острову, где они приземляются в каждом патрульном рейсе? И где проводят ученья?

Рааб скупо улыбнулся Нику.

— К черту этот остров! Гораздо ближе находится Медовый! И если ты прав, там будет много пришвартованных блимпов, готовых подняться в любую минуту!

Ник Рус удивленно посмотрел на него, вздохнул и покачал головой.

— Рааб, это сумасшедшая идея. Чтобы захватить блимп, тебе придется захватить всю базу — даже если она тебе не нужна.

— В этом нет необходимости!— нетерпеливо сказал Рааб.— Сейчас они слишком самонадеянны. Если бы ты был с нами, когда мы сделали налет в стране ущельев; одна "Пустельга"...— теперь Рааб широко улыбался.— В любом случае, нам лучше попытаться сделать это, чем сидеть здесь или сдаться в плен.

Рус внезапно вскочил на ноги. Сейчас он тоже был возбужден.

— Знаешь, Рааб, я согласен! Остальные из моей группы тоже согласятся. Черт, чтобы сдаться, у нас было достаточно времени. Целый год! Но как быть с гражданскими? По крайней мере, один из них предатель!

— Об этом мы как-нибудь позаботимся,— сказал Рааб.— Все будет нормально, если мы сможем убедить двух гражданских: Джона Кадебека и Вилли Вайнера. Эти двое самые сильные физически и пользуются у других заслуженным авторитетом. Если они согласятся, то смогут убедить и остальных!

Глава 13

Адмирал Клайн степенно рассматривал обвиняемого, стараясь, чтобы его подозрения в чудовищном преступлении не проявились на лице.

— Алтерн Джергенс, ты не совершал рейсы под командой капитана Линдера, когда был еще молодым младшим алтерном, а он алтерном?

— Да, сэр.

Долговязый человек с впалой грудью не мог оглянуться на двух охранников, стоявших позади. Он вел себя так, словно его могли вызвать по более важному вопросу, чем Пренебрежение Долгом.

ХОРОШО, думал Клайн, Я НЕ СТАНУ ЕМУ ПОМОГАТЬ. Я ПОПЫТАЮСЬ СКРЫТЬ...

— Джергенс, ты довольно давно служишь офицером и знаешь, что грань между твоими правами гражданина и долгом перед Флотом почти незаметна. Особенно в вопросах политики. А в нашей сегодняшней ситуации политики более обидчивы, чем когда-либо прежде. Я не стану говорить тебе, что в эти дни Флот остался единственной организованной силой, вокруг которой сплотился народ; или то, что некоторые стремятся ослабить Флот, что очень плохо для Лоури.

Джергенс на мгновение встретился с ним взглядом и отвернулся.

— Сэр, если меня обвинят в том, что я ставлю Лоури впереди Флота — а я действительно так думаю — то признаю себя виновным. И если вы меня спросите, я скажу, что я не единственный офицер, кто не согласен с вами — я имею ввиду вашу политику, категорически отрицающую любые соглашения с врагом. Сэр, мне кажется совершенно ясно, что эта война безнадежно проиграна и, отказываясь от капитуляции, мы доставляем все худшие и худшие страдания нашим людям. Я чувствую, и многие со мной согласны, что мы добьемся более терпимых условий, если достигнем каких-нибудь соглашений прямо сейчас!

Несколько месяцев назад такое заявление простого алтерна привело бы Клайна в ярость, теперь он только внутренне напрягся, ибо слишком часто слышал такое. Даже мучаясь от бессонницы, он лежал и в течение долгих часов размышлял, не могло ли это быть правдой.

Он посмотрел в лицо алтерна, пытаясь заметить признаки страха или хитрости. Он подумал, что страх скрывается за этим показным смелым заявлением. Он не знал Джергенса близко, но у него был рапорт от человека, который знал его гораздо лучше. В рапорте говорилось, что у Джергенса есть слабости.

Клайн улыбнулся.

— Джергенс, откуда ты знаешь, что сейчас ведутся переговоры? По твоему положению ты можешь знать об этом или нет?— Он заметил испуг, промелькнувший в тусклых глазах алтерна.

Нет, подумал адмирал, сейчас лучше не упоминать о подозрительном путешествии к Южному краю. Он не хотел вспугнуть добычу прежде, чем сумеет натянуть лук...

— Джергенс, я даже не думал, что ты хорошо знаешь, какие условия предлагает нам Мэдерлинк сейчас — и какие предложит потом. Ты был на Оркете после того, как его оккупировали?

Джергенс сверкнул глазами. Клайн видел, что теперь он испуган, хотя отчаянно старается это скрыть.

— Я... нет, сэр. После того, как Мэдерлинк оккупировал Оркет, я там не был.

Это была заведомая ложь. Даже в таком неофициальном расследовании человек не станет лгать, если не почувствует, что вынужден сделать это. Клайн сдержал вздох. Значит, он прав: здесь есть что-то важное. Он не хотел упоминать Ольвани, хотя знал вполне определенно, что Джергенс связан с членом совета.

— Алтерн, возможно, наступит время, когда мы капитулируем. Когда оно придет, мы будем надеяться на лояльность даже тех, кто всем сердцем ненавидит капитуляцию. И, как ты уже не без основания заметил, я отношусь к их числу. Но в день капитуляции я и все остальные, как я надеюсь, изменим свои взгляды и приложим все усилия, чтобы содействовать возможному сотрудничеству с Мэдерлинком. Случалось, я думал о наших врагах гораздо хуже, чем ты и некоторые другие, но, если Лоури капитулирует, я капитулирую вместе с ней, и с этого времени не буду делать ничего, что может нанести ей вред. Как ты думаешь, это благоразумно? И патриотично?

Джергенс с подозрением взглянул на него.

— Ну... да, сэр. Я думаю, это благоразумно.

Клайн кивнул.

— А теперь я попрошу тебя рассмотреть это с другой стороны. До тех пор, пока мы придерживаемся теперешней политики, не будет ли для офицера Флота благоразумным и патриотичным относиться к этой политике с лояльностью? Особенно такому молодому офицеру, который даже понятия не имеет, что делается на секретных совещаниях в Штабе.

Облегчение человека было таким сильным, что послало целый спектр эмоций на его лицо. ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАПУГАН, подумал Клайн. ТАК НАПУГАН, ЧТО ЕГО МЫСЛИ ВООБЩЕ ЕДВА РАБОТАЮТ. ЕСЛИ ЭТО ЛУЧШИЙ ШПИОН, КОТОРОГО СМОГ ЗАВЕРБОВАТЬ ОЛЬВАНИ, ВОЗМОЖНО, ВСЕ НЕ ТАК ПЛОХО, КАК Я ДУМАЛ.

Джергенс слегка заикался.

— Ну, я... все так много говорят об этом... если переговоры продолжаются, мы...

Конечно же, этот человек знал, что ничего этого не было. Ольвани не стал бы брать его в свое путешествие к южному краю, если бы этот человек не знал или не догадывался о тайных делах Ольвани. Клайн за-

ставил себя улыбнуться так мягко, как только мог в таком состоянии. Пусть Джергенс идет к Ольвани и скажет, что старый колченогий адмирал совершенный простофиля...

— Значит, алтерн, в будущем ты будешь доставлять нам меньше неприятностей? Приближаются выборы. Между прочим — поменьше говори среди своих товарищей о капитуляции. Хорошо? Больше говори о единстве Флота!— Он некоторое время смотрел на человека.— Ты обещаешь это?

Джергенс, почти танцующий от нетерпения поскорее выскочить из этого кабинета, неистово закивал головой.

— Я... да, сэр! Я... мне очень жаль, сэр! Я полагаю, мне теперь не стоит открывать рот прежде, чем подумаю...

Клайн благосклонно улыбнулся и махнул рукой, отпуская его. Он дал время этому человеку и двум охранникам покинуть здание, затем с ворчанием тяжело поднялся со стула. Он видел людей, но не хотел, чтобы они сюда входили. Перед тем, как он оставит свой кабинет, ему надо бы съесть свой ленч, а затем он найдет Линдера.

* * *

Кабинет капитана Линдера располагался на втором этаже. Линдер был на восемнадцать лет моложе Клайна, но адмирал во многом полагался на него, стараясь, правда, не слишком это показывать.

Линдер поднялся со стула и пожал ему руку.

— Я собирался спуститься вниз и зайти к вам, адмирал. У нас ушло двенадцать дней на то, чтобы, не вызывая подозрений, разъединить экипаж того блимпа и допросить их по отдельности. Но теперь...

Клайн опустился в мягкое кресло.

— Мэт, для меня большая ценность — подняться наверх и посидеть в твоем кресле. Ты не заметил, что у тебя гораздо больше посетителей, чем у любого другого в этом здании?

Линдер усмехнулся.

— Адмирал, вы не знаете, что я, когда ожидаю посетителей, задвигаю это кресло в соседнюю комнату и ставлю обычный деревянный стул с прямой спинкой.— Его улыбка медленно угасла.— Что-нибудь серьезное?

— Довольно серьезное,— Клайн сунул левую руку в карман белого кителя и нащупал трубку, которую все еще носил с собой. Старый рефлекс, хотя он не мог использовать ее без табака. Сможет ли он когда-нибудь снова почувствовать вкус табака, прежде чем умрет?— Мэт, что вы узнали от этого экипажа?

— Они все за капитуляцию. Я не думаю, что кто-то из них знал, что они идут на встречу с вражеским блимпом. Они все рассказывали сказку, которую для них придумали — Ольвани проверял слухи об отложениях гуано. Он и Джергенс вместе ушли в моросящий дождь и

вместе вернулись. Младший алтерн, оставшийся на борту, все время посылал сигнальные свистки, чтобы они нашли обратную дорогу. Вот и все.

— Были свистки или нет,— сказал Клайн,— капитан вражеского блимпа здорово рисковал, придя туда. Ты еще говорил, что с ним был Норва?

Линдер кивнул.

— Я могу спросить об этом. Баллон горячего воздуха на Горе Купола работает превосходно — пилоты планеров сейчас довольно хорошо изучили теплые восходящие потоки и поэтому могут уходить на несколько миль от южного края, двигаясь над туманом. Какой-то пилот заметил приближающийся вражеский блимп. Когда вблизи появляется адмирал, они начинают так суетиться, что вы можете определить весь его путь.

Клайн усмехнулся.

— Да, именно так они и делают. Но мы не можем быть уверены, что в моросящий дождь вошел блимп с адмиралом. Если быть точным, у нас есть показания часового, что в туман вошел какой-то вражеский блимп.

— Правда, правда — но он с этого места слышал свистки с нашего собственного блимпа. Адмирал, это была ваша личная идея, чтобы вдоль южного края поставить гражданских наблюдателей и скрыть это от персонала Флота. Тогда я подумал, что из-за своих подозрений вы стали... ну... почти шизофреником.— Линдер посмотрел на Клайна.— Я слышал, что сегодня утром вы встречались с Джергенсом и отпустили его.

— Я обвинил его в нелояльных разговорах и в Пренебрежении Долгом, но хочу, чтобы ты продолжал следить за ним так скрытно, как это возможно. Как только немного успокоится, он сразу побежит к Ольвани.— Некоторое время Клайн сидел тихо. Он достал свою трубку и не спеша сунул чубук между зубами. Несомненно, в ней еще оставался слабый вкус табака.— Как ты преуспел в сборе гелия?

— Лучше, чем ожидал, адмирал. Вы снова оказались правы. Хозяева торговых блимпов так же голодны, как и все остальные, и большинство из них потеряли надежду когда-нибудь подняться в воздух, во всяком случае, в ближайшем будущем. Они продали нам каждый литр гелия, какой только смогли собрать.

— Я чувствую себя чертовски виноватым,— проворчал адмирал,— когда собираю налоги в виде продуктов питания, а затем обмениваю их на гелий. Но я не вижу другого способа... Мэт, я чувствую, что перед началом выборов у нас будет шесть хорошо накачанных блимпов!

Линдер со странным выражением посмотрел на него.

— Конечно, мы будем иметь их, сэр, но не хотите же вы сделать вылазку, или?..

— Нет.— Клайн вынул изо рта холодную пустую трубку и положил ее в карман.— Мэт, если бы ты был Командующим врага и решил начать вторжение, где бы ты начал высадку десанта на Лоури?

Линдер снова посмотрел на него.

— Ну... я полагаю, начал бы с Западограда! Это ближе к Мэдерлинку и Оркету. И сейчас мы убрали оттуда Флот. И местность там не очень заселенная. Они совершат большую глупость, если рискнут начать с Югограда. Думаю, они способны увидеть, что мы можем хорошо укрыться там! Я имею в виду... На западе они смогут контролировать направление к взморью; кроме того, там более ясный климат и они могут более эффективно использовать превосходство в блимпах для поддержки наземных сил с воздуха.

— Правильно,— сказал Клайн.— Судя по всему, мы должны ожидать начала вторжения именно там. Мы не станем посылать в Западоград никаких дополнительных сил — даже не будем увеличивать гарнизон базы — чтобы все выглядело так, словно мы ожидаем их где-то в другом месте. Но, если мы сможем, мы должны удержать проход к взморью.

Линдер недоверчиво посмотрел на него.

— Адмирал, вы говорите так, словно мы даже не попытаемся отразить их вторжение на западе! Если мы переправим туда большинство наших сил...

— Мы не сможем удержать Западоград и прилегающую к нему территорию,— сказал Клайн.

Потянувшийся за блокнотом Линдер прервал движение и взглянул на Клайна.

— Вы хотите сказать, что не примете бой? Я не думаю... О, извините меня, я имел в виду, не думаете же вы, что они бросят на нас всю свою огромную армию? Я думал, что вы говорите просто о жесте, который они хотят сделать в политических или пропагандистских целях! Почему они должны завоевывать нашу землю акр за акром, когда все, что им надо, это продолжать блокаду? Это нелогично!

— Это действительно нелогично,— сказал Клайн,— если о происходящем судить только по тому, что мы можем видеть отсюда. Я могу тебе кое-что доверить, но не хочу, чтобы это стало известно кому-нибудь еще. Столовая гора пока сохраняет внешние связи; мы получаем информацию от подпольной группы сопротивления Оркета. Им еще много надо организовать — ты знаешь, Мэдерлинк основательно проводит чистку — но рано или поздно, вероятно, после наступления зимы, когда холод снизит эффективность блимпов, там поднимут восстание. И если мы до того времени продержимся, Мэдерлинк будет вынужден отвести часть блокадных сил для подавления восстания.

Медленно и отвлеченно Линдер все-таки дотянулся до блокнота и подвинул его к себе. В нем было немного чистого места — даже бумага на Лоури составляла сейчас дефицит.

— Сэр, вы хотите сказать, что на Мэдерлинке ожидают этого? И поэтому они сначала хотят покончить с нами?

— Совершенно верно. Те, кто правит Мэдерлинком, напуганы. Если им придется направить армию на Оркет и в то же время удерживать на

блокаду, у них не останется силы дома. Есть ли организованное подполье на Мэдерлинке или нет, правительство боится этого. Нет никакого сомнения, что Верховное Правительство прижигает хвосты тем, кто стоит на нижних ступенях лестницы Флота Мэдерлинка, и Норва относится к их числу. У меня есть причины считать, что Ольвани почувствовал запах жареного.

Линдер с недоумением посмотрел на него.

— Я не совсем вижу связь между этим и нашей способностью отбить вторжение.

— Возможно, это потому, что ты еще не знаешь, что Ольвани получил задание организовать что-то вблизи Западограда. Как я понимаю, если он проиграет на выборах, то должен будет на западе организовать свое собственное восстание. Вот почему мы не сможем отбить вторжение. Он будет работать, чтобы предотвратить это. Я могу гарантировать, что Норва приходил на встречу не для того, чтобы послушать последние сплетни о совещаниях Штаба Флота.

Линдер изумленно взглянул на него и покраснел от гнева.

— Но тогда мы со всей определенностью сможем подготовиться к драке на западе!

— Но не так, как ты это представляешь себе, Мэт. Мы не можем вывести туда армию и держать ее в поле. У нас слишком мало припасов, особенно пищи. Мы не можем надеяться, что наземные силы смогут прокормить себя в полузаморенной голодом, малонаселенной зоне. Мы позволим Ольвани и армии Мэдерлинка захватить эту зону и рассеять по ней свои силы. Затем мы пошлем туда небольшие партизанские отряды; они будут контактировать с фермерами, большинство из которых остались верными нам. На время мы потеряем много акров земли, но земли, которая не используется, во всяком случае сейчас,— он сделал паузу.— Шесть боевых блимпов нам понадобятся, чтобы предотвратить любые попытки головных отрядов пробиться из зоны. А кроме того, для доставки запасов партизанам, для разведки и просто для того, чтобы осложнить жизнь врага.— Он некоторое время смотрел на капитана.— Мэт, не в традициях Флота вести такие сражения, но мы должны сделать нечто подобное. Это е д и н с т в е н н о е, что мы можем сделать.

Линдер смотрел на него через стол.

— Вы думаете, что Ольвани может зайти так далеко?

Клайн потянулся за трубкой, но переменил свое намерение. Трубка только мучила его и не приносила облегчения.

— Я уверен, так будет; и б у д е т в том случае, если он проиграет на выборах! А мы надеемся выиграть.

Линдер мрачно посмотрел на него.

— Это означает, что на Лоури начнется гражданская война, и Мэдерлинк будет поддерживать наших противников!

— Все идет к этому. Я думаю, что понимаю, чего хочет Ольвани. Он надеется с помощью Мэдерлинка получить здесь власть, а затем, сп-

устя какое-то время, перехитрить их. Конечно, Мэдерлинк будет использовать его только до тех пор, пока он выполняет их желания.

Капитан медленно кивнул.

— Значит, мы временно отдадим им запад? А как быть с базой в Севрограде? Мы будем ее защищать?

Клайн вздохнул.

— Мы не можем. Мы уберем оттуда весь гарнизон, во всяком случае, оставим там тех людей, на кого не можем положиться. Было бы неплохо послать туда Джергенса, если это не раскроет наши планы, и других, подобных ему людей. Мы образуем линию обороны вдоль Внутренней реки, а также попытаемся удержать Столицу и Гору Купола. Мы не дадим покоя разношерстной армии Ольвани и силам Мэдерлинка, и пусть они попытаются выжить на истощенной земле!

— И сколько это будет продолжаться?— спросил Линдер.— Когда мы вернем западную половину Лоури?

Клайн посмотрел ему в глаза.

— Я не уверен, что мы даже попытаемся сделать это, Мэт. По крайней мере, не в ближайшем будущем. Но неприятности Мэдерлинка будут расти, и более чем вероятно, он поссорится с Ольвани; во всяком случае, у нас остается надежда.

Линдер был рассержен и упрям.

— Мне это не нравится! Мне это не нравится вообще!

Клайн тихо сказал:

— Мэт, возможно, мне это не нравится даже больше. Я это ненавижу! Если что-то изменится, я переиграю свои планы. Я переиграю свои планы и в том случае, если кто-нибудь подскажет мне лучший выход из создавшегося положения. Ты можешь это сделать?

Линдер вздохнул:

— Нет, адмирал. Думаю, что я не могу. Вы были правы до сих пор, и боюсь, окажетесь правы и в дальнейшем!— Он поднялся со стула, подошел к затянутому сеткой окну и выглянул из него. В установившейся тишине Клайн мог слышать шум Внутренней реки и слабо доносившийся гром водопада. Там был небольшой ветерок, но не очень сильный, чтобы принести звуки из рощи флейтовых вязов, расположенных вверх по реке.

Линдер вдруг повернул к нему мрачное лицо.

— Адмирал, скажите только слово, и я быстро расправлюсь с Ольвани. Я доберусь до Столицы, приду к нему в офис и сломаю ему шею!

Клайн безрадостно усмехнулся.

— Возможно, это было бы не очень разумно перед самыми выборами. И чем мы будем отличаться от Мэдерлинка, если станем прибегать к подобной тактике?

Линдер кивнул коротко.

— Хорошо, я подготовлю те шесть блимпов и укомплектую лучшими экипажами. Есть еще что-нибудь, что вы хотели бы, чтобы я сделал?

— Да, есть, Мэт. Есть кое-что более необходимое — я хочу сказать, более срочное. Предсказать все, что планирует сделать Ольвани, я не могу, но он что-то замышляет также и в Востокограде. Он пошлет туда другую группу своих последователей — горожан, на которых он не во всем может положиться. Я подозреваю, что он хочет устроить в Востокограде ложную атаку и, насколько возможно, учинить беспорядки. Очевидно, в день выборов. Мне кажется, он захочет, чтобы мы отошли с запада. Выбранное им время ставит нас в щекотливое положение. Хотя мы и планируем убрать наши силы с запада, нам не нужны серьезные осложнения в Востокограде, потому что намереваемся использовать город как базу для одного из наших действующих центров. Фактически, я хочу оставить там вспомогательный Штаб. Оттуда довольно далеко до столицы. И мы хотим, чтобы в Востокограде выборы прошли спокойно.— Он сделал паузу и посмотрел на капитана.— Мы знаем несколько зачинщиков, которых он послал в Востокоград; я хочу, чтобы ты был готов нейтрализовать их. И, если потребуется, разгонял сборища. Мы не желаем начинать первыми, но ответ должен быть быстрым и четким — без щепетильности!

Клайн некоторое время колебался. Он очень хотел полностью довериться Мэту — человеку необходим, по крайней мере, один настоящий друг — но он не был уверен, что Мэт поймет это: что у него есть личные причины удерживать Востокоград и Восточную Стоянку. В этом городе жила Лайла, а на соседнюю стоянку должен был вернуться Рааб, если он, конечно, когда-нибудь вернется.

Но, хотя Мэт и был хорошим другом и даже больше, чем хорошим офицером, он не всегда разделял взгляды Клайна. В любом случае — имеет Клайн какое-нибудь право в данной ситуации на личные чувства?

Он решил, что не сможет довериться даже Мэту Линдеру.

— Это все, на чем ты должен сейчас сосредоточиться, Мэт.

Глава 14

Единственная вещь, которую Рааб запомнил на всю жизнь — плоскодонная, без киля корзина блимпа н е м о ж е т быть хорошей лодкой! Так как поблизости не было отвечающих требованиям материалов, они установили на носу короткие мачты, придав им клиновидную форму. Фактически, после первого часа качания на морских волнах он почти решил повернуть назад к маленькому острову и перестроить конструкцию, но ужасное ощущение уходящего времени и увеличивающаяся возможность встречи с вражеским патрулем говорили за то, что надо оставить все как есть. Все, что было можно, они перенесли на корму, и

неуклюжее судно высоко задрало нос. Результаты заметно улучшились, хотя данную конструкцию еще нельзя было назвать яхтой. Вместо того, чтобы зарываться в волну носом так, что все были вынуждены неистово вычерпывать воду, корзина теперь медленно вползала на гребень волны. Когда их импровизированная лодка срывалась с гребня и проваливалась вниз, это не доставляло приятных ощущений и даже первое время пугало их, но тем не менее сейчас их не заливало водой. К счастью, корзина блимпа была сплетена из гибкого и прочного дерева, так что на ней пока не было никаких признаков разрушения. Однако Рааб с сомнением посмотрел на нос и пробормотал Нику Русу:

— Если ударит встречный ветер, корзина может развалиться.

Тем не менее прорезиненная ткань баллона довольно хорошо прикрывала каркас.

Люди сидели угрюмые, но никто, увидев худобу Ника Руса и его парней, не захотел остаться на безымянном острове. Как Рааб и надеялся, Джон Кадебек и Вилли Вайнер склонили чашу весов на их сторону. Рааб говорил с ними по отдельности, но обоим сказал одно и тоже: уйдя с острова, группа нарушит планы находящегося среди них изменника подать сигнал вражескому патрулю. Конечно, оставался риск, что их могут заметить на открытой воде, но вероятность встретить вражеский блимп, блуждающий вокруг этих морских островов, была не очень большой.

Грести в воде было не тяжелее, чем в воздухе. Медленные взмахи весел не требовали большого применения мускулов. Как и в любом труде, с практикой становилось легче. Во время этой лихорадочной качки люди учились поднимать весла из воды, встречая волну, и делать гребки через равные промежутки времени.

Рааб, чувствовавший за собой вину за то трудное положение, в котором *они оказались, сам взялся за весло. Он не* требовал этого от Бена Спрейка, потому что его руки уже были в волдырях. Но даже сидя на веслах, Рааб вытягивал шею и осматривал небо. Утром оно было закрыто облаками, затем, где-то в середине дня, облачность разбилась на отдельные плывущие облака. Спустя четыре часа небо полностью очистилось, и море, словно по волшебству, из серого превратилось в светло-голубое.

За день они ели четыре раза, но понемногу, потому что никто не хотел испытывать свою сопротивляемость к морской болезни.

С восходом солнца немногочисленные вездесущие средних размеров словно для удовольствия перелетали над водой, иногда срываясь вниз к поверхности моря и разбрасывая во все стороны голубые искрящиеся брызги. Два раза огромные змеевидные головы поднимались из глубины в сотнях ярдов от лодки и свирепо смотрели вслед разбегающимся меньшим существам. Во второй раз морской монстр поднял над водой полные десять футов толстой шеи, чтобы рассмотреть неизвестный плавучий феномен, и даже немного приблизился, но затем, видимо, решил, что быстрее получит свой ленч, нырнув вниз, чем исследуя незнакомые обломки кораблекрушения.

В обоих случаях при появлении морских монстров талисман благоразумно оставался в лодке, лежа без движения. Хотя, проголодавшись, он поднимался в воздух, чтобы поймать себе пропитание, но склонности опускаться к воде он не проявлял.

Остров опустился за горизонт и скрылся из вида, но тем не менее перед заходом солнца они довольно близко увидели огромный вражеский блимп, который совершал очередной патрульный рейс в этом районе. Рааб заметил, что его кулаки сжались, а маленький палец запульсировал. Он попытался рассмотреть детали блимпа.

— Весла не сверкают,— сказал он Нику Русу тихим голосом,— но отсюда я не могу увидеть и воздушные винты. Ты говорил, что на патрулирование ходят только весельные блимпы.

Рус пожал плечами.

— Судя по тому, что ты рассказал мне, они в последние дни могли внести изменения.— Он тоже посмотрел на отдаленный блимп и усмехнулся.— Они делают круг. Возможно, они вообще изменили тактику и собираются приземлиться. Если они сделают это и обнаружат остатки "Пустельги", мы окажемся в затруднительном положении!

Рааб сидел и размышлял. На Лоури не только не использовались, но даже не построили ни одного блимпа с винтами, приводимыми в движение кривошипным механизмом. Некоторые энтузиасты несколько лет назад утверждали, что замена весел на пропеллеры даст блимпу большую скорость и маневренность, но это было не так. Хотя все-таки у них была одна выгода — практически любой человек с крепкой спиной и сильными руками без предварительного обучения мог сесть на сидение и крутить эксцентрический кривошип. И не нужен экипаж опытных гребцов. Из последних разведданных Рааб знал, что у Мэдерлинка насчитывается пятнадцать или шестнадцать подобных блимпов.

Он почувствовал, как расстройство и отчаяние окружили его. Неспособный сидеть спокойно, он поднялся и пошел к Поки Рэйджеру.

— Ты совсем вымотался, парень. Может, мне на время заменить тебя?

— Благодарю, капитан!— Рэйджер отодвинулся в сторону и облокотился на шкафчик, прикрепленный к борту корзины. Спустя минуту он угрюмо спросил: — Как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем мы доберемся до нужного нам места?

— До Медового острова?

— Ну да.

Рааб почувствовал себя так, словно его стягивала петля из кожаной веревки. Только Ник Рус знал о его планах — возможно, это нелепая уловка, но он надеялся, что она выявит шпиона, скрывающегося среди его экипажа. Знал ли кто-нибудь из них, если не считать Руса и, может быть, одного или двух человек из его группы, где находится Медовый остров? И сколько времени может занять путешествие туда?

Он рисковал, хотя уже обсуждал это с Русом. Несколько громче, чем это было необходимо, он ответил Рэйджеру:

— Возможно, нам придется грести весь завтрашний день, но я надеюсь, что мы доберемся туда вскоре после захода солнца. Это даст нам возможность отдохнуть и провести ночную разведку.

Теперь все гражданские (включая и шпиона, кто бы он ни был) могли поразмышлять над этой ложью, которая так стесняла его. На самом деле Медовый остров был гораздо дальше; разница, учитывая, что они медленно плывут в неудобной плоскодонной лодке, могла составить два дня. Остров, к которому они сейчас направлялись (и он хорошо это знал), был меньше Медового. Еще один, не имеющий значения безымянный островок, который он несколько раз посещал в прежние времена.

Если шпион каким-нибудь образом обнаружит себя и ему придется вступить с ним в схватку, он не хотел, чтобы это случилось на занятом врагом острове! Если его план сработает, он оставит шпиона на необитаемом острове. Или... ладно, он еще не решил, что он с ним сделает. Вероятно, подумал он, когда придет время принимать решение, он будет способен сделать нечто большее, чем просто высадить его на остров.

* * *

Ночь и следующий день тянулись, тянулись и тянулись. Днем было хуже; когда облака рассеялись, неуклюжая лодка казалась такой же незащищенной (так, по крайней мере, думал Рааб), как насекомое на белой скатерти. Когда день миновал середину, в вышине пролетел планер. Рааб и его люди могли только неподвижно сидеть и безнадежно смотреть вверх.

Но планер, пролетающий на высоте около десяти тысяч футов над уровнем моря, высматривал блимп или блимпы. И хотя лодка была довольно большой и ее можно было заметить с такой высоты, вероятно, она затерялась среди волн. Планер в медленном зигзагообразном полете проплыл мимо них и скрылся в направлении берега.

С приближением ночи Рааб нервничал все больше. Работа на веслах хотя и помогала отвлечься, но немного. Солнце, тихо опускавшееся к горизонту, бросало золотистые ослепительные блики, отражающиеся на поверхности моря. Морские сущи сновали над морем и издавали пронзительные крики. Не беспокоясь, что может потерять равновесие, Рааб поднялся в середине лодки и посмотрел в южном направлении. Он мог отклониться от острова примерно на двадцать миль, и он знал это. С чувством внутренней пустоты он повернулся и посмотрел в других направлениях.

И он увидел его — низкий зубчатый выступ земли, почти потерявшийся в ярких последних лучах заходящего солнца. Он взял слишком далеко к югу! Ладно, все нормально, ему все равно придется сделать круг, чтобы подойти к острову со стороны небольшой бухты, которая, как он

помнил, находилась со стороны открытого моря; а чтобы сохранить обман и подойти к острову в темноте, этот круг надо увеличить. Если находящийся среди них шпион знал Медовый остров или слышал о нем в разговорах, он мог знать, что бухта (где могла быть построена база со стоянкой для блимпов), обращена в направлении материка и что любую тайную разведку надо начинать с противоположной стороны.

Лучше не приближаться к острову до темноты. Каждый, кто был на Медовом острове или слышал о его размерах, мог заметить то огромное несоответствие, если посмотрит на этот остров при дневном свете. Но ночью — при свете единственной, самой маленькой луны, имел возможность увидеть остров, только приблизившись к нему...

* * *

Рааб неистово работал веслом, пытаясь удержать импровизированную лодку носом к берегу. Он даже не представлял себе, как это трудно — подходить к берегу во время отлива! Пока высоко поднятый нос еще мог вползать на волну, он держал направление; но теперь, вместо того чтобы подниматься, неуклюжее судно проявляло упрямую тенденцию повернуться широким бортом к волне и выйти из-под контроля! Кроме того, это были не те вялые волны, а валы прибоя — длинные остроконечные волны, которые закручивались и со всей силой обрушивались на берег.

— Мы проходим мимо бухты!

Рааб крикнул в ответ, что видит. Теперь слишком поздно беспокоиться об этом — доставить экипаж и груз к какой-то определенной точке берега было довольно тяжелым и трудным делом! Он всматривался в темноту, пытаясь предугадать приближение очередной волны. Луна, висевшая низко с левой стороны от него, не очень-то помогала. Он увидел белую шапку на гребне бросившейся на них волны, поднял весло и с отчаянием пытался выровнять накренившуюся лодку, и как только она поднялась на волну, согнулся и ухватился рукой за перила. Лодка поднялась, закружилась и, наклонясь, сорвалась с волны. Послышался треск дерева. Лодка, хотя и была наполовину залита водой, провалившись вниз, не опрокинулась, а глухо ударилась о песок.

Рааб выпрыгнул в кружащуюся воду, крикнул экипажу, чтобы они следовали за ним, и, не дожидаясь, пока все покинут лодку, боком начал тащить ее к берегу. Следующая волна догнала их, подняла и бросила дальше к берегу. Он увидел, как на берег выбросило оставленные весла, но одно все же осталось в воде. Он подбежал к нему и схватил, прежде чем его унесло в море. Ошеломленный, он еле волочил его и, подойдя к берегу, свалился в отступающую воду. Затем с усилием поднялся на ноги.

— Еще немного!— крикнул он.— Нужно оттащить как можно дальше...

Они нашли силы сделать это и протащили лодку вдоль линии кружащегося прибоя к бухте, которую назвать так можно было с большой натяжкой.

Маленький ручеек стекал с крутого каменистого гребня горы, тянущегося вдоль острова, и, приближаясь к морю, несколько расширялся в устье, создавая нешироким пролив с солоноватой водой. Но когда избитая лодка вошла в этот пролив, экипаж легко провел ее дальше, только немного подталкивая, чтобы сохранить движение.

Едва они достигли первых деревьев, укоренившихся в щелях среди камней, небольшие вездесущие, устроившие на них насест, сорвались в воздух и, описывая извивающиеся круги, прокричали протест на такое вторжение. Талисман "Совы", благоразумно поднявшийся в воздух, когда они приблизились к берегу, сразу же приступил к охоте за своим поздним ужином.

Рааб дал себе и людям минутную передышку.

— Идемте! Мы должны убрать весла и выброшенный груз с открытого места и стереть все следы на песке!

* * *

Они устроили лагерь в пятистах ярдах от пляжа и в пятидесяти ярдах от маленького ручейка, на полянке, в чаще напоминающих пальмы деревьев. Они даже перенесли сюда свою лодку, не разгружая ее. Нежелание разгружать лодку Рааб пытался объяснить тем, что, возможно, следующей ночью им потребуется спешно эвакуироваться и в суматохе они точно ничего не оставят. Экипаж был сильно утомлен и удовлетворился этим объяснением.

Рааб проследил за разведением четырех небольших костров в хорошо укрытых местах для приготовления горячей пищи и расслабился — насколько можно было расслабиться при подобных обстоятельствах. В его мыслях кружился вихрь поспешных планов; его желудок напрягся от неизвестности. Теперь Раабу казалось, что его план выявления шпиона был смехотворным. Но он должен дойти до конца и сделать это один. Он мог доверять только Нику Русу и большинству, если не всем, из его парней, но, когда он уйдет, они должны будут контролировать ситуацию в лагере.

Он был слаб до изнеможения... Но это не могло ждать до тех пор, пока он отдохнет. Рааб собрался с силами и поднялся на ноги. Талисман, свернувшийся в клубок в полумраке, подобрался и издал мягкий звук.

— Останься!— сказал ему Рааб.— Ник, если кто-нибудь попытается идти за мной, останови его!

Ник, который был посвящен в его планы, с неподдельным удивлением спросил:

— Ты куда, Рааб?

Рааб махнул рукой на запад.

— Вражеская база должна быть в двух милях отсюда за гребнем горы, на противоположной стороне острова. К тому месту ведет лесистая расселина, которая пролегает в трех четвертях мили западнее. Я хочу произвести разведку.

— Только не один, капитан!— возразил Рус.— Не лучше ли будет, если мы дождемся дня и выясним систему патрулирования острова?

Рааб покачал головой.

— Днем вдоль берега, вероятно, ходят пешие патрули, а над головой, несомненно, повиснут блимпы. Если я сегодня ночью смогу получить какое-нибудь представление о планировке базы, мы сможем более разумно осуществить свои планы на завтра. Мы не должны терять время. Подумай, патрульный блимп мог уже приземлиться на оставленном нами острове и обнаружить разрезанный баллон "Пустельги". Я думаю, они могут вычислить наше направление. В любом случае, мы не должны рисковать,— он сделал паузу и окинул взглядом группу полулежавших людей.— Кроме того, в одиночку это сделать легче. Если я пойду один, вездесущие не так сильно обеспокоятся и не устроят переполох. Я немного знаю этот остров, по крайней мере, лучше, чем кто-либо из вас.

— А если ты не вернешься, Джеран?— проворчал Джон Кадебек.— Мы доверились тебе, чтобы ты увел нас с этого острова!

— Если л ю б о й из нас будет схвачен или просто замечен, ни один из нас не получит шанса уйти,— ответил Рааб. Он затянул паузу, так как ему особенно хотелось, чтобы над его словами подумал шпион.

Внезапно Ник сказал:

— Рааб, если с тобой что-нибудь случится — не обязательно связанное с врагом,— мы не хотим сидеть здесь и ждать, когда умрем от старости. Если что-то случится, куда нам надо идти, чтобы найти тебя?

Рааб сделал вид, что задумался.

— Ну... я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме меня, покидал лагерь до завтрашнего дня. Ни один, понятно? Если я попаду в переплет, я хочу, чтобы вы держались все вместе. Но если я не вернусь до полудня — а я рассчитываю вернуться вскоре после восхода солнца,— вы можете начать думать, что я мертвый или схвачен в плен. В этом случае, удачи нам всем!— Он помолчал.— Недалеко отсюда к западу есть утес, который выходит к самому берегу. Если человек не хочет делать тяжелое восхождение в гору, он должен по колено в воде обойти этот утес. Расселина, по которой я намереваюсь пройти, находится сразу за ним. Там протекает маленький ручеек, гораздо меньший, чем этот. Я пойду вверх вдоль этого ручья; он доведет почти до самого конца пути. Весь путь пройдет под прикрытием деревьев и только несколько ярдов на вершине горы надо будет пересечь по открытым камням. Я остановлюсь там, лягу в тени и посмотрю вниз, на противоположный берег острова. Даже если я не смогу многого рассмотреть, там наверняка будут огни, и я увижу где и как пришвартованы блимпы. И что еще они там построили.

— Раньше там была большая база?— без выражения спросил Кадебек.

Рааб попытался сохранить лицо и голос беспристрастными. Если Кадебек шпион, то он, возможно, совершил ошибку, слишком точно описывая Медовый остров. Но также он не мог допускать н е т о ч н о с т е й.

— Здесь была вспомогательная база, место, где мы могли приземлиться, пополнить запасы свежей воды, собрать фрукты и поохотиться на сущих. Постоянного персонала здесь не было. Я не думаю, что, когда Мэдерлинк захватил остров, здесь кто-нибудь находился.

Кадебек взглянул на него и пожал плечами.

— Я бы не стал винить тебя, если бы ты взял на разведку кого-нибудь еще. Но раз уж ты настаиваешь сделать все это в одиночку, удачи тебе, Джеран.

— Благодарю.

Рааб проверил свой нож, вытащил веревку, связывающую мешки с мясом, повернулся и пошел через чащу пальмоподобных деревьев.

Одна луна, Золотистая, была уже за горным хребтом, но Серебристая, находившаяся довольно низко на востоке, обозначила серебристую дорожку на поверхности моря.

Была поздняя ночь, и большинство обитающих здесь существ уже спали. Только одинокий вездесущий кружился над прибоем и издавал резкие крики. Возможно, он лишился самки.

Утес появился с правой стороны от Рааба. Он выбрал трещину в камнях, где мог согнуться и укрыться от лунного света. С этого места он начал наблюдать за небольшой полоской открытого песка, которую только что пересек, выйдя из рощи всеролистных деревьев. Всякий, последовавший за ним, должен будет пройти по этому месту. Он мог видеть свои собственные следы, оставленные намеренно и идущие так, словно он действительно пошел вброд вокруг утеса. Конечно, шпион, ускользнувший из лагеря, сразу может быть выявлен, если кто-нибудь сделает перекличку — Ник Рус намеренно должен был воздержаться от этого,— но шпиона это не должно беспокоить. Если он поверил, что они находятся на Медовом острове в нескольких милях от базы Мэдерлинка, больше не будет заботиться о маскараде. По долгу службы он должен сразу добраться до этой базы и поднять людей на ноги.

Рааба беспокоило то, что он рассказал своим людям. Во-первых — что, если шпион знал Медовый остров? Намеренно неопределенное описание в общих чертах подходило к Медовому — точно так же, как и могло подойти к любому другому острову. Медовый, как и большинство расположенных здесь островов, имел горный хребет, тянущийся посередине острова, но на нем было, по крайней мере, четыре расселины. Одно это могло возбудить подозрения у шпиона. И если хорошенько подумать, неужели берег Медового острова со стороны моря также не охраняется? Ну, возможно, нет. Даже если командование врага допустит такую вероятность, что "Пустельга" прорвалась к морю, по логике они

не должны ждать ее здесь. Но если враги не поверили, что в стране ущельев их атаковал один маленький блимп — ну, это довольно далеко отсюда. Следуя логике, они должны продолжать поиски в стране ущельев, там, где находится гелий.

По любым благоразумным расчетам врага, даже если "Пустельга" миновала все опасности, она должна быстро добраться до какого-нибудь маленького острова, взять груз гуано и, не задерживаясь, отправиться на Лоури. И они, если бы могли, действительно так и сделали бы. Никто не мог предсказать их дикую, сумасбродную идею добраться до Медового острова на лодке; это было из области снов.

Рассуждая так, он пришел к выводу и надеялся, что не ошибся, что на обращенном к открытому морю берегу Медового острова не должно быть ночной стражи. Эти рассуждения так же подходили для шпиона, как и для любого другого. Рааб нисколько не сомневался, что шпион был ловким и отважным человеком. Кто это мог быть?

Предположительно, их было два или больше; и, возможно, один из них — Джон Кадебек? Или он был только один, и это был Кадебек? Представитель экипажа имел твердое алиби, подтвержденное Беном. Но Бен Спрейк-младший был слабым человеком. Не могла ли сильная личность каким-нибудь образом изменить воспоминания Бена — или даже з а п у г а т ь его и вынудить солгать? Или, например, Бен просто не захотел сознаться в своей невнимательности?

Рааб изменил положение, чтобы не затекли мускулы; сжал и разжал кулак левой руки, чтобы снять напряжение с пульсирующего маленького пальца. Если Кадебек сейчас внезапно появится здесь, чтобы захватить Рааба, что может сделать Рааб? Как и любой офицер Флота, Рааб хорошо владел различными видами ближнего боя — он мог использовать нож, дубинку или древний посох. Он мог драться голыми руками и ногами. Но, вероятно, шпион также обучался этому; а Кадебек — сильный и энергичный человек.

Мгновения тянулись. Маленький вездесущий все еще кружил над прибоем, издавая резкие, заунывные крики. Рааб на несколько дюймов повернул голову, чтобы посмотреть в том направлении. За границей тени от острова море было хорошо освещено обеими большими лунами. Приближающаяся час назад к острову лодка могла быть хорошо видна с вершины горного хребта. Не могли ли там находиться хотя бы несколько часовых, если бы это был Медовый остров?

Час назад? Или уже прошла вечность с того времени, как Рааб привел сюда свою неуклюжую лодку?

Он почти беззвучно что-то пробормотал про себя. Где проходит граница, когда нервничающий человек еще считает себя человеком?

Проползло еще несколько секунд...

Внезапно его нервы зазвенели. Казалось, он не увидел, а почувствовал движение в черной кайме чащи!

Его пульс тяжело стучал в висках, так что казалось, будто этот стук разносится на многие ярды! Он очень медленно повернул голову. Касается ли его лунный свет? Он думал, что нет. В любом случае, его тело могло затеряться среди разбросанных вокруг зазубренных камней. Он на дюйм передвинул правую руку ближе к ножнам. Был ли кто-нибудь в тени? При подобных обстоятельствах гражданские, в соответствии с их примитивными чувствами, стараются все как можно больше запутать...

В темноте возникло движение, и на песок выскользнула почти обнаженная фигура.

На какое-то мгновение Рааб был так изумлен, что не мог сдвинуться с места — он совершенно не предполагал увидеть здесь этого человека. Но за это время человек успел тихо (и с гибкой грацией!) пробежать семь или восемь шагов.

Рааб внезапно вышел на открытое пространство и недоверчиво произнес:

— ПОКИ?

Он не мог поверить своим глазам, и это чуть не стоило ему жизни. Словно быстрейшая из живущих на деревьях земных кошек, которые адаптировались в долине страны ущелье, коротышка повернулся и не разгибаясь, бросил что-то, сверкнувшее в лунном свете.

Только бессознательный натренированный рефлекс спас Рааба, заставив его подогнуть колени, упасть и откатиться в сторону. Этот же рефлекс послал его руки к ножнам, чтобы выдернуть нож, отвел правую руку за правое ухо... В воздухе засвистел нож. У него не было времени перехватить нож и взять его за лезвие! Он метнул его так, чтобы он летел острием вперед и не переворачивался в воздухе! Затем, перевернувшись, Рааб оперся на песок, быстро, словно кошка, вскочил на ноги, прыгнув вперед и немного в сторону, чтобы увернуться от второго ножа, если он вдруг появится в воздухе! И в тот же миг его ускорившееся сознание отметило, что кремниевый нож попал точно в середину грудной клетки противника, а какая-то другая часть сознания зарегистрировала раздавшийся сзади металлический стук, когда брошенный Рэйджером нож ударился о твердый каменный утес, едва задев плечо Рааба.

Но это был н е к р е м н и е в ы й н о ж!

Рэйджер схватился за торчащую из груди рукоять, пробежал по инерции еще пару шагов, пошатнулся и упал.

Рааб — над ним море раскаяния — прыгнул вперед. Рэйджер, м а л е н ь к и й П о к и Р э й д ж е р! И Рааб убил его так, словно перед ним был Джон Кадебек, действительно представляющий угрозу, физически сильный человек!

Но теперь было слишком поздно раскаиваться. Он стоял абсолютно безвольный и смотрел на поверженного человека. Рэйджер повернулся на спину, не отпуская застрявшего в середине груди ножа — ох, как точно он попал в цель! Лезвие пробило грудину и полностью вошло в

тело. Возможно, оно задело сердце или какие-то другие жизненно важные органы.

Рэйджер закашлялся, и на его лице появилась гримаса, напоминающая усмешку.

— Я должен... был... понять...— задыхаясь, произнес он и умер.

Рааб подождал немного, затем со странным оцепенением наклонился, ощущая какую-то пустоту, и, взявшись за костяную рукоять, дернул, освобождая кремниевый нож. Он воткнул его один раз, затем второй во влажный песок, чтобы очистить от крови, потом выпрямился и с минуту неподвижно стоял, рассматривая смертоносный снаряд. Был ли это его нож; знакомый до мелочей флотский нож? Была ли это его рука, которая послала этот нож? Он отсутствующе сжимал и разжимал левую руку, успокаивая пульсацию в деформированном маленьком пальце.

Затем он вернул нож в ножны, снова наклонился и затащил маленькое тело Рэйджера под деревья. Вернулся к темным пятнам на песке и ногой забросал их чистым песком. Он подошел к утесу и нашел бронзовый нож, который Рэйджер бросил в него с такой силой и точностью, какую едва ли можно было ожидать от этого маленького человека. Рааб поднял нож и сунул под ремень.

Он убрал все следы с песка так хорошо, как только мог, и скрылся в темной чаще. Где-то над прибоем все еще кричал маленький вездесущий.

* * *

В слабом свете маленького костра Кадебек посмотрел на нож, который ему протянул Рааб, и на его лице смешались недоверие и удивление. Наконец, словно не веря своим глазам, он пробормотал:

— Как... Где...

— Я думаю,— сказал Рааб,— было только одно место, где мы не смотрели. Подумай сам. Рукоять весла ведь полая. Он мог привязать один конец ремня к ножу, а второй к ручке весла, и опустить нож туда, чтобы он провалился к лопасти. Он мог висеть там сколько угодно. Когда появился шанс, он мог наклонить весло, чтобы нож выпал обратно. Бог знает, где он прятал его потом — возможно, в узлах с пищей, или в своих собственных вещах, или где-то еще, что мы уже обыскали.— Рааб сделал паузу.— Одна мысль чертовски досадна мне. Возможно, он даже не видел его до тех пор, пока не вернулся один к "Пустельге" и не убил Эммета Олини. Он мог вернуться за чем-то своим или... Возможно, едва нож оказался в его руках, он что-то сказал, что заставило Олини повернуться к нему спиной и перегнуться через перила...

Если не считать потрескивания маленького костра, там установилась полная тишина. Кадебек медленно ощупал лезвие ножа.

— Кончик погнут,— он повернул голову и посмотрел на Рааба.— Ты говоришь, о н. Кто это? И как ты...— он оборвал себя, как только

понял, что произошло, быстро поднялся на ноги и осмотрелся вокруг.— К т о о т с у т с т в у е т?

Это был тот самый момент, который Рааб хотел видеть. Он попытался рассмотреть лица всех людей. Если на них и было что-то, кроме изумления, Рааб этого не видел.

Кадебек снова повернулся и посмотрел на Рааба. Его голос стал убийственным.

— Будь ты проклят, Джеран — что это значит? Мы все на месте!

Рааб холодно улыбнулся.

— Все? А где Рэйджер?

Кадебек сверкнул глазами и затрясся от смеха.

— Там... спит.— Он шагнул к лежащей ничком фигуре и слегка толкнул ее ногой.— Поки! Проснись! Наш капитан...

Он замолчал и на мгновение застыл, глядя на узлы одежды. В конце концов он искренне проговорил:

— Ну а я буду проклят трижды.

Рааб подошел ближе и увидел, что Рэйджер наломал веток, нарвал листвы и травы, набил всем этим свою одежду и сделал довольно убедительный манекен. Он выпрямился и повернулся лицом к Кадебеку.

— Ты бы никогда не назвал его снова маленьким Поки, если бы увидел, как он действовал. Словно молния! И ловкий — боже, какой он был ловкий! Всех нас он сделал дураками!

Ни один не спросил, что случилось с Рэйджером, только Кадебек спустя некоторое время задумчиво поинтересовался:

— А если бы он проскочил мимо тебя? Что, если... ну... он пошел другой дорогой? Все, что ему требовалось, это добраться до базы и поднять крик...

— Ему пришлось бы здорово напрячь свои голосовые связки, предварительно проплыв около шестидесяти миль,— ответил Рааб.— На Медовый остров мы отправимся завтра ночью. Мы отдохнем здесь денек и понаблюдаем за небом, а также и друг за другом. Мы обнаружили шпиона, но это не доказывает, что здесь нет других.

Глава 15

Адмирал Клайн поднял телескоп, сейчас побитый и поцарапанный, но когда-то превосходный инструмент с отполированными линзами из чистого натурального кварца, вставленными в трубку, вырезанную из ствола флейтового вяза, и снова посмотрел через него. Он понял, что еще не лишился навыка покачивать телескоп, чтобы компенсировать легкое раскачивание летящего блимпа.

— Что вы об этом думаете?— спросил капитан Линдер.

Клайн опустил телескоп и вздохнул.

— Все нормально, это наш планер. Он приподнял одно крыло так, словно оно пробито. Он не следит за тепловыми потоками — он только пытается спланировать на как можно большее расстояние и мастерски использует любые встречные восходящие потоки. Я не вижу, чтобы его кто-нибудь преследовал, но они могли отстать на пару миль, а с такой дистанции мы не можем их видеть.

Линдер тихо выругался.

— Значит, вы думаете, что Гора Купола взята?

— Да, и наземными силами. Если бы там появилась вражеская курица, они бы заметили ее на большом расстоянии и успели бы послать сюда планер с донесением. Здесь можно сделать только один вывод: Ольвани узнал, что мы восстановили полдюжины боевых блимпов и укомплектовали их своими лучшими экипажами. Но он не знает, где и как мы хотим их использовать. Он взял на себя обязательство обеспечить высадку врага вблизи Западограда — а это значит противодействовать любым контратакам с воздуха точно так же, как и наземным силам, которые мы можем послать туда. И для начала он решил устранить нашу маленькую разведывательную группу на Горе Купола.— Клайн вздохнул.— Жаль, что он пошел против нас. С военной точки зрения мне нравится образ его мышления!

— Да,— угрюмо сказал Линдер.— И это окажет большее воздействие, чем высадка врага.— Он посмотрел на запад и отыскал маленькую точку в небе.— Я начинаю верить, что вы были правы, когда предложили отвести большинство наших наземных сил на восточный берег реки. Я полагаю, нет никаких сомнений, что они ударили по Горе Купола.

Клайн нахмурился.

— Возможно, что мы лишились баллона горячего воздуха. Но, если я не совсем тупоголовый старый дурак, мы можем использовать Гору Купола как возвышенный наблюдательный пост. И поддерживать с ними связь световыми сигналами.

— Да,— сказал Линдер,— никто даже предположить не мог, что он открыто выступит перед выборами!

Клайн с отвращением проворчал:

— Черт, мы должны были об этом подумать. Я даже предполагал нечто подобное.— Он с минуту всматривался в западном направлении.— Кажется, пилот не дотянет несколько миль до реки... Ладно, Мэт, только одна вещь говорит за то, что мы не потеряем Гору Купола. Ольвани имеет достаточно сил, чтобы захватить ее, но силы его не безграничны. Если он пошлет людей туда, значит, ослабит позицию где-то в другом месте.— Он передал телескоп Линдеру.— Последите за планером; твои глаза лучше моих. Есть на борту пара сигнальных флагов? Я хочу передать приказ в Коултерсвиль.

— Да, сэр... они в шкафчике для сообщений.

Клайн взял флаги и между двумя рядами отдыхающих сейчас флотских гребцов прошел на корму. "Павлин" висел над Внутренней рекой и медленно дрейфовал в слабом ветерке. По сентиментальным причинам он не захотел взять "Кондор", старый флагманский корабль Роула... Сигнализируя "Внимание", он дважды поднял и опустил флаги, получил подтверждение с крыши Административного Здания прибрежного города, где в этот момент размещался штаб наступления, и послал свои инструкции. Он хотел отправить небольшую группу партизан к подножью Горы Купола на случай, если враг (по его мнению, это должны быть только нерегулярные силы Ольвани) попытается использовать баллон горячего воздуха, пресечь его попытки; и вообще побеспокоить его там. Он хотел отправить посыльных к Северной Стоянке и Востокограду, чтобы передать сообщение о падении Горы Купола. Он подумал, не надо ли послать такое же сообщение в Столицу, но решил не делать этого. В верховьях реки и в самой Столице ситуация была слишком запутанной, так что лучше, по крайней мере, денек подождать...

Он передал приказы, вернулся на нос, положил флаги и снова присоединился к Линдеру, стоявшему около перил.

— Мэт, проведи блимп за реку навстречу планеру.

Линдер быстро бросил на него взгляд.

— Вы хотите приземлиться и подобрать его? На борту нет лучников...

Клайн усмехнулся.

— Если флотские гребцы не станут защищать своего адмирала, кому нужен такой адмирал. В любом случае, есть только один шанс из ста, что Ольвани уже послал своих людей к реке. Ты знаешь, что он еще собирается победить на выборах.

Линдер пробормотал в ответ, что, по его мнению, Ольвани вообще забыл о выборах, но повернулся лицом к корме и приказал:

— Алтерн, курс на запад, навстречу планеру, ты понял?

* * *

Хотя одно крыло планера было сильно пробито, а второе слегка помято, у пилота не было ни царапины. Но он был очень истощен и испытывал сильную жажду. Клайн дал ему напиться.

— Да, адмирал... нерегулярные силы ударили по нам перед восходом солнца. Вместе со мной на ночном патрулировании было еще два планера. Но я один находился поблизости от Горы, когда это случилось. Я не знаю, что стало с теми двумя планетами. Я поймал край восходящего потока, поднялся как можно выше и двинулся на восток. Вероятно, в других местах тоже были подняты восстания — когда я пролетал, то видел бои в полдюжине городов — но я не знаю, как там развиваются события дальше. Я подумал, что для меня лучше попытаться добраться

до реки. В худшем случае, здесь я мог укрыться в рощах и посмотреть, что творится вокруг, а потом попытаться доложить об увиденном!

— К счастью, мы оказались поблизости от реки,— сказал Клайн.— Мы разбили врага в Востокограде и в паре других больших городов, включая и Коултерсвель. Кажется, в Столице тоже что-то происходит, но мы не знаем что.— Несмотря на болезнь и бушующую в нем злобу, он смог уверенно улыбаться усталому и озадаченному пилоту планера.

— Сэр, я видел блимпы к северу... — сказал пилот.

— Вероятно, это были наши. Я послал, что мог к Столице, чтобы поддержать наших людей,— ответил Клайн и вдруг заметил, что вполне серьезно говорит этому пилоту, алтерну, о своих надеждах.— Если мы сможем удержать Столицу и зону к востоку от реки, все будет нормально. Я уверен, что Мэдерлинк и Ольвани надеются вовлечь в бой как можно больше наших регулярных сил и уничтожить их как боевые единицы. Теперь высадившийся на западе десант либо вообще ничего не будет делать — кроме как набивать желудки — либо двинется на помощь Ольвани. Когда люди оправятся от потрясений, они смогут противостоять сброду Ольвани.

Пилот с беспокойством прервал его.

— Сэр, сколько групп высадил Мэдерлинк?

Клайн мрачно усмехнулся.

— Я не знаю, но полагаю, что Ольвани тоже хотел бы это знать! Знаешь ли, он хочет держать все в своих руках — но Мэдерлинк может обмануть его и высадить настоящую армию. Но я сомневаюсь в этом, потому что возникли проблемы где-то в других местах, хотя Ольвани все равно не сможет забыть о такой возможности. В любом случае, они не смогут быстро завоевать нас. Мы уже начали посылать партизан на западный берег реки, чтобы организовать там сопротивление. В частности, мы надеемся захватить там как можно больше зерна, овец и всего прочего, а затем вывезти сюда. Мы хотим вывести в безопасное место фермеров и их семьи, а из мужчин сформировать новые партизанские отряды.— Он с усилием усмехнулся.— Я думаю, через десять дней враг почувствует это на своей шкуре.

Но, конечно, он не был уверен, что все так и будет, хотя не стал кричать о своих сомнениях, которые были близки к отчаянию при мысли о том, что верные Лоури горожане начнут голодать даже больше, чем сейчас. Он взглянул на Линдера.

— Мэт, думаю, мы узнали все, что хотели. Давай вернемся к Коултерсвилю и передадим в штаб новости, а потом отправимся к Востоко-граду.

На пути к востоку от речного города они не видели ничего примечательного. Клайн сидел на шкафчике сообщений и смотрел на проплывающую под ними пустынную местность. Завтра должен был быть день выборов.Но каждый сельчанин, каждый фермер, хоть и уединенный, вероятно, уже знали о случившемся. Здесь и там он видел кучки людей, задравших головы и смотревших на блимп; он поднял руки и помахал им,

словно сигнализируя, что готов помочь. Но сейчас он ничего не мог для них сделать. И они не могли ничего сделать для себя, кроме того, чтобы выжить. В ближайшем будущем в этом районе не должно быть больших боевых действий — даже если Ольвани сможет собрать многочисленные силы и переправить их на восточный берег реки, он не станет их распылять по пустынной сельской местности.

Блимп так же неуклонно двигался на восток, как солнце опускалось к западному горизонту. Поздно вечером, когда уже начал формироваться туман, впереди появился Востокоград. Адмирал озабоченно посмотрел на огороженную высоким забором Восточную Стоянку. Флаг Лоури все еще трепетал в слабм ветерке — боже, он даже в этом сомневался?— а на людях, которые приветствовали блимп, была форма Флота Лоури.

Его утомленные глаза блеснули влагой.

— Мэт, поднимись на высоту тысячи футов, ты понял?

С большой высоты он осмотрел все небо в восточном направлении, стараясь заглянуть как можно дальше за край столовой горы. Кроме облаков, тянувшихся над морем до самого горизонта, он не увидел ничего, но сквозь разрывы в облаках он мог видеть голубое море. К тому же, отсюда была хорошо видна белая змеившаяся линия побережья, а на севере виднелась темно-зеленая область джунглей. Он рассматривал это в течение десяти минут, пока его глаза не затуманились от напряжения, Рааб сможет совершить чудо и вернуться.Если Рааб еще жив, он сделает все невозможное, чтобы вернуться...

Но он не видел ничего похожего на блимп.

Почувствовав, как старость и усталость навалились на его плечи, он повернулся к Линдеру и сказал:

— Мэт, пора спускаться, ты понял?

***

Сразу после того, как он доложил командованию местной базы известные ему факты и отдал необходимые приказы, Клайн со всей поспешностью, на которую были способны его старые хромые ноги, направился к Кварталу Офицеров Флота Северной Стоянки. Он отдал честь часовому, стоявшему у главного входа в общежитие, поднялся на второй этаж и подошел к столу дежурного по этажу.

Алтерн поднялся из-за стола и отдал ему честь, хотя это требовалось от него только во время парадов и официальных церемоний.

Клайн нетерпеливо козырнул в ответ.

— Где она?

— Комната двести тридцать семь, сэр. Вас проводить?

Подавляя раздражение, Клайн покачал головой. Как будто он сам не знает, где и что располагается на Лоури! Он торопливо пошел к комнате с названным номером.

Постучав, он услышал ее голос.

— Входите.

Клайн осторожно открыл дверь и вошел. Она сидела у выходящего на восток окна и смотрела в него. Сухой и теплый осенний ветерок слабо теребил натянутую на окне сетку. Она быстро поднялась на ноги и пошла ему навстречу.

— Альберт!

— Лайла,— он взял ее руки в свои.— Дорогая, вы удобно устроились?

— О, конечно,— она мило улыбнулась. Он хорошо помнил эту улыбку, которая часто появлялась на ее спокойном, слегка полноватом лице.

— Надеюсь,— произнес он,— вы извините меня, что я без предупреждения и объяснений переправил вас сюда. Теперь вы знаете, что Ольвани усугубил наши неприятности. Я хотел... я должен был обеспечить вашу безопасность перед своим отъездом. Но я был вынужден подняться в воздух, так и не получив возможности встретиться с вами, чтобы объяснить ситуацию.

Она отмахнулась от его извинений.

— Они были очень вежливы и деликатны, доставили также сюда мою сестру, которая в данный момент вернулась домой, чтобы собрать кое-какие вещи.— Она посмотрела в его глаза.— Вы устали, Альберт. Вам нельзя так изводить себя!

— Я сейчас уйду, чтобы немного вздремнуть, — сказал он и стал ждать ее следующего вопроса, который, как они оба знали, она должна была задать.

И она спросила:

— Вы получили какие-нибудь известия о Раабе?

Он выдержал самое тяжелое сражение в своей жизни и заставил себя улыбнуться.

— Пока еще нет, Лайла. Путешествие, в которое он направился очень долгое. Даже если ветры были благоприятны — а я полагаю, что это не так — время возвращения еще не наступило.

Конечно, как вдова адмирала, она хорошо ориентировалась в обстановке, но с благосклонностью приняла ложь.

— Я тоже полагаю, что время еще не пришло.— Затем она остановила этот вопрос.— Очень хорошо, что вы зашли узнать, как я устроилась. Пожалуйста, не надо больше тратить на меня свое время. Идите отдыхать! — Она говорила спокойно, по-прежнему улыбаясь, хотя он не строил иллюзий о ее действительном состоянии.

— Спасибо, Лайла,— поблагодарил он.— Ваша сестра вернется?

— Да. Она проведет здесь ночь.

— Превосходно. Спокойной ночи, Лайла.

Она мягко закрыла за ним дверь.

Глава 16

Если в его неописуемом экипаже и остались шпионы, на пути к Медовому острову Рааб не замечал никаких признаков этого. За то время, что были на воде, они дважды видели вражеские блимпы, направляющиеся на северо-восток. Первый был курицей с комплектом свисающих за бортом планеров — это говорило Раабу, что остров, где "Пустельга" закончила свою долгую жизнь, а возможно, и остальные острова в этой зоне, не оставлены без внимания. Почему? Они нашли ее останки? Или другие причины заставили врага прийти к выводу, что "Пустельга" проскочила в эту зону? Шпионы на Лоури, так же как и их друзья, не могли знать, что "Пустельга" добралась до моря.

Возможно, они заметили брошенную одежду или какой-нибудь сверток с пищей, только эта неизвестность сводила Рааба с ума. И еще одно — хотя это больше внушало отвращение к себе — он потерял счет дням. Полагая, что выборы на Лоури должны начаться завтра или через день, он же не был в этом уверен.

Кроме того, его волновал еще один вопрос: что делается на Лоури и что они увидят там, когда вернутся домой. Будет ли еще держаться изголодавшаяся, но непокоренная Лоури под управлением прежнего правительства? Или вновь выбранное правительство подпишет притворные "соглашения", а возможно, просто капитулирует?

Не получится ли так, что, вернувшись на Лоури, он — и Клайн, и многие другие — окажутся "преступниками"?

Он поднялся со своего места и пошел к гребцам, чтобы поработать веслом. Он думал, что только физическая нагрузка удерживала его от полного безумия.

— Тебе не кажется странным, что здесь больше нет Поки Рэйджера?— вяло спросил Кадебск.

Рааб уверенно кивнул и взялся за весла.

Наступила ночь. Он никак не мог решить: должен ли он поторопить экипаж, чтобы добраться до Медового острова, пока одна или две большие луны находятся в небе? Или он должен дождаться полной темноты, если не считать света звезд? Если в небе будет луна (или обе, так как Серебристая и Золотистая находились сейчас под таким углом, что приближались к западу почти одновременно), он может приблизиться к берегу в тени, падающей от острова. Он хотел подойти к острову с юго-восточного направления, где около небольшой бухты стояла высокая скала, которая могла отбрасывать густую тень.

Рааб вздохнул. Ему нелегко было думать о намеренной задержке, но казалось, что это предоставляет лучший шанс. Он использует тень от скалы; кроме того, после полуночи часовые обычно более сонные и невнимательные.

— Давайте отдохнем. Времени у нас более чем достаточно; во всяком случае, я не хочу, чтобы мы появились там полностью обессиленные. Ник, ты не сделаешь нам сэндвичи?

Некоторое время они без движения дрейфовали на морских волнах, а затем отправились дальше. В основном звезды были скрыты за облаками; Рааб не любил прокладывать курс в таких условиях. Золотистая и Серебристая миновали зенит с разницей в час, после чего Серебристая медленно стала догонять приближающуюся к западу Золотистую. Они обе были немного ущербные, но в открытом море от них было достаточно света.

За час до того, как Золотистая должна была скрыться за горизонтом, Рааб начал волноваться. Как далеко он уклонился от острова? Он думал, что сейчас остров уже должен показаться, и поднялся во весь рост, глядя во всех направлениях. Будет очень плохо, если они подойдут к острову со стороны материка — вокруг базы наверняка установлена охрана и некоторые из часовых наблюдают за морем. Если они находятся на возвышении...

Внезапно он увидел с левой стороны низкую темную массу и облегченно вздохнул.

— Мы подошли довольно близко. Теперь по дуге пройдем немного дальше к югу и остановимся напротив места высадки. Там мы немного отдохнем и перекусим, чтобы подойти к острову в хорошем состоянии.

И снова возникла проблема с прибоем. Но, исправляя повреждения после прошлого приключения, они сделали в дне что-то наподобие киля, и их не так сильно разворачивало бортом к волне. Кроме того, у них была практика! Тем более, что прибой здесь был гораздо слабее. Они подошли к берегу, вытащили лодку на песок и быстро перетащили в укрытие.

* * *

Рассвет пробивался через листву джунглей. Это не были смертоносные джунгли, как на материке, и группа настороженных людей находилась здесь в относительной безопасности.

Рааб надеялся, что они надежно убрали в скалы лодку и убрали следы высадки. При дневном свете берег, наверняка, просматривался сверху.

Он встал на ноги и потянулся.

— Я видел этот каньон, но нам от этого не легче. Я думаю, до полудня мы доберемся до вершины горного хребта., осторожно осмотрим противоположный склон горы и определим место для разбивки лагеря. Разведчикам необходимо быть очень внимательными. Прислушивайтесь к крикам маленьких животных. Если в том направлении, куда мы двигаемся, они ведут себя спокойно и слишком тихо... Стоп!— он немного подумал и решил не напоминать, чтобы они следили друг за другом. Он не хотел, чтобы они забывали, но в то же время, у него не было причин постоянно напоминать им это.

Они двинулись вверх по каньону.

Во время одного из привалов Рааб нашел место, откуда можно было видеть оставленный ими берег. Около десяти минут он сидел и смотрел вниз, как вдруг увидел на берегу патруль. Несколько человек, забросив луки за спину, шли в шеренге по одному. На какой-то момент ему показалось, что это сон. Раньше он очень наглядно представлял себе, как может проходить такое патрулирование! Когда идущий впереди человек остановился и склонился над песком, у Рааба перехватило дыхание, но маленький предмет, поднятый им, не вызвал никаких подозрений. Ведущий показал своим людям то, что он поднял, и небрежно отбросил в сторону.

Они сделали еще пару привалов, прежде чем Рааб сквозь листву не увидел впереди голые камни. На гребне горы солнце пекло очень сильно. Рааб вспомнил, как этот горный хребет выглядит с блимпа — словно гигантский кремневый нож выставил острый край над растительностью. Теперь же, снизу, открытое пространство, которое они должны были пересечь, выглядело необычайно большим. Но там были неровности и тени. Люди, один за другим, не выпуская из виду двигающихся впереди и позади, перебирались через открытое пространство. Как только все снова оказались под прикрытием растительности, они быстро и тихо, без лишних разговоров, съели ленч. Рааб видел, как его собственное беспокойство отражается на лицах людей.

Два часа ушло на то, чтобы найти расселину, которая, как подумал Рааб, выходила к базе. Под прикрытием джунглей они лежали на склоне и наблюдали за вражеским лагерем.

* * *

Ровная расчищенная площадка имела форму овала с соотношением одна восьмая к четверти мили. С южной стороны и с восточной, между площадкой и джунглями были пятьдесят ярдов вырубленной мертвой зоны, которую, исключая несколько проплешин выветренного песчаника, покрывала молодая поросль. Со стороны моря от базы отходил пологий склон, ослепительно блестевшим на солнце. Прибой здесь был даже слабее, чем в заливе на другой стороне острова. Около тридцати человек купались в море.

Западный конец расчищенного овала упирался в голый каменный утес, почти вертикально поднимающийся вверх. Тень от него покрывала ровную площадку и почти упиралась в подножье восточного склона, заросшего джунглями. Склоны, окружающие базу, были довольно крутые и защищали построенные здания от морских штормов. Даже в расселине, по которой Рааб со своими людьми подошли к базе, склон опускался под углом около сорока пяти градусов.

Там находилось около дюжины зданий, построенных из свежевырубленных досок и множества больших и маленьких сараев. Два из них были

огромны — очевидно, ангары. Низкое, занимающее большую площадь здание, вероятно, было кухней и столовой, потому что из трубы на ровной крыше уже поднимался дым. Другое здание, немного выше столовой, возможно, выполняло функции центра отдыха. Компактное, сильно укрепленное двухэтажное здание ангаров напоминало арсенал. Три длинных и узких сооружения около ангаров могли быть бараками. Рааб решил, что они могут вмещать койки на шестьсот человек.

Отдельно от всех зданий стояли несколько бунгало, несомненно, дома для офицеров. И, наконец, вдоль западного утеса на сотни ярдов тянулась тюремная зона. Назвать это зданием, имея в виду сооружение со стенами и камерами было нельзя: это была просто крыша, установленная на столбах, а пространство под ней открыто со всех четырех сторон. Крыша имела некрутой наклон к утесу.

Более полусотни людей сейчас сидели и лежали на крыше, устремив взгляды в сторону моря. По крайней мере половина из них носила обтрепанную форму Лоури, серую боевую и рабочую, но среди них не было ни одного белого кителя.

Рааб удивился. Неужели отсюда они могут видеть Столовую Гору Лоури? Морские туманы должны были скрывать ее даже в самую ясную погоду, хотя иногда могла быть видна белая шапка облаков над Южным краем.

Кроме формы Лоури там были мундиры Оркета. А еще там были люди, одетые в разнообразную гражданскую одежду, которая в равной степени могла относиться к Лоури, Оркету и самому Мэдерлинку.

Тюремную зону окружал прочный частокол. Вкопанные заостренные столбы торчали из земли на высоте двадцати футов и стояли так близко друг к другу, что человек едва ли мог пропихнуть между ними руку. С внутренней стороны к частоколу прилепилось некоторое количество грубо сколоченных навесов. Возможно, заключенным разрешили построить их, чтобы у них было что-то наподобие личного убежища.

Кроме тех, кто находился на крыше, большое количество людей сидело или вяло прогуливалось в огороженной зоне. Среди заключенных не было ни одного заморенного голодом, но также не было ни одного слишком полного.

Рааб насчитал около двухсот заключенных, и по крайней мере половина из них, если не больше, были военными, среди которых больше было в форме Лоури, чем в форме Оркета. Его маленький палец начал пульсировать.

Насколько он мог видеть, на Медовом острове не было женщин. Он также не заметил, что заключенные имели постоянный запас воды, кроме того, что они могли собрать во время дождя. С вершины утеса, который образовал одну стену их тюрьмы, по покрытым зелеными водорослями камням медленно сочилась влага, а у подножия скалы были вырыты ямы, где и собиралась вода.

Рааб наклонился к Нику Русу.

— Они, наверное, держат здесь и политических заключенных!

Ник, лежавший на животе и опирающийся на локти, пожал плечами.

— Возможно. А может, это не совсем надежные для них люди, которых они используют для управления блимпами, заставляя их крутить кривошипниковые механизмы.

— Может быть,— согласился Рааб и перевел взгляд на то, что хотел увидеть больше всего — на швартовочную зону.

***

В линии стояло восемь кораблей, напоминающих "Кондор" с Лоури — пятнадцать весел на каждой стороне и складывающиеся щиты по бортам, за которыми во время боя могли укрыться лучники. На каждом блимпе было установлено по четыре поднятых над перилами метателя гарпунов. Газовые мешки были наполнены до отказа так, что удерживающие блимпы туго натянутые веревки едва не выдергивали из земли врытые под углом столбы.

В дополнение к этим восьми общепринятым блимпам, там стояло пять новых, приводимых в движение винтами. Он напряг глаза, пытаясь рассмотреть их устройство. Аккуратно скрепленные оси проходили через поддерживающие их подшипники. От общей оси к каждому сидению отходил коленчатый вал, который во время движения мог описать до двух футов. Толщина рукояти коленчатого вала была близка к двадцати дюймам (вероятно, для прочности). Очевидно, что человек не мог обхватить эту рукоять — надо думать, он просто проталкивал пол-оборота коленчатого вала и затем ждал, когда сидевший на противоположной стороне человек вернет рукоять в первоначальное положение. Рааб презрительно проворчал Нику Русу:

— Все это образует дополнительный вес, а сила человека используется не в полной мере! Кто, кроме идиота, мог построить подобный блимп!

Ник скривил губы.

— Ну вспомни о том, что они могут взять определенное количество людей из-за этого частокола, посадить их в блимпы и без всякой подготовки заставить крутить эти рукояти. Если во время сражения они грудью остановят несколько стрел — что ж, им придется кормить меньше заключенных.

— Возможно, и так,— сказал Рааб и переключил свое внимание на другие блимпы.

Там было шесть куриц. Их выводок был припаркован с противоположной стороны — по шесть планеров на каждую курицу. Еще там было восемь или девять крейсерских блимпов, какие Рааб видел в стране ущелий. Но в отличие от тех, высокоприпаркованных блимпов, курицы этих были почти у самой земли, чтобы экипаж мог легко взобраться на борт.Заметив, что крейсеры, как и курицы, управляются веслами, Рааб

усмехнулся. Вероятно, строительство блимпов, приводимых в движение кривошипниковым механизмом, было данью навязчивой идее высоких чиновников.

Кроме боевых блимпов, там было несколько посылочных, слегка отличающихся от разрушенной "Пустельги", и несколько грузовых блимпов, предназначенных для подъемов груза, которые не могли развить большую скорость. Но этого и не требовалось.

В самом конце швартовочной зоны было установлено более тридцати баллонов с запасами гелия — большие шары из толстой прорезиненной ткани, содержащие столько гелия, сколько могли закачать в них ручные меха.

— Боже, сколько здесь гелия!— пробормотал он Нику.— Можно подумать, что они собираются поднять в воздух часть этого острова!

* * *

Рааб начал подсчитывать, сколько персонала — верных Мэдерлинку экипажей и рабочих — находится на острове.

Механики, люди в широких брюках и груботканых рабочих блузах, которые легко отстирывались, двигались среди блимпов. Некоторые из них с приставных лестниц осматривали и ремонтировали механизмы сжатия, другие здесь и там чинили корзины, а в одном месте накладывали новый слой лака на залатанный баллон блимпа.

Рааба заинтересовало, где этот блимп мог получить пробоину, около Лоури или какой-то огромный морской вездесущий решил поточить о него свои когти. Насколько он мог видеть, это было единственное свежее повреждение, хотя на некоторых блимпах были старые заплаты.

Кроме механиков, вокруг блимпов ходили люди в военной форме, вероятно, охрана. Рааб подвел общий итог.

— К тому же, пилоты планеров,— еле слышно пробормотал он.— И запасные...

Ник Рус усмехнулся.

— Запасные на все случаи! Вдруг кто-нибудь сойдет с ума! Я лучше выбрал бы тот остров, где находились мы. По крайней мере, нас никто не заставлял работать.— Он повернул голову и посмотрел на здания.— Они меняют часовых перед ужином. Как ты думаешь, куда направляется эта группа?

Рааб быстро осмотрел площадку. Под "группой" Рус подразумевал шесть отделений по четыре человека в каждом — они вышли из арсенала и широким шагом разошлись в шести различных направлениях, хотя все двигались к границе джунглей. Его маленький палец снова начал пульсировать.

— Ночной патруль?

— Возможно,— с сомнением сказал Ник,— или они выставляют караул на случай, если кто-то из заключенных надумает бежать.

Рааб нахмурился.

— У них нет луков. Но возможно, что они кого-то меняют и луки находятся на посту.

А вскоре появилось доказательство, что он был прав, по крайней мере, частично. Из джунглей вышли отделения по четыре человека и направились к зданиям. С растущим замешательством Рааб наблюдал за ними. Это был странный способ расстановки часовых...

Смененные отделения сошлись в определенной точке и скрылись в здании. И почти сразу послышался звук, объясняющий такую расстановку постов: Рааб услышал слабый звенящий звук, словно кто-то проверял натяжение толстой резиновой тетивы метателя гарпунов.

— Так вот это что! Они расставили среди деревьев полдюжины метателей гарпунов, чтобы отбивать атаки со стороны материка.

— Или — предположил Ник,— вторжение громадных морских существ.

— Да.— Рааб подобрался ближе к краю мелколесья, где скрывался с Ником.— Нам надо точно узнать, где стоит каждый метатель. И сначала мы возьмем их!

Рус кивнул.

— Я полагаю, мы попытаемся сделать это ночью.

— Нет, черт возьми. Ночью мы только проведем разведку, а весь завтрашний день будем наблюдать за действиями базы. Мы должны хорошо узнать их распорядок; мы подсчитаем людей и определим наши шансы. А завтра ночью, если ничего нам не помешает...

* * *

Ближе к полуночи Ник, Рааб и еще два человека ушли на разведку, чтобы определить точное расположение метателей гарпунов. Все обошлось без приключений, если не считать неожиданную встречу с восьмифутовым вездесущим. Они легко отогнали его, но тот в ответ поднял ужасный крик. Они бросились на землю и неподвижно лежали в течение десяти минут, ожидая пеший патруль врага, но никто не пришел. Очевидно, подобный шум был здесь обычным делом.

Весь отряд, за исключением расставленных Раабом часовых, спал ночью на импровизированных подстилках из сорванных листьев, а весь следующий день люди провели в наблюдении за базой.

Рааб и Ник делали зарисовки на остатках бумаги из запасов "Пустельги". За весь день случилась только одна непредвиденная вещь — это было действительно потрясающе! Это заставило наблюдателей замереть и, не говоря ни слова,наблюдать за происходящим. И, по крайней мере, для двоих, это перевернуло мир с ног на голову.

Это случилось в полдень. Группа блимпов поднялась в воздух, очевидно, для того, чтобы сменить корабли, поддерживающие блокаду вокруг Лоури. Там было четыре крейсерских корабля и четыре блимпа

поменьше, два из которых приводились в движение кривошипным механизмом. Рааб наблюдал, как они исчезают в напрвлении материка, и завидовал их туго накачанным газовым баллонам и полностью укомплектованным экипажам. Спустя некоторое время появились другие восемь блимпов, сели и пришвартовались на стоянке.

Рааб торопливо записывал количество выгружающихся и спешивших к столовой людей. Блимпы укомплектовывались примерно так же, как и на Лоури: на крейсере минимум двадцать человек, не считая гребцов — два человека на каждый метатель гарпунов, плюс двенадцать лучников — а на других блимпах умещалось больше лучников.

Вероятно, на острове находились экипажи всех блимпов. Окончательный итог был пугающим, хотя он не включил сюда гребцов, механиков и всех прочих, среди которых могли быть люди, верные Флоту Мэдерлинка. Любой человек, имеющий отношение к Флоту, знал, как обращаться с луком... В желудке Рааба появилась свинцовая тяжесть.

Он продолжал наблюдать за происходящим и внезапно напрягся. Что-то хорошо знакомое показалось ему в капитане, шедшим от блимпов к офицерским бунгало. На нем была зеленовато-серая форма Мэдерлинка, но...

Он узнал его, и это словно гарпуном поразило Рааба. Овладев собой, он медленно повернул голову и посмотрел на Бена Спрейка. Пухлый младший алтерн безвольно лежал, глядя на того же человека. Рааб с изумлением почувствовал, что все остальные люди, имеющие отношение к Флоту, тоже смотрят на него.

Прошло три или четыре минуты, пока этот человек дошел до маленьких домов. Бен не отрывал от него пристального взгляда. Затем повернул голову и посмотрел в глаза Рааба. Выражение абсолютного шока и страдания, появившееся на полном лице, было таким, что Рааб не хотел бы увидеть его снова.

Бен поднялся на ноги и отрешенно пошел вверх по откосу. Впечатление было такое, что он вообще не остановится до тех пор, пока не погрузится в море на противоположной стороне острова. Но прежде чем скрыться из виду, он упал на подстилку из веток и зарылся лицом в пожухлые листья. Его плечи сотрясались от беззвучных рыданий.

Человек, носивший теперь форму офицера Мэдерлинка, был Бен Спрейк-старший.

Все безмолвно смотрели на Бена Спрейка-младшего. Фактически (и Рааб думал, что это могло послужить примером для гражданских), ни один даже не намекнул на тот обидный факт, свидетелями которого они стали. А позднее, когда Бен немного успокоился, на его застывшем лице появилось достоинство, что очень удивило и даже восхитило Рааба. Тем не менее выражение достоинства не могло скрыть красноту припухших век офицера.

* * *

Перед заходом солнца не оправившийся от потрясения и еле связывающий слова Рааб, начал обрисовывать свой план действий.

— Сначала мы должны захватить установленные в джунглях метатели гарпунов и повернуть их против обороняющихся. Я набросал карту и обозначил ориентиры в джунглях; мы выделили группы захвата каждого метателя, атакуем одновременно, точно по расписанию. Когда мы возьмем их и укомплектуем своими людьми, другая группа попытается захватить два блимпа, пришвартованные вблизи арсенала. Конечно, сначала они организуют оборону около арсенала. Но в корзинах блимпов вы найдете луки и стрелы... а также восемь метателей гарпунов, обращенных к постройкам,— он сделал небольшую паузу и всмотрелся в напряженные лица.— Еще одна группа приложит все усилия, чтобы добраться до частокола. Если мы откроем ворота, освободим заключенных и приведем их на стоянку блимпов, там найдется лук для каждого! И гарпуны, нацеленные на здания... Туда пойду я, Ник, Кадебек, если он захочет, и еще пять или шесть добровольцев,— он снова сделал паузу.— Мы постараемся найти жир, чтобы сделать огненные стрелы.— Возможно, когда мы освободим заключенных, то сможем прорваться на кухню. Она находится в дальнем конце столовой, ближе к утесу.

Джон Кадебек с сомнением проговорил:

— Джеран, ты действительно думаешь, что горстка людей сможет сделать это?— он недоверчиво посмотрел вокруг.

Рааб не дал ему сказать больше.

— Запомни — гарнизон не знает, что нас только горстка! Конечно, нам потребуется удача... но если мы точно выберем время и точно ударим, удача будет на нашей стороне!— Он остановился и дал им возможность обдумать его слова.— Какие-нибудь возражения? Кадебек?

Представитель экипажа поднял голову, саркастически выругался, а затем усмехнулся.

— Если у меня есть возражения, я оставлю их при себе. У меня нет альтернативного плана — а ты, Джеран, творишь чудеса. Я только надеюсь, что удача не отвернется от тебя в ближайшее время. Есть только одно сомнение — ты говорил, что атака на тюрьму будет самой отчаянной. Я не думаю, что ты должен участвовать в ней! Почему бы тебе не повести группу на захват блимпов? Там будет лучшая позиция, чтобы руководить боем.

Рааб энергично покачал головой.

— Нет. Большинство людей за частоколом — представители Флота. Они узнают меня, и я сумею организовать их быстрее, чем кто-нибудь другой. Если мы не сможем быстро освободить их и привлечь на свою сторону, то можем проиграть!

Кадебек вздохнул, пожал плечами и молча согласился.

И тут внезапно заговорил Бен. Все глаза немедленно повернулись к нему. Его монотонный голос звучал ровно.

— Рааб, я хочу вести группу, атакующую блимпы.

Рааб с изумлением посмотрел на полного офицера. Эта часть плана тоже была важной — он хотел, чтобы это сделал тот, на кого он мог положиться...

Добавив немного страсти в голос, Бен заговорил снова.

— За моей спиной будут твои люди с нацеленными в меня гарпунами! Если я попытаюсь изменить...— Его лицо внезапно искривилось и спокойствие исчезло.— Рааб, ты не понимаешь? Я... Я должен что-то д о к а з а т ь! Так же, как ты, когда все думали...— Он поднялся на ноги и с мольбой посмотрел на Рааба.— Сейчас я другой человек! Я з н а ю это! Я должен доказать...

Рааб глубоко вздохнул. Он знал, что не должен рисковать и ставить на Бена. Еще...

— Ладно,— сказал он, поддавшись непреодолимому импульсу,— ты поведешь эту группу, Бен!

Глава 17

Молодой офицер, принесший адмиралу Клайну плохие новости из Столицы, действительно засыпал на ходу. Его серая форма была заляпана грязью, и это было неудивительно, потому что, двигаясь вниз по реке, ему приходилось прятаться в различных болотистых местах.

— Садитесь, младший алтерн,— мягко сказал Клайн, давая возможность этому человеку опуститься на стул и немного перевести дух.— Через несколько минут для вас принесут сэндвичи, а пока скажите — в какой точке вы пересекали реку?

— Около Коултерсвиля, сэр. Я не думал, что ситуация в городе может быть...

Мрачно и больше себе, чем младшему алтерну, Клайн сказал:

— Во всяком случае, мы удерживаем Коултерсвиль довольно прочно!— Он о чем-то задумался.— Вы говорили, что по дороге сюда видели только одну вражескую курицу?

— Да, сэр, только одну. И мне кажется, что все планеры были с нее. По крайней мере, м о г л и быть с нее.— Молодой человек подавил зевоту.

Клайн вздохнул. Если бы этот человек знал, что территория к востоку от реки находится в верных руках, он мог бы пройти по прямой. Но в любом случае, несколько сбереженных часов не могли изменить ситуацию.

— Не могли бы вы сказать, когда наши шесть блимпов подошли к Столице, они не были атакованы планерами, которые могли быть посланы с этой курицы на разведку территории вокруг реки? Или, например, для того, чтобы перерезать лодочное сообщение между Столицей и Северной Стоянкой?

— Сэр, когда я понял, что там только одна курица, у меня сложилось мнение, что они не станут этого делать.

Принесли сэндвичи, и Клайн дал возможность молодому офицеру поесть.

— На пути сюда вы не видели боев в прибрежных городах у реки?

— Нет, сэр! Я обходил их стороной. Как уже говорил, я не знал...

Клайн кивнул.

— Вы не могли этого знать. Какая часть Столицы находилась в руках Ольвани, когда вы покинули ее?

— Ну, доклады были очень запутаны, сэр. Единственное, что я знаю точно, в его руках находилось Правительственное здание и несколько прилегающих к нему кварталов. Большого боя там не было — когда туда подошли наши блимпы, там все было практически кончено. Мы высадили группу наземных сил, и они выставили кордон вокруг занятой зоны. Бунтовщики пытались один раз прорваться по Эрлингтон-Авеню, но наши люди успели занять позиции с южной стороны, и мы отбили их атаку. Спустя час мы узнали, что они даже не пытались двинутья в других направлениях.— Он зевнул, видимо, не сумев побороть это, извинился и немного покраснел. Клайн усмехнулся и махнул рукой, как бы говоря, что извинения излишни. Молодой человек откусил сэндвич, прожевал и продолжал рассказ.— Мы не могли сделать большего. В Правительственном здании их слишком много. Они поставили людей к метателям гарпунов на крышах и кроме того расставили лучников. Капитан Эрлистон решил, что будет разумнее не ввязываться в бой, пока не подойдет подкрепление. Мы точно не знаем, помогает ли Мэдерлинк Ольвани, и решили на случай, если прибудут вражеские блимпы, оставить экипажи наших кораблей в воздухе.

Клайн вздохнул.

— Конечно, это было правильное решение. Например, вы не могли сбросить горящий жир на крышу Правительственного Здания. В нем находится слишком много заложников. Кроме того, гарпуны продажных бунтовщиков могли пробить баллоны блимпов, а мы с таким трудом набрали гелий.— Он на мгновение задумался.— Я бы много дал, чтобы узнать, знает ли Мэдерлинк, что Ольвани планировал захватить Правительственное Здание. По вашему мнению, если бы они это знали, они послали бы туда подкрепление!— Он сидел, сдерживая холодный гнев. Конечно, Ольвани обманул их, чтобы самому ударить по Столице. Кто ожидал, что Член Совета сделает подобный выпад в день выборов? Но в этом был здравый смысл! Едва ли что-нибудь могло изменить общественное мнение и свергнуть законное Правительство. И несомненно,

это, по мнению Ольвани, давло ему козырь в игре с его полусоюзником Мэдерлинком.

Клайна сейчас интересовало одно, как ему сплотить законно выбранных конгрессменов. Он почти не думал о президенте. Этот слабовольный человек... Но он должен узнать, где находится Вольфан, и, если Ольвани захватил его, попытаться спасти. И хотя в этом не было большоы необходимости, можно было вернуть Правительственное здание... Ему не терпелось подняться на ноги; организовать экспедицию к Столице. Но он сдержал себя. Сначала необходимо собрать всю информацию.

— Сейчас я жалею,— полурассеянно сказал он,— что не приказал Эрлисону послее высадки наземных сил вернуться сюда! Когда они, распыляя свои силы, двинутся на восток, мы должны сконцентрироваться здесь.

— Сэр, но мы надежно заперли бунтовщиков в Правительственном Здании,— с воодушевлением сказал младший алтерн.

Клайн нахмурился.

— Конечно, конечно. Но не исключена возможность, что Мэдерлинк при достаточной поддержке с воздуха двинет свои наземные силы в глубь страны. А мы на их пути можем поставить только партизан. Мы должны знать... Молодой человек, на время мы укрылись в Востокограде! Но у нас нет транспортных блимпов!— Он мысленно встряхнулся.— Младший алтерн, вы сделали все, что нужно. Почему бы вам сейчас не помыться и не отдохнуть?— Он поднялся.

Молодой офицер тоже встал, но немного задержался.

— Мм... что мы будем делать дальше, сэр?

Клайн угрюмо улыбнулся.

— То, что делали самые древние боевые организации — маршировать! Я сам поведу экспедицию к Столице. Думаю, это единственное, что мы должны сделать сейчас. Но боже, помоги Лоури, если я ошибаюсь!

Клайн спешил найти капитана Линдера. Надо было многое сделать. Возможность поражения и сомнения в своих действиях вызывали ощущение свинцовой тяжести в желудке. Сколько ошибок он сделал? И какая из них может стать роковой? Должен ли он во что бы то ни стало снова укрепить Гору Купола? Должен ли он собирать крупные силы в Столице, чтобы пресекать сумасшедшие идеи Ольвани? Было только два ярких пятна на сером гобелене происходящих событий: первое — выборы, где они прошли, показали, что большинство населения против Ольвани и против капитуляции; второе — Флот, сколь бы мало ни было у него блимпов и гелия, еще представлял силу. Верные люди, если в нужное время их собрать в нужном месте, были готовы сделать свое дело!

Он нашел Линдера и, не заботясь об удобствах, сказал:

— Мэт, мы должны довести до конца то, что решили организовать! Кроме этого, мы должны сделать кое-что еще, включая марш-бросок к...

Глава 13

Бен Спрейк-младший лежал на ковре сырых листьев, замаскировавших его среди свисающих со всех сторон ветвей. Стояли глубокие сумерки. Он пытался сдерживать дыхание, потому что он так близко находился от расположения одного из метателей гарпунов, что мог слышать вялый разговор четырех охранников и чувствовать запах табачного дыма. Но он не мог совладать с собой, потому что его сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Даже шум в висках, казалось, мог быть услышан врагами.

Послышалось низкое гудение, как будто кто-то из вражеского отряда задел взведенную резиновую тетиву метателя. Кто-то пошевелился около него, и его напряжение достигло такой точки, что он вообще некоторое время не мог дышать. В этих джунглях обитали довольно большие вездесущие, которые могли атаковать человека, а у него из оружия был только нож. Но атаки не последовало. Чуть дальше снова раздался слабый звук. Вероятно, это один из его товарищей, пробирающийся на позицию, чтобы внезапно напасть на отряд около метателя гарпунов. БОЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЕЩЕ НЕМНОГО!— безмолвно молил он. Ему требовалось время, чтобы справиться с подступающей к горлу тошнотой. Но он также боялся промедления — если он не справится с этой тошнотой и громко рыгнет, это может предупредить врага. Зачем он напросился на это? О, каждый знал причину — но все также знали, что Бен Спрейк-младший непригоден для этого. Люди, по крайней мере некоторые, всегда знали! Он очень ясно помнил презрение на лицах курсантов, когда отказывался от грубых игр и развлечений в Академии.

Но он взял на себя эту работу, и он сделает ее. Он проведет атаку на пришвартованные блимпы. ОН НЕ СТРУСИТ ВО ВРЕМЯ АТАКИ. Нет, или он не сможет жить после этого!

Нет, он сделает это, во всяком случае, сейчас, когда он (и все остальные) узнал об измене отца. Было бы хорошо умереть сейчас и покончить со всем. Но, чтобы умереть, можно было просто утопиться в море — это было бы легче и быстрее, подумал он. Не как этот насильственный и кровавый способ! Все инстинкты пронзительно визжали внутри него, выступая против того, чтобы он бросился под град стрел или шел на врага, чей нож поднимется, чтобы поразить его... Подумав о ноже, он вздрогнул. Он не мог без содрогания думать даже о случайно порезанном пальце. Острый край отточенного кремня отрезает кусок плоти; чувство боли; отделяющаяся кожа;бьющая струей кровь...

Он закрыл глаза и вжался лицом в листву. СМОЖЕТ ЛИ ОН СДЕЛАТЬ ЭТО? Сможет ли он заставить свои дрожащие руки, которые, казалось, сейчас вообще не слушались его, оттолкнуть тело от земли? Смо-

жет ли он заставить свои безвольные ноги нести его вперед, а руки действовать?

Я СМОГУ, Я СМОГУ, Я СМОГУ, безмолвно кричал он.

Но не сейчас, еще минуту, секунду, пожалуйста!

И вдруг он услышал впереди топот бегущих ног и первый испуганный вскрик около метателя гарпунов. Казалось, это тянулось вечность, пока он лежал там, и внезапно в его сердце возникла такая боль, что он захотел умереть прямо здесь и немедленно.

Но что-то щелкнуло в его голове, и все инстинкты заверещали против того, чтобы он оставался один. Что-то подтащило руки к плечам, заставило опереться их ладонями о землю, выпрямиться и оттолкнуться от земли. Что-то заставило его подняться на ноги. И затем, не веря себе, он сделал шаг по ковру из листьев и побежал, огибая едва видимые стволы деревьев и кусты. Он услышал свой собственный крик — бессвязный, но громкий. Он услышал позади топот ног следующих за ним людей. Он мог слышать проклятья и крики вражеских солдат, не успевших подготовиться к бою и умирающих на маленьких, расчищенных площадках около метателей. Его желудок, словно помогая врагу, пытался остановить его, но ноги продолжали бег. Боль в груди и мучительные судороги, которые, как он понял, были вызваны смертельным страхом, не остановили работу легких. Он бежал.

Он выбежал из джунглей на открытое место, посмотрел вокруг и увидел задержавшихся около блимпов трех или четырех механиков, которые застыли и с изумлением смотрели в их сторону. Позади послышался звон тетивы, и мимо него просвистела стрела, скрывшаяся в груди изумленного механика. Так быстро, как мог, он побежал к двум выбранным блимпам.

Теперь позади него послышался громкий звон метателей, посылающих гарпуны в сторону зданий, где в дверях появилось несколько человек. Стрелы другой устремились по направлению к этим людям. Они сбились в кучу, ища укрытие и что-то крича.

Вокруг Бена сформировалась его группа. Кто-то — Вилли Вайнер — обогнал его и вырвался вперед, неистово топая ногами. В его группе ни у кого не было луков; они найдут их в корзинах блимпов. Дождь стрел, прикрывающий бросок Бена, пронесся над головой и устремился к обороняющимся.

Но вот появились первые стрелы со стороны зданий — вероятно, стреляли из большого арсенала, где полдюжины узких вертикальных бойниц создавали хорошее укрытие для лучников. Бен услышал крик вражеского офицера (слава богу, это был не его отец!), отдающего приказы и организовывавшего оборону. Он увидел группы людей, которые, пригнувшись, перебегали к задней стенке арсенала и, достигнув ее, быстро ныряли в укрытие. В мерцающем свете ламп они выглядели странно и неестественно. Кто бы ни направил их туда, он не мог укрыть все свои силы в арсенале!

От кромки джунглей, по высокой дуге, над головой проплыли горящие стрелы и упали на крышу арсенала. Их появлялось все больше. Некоторые втыкались, другие скатывались по крутой крыше и падали на землю, не успев зажечь дранку. На миг Бен удивился. Где они взяли для огненных стрел жир? Возможно, они воспользовались жиром, залитым в лампы около метателей гарпунов.

Его легкие горели, словно дранка на крышах, но он, пошатываясь, продолжал бежать. Вайнер — обогнавший его почти на двадцать футов — внезапно споткнулся и упал с криком, который состоял наполовину из испуга и наполовину из яростных проклятий. Мгновение он, корчась, лежал на боку, а затем Бен увидел, как он со злобой сломал древко стрелы, оставив наконечник в бедре. Он снова поднялся и, хромая, двинулся вперед. Бен догнал его, на мгновение приостановился, чтобы помочь, но поняв, что на это нет времени, задыхаясь сказал:

— Попробуй добраться до ближайшего! Я возьму второй!— и побежал дальше.

Он пробежал мимо первого блимпа; оглянулся назад и увидел, что Вайнер, пошатываясь, приближается к нему. Кое-как он заставил свои собственные ноги сделать еще несколько шагов. Он добрел до корзины блимпа, к которому стремился; слабо ухватился за перила и с трудом перебрался через них; его ноги подгибались. Он бросился к поднятому метателю; нащупал почти парализованными пальцами удерживающие его веревки; освободил их. Задыхающиеся люди из его группы сваливались в корзину. Натренированным движением он автоматически потянулся за гарпуном; вставил его в паз; начал взводить рукоятью.

Вражеский гарпун со свистом пролетел мимо, едва не задев край корзины. Бен перевел взгляд на арсенал. Кто-то додумался установить внутри тяжелое оружие и теперь стрелял через узкую бойницу. Задыхаясь, он крикнул своим людям:

— Сосредоточьте огонь на бойницах!

Он взвел рукоятью свой метатель; повернул его на шарнире и нацелил на одну из бойниц; нажал спусковой рычаг. Он даже не посмотрел, куда попал его гарпун — он заряжал другой. Стрелы, вылетающие из корзины обоих блимпов, сходились у арсенала.

Он бросил взгляд на берег. В свете ламп он увидел смутные фигуры людей, бегущих к частоколу. Он решил, что узнал среди них Рааба и Джона Кадебска. Слышались крики заключенных. Он увидел, как один их них взобрался на частокол, перебрался через остроконечные столбы и спрыгнул на землю. Он даже услышал, как вскрикнул этот человек, когда приземлился на полусогнутых ногах.

Теперь обороняющиеся, скрывшиеся в одном из ангаров, заметили группу Рааба. Раздались крики, и оттуда полетели стрелы. Бен закричал, чтобы привлечь к этому внимание своих людей, и, повернув на шарнире метатель, нацелил его на двери более ближнего ангара. Строевой лес остановит гарпун; но если он попадет в маленькое окошко... Он сделал

это и испустил торжествующий крик. Сейчас загорелись крыши и других зданий, но арсенал весь был охвачен огнем. Он слышал, как кто-то кричал внутри, требуя принести ведро воды. Он снова повернулся, чтобы увидеть, что делается около частокола. И в этот момент из арсенала вылетел гарпун и устремился к нему. Словно почувствовав это, он повернул голову и увидел его. Мускулы напряглись — если бы он сохранял равновесие, он мог бы увернуться. Но его ноги были широко расставлены и он, наклонившись, схватился за перила одной рукой. И несмотря на то, что он все-таки попытался сделать это, он знал, что не успеет увернуться вовремя; растянувшиеся секунды привели его в ужас, когда он увидел, что гарпун попадет точно.

Гарпун ударил на дюйм или два ниже пояса. Он почувствовал (ему даже показалось, что он услышал это), как острый конец безжалостного снаряда пронзил его тело, разрывая мускулы, и вышел с другой стороны. Он подумал, что гарпун перебил его позвоночник; в спине была невыносимая боль. Или это чувствовали оголившиеся нервы его тела и кожи. В любом случае, он был уверен, что прежде, чем удар отбросил его назад, конец гарпуна вышел из спины. Он почувствовал, как падая, ударился о сплетенное дно корзины. Тяжелое древко, словно рычаг, перевернуло его на левую сторону. Несколько секунд он лежал абсолютно без движения, понимая, что если он пошевелится, это принесет ему еще худшую боль. По тем же причинам, он даже старался сдерживать дыхание.

Но вскоре ему снова пришлось наполнить легкие и стон, вызванный ужасной болью, прорвался через сжатые зубы. Он в высшей степени осторожно двинул рукой, чтобы убедиться, что его мускулы еще действуют, но это слабое движение послало сигнал диафрагме и вернуло назад волну сильной боли.

Он почувствовал, как его горячая кровь пропитывает одежду. На мгновение он подумал: "Я ДОЛЖЕН ПОПРОБОВАТЬ", и обеими руками взялся за древко. Но легкое прикосновение вызвало такие ужасные ощущения — не столько боль (хотя и она тоже), сколько невыносимый ужас от сознания, что в твоем теле пробита дыра и торчит инородный предмет — что он быстро отпустил гарпун.

Над ним склонились люди. Он едва слышно пробормотал, чтобы его оставили одного; и не прикасались к нему. Спустя некоторое время он прислушался к шуму боя. Его уши, казалось, с каждым мгновением слышали все хуже, но он услышал крики, ругань и одобрительные восклицания, свист стрел и стук ударяющих в дерево гарпунов. Он понял, что ужасный бой продолжается. По-видимому, все заключенные уже вооружились, а обороняющиеся, вероятно, отчаянно пытались вырваться из зданий. Мерцающий свет, проникающий сквозь переплетения корзины, говорил о том, что многие здания охвачены огнем. Ему казалось, что он даже слышит шум и треск огня; но этот шум мог родиться в его ушах. Он знал, что потерял уже много крови, а его сердце старается перекачать каждую оставшуюся каплю от легких к мозгу и обратно. Но

не к его конечностям. В его руках и ногах было ощущение холода. И онемения.

В его потускневших глазах все расплывалось. ТАК ВОТ КАКИЕ ЭТО ВЫЗЫВАЕТ ОЩУЩЕНИЯ, притупленно подумал он. Боль сейчас не была такой ужасной, как вначале — он чувствовал ее, но она была отдаленной.

Он подумал: "Я УМРУ РАНЬШЕ, ЧЕМ РААБ ПРИДЕТ СЮДА". И затем: "А МОЖЕТ, ОН ВООБЩЕ НЕ ПРИДЕТ СЮДА. ВОЗМОЖНО, ОН СЕЙЧАС ТОЖЕ УМИРАЕТ"

Все это было слишком мучительно. Он слабо зарыдал, и каждое рыдание пробивало дыру в стене между ним и болью. Он закашлялся, и это отозвалось такой сильной болью, что он, совершенно обессиленный, лежал, дрожа от презренного страха, что снова может закашляться. Теперь ему осталось недолго ждать; он надеялся, что как-нибудь выдержит это. Но он желал, чтобы Рааб успел прийти вовремя. Он был несправедлив к Раабу; он поступал, как мерзкий ублюдок. Он не винил Рааба за то, что тот ударил его, хотя ни один офицер не должен бить другого, когда вокруг люди... Но он же не знал! Все думали, что отец Рааба был предателем. Ну, почти все... Он едва сдержался, чтобы не разрыдаться снова.

А затем он услышал, как люди дрожащими, наполненными гордостью голосами говорили: — Капитан! Рааб! Мы сделали это!

Кто-то упомянул имя Бена, кто-то что-то еле слышно пробормотал, и внезапно над ним склонился Рааб. Большая рука мягко опустилась на его плечо. Он попытался сказать:

— Рааб, я...— но слова застряли в его горле.

— Помолчи, парень!— грубовато сказал Рааб странным, словно издалека доносившимся голосом, какие сейчас были у всех.

Затем Бен понял, что он пытался долгое время удерживать в себе что-то, что пыталось вырваться; он мысленно пробормотал этому последнее "прощай" и отпустил. Он почувствовал, как это выскользнуло из него, и почувствовал облегчение.

У него промелькнуло сожаление — было много вещей, которые он хотел бы увидеть, услышать или попробовать хотя бы еще один раз — но затем сменилось слабым испугом. Но больше всего его наполняла гордость. Он сделал свою работу, как надлежало офицеру Флота. И Рааб был здесь; и между ними все было нормально. И люди стояли тихо и почтительно; после случившегося его не считали трусом! Совсем нет...

Глава 19

Бывший талисман "Совы" свернулся на горизонтальной крышке ящика, предназначенного для хранения гарпунов. Он пошевелился, поднял голову, посмотрел через перила правого борта большого незнакомого блимпа и издал звук, напоминающий сталкивание камней. Рааб, всматривающийся вперед, протянул руку и рассеянно похлопал его по чешуйчатой спине между первой парой крыльев.

— Да, дружище, мы возвращаемся домой! Ты понял это, или нет?— Затем, когда тело вездесущего подобралось, словно он намеревался броситься в воздух, он сказал более властно: — Останься! Ты давно не летал на такой высоте. Ты можешь не долететь до края столовой горы!

Сущ с мягким полупротестующим ворчанием затих. Рааб поднялся, подошел к передним перилам и обеспокоенно всмотрелся вперед. Он был уверен, что впереди, в тусклом свете раннего рассвета, неясно вырисовываются очертания зданий Востокограда и построек Восточной Стоянки. Но почему не видно огней?

Он шагнул в сторону, нащупал свистун захваченного блимпа, взял из зажима деревянный молоток и, стукнув по пластине, извлек одну длинную ноту. Он выждал десять секунд и стукнул еще раз. Вилли Вайнер (из-за полученной раны он не мог работать на весле, сидя на корме, отсчитывал ритм) крикнул: — Все весла — стоп!

Рааб взглянул на корму. Он мог слышать приглушенные голоса людей, которых он поставил командовать другими блимпами, повторяющие этот приказ, потому что ясно поняли его сигнал остановиться. Он уже мог видеть в слабом свете рассвета ближайшие блимпы. Остальные двигались сзади в свободном построении, но люди в их корзинах были готовы взвести метатели гарпунов и схватить луки, если им встретятся блимпы вражеской блокады. (Хотя, если учесть количество захваченных блимпов и то, что другая часть находится далеко в стране ущельев, он сомневался, что силы блокады могут составить серьезную угрозу.)

Но сейчас он находился близко к восточному краю Лоури и не исключал возможности встречи с вражескими блимпами — кроме того, Востокоград, обычно довольно оживленный город, сейчас был безмолвен и, по-видимому, покинут. Он выждал несколько минут; затем, понимая, что силуэты блимпов могут быть хорошо видны на фоне рассвета, тихо приказал:

— Убрать пол-оборота сжатия впереди и на корме!

Лучше подняться выше и подойти к городу на недосягаемой для гарпунов высоте, а также, если его наихудшие предположения окажутся правдой, исключить возможность внезапной атаки вражеских планеров. Высоко в небе могли парить невидимые курицы! На Медовом острове он забрал все курицы, но, по его подсчетам, у Мэдерлинка оставалось еще

пятнадцать куриц, о местонахождении которых он не знал. Некоторые могли быть в стране ущельев, другие — на Мэдерлинке; но, по крайней мере, четыре, если не больше, могли входить в силы блокады.

Его маленький палец начал пульсировать. Пытаясь снять внутреннее напряжение, он глубоко вздохнул. Неужели Лоури уже завоевана? Он привел десять грузовых блимпов, нагруженных гуано; балластные мешки остальных тоже были наполнены этим веществом. Хотя это была только часть того, что требовалось Лоури, но не презренная часть. Он имел боевые корабли, укомплектованные людьми и вооружением, которые способны прорвать блокаду, если нанесут удар прежде, чем Мэдерлинк успеет собрать здесь все остатки своего флота. А главная база блокады находилась сейчас в надежных руках — в руках Кадебека.

Но неужели он пришел слишком поздно?

Благоразумно это или нет, но он не мог больше ждать.

— Все весла — полный удар!

Они все еще поднимались, и теперь, под сильными ударами тридцати весел, двинулись вперед. Он стукнул по пластине свистуна, передавая очередное сообщение, и услышал голоса, отдающие сменившийся приказ. Светало. Теперь он мог видеть Востокоград; он присмотрелся и заметил отблеск плохо закрытого фонаря.

По крайней мере, в городе был кто-то живой! Но на Восточной Стоянке он не видел признаков присутствия гарнизона. Не было никакого сомнения, что своя или вражеская, если город занят врагом, охрана заметила его блимпы. Но люди пока не показывались.

Как бы он хотел увидеть кого-нибудь, чтобы удостовериться, что внизу нет врагов.

Талисман забеспокоился, и у Рааба появилась идея. Сигнальные свистки могли вызвать сомнение, а спускаться слишком низко, чтобы люди могли узнать его лицо и голос, он не отважился. Но он мог послать письменное сообщение! Если стоянку оккупировали враги, он не передаст им ничего нового.

Поспешно открыв шкафчик, он достал бумагу и обожженную палочку и написал: "Рааб Джеран привел захваченный флот. Есть в городе адмирал Клайн?" Несмотря на то, что это был довольно серьезный момент, он усмехнулся.

Как закрепить сообщение на вездесущем? Проклятье, он должен был подумать об этом раньше... Шнурок! Он наклонился и расшнуровал ботинок; нетерпеливо выдернул шнурок. Обломил необожженный конец пишущей палочки, обернул вокруг него записку и привязал к шее талисмана.

— Ты должен это сделать, дружище — я не могу отправить сообщение другим способом. Иди! Иди домой! Постарайся не упасть!

С возбужденным криком вездесущий бросился за перила и круто спланировал, набирая скорость. Он мог бы не беспокоиться — существо, рожденное летать, не разобьется при старте с такой высоты. Он слы-

шал его удаляющиеся радостные крики. Как его встретят? Это сейчас беспокоило его, но было уже слишком поздно звать его назад... Прошло несколько минут. Солнце скоро покажет свой край над горизонтом. Проклятье, он должен подняться выше; сверху он увидит все вокруг! И он вдруг приказал:

— Весла правого борта — стоп!

В корзине послышалось вопросительное бормотание, но гребцы правого борта прекратили работу, и блимп начал поворачиваться. Рааб дал ему развернуться на сто восемьдесят градусов.

— Один оборот сжатия впереди!— Нос наклонился вниз.— Триммеры — спускайтесь до той высоты, на которой мы приближались к столовой горе, а затем выровняйте блимп!

Два блимпа медленно сблизились. Когда расстояние между ними стало такое, что можно было переговариваться, он приказал:

— Все весла — стоп!— и крикнул: — Ник! Ник Рус!

— Да, сэр?— послышался ответный крик.

— Возьми все боевые блимпы, поднимись на максимальную высоту и оставайся там! В городе и на стоянке творится что-то странное!

После небольшой паузы послышался обеспокоенный голос Ника:

— Да, сэр. А как быть с грузовыми блимпами?

— Пусть остаются на своем месте в пределах слышимости звуковых сигналов.

— Будет сделано, Рааб!

Рааб услышал, как Ник отдает необходимые команды, а некоторое время спустя — сигнал свистуна с блимпа Ника. Он снова развернул свой блимп и направил его вниз, к стоянке.

Никто еще не показывался, но сейчас Рааб увидел, что от кухни, где повара должны были готовить завтрак, дым не поднимается. Ощутив внутреннее напряжение, как и на Медовом острове, он подошел ближе, ожидая выпущенных навстречу гарпунов и стрел.

Но вот из здания Штаба вышли две фигуры в серой форме Флота Лоури и остановились, глядя вверх на приближающийся блимп. Пульс Рааба участился. Кажется, все нормально! Но...

— Рааб Джеран?— донесся до них слабый крик.— Рааб?

— Да!— крикнул в ответ Рааб и приказал триммерам: — Убрать четверть оборота сжатия! Спуск до высоты тридцати футов!

Заскрипела оснастка, и блимп медленно опустился. Теперь Рааб узнал одного человека, который смотрел вверх, задрав голову.

— Линдер!— Он почувствовал, что немного покраснел от смущения. Прошло так много времени с тех пор, как он обращался к старшему...— Извините, капитан Линдер! Есть в городе адмирал Клайн, сэр?

На лице Линдера отразилась смесь изумления, недоверчивости и подозрительности.

— Что...— Затем он всмотрелся в лица других, узнал некоторых, и его подозрительность сменилась еще большим изумлением.— Милостивый боже! Это вы! И... ради бога, скажите, что вы имели ввиду, написав "захваченный флот"?

Рааб, способный только улыбаться, как последний идиот, махнул рукой вверх: — Разве вы не видите его там, сэр?— Он ощутил трепет удовлетворения, какой испытывал однажды на Рождество, когда был еще мальчиком. По каким-то причинам он не надеялся получить подарки, а когда увидел их...

Линдер посмотрел в небо, вздохнул и снова перевел взгляд на Рааба. На его лице было какое-то замешательство.

— Мы видели, но подумали, что это атакующие силы врага! Вы з а х в а т и л и все эти?..— Он снова перевел ошеломленный взгляд на Рааба, а затем на его лице проступило напряжение.— Рааб — они все укомплектованы людьми и вооружены?

— Так точно, сэр! Но почему вы спрашиваете?— Рааб не видел никакого несоответствия.

— Адмирал Клайн взял все наземные силы, какие мы смогли собрать, и повел их к Столице,— объяснил капитан Линдер.— Ольвани захватил Правительственное здание! Западоград тоже в руках врага. Еще они взяли Гору Купола и... Сейчас мы прочно удерживаем только зону к северу от Горы Купола и восточнее Внутренней реки!

Рааб с изумлением посмотрел на него, и в его желудке возникло ощущение холода.— Столица пала?

— Нет, Рааб, только Правительственное здание и несколько кварталов вокруг. Но адмирал боится, что Мэдерлинк пошлет туда войска и займет Столицу полностью! И этот упрямый старик, чтобы удержать и укрепить положение, сам повел туда наши наземные силы! Он собирается прохромать весь путь пешком!

В этот момент Рааб даже не заметил непочтительность капитана к адмиралу Клайну. Его пульс бился в висках. Столица!

— Линдер, можете вы зажечь сигнальные огни или как-нибудь еще сигнализировать моим блимпам, чтобы они следовали за мной? Я прямо сейчас отправляюсь на юг, а по пути попытаюсь подобрать адмирала. О, да, здесь есть десять грузовых блимпов с гуано. Мы уйдем, а они пусть приземлятся здесь. Вы, надеюсь, позаботитесь, чтобы их разгрузили, а затем посадите на борт всех, кого сможете собрать — если понадобится, даже гражданских, кто сможет держать лук в руках — и отправьте вслед за мной!— Внезапно Рааб покраснел.— Сэр, я имею в виду... если вы одобряете это!

Линдер с удивлением посмотрел на него и усмехнулся.

— Разумеется, одобряю. Выше звание или нет, но я не собираюсь спорить с колдуном! Но... что будет, если силы вражеской блокады вздумают атаковать здесь?

— Существует вероятность,— ответил Рааб,— что враги больше н е и м е ю т сил блокады, если не считать тех, что они держат на западном крае. Но они не решатся оставить свои наземные силы без прикрытия с воздуха. Я почти уверен, сэр... у меня достаточно гарпунов, стрел и планеров, чтобы позаботиться обо всем, что может случиться здесь в течение ближайших восьми или десяти дней!

Глава 20

Впоследствии воспоминания адмирала Клайна об этих лихорадочных днях были немного запутаны. Вероятно, это произошло потому, что он был слишком утомлен.

Он помнил, как начал свой отчаянный марш-бросок по стране, делая только короткие остановки в городах, чтобы собрать больше людей, годных к бою. Его воспоминания об этом были особенно четкими из-за отчаянной боли в ногах.

И он помнил момент, когда мускулы его ног начали сводить судороги так, что он, несмотря на всю силу воли, не мог хромать дальше. Он помнил, как бушевал, ругался и чуть не плакал; и в конце концов передал командование экспедицией офицеру, который, как он думал, был способен довести до конца задуманное и который имел пару более молодых ног.

Он помнил, как ушел его отряд... Видел, как они достигли гребня горы, расположенной южнее маленького городка, в котором отказали его ноги, видел, как они один за другим поднимались туда, останавливались и бросали прощальный взгляд на север. Кто-то помог ему подняться на крышу, и он безвольно стоял там, и отчаяние наполняло его старое сердце, когда он увидел то, что, как он думал, было Флотом Мэдерлинка, посланным, чтобы помешать его последней попытке спасти положение. Он удивился, что такая концентрация сил была послана к Восточной Стоянке — это казалось слишком даже для такого высокомерного противника, как Мэдерлинк. Но, увидев эти блимпы, он узнал корабли Мэдерлинка!

Но после этого он вообще запутался. Он помнил, что довольно долгое время не мог понять, почему на лицах жителей маленького городка появилась радость. Даже когда он увидел в корзине вражеского блимпа лицо улыбающегося Рааба, долго не мог поверить, что это был не выверт сломавшегося наконец сознания или что это не было последней жестокой шуткой Судьбы или всемогущего врага.

И до самого конца компании, пока ситуация полностью не прояснилась, его не покидало чувство совершенного изумления.

Бой в Столице был коротким и жестоким. Окруженные на земле и атакованные с воздуха дьяволом во плоти, который привел блимпы Мэдерлинка, бунтовщики быстро поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались.

Но каким-то образом — они так и не узнали как — небольшая группа людей, возглавлявших бунт, ухитрилась просочиться через линию обороны вокруг Правительственного здания. Среди них был и Ольвани. Они взяли с собой заложника — президента Вольфана.

Они так и не узнали, кто на следующий день убил Ольвани. Возможно, это был один из его последователей, по горло насытившийся фантастическими планами Ольвани. Вольфан, которого вскоре отпустили, тоже этого не знал. Тело обнаружил офицер Флота, обыскивавший пустые дома на Эрлингтон-Авеню. Клайн (его ноги снова служили ему, хотя в них еще чувствовалось онемение) ходил туда, чтобы увидеть труп.

Несколько дней спустя он рассказывал об этом Лайле Джейран, навестив ее, чтобы порадовать вестью о сыне, который увел Флот к Оркету для поддержки вспыхнувшего там восстания, пока Мэдерлинк был еще слишком дезорганизован, чтобы подавить его.

— Ольвани закололи в спину,— говорил он,— но никаких признаков борьбы не было. Он лежал лицом вверх с открытыми глазами. На его лице было странное выражение. На нем читалось изумление, недоверчивость и... ну, обида, что ли, словно он внезапно почувствовал, что Судьба изменила ему, но никак не мог этому поверить.

Лайла маленькими глотками пила чай, а Клайн пускал клубы дыма из своей трубки (перед уходом на Оркет Рааб сунул в руки адмирала два маленьких пакета,— чай и табак — обнаруженных им на борту одного из захваченных блимпов).

— Странно,— продолжал Клайн,— но на его лице не было даже признаков гнева или вины, только болезненно недоверчивый взгляд мертвых глаз.— Он снова выпустил клуб дыма.— Я даже посочувствовал ему. Проклятье, он лежал такой маленький и беспомощный!

Лайла поставила чашку на стол и посмотрела на него с некоторым беспокойством.

— Альберт... вы знаете, что он однажды делал мне предложение?

— Нет,— он ошеломленно взглянул на нее.— Он? Вам? До того, как вы вышли замуж?

— Конечно, глупый! Раньше, чем я встретила Роула, и даже раньше, как я думаю, чем встретила вас.

Он покачал головой.

— Ну, тогда, вероятно, он был только студентом, не имеющим за душой ничего, кроме крошечной фермы, которую в какой-то день он мог унаследовать у своего отца. А вы были, ну... Королева Столовой Горы! Как же вы отреагировали?

Она вздохнула.

— Конечно, я пыталась быть вежливой, но боялась, что он заметит, что это для меня только развлечение. Я не смеялась над ним, Альберт, честно, нет, но... ну...— Она медленно потянулась за чашкой и сделала глоток чая.— Хотела бы я знать наверняка, что не это послужило причиной, почему он так возненавидел Флот. Мы никогда больше не говорили об этом, хотя не однажды встречались на правительственных приемах. И он... он ненавидел Роула.

— Я не думаю, что вы должны винить себя за это, моя дорогая,— проворчал Клайн.— Он лелеял свою честолюбивую мечту, и кроме этого ничто другое его не занимало. Он, вероятно, даже не помнил, что вы отвергли его когда-то. Ну ладно, я пришел сюда не для того, чтобы говорить о нем. Полагаю, до вас уже дошли сплетни, что Рааб ушел на Оркет?

— Мне кажется странным, что он ушел туда сразу после нашего чудесного спасения. Это было необходимо, Альберт? Как вы думаете, там будет много боев?

— Да, это было необходимо, но я не думаю, чтобы там вообще были бои. На тяжелом грузовом блимпе с Оркета прислали сообщение, что на столовой горе организовано восстание, которое свергло марионеточное правительство, поставленное Мэдерлинком. Вскоре они могут оказаться в такой же ситуации, в какой были мы, то есть будут испытывать недостаток гуано и гелия, а Мэдерлинк находится к ним гораздо ближе, чем к нам. Им потребуется много грузовых блимпов, и они получат их, если предотвратить установление блокады Мэдерлинком. Сейчас для этого самое время. На самом Мэдерлинке тоже возникло что-то вроде восстания — правда, мы не знаем как оно проходит,— и все боевые единицы Мэдерлинка отозваны домой. Разве что в стране ущельев остались небольшие силы, до которых еще не дошло сообщение.

— Выходит, мы остались без защиты? Я слышала, что на Оркет ушли почти все захваченные блимпы и плюс наши собственные, которые еще сохранили способность летать.

— Это не совсем так, моя дорогая. Мы не остались голыми! Но Рааб повел большие силы.— Он попыхивал своей трубкой.— О, в любом случае, вы сейчас мать командира. В его возрасте и с его званием я даже не мечтал о таком. Хотя некоторые офицеры Штаба — те самые, которые раньше выступали против него — предлагают проигнорировать устав и назначить его вице-адмиралом. Они трусливо чувствуют за собой вину и пытаются сделать все, чтобы отмыться.— Он с минуту наблюдал за ней. Она хорошо восприняла это, подумал он.— Лайла, какие планы на будущее? Вы вернетесь в Столицу?

Она посмотрела на него настороженным взглядом, который, как он помнил, всегда появлялся у нее при особых обстоятельствах.

— Я не думаю, что вернусь туда. Во всяком случае, в ближайшее время... Брат Роула сам может управиться на ферме; думаю, что мы с сестрой останемся здесь, в Востокограде. Знаешь, Альберт... здесь есть и

другие причины... только вы должны мне пообещать, что не будете вмешиваться.

— Не вмешиваться? Лайла, почему...

Она улыбнулась и сказала:

— Настоящая причина, почему я хочу остаться со своей сестрой — в том, чтобы Рааб не чувствовал себя связанным заботами о своей бедной, старой вдовствующей матери. Сейчас для него самое благоприятное время найти какую-нибудь хорошую девушку и остепениться. Кстати, та девушка, с которой он был на Балу...

— Дочь Мэта Линдера. Почему вы думаете, что я стану вмешиваться и как?

— Альберт, я не хочу указывать вам, что делать, а хочу только, чтобы вы не отговаривали его от женитьбы.

Он схватил трубку и, скрывая смущение, снова раскурил ее. Представляя себе блестящее будущее Рааба, он не имел ввиду жену и детей.

— Лайла, меня немного обижает, что вы думаете...

— Ерунда. Обещайте мне это, Альберт!

Он раздраженно запыхтел трубкой и пробормотал несколько слов так, чтобы она не расслышала. Затем вздохнул и положил трубку.

— Ладно, все нормально. Но будь я проклят, если понимаю, почему женщины всегда помышляют женить мужчину! Вы не можете спокойно смотреть на парня, уши которого находятся в нужном месте и число рук и ног соответствует норме...

Она посмотрела на него лукаво.

— Альберт, вас я никогда не пыталась заманить в ловушку.

Он почувствовал, что краснеет.

— Лайла, вы прекрасно знаете, что среди нас самый последний зеленый младший алтерн мог...

Она засмеялась.

— Не надо так выкручиваться, чтобы быть галантным! Я знаю, что вы не были женаты. Признайтесь, Альберт — венчальные колокола не звучали в вашу честь, или я ошибаюсь?

Он почувствовал, как теплая волна прокатилась по его лицу, и покраснел еще больше, но тут же заставил себя усмехнуться.

— Ну, в таком случае, вы тоже должны признать кое-что. Вы были наиболее привлекательной девушкой на столовой горе!

— О, в вашей голове всегда было больше гелия, чем в курице,— сказала она.— А теперь серьезно, Альберт — некоторые из вас не хотят связывать себя; и большинство женщин не думают о вас из-за этого хуже. Но муж и семья — самое важное дело в жизни женщины. Если Рааб не захочет, я не стану даже пытаться толкать его на это, но я должна быть уверена, что он не чувствует себя связанным из-за меня. И не хочу также, чтобы вы переманивали его в свой лагерь.

Он вздохнул.

— Я не буду, Лайла. Если быть честным — ну, свобода превосходна и, если бы я получил еще один шанс, то, вероятно, не смог бы жить по-другому, но дожить до старости и не иметь сыновей или дочерей — это не сахар и не пирог с джемом. Человек должен понимать, что единственный путь к бессмертию — дети. Я полагаю, этого достаточно, чтобы составить определенное мнение. Я не буду оказывать влияние на Рааба.

Она улыбнулась и положила руку поверх его руки.

— Благодарю вас, Альберт.

Клайн медленно шел к Восточной Стоянке, размышляя и попыхивая своей трубкой. Он надеялся, что чувства Лайлы не во всем совпадают с ее словами, но в одном она была права — вдова не должна цепляться за своего сына. В любом случае, Рааб, вероятно, много времени проведет вдали от столовой горы. Вместе с сестрой ей будет лучше.

Все складывалось довольно хорошо. Президент Вольфан освободился теперь от давления и стал благоразумнее, а население Лоури, по крайней мере, нынешнее поколение, получило поддержку сильного Флота. Многое надо было переделывать, и у него было несколько новых мыслей, заслуживающих внимания. На следующие несколько лет он, Клайн, мог дать событиям правильный толчок.

Во-первых, они должны более внимательно отнестись к внешним базам столовой горы, как, например, на Медовом острове. Мэдерлинк доказал, что им нужны такие базы. И еще три-четыре базы в стране ущельев. И, возможно, какие-то модернизации в строительстве блимпов — хотя идея кривошипного механизма уже скисла.

Он прошел через ворота, рассеянно ответил на приветствие часового, подошел к административному зданию и по ступенькам поднялся в свой офис. Его ноги сейчас были в довольно хорошем состоянии. Он в о о б щ е чувствовал себя хорошо и решил, что отставку можно отложить на пару лет.

ЛАНДСКНЕХТЫ ГАЛАКТИКИ

— Я люблю деньги,— сказала экс-императрица Айрин.— Я всегда любила деньги. Но у меня есть совесть. Это роскошь,— добавила она задумчиво,— которую я сейчас могу себе позволить.

— М-м-м?— отвлекшись от своих мыслей, промычал муж.

— Когда я была императрицей,— продолжала она,— все было совсем по-другому. Я делала такие вещи, от которых сейчас меня бросает в дрожь. Теперь я всего лишь рядовая гражданка, и не более. Меня нисколько не волнует, что будет с Империей через сотню или тысячу лет. Но мне интересно, как мое правление сказывается сейчас на обыкновенных людях.

Траффорд вздохнул и оторвал взгляд от бачка, который ему надо было залудить. Было очевидно, что ему уже не дадут спокойно поработать. Он повернулся, чтобы взглянуть на свою жену. Он был невысоким человеком, плотным и жилистым, типичным морским офицерским среднего возраста, в то время как она, подобно всем избранным на ненаследуемый трон Империи, соответствовала стандартам, установленным Комитетом. Ей не нужна была корона, чтобы выглядеть императрицей. Она была высокой, но удивительно пропорционально сложена Царственное величие виднелось в каждом ее движении и даже в простом рабочем костюме, который она носила, а ее сверкающие волосы, в которых покоился единственный драгоценный камень, казались настоящей короной.

Траффорд разглядывал ее не без восхищения, а потом спросил:

— Так какая муха тебя укусила, Айрин?

Она рухнула в одно из кресел рубки управления.

— Начнем с того, капитан, что на любом нормальном корабле существует хозяин, который высаживается и идет на дело, в то время как его помощник остается на борту следить за кораблем.

— В военно-морских силах на дело идет специально нанятый человек.

— Ты больше не в Армии. И у тебя есть полномочия. Вспомни. И мы не должны ехать к казначею в этом драндулете. Он подошел к креслу, повернул его так, чтобы быть лицом к Айрин, и сел. Он набил и раскурил свою трубку, чувствуя глубокое удовлетворение от того, что ему можно дымить в присутствии Ее Величества.

Но, во-первых, Айрин больше не была императрицей. Во-вторых, она приходилась ему женой. И, наконец, она была на положении подчиненного, в то время как он был хозяином — монархом всего того, что он здесь видел.

Он сказал нежно, обращаясь к самовоспроизводящей поверхности дымчатого экрана.

— Полагаю, мы как-нибудь уладим наше дело, моя дорогая. Ты можешь быть помощником, но, кроме того, ты — совладелец. "Вандерер" — твое имущество, хотя от него не стоит торговаться с торговцами кораблей.

— Говоря языком закона,— сказала она ему,— хозяин вправе продать свой корабль.

— Так чего же ты так волнуешься? Что у тебя на душе?

Она уныло улыбнулась.

— Вот именно это и тревожит меня. Кажется, так просто — вручить личную яхту любому желающему, получить подешевле военный корабль и потом пустить всю выручку на приятное маленькое путешествие к звездам. Но это ужасно, Бенджамин, только дурак отдаст задарма свой корабль людям, которые и гроша ломанного не стоят. Склочный Комитет вытянет на свет божий все слухи, сплетни и погреет на этом руки. Вот, к примеру,— Империя официально в ссоре с герцогиней Вальдегрен, но Вальдегрены весьма полезны. Они поступают, поступали и будут поступать, как по-писанному,— сдерживают своих соседей — республику Ташкент, добивающуюся полной автономии. Конечно, как императрица, я должна была заигрывать с ними, но теперь, как обычная гражданка, я лучше угроблю свой корабль, чем продам его этим вонючим пиратам.

— Хм. Так вот почему нашим вооруженным силам никогда не позволялось воевать в полную силу против Вальдегренов и еще двух-трех пиратских выводков...

— Да, мой невинный Бенджамин. Поэтому. Конечно, мы во всеуслышание клеймили пиратство и конфронтацию, но мы ничего не делали против. И всегда так получалось, что у мерзких правительств планет не хватало то рук, то кораблей...— Она поглубже села в кресло и нахмурилась.— А будет все так: сразу после того, как мы станем на якорь, всем нам хорошо известный доктор Петтигрю пошлет важную чрезвычайно случайно срочную спейсограмму своему другу, члену Комитета, и потом, пользуясь своим именем, добьется аудиенции у управляющего и как бы вскользь поделится с ним несколькими слухами. Ну, а дальше управляющий, в свою очередь, направит сплетни боссам Долхар Халс Инкорпоретейтед, единственной фирме по продаже космических кораблей в этом полном сплетен мирке. И в конце припишет, что Империя будет недовольна, повторяю, будет недовольна, если мисс Айрин Смит продаст свою вооруженную яхту какому-нибудь торговцу без разрешения Империи.

Выслушав, Траффорд задумчиво сказал:

— Мне это дело не нравилось еще на старте. Никогда не надо давать людям повод посудачить о странностях обыкновенных честных граждан, владеющих кораблями, являющимися по существу легкими крейсерами.

— Ты же знаешь, Бенджамин, им любой поступок землян кажется странным. У рептилий совсем иначе устроены мозги, нежели у млекопитающих. Но тем не менее масло на хлеб они намазывают ничуть не хуже. Они знают, что, как граждане пограничных миров, они всегда должны оставаться на дружеской ноге с людьми по ту сторону границ.

— Но сейчас официальной императрицей стала леди Элеонора. Но можешь ли ты убедить ее не обращать внимания на выверты Петтигрю?

— Дай бедной девушке отойти от промывания мозгов. У нее еще будет время полюбоваться на этот бредовый мир. Пройдет не один месяц, прежде чем она станет чем-то большим, нежели марионеткой.

— Так что же нам делать?

— Ты хочешь дать какой-нибудь совет, Бенджамин?

— Мы можем поднять корабль и отправиться на Ллинифарн...

— Только затем, чтобы эта спейсограмма настигла нас там, а уж тогда мы станем простыми пешками в игре торговцев и Империи.

— Мы можем очистить корабль от оружия и сделать его грузовым судном.

— И кто же заплатит за это, Бенджамин? Я, как ты знаешь, имею значительное состояние, но его едва хватит, чтобы начать дело. У нас не осталось бы никаких резервов, а нам они очень и очень пригодились бы. Я знаю, что независимый механик, поработав на старых космических линиях, прежде чем встать на ноги, будет лизать подметки, если не сможет вступить на фрахтовую войну. Ваши люди в военном флоте весьма смутно представляют себе торговые дела. Тем более, они ничего не знают о принятых там формальностях и законах.

— Не все сразу, Айрин,— запротестовал Траффорд.— Все эти мелочи бюро снабжения.

— Посмотрим, что останется после уплаты налогов,— она угрюмо улыбнулась,— но мы, кажется, уклонились от темы. Посмотрим в лицо фактам. Мы имеем на руках корабль, который оснащен также хорошо, как и любой легкий корабль твоих доблестных вооруженных сил, но вот только люди, желающие взять его за приличную цену, являются шайкой опьяненных кровью головорезов. Это нас и останавливает. К тому же мы имеем команду высококвалифицированных специалистов из вооруженных сил, которые будут работать до того момента, пока мы не продадим корабль. Я удивляюсь, почему они не потребовали, чтобы их отправили тем же лайнером, что Петтигрю и преступников. В мирное время служащих вооруженных сил не увозят из дома больше чем на неделю.

— А уволить ты их не можешь? Если это приятно тебе, знай, что Метзентер и Бронхейм — убежденные холостяки. А молодой Таллентайр вполне счастлив на корабле, пока здесь Сюзанна.

— Значит, мы уже имеем инженера, офицера связи и артиллериста. Очень приятная новость. Особенно об офицере артиллерии.

Траффорд взглянул на нее, стараясь угадать ее настроение. Все в порядке, решил он наконец, но к чему она клонит?

Она продолжала:

— Мне интересно знать, захотят ли твои друзья поступить так же, как и ты,— оставить службу?

— Нам нужен инженер первого класса, специалист по связи. Но при чем здесь артиллерист?

— Есть идея...— пробормотала она.— Отличная идея. Но, полагаю, тебе сначала надо скинуть свою форму, которую, наверное, уже больше не придется носить, и одеться, как полагается заправскому капитану, сошедшему на берег, и пойти надраться в кабак вместе со своим помощником.

— Но этот треснувший бачок...

— Не важно. Пошли.

Айрин не была больше императрицей, но привычка отдавать приказы у нее осталась.

"Вот она, тихая жизнь",— подумал Траффорд и пошел в свои апартаменты переодеваться.

2.

С точки зрения землян, на Слицилле не было ничего достойного внимания — разве что климат, пригодный для рептилий и не вызывающий особых восторгов у млекопитающих. Траффорд сделал Слициллу своим первым портом после отлета с планеты галлюциногенов только по одной причине: она была ближайшим миром с регулярной службой межпланетных пассажирских сообщений. Он хотел сбыть с рук преступников и доктора Петтигрю, не в меру добросовестного члена Комитета. К тому же, согласно информации Директората, порт Слициллы славился большим количеством торговцев кораблями.

К тому времени, когда Траффорд был готов, у люка уже ждало такси, вызванное Сюзанной по телефону. Он был доволен, что Айрин — фанатичная поклонница оздоровительных моционов, отказалась от прогулки пешком.

Небо, как обычно, было покрыто облаками, и мелкий дождик, моросивший между низенькими зданиями космопорта и мокрыми светящимися боками приземлившихся кораблей, делал день более холодным и неуютным, чем это было на самом деле. Серый туман, стлавшийся между верхушками древовидных папоротников, конденсировался в липкие, холодные капли, которые падали с подъемников кранов, с еще не остановившихся машин на влажный, словно покрытый мурашками перрон.

Мрачный, серо-зеленый мир — вот что представляла собой Слицилла. Планета, чьи города были не более чем случайным скоплением низких грязного цвета построек, среди которых и над которыми

виднелись цветные пятна папоротников и лиан. Планета с унылым, низким, вечно плачущим небом, нависшим над гнетущими, мрачными болотами. Мир, чьи народы не знали огня, не применяли силу домашних животных до того момента, пока первый космический корабль не совершил здесь мягкую посадку, но который уже успел основать колонии на обоих спутниках.

Машина была обычным трехколесным экипажем, с пассажирским салоном, оснащенным для удобства кондиционером, и сиденьем водителя, расположенным над задним колесом и не защищенным от ветра и дождя. Когда они вышли из люка, водитель оскалился в отвратительной улыбке и, отдавая честь, ударил своим чешуйчатым хвостом:

— Сегодня хороший день, не правда ли, капитан?

— Хороший только для тебя, славный динозавр,— ответил Траффорд. По какой-то неизвестной причине слициллиане польстились на это убогое словечко, брошенное незадачливым офицериком с прилетевшего земного корабля.

— Куда, капитан?

— Марс,— ответил Айрин.

Водитель посмотрел на нее с выражением оскорбленного крокодила, а потом перевел взгляд обратно на Траффорда.

— Капитан, должен ли я выполнять приказ этой яйцекладущей?

— Да,— Сказал ему Траффорд, оскалившись.— Марс, пожалуйста.

Они сели в экипаж. Было тепло и достаточно сухо, но не так как в корабле. Они не отрываясь, смотрели по сторонам В другом мире такой экипаж оказался бы идеальным для наблюдений, но не на Слицилле. Пелена дождя ограничивала видимость до полумили, и, как выразился Траффорд, один древовидный папоротник сменял другой, а тот, в свою очередь, был не отличим от предыдущего.

Когда они достигли города, двигаться стало тяжелее: вокруг ехали такие же экипажи, но с открытым пассажирским салоном, где сидящие могли наслаждаться вездесущей слякотью, и гигантские трехколесные экипажи, высоко нагруженные закрытым брезентом товарами. Ко всему прочему их окружала настоящая армия велосипедистов, каждый крутил педали своей машины странными, как у механической игрушки, резкими движениями, каждый задирал хвост трубой так, чтобы он не запутался в заднем колесе аппарата.

Наконец, они оказались перед Марсом — прямоугольной коробкой здания, прямые линии которого поразительно контрастировали с кривизной окружающих домов. На его крыше была расположена мачта, увенчанная сверкающим неоновым светом, старинным символом красной планеты Солнечной системы — кругом с наконечником стрелы.

Казалось странным, что во времена космических путешествий и тотальной коммерциализации Марс все еще оставался символом бесплодия, вечного недостатка воды и сурового климата. Он как бы был полной противоположностью изобилующего водой мира Слициллы. И нечего

удивляться, что Марс стал убежищем для землян, сосланных в этот сырой грязный город,— для персонала космических линий, работников консульств и тому подобных. Внутри здания воздух был сух, все было окрашено в красный, оранжевый и желтый цвета — песок, иссеченные ветром скалы, сверкающие лишайники, угловатые изгибы высоких золотых кактусов.

Войдя через шлюзовую дверь, Айрин взяла команду на себя. Прокладывая путь между столиками с подвыпившими компаниями, прошла туда, где, погрузившись в свои мысли и уставившись на бутылку и стакан, сидел одинокий человек.

— Мистер Смит,— сказала экс-императрица,— это мой муж, капитан Траффорд.

Двое мужчин пожали друг другу руки, и Траффорд стал рассматривать нового знакомого с нескрываемым любопытством. Никогда еще он не встречал людей с такой ординарной, незаметной внешностью. Волосы, как волосы, глаза, как глаза. Лицо ничем не примечательное. И одет он в однотонную серую одежду, чем-то напоминающую униформу для рядовых служащих промышленности и торговли.

— Может, вы выпьете со мной?— спросил человек, когда они сели.— Я могу порекомендовать "теквиллу".— Он нажал на кнопку вызова в центре стола.

— Если это место под колпаком,— сказала Айрин,— может, лучше пойти куда-нибудь еще?

— Не стоит,— ответил Смит.— Я установил рядом искатель. И сейчас он включен. Он здесь даже не обязателен. Подождите.

Тихо шурша гусеницами по сухому песку, к ним подкатил робот — точная копия широкопрофильной машины, применявшейся еще первыми марсианскими колонистами. Его чувствительные линзы уставились на них красными огоньками.

— Не обслуживаю,— сказал он спокойным механическим голосом.— Не обслуживаю... Не обслуживаю...

— Не надо паники,— проворчал Смит и сунул руку в карман. Послышался тихий щелчок.

— Не обслуживаю,— повторил робот,— не обслуживаю.

Рука Айрин потянулась к драгоценному камню, сверкавшему в волосах. Она сказала:

— Я хотела сделать полную запись этого разговора, но...

Ее гибкие пальцы сделали едва уловимое движение, и робот произнес:

— Ваш заказ, пожалуйста. Ваш заказ, пожалуйста.

— Еще одну бутылку "теквиллы",— сказал Смит,— с солью и лимонными дольками. И два бокала.

— Кажется, это место не подслушивается,— прокомментировал Траффорд.

— Вы правы,— кивнул Смит,— владелец утверждает, что здесь, наверное, единственное место в городе, где люди могут выпить и поговорить, как цивилизованные, высокоразвитые существа, свободные от

какого-либо шпионажа, политического или... Если запрещенное устройство не будет выключено через несколько секунд после того, как робот произнес "не обслуживаю", он перейдет на крики, и посетители, которые захотят насладиться напитками в мире и тишине, немедленно возьмут дело в свои руки.

— А телепаты?— коротко спросила Айрин.

— Их не больше, чем зубов у курицы,— ответил Смит.— Я знаю только одно о хозяине — он подозревает любого в подслушивании мыслей, а разоблачение — это как пинок в зад для любого фискала.

— Хорошо, что мы не взяли Метзентера.— Робот принес напитки. Пока Смит наполнял бокалы, Айрин посолила ломтики лимона, задумчиво попробовала, а потом глотнула огненного зелья.— Неплохо,— прокомментировала она.

— Я думаю, марсианская "текивилла" гораздо лучше, чем так называемое гениальное пойло Мехико.

— Итак,— движения Айрин приобрели деловитость.— Теперь, мистер Смит, вы должны объяснить мне, что вы имели в виду при нашем коротком разговоре и приемной Долхар Халс. Вы понимаете меня?

Смит мягко улыбнулся.

— Я не знаю, что произойдет, о я могу представить, как бледную и покорную императрицу Айрин внесут в книгу пассажиров трансгалактического клиппера "Лайтинг" и в этом рейсе ее будет сопровождать личный психиатр и советник доктор Петтигрю. И еще я знаю, что этот Петтигрю является членом некоего Комитета отбора и что он постоянно докладывает обо всем управляющему планет...

Мне так же известно, мисс Смит,— да будет мне позволено называть вас тем именем, под которым вы зарегистрированы, как владелец корабля "Вандерер",— что хотя члены правления вашей организации могут себе космическую яхту, никто, повторяю, никто, кроме вас, не владеет яхтой, которая по всем параметрам соответствует легкому крейсеру имперских вооруженных сил... Так что, Ваше Императорское Величество...

— Мое девичье имя — Айрин Смит,— сказала она холодно.— Сейчас же я миссис Траффорд — легальный владелец вооруженной яхты "Вандерер". Что вы можете мне предложить?

— Вы больше не поддерживаете связь с имперским правительством?

— Не больше любого рядового гражданина Империи. Могу вас в этом уверить. Скажем так, меня интересуют слухи, на которые вы намекнули сегодня утром. Может быть, это заинтересует и капитана Траффорда.

— Ладно,— тихо сказал Смит.— Вначале я представился, как советник Земли у Долхар Халс. В этой роли я выступал против продажи вашего корабля герцогине Вальдегрен. Я руководствовался своими принципами. И какое дело Долхар Халс, если земляне хотят устроить друг другу хорошую резню? Главное, чтобы компания получила свои комиссионные от сделки. Я исходил из того, что подобная сделка удовлетворяла бы обоих: и управляющего планетами, и представляемое вами

правительство Империи. У меня есть причины не любить Вальдегренов, так что я был удовлетворен, когда миссис Траффорд отказала в продаже.

Но я встретился здесь с вами не как представитель Долхар Халс.

— Так кого же вы представляете?— тихо спросила Айрин.

— ГЛУНР.

— ГЛУНР...— подумал Траффорд.— Да, это весомо. Какой у них лозунг? "Наша цель — торжество справедливости". Их недоброжелатели усмехались: "За красивыми лозунгами они прячут свои грязные делишки". ГЛУНР. Галактическая лига уничтожения насилия и рабства.

— Вы, вероятно, чересчур честолюбивы?— спросила Айрин.— Я думала, единственное, на что вы способны, это финансовая поддержка революций. Но зафрахтовать корабль...

— Мы можем позволить себе и такое.

— Я рада это слышать. Но боюсь, вы захотите, чтобы мы посвятили себя делу служения свободе.

— Мы хорошо заплатим. К тому же опыт показывает, что наемники всегда демонстрировали верность своим хозяевам.

— А что ты скажешь, Бенджамин?— Айрин, казалось, торжествовала.— Что ты скажешь, экс-капитан Траффорд, оставивший имперские вооруженные силы? Пойдешь ли ты добровольно под знамена этой шайки предателей, сумасбродов и террористов?

— Если они, как утверждают, борются за справедливость...— произнес с сомнением Траффорд.

— Но так оно и есть. К несчастью, их деятельность часто идет в разрез с интересами имперской полиции. Но это меня не волнует.

Траффорд молчал. Не так-то просто сбросить со счета прожитые годы. Как армейский офицер, он часто был инструментов в руках полиции Империи, всегда считал, что полиция действует на благо большинства. Он встретил вопросительный взгляд жены и высказал свои сомнения.

— Ах, так?— возмутилась она.— Я тоже знаю предостаточно. Признаюсь, пока я была императрицей, то была не более чем очаровательной марионеткой. Но испытания на галлюциногенной планете открыли мне глаза. Честно говоря, мне теперь хочется расплатиться за многие скверные вещи, которые пришлось сделать, когда я была императрицей — и к черту всю имперскую полицию! Но не так все просто. Я отлично знаю: те, кто хочет делать добро, совершают больше зла, чем добра. А потом, как это говорится: "Я не буду ломать вещи, за которые придется потом платить".

— Вы говорите, словно настоящий наемник,— произнес Смит.

— Вам нужен военный корабль,— сказал Траффорд.— Значит, вы думаете, что придется сражаться.

— А для чего же еще военный корабль?

— Иногда только для показухи. Но если будет драка, я не поверну свои орудия против кораблей имперских вооруженных сил.

— Мы уважаем ваши принципы, капитан Траффорд. Но мы не знаем, будете ли вы верны также и нам. За вами и вашими офицерами будут внимательно следить, смею вас в этом уверить.

— Мне понадобятся мои специалисты,— сказал Траффорд, обращаясь к Айрин.— Но захотят ли они работать на ГЛУНР?

— Я думаю, да. Они достаточно умные люди, чтобы примерить правильное решение, не поступаясь своими убеждениями.

— Таллентайр выйдет из доли, так же поступит и Сюзанна.

— Сюзанна верна мне, а Таллентайр пойдет за ней куда угодно,— ответила Айрин.

— Я все еще как-то не уверен...— пробормотал Траффорд.

— Это же служба,— сказала ему весело Айрин,— и плата подходящая.— Она взглянула на Смита.— Ведь так?

— Нам надо еще подписать контракт,— сказал он.— У нас есть фонды,— он улыбнулся.— Да будет вам известно, мы получаем немалые суммы от людей, которым помогаем.

— Так выходит, вы сами наемник,— воскликнула Айрин.

— Я полагаю, да. И в этом нет ничего дурного.

3.

Так все они стали наемниками.

Офицеры-специалисты согласились остаться на корабле, сохранив верность Траффорду и Айрин, и этим, как сказал Таллентайр, они присягнули на верность Айрин, а не императрице. Она решила, что будет правильнее не разубеждать их в этом. А потом Айрин в широкополой шляпе, шикарном костюме, увешанная стекляшками, вступила на борт "Лайтинга", потратив добрых полчаса на свое восхождение. Она отыскала Петтигрю и добилась через него свидания с женщиной, которая должна была занять ее место, леди Элеонорой — официальной императрицей. Она убедила ее поставить свою подпись на документе, позволяющем Метзентеру, Бронхейму и Таллентайру уволиться из имперских вооруженных сил. Она попросила капитана лайнера и старшего офицера, сдержанных и официальных в присутствии титулованных особ, засвидетельствовать подпись императрицы. Это уже был далеко не первый случай, когда Элеонора, подписывала подобные документы. Как заместитель и преемница, она часто подписывала официальные бумаги и на этот раз вряд ли что-нибудь упустила или ошиблась.

А потом Айрин легко, но решительно выхлопотала для Траффорда новую для него должность владельца торгового корабля. Для этого консул Земли выдал Траффорду и другим членам экипажа временные дипломы, где их военные должности посчитали равными нынешним

гражданским (Айрин получила диплом мастера астронавигации). Потом генеральный консул зарегистрировал Траффорда, как хозяина корабля.

Траффорд утвердил все пункты договора, по которому члены экипажа получили различные должности: Айрин — помощника, Таллентайр — второго помощника, Бронхейм — главного инженера, Метзентер — офицера связи и Сюзанна — экономки.

Наконец, когда все расселись вокруг стола в Марсе, Траффорд попробовал протестовать:

— Торговое судно не может нести на себе лазерные излучатели и управляемые реактивные снаряды!

— С точки зрения закона, да,— сказала Айрин.— Он частная собственность. Он больше не носит флага вооруженных сил. Но оружие нам нужно исключительно для самообороны,— сказала она безразличным тоном,— после всего, что было, я отправлюсь в путь только на вооруженном корабле.

Таллентайр пробурчал что-то насчет вооруженного сброда, но она резко оборвала его:

— Но-но, второй помощник!

Артиллерист выпрямился в кресле, его изящное, тонкое загорелое лицо потемнело.

"Он воспринимает все слишком серьезно",— подумал Траффорд и посмотрел на Сюзанну, которая благодаря своей внешности вполне могла сойти за сестру этого парня. Она смотрела на Таллентайра с насмешкой. Сюзанна поймала его взгляд и слегка улыбнулась, тот вспыхнул радостной ответной улыбкой. Капитан, глядя на этот безмолвный диалог, испытал удовольствие. Сюзанна была способна делать с Таллентайром все, что угодно.

— Но где кончается оборона и начинается нападение, вот в чем вопрос,— сказал Траффорд.

— Это плодотворная почва для игры словами, и не важно, идет ли речь о торговом или военном корабле. Ясно одно — хозяин торгового судна вправе оказать сопротивление при нападении на него с целью разрушения или взятия в плен. При этом он может применить любое оружие. Но вот в праве ли он открыть огонь первым...,— она пожала плечами.

— Я капитан этой развалины,— продолжил Траффорд, или, если пожелаешь, как принято в торговом флоте, хозяин. Но я до сих пор не знаю своих прав и обязанностей. Люди ГЛУНР наняли нас из-за нашего вооружения, а не из-за грузоподъемности судна. Зачем было вводить всех в заблуждение? Не проще ли было классифицировать наш корабль, как каперский?

— Возможно,— согласилась его жена.— Наверное, проще. Но, честно говоря, я не могу себе представить, как мое правительство выдаст каперское свидетельство кораблю, который, во-первых, подчиняется только мне, во-вторых, зафрахтован полулегальной организацией. Лучше будем осторожными, Бенджамин. Очень, очень осторожными. Даже открывая огонь только в крайнем случае по худым людям, можно ув-

лечься и сделаться настоящими пиратами, а мы уже хорошо знаем, что это может повлечь за собой.

— Можно мне к вам присоединиться?— спросил подошедший Смит с плотно набитым чемоданом в руке. Свободной рукой он пододвинул к столу кресло, отыскав ему место между Бронхеймом и Метзентером. Он открыл свой чемоданчик, достал из него различные бумаги и произнес:

— Мои принципы доставляют мне одни хлопоты — с моим начальством из ГЛУНР, а не с правлением Долхар Халс, конечно. Они считают, что я поторопился, договорившись с вами, и теперь не знают, что с вами делать. Но мы обязательно найдем вам занятие.

Вам, конечно, известно, что основным экспортом этого мира являются различные антибиотики. У нас имеется такой груз для Антрима. Вы знаете эту планету?

— Я слышала о ней,— ответила Айрин.— Одна из последних колоний в секторе Цефея. Основана уцелевшими с "Лодс Антрима". Находится в границах Галличековой гегемонии, но считается автономной.

— Позволю заметить,— сказал ей Смит,— ваши имперские власти в курсе всех событий.

— Это относится только ко мне, а не к ним. Всю информацию я получила во время скитаний на проклятых звездных границах. У нас был инженер, который перед этим побывал на Антриме.

— Груз...— пробурчал недовольный Таллентайр.

— Но очень важный груз, сэр,— сказал Смит.— Антрим оказался в скверном положении. Галличеки не успокоятся, пока этот аванпост человеческой культуры будет находиться внутри их границ. По некоторым причинам, о которых, конечно, миссис Траффорд догадывается, они не желают объявлять открытую войну Антриму, но есть другие способы оказать на него давление. Блокада, например. Они имеют право задерживать и осматривать все корабли в пределах контролируемой ими области космоса. Антибиотики являются одним из самых необходимых средств медицины, но их импорт в Галличековую гегемонию объявлен вне закона. Якобы они являются биологическим ядом.

Как бы то ни было, они необходимы на Антриме, чрезвычайно необходимы. Там сейчас вспышка эпидемии новой легочной болезни — у нее еще нет названия. Болезнь достигла катастрофического уровня.

— Прорыв блокады...— сказал Таллентайр задумчиво.

— Конечно, не как пираты, но поработать придется,— проговорила Сюзанна.

— А что ты скажешь?— спросил Траффорд у жены,— в конце концов, ты же владелец!

— Чертов отступник! — проворчала она.— Все-таки нам эти люди платят, и мы доставим груз в целости и сохранности.

4.

Погрузка не заняла много времени: хотя, как военный корабль, "Вандерер" не был приспособлен для перевозки грузов. Все, что требовалось от слициллианских грузчиков, так это поместить контейнеры на платформы, с которых при помощи механизмов они были переправлены в трюмы, надежно складированы и закреплены. Заправка топлива и погрузка провианта почти совсем не отняли времени: гидропонные системы с дрожжевым концентратом и баки с водой решили вообще не менять. Единственное, что взяли на борт, так это небольшой запас деликатесов, чтобы хоть как-то разнообразить свой рацион. Отдельно были погружены слитки урана, дававшие необходимую энергию для полета через всю Галактику.

Затем Смит, подняв бокал за успешное плавание, произнес в каюткомпании прощальные слова:

— Я не собираюсь учить вас, капитан,— сказал он Траффорду.— Но будьте осторожны. Контрабандисты, идущие на прорыв блокады, объявляются вне закона и могут надеяться только на свою силу, но в пределах разумного. Надо бить врага его оружием.

— Вы хотите, чтобы мы прорвались?— резко спросила Айрин.

— Конечно, миссис Траффорд. Но...

— Но вы не хотите, чтобы мы втянули вас в неприятности с правительством империи. Мне кажется, что вы сейчас записываете разговор на магнитофон, чтобы, если понадобится, пойти на попятную, доказывая, что вы всеми своими силами убеждали нас отказаться от этого рискованного предприятия.

— И в то же время вам нужен вооруженный корабль,— вставил Таллентайр,— не так ли?

Смит улыбнулся.

— Все правильно. Ваша взяла. Мы действительно хотим перебросить туда груз. Что касается меня, то я не стану особо суетиться из-за этого груза, но это, заметьте, касается только меня. Мне было бы очень неприятно, если бы вас привели на суд, как пиратов. Само собой, когда ваш корабль захватят,— ГЛУНР заплатит компенсацию его хозяйке. Но только если она не совершит ничего незаконного перед своим арестом. Понимаете?

— Как я и сказал,— добавил Смит.— Ваши люди знают, на что идут. Но что бы там ни было, счастливого вам приземления.— Он попрощался с экипажем "Вандерера", и Сюзанна проводила его к люку.

Наступила долгая пауза, и Траффорд, ожидая разрешения управления порта, увидел Смита, высокого и статного, стоящего в середине группы кенгуроподобных слициллиан. Смит помахал им рукой. Из динамика радиопередатчика раздался свистящий голос дежурного, пожелавшего счастливого плавания. Затем, после предупредительного сигнала, пришло необычайное чувство легкости, говорящее о том, что заработал

инерционный двигатель. Но стоило кораблю покинуть взлетную площадку, как чувство легкости тут же сменилось навалившейся тяжестью.

Они поднимались через завесу дождя, сквозь низкий облачный покров. Сначала медленно, а потом все увеличивая и увеличивая скорость, прорвались через разряженные облака, и вдруг Слицилла оказалась под ними — огромная поверхность ослепительного белого тумана, плоскость, которая тут же сменилась сферой. Над ними, вокруг них простирался привычный космос, усыпанный сияющими звездами.

Медленно, поскрипывая гироскопами, "Вандерер" повернулся вокруг оси. Айрин отыскала нужную звезду, и Траффорд осторожно ввел ее в перекрестие прицела.

На панели контрольных огней двигателя Маншенна вспыхнул сигнал, Траффорд нажал кнопку старта. В этот же миг, заглушая все другие звуки на корабле, раздался резкий пронзительный звук. Внешний мир начал бешено вращаться, и каждая звезда превратилась в искривленную спираль пульсирующего радужного света. "Вандерер" лег на свой курс, он двигался в трехмерной пространстве с помощью межзвездного ускорителя. Не используя, по существу, другие измерения континуума, он перемещался при этом назад во времени. Путешествие не было мгновенным, но так как Бронхейм слыл лучшим специалистом имперских вооруженных сил по межзвездным перелетам, то оно заняло совсем немного времени. Слициллу отделяло от Антрима семь световых лет. "Вандерер" преодолел этот путь за семь недель и оказался на расстоянии полугода от Солнца Антрима. Этот путь теоретически можно было преодолеть за семь секунд.

Семь недель Бронхейм дневал и ночевал в рубке корабля вместе с Метзентером, который вел постоянные наблюдения (к счастья, он мог делать это во сне так же хорошо, как и бодрствуя) за мыслями других существ, которые могли оказаться по соседству, но были ли галлички телепатами и использовали ли вообще эту способность, было неизвестно. Таллентайр, зачарованный Сюзанной, почти не отходил от прибора Карлотти Беакона, применявшегося для КНТ навигации и обнаруживающего любые радиосигналы в радиусе нескольких световых лет почти мгновенно. Что до Айрин и Траффорда, то они редко оставляли контрольную будку и порядком намучились. Оба они имели опыт войны в космосе, когда-то ушли от пиратского корабля капитана Джонса — но это был совсем другой случай. Обоим им — Айрин как офицеру и вооруженному торговцу, а Траффорду, как капитану военного корабля,— приходилось сражаться, приходилось убегать, а подчас и то, и другое сразу, но на этот раз они собирались только убегать.

— Это все, что мы можем сделать,— пожаловалась Айрин.— Даже если это будет только вооруженный лихтер. Империя с Гегемонией в хороших отношениях. И они таковы, что свей сейчас Антримерсы гнездо в их курятнике, те заклевали бы их в момент.

— Не их вина, что их забросила туда судьба,— сказал Траффорд.— И просто чудо, что их старый звездолет смог вынырнуть в том районе.

— Да, да, мне это известно. Я также знаю, что Империя предложила несколько лет назад вывезти Атримерсов с их драгоценных планет в пригодные для жизни миры на наших границах. Но что-то не вышло. Скорее всего, им не стоит это ставить в вину. Этот инженер, о котором я рассказывала Смиту, один из тех, кто был со мной на моем старом "Кнаузеле"... Его имя было Кеннели. На него часто находило, его обуревала тоска по родине, и он начинал ныть о восстающих из моря зеленых горах, о белоснежных облаках, лениво плывущих по нежному голубому небу, об ароматном запахе торфяного дыма в наступающих сумерках. Как он называл его? Изумрудный островок в черном океане космоса. А теперь галличеки, которые в то время и понятия не имели о межзвездных, даже межпланетных перелетах, претендуют на этот мир. Я, конечно, их не виню. Это во много раз лучше тех помоек, что они уже колонизировали. Но теперь они оказывают давление на Антримерсов, надеясь, что изменят-таки свое отношение к переселению.

— Но Антримерсы имеют законные права на свою планету,— возразил Траффорд.— Каждая цивилизованная раса соглашается с принципами космического законодательства, а один из них гласит, что установка флага на незаселенной планете не дает еще права на всю планету. Для этого должна быть создана колония.

— Согласна. Но надо признать, что галличеки имеют законное право останавливать и обыскивать корабли, пролетающие по их космической территории, и изымать любой груз, объявленный в Гегемонии контрабандой.

— Нам надо было бы повидаться с адвокатом, прежде чем стартовать со Слициллы,— запальчиво сказал Траффорд.

— Но ты, как хозяин, сам себе и юрист, правда, без диплома. Тебе надо было бы сдать экзамен, в том числе и по космическому праву. К счастью, этот ублюдок Джонс не выкинул мои книги, когда куролесил в моем корабле. Они все еще в ящике. Мне думается, тебе стоит их просмотреть.

Сюзанна, которая слушала разговор с нескрываемым интересом, перевела взгляд на Карлотти Беакон. На поверхности экрана возник извивающийся червяк зеленого цвета.

— Попутчики,— пробормотала она.— У нас появились попутчики, и близко.

— Объяви тревогу! — приказала Айрин.

Но Траффорд уже нажал кнопку.

5.

Не прошло и несколько секунд, как весь экипаж был в рубке управления. Таллентайр сразу прошел к орудиям с быстротой и грацией поджарого охотящегося кота, выпустившего острые когти. Бронхейм, грузный и флегматичный, прошествовал к пульту дистанционного управ-

ления двигательной установки с неторопливостью, которая не имела ничего общего с медлительностью. Рослый, угловатый Метзентер, облаченный вместо униформы в широкую мантию, вышитую кабалистическими символами, сидел у экрана.

— Не снимай пальцы с курков, мистер Таллентайр,— приказал Траффорд.

— Я все еще не могу нащупать цели, сэр,— ответил офицер.

— Только не стреляй без предупреждения,— это все, что от тебя требуется. Мистер Бронхейм, смотрите, они могут попытаться добиться темпоральной синхронизации...

— Я слежу за ними...— проворчал Бронхейм.

— Мистер Метзентер, мы нащупали сигнал на оборудовании Карлотти. Вы что-нибудь слышите?

— Я... Я спал, когда прозвучал сигнал тревоги...

Айрин хотела сказать что-то резкое, но Траффорд остановил ее, подняв руку. Он был более чем она, осведомлен в делах специалистов псисвязи. Он знал, что озвученная мысль может быть воспринята, как сигнал, только когда она звучит на языке, знакомом телепату. Если же мысль звучит на незнакомом языке или вообще не имеет звуковой реализации, она может быть пропущена.

— А что тебе снилось?— спросил он.

— Я был птицей, и вокруг меня было множество других птиц. Это были ястребы или что-то очень похожее на ястребов. А под ним была другая птица — жирный, ничего не подозревающий голубь...

— Такой уж он ничего не подозревающий...— пробормотал Траффорд.— Сюзанна, постарайся как-то определить, что это за люди или ястребы. И вы, мистер Метзентер, только будьте внимательны. Любая случайная мысль, всплывшая в вашей голове, может рассказать нам многое.

— Ястребы все еще здесь,— сообщил телепат.— Скоро они накинутся на жертву.

— Пускай,— радостно заметил Таллентайр,— мы не голуби.

— Нет, мистер Таллентайр. Мы — голуби. Но верткие, быстрые и достаточно разумные, чтобы держаться тактики уклонения.

— След на индикаторе приблизительной массы,— откликнулась Айрин.— Больше одного корабля, я думаю, может быть, целая эскадра.

— Они все еще пытаются добиться синхронизации,— доложил Бронхейм.— Но делают это чересчур неумело.

— Пускай стараются.— Траффорд обернулся к Айрин.— Я думаю, что контакт на приборах Карлотти между кораблями не причинит нам вреда. Тот факт, что мы первыми обнаружили их, показывает, что у них довольно примитивная техника.

— Конечно. Это даже наводит меня на мысль, что мы имеем какое-то преимущество. Сюзанна!

— Да!

— Смотри, может, еще чем-нибудь порадует нас твоя электронная лента Мебиуса.

Девушка, нахмурив от напряжения брови, сконцентрировала свое внимание на управлении. Внезапно пронзительный кудахтающий поток звуков вырвался из громкоговорителей корабля. Сюзанна дождалась паузы и проговорила в микрофон чистым, спокойным голосом:

— Межзвездный корабль "Вандерер" вызывает неизвестную эскадру. "Вандерер" вызывает неизвестную эскадру. Отзовитесь, пожалуйста.

Послышалась еще одна клокочущая трель, и затем голос заговорил на английском языке. Он напомнил Траффорду старого попугая, любимца кают-компании на одном корабле, где ему пришлось служить.

— "Вандерер",— проговорил он.— "Вандерер", слышишь, "Вандерер". Мы галличеки седьмой крейсерской эскадры. Откуда вы, "Вандерер"? И куда держите путь?

— Ответь им,— распорядилась Айрин.

— "Вандерер", со Слициллы на Антрим.

— Какой у вас груз?

— Ответь им,— вновь приказал Айрин.

— Антибиотики.

— Подойдите "Вандерер", для осмотра и обследования.

— Дайте мне,— сказал Айрин. Она поднялась со своего кресла и подошла к прибору Карлотти. Она взяла поданный Сюзанной микрофон.

— Простите,— сказала она.— Но это невозможно.

— Швартуйтесь. Швартуйтесь. Это приказ.

— Мы не можем. У нас полетела регулировка привода, и пока мы его не отладим, мы не в силах поддерживать с вами постоянную темпоральную синхронизацию.

— "Вандерер". Перекройте привод. Мы вышлем вам инженеров устранить неисправность.

Айрин многозначительно посмотрела на Бронхейма, тот прошептал:

— Скажи им, что мы не можем перекрыть привод. Если мы это сделаем, то сразу лишимся всей ртути в главных магистралях.

— Прекрасно...— Она отняла руку от микрофона и повторила сказанное Бронхеймом.

— У нас на борту тонны ртути,— пришел ответ.

— Но не ртути-196,— проворчал Бронхейм.— Скажите, что двигатель Маншенна Марк XVII использует только 196-ю.

— Я передам твои слова.— И далее, в микрофон.— Наш двигатель новый, экспериментальной модели. Он функционирует только на редком изотопе ртути, применяемой в системах баллистики.— И в надежде добавила: — Я не думаю, что вы имеет запас ртути-196.

Послышались скрип и кудахтанье. Галличеки совещались со своими техниками.

— Увы. Мы не балуем наши машины. У нас нет необходимости изотопов. "Вандерер"! Перекройте свой привод. Мы пошлем вам механиков, которые установят вам один из наших двигателей.

— Очень великодушно,— прокомментировала Айрин.— Видно, что если им что-то запало в голову, они разобьются в лепешку, но сделают.— Она посмотрела на Бронхейма, но инженер только развел руками. Айрин ответила тем же, а потом обратилась к переводчику галличеков.

— Я очень признательна, но мы не можем допустить этого. На модель Марк XYII сохранилась гарантия, и если мы позволим чинить его неуполномоченным людям, нам потом откажут в его заменен.

— Но мы сами заменим его.

— С вами же нет других Марк XVII?

— Мы их порядком разозлили,— сказал Метзентер.— Я чувствую, что весь курятник на милю вокруг просто клокочет от бешенства...

— Перекройте двигатель,— заскрежетал динамик.— Перекройте ваш двигатель!

— Мистер Метзентер,— сказала Айрин телепату.— Готовы ли они к каким-нибудь решительным действиям?

— Нет, ваша милость. Изображение домашних курочек все еще остается. А вот другое изображение — сочного жирного червяка — исчезло. Червяк спрятался в норке прежде, чем над ним щелкнул клюв... Но теперь появился еще один клюв. Он ждет, раскрывшись, у другого конца норы.

— Конечно, денежный приз есть денежный приз. И им неприятно видеть, как он переходит к другим экипажам кораблей, несущим патрулирование вблизи самого Антрима.

— Но нам все равно придется вернуться в обычное пространство перед посадкой,— возразил Траффорд.

— Мы так и сделаем. Но где — вот в чем вопрос.

— Обычно, считается вполне приемлемым расстояние в четыреста миль от экзосферы планеты. Единственное, что доставит некоторое удобство, так это внутренний пояс Ван Аллена...

— И у наших друзей с куриными мозгами будет вполне достаточно времени, чтобы растерзать нас в клочья, прежде чем мы достигнем поверхности. Но у них все-таки куриные мозги — картины, которые уловил Метзентер, говорят сами за себя. Я думаю, что нам удастся доставить груз в целости и сохранности — законы физики и психологии на нашей стороне.

6.

"Вандереру" ничего не стоило уйти от галличековой эскадры, но что бы это дало? Военным кораблям на орбитах вокруг Антрима сообщат о скором его появлении вблизи планеты, и даже без предупреждения от

команды патруля глубокого космоса. Траффорду как-то пришлось служить на сторожевых кораблях, и он отлично знал, как они просматривают пространство на всех Карлотти частотах, как безостановочно гудят магнитофоны, как немедленно вызываются штабы лингвистов, подолгу бодрствуют наблюдатели за экранами масс-индикаторов. Да, было очевидно, что орбитальные корабли уже поджидают земной корабль с грузом контрабанды: богатый приз, который появится на мгновение на их экранах, чтобы потом выскочить в нормальном континууме в пределах досягаемости их боевых орудий и ракет.

Работал только двигатель Маншенна — без включения инерциального двигателя, чтобы не демонстрировать всех возможностей корабля. Шел "Вандерер", а вокруг него, сверкая на экране масс-индикатора зловещими искрами, мчались корабли седьмой крейсерской эскадры, все еще не потерявшие надежды вырвать эту жирную добычу из когтей орбитальной блокады.

Пока не раскрыты все карты, надо было лишь следить и ждать. Экипаж "Вандерера" торжествовал, глядя на безрезультатные потуги галличеков перехитрить контрабандистов.

— Сдавайтесь,— скрипел динамик,— пока не поздно. Мы обещаем быть милостивыми к побежденным. На самом деле никакой блокады не существует. Маршал Фраймики трепло. Он клюет и рвет мясо со своих же костей.

Иногда в динамик вторгался слабый голос:

— Не слушайте их. Они лгут,— затем он затихал и вновь появлялся.— Порт Донегал "Вандереру". Вы хорошо постарались, ребята, спасибо, но лучше поверните обратно.

— Благодарить будете, когда увидите нас,— ответила Айрин.

Обращаясь к своей жене, Траффорд сказал:

— О чем ты думаешь? Я отлично знаю, что у нас есть шанс прорваться, но я просмотрел все твои книги по космическому праву и не смог найти даже ни малейшей лазейки. Мы можем стрелять только из игрушечных ружей. И если даже в случае самообороны мы хоть раз откроем огонь, нас зачислят в пираты.

Она самодовольно улыбнулась.

— Я надеялась, Бенджамин, что ты сам поймешь, что к чему. Твой опыт подсказывает тебе только два пути решения: выступать против меньших, равных или чуть больших сил противника и бежать от существенно превосходящих сил. Но отбросим в сторону бегство сломя голову. Ситуация зависит от уровня техники противника.

— Мы даже не пробуем бежать сломя голову. Что прикажете мне делать? Я все-таки капитан, но никто не хочет мне ничего объяснить.

— Наше главное оружие,— сказала она ему,— это психология.

— Психология?

— Да. Как ты знаешь, каждая разумная форма жизни в этом мире наследует тип поведения своих отдаленных предков. Но одну вещь име-

ем, как правило, все мы — любопытство, правда, у каждого оно выражено по-разному. Ладно, ты слышал версию Метзентера о том, что наши разукрашенные перьями друзья могут чувствовать и мыслить. Ты слышал, как они ругались из-за своего приза. Тебе это ничего не напоминает?

— Хм... Да... Птиц, подравшихся из-за жирного червяка?

— Вот именно. Галлички не в состоянии сейчас воевать. Можно поспорить, что все они сейчас заняты наведением порядка в своих рядах.

Седьмая крейсерская эскадра крутится около нас. И к тому же их маршал — настоящий пройдоха и воспользуется случаем, чтобы урвать кусок, да пожирнее, от денежного приза. Однако маршал блокады будет утверждать, что все призовые деньги должны достаться сторожевикам. Исходя из этого, нам и надо рассчитать точку, где мы должны появиться в нормальном пространственно-временном континууме. По всей видимости, все корабли орбитальной блокады будут находиться в боевой готовности, оставив противоположную сторону Антрима неохраняемой.

— Ладно. Я согласен. Но как мы откажемся?

— Очень просто. Вспомнив законы элементарной физики, Бенджамин.

— Я хочу, чтобы ты прекратила говорить загадками,— возмутился Траффорд.

— А я хочу, чтобы ты перестал думать, будто всеми кораблями управляют в соответствии с уставами имперских вооруженных сил. Есть старая-престарая аксиома. Два твердых тела не могут находиться одновременно в одной и той же точке.

— Это можно использовать,— пробормотал наконец Траффорд.

— Можно и мы используем это?

7.

Траффорд всегда считал себя хорошим навигатором, но даже с помощью превосходного корабельного компьютера он не смог выполнить громадный комплекс сложных вычислений, на которые отводилось к тому же слишком мало времени. Так много предстояло вычислить: время прохождения Антрима вокруг своего светила, гигантскую, сложную орбиту звезды Антрима вокруг галактического центра, галактические течения и их влияния друг на друга.

Глядя, как Айрин и Бронхейм работают вместе, скармливая щелкающей машине задание за заданием, он чувствовал себя лишним и ненужным. Во время короткого перерыва его жена, взглянув на него, догадалась о его душевных переживаниях, которые были написаны у него на лице.

— Ты же капитан,— сказала она ему.— Ты всегда должен быть примером для всей команды. Оставайся здесь, в рубке управления, и если наши крылатые друзья попытаются синхронизироваться...— она бросила на Таллентайра подозрительный взгляд.— К тому же не стоит хозяину выполнять работу второго помощника.

— Я артиллерист, моя госпожа,— сказал офицер.

— Вы находитесь на должности второго помощника,— ответила она ему, а затем улыбнулась.— Я не имею к вам претензий. Но на торговом судне вы все же второй помощник, а не артиллерист.

Она стряхнула пепел в блюдце своей кофейной чашки и сказала Траффорду:

— Если мистер Бронхейм или я понадобимся вам, вы найдете нас в вычислительной. Как обычно.

Когда она ушла, Таллентайр, взглянув на Траффорда сказал:

— Я начинаю сожалеть, что я такой узкий специалист, сэр. Объяснили бы вы мне, что значит вся эта суета.

Траффорд решил немного поиграть на чувствах других. Он удобно откинулся в своем кресле и зажег трубку.

— Вначале,— сказал он,— позвольте вас спросить, хорошо ли вы знаете двигатель Маншенна?

— Конечно,— воскликнул Таллентайр.— В его основе лежит гироскопическая процессия, поворот вправо по трем осям в пространстве, но тем не менее процессия идет совместно с пространственно-временным континуумом.

— Достаточно. Как сказала импе... Как сказала моя жена, два твердых тела не могут одновременно находиться в одном и том же месте. Мы конечно, являемся одним из этих твердых тел. Другим же будет Антрим.

— Хм. Мне кажется, я догадываюсь, куда вы клоните,— сказал Таллентайр и возбужденно добавил: — Меня словно озарило. Теперь я все понял. Проще говоря, мы должны пройти прямо сквозь планету, словно она не существует вообще, чтобы вынырнуть в нормальном континууме на другой стороне, где нас не ждут корабли орбитальной блокады. Это так просто, что до сих пор не приходило никому в голову.

— Во-первых,— сказал ему Траффорд кисло.— Это далеко не просто. А во-вторых, такое уже пытались проделать однажды. Ты, возможно, слышал о пирате, называющим себя Черным Бартом. Во многих отношениях он был поистине военным гением, и одним из его вкладов в искусство ведения войны в пространстве стала синхронизация. До открытия законов случайной процессии это было смертельное оружие. Он мог обнаруживать и преследовать свою жертву с помощью одного лишь масс-индикатора, синхронизировать величину временной процессии, усиливая тем самым бортовой залп своего корабля, или наоборот, десинхронизировать процессию при ответном ударе противника. Потом он просто перекрывал свой привод, причаливал и грабил.

В конце концов, мальчики из секретной службы вооруженных сил скопировали этот способ, установили соответствующее оборудование на двух эскадрах, одна из которых гонялась за Черным Бартом, а вторая осуществляла блокаду его базы, которая была самой настоящей крепостью, оснащенной проекторами, эффективно действующими на тысячу миль вокруг. У Черного Барта был только один корабль, силы противника превосходили его качественно и количественно, и он решил бежать домой. Но одна эскадра шла за ним по пятам, а вторая ждала в засаде.

Он пустился наутек — а что еще прикажете делать? Удирая, он миновал точку, где любой здравомыслящий командир должен был бы выключить свой двигатель. А потом внезапно, когда он был уже в атмосфере, произошел атомный взрыв, который слизнул с поверхности планеты все на пять миль вокруг. Одновременно космическая крепость пирата, вовлеченная в ракетную дуэль с крейсерами блокады, прекратила свое существование.

Таков был конец Черного Барта. Конечно, никто не знает, что же произошло на самом деле. Но ученые выдвинули вполне приемлемую гипотезу. Черный Барт пытался осуществить то, что хотим сделать и мы. Но он не принял в расчет всех факторов, когда вел свои вычисления.

Эта орбитальная крепость оказалась на его пути. Настоящая траектория Черного Барта точно пересекала предшествующую траекторию крепости, но так как его двигатель Маншенна действовал, произошла темпоральная синхронизация. И два твердых тела не могли занять одновременно одно и тоже место в пространстве.

Итак, как ты видишь, не все здесь так просто. Антрим тоже имеет немалое количество разнообразных спутников — обсерваторий, лабораторий, релейных станций, станций управления погодой и тому подобное — причем на самых различных орбитах.

Поверь, невероятно сложно сделать правильный расчет для всего этого хлама на орбите планеты, когда оперируешь тремя измерениями, но когда у тебя их четыре...

— Я представляю,— сказал Таллентайр.— Или, во всяком случае, мне кажется, что представляю. Я слышал о Черном Барте, но все, что сказано в официальных источниках о его конце,— так это, что он врезался в один из орбитальных фортов.

— В сущности, я сам не знал всей этой истории полностью, пока ее не поведала мне моя жена. Когда она была императрицей, ей доставляло удовольствие листать старые армейские сводки — занятие, вряд ли доступное простым смертным.— Он усмехнулся.— Только поэтому у нас появился хоть какой-то шанс.

— Будем надеяться,— сказал Таллентайр.

— Будем надеяться,— согласился Траффорд.

Молчавший долгое время Карлотти-динамик вдруг заверещал вновь:

— "Вандерер"! "Вандерер"! Вызываем "Вандерер"!

Таллентайр вопросительно посмотрел на Траффорда, и тот кивнул.

— Я слушая вас,— сказал Таллентайр в микрофон.

— "Вандерер". Прекратите движение. Перекройте привод. Остановитесь. Остановитесь. Неужели вы хотите попасть в лапы маршалу орбитальной блокады? Мы вас помиловали бы...

— Катитесь на свои насесты,— грубо рассмеялся в микрофон Таллентайр.— Только несите яйца круглые, как апельсины.

Наступило долгое молчание, видно, галличекский переводчик копался в своем словаре, отыскивая соответствующие синонимы. Ответ переводчика состоял в основном из самых грязных ругательств, какие только существовали в жаргоне другого космоса.

— А я думал, вы леди...— печально заметил Таллентайр.

8.

Впервые Траффорд сближался с планетой на одном двигателе Маншенна.

"Это первый и, я надеюсь, последний раз в моей жизни",— подумал он.

Кораблям седьмой крейсерской эскадры пришлось отказаться от погони, еще на порядочном расстоянии от внешнего Пояса Ван Аллена. Жадность, наконец, уступила место внутриведомственной лояльности, и они тут же возобновили связь с орбитальной блокадой. Динамики рубки управления отвратительно кудахтали и верещали, и Айрин приказала их выключить. Никто из экипажа "Вандерера" не был настолько хорошим лингвистом, чтобы понять, о чем шла речь, но Метзентер, пользуясь телепатической связью, добыл товарищам необходимую информацию.

— Послание! — прошептал он.— Перехватить! Перехватить! Пока эти глупые гагары не уничтожили сами себя!

"Что скорее всего, и произойдет",— мрачно подумал Траффорд. Он теперь знал также отлично, как и Айрин с Бронхеймом, что риск велик. Был сделан расчет для орбиты каждого спутника Антрима, но существовало множество объектов, учесть которые было просто невозможно: стартующие корабли, корабли, идущие на посадку, корабли орбитальной блокады. "Если нам суждено столкнуться с кем-нибудь,— добавил он про себя,— то я надеюсь, это будет один из галличекских крейсеров..."

— Капитан! — уверенно проговорил Метзентер.— Надейтесь на лучшее! Надейтесь на лучшее!

— Чертов слухач,— прорычал Траффорд, и Айрин, которая вместе с Бронхеймом застыла над пультом дистанционного управления, недовольно посмотрела на него.

— Что там случилось?

— Моя госпожа, капитан сомневается.

— Мы не можем себе позволить сомневаться, Бенджамин. Тебе надо быть просто осторожным. Ты должен вести корабль. Но делать это уверенно. Вот и все.

"Да! — подумал Трафффорд.— Я знаю, как все это произойдет. Мне говорили. Но что будет, когда я увижу это?— Он расправил плечи.— Черт возьми, и все же я это сделаю".

Казалось, мир впереди обезумел. Он не был похож на шар, на который они падали с убийственной скоростью... Он казался светящимся кругом, огромными сверкающими кольцами. А вокруг него, пересекая его, светились другие круги, образуя невероятно сложное переплетение линий, пространственную паутину, которая должна стать могилой для погрузившегося в него корабля, уничтожить его без следа. Но в то же время тысячи квадратных миль поверхности планеты, к которой они стремились на помощь, будут выжжены колоссальным взрывом.

Это была паутина, это была сеть, сотканная из траекторий кораблей — мирных грузовозов, крейсеров и пятидесяти спутников на орбите Антрима. Вычисленная Айрин траектория "Вандерера" была свободна от металлических и пластмассовых лун, но оставались еще военные корабли, лайнеры, торговцы.

И невозможно было отличить одну траекторию от другой.

Вероятность столкновения была почти стопроцентной. Бурное взаимодействие между телами происходит не просто в космосе, а в пространстве-времени. У Черного Барти был шанс, и он проиграл. Если учесть его ошибки, то вероятность успешного завершения их путешествия должна резко возрасти.

Это была паутина, это была сеть, нити которой имели различную интенсивность свечения.

— Держись подальше от ярких траекторий,— посоветовала ему Айрин.— Если, конечно, сможешь.

"Если смогу",— подумал он.

Одна из таких траекторий, раскаленная цепочка, линия голубого огня, петлей уходящая во мглу бесконечности, возникла перед самым носом корабля. Можно было пройти сквозь нее, а может, и нет. Было в ней что-то пугающее. Она казалась... чересчур плотной... Трафффорд действовал быстро. Инерциальный двигатель выдал резкий боковой импульс. Маневр смог бы полностью сокрушить торговый корабль, но военные корабли строились с учетом резких боковых перегрузок. Корабль резко скрипнул, некоторое его оборудование оказалось недостаточно крепким. Сюзанна тревожно вскрикнула, огонек масс-индикатора вспыхнул ярко-синим пламенем. Она сказала потрясенно:

— Где-то близко.

— Скажи, пожалуйста,— пробормотал Трафффорд, ложась на прежний курс.

— Масс-индикатор засек его.

— Это плохо.

Они прошли через светящуюся паутину, поглотившую "Вандерер", переплетение траекторий кораблей и спутников, через путаницу траекторий метеоритов, столкновение даже с самым мелким из них могло обратиться катастрофой для них.

Управляя работой двигателя Маншенна, Айрин и Бронхейм все время тихо бормотали что-то друг другу, и только однажды Айрин громко выругалась. Их работа давала менее заметные результаты, чем у Траффорда, но была такой же тяжелой. Изобретатель Маншенн никогда, наверное, не предполагал, что с его двигателем будут работать в таком тесном объеме пространства. Еще более страшную опасность, чем та, с которой справился Траффорд, первым зафиксировал осциллограф. Это было взаимодействие огромных сил, громадного темпорального притяжения планет, биллион на биллион мегатонн, стремящихся сокрушить этого наглого непрошеного гостя.

Корабль ударило, да так, словно заводную игрушку пытались раздавить огромными лапами, которым по плечу управлять целыми мирами. Его ловко и искусно подняли, заставили выпрыгнуть из гигантской пасти, которая готова была сомкнуться за кормой, и потом корабль мягко заскользил по жерновам фабрики пространства-времени. Маленький проворный жучок, удирающий от пальцев, стремящихся его раздавить, муха, случайно избежавшая смерти от космической мухобойки.

Перед ними совсем близко был Антрим. Громадный круг, обширной кольцо рассеянного света. Это была зелено-золотая поверхность, затмившая все остальное, неровная поверхность, пульсирующая с удивительной, странной медлительностью. Она была, словно амеба, протоплазма, наполненная люминесцирующими флюидами. И она была материальной. Твердая, жидкая, полужидкая, здесь было безразлично. При скорости "Вандерера" одной микросекунды было бы достаточно, чтобы, коснувшись планеты, корабль превратился в облачко металлического газа. Такой видел ее Траффорд, вспомнив первого человека, попытавшегося осуществить этот маневр и так никогда и не достигшего поверхности своей планеты. Потом он вспомнил что Черный Барт оказался глубоко в атмосфере, когда его корабль пересек траекторию орбитальной крепости. Похоже, "Вандереру" была уготована та же участь, ведь огромная скорость сделает и воздух твердым, как камень. А тем временем вокруг мельтешили траектории кораблей и спутников, которые в пространстве-времени надежно ограждали опекаемый ими мир.

Теперь они были уже под поверхностью, их окружила тьма, но не такая глубокая, как предполагал Траффорд. Светящиеся всполохи появлялись то тут, то там. Вновь и вновь он давал боковые толчки, есть ли в этом какой-то смысл, он сам толком не знал, но понимал, что если не сделает этого, то вообще уже никогда ничего не узнает. Потом стало еще хуже. Отблеск наружного огня заполнил рубку управления, он вырывался из самых глубин раскаленного нутра планеты. На раскаленный камень и металл смотреть было просто невозможно, так как он резал глаза.

Возникло ощущение жара, невыносимого давления. Всего лишь иллюзия, но весьма неприятная и даже больше — просто ужасающая.

Потом вновь пришла темнота, а следом появился сверкающий узор огней. Это были звезды. Они проскочили. Они промчались сквозь неизведанное, сквозь самое сердце планеты, вырвались в благословенную пустоту космоса, и у них за кормой, всего по прошествии каких-то нескольких секунд, возникла обратная сторона Антрима.

Масс-индикатор оказался бесполезным, радар вообще бездействовал, и Траффорд только своим чутьем определил момент, когда они вышли за пределы поверхности планеты. Его рука метнулась к выключателю.

— Все в порядке,— сказал он, наконец.— Перекройте привод.

— Капитан,— проговорил Метзентер.— Галличеки.

— Они ждали нас?

— Нет.

— Ладно. Мистер Таллентайр — за дело. Действовать как договорились.

— Есть, действовать, как договорились,— произнес артиллерист разочарованно.

Вначале возникло мимолетное чувство дезориентации. "Вандерер" возвратился в обычный континуум. Потом вдруг вокруг них появились звезды — незыблемые, яркие точки. А под ними расстилалась ночная сторона планеты с мерцающими огнями деревень, городов.

Сюзанна щелкнула тумблером, и из динамика вырвалось надоевшее до омерзения кудахтанье:

— "Вандерер"! "Вандерер", остановись!

9.

В темноте, в густой тени планеты галличекский корабль был невидим. К тому же он был слишком далеко, чтобы разглядеть его силуэт на фоне звездного неба. На нем не было огней, но яркая точка на радаре "Вандерера" стала постепенно приближаться, и расстояние между кораблями медленно, но сокращалось. От яркой точки отделилась маленькая звездочка и стала двигаться по направлению к "Вандереру".

"Это,— подумал Траффорд,— должно быть, предупреждение, ракета с дистанционным взрывателем, который подорвет ее боеголовку на некотором безопасном расстоянии от противника. Но не исключено, что это боевая ракета. И если у нее хватит горючего, она обязательно догонит корабль, управляемый инерциальным двигателем, тем более корабль, совершающий управляемый полет к поверхности планеты".

— Будьте готовы, мистер Таллентайр,— произнес Траффорд.

— Нет,— сказала Айрин.— Нет. Вы что, хотит,, чтобы нас зачислили в пираты? Военные имеют право открывать предупредительный огонь.

— Откуда вы знаете, что этот выстрел предупредительный,, ваша честь?— саркастически спросил артиллерист.

— Если он взорвется непосредственно в районе нашего пребывания, то тогда мы можем утверждать, что нет. Кажется, территориальное пространство — где-то около пяти километров.

— Он летит впереди нас,— проговорила Сюзанна, наблюдавшая за экраном радара. Вдруг все залило ярким светом.— Взрыв на расстоянии десяти километров.

— На мой взгляд, химический,— сказал Траффорд.— Магний и кислород.

"Вандерер, остановитесь! "Вандерер", остановитесь! — Это было предупреждение.

Айрин взяла в руки микрофон.

— Мы очень сожалеем,— медленно и отчетливо сказала она,— но сделать ничего не можем. У нас вышел из строя инерциальный двигатель. Мы не в силах удержаться на орбите. Мы попытаемся приземлиться, если сумеем, конечно!

— Остановитесь! Остановитесь! Или мы откроем огонь!

— Вы объявили войну Империи?

— Нет. Но вы контрабандисты.

— На нас цвета торгового корабля Империи,— сказала она холодно,— и мы не давали повода для такого обвинения.

— Они приближаются,— воскликнула Сюзанна.— И быстро.

— Так и должно быть,— Айрин повернулась к остальным.— Я думаю, надо вынудить наших друзей нарушить закон. Они вправе пришвартоваться и провести обследование. Но они не имеют права открывать огонь, пока мы не сделаем попытки убежать. А так далеко мы не зайдем. Мы будем медленно и спокойно падать к поверхности Антрима с такой скоростью, что они попросту могут догнать нас и подойти к борту прежде, чем мы войдем в верхние слои экзосферы. Пока это до них дойдет, они успеют совершить какую-нибудь ошибку. Что бы они сейчас ни начали, это только выставит нас в лучшем свете.

— Они в пределах досягаемости наших лазеров,— проговорила Сюзанна.

— Мистер Таллентайр,— сказала Айрин,— противоракетные снаряды и лазеры должны быть в боевой готовности. И приготовьте к действию антилазерную дымовую завесу.— Она надавила на переключатель на ручке микрофона, который был в ее руке. Теперь трансивер стал работать, как приемник.

— Вызываем "Вандерер"! — кудахтал голос галличека.— Вызываем "Вандерер"!

— Мы слышим вас. Можете говорить.

— "Вандерер", остановитесь, мы возьмем вас на буксир. Примите на борт наших специалистов.

— Остановимся, остановимся. Только, прежде чем ступить на борт, примите хорошую пылевую ванну, чтобы выбить вшей из ваших перьев.

Динамик захлебнулся от гневного крика. В каждом языке существуют мерзкие и отвратительные ругательства, а если носители этого языка так эмоциональны, как галличеки, то подобные слова способны положить начало битве.

Таллентайр довольно улыбнулся и положил пальцы на спусковые курки. Из отверстий в гладких боках "Вандерера" вырвалось густое облако пара с высокой отражательной способностью. Это был экран, который должен был защищать корабль от лазерного оружия и в то же время давать возможность лазерам действовать на коротком расстоянии, эффективно расправляясь с любой галлическской ракетой, которая уйдет от противоракетных снарядов, экран, который должен был защитить корабль от любой опасности.

Но галличеки не посмеют открыть огонь. В этом Траффорд был уверен. "Вандерер" больше не падал к поверхности Антрима. Теперь он летел вниз к планете с максимальной скоростью.

Холодно и спокойно сказала Айрин в микрофон:

— "Вандерер" вызывает галлическский крейсер. Я буду докладывать об этих ничем не спровоцированных агрессивных действиях имперскому послу на Антриме, а также вашему посланнику. Вы намеренно напали на мой корабль, именно в тот момент, когда мы готовились принять на борт ваших офицеров.

Из динамика ответил другой голос, менее экспансивный и почти такой же холодный, как у Айрин.

— Вы лжете. Ваш двигатель в порядке. Вы пытаетесь уйти от проверки.

— Нет. Неужели вы думаете, что нам хочется стать мишенью для ваших орудий.

— Остановитесь. Если вы остановитесь, мы не станем стрелять.

— Что ты так печешься о нас, утенок (а это, как знал Траффорд, было далеко не самое ласковое выражение среди галличеков). Получил по носу, в следующий раз не лезь.— Она посмотрела на Траффорда, который озабоченно разглядывал свои приборы.— Тем более, что мы уже в экзосфере. Мы находимся в атмосфере Антрима, а значит, подчиняемся только законам этой планеты.— Все,— сказала она просто.— Проваливай!

Слушая, Траффорд дивился ее самодовольству. Затормозить корабль, чтобы его поверхность не раскалилась от нагрева за счет атмосферного трения, было непросто. Он на полную катушку включил обратный ход. Корабль задрожал. Вибрация была такой сильной, что казалось, будто он сейчас развалится, но этого оказалось все равно недостаточно. Приборы показывали ужасную скорость. Оставалось одно — спасательные ракеты.

Внезапное ускорение швырнуло Траффорда обратно в кресло. Из сопла вырвалась бедная струя реактивных газов. И Метзентер закричал в полный голос, чтобы хоть как-то перекрыть полный грохот:

— Они, наверное, рады. Думают, что мы взорвались.

— Мы как раз недалеки от этого,— пробормотал Траффорд.

10.

Действительно. Они были недалеки от этого. Но инерциальный привод, ни спасательные ракеты не могли по отдельности сразу остановить корабль, а их одновременное действие было почти убийственным. Не менее убийственным было и их падение в верхних слоях атмосферы. Насосы трудились вовсю, гоняя между внутренней и внешней оболочками хладагент, но несмотря на это, температура внутри корабля резко возросла.

Для корабля маневр был тяжел — но еще тяжелее он был для его команды. Их счастье, что они были все тренированы, все они знали, для чего служат в подобных случаях перегрузочные кресла, однако, некоторые из них оказались застигнутыми врасплох внезапностью и силой торможения.

Когда, наконец, Траффорд вновь взял контроль над кораблем, когда вес его тела уменьшился и стало возможным вернуться к работе, он огляделся.

С Айрин было все в порядке, и она ответила на его озабоченный, вопросительный взгляд понимающей улыбкой. Бронхейм выглядел, как всегда, вялым, но сделался бледным, как смерть. Метзентер развалился в своем кресле, лицо его посерело, и он тяжело дышал. Он открыл глаза и, прочитав вопрос на лице Траффорда, сказал:

— Небольшое потрясение. Не больше.

Таллентайр был белым, как снег, и весь дрожал, но не сводил глаз с Сюзанны, которая, казалось, была без сознания. Тонкая струйка крови бежала из уголка ее рта.

— Посмотрите, что с ней, мистер Таллентайр,— сказал Траффорд. Офицер, шатаясь, встал с кресла и подошел к девушке. Он наклонился над ней, называя шепотом ее по имени, а потом повторил во весь голос. Айрин решила взять дело в свои руки. Она взяла диагност и обследовала тело девушки.

— Я не думаю, что имеются переломы, мистер Таллентайр. Принесите немного холодной воды...

На трансивере ожил громкоговоритель. Долгожданный человеческий голос произнес:

— Аэрокосмический контроль вызывает неизвестный корабль. Это вы, "Вандерер"? Добро пожаловать.

Звук незнакомого голоса вывел Сюзанну из забытья. Ее глаза открылись. Она протянула руку к микрофону:

— "Вандерер" — аэрокосмическому контролю. У вас есть что-нибудь для нас?

— Для вас? Мы чертовски рады вас видеть, вот и все. А как у вас там, помощь не требуется? Сможете дотянуть до космодрома "Донегал"?

— Что мне ответить, ваша честь?— спросила девушка.

— Это уже твоя работа, Бенджамин,— сказала Айрин Траффорду.

Траффорд окинул взглядом приборы. Нельзя было сказать, что все механизмы функционировали нормально, но все же они функционировали. Инерциальный двигатель, которому досталось больше всех, держался молодцом. Скорость упала до шестисот узлов, и нагрев корабля прекратился.

— Скажите им,— произнес он,— корабль в полном порядке, и попросите дальнейших инструкций.

Сюзанна так и сделала. Голос оператора стал спокоен и деловит. Диспетчер дал указание следовать по лучу в порт Донегал.

"Вандерер" летел над сельской местностью. Далеко под ним светились огни городов и деревень. Он направлялся на запад, и, когда взошло солнце, весь мир залило причудливым золотым светом, в нем открылись голубые озера, лежащие среди зеленых гор, уходящие вдаль золотые пляжи, омываемые синим, как индиго, морем. Это был мир, который пощадило опустошительное действие индустриализации, а султаны белого дыма и тумана, вырывающиеся из труб редких заводов, только делали окружающую природу еще более удивительной.

Потом показался порт Донегал — низкие серебристые строения и многоэтажный главный город, расположенный на обширном, напоминающем большую поляну, пространстве. Голос диспетчера сменился женским голосом, в котором не было и намека на безразличие и деловитость.

— Это министерство здравоохранения, "Вандерер". Мы не верили, что вы сможете пробиться. Но вы сделали это, сделали невозможное, и мы вам очень признательны. Теперь этот мир ваш, "Вандерер". И вы можете находиться здесь столько, сколько душа пожелает.

— А мы можем остаться здесь дольше, чем вы думаете,— заметила Айрин.— Сесть-то мы сядем, но вот дадут ли нам взлететь?

11.

— Но, сэр,— сказал Таллентайр,— мы смогли бы улететь с Антрима точно так же, как и прилетели. Вы же пилот Ее Императорского Величества.

— А вы будете играть соло, когда потребуется, на вашем боевом органе...— добавил Траффорд. Он сурово посмотрел на своего офицера.—

Мистер Таллентайр, должен ли я вам напомнить еще раз, что вы как-никак второй помощник и что второй помощник на торговом судне выполняет обязанности навигатора. Стоит ли вам напоминать так же, что миссис Траффорд занимает должность первого помощника, что она больше не Ее Императорское Величество, и чем меньше людей в этом мире будут знать о ее прошлом, тем лучше. Как бы то ни было, вы навигатор. И пусть только на бумаге. Но у вас все равно должно быть хоть малейшее представление о том, что может делать межзвездный ускоритель и чего не может. Наш уникальный маневр сближения удался лишь потому, что после долгого путешествия мы сумели преодолеть миллионы лет темпоральной инерции такой планеты, как эта. Но не в наших силах стартовать прямо с ее поверхности. Даже если бы мы смогли сделать это, то столкнулись бы с непреодолимыми трудностями. В мгновение ока мы бы низвергли один из основных законов физики, гласящий, что два твердых тела не могут одновременно находиться в одном и том же месте. Так что...

— Так что же нам прикажете делать? О, я знаю, существуют намного худшие миры, нежели этот, и я счастлив, что доставил антибиотики, которые уничтожат здесь чуму. Но рано или поздно галличекам надоест ссориться между собой, и я снова смогу вернуться к своей любимой работе.

— Чертовски сожалею, что вам не досталось такой дозы галлюциногенов, как недавно нам,— сказал ему Траффорд.— Иначе вы бы не рвались бы в такой бой.

— Все-таки мы наемники, сэр! — воскликнул Таллентайр.— А основная работа наемников — война.

Пока Траффорд обдумывал свой ответ, из кают-компании послышался голос Айрин:

— Пойдем, Бенджамин. Ты, наверное, забыл, что мы собираемся показать Их Превосходительству наше искусство. А когда мы вернемся, у тебя будет достаточно времени, чтобы поиграть с личным составом в инструктора.

— И не заставляйте ждать Ее Императорское Величество...— пробормотал Таллентайр.

Путешествие из космодрома в город было приятным, таким приятным, что все пассажиры в машине, возможно, исключая Айрин, жалели, что машина мчалась с такой высокой скоростью.

Вначале единственным приказом присутствия человека в этих краях были белые фермерские домики. Они напоминали корабли, плывущие над низкой зеленой возвышенностью, у каждого был свой парус и сверкающий экран солнечных батарей. А потом машина заскользила по пригороду, мимо вилл, утопающих в обширных садах, через прекрасные парки, по грациозному мосту, пересекающему широкую реку. Народу на улицах было мало, и так как машина пошла теперь медленнее, то Траффорд смог разглядеть лица колонистов, мимо которых они проезжали. Все они были равнодушными и апатичными. На всех лежала

печать долгого напряжения и усталости. Конечно, многих из них спасут медикаменты с "Вандерера", но для скольких людей они прибыли слишком поздно.

Они ехали по городу, по широким проспектам, минуя стройные здания, сложенные из известняка. Это были не небоскребы, не многоквартирные муравейники. Здания были похожи на эллинские дворцы с большим количеством колонн и архитектурных излишеств.

"Это был тихий город,— подумал Траффорд,— и он останется таким, даже когда полностью восстановится его население".

Наконец, машина затормозила у здания, красной красивой железной оградой и высокими воротами, на которых была изображена сфера с крыльями и короной — герб Империи. На вершине здания развевался темно-синий флаг. Внутри ограды, перед высокой бронзовой дверью, медленно прогуливались четверо часовых, одетых в сине-золотую форму, со сверкающими, но малоэффективными штыками, венчающими стволы их лазерных винтовок. Это были гвардейцы морского корпуса Ее Императорского Величества.

— Мне никогда не нравились эти ублюдки,— пробормотала экс-императрица.

— Они тоже бывают иногда полезными,— сказал Траффорд.

Из дверей выскочил сержант, гордо прошествовал к дороге и подождал, пока один из часовых откроет перед ними ворота. Он подошел с важным видом к машине и отдал, как полагается, честь, что по отношению к гражданским считалось верхом вежливости. Он спросил:

— Капитан Траффорд и его офицеры?— И когда Траффорд утвердительно кивнул, добавил: — Его Превосходительство ждет вас.

Траффорд вышел из машины первым, а затем помог выйти Айрин. Сержант уставился на нее и остолбенел. Траффорд почти угадал его мысли:

"Не может быть, что это императрица, но лучше быть осторожным".

Сержант снова щелкнул каблуками и козырнул, словно в первый раз была только репетиция, а потом осторожно посмотрел на Траффорда:

"Наверное, торговый шкипер, но у этого торгаша манеры имперского офицера".

— Может быть, сэр, вы с дамами и остальными джентльменами пройдете со мной?— предложил сержант.

Группа последовала за сержантом в посольство: первыми шли Траффорд и Айрин, а Метзентер и Сюзанна замыкали шествие. Они шли по коридору с высоким сводчатым потолком, по паркетному полу, отшлифованному до зеркального блеска. Всюду царила атмосфера роскоши, богатства и изобилия. Чувствовалось, что послу Ее Императорского Величества живется неплохо, очень даже неплохо. Траффорд не был особенно удивлен, когда увидел одетого в белый шикарный костюм человека, сидевшего за широким, отделанным кожей письменным столом. Увидев Траффорда, тот лишь неохотно привстал, но появление

Айрин придало ему больше резвости. Когда он ее увидел, на его полном лице отразились замешательство и неуверенность.

— Капитан Траффорд?— спросил он.

— Да, Ваше Превосходительство. Позвольте представить миссис Траффорд, моего старшего офицера, мисс Белдон — кладовщика, мистера Метзентера — моего офицера с вязи.

Посол пробормотал что-то в ответ об удовольствии видеть всех этих господ и затем сказал:

— Прошу садиться.— Он посмотрел через стол на Траффорда.— Я надеюсь, вы понимаете, капитан, что вы поставили меня в довольно неудобное положение.

— Я могу представить себе, Ваше Превосходительство, как поднялись сейчас ваши акции на этой планете после того, как мы прорвали блокаду и доставили на Антрим необходимые медикаменты.

— Хм-м. Да, да, конечно. Вы прорвали блокаду. Но своей дерзостью вы выставили Землю в довольно невыгодном свете. Позвольте мне сказать, молодой человек, что благодаря вашим нелегальным действиям я попал в весьма скверное положение. Да, весьма скверное. И мой военный советник сообщил мне, что вы не только рисковали своим собственным кораблем, но и очень просто могли стать причиной громадных разрушений на поверхности планеты. Но оставим эти вопросы техникам. Меня беспокоит, что вы здорово напакостили галличекам. И мне стоило немалых трудов восстановить дружественные отношения между Империей и Гегемонией.

— Мое сердце просто обливается кровью,— посочувствовала Айрин.

— Что? Что вы сказали, мадам?

— Вы прекрасно слышали меня, Ваше Превосходительство. А сейчас послушайте вот что. Мы здесь для того, чтобы подать официальную жалобу на ваших крылатых друзей. То, что они позволили себе по отношению к нашему кораблю, мирному торговому судну, находящемуся под флагом империи Земли, является по меньшей мере пиратством. Мы были обстреляны, и вряд ли взрывы перед носом корабля можно считать предупреждением. Мы были обстреляны, и только скорость и мастерство команды спасли нас от катастрофы. Мы были обстреляны, хотя не давали никакого повода к подобным действиям.

— Сэр,— взорвался посол.— Могу я просить вас приструнить вашего офицера?

— Мой помощник,— произнес Траффорд мягко,— сказал то, что должен был сказать я, только в менее грубой форме.

— Итак, вы хотите подать жалобу?

— Мы имеем на это право,— ответила Айрин.

У посла явно испортилось настроение.

— Да будет вам известно,— разбушевался он,— что мы уже подали одну жалобу. Сегодня я говорил о вас с галличекским послом.— Он стал перечислять по пунктам, загибая толстые пальцы.— Первое — вы обвиняетесь в контрабанде. Второе — вы отказались остановиться,

когда этого потребовали компетентные органы. Третье — вы дважды в оскорбительных выражениях высказались о команде галличекских военных кораблей. Четвертое — вы обстреляли галличекский корабль.— Казалось, его просто распирает от удовольствия, когда он пробормотал свои последние слова.— Это пиратство и контрабанда.

— Выбирайте выражения,— проговорила Айрин, наблюдая, как с его лица сходит самодовольная усмешка.— Они действовали не по правилам. Мы требуем очной ставки. Ваше Превосходительство, вы прекрасно понимаете, что за контрабанду мы привезли на Антрим.

— Это не оправдывает вас,— телефон на его столе звякнул. Он нажал кнопку и поднял трубку.— Очень хорошо,— а потом обратился к экипажу "Вандерера": — Ее Превосходительство посол галличеков лично желает высказать вам свои претензии.

12.

До этого момента Траффорд никогда не встречал представителей летающей расы, но, как военный офицер, он присутствовал на инструктажных фильмах, которые были созданы для ознакомления с внешним видом всех разумных форм жизни, известных в Галактике, включая и галличеков. Но ни фильмы, ни солидография не могли дать по-настоящему полного представления об этих существах.

Первое, что почувствовали земляне,— это запах свалявшихся, никогда не мытых перьев, плюс аромат птичьего помета. Посол надменно протопала по коридору, скребя по полированному полу когтями высоких, голенастых ног.

Своим обликом она напоминала земного страуса, о на концах ее крыльев имелись клешни, которыми можно было прекрасно управляться. Оперенье ее было однообразного темно-коричневого цвета, на фоне которого зловеще сверкал гигантский драгоценный камень, свисающий на золотой цепочке с длинной шеи.

Большие, блюдцеподобные глаза тоже казались зловещими. Они были расположены по разным сторонам крючковатого клюва и, не мигая, смотрели на собравшихся в комнате. Когда существо повернулось к Траффорду, тот встретил холодный, бесстрастный изучающий взгляд посла. В этом лице было мало от страуса, скорее, что-то от домашней курицы, да и выражение его казалось злобным и мстительным.

"Оно,— подумал Траффорд (он все еще не мог сказать о после — "она"),— наверное, имеет высокое звание среди своих голенастых собратьев".

Правда, под выпуклым черепом этого существа помещался мозг, сумевший построить межзвездную цивилизацию.

— Ваше Превосходительство,— подобострастно пролепетал посол.

— Ваше Превосходительство,— прокудахтала посланница.

— Ваше Превосходительство, хочу вам представить капитана Траффорда и его офицеров.

— Ах, этих пиратов!

— Людей, прорвавших блокаду,— холодно поправил ее Траффорд.— Ведь вы признаете, что ваша блокада — незаконна.

— Пираты!— заверещала посланница.— Контрабандисты! Вы напали на "Керестрел". Вы поплатитесь за это жизнью.

— Это "Керестрел" напал на нас,— произнес Траффорд.— Мы были вынуждены применить наше противолазерное и противоракетное оружие.

— И еще говорите, что "Вандерер" — мирное торговое судно. У вас установлено вооружение легкого крейсера!

Айрин перебила ее:

— Мадам, среди подписавших договор Капелла, был и представитель вашей Гегемонии. Там в одном из пунктов четко указано право торговцев применять оборонительное оружие в любых условиях и в любом месте, где существует военное положение. Только вот определение "оборонительное оружие" звучит там довольно расплывчато.

— А я говорю — вы пираты. Маршал Фраймики назвал вас пиратами и контрабандистами. Я уже представила президенту Антрима требование на выдачу вас, как преступников.

— И есть шанс, что выдадут?— спросил Траффорд.

Казалось, посланница потеряла к нему всякий интерес. Она выгнула длинную шею и стала внимательно разглядывать перья у себя на груди. Там копошилось что-то, похожее на блестящую черепашку такого же цвета, как и оперенье, в котором на свила себе гнездо. Изогнутый клюв раскрылся и кинулся со скоростью разящей змеи. Раздался щелчок. Голова птицы приняла прежнее положение, по длинной шее прошла волна, и проглоченное насекомое провалилось в желудок. Посланница вновь посмотрел на Траффорда и самодовольно крикнула:

— Вот!

Первой нарушила тишину Айрин. Она повернулась к послу Земли.

— И вы еще смеете утверждать, что желаете сохранить дружбу с этими вшивыми курами!

Посол, побагровевший от злости, стал похож на индюка.

— Выбирайте выражение, девушка. С каких это пор космические бродяги стали разбираться в вопросах имперской полиции?

— А вы удивлены?— спросила она с притворным интересом. Краска сошла с ее лица, и глаза смущенно потупились.— Удивлены, да?

— Я, черт побери, просто не понимаю,— прокудахтала посланница послу.— Меня, полномочную представительницу Гегемонии, здесь, на земной территории, в вашем присутствии, оскорбляют какие-то отбросы космоса.

— Но, Ваше Превосходительство...

— Это была ошибка. Я так и скажу в Консульстве. Как можно было подумать, что мы сумеем договориться с этими "млекопитающими"?— Слова прозвучали, как оскорбление.— Я подаю рапорт. В нем будут соответствующие выводы.— Она перевела дух.— И если начнется война — ответственность ляжет целиком на вас.

Она негодующе выскочила вон.

— Кто вы?— уныло спросил посол.— Кто вы?

— Миссис Айрин Траффорд. Старший офицер торгового судна "Вандерер". Старший офицер и хозяин.

Толстяк посмотрел на нее с сомнением.

— В моей практике мне не раз приходилось иметь дела с земными торговцами, но я не помню случая, чтобы хозяин служил помощником на собственном корабле...

— Я буду первой,— сказала она ему.

— Да, наверное. Но...

— Что — но?

— Этот портрет на стене. Ее Величество императрица Айрин. Ее лицо очень похоже на ваше, только, быть может... чуть более волевое.

— Массераш всегда немного идеализирует натуру.

— Значит, вы..?

— Я — нет. Скажем так, мистер посол, мне кое-что известно о работе имперской полиции.

— О,— произнес он.— Я понимаю. Вы — ее двойник.

— Может быть. А может, и нет. Но, на мой взгляд, галличеки не посмеют объявить войну. Они в большой зависимости от Империи, которая поставляет им различные промышленные товары, главным образом машины. А производить из сами они не могут. К тому же дай им клюнуть один раз, и они сядут тебе на шею и заклюют до смерти.

Посол усмехнулся.

— Кажется, вам достался необычный старший офицер, капитан.

— Думайте, что хотите,— ответил Траффорд.— Но мои офицеры — отличные специалисты. Вот, к примеру, офицер связи, у него Диплом Ринского института. Вряд ли мы бы говорили так свободно, если бы не убедились при помощи телепатии, конечно, что вы нам верите. Разумеется, посягательство на тайну чужих мыслей является нарушением институтских правил, но ничего не поделаешь, вынуждают обстоятельства.

— И вы читали мысли Ее Превосходительства?— спросил посол.

— Да,— ответил Метзентер.— Она блефовала. Она прекрасно знала, что ее начальство никогда не пойдет на разрыв дипломатических отношений с Империей. В таких делах, как это, они могут позволить себе только немножко пообижаться. Ведь объявление войны этому миру равносильно крупному конфликту с Империей.

— Но что мне делать?— захныкал посол.

— Не позволяйте садиться вам на голову,— посоветовала Айрин.— Вспомните, чей вы представитель, а это значит, что вы во всем должны защищать нас от этой стаи подлых стервятников, только и ждущих, как вы бы наброситься на Антрим и сожрать его.

Мне кажется, вы и сами можете постоять за себя.

— Один корабль против целого флота? А что касается нашего прорыва, то разве применение оружия одной нацией против другой нации без объявления войны не пиратство? Мы вынуждены были защищаться.

— А, так вы все же признаете это?

— Прорывая блокаду, мы применили только антиракеты и антилазеры. Так что мы еще не пираты.

— Уверен, если бы пришлось, вы бы, не задумываясь, вступили в бой,— сказал посол с мрачным удовлетворением.

13.

Выйдя из посольства, прежде чем нанести визит президенту, они нашли тихую таверну с полутемным баром, где можно было обсудить дела за серебряными кружками темного, крепкого портера.

— Если эта тварь была типичным галличеком,— проворчала Сюзанна,— то мне чертовски обидно, что Таллентайру не довелось сыграть настоящую симфонию на своем орудийном органе.— Она задумчиво отхлебнула из своей кружки.— Дело темное, были там вши или не было, все прошло, как по нотам. Вы попросили их помыться, прежде чем перейти на наш корабль, и они озверели.

Айрин рассмеялась.

— Персонал галличекских военных кораблей, подобно космонавтам других рас, фанатически чистоплотен. Они не в состоянии вынести такой шутки. А существам типа посланницы собирать паразитов со своих перьев доставляет такое же наслаждение, как нам лакомиться земляными орехами.— Она повернула к Метзентеру.— Ну, командор, ведь вы навострили свои телепатические уши. Итак, что вы там узнали?

— Вы просто измучили вашего посла. Хороший помощник, конечно, и должен быть заносчивым, но вы вели себя чересчур высокомерно. Ну, и потом, ваша внешность. Я не сомневаюсь, что в Галактике может существовать двойник императрицы Айрин, но когда вы изображаете дьявола с тросточкой... Вы его изрядно напугали. Посол думает, что он и вправду немного загалличекился и его будущая карьера может пострадать из-за этого.

— Я просто не могу представить, как человек может загалличекиться до такой степени,— вставил Траффорд.

Ему ответила Айрин.

— Наш друг, которого мы только что покинули, один из тех, кого специально отобрали для службы в секторе Галличеков. Если память мне не изменяет, его основная специальность — орнитолог. Это может показаться странным, но по отношению к галличекам он руководствуется любовью, а не страхом.

— Да,— согласился Метзентер.— У него почти отеческая любовь к этой отвратительной старой птице.

— Значит, он любит галличеков и боится тебя,— констатировал Траффорд.

— Это с одной стороны. Сейчас я преподнесу тебе еще один приятный сюрприз. Кроме орнитологии, наш друг отлично ориентируется в космическом праве. Мораль ясна. Человек он не глупый. Я думаю, он вполне может представить себе ситуацию, в которой мы достигаем этой планеты, не нарушая законов. У меня мелькнула одна идея...

— Какая?

— Я не скажу, пока не обдумаю все как следует. Мы дадим второй раунд, а потом встретимся с президентом.

Они проследовали из таверны в президентский дворец, величественное белое здание, над которым развевался зеленый флаг с изображением золотой арфы. В воротах им не пришлось себя называть и показывать удостоверения, их сразу же узнали, и через несколько секунд перед ними вырос старый солдат, одетый в парадную зеленую форму. Айрин вознегодовала, когда офицер охраны отдал довольному Траффорду салют. Солдаты проводили их до главного входа во дворец, где их встретил человек в армейском мундире. После обмена любезностями он проводил их к президенту.

Президент Мак-Гован оказался маленьким жилистым человеком, его лицо едва было видно из-за высокого накрахмаленного стоячего воротничка архаического туалета. Когда они вошли в комнату, он встал, вышел из-за стола и сердечно пожал каждому руку. Приведший их офицер пододвинул каждому кресло и подал графин и бокалы.

Когда они расселись, президент сказал:

— Мы все очень рады вам, капитан. Спасибо вам и нашим друзьям из ГЛУНР. Теперь мы покончили с эпидемией. Коль вы оказались здесь, с вами надо что-то делать.

— Зачислить их в нашу армию,— посоветовал офицер.— Мы можем использовать их корабль.

— Не торопись, Тимоти. Ты уже не сержант для набора рекрутов, и не стоит переигрывать.— Президент сжал ножку бокала узловатыми пальцами.— Согласитесь, капитан, вы поставили нас в слегка затруднительное положение. Галлически рассвирепели, точно стая коршунов, и эта базарная торговка-посланница практически ходит за мной по пятам с тех пор, как вы приземлились. Они требуют вашей выдачи. Надо заметить, их требования невыполнимы. Но вы же не вечно будете сидеть на Антриме. А пока мы можем подыскать вам работу в армии.

— Спасибо за предложение, мистер президент,— ответила ему Айрин.— Но мы рождены для бродяжничества и риска. Нам нравится ваша планета, но мы не любим подолгу оставаться на одном месте. К тому же армия — не для настоящих мужчин.— Она взглянула на Траффорда и офицера, и в ее глазах промелькнула усмешка.

— Я понимаю, куда вы клоните, миссис Траффорд,— произнес президент.— Но я должен взвесить все последствия. Хорошо, вы взлетите с Антрима, но, как только вы покинете атмосферу и сможете включить межзвездный ускоритель, на вас накинутся все корабли галличекской орбитальной блокады. Конечно, вы можете принять бой. Но что потом? Ваш корабль — корабль Земли. Галличеки могут использовать ваши пиратские действия, как предлог для разрыва дипломатических отношений с земной Империей. И поступи они так — что же остается нам? Мы не законная часть Империи, хотя с тех пор, как галличеки нас обнаружили, прикрываемся ружьями Земли.

— Разве галличеки находятся не в состоянии войны?— спросила Айрин.— Я не раз уже слышала, что между их метрополией и группой колоний, провозгласивших себя автономными, не утихают конфликты?

— Это верно, миссис Траффорд. Недалеко от вашего космодрома стоят три торговых судна и два корвета с опознавательными знаками так называемой Кокрельской Федерации. Они здесь...— он вопросительно посмотрел на своего помощника.

— Где-то около года,— подсказал ему помощник.— У них беда. Они ухитрились прокрасться незамеченными, чтобы загрузиться зерном. Они хотели уже бежать, но тут галличекам ударила в голову моча, и за день до предполагаемого ухода была установлена орбитальная блокада.

— Наверное, это посланница уведомила об их прибытии,— сказал Траффорд.

— Да, возможно, она. Как раз, когда садились кокрельские корабли, у нас была крупная авария на станции Карлотти-связи. Мы соблюдали нейтралитет,— добавил он.— Но несмотря на то, что кокрели — птицы, они все же ближе к людям, чем галличеки.

— Я думал, что они относятся к той же расе,— заметил Траффорд.

— О, да, конечно. Но у кокрелей главную роль играют самцы.

— А это лучше?— холодно спросила Айрин.

— Да!— твердо произнес помощник Президента.

— Мне не хочется сейчас спорить,— сказала Айрин, поднялась и попросила наполнить ее бокал.— Спасибо. Моя память может ошибаться, я слишком долго не интересовалась межзвездными делами, но мне помнится, Империя признала кокрелей...

— Это правда, миссис Траффорд,— ответил президент.

— На планете сейчас имеются кокрельские представители?

— Конечно.

— Уже лучше.

— Что ты надумала, Айрин?— спросил ее муж.

— Законы, законы,— пробормотала она.— Оглядываясь на историю Земли...— Она увидела замешательство на лицах президента и его помощника и сказала поспешно:— А впрочем, неважно.

— Кажется, у вас исключительный старший офицер, капитан,— воскликнул помощник президента.

— Мне все это говорят, сэр. Я и сам почти в это поверил.

— Довольно,— оборвала она их.— Теперь, мистер президент, я прошу вас организовать встречу между нами, земным послом и местным представителем кокрелей.

— Генеральным агентом,— произнес помощник президента.

— Только хватит ли у него сил повлиять на правительство, вот в чем вопрос,— сказала Айрин.

14.

Мысленно Траффорд все еще называл галлическскую посланницу не иначе, как "оно", а вот кокрельский генеральный агент сразу стал "он". У него была великолепная фигура, перья крыльев и веерообразного хвоста отсвечивали темно-синим, перья груди казались золотыми и переливались всеми цветами радуги, больше всего они напоминали длинные праздничные ленты. Гордая голова была увенчана пышным алым гребнем, а натуральные шпоры были одеты в зловеще отсвечивающую сталь.

"Этот выскочка заносчив,— подумал Траффорд.— Но в нем нет мелочной злости самок этого рода".

Они находились в библиотеке замка земного посла: сам посол, члены экипажа, президент, его помощник и генеральный агент. Все сели, а птица осталась стоять. Стены библиотеки были заставлены книжными шкафами с тяжелыми, в кожаных переплетах, томами, которые создавали атмосферу торжественности.

Айрин обежала взглядом всех присутствующих.

— Вы представляете, сэр, во что обходится государству деятельность посольств. Стоимость этих старинных рукописей должна быть фантастически велика.

— Вы хотели бы, чтобы я заменил мою библиотеку стопкой пленок и микрофильмов?— посол смущенно хихикнул, будто сказал непристойность.— Все эти усовершенствования только умаляют величие закона, мадам.

— Да, да... Вы ведь раньше были юристом?

— И довольно неплохим, мадам, но только в определенной области. Я понял это, когда вы пожелали уточнить для меня один из пунктов космического права. Довольно туманный пункт,— добавил он зло,—

Но я уверен, что такой прекрасный офицер, как вы, должен хорошо ориентироваться в таких понятиях, как законное и незаконное.

— Конечно,— сказала она весело.

Посол повернулся к президенту и генеральному агенту.

— А вы, господа, так же заинтересованы в деле торгового судна "Вандерер"?

— Да, мистер посол,— произнес президент, а генеральный агент лишь каркнул что-то вроде "конечно".

— Так,— посол посмотрел на них пристальным взглядом.— И чего же вы хотите?

Ему ответила Айрин:

— Во-первых, Кокрельская Федерация и Гегемония находятся в состоянии войны. Во-вторых, на этой планете находятся кокрельские корабли, пойманные в ловушку орбитальной блокады. Но здесь есть одна вещь, которая меня здорово озадачила. Антрим нейтрален. Как нейтральная сторона, он может дать убежище торговцам, но не военным кораблям. А два кокрельских корабля являются корветами.

Посол холодно улыбнулся:

— Я уже справлялся по этому поводу, миссис Траффорд, и Его Превосходительства. Несмотря на то, что эти корветы принадлежат правительству, официально они считаются торговыми судами, которые занимаются доставкой зерна. Их экипажи подписали стандартное соглашение. Их вооружение считается только оборонительным,— добавил он с сарказмом.— Как и ваше.

— Корабль миссис Траффорд в данный момент свободен,— вступил в разговор генеральный агент.— Я хотел бы его зафрахтовать для груза зерна на Каракаллу. Наши корабли также направляются на эту планету.

— Я не эксперт в военном деле,— сказал посол,— но мне кажется, что, покинув эту планету, у вас появится много проблем. Ваши корабли, даже корветы, несут только легкое вооружение. По своей силе они значительно уступают крейсерам блокады.

— Мы надеемся,— ответил генеральный агент,— что "Вандерер" по своей мощи не уступает хорошо вооруженным военным кораблям галличеков.

— Но "Вандерер" — нейтральный корабль. Он не может открыть огонь по кораблям какой-либо из воюющих сторон даже в порядке самообороны.

— Но, мистер посол, ведь существовали же аналогичные прецеденты.

— Разве, мадам? Я что-то не слышал.

— Не в космической войне, а на море. На Земле. В середине двадцатого столетия,— ответила Айрин.

— Вторая мировая война?

— Да.

— И что же там было?— спросил посол заинтересованно.— Давайте, выкладывайте.

— На это я наткнулась, когда изучала историю. Маленькая сноска, довольно незначительная, но она меня просто очаровала и оставалась в моей памяти.

Гитлеровская война, как вы знаете, была первой войной, в которой тон задавала техника. В ней широко применялось электронное оборудование, а используемые реактивные снаряды являются предками первых космических кораблей. И наконец, было создано атомное оружие. К тому же это первая война, в которой были широко использованы воздушные силы.

Очень мало стран сумели сохранить нейтралитет, и среди них была Швеция. Шведы в то время владели гигантским морским флотом, и их суда со шведскими флагами на мачтах курсировали большими караванами, охраняемые кораблями Англии и Соединенных Штатов. Следуя национальным интересам, те часто открывали огонь по германским самолетам, которые атаковали их караваны. Но самим шведским кораблям отстреливаться было нечем. Бомбы сыпались на них, и морякам это не нравилось.

Наконец, появился умный человек, который решил эту проблему. Конечно, шведские корабли не могли нести вооружение, которое принадлежало бы их государству, Англии или США. Но...

Тогда, как и сейчас, вполне законно хозяева и офицеры имели оружие для личной безопасности. Пусть хоть слабое — неважно. И тогда шведские корабли вооружились станковыми пулеметами, и эти пулеметы, по закону, были личной собственностью капитана и его помощника. Они отвечали за них. Так или иначе, это было частной собственностью, и правительство было здесь ни при чем.

— Хм-м. Но нельзя же, миссис Траффорд, отнести к частной собственности лазерные излучатели и ракетные установки. У нас нет таких судовладельцев.

— Есть, мистер посол. Вы можете посмотреть мои бумаги, если захотите. Вы убедитесь, что все оборудование "Вандерера", включая и вооружение, является моей собственностью, моей частной собственностью. Я могу стрелять в кого угодно, и отвечать буду за это я, а не имперское правительство.

— В таком случае галличеки объявят вас вне закона и могут привлечь к ответственности за пиратство.

— Их заявления не будут иметь законной почвы.

— В военное время редко следует законам,— проговорил печально посол.— Я просто хочу сказать, что если бы войну выиграла гитлеровская коалиция, то там бы постарались объявить этих владельцев станковых пулеметов подлыми пиратами.

— Но эту войну галличекам не выиграть,— прокудахтал генеральный агент.

Посол посмотрел на него и с неприязнью произнес:

— Сэр, у них явное количественное превосходство.

— Но только количественное. Без этого...

— Я надеюсь, все будет в порядке,— проговорила Айрин.— Все, чего я хочу, так это найти законный путь использования вооружения для защиты "Вандерера" кокрельского конвоя.

— Вряд ли вы его найдете,— недовольно заметил посол.

— Но зато репутация правительства Империи останется чистой.

— Вы думаете, мадам? Впрочем, я согласен с вами.

— Ладно. Наконец, я хотела бы попросить вас никому не рассказывать о нашей встрече, чтобы никакие сведения не просочились к посланнице.

Генеральный агент возмущенно грохнул своими стальными шпорами по полированному полу и прошипел:

— Пусть только попробует...

— Сэр,— обиделся посол.— Я не давал вам повода для подобных подозрений. В этом деле я не более чем адвокат, наблюдатель, и сделаю все возможное, чтобы соблюсти секретность. Миссис Траффорд получит мой ответ перед самым вылетом с Антрима, и я попрошу вас, мистер президент, проследить, чтобы корабль не покинул пределы планеты до того, как будет готов ответ.

— Не важно, кто победит в этой войне,— произнес президент,— но законы всегда будут на стороне победителя.

— Он был с нами довольно искренен, сударыня,— сказал Метзентер, когда они вновь оказались на корабле.— Ему нравятся галличеки, и он не любит кокрелей, но он представитель Земли и должен блюсти наши интересы.

— Тебе надо будет присмотреть за погрузкой зерна,— сказала Айрин Траффорду.

— Ты — помощник,— проговорил он.— Грузы — твоя забота.

— Погрузка — да. Но только ты, мой дорогой, больше смыслишь по части фрахта.

— Мне кажется довольно странным...

— Сейчас некогда болтать о ерунде. Я намерена поговорить с нашим вторым помощником относительно применения так называемого оборонительного оружия...

15.

Шпионить довольно просто, когда шпион без риска быть обнаруженным может смешаться с людьми за которыми он шпионит. Но, очевидно, для галлической посланницы и штата ее посольства это путь был закрыт. Жучков, услаждавших птиц, обнаружить было достаточно просто, и для этого не требовалось большого количества инженеров-элект-

ронщиков. Эти жучки являлись членами одной из самых развитых разумных рас, и за довольно высокую цену могли продать, что угодно и кому угодно. Однако все эти платные агенты галличеков были хорошо известны секретной полиции президента, и их держали как можно дальше от источников важной информации.

Конечно, они использовали телепатию, и, по крайней мере, один телепат находился в галлическом посольстве.

Метзентер, работая рука об руку с некоторыми инженерами-биологами, создал мыслеволновый персональный радиоискатель, состоящий из живого участка кошечьего мозга. Тот находился в крошечной мензурке питательного раствора, который постоянно передавал, скорее на эмоциональном, а не на интеллектуальном уровне, сигнал стабильного голода. Это было изображение красного, кровоточащего мяса птицы. Траффорд, который очень любил кошек, положив крошечный цилиндрик в карман, был очень расстроен. Излучатель был не нужен в окрестностях космопорта и президентском дворце — два этих места и так кишели специально выведенными животными, которые использовались, как телепатические передатчики.

Теперь люди "Вандерера" стали частенько появляться в антримской военной форме, отличавшейся от имперской только пуговицами, значками и погонами. При погрузке весь груз был закамуфлирован под карабельные запасы и провиант.

Конвой набирался в условиях строгой секретности. Никто, за исключением капитанов и некоторых офицеров кораблей, не должен был знать об этой кампании и ее руководителях. В руководство входили Гьютзен, командир одного из корветов, и хозяин торговой эскадры, офицеры-артиллеристы, офицеры связи и инженеры.

Этот Гьютзен был даже более значительной фигурой, чем генеральный агент. Он не был таким рослым — для своей расы он казался даже маленьким, но, как личность, он обладал большим весом. За глаза его называли не иначе, как "боевой петух". Траффорд не раз, слыша это, думал: "Я рад, что он на нашей стороне".

Ему льстило, что эти крикливые пернатые обращаются к нему с такой учтивостью. Он почувствовал невероятное облегчение, когда командование конвоем было возложено на птиц, но больше всего его радовало, что Айрин пока воздерживалась от своих нескончаемых рассуждений о законном и незаконном, о том, что можно и чего нельзя.

Этой торговой службой он уже был сыт по горло.

— Для меня было бы большой честью,— просвистел ему Гьютзен,— поднять корабль по вашей команде, капитан. Прорывая блокаду, вы показали себя великолепным командиром...

— Это заслуга моего старшего офицера и старшего инженера,— смущенно произнес Траффорд.

— Пусть так. Но капитан важнее. Без него корабль — просто кусок мертвого металла. Мы благодарим вас. Мы еще несколько месяцев назад

решили испытать судьбу — поднять свои корабли. Но вот генеральный агент — это старая курица, представляющая кокрелей на этой планете, приказал нам ждать и ждать. Теперь же с вашей огневой мощью...

— Генеральный агент действует в интересах вашего же правительства,— вставила Айрин, которая не могла промолчать.— К тому же тогда отпускать корабли было бессмысленно.

— Но он же штатский, мадам.

— Так же, как и мы.

Начальник конвоя рассмеялся.

— Это вы-то штатские? С кораблем, который стал бы гордостью нашего флота? Но, с вашего разрешения, перейдем к делу. Осталось мало времени. По сути, мне и моим офицерам хотелось бы знать, что потребуется от нас.

— Буду краток,— сказал Траффорд.— Мы взлетим всей эскадрой. Вы, сэр, как капитан, поведете свой "Кветзол". Мы на "Вандерере" пойдем прямо за вами, прикрывая "Сессати", "Ситанги", "Серрамара" и "Сенару". Необходимо, чтобы до начала стрельбы не были видны опознавательные знаки нашего корабля. А потом невинный нейтральный корабль, подвергшийся вероломному нападению противника, откроет ответный огонь.

Гьютзен, по-кокрельски рассмеявшись, широко раскрыл свой клюв, и его черный змеиный язык рванулся вперед. Он прокудахтал:

— Вы, земляне, уж очень хитры. Куда нам до вашего коварства. Могу себе представить, какой гвалт поднимут эти выскочки, когда поймут, что вместо ящерицы поймали только ее хвост.

— Теперь вам осталось только отдать приказ о начале операции. Правильно?

— Правильно, капитан. Жаль, нам не хватает переводчиков. Только вы можете говорить по-английски, а у нас в команде вообще никто не владеет вашим языком. Надеюсь, кода, разработанного нами, будет более чем достаточно.

— Ладно. Мы хотели бы отрепетировать всю операцию на представленном нам антримской армией имитаторе военных действий.

— Отлично.

Наступила пауза, в течение которой Гьютзен пересказывал содержание их беседы своим офицерам.

— А потом, капитан, после наших победоносных действий мы продолжим путь вместе, да?

— Конечно. Я думаю, ваши инженеры внесут необходимые усовершенствования в двигатели так, чтобы их управление можно было настроить на наш синхронизатор. Тогда мы сможем лететь вместе.

— Безусловно. Мы должны оставаться вместе. У этих кур гораздо больше кораблей, чем мы думаем, их эскадры кружат по всему сектору. На нас могут напасть где-нибудь в другом месте. Но, я надеюсь, что этого не произойдет,— сказал он весело.

— Мы должны быть ко всему готовы,— оборвала его Айрин.— Наш корабль, как, впрочем, и ваши, капитан,— грузовое судно. И наша задача — доставить зерно из пункта А в пункт Б с наименьшими потерями. Если нас атакуют мы будем обороняться по мере наших сил, но, если будет возможно, мы постараемся уклониться от боя. Вы меня поняли, капитан?

Гьютзен сверкнул на нее глазами, а потом спросил Траффорда:

— Не слишком ли много вы позволяете своим подчиненным, капитан?

— Здесь все гораздо сложнее, чем вам кажется. С одной стороны, я ее начальник, а с другой — она мой хозяин.

— У нас все гораздо проще. В мире кокрелей куры только слуги.

— А на галлическких мирах данная роль отведена петухам,— сказала Айрин.

— Это мы и хотим изменить.

— Я не совсем уверена,— сказала Айрин Траффорду, что в этой грязной склоке буду защищать правых, а не виноватых.

— Это дело вкуса, моя дорогая. Пока вы твердили о законности, я подписал договор, и обратной дороги нет.

— А я полагаю, есть,— она встала перед птицей, и их глаза встретились. Они жгли друг друга испепеляющими взглядами. Просто удивительно, подумал Траффорд, что это не случилось раньше.

Он встал, втиснув свое тело между женой и шипящей птицей.

— Капитан Гьютзен!— сказал он.— Миссис Траффорд! Довольно! Нравится вам, сэр, или нет, пусть я не имею права приказывать, но я хочу, чтобы вы уяснили одно. Я командую самым вооруженным кораблем в конвое и, значит, отдавать приказы буду я. И я хочу, чтобы вы это тоже поняли, миссис Траффорд. Может быть, вы и хозяйка судна, но находитесь в моем подчинении, и когда мы взлетим, вам придется подчиняться моим приказам.

Наступило напряженное молчание, а потом у Гьютзена вырвался короткий щелкающий смешок.

— Ладно, капитан. Скажите ей, чтобы она шла на свой насест нести яйца.

— Ай, как бы я хотела сделать из вас цыпленка табака!

— Прекратите!— взорвался Траффорд.

— Мы вообще не взлетим,— опять начала Айрин.— Как хозяин, я могу приказать вам. Здесь, сейчас.

— Вы хотите получить иск за незаконное увольнение?— сказал Траффорд холодно.

Она опустилась в свое кресло и улыбнулась.

— Вы тоже неплохо знаете эти чертовы космические законы!

— А теперь, капитан,— сказал Гьютзен,— продолжим нашу беседу.

16.

Наконец, был назначен день и час отлета. Были предусмотрены порядок конвоя, его действия, стратегия и тактика при возможных действиях противника. В этом не возникло никаких трудностей, зато проблема межрасовых и внутрирасовых отношений были. Некоторые кокрельские капитаны отказывались выполнять приказы чужаков, млекопитающих чужаков. А Айрин не нравилась роль второго командира.

День старта был светлым и безоблачным. Траффорд из иллюминатора рубки управления окинул взором чистое небо, бледно-голубой свод, над которым несли неустанную службу галличеки на военных кораблях. Ему казалось, что бесчисленные бусинки глаз смотрят вниз, на зеленый мир Антрима, что нетерпеливые птички ждут — не дождутся, когда жирные червячки вылезут из своих норок.

"Но у наших червяков,— подумал Траффорд,— есть когти и зубы". Это его немного успокоило.

Его мысли вернулись к более конкретным делам. Он заметил, что на корпус "Вандерера" мастера уже нанесли слой краски, маскирующей его опознавательный знак Земли. На дальнем конце поля он увидел шесть кокрельских кораблей. На остром носу одного из них, корвета "Кветзол", мигнул яркий красный свет. Трансивер молчал, иногда динамики доносили лишь легкий треск и шорох интерференции. Портовые службы согласились махнуть рукой на обычные процедуры и, насколько было возможно, воспользовались только визуальными сигналами.

То на одном, то на другом корабле мелькал красный огонь готовности. По знаку Траффорда Сюзанна включила огонь на носу "Вандерера". Отразившись от стекла и полированного металла приборов управления, яркая красная вспышка на мгновение осветила странным причудливым светом напряженные лица людей.

Айрин сказала:

— Скоро шарики пойдут вверх.

Траффорд фыркнул. Все его внимание было сосредоточено на прожекторе флагманского судна. Внезапно он исчез, и, как по команде, секундой позже включились огни остальных кораблей. Почти незаметно поднялся "Кветзол" и на некоторое время завис в нескольких дюймах над поверхностью. Под его дюзами реактивных двигателей вокруг широких лопастей посадочных опор закрутились клубы пыли. Вдруг он начал подниматься, все быстрее и быстрее, и в тот же миг, словно по команде, одновременно ушли вверх четыре корабля: "Сессати", "Сиганги", "Серрамор" и "Сенара".

На фоне неба "Кветзол" казался не больше черного пятнышка, когда Траффорд, взглянул на часы и получив от Сюзанны информацию с радара "Вандерера", привел свой инерциальный двигатель в действие. Почти мгно-

венно он поднялся над строением космодрома, а потом, увеличив скорость, догнал конвой и занял свое место в строю. В это время Траффорд получил рапорт с "Кветзанга", что тот покинул планету и следует сзади.

Бронированные экраны закрыли иллюминаторы. Караван еще не покинул атмосферы и находился в территориальном космосе, но не следовало обольщаться, что галличеки будут придерживаться законов. Таллентайр был начеку за своим пультом управления и следил в оба, как, впрочем, и кокрельские артиллеристы у своих орудий.

— Сюзанна, магнитофон готов?— нарушив тишину, спросила Айрин.

— Да, сударыня.

— Отлично. Теперь, перед тем, как начнется пальба, я хочу сделать запись. Включи.

Раздался слабый щелчок.

— Я, Айрин Траффорд, девичье имя Айрин Смит, являюсь законным хозяином грузового корабля "Вандерер". Все оборонительное вооружение считается моей собственностью. Я временно даю разрешение моим служащим — капитану и его офицерам — в случае незаконного нападения использовать данное вооружение для обеспечения безопасности как корабля, так и его экипажа. Все.

— Премного вам благодарен,— фыркнул Траффорд, сосредоточив все свое внимание на управление. Затем для большей ясности он произнес:— Я, Бенджамин Траффорд, капитан грузового корабля "Вандерер", подтверждаю, что инструкции, данные мне хозяином вышеуказанного корабля, получил. Все.

— Выключи,— приказала Айрин.

Таллентайр пробормотал, что, дескать, ему сначала надо бы увидеться в адвокатом, прежде чем жать на эти кнопки. Но Сюзанна резко оборвала его, попросив заткнуться.

Даже с закрытыми броней иллюминаторами Траффорд мог видеть всю картину окружающего его пространства. На экранах были отчетливо видны все шесть кокрельских кораблей, а сзади светился гигантский шар Антрима. Он медленно, но непрестанно уменьшался, и уже можно было различить изгиб горизонта. Теперь на экране радара, словно маленькие искорки света, появились первые галличекские крейсеры, корабли орбитальной блокады, которые стремились перехватить и уничтожить их караван. На экранах "Вандерера" их флотилия казалась просто группой из шести точек, шести кокрельских кораблей.

Караван медленно поднимался. Любое отклонение в движении до включения межзвездного ускорителя могло привести к катастрофе. Максимальная скорость должна была обеспечить сохранение постоянного положения кораблей. Медленно караван достиг разреженных слоев атмосферы. Теперь он казался роем летящих металлических стрел, пущенных метким стрелком в мишень, огромный круг, ограниченный двадцатью военными кораблями.

— Они ждут нас,— прошептал Метзентер.

— Совсем не обязательно,— оборвала его Айрин, а потом спросила мягко:— *Ты подразумеваешь нас самих или конвой?*

— Конвой в целом,— ответил телепат.— Я вижу толпу бешеных кур, заклевывающих петухов до смерти. Я думаю, они и не подозревают о нас.

— Отлично.

— Красный, зеленый, красный, сообщает капитан,— доложила Сюзанна.— Это значит: "Все оружие приведено в боевую готовность".

— Благодарю,— проговорил Траффорд.

Корабли вышли из атмосферы. До включения двигателя Маншенна осталось совсем немного времени. Галличеки были совсем рядом, лазеры их еще не действовали, но ракеты наверняка лежали, готовые, на стартовых столах, а может, были уже запущены.

— Красный, красный, красный,— доложила Сюзанна.— "Отражаю ракетную атаку".

— *Вспомните ваши обязанности, Таллентайр,— сказала Айрин.*

— Я отлично помню их, сударыня. Надеюсь, наши кокрельские друзья помнят их так же хорошо.

— Они вспомнят.

На фоне черного неба ярко расцвели пышные цветы, быстро исчезающие хризантемы голубого пламени. Их породили или кинжальные удары лазерных лучей, или нашедшие свою жертву противоракетные снаряды кокрелей. Наступил критический момент, хотя бы один из этих снарядов должен был прорваться сквозь заграждения торговцев, просто обязан был угрожать "Вандереру". Тогда и только тогда корабль мог бы ввести в действие свое оружие.

— Дайте голубой, белый, голубой,— приказал Траффорд.

Вспыхнул сигнал. В тот же момент хвост "Кветзола" и четырех грузовых судов осветились вспышками ракетных двигателей. Пять кокрельских кораблей рванулись вперед, оставив "Вандерер" без прикрытия.

— Давай,— вырвалось у Айрин.

— Даю,— эхом отозвался счастливый Таллентайр. Его руки повисли над кнопками, глаза сконцентрировались на радарном экране. Указательный палец осторожно опустился три раза, и тут же на экранах возникли три яркие вспышки. Они были так близко, что на мгновение заслонили от наблюдателя весь конвой.

Сюзанна крикнула в микрофон:

— "Вандерер" вызывает аэрокосмический контроль Антрима. Нас *атаковали без предупреждения. Мы вынуждены защищаться.*

— Мистер Таллентайр,— приказал Айрин,— открывайте огонь.

Таллентайр выпустил первый залп реактивных снарядов, дистанционно управляемых ракет, которые хоть и не имели самонаводящих механизмов, но управляемые таким гением артиллерийского дела, как Таллентайр, шли точно в цель и были почти неуловимы для противника. Пока внимание офицера было полностью поглощено ракетами, корабль

обязан был сам позаботиться о своей безопасности. Автоматически сработали противоракетные лазеры, в ход пошли противоракетные ракеты. От обороны они перешли к наступлению, но избежать этого было невозможно.

Реактивные снаряды устремились к галлическому флагману. На подходе к противнику снаряды раскрылись и выпустили целую кучу маленьких, не больше дротика, ракет, которые заполнили все окружающее пространство облаком металлических стрел. Те должны были уничтожить любые вражеские противоракеты. Таллентайр удовлетворенно хмыкнул, увидев на экране их вспышки, а потом выпустил облако отражающего противолазерного газа. В следующий миг ракеты разлетелись в разные стороны и образовали линию, в центре которой была все та же цель, а крайние ракеты устремились к другим кораблям противника.

Кокрели сражались на совесть, но у них не было огневой мощи "Вандерера", а без этого им едва хватило сил, чтобы отбивать яростные залпы галлическов. По правилам, подобные сражения должны происходить следующим образом: сначала надо было вывести из строя корабль противника с помощью дальнодействующих ракет, а уж потом, сблизившись, добивать его лазерами. Но это хорошо, когда есть превосходство в силе.

Даже сейчас галлическ превосходили их количественно. К тому же, за исключением "Вандерера", ни один из кораблей каравана не имел на борту ракет. "Кветзол" и "Кветзанг" были легко вооруженными корветами, а грузовики вообще были годны только для перевозки грузов. Пальба поутихла. Экономя боеприпасы, оба противника стреляли только короткими очередями. Лишь "Вандерер" был еще в состоянии защищаться и в то же время не прекращать атаку на блокадные корабли.

Теперь караван шел через внутренний Пояс Ван Аллена, но включить межзвездный привод было пока невозможно. Впереди, наперерез им, быстро приближаясь, летели три корабля галлическов. "Кветзол" привел в действие все свое вооружение, но это была только самооборона. Он еще мог постоять за себя, но на большее не был способен.

Траффорд оценил ситуацию.

— Синий, белый, синий!— крикнул он.— Надеюсь, они увидят.

Потянулись минуты ожидания. Наконец, на командном корабле повторили сигнал. Траффорд отдал приказ и сразу же включил ракетные двигатели. Внезапное ускорение отбросило людей назад, впечатало в спинки кресел. "Кветзол" становился все больше и больше, пока не занял весь экран. А потом он внезапно резко ушел в сторону, это капитан использовал мощь боковых двигателей. "Вандерер" рванулся вперед и, казалось, прошел всего в каких-нибудь двух дюймах от "Кветзола". Носовые лазерные излучатели "Вандерера" были в действии, а впереди летели его реактивные снаряды. Дьявольской бело-голубой вспышкой взорвалась рядом перехваченная на лету галлическая ракета. Грохот пальбы стал просто оглушающим.

На переднем плане, быстро увеличиваясь в размерах, возникли галлические корабли.

Для световых сигналов не было времени. Айрин без приказа Траффорда рванулась к трансиверу.

— "Вандерер" вызывает "Кветзол". Вы меня слышите?

— Отлично слышу,— ответил Гьютзен кудахтающим голосом.

— Прикройте наши фланги, "Кветзол". Сейчас мы им дадим прикурить.

— Вперед, "Вандерер", мы с вами!

Корабль тряхнуло от близкого взрыва, достаточно близкого, чтобы взрывная волна сделала его траекторию неустойчивой. Траффорд не стал исправлять курс, поскольку это не могло повлиять на исход сражения. Краем уха он услышал, как чей-то далекий голос произнес:

— Это "Ситанга"... Нет, он все еще держится...— И вдруг:— Они потеряли управление. Идут прямо на нас!

— Боковое ускорение,— испуганно вскрикнула Айрин,— максимальное боковое ускорение.

На обзорном экране Траффорд видел гибнущий грузовик, объятый пламенем. Он мчался мимо "Кветзола". Чтобы избежать столкновения, "Вандереру" надо было пропустить "Ситангу", так как сейчас он стоял как раз на его пути. Генераторы инерциального двигателя заработали на полную мощь, сообщая кораблю максимальное боковое ускорение. "Вандерер" покачнулся, его переборки заскрипели, крякнули, но выдержали. И тут, почти вплотную, мимо них прошел "Ситанга", заполнив собой весь бортовой экран. Он прошел мимо, опалив жаром огня своих реактивных двигателей рубку управления. Его экстренные двигатели были включены и неуправляемы, они выбрасывали тонны горючего, способного обеспечить не одну дюжину боевых маневров или посадок.

"По-видимому,— подумал Траффорд,— его резулятор инерциального двигателя разрушен и теперь пошел вразнос генератор. Ждать осталось недолго". Но ему был нужен Метзентер, он хотел спросить, есть ли шанс, что на "Ситанге" *кто-нибудь остался в живых*.

Без приказа Таллентайр прикрыл огнем подбитый корабль, посылая вперед и вокруг него свои реактивные снаряды. Но было уже поздно. Три галлических корабля окружили его и ждали удобного момента для стыковки с "Ситангой". Совершенно неожиданно грузовой корабль взорвался — вся сила его реакторов, каждый снаряд в его магазинах превратили корабль в гигантскую сверхразрушительную бомбу. Вспышка буквально ослепила наблюдателей. Несколькими секундами позже "Вандерер" промчался через пространство, где уже не существовало ничего, кроме искореженных обломков и нескольких облаченных в космические скафандры галлическов. Они походили на гротескных крылатых динозавров, лопающихся и взрывающихся под лучами мощных лазерных пушек "Кветзола".

К горлу Траффорда подступила тошнота, но он, сосредоточив внимание на приборах, переборол себя и просигналил Бронхейму:

— Включайте двигатель Маншенна.

Теперь это было уже возможно.

— Дайте синий, красный, синий,— тихо сказал он Сюзанне.

— Они поняли,— сказала она после секундной заминки.

— Отлично. Выполняйте.

И в тот же миг на обзорном экране привычные звезды превратились в неправильные спирали пульсирующего света. Пронзительно взвизгнул двигатель, и корабль, как, впрочем, и другие корабли каравана, начал свое бесконечное падение в пространственно-временном континууме.

17.

Само собой разумеется, галличеки начали преследование. По пятам конвоя мчались двенадцать вражеских кораблей. Они не могли добиться синхронизации и были почти невидимы, за исключением зловещих клякс света на экране масс-индикатора. Но слышно их было прекрасно. Казалось, все диапазоны Карлотти были забиты их щелканьем и кудахтаньем. Иногда переводчик разражался в адрес землян яростными угрозами, и Траффорд, найдя частоту, удобную для связи, спросил Гьютзена, о чем идет речь. Капитан весело ответил:

— Они говорят, что перебьют нас, как мух,— сказал он и с горечью добавил:— Их сейчас вдвое больше, чем нас. Разрешите синхронизироваться и ударить.

— Нет,— Траффорд был тверд.— Это караван торговцев, а не военная эскадра. Мы уже потеряли один корабль...

— Но он унес с собой три галличекских крейсера.

"Это ничего не меняет,— подумал Траффорд.— У противника явное преимущество. При прорыве израсходовано слишком много боеприпасов, и их негде пополнить. Из шести кораблей только на "Вандерере" осталось достаточное количество снарядов. Почти половина лазерных излучателей, установленных на торговых кораблях, оказались непригодными, по чьей-то глупости большая часть запасных частей хранилась на борту "Ситанги"... А "Ситанга" стала теперь всего лишь облаком радиоактивной пыли на орбите Антрима.

Рано или поздно караван все равно придется вернуться в свое измерение. В пылу боя не было времени нацелиться на солнце Каракаллы. Они уже прошли несколько световых лет. Остановить же межзвездный ускоритель для корректирования траектории было невозможно — это был бы славный подарочек друзьям-галличекам, да еще на блюдечке с золотой каемочкой.

Они погрузились в темноту, все больше и больше удаляясь от своей цели. Они неслись в бесконечность, словно гипотетические существа, живущие внутри артиллерийского снаряда.

Нельзя было недооценивать галличеков. Они могли себе позволить ждать, сколько угодно, им было гораздо проще. По-видимому, один из кораблей-преследователей нес запасные части, ракеты и снаряды для остальных.

Что-то должно было случиться, и случиться скоро. Все-таки караван направлялся к Каракалле, а не к туманности Андромеды.

Траффорд, уединившись с Айрин в каюте, рассуждал о делах:

— Черт побери,— воскликнул он.— Я хочу найти выход из этого положения. Я чувствую себя гораздо хуже, чем когда был пленником Реда Джеддака. Тогда я сидел в душной горячей комнате и слушал, как снаружи на снегу воют волки...

— Волки?— выпалила она.

— Да, волки. Животные с густым мехом и на четырех ногах, сейчас встречаются только в заповедниках. Они охотятся стаями... Но эти злые старые куры совсем не волчья стая...

— А ты представь, что они волки, Бенджамин, и постарайся вспомнить истории, которые ты читал о волках в детстве. Вспомни путешественников на санях, спасающихся от волчьей стаи. Что они делали?

— В старых романах, когда деваться было некуда, с саней скидывали одного из путешественников, в надежде выиграть немного времени, пока стая разрывала его на куски... Но мы не можем этого сделать.

— Не можем? Это Гьютзен, который все время глупо рвется в бой, будет только рад случаю пойти на дно, стреляя из всех пушек, которые мы ему оставим.

— Нет,— твердо сказал Траффорд.

— И все же подумай об этом. Это неплохая идея.

— Наверное. Но...— По привычке он скомкал и сжег свои заметки, которые делал для памяти.— Хм, я поговорю об этом с капитаном, без всякого кодирования и декодирования. Хотя в данных обстоятельствах вряд ли можно использовать обыкновенную телефонную связь. Они боятся перехвата.

— Да, согласилась она.— К тому же на их кораблях должны быть телепаты.

— Теперь можно подойти к другому кораблю, если у обоих работают двигатели Маншенна. Но нам нужен физический контакт — тонкий кабель с магнитным замком — обязательно должна быть синхронизация...

— Сейчас она у нас есть.

— В том-то и дело, что нет. Не так давно у нас нарушилась равномерность процессии. Время запаздывания у наших приборов бесконечно мало, но оно тем не менее есть. Оно лежит в пределах регулирования,

но контакт сейчас все равно опасен. Может получиться случайная процессия. Правила запрещают это.

— Ты, Бенджамин, слишком большое значение придаешь правилам. В торговом флоте...

— Да, да. Я уже не раз слышал об этом. Так всегда делали на Лог Стар Лайн, где ты когда-то побывала. Но, моя дорогая, в армии мы получили куда больше опыта, чем во всех твоих бурных, жестоких и опасных звездных скитаниях.

— Ладно. Так что ты предлагаешь?

— Вот что. Караван синхронизируется всего на несколько минут. Галличеков мы застанем врасплох, и времени должно хватить, чтобы Гьютзен и его помощники перегрузили на борт "Вандерера" все оружие, наступательное и оборонительное. Мы соберем капитанов и офицеров и обсудим, кого отдать на съедение волкам...

Все прошло без осложнений.

На экранах появились кокрельские корабли. "Кветзол" вынырнул в полумиле позади "Вандерера". С земного корабля связкой ракет с электромагнитом протянули светящийся кабель. Таллентайр подвел ракету к самому шлюзу корвета. Дверь открылась, и из нее вылетели три гротескные фигуры, хлопающие в пустоте крыльями и привязанные к кораблю тонкими тросами. Они быстро преодолели разделявшее корабли расстояние. Как только они оказались в люке "Вандерера", кабель отвязали. Похоже, галличеки ничего не заподозрили. И Метзентер резюмировал:

— Они способны только болтать, а не слушать. Тем более телепатически.

Гости в шлюзе сняли свои скафандры, и Сюзанна проводила их в кают-компанию. Там им предложили напитки и закуски. Хотя они не являлись млекопитающими, но, как теплокровные и дышащие кислородом, унаследовали многие человеческие пороки.

— Мы высоко ценим ваше гостеприимство, капитан,— сказал Гьютзен,— я надеюсь, вы нас вызвали по важному делу? Только чрезвычайные обстоятельства вынуждают капитана покинуть свою команду во время военных действий.

— Все это так, капитан.— Нам срочно надо было побеседовать,— сказал Траффорд.— Вы прекрасно знаете, что сейчас мы летим в никуда. Нам необходимо вернуться в нормальное измерение и исправить траекторию. Но как это сделать?

— Как я и говорил. Все оружие в полную готовность — и в бой!

— На это у нас не хватит сил. Мы не можем принять бой, но у нас появилась идея.

— Что вы имеете в виду, капитан?

— Для начала, капитан, ответьте, каким своим кораблем вы можете пожертвовать?

— Ни одним,— ответил капитан, но потом гордо добавил:— или всеми.

— Постарайтесь реально взглянуть на вещи, Гьютзен. Здесь у вас два корвета, которые не в состоянии обеспечить безопасность торговых судов. Следовательно, их участь уже предопределена.

— Скоро имена "Кветзол" и "Кветзанг" запишут золотыми буквами в историю кокрельской армии. Мы с честью выполнили доверенную нам задачу — защиту каравана.

— Я не прошу, чтобы вы приносили себя в жертву. Мы уже и так потеряли множество людей. Но я прошу пожертвовать одним кораблем и несколькими тоннами груза.— Он указал на лежащие на столе воззвания.— Я знаю, вашим судам все равно, что возить: зерно или эти пластиковые бумажки.

— Вы говорите загадками, капитан.

— Извините. Прежде чем пойти дальше, ответьте, возможно ли разместить экипаж "Кветзанга" на других кораблях?

— Возможно. Будет немного тесновато и негде будет расправить наши крылья. Но это возможно.

— Значит, так. Нам на этот раз повезло, мы смогли благополучно перевести вас на борт при синхронизации. Возможно, в следующий раз все произойдет не так гладко. У вас есть какие-нибудь предложения, как отвлечь внимание галличеков, и в особенности их телепатов.

— Есть. Песня, песня, которую мы будем передавать на всех Карлотти-частотах. Это наш национальный гимн. Он никогда не приводил в восторг этих старых кур.

— Меня тоже,— сказала Айрин.

— Ну, конечно. Вы ведь тоже курица.

— Опять за старое,— резко оборвал его Траффорд.— Давайте лучше перейдем к сути нашего разговора.

18.

Гьютзену с офицерами надо было вернуться на свой корабль, и на этот раз, несмотря на пророчества Траффорда, не возникло никаких проблем. Между двумя кораблями снова установили контакт.

— К черту все эти правила и инструкции,— выругалась Айрин.— Я отменяю эту чушь. В конце концов, мы космонавты с большим опытом и можем позволить себе рисковать. Тем более, что это оправдано. Мы можем застигнуть галличеков врасплох, но нет гарантии, что нам повезет во второй, третий и четвертый раз, когда будем переправлять людей и оборудование. А пока я вижу, физическая связь дает нам прекрасную синхронизацию...

— Она права,— согласился Гьютзен.

— Нет,— огрызнулся Траффорд.

Тем не менее он согласился поставить эксперимент. Вместе со всеми он вошел в рубку "Вандерера" и стал смотреть на тускло мерцающее веретено "Кветзола". Таллентайр, улыбнувшись, нажал на спуск.

— Это работа как раз для артиллериста, а не для навигатора.

На фоне черноты яркой искрой мелькнула контактная ракета. Она достигла "Кветзола" и прошла сквозь него, будто того не существовало и в помине. Таллентайр пробормотал что-то себе под нос и включил лебедку. Он держал маленький снаряд почти на уровне борта "Кветзола", постоянно меняя напряжение электромагнитного поля. Потом вдруг совершенно неожиданно произошел контакт. Контуры кокрельского корабля мгновенно стали резкими и четкими.

— Удовлетворены?— спросила холодно Айрин.

— Да... Но этого не должно быть.

— Подобное можно сделать с любым кораблем нашего каравана.

— А что мы будем делать, если попадем прямо в лапы наших преследователей? Может быть, ты согласишься, что в правилах какой-то смысл все же есть?

— Пусть так. Но шансы галличеков осуществить подобную синхронизацию чрезвычайно малы.

Потом Гьютзен со своими помощниками вернулся на свой корабль и занялся техническими проблемами предстоящей акции. Но ни инженерная, ни навигационные проблемы не были столь хлопотны, как психологическая. Помощник капитана, Христа, командующий "Кветзангом", был настроен еще более воинственно, чем его начальник. Он был здорово потрясен, когда узнал, что торговец, капитан "Ситанги", погибая, унес с собой трех противников, в то время как он, капитан военного корабля кокрельской армии, постыдно бежал с поля боя. Христа не противился, узнав, что "Кветзанг" принесут в жертву ради общего блага, он только хотел, как хотел весь его экипаж, стать частью этой жертвы.

В каюте помощника капитана произошло довольно крупное объяснение. Траффорд и сопровождавший его Метзентер предпочли побыстрее ретироваться, когда увидели схлестнувшихся Гьютзена и Христу. Они стояли друг против друга, широко распахнув крылья. Глаза у них сверкали от ярости, перья вздыбились, стальные шпоры клацали по металлическому полу. Их шипение и кудахтанье было понятно и без перевода. Стало очевидно, что за словесной перепалкой скоро последует настоящая потасовка. Затем Гьютзен повернулся к землянам.

— Он хочет умереть,— прошипел он.— Желает отдать жизнь за Федерацию. Капитан "Ситанги" был его братом, но его уволили из армии из-за отсутствия боевого духа. И вот теперь...

— Скажите ему,— попросил Траффорд,— что у землян есть старая хорошая пословица: "Тот, кто струсил сегодня, должен жить до завтрашнего боя".

— Я слышу это впервые,— сказал капитан.— Мне это выражение нравится.

Было приведено еще множество других аргументов, и наконец, инцидент был улажен. Теперь вперед выступили Траффорд с Бронхеймом. Перед ними стояла трудная задача — перевести на полное автоматическое управление все механизмы корабля, оружие и приборы, связывающие его с "Вандерером". С ним работали и техники "Квецзанга" — обиженные, сердитые. Было очевидно, что они разделяют точку зрения своего капитана и стремятся кровью искупить свой позор.

Пока шла работа, все Карлотти-диапазоны буквально заполнили бесконечным прокручиванием невыносимого для человеческих ушей национального кокрельского гимна. Этот вой, надеялся Траффорд, помешает галлическим телепатам уловить малейший намек на готовящееся.

В это время люди и кокрели работали рука об руку. Но не все шло гладко. "Сенара" потерял своего первого помощника и двух матросов — они проигнорировали приказ, не вышли из перехода, и их выбросило из континуума. Наблюдатели сообщили, что одетые в скафандры они были вдруг подхвачены сверхъестественной силой и вспыхнули, словно маленькие факелы. На "Серрамаре" погиб инженер, который как-то умудрился проколоть свой скафандр ножницами, которыми работал. На "Квецзанге" имел место даже небольшой мятеж, один артиллерийский офицер отказался повиноваться, тогда помощник капитана применил шпоры.

Одно было плохо — весь план строился на внезапности, а Гьютзен подозревал, что один из военных кодов кокрелей был расшифрован галличеками. Конечно, это было только подозрение, но не лишен основания. Если это было правдой, то весь план летел насмарку. Если же нет, оставался шанс прорваться.

Наконец, все было готово. Экипаж "Квецзанга" переправили на остальные корабли каравана. Все соединительные кабели были смотаны, так что не могло быть и речи ни о какой полной синхронизации.

Айрин заметила, как Траффорд поднял бровь. Он кивнул, а потом бросил Сюзанне:

— Начали!

Она коснулся переключателя. Сверкнул световой сигнал, повторенный потом на "Квецзоле". Резко, на полуслове, оборвалась хриплая, набившая оскомину запись. Вместо нее из динамика Карлотти послышалось что-то вроде земной морзянки, но звучала она странно и непривычно. Траффорд знал, что она означает. Ведь именно он составил этот текст.

"Квецзанг" вызывает капитана. Прошу разрешения отстать от вас, чтобы исследовать расположенную в окрестности группу кораблей. Мне кажется, что это восьмая экспериментальная эскадра. Пытаюсь наладить связь".

Наступила пауза. Потом послышался еще один сигнал, по-видимому, с другого передатчика.

Но Траффорд знал, что этот тот же корабль.

"Капитан — "Кветзангу". Возвращайтесь и установите контакт. Прикажите командиру восьмой экспериментальной эскадры оставаться около нас, пока мы будем контролировать траекторию".

Далее с каким-то странным раздражением:

"Кветзанг" — капитану. Я сделаю все возможное. Но установить контакт с экспериментальным кораблем довольно трудно".

"Капитан — "Кветзангу". Повторяю, установите контакт".

Руки Айрин забегали по пульту управления "Кветзангом", а на кораблях торговцев капитаны нажали кнопки, приводящие в действие простейшие механизмы внутри огромных пластиковых баллонов, похожих на настоящие космические корабли, только несколько странной конструкции. Подобно гигантским мерцающим теням, они отделились от кораблей каравана и исчезли, выпав из полей темпоральной процессии двигателей Маншенна. Но за ними все равно можно было наблюдать на экранах масс-индикаторов, только там они казались слабыми, маленькими искорками.

"Кветзанг" отключил двигатель Маншенна, на полную мощь заработал его инерциальный двигатель, и корвет стал быстро удаляться, окруженный фальшивыми кораблями.

— Они попались на удочку,— пробормотал Траффорд, взглянув на экран масс-индикатора.— Попались, голубчики. Целый десяток. Быстро сообразили, мерзавцы, что мифическая экспериментальная эскадра с новыми сверхмощными двигателями — более лакомый кусочек, чем караван, везущий зерно...

— Мистер Таллентайр, не могли бы вы пощипать их из кормовых батарей "Кветзанга"?

— Это можно, сэр,— пальцы Таллентайра забегали по кнопками.— Самонаводящие снаряды зададут им работы. Пусть попрыгают, голубчики.

Экран масс-индикатора давал слишком мало. На нем были искры света кораблей, слабые пятнышки приманки, почти невидимое свечение летящих снарядов. Нельзя было требовать от Таллентайра слишком многого. Он переключил управление вооружением "Кветзанга" на автоконтроль. Корабль должен был вести бессмысленный огонь, пока не иссякнут в патронниках снаряды или не порвется цепь обратной связи. Траффорд тоже переключился на автопилот корвета, механизмы которого модернизировать так, что он теперь мог заставить беспилотный корабль совершать сложные маневры, применяя как инерциальный двигатель, так и реактор Маншенна.

Что касается приманок, то они продолжали играть свою роль. Конечно, направленный удар лазерного излучателя или ракеты разрушил бы их, но при этом их осколки не оставили бы следов на экранах радаров или масс-индикаторов. И Траффорд надеялся, что это здорово озадачит галличеков. Что ни говори, а корабль, исчезающий без следа, должен

иметь в своем оборудовании что-то исключительно новое. Может быть, восьмая экспериментальная эскадра не годилась для боя, но по заметанию следов она была вне конкуренции.

Теперь можно было оставить приманку и "Кветзанг" без внимания, на произвол судьбы, но Траффорд решил присмотреть за своими питомцами.

— Мистер Метзентер,— спросил он,— сработало?

— И здорово, капитан. Голодные несушки совсем ополоумели.

— Прекрасно. Займитесь траекторией. И приготовиться всем кораблям к бою.

Сюзанна включила световой сигнал.

19.

Выполняя приказ, корабли нырнули назад, в свое измерение. На экранах слабые туманности, неправильные пульсирующие спирали сменились материальными яркими звездами. Позади, очень далеко позади, возникло какое-то неустойчивое удивительное свечение. Это сражался обреченный, брошенный людьми "Кветзанг". Пока его спасало только то, что он руководствовался совершенно непредсказуемыми командами. И теперь галлические техники зверели над своими приборами, стараясь понять чудесное исчезновение восьмой экспериментальной эскадры. Еще немного времени, и маршал поймет, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, и повернет крейсеры назад, к покинутому каравану.

С коррекцией пока можно было не спешить, время терпело.

Взвизгнули гироскопы, и корабли медленно повернулись, выискивая единственную желтую искорку среди мириад других таких же искр, которая была солнцем Каракаллы. Навигаторы, забыв об опасности, сосредоточили все внимание на светящихся экранах, диаграммах, графиках, на мерцающих нитях экстраполированных траекторий. Связисты до боли в ушах вслушивались в щелканье и кудахтанье, доносившееся из динамиков. Артиллеристы и наблюдатели внимательно следили за двумя оставшимися крейсерами, возвратившимися в искаженное пространство-время, и ожидали момента, когда основные силы вражеского флота бросят свои безуспешные попытки найти следы исчезнувших кораблей.

Айрин, словно искусный навигатор, взялась за управление "Вандерером", пока Траффорд не напомнил о ее обязанностях. Таллентайр склонился над пультом, дожидаясь только удобного момента, чтобы пустить в ход свое оружие. Сюзанна занималась связью и радаром, в то

время как Метзентер, с сонным, странно безмятежным лицом, пробовал свои силы на мозгах галличеков.

Он пробормотал:

— Резерв... Резерв. Я думаю, что маршал приказал двум крейсерам заняться нами, не думая о цене, пока не подойдут основные силы...

Только он проговорил это, как появились два корабля. Они выскочили очень близко в радиусе действия лазерных излучателей и, не дожидаясь появления отраженного газа, сразу открыли огонь. Но они очень спешили, поэтому смогли только обкорнать своими лазерами хвостовые рули одного из торговцев. А потом с обоих сторон в бой вступили ракеты и управляемые снаряды. Все пространство, где медленно кружили сражающиеся корабли, заполнилось раскаленными газами, через которые проносились смертоносные ракеты.

Ракеты сталкивались с антиракетами, и грозная сталь самонаводящих снарядов Таллентайра часто находила свою жертву. Галличеков было мало, но они всегда могли получить подкрепление. У кокрелей, как знал Траффорд, запасы снарядов были далеко не беспредельны, к тому же часть боеприпасов они переправили на "Кветзанг". Да еще Таллентайр безрассудно тратил ракеты, словно сам был глупой курицей.

Только Айрин работала спокойно и методично, без паники и суеты.

Даже когда корабль сотрясался от близких разрывов вражеских снарядов, она продолжала спокойным голосом говорить:

— Один градус три минуты сорок пять секунд... Три градуса семь минут семнадцать секунд...

— Проверь,— произнес Траффорд, управляя гироскопами. Он решил, пока идут необходимые приготовления, приказать Таллентайру уменьшить огонь. Надо было беречь боеприпасы, и в то же время ему очень не хотелось в это вмешиваться. Он отлично знал, что это единственный путь борьбы с ракетами — подавление фронта огня противника своими антиракетами. И конечно, только максимальной концентрации ракет и снарядов можно было прорвать оборону галлическских кораблей.

— Огонь открыли основные силы,— отозвалась Сюзанна.

"Сколько у нас времени, пока долетят их ракеты?"— спросил сам себя Траффорд. Беглый взгляд на обзорные экраны сказал ему, что теперь торговцы используют для защиты только лазеры, а на "Кветзоле" действуют всего одна батарея. Огонь Таллентайра прикрывал все шесть кораблей каравана. Но надолго ли его хватит?

— Торговцы передали сигнал готовности,— доложила Сюзанна.

— Быстрее, быстрее. Поднажмем.

— Готово. Дайте сигнал готовности, Сюзанна.

— Да, уже "Кветзол" докладывает о готовности.

— Пошли.

И тут, в тот момент, когда караван проскальзывал в искривленное пространство, взорвался один из галлическских крейсеров. Обзорные эк-

раны "Вандерера" полыхнули огнем и быстро погасли. Теперь это уже не имело значения. На ремонт уйдут какие-то часы, а путь до Каракаллы займет несколько недель субъективного времени. Теперь, в безопасности, можно было снять броню с иллюминаторов.

Все были здесь: "Кветзол" и три торговца, избитые и потрепанные, но в полном порядке. Видны были и галлически — далеки искры на экране масс-индикатора. Догнать караван они уже не могли, хотя, возможно, на орбите Каракаллы их будет ждать другая эскадра. Но это маловероятно. Планета имела хорошо развитую оборону — наземные базы и вооруженные бронированные спутники, оснащенные кокрельскими военными кораблями.

Из громкоговорителя послышался радостный голос Гьютзена:

— Теперь мы прямым ходом домой. Я приказал объединить обе части хозяйского корвета. Вы не присоединитесь к нам?

Траффорд, вопросительно подняв брови, взглянул на Айрин. Та недоуменно пожала плечами. Весело рассмеявшись, Метзентер заметил:

— Конечно, нехорошо подслушивать чужие мысли, но иногда это необходимо. Он имел в виду, что приказал всем рукам соединиться в дружеском рукопожатии.

— Тогда мы поддерживаем.

Когда Сюзанна вызвалась принести бутылки и стаканы, телепат заметил:

— Есть одна вещь, за что я люблю этих кокрелей — их психология не чужда нашей. А вот кажется, что может быть неприятного в этих старых квохчущих курах. И, тем не менее, они мне неприятны.

20.

Караван мчался вперед, и вскоре солнце Каракаллы превратилось в туманность, рукава которой причудливо изгибались, туманность, пульсирующую, как переменная звезда, туманность, переливающуюся всеми цветами радуги. Сзади гнались галлические корабли. Чувствительный индикатор "Вандерера" показывал, что погоня состоит из двух групп кораблей, одна шла чуть справа, а другая слева. Они были еще далеко, настолько далеко, насколько хватало чувствительности кокрельских приборов, но измерения показывали, что обе группы кораблей приближаются. Айрин экстраполировала все три траектории, и оказалось, что они пересекаются вблизи планеты, к которой они летели.

К тому же в эфире стояло удивительное молчание. Из Карлотти-динамиков не доносилось обычного безостановочного кудахтанья. Не было ответа и на запросы "Вандерера", хотя они были уже зарегистрированы координационный службой Каракаллы.

— Все правильно, это галличеки,— сказал Метзентер.— Я улавливаю обычные мысли хищников, устремившихся на жирных голубей. Но...

— Что — но?— спросил Траффорд.

— Но этот сигнал исходит только от одной группы кораблей...— Он поднял руку.— Я знаю, что могу ошибиться, но попробую указать приблизительно направление... Они излучают смерть. Я слышал, имперские вооруженные силы часто балуются с подобными никчемными эффектами, но есть ли у галличеков что-нибудь подобное?

Траффорд сказал, что не знает, и добавил досадливо, что, видимо, у куриц появились свои экспериментальные эскадры.

Все шло к тому, что их могли перехватить. Инерциальный двигатель "Вандерера" работал не на полную мощь, он мог бы работать эффективнее, форсировать скорость и достичь защиты орбитальных фортов Каракаллы до прибытия врага. То же самое мог сделать и "Кветзол". Но торговые корабли шли с постоянной скоростью, ведь одно из военных правил гласит: скорость каравана должна быть скоростью самого медленного корабля. Вряд ли Гьютзен бросит своих подопечных на произвол судьбы.

"А тем более я",— подумал Траффорд.

О создавшейся ситуации была уведомлена координационная служба. Верховный координатор сказал, что он все знает и приказал, хотя на самом деле это мог быть только совет, остановиться.

— Передай этим пустоголовым кретинам. Я бы хотел, чтобы они оказались на моем месте,— прорычал Траффорд Сюзанне. Та закодировала и передала. Через минуту пришел ответ:

"Не волнуйтесь. Остановитесь".

— Кажется, они прониклись верой в наши способности. По-моему, они переоценивают нас,— сказал Траффорд Айрин.— Это не тот случай. Возможно, "Кветзол" и справился бы со своей задачей, но у него на борту торговцы, а не военные.

— Ну, и что?— вспыхнула она.

— Ладно, ладно. Пусть торговые офицеры знают свое дело не хуже военных. Ты мне твердишь об этом все время. Но они не умеют работать. К тому же навигационное оборудование "Кветзола" сильно уступает нашему.

— В любом случае,— закончила она,— Наши пернатые друзья ждут не дождутся от нас маневра. По-моему, они сошли с ума и уже не представляют, что делают.

— Так мы остановимся?— спросил он.

— А что еще нам остается делать. Не будем же мы колесить по всей Галактике в поисках безопасной стоянки. Мы остановимся, и надеюсь, что у нас хватит антиракет для защиты.— Затем она добавила: — Я уже сказала Таллентайру, чтобы он приберег свои снаряды для обороны. Он обиделся, но сделает.

Сразу после этого на борту "Вандерера" открылось короткое совещание. Присутствовали Гьютзен и три капитана торговых судов — все, кто владел английским. Никто из них не слышал ни о каком механизме или приспособлении, блокирующем психизлучения, хотя они и подтвердили, что галличеки, женские особи их расы, дальше их продвинулись в овладении искусством телепатии. Оценив вооружение, они согласились, что их запасы чересчур скромны даже для обороны: "Кветзол" мог дать только один залп. На три других корабля приходилось всего лишь пять ракет, батареи лазерных излучателей основательно подсели, оставалось несколько баллонов противолазерного экранирующего газа.

Гьютзен хотел повторить маневр, который "Вандерер" использовал при подлете к Антриму, но капитаны торговых кораблей особого энтузиазма не выказали. Планета была их домом, и они знали, что произойдет на поверхности, если случится ошибка.

— Я знаю верховного координатора Гразу,— сказал Гьютзен.— Я знаю его очень хорошо. Я служил у него, когда он был капитаном. У него есть только один недостаток. Он помешан на безопасности.

— Это очень похоже на правду,— съязвила Айрин.— Ему хорошо говорить: "Остановитесь!" Его не достанет никакая ракета.

— Но он кокрель!— вскричал Гьютзен.— Собственная безопасность для него ничего не значит. Для него важнее безопасность вверенных ему кораблей.

— Он нами не командует, и мы ему не вверены,— проговорил Траффорд.

— Следуя кокрельскому закону, это будет распространяться и на вас,— сказал Гьютзен,— пока вы перевозите грузы нашего правительства.

— Может быть, у него есть собственный флот?— спросила Айрин.— Только он должен быть достаточно велик, чтобы противостоять, по крайней мере, сорока кораблям или около того.

— Основной флот кокрелей, согласно последним полученным мною рапортам, стоит у Каррахера, сердце нашей Федерации.

— Так вы думаете, верховный координатор Гразу знает, что ему делать?— спросил Траффорд.

— Я думаю, что знает,— ответил Гьютзен.— Если он приказал: "Остановитесь", то у него были на то причины. Капитан, я птица чести и уверен, что вы не сбежите с поля боя, не бросите своих друзей в трудную минуту. Надеюсь, наше путешествие кончится благополучно.

А пока Траффорд не видел выхода из создавшегося положения. Как только конвой выйдет в нормальное измерение, он будет окружен и уничтожен всесокрушающим огнем. Против сорока вражеских кораблей орбитальным фортам придется туговато, они будут бороться сами за себя. К тому же прокладывать новый курс, рассчитывать траекторию было поздно.

Верховному координатору,— думал Траффорд,— легко твердить: "Остановитесь! Остановитесь!", но знает ли он, на что толкает караван? Может быть, знает?

— Остановитесь. Остановитесь.

Людям "Вандерера" казалось, что хронометр рубки управления отсчитывает последние часы их жизни. С чувством обреченности они выполняли повседневную работу, стараясь убить оставшееся время на мелкую, ненужную рутину. Если "Вандерер" и погибнет, то погибнет в борьбе, вымытый до зеркального блеска и с последней строчкой приказов в судовом журнале.

Теперь, когда их последнее путешествие почти закончилось, они старались стать ближе друг другу. Траффорд и Айрин, Таллентайр и Сюзанна. Траффорд, как хозяин судна, совершил церемонию бракосочетания, сделавшую второго помощника и Сюзанну мужем и женой. Время шло. Место встречи с противником, зловеще мерцавшим на экране дисплея, становилось все ближе и ближе. Последние часы тянулись долго. Для Траффорда и Айрин, как, впрочем, и для Таллентайра и Сюзанны, они были чем-то вроде медового месяца, а Бронхейм и Метзентер, которые вполне могли справиться с управлением корабля, большую часть времени проводили у приборов.

Однажды, вырвав Айрин и Траффорда из глубокого блаженного забытья, в дверь капитанской каюты вломился Бронхейм. Он был странно возбужден.

— Капитан,— сказал он,— я решился вас потревожить. Случилось нечто замечательное.

Айрин натянула простыню до подбородка и пробурчала:

— Так расскажите нам, мистер Бронхейм. Давайте порадуемся вместе.

— Я и сам толком ничего не пойму. Но только одна из вражеских эскадр совершает какие-то странные маневры.

Траффорд кинулся за ним в рубку управления. Бронхейм указал рукой на масс-индикатор.

— Смотрите.

То, что увидел Траффорд, не имело никакого смысла. Было очевидно, что передние корабли, применяя двигатель Маншенна, ложатся на другой курс и должны будут пройти вдоль трассы каравана. Это было бессмысленно. Зачем преждевременно смыкать челюсти?

Были вызваны Сюзанна и Таллентайр. Сюзанна заняла свое место у аппаратуры связи, а ее муж — за пультом управления вооружением. Здесь же был и Метзентер, как всегда в такие минуты, погруженный в дремоту, что говорило о его предельном напряжении.

— Теперь я улавливаю,— сказал телепат.— Кажется, это галличеки, но что-то им все время мешает. Чувствуется... какой-то подвох... Да, мешает слово. Большая хищная птица отгоняет маленькую хищную птицу от своей жертвы. Но я чувствую, большая птица вместо двух ног

и пары крыльев имеет нее перья, а мех и четыре ноги... Тигр в роли орла. Телепатический гипноз. Возможно...

— Но это галличеки?— не выдержала Айрин.

— Кто же еще?— мрачно сказал Траффорд.— Если бы это был флот кокрелей, то они давно бы сообщили о себе Нет, повторяется то же самое, что было на Антриме, склока вокруг денежного приза двух маршалов, никто не хочет уступать другому.— Он повернулся к Сюзанне.— Соединись с Гютзеном. Посмотрим, что он скажет по этому поводу.

Все Карлотти-частоты были заняты карканьем и кудахтаньем, поэтому Сюзанны использовала морзянку. Она спросила:

— Что это за корабли?

Из громкоговорителя послышался ответ "Кветзола". Сюзанна быстро записала его и расшифровала. Там было сказано:

— Я не знаю.

— Это кокрели?

— Нет.

— Это галличеки?

— Я не знаю.

Даже сквозь морзянку прорывадось скрипучее кудахтанье. Несомненно, голос принадлежал галличеку.

— Маршал Фруксин вызывает "Вандерер". Маршал Фруксин вызывает "Вандерер". Сдавайтесь. Сдавайтесь. Мы сильнее вас.

Его прервал спокойный высокомерный голос:

— Боюсь, об этом не может быть и речи, старая курица. Проваливай отсюда и неси спокойно свои большие красивые яйца.

— Кто это сказал?— спросила Айрин, обернувшись к находящимся в рубке людям.

— Черт его знает,— ответил Траффорд. Но ему показалось, что он узнал акцент.

— "Вандерер",— продолжал голос.— Советую вам синхронизироваться.

— Ловушка!— воскликнула Айрин.

— Не думаю,— произнес Траффорд, а затем бросил Сюзанне:— Вы слышали, что он сказал? Дайте сигнал.

21.

Вспыхнули сигнальные огни, и вскоре они получили ответ. Пульсация двигателя Маншенна сменилась высоким монотонным звуком. Размытые линии кокрельских кораблей стали четкими и резкими. Какое-то время, Траффорд еще думал, правильно ли он поступает. Вдруг,

совершенно неожиданно, заслонив звезды, появились цепочки бегущих бортовых огней. Изменяя разрешающую способность обзорных экранов, можно было разглядеть детали каждого корабля — эсминцев, крейсеров и мощных дредноутов. На ближайшем из них Траффорд увидел сверкающую эмблему имперских вооруженных сил, стилизованную вспышку света, а на ней крылатый увенчанный короной земной шар.

Из Карлотти-динамика послышался кудахтающий птичий голос.

— Что это? Кто это? Это пиратство!

— Это интервенция!— ответил холодный голос.— Интервенция, вмешательство, старая дура, хоть и немного запоздалое.

— Мы протестуем! Мы протестуем!

— Поступайте, как хотите, протестуйте, сколько угодно, но не смейте, повторяю, не смейте беспокоить кокрельский караван. Мы как бы... взяли их под свое крылышко.

— Мы подадим жалобу вашей императрице!

— Пожалуйста. А пока проваливайте. Или, если вам нравится, катитесь к черту. Любая попытка помешать нашим маневрам будет вам очень дорого стоить.

В гробовом молчании галличекская эскадра покинула флот землян.

— Кажется, моя армия тоже кое-что стоит. Но я все еще не понимаю, как они провернули этот обман, как смогли в последний момент одурачить глупых галличеков...

— Мне кажется, я знаю, как,— сказал Метзентер.— Прежде чем оставить службу, я прослушал новый курс обучения офицеров псисвязи. По существу, он состоял из приемов телепатического гипноза, создания галлюцинаций в мозгу других телепатов. Вот здесь и применили этот прием. Пока я их прощупывал, с кораблей имперских вооруженных сил постоянно посылали телепатический сигнал смерти. Все усилия пси-персонала были направлены на галличеков. И, по-моему, сработало неплохо.

— Вот я и говорю,— Айрин зажгла сигарету и сквозь кольца дыма посмотрела на Траффорда.— А что теперь, экс-капитан Траффорд? Ваша превосходная армия спасла наши шкуры, но только для того, чтобы предать нас верховному суду Земли. Вам нравится быть пиратом? Я рассказывала, что во время первой мировой войны в подобном преступлении немцы обвинили капитана Фриатта. Они его расстреляли. Не спас ли нас шериф от суда Линча только затем, чтобы самому затянуть веревки на наших шеях?

— Но, кажется,— сказал Траффорд,— мы действовали вполне законно.

— Я тоже так думаю,— она заставила себя улыбнуться.— Но если дело дошло до служителей закона, кто знает, чем это кончится. Даже сейчас найдутся умные головы, которые разыщут аналогичный прецедент, о котором мы даже никогда не слышали, и останется только выпрыгнуть в люк без скафандра.

— Брось так шутить,— проговорил Траффорд..

— Это реальность, мой дорогой. Реальность.

Вновь ожил громкоговоритель.

— Приказ "Вандереру". Приказ "Вандереру". Следуйте к месту назначения. Мы будем вас сопровождать.

Траффорд взял предложенный Сюзанной микрофон.

— Благодарю вас, адмирал Кук-Виллоби. Мы выполним приказ.

Адмирал хмыкнул.

— Вы чертовски хороший парень, Траффорд. С этого знаменательного момента вы бросаете играть в пиратов и становитесь прилежными мальчиками. А будешь шуметь, мы угостим тебя так же, как и галличеков.

— Мы принимаем ваше предложение, сэр. У нас нет выбора,— в голосе Траффорда послышалась теплая нотка.— Но надо сказать, мы были поражены, приятно поражены, когда вы вышли на сцену. Могу я вас спросить, что случилось?

— Не можете. Дела высшей политики не касаются младших армейских офицеров, а тем более бывших. Благодарите лучше вашу счастливую звезду. Да, я надеюсь, в вашем баре найдется что-нибудь выпить? Думаю, там найдется для меня шесть маленьких глоточков джина?

— Буду рад угостить вас, сэр.

— Посмакуем джин и поговорим,— закончил адмирал.

Усмехаясь, Айрин взглянула на Траффорда.

— Так твой приятель не собирается вздернуть нас на рее? Очень мило.— Она поднялась со своего противоперегрузочного кресла.— Ладно, капитан Траффорд. Корабль твой, делай, что хочешь. Галличеки превосходили нас числом и вооружением, но если верить масс-индикаторам, то они уже далеко и ищут новые шеи для своих виселиц. А теперь, с вашего позволения, капитан, я пойду вздремну.

— Я могу к тебе присоединиться,— сказал Траффорд проникновенно, понимая, что на это нет времени. Слишком много надо было еще сделать. Через несколько часов караван должен был благополучно приземлиться в космопорту Каракаллы.

22.

Это была Каракалла, мир ветров, где ураганы срывались вниз с острых пиков покрытых снегом гор, унося за собой потоки золотых листьев и малиновых цветов, и мчали их по узким улочкам городов. Ее гордый народ предпочитал всем механическим приспособлениям силы природы. Своими широкими распростертыми крыльями они покоряли любые ураганы.

Порт Кокрель казался с высоты маленьким городком, на самом деле это был город небоскребов. Они были сложены из кирпича и металлических конструкций, каждый оканчивался флюгером, изображавшим коронованного петуха. Стоял жгучий холод, но сейчас он был даже полезен после сухого, многократно обновляемого воздуха корабля.

Это был дикий, романтичный, пограничный мир. Мир, где четко соблюдались все формальности, связанные с движением торговых судов.

Они предстали перед верховным координатором Гразу, самым расфуфыренным и пышным из виденных Траффордом кокрелей. Гьютзен как-то съязвил, дескать, его начальник чем-то напоминает старую курицу. Траффорд был не согласен. Его заинтересованность в безопасности всякого вверенного ему корабля можно было только приветствовать. И хотя он тоже ненавидел женский пол, было очевидно, что он нашел в себе силы проявить учтивость по отношению к Айрин и Сюзанне, которые как-никак были членами экипажа доблестного корабля.

Начальник порта, военный, распорядился загрузить опустевшие склады боеприпасов "Вандерера". Таллентайр был просто ошарашен.

— В нашей армии я никогда не видел ничего подобного,— признался он.— Там я должен был бороться за каждую ракету. А теперь я могу взять, что угодно.

— Надеюсь, плата будет приемлемая,— сказала Айрин.

Бронхейм, пообщавшись с начальником инженерной службы, удовлетворенно сказал:

— Может быть, он и птица, но птица не с куриными мозгами.

Начальника грузовых перевозок взяла на себя Айрин. Не обошлось без стычек и обид, хотя "Вандерер" и привез всего несколько тонн зерна.

Наконец, когда все было сделано, с флагманского корабля прибыл в адмиральском катере сам Кук-Виллоби. "Инфлексибл"— массивное неповоротливое судно, практически равное по мощи орбитальному форту, само приземлиться не могло и осталось на орбите вместе с остатками своего флота.

Траффорд и Айрин чуть не поссорились. Он хотел принять адмирала со всеми военными почестями, она же сказала:

— Ты — шкипер грузового судна. И во многих отношениях превосходишь этого адмирала. Ты — если можно применить доисторическое выражение — подвластен только Богу. А адмирал — командующий девятым флотом — отвечает за свои поступки перед господами комиссионерами земного адмиралтейства.

Так или иначе, но фанфар на борту не было, хотя Траффорд со своими офицерами, надев лучшую форму, встали почетным караулом около главного люка, когда рослый, изящный Кук-Виллоби вступил на борт корабля. Увидев их, адмирал слегка улыбнулся:

— Держите корабль в строгости, капитан?

— Стараюсь, сэр.

— Конечно, Траффорд, трудно забыть армейские порядки, не так ли?

— Я, сэр,— холодно сказала Айрин,— никогда не была в имперской армии.

— Разве, сударыня? Помню, как-то я видел ваш портрет или портрет, который был очень на вас похож. Там вы были одеты в форму адмирала флота.

Траффорд поспешил проводить адмирала и его штаб в кают-компанию. Там его сменила хлопочущая у бара Сюзанна, предложившая адмиралу рюмочку хорошего джина. Действие этого зелья сделало адмирала более разговорчивым.

— Знаете,— сказал он,— вашим людям везет, чертовски везет. Да вы и сами дьявольски изобретательны, умеете обойти закон. Но мне кажется сомнительным ваше утверждение, будто нейтральный торговый корабль может бросить свой груз и, как боевой крейсер, взяться за оружие...

— Но был же подобный инцидент, адмирал,— вмешалась Айрин.

— Это хорошо, что вы выпутались, а если бы нет? Скажите спасибо вмешательству девятого флота.

— А кому мы обязаны этим вмешательством?

— Простите, сударыня, этого сказать я вам не могу. Дела имперской политики не доступны господам офицерам торгового флота.

— А что касается офицеров девятого флота?

— Они тоже не знают, сударыня,— ответил он резко.— Все, что известно моим офицерам и о чем они будут молчать, так это, что "Вандерер", шедший с кокрельским караваном на Каракаллу, был обстрелян кораблями галличекского флота. И они знают, что я приказал оказать "Вандереру" и остальным кораблям посильную помощь. Вот и все.

— Конечно,— сказал Траффорд.— Это вызовет некоторый законный интерес.

— Разумеется, капитан. Но вы должны помнить еще со времен вашей службы в армии, какое негодование вызывает у порядочных людей скверное отношение националистов Земли к другим расам, в том числе и к галличекам. Вы должны бы знать, что вмешательство, интервенция — один из законных путей предотвращения разного рода конфликтов.

— В любом случае, спасибо вам, сэр.

— Не мне, дорогой Траффорд, и не господам комиссионерам. Хотя я лично был очень рад оказать вам эту услугу.

— Не нравиться мне ваша таинственность,— проговорила Айрин.

— Извините, сударыня, но приказ есть приказ.

— Напустили туману,— пробормотала она и потом добавила громким голосом:— Что за всем этим кроется?

— Секрет,— ответил адмирал, загадочно улыбаясь.

Это было все, что он сказал.

Наконец, адмирал и его свита откланялась и, слегка покачиваясь, спустились к ожидавшему их катеру. Траффорд и Айрин проводили их

до люка. А потом Траффорд заметил, что к кораблю приближается какой-то человек. В его фигуре было что-то знакомое.

— Нет,— пробормотал Траффорд.— Не может быть.

— Что?— спросила Айрин.

— Посмотри,— сказал он.

— Ты прав. Этого не может быть. Во всяком случае, здесь. Хотя разве не может быть двух одинаковых людей в этом огромном мире?

— Это невозможно,— вновь сказал Траффорд, когда человек подошел ближе,— но это так.

Смит громко распрощался с провожающими его кокрелями, а затем поднялся по трапу в люк корабля.

— Галактика тесна, не правда ли?— весело воскликнул он.

— Рад снова видеть вас у себя на борту, мистер Смит,— проговорил Траффорд, пожимая руку гостю.— Позвольте мне проводить вас в кают-компанию.

— Спасибо, капитан. Очень хочется выпить. Мне уже порядочно надоел агног наших хозяев. Я понимаю, что эта микстура входит в ритуал гостеприимства, но у меня она вызывает только отвращение, не более.

— Я могу угостить вас джином, если, конечно, он еще остался после визита адмирала,— сказал Траффорд.

Когда они сели со стаканами в руках, Смит сказал:

— Я ждал здесь, на Каракалле, продолжения нашего знакомства. Вернее, надеялся, что оно произойдет.

— Ах, да, ГЛУНР,— сказала Айрин.— Я думаю, ваши люди удовлетворены тем, как мы выполнили первое задание. Мы доставили антибиотики на Антрим.

— Более чем удовлетворены, миссис Траффорд. Но путешествие на Антрим было только частью нашего плана. Конечно, галактическая лига по уничтожению насилия и рабства была заинтересована в доставке этого груза, но еще более мы желали другого.

— Что вы все время крутите вокруг да около?— сказала Айрин.

— Позвольте мне обрисовать вам положение. Вы знаете, что капитан Гьютзен вместе со своими кораблями попал на Антриме в блокаду галличеков. Мы знали, что этот капитан пойдет на прорыв даже с минимальными шансами на спасение. Вы, миссис Траффорд, как мы и надеялись, стали для него этим шансом.

— Продолжайте, мистер Смит.

— Насколько я мог судить о вашем характере, вы должны были использовать кокрелей и их корабли для своих целей, впрочем, так же, как использовали кокрели вас для своих. Мы также надеялись, что такая интеллигентная женщина, особенно пользуясь нашей поддержкой, сможет найти способ обойти межзвездное право, не нарушая никаких законов, что вы и сделали, не правда ли?

— Благодарю вас, мистер Смит.

Смит откинулся в кресле, играя пустым стаканом. Поймав предупредительный взгляд Айрин, Траффорд наполнил его вновь.

— Наконец, мы все в ГЛУНР надеялись, что вы станете катализатором.

— Катализатором?

— Да. Мы вас подкинули им. О, на ваш взгляд, вы сыграли в этом деле маленькую роль. Но благодаря вам галличеки понесли гигантские убытки. Ваше путешествие в будущем даст очень важные результаты.

Нас, ГЛУНР, долгое время не удовлетворяло развитие дел в этом секторе Галактики. Это касается Антрима. Конечно, конфронтация, довольно неприятная и нечестная игра, которая в любой момент может запросто перейти в открытую войну. Мы все знаем, спровоцируй галлически настоящие военные действия, Антрим сумел бы за себя постоять. Но этим галличеков не испугаешь. Что касается гражданской войны между Кокрельской Федерацией и Гегемонией галличеков, то тут ГЛУНР оставался нейтральным. Я говорю "оставался", ибо кокрели всегда демонстрировали свое уважение к межзвездному праву и правам других рас и народов Галактики, в то время как галлически руководствовались не вполне законными принципами. Слишком много они ограбили ни в чем не повинных торговых судов и вели себя всегда грубо и нагло. А что предпринимало имперское правительство? Я вам отвечу, хотя вы, миссис Траффорд, должны это знать. Всегда одно и то же, вежливые слова в нотах протеста. И все. Так...

— Так что, мистер Смит?— спросила спокойно Айрин.

— Мы решили подтолкнуть к действиям большой флот.

— Значит, вы признаете, что ваша подрывная организация просочилась в вооруженные силы империи?

Смит довольно улыбнулся.

— Кажется, вы забываете, сударыня, что вы сами не более, чем наемники, работающие на эту так называемую "подрывную" организацию. Зато стоит добавить, что вы наемники особого рода...

— Продолжайте.

— Будем говорить напрямик, сударыня. Мы знаем, кто вы сейчас и кем были раньше. О, императрица Айрин там, на Земле, в это время сидит на своем троне, ставит на официальных бумагах свои автографы и, насколько ей позволяет Комитет, вмешивается в дела государства — и не более. Вы же неглупый человек.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— сказала ему Айрин.

— Не понимаете. Зато, я думаю, капитан Траффорд отлично все понимает. Для бывших командиров имперских вооруженных сил, для госпожи Сюзанны вы только Айрин Смит, или Айрин Траффорд, владелец торгового корабля, которому пришлось стать легким крейсером. Не стоит напоминать, что для большинство населения Галактики очередная императрица Айрин — это императрица Айрин, но, несмотря на демократию, большинство населения не знает и никогда не узнает, да и не

сможет узнать, чего стоит этот высокий титул. Господа комиссионеры адмиралтейства знают. Возможно, что не знает этого и Кук-Виллоби, но он догадывается.

Но это знает ГЛУНР. И ГЛУНР намекнул об этом нужным людям. А об остальном вы можете догадаться сами. Будет очень неприятно, если узнают, что пользующаяся громадной популярностью экс-императрица, ушедшая с трона по зову сердца, действует довольно вульгарно и экстравагантно. А если подкрепить это фотографиями, полученными, кстати, из имперских военных кругов, фотографиями людей, ставших жертвами галлических изуверов? Вы же слушали их любимые угрозы, что они склевывают мясо с костей заключенных — так, уверяю вас, они говорят вполне серьезно.

Итак, наконец, благодаря вам мы сделали великое дело. Мы поставили имперское правительство в такое положение, которое они назвали контр-конфронтацией. И теперь корабли Земли будут в безопасности в этом секторе Галактики.

— Я стала слепым орудием в ваших играх...— пробормотала Айрин.

— Кроме того, теперь мы полностью уверены в вас и в вашем корабле.

— Спасибо и на этом, мистер Смит. Вы сказали, что путешествие с Антрима на Каракаллу было главной частью плана ГЛУНР. Отлично, вы же наняли нас только на путешествие со Слициллы на Антрим. Так вот, мне кажется, вам придется оплатить и путь с Антрима на Каракаллу.

— Вы настоящий космоюрист,— сказал Смит.— Кстати, вам будет интересно узнать, что ГЛУНР убедило кое-кого не брать с вас ботовых пошлин и взять только номинальную плату за пополнение припасов.

— Я полагаю, мы должны быть благодарны вам за это?

— Определенно,— Смит поднялся на ноги.— Благодарю вас за гостеприимство. Мне надо идти. Меня ждут в иралианском посольстве.— Пожимая руку Траффорду, он сказал:— Вы пробудете здесь еще две недели. Мы дадим знать, как только нужно будет выйти в космос.

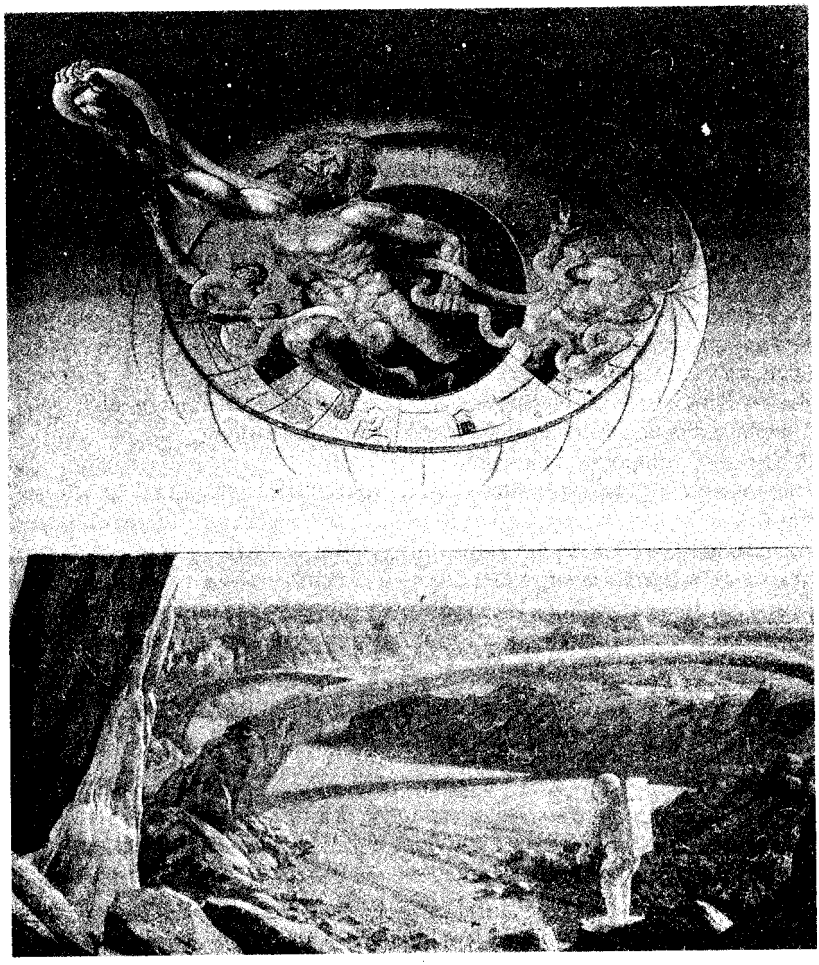
Когда он ушел, Айрин сказала:

— Все вышло не так уж и скверно. Тем более, что следующий фрахт, даже если нам придется таскать для кого-нибудь каштаны из огня, будет не менее выгодным.

— Было бы куда выгоднее,— уныло пробурчал Таллентайр,— стать просто честными пиратами. По крайней мере, тогда бы мы точно знали, где мы кончим.

— Заткнись лучше, второй помощник,— сказала ему Айрин.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Глава 1

— Траектория, командир?— быстро спросил Карнаби.

Командор Гримс без энтузиазма посмотрел на своего штурмана. Карнаби — худой молодой блондин с подвижным лицом, работавший на вычислительной машине, имел тот бодрый и услужливый вид, который всегда так раздражал командора. Гримс медленно отвернулся и через визир стал рассматривать опаловую сферу, которая могла быть лишь планетой Кинсольвинг, и дальний эллипсоид слабо различимой Галактики.

"Ничего не происходит,— подумал он,— не стоит принимать поспешные решения". Он вернул свой корабль, его окружали проверенные люди, и остальное уже не имело значения.

— Мы должны в конце концов определить направление,— сухо проговорила Сонна.

— Или время,— пробормотал Гримс больше для себя, чем для нее.

Видя ее нетерпение, он вздохнул: ее красивый рот был сжат. Гримс хорошо знал, что Сонна, несмотря на ее пост начальника Службы Опознания Федерации, воспринимала корабли как неизбежное зло, как неудобный транспорт, необходимый, чтобы попасть из пункта А в пункт Б. Она страдала легкой клаустрофобией, хорошо скрываемой и контролируемой. Для нее маленькие искусственные планетоиды были тюрьмами, которые лучше всего как можно скорее покинуть.

— Ммм...— проворчал Гримс.

Он медленно и старательно набил трубку и закурил. Действуя машинально, он думал о том, что нужно напомнить офицеру интендантства тщательно проверить остатки продуктов. "Фарави Квест" с его гидропониками и дрожжами, с его баками с культурами тканей и водорослей, был системой экологически замкнутого круга, способной почти неограниченно обеспечивать жизнь его экипажу, но избыток и роскошь потихоньку сходили на нет. Например, на ферме не было больше табака. А рос ли табак где-нибудь во Вселенной? И кто узнал бы его, увидев в натуральном виде? В списке "Квеста" не было ботаника.

— Командир?— Снова Карнаби.

"Молодой кретин",— без злобы подумал Гримс и медленно ответил:— Я полагаю, что мы можем вернуться туда, где находится "Интрус", или где он находился, или где будет находиться... Во всяком случае, еще многое предстоит сделать...

— Командир?

Гримс строго посмотрел на молодого человека. Какая муха его укусила? Ведь он штурман, не так ли? И до сих пор все делал правильно.

— А где находится "Интрус", командир?

"Поставьте солнце Макбет и Кинсольвинг на одну линию,— подумал Гримс,— и держите этот курс пятьдесят световых лет..."— Он произнес эти слова про себя. Такая инструкция была бы хороша несколько недель назад, когда "Фарави Квест" отлетал из Потерянного Порта... Тогда она соответствовала бы показаниям хронометров корабля и его местоположению, известному экипажу. Но стрелки часов повернулись не на несколько минут, часов, дней или даже веков, а на тысячелетия. "Фарави Квест" заблудился во времени и пространстве. Гримс смутно ощущал извилистые складки энергоматерии Галактики, стелющееся протяжение дуг и спиралей, рождение и смерть солнц и планет. Существовала ли по прежнему Земля, колыбель человечества? Шагал ли по поверхности своей планеты человек, или первое млекопитающее с ужасом убегало от огромных когтистых лап динозавра?

— Есть солнце Кинсольвинга, командир,— заявил Карнаби.

— Если мир, который мы покинули, действительно Кинсольвинг,— проворчал Гримс.

— Я не могу опознать Макбет,— добавил штурман.

— Но мы должны лететь куда-нибудь,— настаивала Сонна.

Капитан Далзелл, командир моряков "Квеста", вмешался в разговор. Это был маленький подвижный человек, чем-то неуловимо напоминающий терьера. Он нашел время переодеться, и теперь был в униформе цвета хаки, чистой и отлично выглаженной.

— Мы знали, командор, что Кинсольвинг обитаем...

— Но не захотели делить его, ведь мы для этого слишком деликатны,— сыронизировал Виллиамс.

Он, как Гримс и большинство остальных, был еще в тренировочных брюках, длинных и грязных, и в видавшей виды куртке — привычное сочетание повседневной одежды. Но даже в этом простом костюме, без погон и знаков различия, он все равно имел вид астронавта, тогда как капитан в униформе походил на солдата.

— Нет необходимости "делить", командор Виллиамс,— возразил Далзелл.— Мои люди хорошо обучены, и у нас на борту имеется артиллерия.

— Это верно,— согласился Хендрик.

"Слишком любит свои игрушки,"— подумал Гримс, взглянув на артиллерийского офицера, толстого, светловолосого и бородатого.

— Люди — это всего лишь люди,— прошептала Сонна.

Гримс устало, но твердо заявил:

— Оставим Друтену и Конденбергу охранять их проклятую планету и пусть они живут, как хотят. Ведь это у нас корабль, а не у них.

— И корабль,— ядовито сказала ему Сонна,— сделан для того, чтобы лететь куда-нибудь. Я говорю на случай, если ты об этом забыл.

— Но куда, мистрисс?— спросил Карнаби.— Куда?

Гримс проворчал что-то неразборчивое и снова зажег свою трубку. Он повернулся к Майхью, офицеру связи.

Большой и нескладный телепат улыбнулся ему. Улыбка смягчила резкие черты лица Майхью, ставшего внезапно симпатичным.

— Я могу связаться с людьми, которых мы оставили на Кинсольвинге, хотя их лишь горстка. Но боюсь, что если бы мысли могли убивать, мы были бы уже мертвы.

— А... "Интрус"?

— Я... я попытаюсь, командор. Но досягаемость, если "Интрус" еще там, где мы видели его в последний раз, предельна. Снаружи... ни шепота.

— А изнутри?— спросил Гримс, указывая на визир, через который различалась далекая, светящаяся галактика Лентилла.

— Одно... одно дыхание... Там есть жизнь, командор, сознательная жизнь.

— Какого рода жизнь?—

— Я... я не могу этого сказать. Эманации идут слишком издалека. Они почти неразличимы.

— Но там есть что-то,— утверждал Гримс.— Что-то или кто-то, способный связно думать. М-м-м... Мистер Даниелс?

— Да, командир?

Офицер электронной связи оторвался от приемника. Его смуглое и немного надутое лицо выражало досаду.

— Ну что, Даниелс?

— Ни малейшего чириканья, командир. Я пытался связаться с постом КНТ и с Карлотти. Может быть, если я попробую еще на длинных, из главного поста...

— Сделайте это и немедленно доложите, если вам больше повезет.

Тем временем "Квест" удалялся от планеты Кинсольвинг. У корабля не было определенного направления, но, следуя этим странным курсом, он ничем не рисковал. Гримс, по крайней мере, на это надеялся.

— Мистер Карнаби, возьмите направление на Землю. Когда мы будем там, нам нужно будет точно определить, в какое время мы попали. Немедленно поверните.

— Но, командир... Земля. Как мы сможем ее найти? У нас нет карт, и компьютер не был запрограммирован на такое путешествие. Даже угадав правильное направление по спирали, мы рискуем прожить несколько жизней, прежде чем найдем Землю.

— Мы что-нибудь придумаем,— заявил Гримс с вновь обретенной уверенностью.— А пока направьте корабль на центр Лентилла.

Он поудобнее устроился в своем кресле, с удовольствием прислушиваясь к жужжанию огромных, направленных, слегка вибрирующих гироскопов. Он почти не замечал давления, прижимающего его тело к креслу, в то время как центробежная сила заменялась силой тяжести. Потом Галактика Лентилла слабо засветилась посредине круглого визира, и гироскопы, выполнив задачу, замолкли. Вместо их

жужжания раздался длинный, пронзительный свист двигателя Маншенна, роторы которого теперь работали, увлекая корабль и его экипаж через кривизну континуума. Дезориентация во времени и пространстве создавала у всех присутствующих впечатление повторения этого полета. Гримс же вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Позднее, к своему удовлетворению, он обнаружил причины этого почти невыносимого по интенсивности ощущения. В его собственном времени было бесконечное количество вселенных, и там, на краю Галактики, грани между этими вселенными были зыбки и расплывчаты.

В этом странном Настоящем, куда его корабль, его экипаж и он были брошены "Интрусом", не было иных вселенных, а если и были, никто в них не располагал другим "Фарави Квестом" и другим Гримсом. Он был один, и его корабль был единственным.

Внезапно звук, цвет и перспектива стали нормальными. Галактика Лентилла засветилась впереди, переливчатая и фантастичная. Это было началом путешествия.

— Лучше путешествовать с надеждой,— весело заявил Гримс.

— Это ты так думаешь,— проворчала Сонна.

Глава 2

Гримс, который был в Мире Конфинс знатоком земной морской истории, помнил закон Олерона, знал, что он существовал еще в XX веке. Насколько было известно Гримсу, никакой космический капитан еще не пользовался этим законом, но когда-нибудь надо же было сделать это в первый раз? Что бы там ни было, он не собирался отказываться от своих обязанностей. Он принял решение, корабль летит на Землю, и так оно и будет. Тем не менее он рассчитывал, что у кого-нибудь из экипажа "Фарави Квест" возникнет идея, которая даст шанс обнаружить без помощи антенн Карлотти родную планету в несметном водовороте звезд, окружающих летящий со скоростью во много раз превышающей скорость света старый корабль.

— Закон Олерона?— спросила Сонна, когда Гримс и она отдыхали перед началом собрания, которое должно было состояться в главном зале.— Что это такое? Объясни мне, Джон.

— Это старый закон, очень древний, и я сомневаюсь, что ты найдешь его теперь в каком-нибудь учебнике. Представь себе корабль, какой-нибудь парусник в неприятной ситуации: севший на мель, затертый льдами, и все что тебе угодно. Капитан судна, сделавший все возможное, но безрезультатно, собрал весь экипаж на палубе и заявил им: "Вот,

парни, мы по самую шею в дерьме. Есть среди вас сумасшедший болван, у которого возникла роскошная мысль, как нам выпутаться?

— Я уверена, что он так не выражался бы, Джон.

— Может быть, и нет, но скорее всего, он выражался бы еще хуже. Короче, если роскошная идея у кого-нибудь возникала, о ней громко сообщалось.

— Странная манера командовать кораблем.

— Ммм... Да. Но это себя оправдывало. Например, во время Второй мировой войны, развязанной Гитлером, шведы, хотя и были нейтральными, транспортировали грузы для Англии. Их суда собирались большими караванами. Один из этих караванов эскортировал "Джервис Бей", старый корабль, вооруженный несколькими пушками и более легким оружием. Атакованный ночью немецким броненосцем, быстрым и мощно вооруженным, караван рассеялся, а "Джервис Бей" принял бой. Его выстрелы не причиняли вреда броненосцу, и тот быстро потопил его. Однако за время, в течении которого старый корабль был отправлен на дно, большинство судов каравана скрылось под покровом ночи.

— А при чем тут твой таинственный закон Олерона?

— Одно из торговых судов было шведским, оно скрылось вместе с остальными. Потом, когда стрельба стихла, капитан решил вернуться, чтобы спасти оставшихся в живых с "Джервис Бея". Он знал, что сильно рискует. Окажись немецкий капитан на прежнем месте, он, скорее всего, сначала бы открыл огонь, а уж потом принялся задавать вопросы. Шведский капитан рисковал своим кораблем и жизнью экипажа, принимая на себя спасительную миссию. Тогда он собрал всех, объяснил ситуацию и поставил вопрос на голосование. Оставшиеся в живых с потопленного корабля были спасены.

— Интересно,— прошептала Сонна, взглянув на часы.— Настало время тебе идти и объяснять ситуацию своему экипажу.

— Они знают столько же, сколько и я. По крайней мере, должны знать. Надеюсь, роскошная идея у кого-нибудь появится.

* * *

Все, что произошло до настоящего времени, было отмечено в судовом журнале "Фарави Квест", на его пленках и в записных книжках офицеров. Это была история, по меньшей мере сложная и совершенно неясная. Гримс был, казалось, каким-то странным катализатором: вокруг него происходили вещи, озадачивающие и непредвиденные. Такое случалось с ним довольно часто и раньше.

Гримса призвали из резерва флота, чтобы он руководил экспедицией, на огромную и единственную в своем роде конструкцию, иногда называемую "Кораблем Интруса", а иногда просто "Интрусом". На "Квесте" находились, кроме военного персонала, большинство резервистов флота, как Гримс, а также ученые и гражданские техники, руководимые неким

доктором Друтеном. Друтен и его люди оказались агентами герцогства де Валдегрен, планеты, с которой Конфедерация хоть и не воевала, но хороших отношений не поддерживала. Валдегрен послал истребить "Адлер", чтобы поддержать Друтена и поспорить с Гримсом о правах на "Интрус".

Появление на месте вооруженного Валдегрена и его сообщников было уже достаточно серьезным основанием для волнений, но были еще и другие осложнения. Оказалось, что корабль "Интрус" совершенно необъяснимо присутствовал как уникальная сущность во множестве измерений. Он находился на распутье Дороги Времени. Другой "Фарави Квест", ведомый другим командором Гримсом, объявился у "Интруса" вместе с тяжело вооруженной яхтой "Вандерер", принадлежавшей экс-императрице Айрин. Экс-императрица царствовала в незнакомой обоим Гримсам Вселенной. Был еще один капитан, сэр Доминик Фиандри на "Виндиктиве", состоявший на службе у неизвестной империи в дороге Времени, такой же хороший, как оба командира Федерации и экс-императрица.

Были флаги, требования и контртребования, мятежи, акты пиратства, захваты и под конец космический бой, в котором участвовали "Фарави Квест-II", "Виндиктив", "Вандерер" и "Адлер". Бой происходил поблизости от "Интруса", и "Интрус" устроил так, чтобы можно было столкнуть корабли. Они просто исчезли, как пламя задутой свечи. А потом Гримс усмирил и заточил предателей, желавших завладеть кораблем. "Фарави Квест" с опозданием оказалась на месте боя и кинулся на абордаж "Интруса", как если б это был просто корабль, а не огромное и фантастическое чудо Вселенной. Гримс и его люди смогли попасть на борт колоссальной конструкции, походившей на таинственный замок фей.

Друтен и его сообщники бежали из тюрьмы "Квеста" и тоже взошли на борт "Интруса". Между группами завязалась перестрелка. А потом...

А потом чужой разум внутри "Интруса", который, может быть, и был самим "Интрусом", выкинул их вон. Буквально. Они оказались потерпевшими кораблекрушение на планете Кинсольвинг, причем в далеком прошлом. Этот "роковой мир" когда-то населяли люди или человекообразные обезьяны, давным-давно исчезнувшие, но оставившие как доказательство своего существования наскальные изображения.

Друтен и его люди были, возможно, их потомками.

— Вот,— закончил Гримс,— вся моя история, и я не собираюсь от нее отказываться.— Раздался вежливый смех.— Разве я что-нибудь упустил? Что-то, что может иметь отношение к нашей неприятной ситуации? Говорите.

— Нет, командор,— раздались голоса.

Гримс, сидящий за маленьким столиком на платформе, которая была не чем иным, как фланцем осевого вала, посмотрел сверху вниз на людей: тридцать мужчин и женщин, составляющих экипаж "Квеста". Они

сидели, образуя треугольник, посреди круглого зала. Толстый и несимпатичный Виллиамс и тонкая элегантная Сонна были на вершине треугольника, остальные располагались за ними, более или менее придерживаясь рангов и должностей. Последние ряды занимали обслуживающий офицерский состав и моряки Далзелла. Соответственно — в белом и хаки.

"Как кусок пирога,— подумал Гримс,— неначиненного".

Командор заметил, что Майхью, сидевший в третьем ряду возле своей жены Кларисс, его помощницы, открыто смеялся.

"К дьяволу этих телепатов!— без злобы подумал он. Убирайтесь из моего мозга, Кен!"

"Я не знал, что вы поэт, командор",— ответил офицер телепатически, составляя слова в мозгу Гримса.

— Ммм,— громко произнес Гримс:— Ммм...

Он смотрел на поднятые к нему лица — внимательные и оживленные, как будто люди ожидали, что сейчас он вытащит для них проклятого кролика из проклятой шляпы!

"Вы знаете, что вам всегда все удается, Джон",— телепатически сказал ему Майхью.

"Мне нужна помощь,— возразил Гримс.— Я прекрасно помню, что это Кларисс вернула нам корабль.— Потом он сказал себе:— Это мысль!"

— Мне нет необходимости напоминать вам,— громко заговорил он,— обо всем, чем мы обязаны лейтенанту Майхью и ее таланту телепата, и, особенно, таланту, с которым она переносит людей и даже такие большие конструкции, как этот корабль. Я подумал, что мы сможем попасть на Землю, будучи перенесенными туда. Что вы об этом скажете, Кларисс?

Тень прошла по ее красивому кукольному лицу.

— Сожалею, командор, но это невозможно,— ответила она.

— Почему? Вы вернули корабль неизвестно откуда и привели его к нам на Кинсольвинг.

— Я тогда действовала точно, только...

"Да,— подумал Гримс,— действовала... но, может быть, потому, что это было вопросом жизни и смерти?"

Кларисс располагала талантом, который много значил в далеком прошлом, когда вместо науки была магия. Телепатка вела свой род от пещерного человека, художника, который с помощью своих необыкновенно живых рисунков заманивал животных в ловушки, заставлял их приближаться к засадам на расстояние полета копья. Для использования возможностей Кларисс прежде всего нужно было иметь изображение. Тогда ей удалось с помощью мужа-телепата создать изображение "Фарави Квест", им помогали все: специалисты-офицеры, начальники служб, члены других ведомств...

— Мне нужно нарисовать изображение Земли,— продолжала она.— Или, по крайне мере, ее честь, хорошо знакомую кому-нибудь. Я ведь никогда не бывала на Земле.

"А кто из нас бывал?— спросил себя Гримс.— Не так давно там была Сонна, путешествуя. А я родился там... Но в остальном экипаж составляли люди из Мира Конфинс, франсискены, кто угодно, кроме землян.

— Вы землянин, комендор,— сказала Кларисс.

— Но я не был там много лет. И у меня столько воспоминаний о разных мирах...

— Я могу помочь вам найти нужные,— вмешался Майхью.

— Ммм... Стоит того, чтобы попробовать. Мы ничего не теряем.

Вместе с тем Гримс не слишком надеялся на успех, несмотря на веру в возможности Кларисс, которые она не раз демонстрировала в прошлом

— Командор Виллиамс,— сказал он,— подготовьте все необходимое: мольберт, краски, холст. А вы, доктор,— проверенный в действии наркотик, вызывающий галлюцинации.— Он повернулся к Майхью.— Кен, сначала я думал о Порте Вумер, но полагаю, центральная Австралийская пустыня будет лучше. Где-нибудь на полпути между Аерс-Рок и горой Ольга.

— Что тебе не нравиться в твоей первой идее?— спросила Сонна.

— Многое. Если Кларисс сумеет перенести нас, мы рискуем очутиться во времени, совпадающем с военными действиями. В таком случае, пустыня — самое что ни на есть подходящее место, кроме того, Ольга и Ромер — хорошо заметные ориентиры.

Сонна осталась настроена скептически.

Он оглядел членов экипажа. Ему не нужно было быть телепатом, чтобы отгадать их мысли. "Старому типу опять повезет!"

Он в этом был далеко не уверен.

Талант Кларисс действовал во времени так же хорошо, как и в пространстве. Гримс вспомнил забавное дело богов Конфинс и удивительную авантюру во Дворце Рсноме, но...

Глава 3

Это была хорошая картина.

Окруженная членами экипажа, одетыми в безукоризненную униформу, Кларисс едва держалась на ногах, разглядывая картину. Голый торс телепатки был запачкан красками, так же как и меховая юбочка — ее единственная одежда. Она оделась так для роли пещерной колдуньи и играла эту роль, приняв солидную дозу наркотика, вызывающего галлюцинации. Это было необходимо для того, чтобы прийти в состояние

транса. Майхью, муж Кларисс, был рядом и теперь, когда работа была закончена, поддерживал измученную женщину, повисшую на нем. Красная краска еще капала с кисти, которую она судорожно прижимала к себе.

Но ничего не получилось. Раньше ей всегда сопутствовала удача. Кларисс вернула старых богов греческого пантеона из далекого прошлого, когда люди верили в них, вырвала Мефистофеля из легенды, перенесла Гримс и его команду из "Фарави Квест-II" на настоящий "Фарави Квест". Теперь же ей не удавалось транспортировать корабль из Галактики Конфинс на Землю.

Гримс подошел ближе, и Майхью осторожно отстранил жену от картины, чтобы командир мог увидеть нарисованное.

Да, пустыня была совершенно такой, как он ее помнил: более зеленая, чем красная, покрытая растениями, которые цвели в сезон дождей. Низкое, с тяжелыми дождевыми облаками небо освещалось с запада садящимся оранжевым солнцем, на фоне которого виднелись синие вершины, синие только благодаря контрасту. На востоке, в глубине серого неба, возвышалась огромная масса Аерс-Рок.

Но...

Но так было во времена Гримса. Сколько тысячелетий отделяли это время от настоящего? Вершина горы Ольга, пораженная эрозией... Масса красных камней, веками и веками подвергавшихся воздействию дождей и ветра... и сама скала, гранитный монолит... Что может сопротивляться Главному скульптору — Времени?

"А на что похожи Аерс-Рок и гора Ольга теперь?" — мрачно подумал Гримс.

— Корабль идет прежним курсом, командор,— сказал Виллиамс.

— Еще не поздно вернуться в Кинсольвинг,— предложил Далзелл.

Гримс повернулся к окружающим. Он проиграл.

"Мятеж,— внезапно подумал он,— мятеж вполне возможен. Моряки будут лояльны по отношению к своему собственному офицеру скорее, чем к астронавту, каким бы ни был его ранг. Хендрик, вероятно, будет заодно с ними. А другие? Он может рассчитывать на Виллиамса, Майхью, Кларисс, Карнаби... Да, и на Даниелса. Едва ли он может рассчитывать на поддержку всех бортовых команд из-за Межзвездного закона. Закон торгового воздушного флота давал экипажу этого особого корабля право создавать собственные законы, если в этом возникнет необходимость.

Далзелл собирался что-то сказать, и некоторые повернулись к нему в ожидании, но Гримс опередил его. Он заговорил громким, сильным голосом, больше для того, чтобы привлечь внимание окружающих, чем потому, что у него было что сказать.

— Это, разумеется, лишь первая попытка. Будут другие. Самая большая неприятность в том, что мы еще не знаем, где в точности во

времени и пространстве мы находимся. Но в одном мы можем быть уверены: Земля, ожидающая нас, существует.

"А как ты можешь быть в этом уверен?"— раздался насмешливый голос в его мозгу.

— Существует Земля, которая нас ожидает,— твердо повторил Гримс.— Единственное, что необходимо выяснить, это в какой период истории она вступила. Возможно, мы увидим античную Грецию во всей ее славе. Гомер...

— Гомер?— спросил Виллиамс.— Это еще кто такой?

Гримс вздохнул и посмотрел на экипаж корабля.

"*Какого дьявола нужно этому зануде Карнаби?*"

— Командор,— спросил навигатор,— помните, вы мне говорили о птицах, которые использовались в автоматических направляющих системах неземных судов на Тарпе?

— Не совсем автоматических,— ответил Гримс.— Птицы использовались, как компас.

Карнаби повернулся к Майхью.

— Вы должны знать, обладают ли люди инстинктом ориентации почтовых голубей.

— Да. Но не все.

"Если и есть хоть один землянин в зале,— насмешливо подумал Гримс,— то это — я. Очень приятно."

"Нужно будет, чтобы вы дали себя загипнотизировать",— сказал голос в его голове. Это был голос Майхью.

"А кто будет заниматься кораблем, Кен?"

"Сонна, Вилли Виллиамс, Кларисс и я. Мы справимся."

"А Далзелл и его большие мальчики-грубияны? А Хендрик?"

"Я слежу за ними, Джон. Они не смогут приподнести нам сюрприз."

"А закон этики вашего знаменитого Института Рин?"

"Я подумаю об этом, когда попаду в Институт Рин."

Гримс прервал телепатическое совещание и заговорил громким голосом:

— Мистер Карнаби, возможно, предложил решение нашей проблемы. Я знаком с вашим досье, знаю все о вас и знаю, что я — единственный человек на борту, родившийся на Земле. Моментами, в прошлом, я был горд своим чувством ориентации. Возможно, я действительно обладаю инстинктом почтового голубя. От всего сердца надеюсь на это... Чтобы там ни было, я должен оставить... техническую сторону в руках людей, вполне способных управлять кораблем.

"Майхью,— подумал он,— этот проклятый капитан Далзелл обязательно заговорит о возвращении на Кинсольвинг, хотя Хендрик, похоже, согласен со мной."

"Скажите об этом громко, Джон",— так же мысленно отозвался Майхью.

— Однако,— продолжал командор,— среди нас есть люди, думающие, что мы должны вернуться на Кинсольвинг. Я предлагаю принять решение голосованием. Всех, кто думает, что мы должны вернуться, прошу поднять руки.

Только Далзелл и его люди голосовали за возвращение.

— А те, кто согласен продолжать путь на Землю?

Моряки оказались в меньшинстве, в этом не было сомнения, и Гримс подумал, какого странного зайца он вытащил из шляпы на этот раз.

Глава 4

Гримс был неважным объектом для гипнотизирования. Для него всегда очень много значили слова ушедших поэтов: "Я хозяин своей судьбы, капитан моего ума". И в продолжении долгих лет он действительно был капитаном...

Кроме того, Гримсу предстояло подвергнуться не просто гипнозу. Телепат должен был проникнуть в его мозг, работать изнутри. Психическое обольщение или психическое изнасилование. Каким бы ни было название, объекту эксперимента легче от этого не становилось.

По счастью, Гримс и Майхью были друзьями, старыми друзьями. По счастью, Гримс полностью доверял своему офицеру психической коммуникации. Тем не менее предстоящий опыт восторга у командора не вызывал.

Гримс сел на свое место в командном посту, откуда он мог управлять абсолютно всем кораблем, наблюдая за всеми его системами. Обычно в этом не было необходимости: офицеры всех служб прекрасно знали свое дело.

— Главное,— объяснил Майхью,— чтобы Гримс как никогда чувствовал себя единым целым с "Фарави Квест", отождествил себя с кораблем, стал просто человеческим мозгом в металлическом корпусе.

Итак, Гримс сел на место пилота перед пультом управления. Позади пульта лицом к командору стоял Майхью. Рядом сидели Сонна, Виллиамс и Карнаби. Майхью требовал, чтобы при эксперименте не присутствовал ни один член экипажа. Даже жена командора, его помощник и навигатор, на его взгляд, могли только помешать. Но Гримс настаивал:

— Если дело повернется плохо, рядом, по крайней мере, будут люди, способные немедленно взять управление кораблем в свои руки.

Майхью дал ему маленький стакан с бесцветной жидкостью.

— Выпей это, Джон.

— Что это за гадость, Кен?— с подозрением спросил Гримс.— Это вызывает галлюцинации? Какой-нибудь новый подарок врага?

— Нет,— со смехом ответил Майхью.— Просто успокаивающее. Вы слишком напряжены.

— Пью до дна!

Гримс одним махом осушил стакан и сморщился.

— Можно было, по крайней мере, положить туда хоть кубик льда или дольку лимона. Я очень люблю джин, но не сухой и теплый.

— Учитывается его действие, а не вкус. Вас это немного усыпило, не так ли? Вы ведь очень мало спали это время и устали, очень устали. Почему не согласиться с этим? Да, вы устали...

Голос телепата понемногу менялся. Сначала приветливый, естественный, теперь он становился все более и более настойчивым.

"Я не должен был пить это большой стакан чистого джина",— думал Гримс. Он упрямо представлял себе кружку кофе, очень горячего и очень крепкого, но потом прогнал этот образ. Он ведь здесь по собственному желанию, тем не менее необходимость подчиниться чужому влиянию вызывала в нем бурный протест.

— Вы устали, вы очень устали... Расслабьтесь. Смотрите на свое тело, дайте каждому мускулу, каждой мышце расслабиться... расслабиться...

"Да,— подумал Гримс,— скоро он прикажет мне поднять правую руку и я не смогу этого сделать. Все правильно. Но мне слишком противно ощущать, что кто-то скребется внутри моего мозга, как старая курица..."

— Расслабьтесь, освободитесь... Представьте себе ваше тело, часть за частью... вашу правую ногу...— В мозгу Гримса возникло изображение его ноги в мельчайших подробностях: кости, сухожилия и мускулы, несколько волосатая кожа, пальцы и ногти. В конце концов он даже почувствовал плотность кожи хорошо начищенного башмака.

Гримс с неприязнью подумал:

"Для детального рассматривания можно было найти более красивые ноги",— и позволил себе перевести взгляд на ноги Сонны: длинные и стройные. Но это ничего не изменило, его собственная далеко неэлегантная нога засела занозой в его мозгу.

— Вы больше не чувствуете свою ногу, Джон. Вы не можете пошевелить ногой... Кому может принадлежать эта нога? Как она выглядит?

И... и это не было больше человеческой ногой. Это была чешуйчатая лапа с когтями, скребущими деревянный настил.

Гримс больше не находился на борту "Фарави Квест", он был на одном из примитивных паровых суденышек Тарпа — мира контрабандистов Конфинс. Он с отвращением и жалостью смотрел на живой компас. Птица-путешественник с грубо обрезанными крыльями, в тесной упряжи, соединенной с вертикальным валом руля, направляла судно к месту назначения, к прибрежному городу, где находилось когда-то гнездо, в котором был высижен несчастный птенец. Иллюзия была фантастически сильной: резкий свист двигателя Маншенна стих, не чувствовалась вибрация, превратившаяся в ритмичные вздохи древнего парового котла.

А потом...

Гримс больше не смотрел на птицу. Он был "птицей". Он чувствовал твердую и холодную поверхность палубы под ногами и боль от впившихся в тело ремней упряжи. Внезапно что-то изменилось. Как будто где-то рядом вдруг появился гигантский магнит фантастической мощности, притягивающий со страшной силой все атомы его тела, ставшие в одно мгновение точно железными. Хуже всего было то, что магнит находился не прямо перед ним. Боль вызывала у него крик. Непонятные силы скрутили его тело. Позже он узнал, что его крик был криком птицы.

Он подумал, протестуя: "Ведь я человек и землянин!"

Обрывки наполовину забытых стихов пришли ему в голову: "Земляне, составляйте свои орбиты, чтобы войти... войти... Зеленые холмы Земли... Зеленые холмы, хорошо видимые на фоне темной зелени, полет белых голубей... крылья которых машут, машут..." Он слышал шум от взмахов бессчетного количества крыльев... Крылья... полет диких гусей далеко в безоблачном небе. Крылья... и перелет его корабля в снежной буре над морем, покрытым пеной...

Снежная буря, вихри, белые хлопья, светящиеся во мраке, хлопья снега, превращающиеся в звезды, мириадами сверкающие в темноте ночи.

Снежная буря, безумный водоворот звезд и сквозь это...

Гнездо, дом...

Гримс снова почувствовал, как вырываются кости и нервы из его измученного тела. Ультрамощное магнитное поле было впереди на линии полета — нужно было что-то делать. Он был — и знал это — птицей, огромной металлической птицей. Его руки легли на пульт управления.

Виллиамс и Карнаби стояли рядом в напряженном ожидании, готовые принять управление кораблем. Многое могло скверно повернуться, создать положение опасное и даже катастрофическое. Например, если бы модификация траектории была произведена во время работы двигателя.

Но Гримс, превращенный в перелетную птицу, оставался тем не менее астронавтом.

Его опытная рука остановила роторы двигателя Маншенна. Наступила невесомость, сопровождаемая неприятными ощущениями, появившимися, когда гироскопы "Квеста" зажужжали и засвистели, заставляя корабль лечь на новый курс.

Боль, терзавшая Гримса, утихла, но не исчезла совсем, только теперь эта боль была ему почти приятна.

Он пустил в ход инерциальный двигатель и двигатель Маншенна.

Гримс услышал доносившийся точно издалека голос Виллиамса:

— Черт бы его побрал! Мне кажется, что этому старому подонку опять повезло.

Гримс улыбнулся. Он знал, что в устах Виллиамса слова "старый подонок" звучали как комплимент.

Глава 5

Старый "Квест" мчался к родной Земле. Только корабль и его командир Гримс были уроженцами Земли, но все люди, в каком бы из миров Галактики они ни родились, говорили о Земле как о своей родной планете.

Итак, корабль мчался к родной Земле сквозь континуум, время от времени меняя курс, чтобы избежать столкновения с каким-нибудь солнцем или планетой. Капитан направил корабль, и ему больше нечего было особенно делать. "Когда звезда перед ним окажется Солнцем, он немедленно это почувствует",— заверил его Майхью.

— Но как?— спросил у него Гримс.

— Скорее всего, вы почувствуете силу псевдо-магнитного поля,— ответил Майхью.— Мне трудно объяснить, используя язык, который могут понять нетелепаты.

Сонна с горечью заметила, что путешествовать лучше с надеждой, чем надеяться на случайность. Гримс, признанный авторитет Мира Конфинс по историческим путешествиям на Земле, заговорил о Христофоре Колумбе. Колумб знал наверняка, что острова, после многих недель плавания показавшиеся на горизонте, были Восточной Индией. Однако он ошибался.

— Колумб,— возразил Майхью,— не путешествовал, пользуясь инстинктом.

— Откуда вы это знаете?— спросил у него Гримс.— В конце концов, если бы он продолжил свое плавание, он вернулся бы к исходному пункту.

— Ну, довольно,— вмешалась Сонна.— Суэцкий и Панамский каналы в его время еще не существовали. Даже я это знаю.

— Он мог обогнуть мыс Горн,— сказал ей муж,— такие, как Магеллан и Дрейк, сделали это несколько позже.

"Тем не менее,— подумал Гримс,— у меня определенно есть что-то общее с Колумбом. Адмирал, увлекая свою жалкую эскадру все дальше в Западное Неизвестное, подвергался опасности мятежа. А как в настоящее время обстоят дела на борту "Фарави Квеста"?

Майхью ответил на безмолвный вопрос.

— Неплохо, Джон. Большинство доверяет вам. Ну, конечно,— со смехом добавил он,— они вас не знают так хорошо, как я.

— Или я,— прошептала Сонна.

Гримс проворчал:

— Вы объединились против меня. Чтобы уравнять шансы, здесь должен быть Вилли Виллиамс.

— Это совершенно безупречный астронавт,— заявила Сонна.— В его глазах проверка корпуса корабля гораздо важнее, чем выпивка и светская беседа со своим капитаном перед обедом.

— И он совершенно прав,— ответил Гримс.— Но, несмотря ни на что, я хотел бы, чтобы он был около меня. Он мой первый помощник, так же как ты продолжаешь быть моим офицером разведки.

— Но я вовсе не "твой" офицер разведки, Джон. У меня диплом Космографической Службы Федерации, а не Морской Конфедерации Мира Конфинс.

— И ни Федерации, ни Конфедерации еще не существует... и не будет существовать еще несколько миллионов лет. Но я хотел бы, чтобы ты была внимательна, так же как и Кен.

— Мне нечего сообщить, командор,— сказала Сонна.— Толпа довольна и хорошо накормлена. Последний урожай экзотических фруктов, полученный биохимиками, вызвал восторг всего экипажа и повара. Даже Хендрик казался удовлетворенным. Он что-то делает в контрольной цепи вооружения, надеясь, что сможет сыграть симфонию со всем своим оркестром, пользуясь лишь мизинцем левой руки.

— Я знаю и принимаю меры предосторожности, чтобы это не пошло дальше. А отважный капитан моряков?

— Его команда и он монополизировали гимнастический зал. Я не удивлюсь, если они скоро начнут носить черные пояса поверх униформы.

— Ммм... Я бы очень хотел, чтобы некоторые другие с таким же энтузиазмом заботились о своей физической форме. А вы, Кен, что можете сообщить?

— Я... шпионил,— смущенно признался телепат.— Я знаю, что это необходимо, но мне это не нравится. Насколько я смог выяснить, моральный дух на корабле очень высок. После всего, что было... Ведь, если вспомнить, Кинсольвинг не был райской планетой... Кроме того, мы все же куда-то летим. Но...

— Но — что?

— Хендрик несчастлив.

— Мое сердце обливается кровью.

— Дайте мне закончить. Хендрик несчастлив. Вот почему он запирается со своими игрушками и играет в своем углу.

— Он, вероятно, сердится, что ему не дали поиграть с его артиллерией против планеты Кинсольвинг.

— Это лишь одна из причин. Он особенно сердится потому, что его дорогие новые друзья не общаются с ним.

— Вы имеете в виду Далзелла и моряков?

— Да.

— Интересно. А они? Что они думают?

— Я не знаю, Джон.

— Как это вы не знаете? Только не говорите мне, что ваша совесть взяла верх и вы молчите из соображений морали, Кен!

— Нет, это не так. Но Далзелл и его люди не астронавты. Они моряки. Солдаты.

— И что же?

— Вы слышали о технике Ордоноски?

— Нет.

— А я — да,— сказала Сонна.— Если бы я осталась работать в службе Осведомления, я прошла бы тесты. Вероятно, результаты были бы не слишком хороши,— с удовольствием добавила она.

— Я этого не думаю, Сонна,— сказал Майхью.— Обычно это случается с людьми, чей интеллект не слишком высок. Это только доказывает, что солдату нет необходимости быть таким уж умным. Глупый, но дисциплинированный делает то, что ему говорят, и никогда добровольно не...

— Это также и моя философия,— прошептал Гримс.— Но этот Ордоноски и его техника...

— Методика тренировки, которая делает ум непроницаемым для зондирования телепата — это почти спровоцированная шизофрения. Часть разума излучает, если можно так сказать, скверные стихи и довольно мощно, чтобы замаскировать секреты остальной части разума. Употребление этой техники было предложено, чтобы создать иммунитет у военного персонала против всякого постороннего вмешательства. Несмотря на долгие тренировки, это не всегда удается, особенно с людьми, самостоятельно мыслящими.

— Очень вовремя ты нам об этом рассказываешь! Значит, что думают солдафоны,— неизвестно?

— Да, Джон. Защита Далзелла сразу же сработала, как только он почувствовал попытку проникновения в его разум. И у его людей тоже. Они не говорят больше с Хендриком, они не делятся с ним своими секретами. Итак...

— Итак, мы просто поместим микрофон в помещение моряков,— вмешалась Сонна.

— Ах, вот как? Мы сделаем это?— сказал Гримс.— Мы посмеем? Может быть, попросить бравого Даниелса попрятать микрофоны по всему этому проклятому кораблю? Да, я, разумеется, мог бы... Но я вижу также, что из этого может получиться!

— Я не королева электроники,— сказала Сонна,— но я уверена, что смогла бы сделать два или три микрофона из того, что есть у меня под рукой, и установить их так, чтобы никто ничего не заметил.

— Очень хорошо,— наконец сказал Гримс.— Ты можешь попробовать... Если поклянешься мне, что не будешь рисковать. Но я совершенно не удивлюсь, если окажется, что один из наших моряков кое-что знает о подслушивающих устройствах.

Гримс оказался прав, и это его действительно не удивило.

Глава 6

Возьмите приемник-передатчик размером с обручальное кольцо и поместите его в такое место, где он не будет заметен, но откуда он может передавать нормальный негромкий разговор, даже шепот, и вы получите очень эффективный "доносчик". Возьмите записывающее устройство и вы готовы. Однако при наличии капрала из моряков, прослушавшего курс по электронике и получившего приказ от своего офицера бдительно следить за местами подслушивания, вы недолго будете обеспечены информацией.

Сонна, принимавшая участие в ежедневном обходе вместе с Гримсом и Виллиамсом, сумела разместить два подслушивающих устройства. Одно — среди цветов и фруктов — радости и гордости столовой моряков, другое — в проходе аэрационной кабины Далзелла. Два магнитофона, запертые в картотеке Гримса, завершили ансамбль.

Гримс, Сонна, Майхью и Виллиамс с чувством вины слушали записи их первого и единственного прослушивания.

— Эй, парни!— донесся мужской голос.— Подложили новую драгоценность на старую колючку!

— Как ты ее нашел, капрал?— другой голос.

— Легко,— первый голос.— Эта проклятая штуковина фонит, как бешеная. Капитан ожидал подобных штучек. Что ж, он не ошибся.

— Нужно признать,— другой голос,— он мало что пропускает. Я могу его видеть? Спасибо. Скажи, а ведь это очень красивая штучка. Хотелось бы знать, чья она?

— Тебе это надо?— другой голос.— Конечно же, этой проклятой ведьмы из Федерации...

— Будь осторожен,— другой голос.— Она не какая-нибудь "экс", она по-прежнему командир разведки.

— И что же?— первый голос.— А? Прежде всего мы — корпус моряков Конфедерации...

— Мы — бич Вселенной,— раздались многие голоса,— и мы гордо носим имя моряков Конфедерации...

— Закройте пасти, банда болванов,— первый голос,— дайте мне закончить. Во-первых, мы действительно моряки Конфедерации. Во-вторых, Федерация будет существовать не раньше чем через миллиард лет.

— Конфедерации, капрал, тоже еще нет,— другой голос.

— Но мы тут, не так ли?— первый голос.— Дайте мне это устройство, Тиммс, я отнесу его капитану... Вот кто сведет с тобой счеты, мерзкая...

Больше на пленке ничего не было, кроме каких-то скрипов. Другой магнитофон повторил сначала какие-то слабые звуки, потом послышался звон стекла и шум льющейся жидкости. Удовлетворенный вздох,

почти неслышное бормотание и, наконец, сухой звук решительного удара кулаком по металлу, покрытому пластиком. Затем раздался мягкий стук и голос капитана:

— Входите, входите! А, это вы, капрал!

— Да, мой капитан. Я нашел вот это в нашей столовой.

— Действует?— голос капитана.

— Теперь нет, капитан,— голос капрала.

— Я считал командора офицером, джентльменом, и вот...— голос капитана.— Какое разочарование. Сперва этот проклятый дипломированный лектор, гадающий на кофейной гуще, а теперь еще и это.

— Осторожнее, мой капитан,— голос капрала.

— Вы хотите сказать...— голос капитана.

Потом он пробормотал еще раз что-то относительно лектора и кофейной гущи.

— Но мы совсем не продвинулись вперед,— мрачно заметил Гримс.

"И что мы можем сказать?— подумал он.— Раньше, в доброе старое время парусных кораблей, моряки были самыми верными и достойными доверия людьми на корабле. Расположенные между ютом и кают-компанией, они представляли собой силу полиции на борту, всегда готовые подавить бунт".

Командор позволил себе слегка улыбнуться, он помнил, что некий капрал Черчилл находился среди мятежников "Вунти".

— Чего ты улыбаешься?— спросила Сонна.

— Ничего,— ответил он,— совсем ничего, миссис Блайг.

Запись продолжала звучать.

— Да, мой капитан,— голос капрала.

— Вы не могли сказать мне об этом раньше?— голос капитана.

Потом слышны были только стук и царапанье. Видимо, они продолжали поиски. Скоро все окончательно стихло: капрал, видимо, располагал какими-то чувствительными приборами.

Сонна вздохнула.

— В сущности... Это была неплохая попытка.

— Во всяком случае, попытка,— проворчал ее муж.

— И я вам советую больше не делать этого,— закончил Виллиамс.— Фактически будет лучше, если вы, миссис, не пойдете с нами во время обхода, особенно в каюты моряков. Эти подонки способны устроить вам ловушку только из-за неприязни. Какой-нибудь трюк, который будет выглядеть совершенно безобидным. Существует старое правило. Никогда не услышишь ничего хорошего, подслушивая за дверью! Мы только что убедились в этом.

— Мы узнали,— вмешался Майхью,— что наши солдаты не так уж хитры, как они думают. Если бы они были такими, они не дали бы нам понять, что нашли микрофоны.

Глава 7

Все ближе к Земле мчался старый "Квест", прорезая кривизну континуума. Двигатель Маншенна работал, как часы. Мимо проносились желтые, белые, голубые, красноватые, карликовые и гигантские звезды. Корабль летел, как ядро из пушки, в снежной буре звездного водоворота. Он пролетал мимо многих планетных систем и ни на одной, насколько можно было судить, не было цивилизации, развившейся до применения космической техники.

— Жизнь существует,— говорил Майхью,— на большинстве этих планет, и на некоторых из них — разумная жизнь. Однако уровень встречающихся цивилизаций, если их можно так назвать, крайне низок: я не столкнулся ни с одним обученным телепатом.

Даниелс, офицер электронной связи, был менее категоричен, чем его псионический соперник, хотя было очевидно, что на планетах, мимо которых они пролетали, никто не употреблял системы коммуникации Карлотти или эквивалентной ей. Гримс решил, что нужно приостановить движение "Квеста" до того времени, когда удастся уловить сигналы КНТ. Между тем Майхью утверждал, что такое решение будет потерей времени.

"Итак, мы первые,— подумал Гримс.— Первое специальное судно..."

Он процитировал про себя древние стихи:

"Мы были первыми, которые проникли
В это молчаливое море..."

Ему вдруг вспомнилась судьба старого моряка из Колериджа.

"Будет лучше поостеречься альбатросов",— сказал он себе.

"Квест" мчался по-прежнему, и командор понял, что скоро его путешествие подойдет к концу. Он необъяснимым образом чувствовал, что Земля приближается. Это не будет ни ближайшее Солнце, ни следующее, ни даже третье. Он не мог бы сказать, откуда это ему известно, но уверенность не покидала его.

Тем не менее ему хотелось бы полагаться на нечто большее, чем интуиция. Он попросил Карнаби быть постоянно в полной готовности.

— Поищите девять планет,— сказал Гримс штурману,— или, возможно, десять.

— Десять, командор? Я считал, что в Солнечной системе всего лишь девять планет.

— Действительно... в наше время так оно и было. Но вспомните о поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера. Когда-то там была планета. Может быть, мы увидим ее.

— Хорошо, командор, девять планет, может быть, десять. Есть какие-нибудь подробности?

— Вы никогда не бывали на Земле, не так ли, Карнаби?

— Нет, командор.

— Как вам должно быть известно, шестая планета или, может быть, седьмая, это чудо Вселенной. Естественно, Сатурн не единственный газовый гигант, но кольца делают его самым эффектным.

— Значит, планета окружена кольцами. А сама Земля? Нужно искать что-то специальное?

— Да. Спутник. Очень большой. Можно сказать, планета-сестра, Луна.

— Значит, будет легко сориентироваться, командор. Но есть небольшая неприятность. В памяти корабля нет ни одной карты Земли.

— Мы ведь не знали, что отправимся сюда, не так ли? Мне кажется, мы должны нарисовать хотя бы приблизительно несколько карт. Насколько они нам понадобятся, зависит от того, до какой степени мы находимся в прошлом...

— Эффект эрозии не должен быть до такой степени значительным, командор.

Гримс вздохнул. Карнаби был хорошим астронавтом, превосходным навигатором, он имел диплом, был подготовлен для того, чтобы вести корабль в космосе, но не более того. К чему навигатору было знать про катаклизмы, во время которых образуются горы, непредсказуемо меняется климат, разливаются и исчезают моря, перемещаются континенты...

— Может быть, мы узнаем Землю по карте, которую я рисую,— сказал он.— Жаль, если у меня ничего не получится.

Но Земля все же оказалась очень узнаваемой.

Глава 8

Первым они увидели Сатурн. Огромная планета была еще красивей, чем ее помнил Гримс. Почти весь экипаж любовался фантастическим зрелищем, когда Даниелс с помощью аппарата КНТ уловил радиосигналы, испускаемые с одной из планет.

Гримс, Сонна и Майхью покинули командный пункт и спустились в помещение, где находились приемники и передатчики. Гримс встал позади радиоинженера, который нагнувшись над своими аппаратами, занимался их настройкой и внимательно слушал странные бормотания в усилителе. Можно было назвать это музыкой: в них было нечто вроде постоянного ритма. Это также могло быть словами, могло быть сооб-

щением, докладом, метеорологической сводкой. Одно было верным: эти слова произносил не человек.

Гримс повернулся к Сонне.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Что я могу понять?— удивилась она.

— Но ведь ты лингвист...

— Это язык, который я никогда раньше не слышала.

— Ммм...

"Вероятно, я очень многого хотел от своей жены",— подумал Гримс и обратился к Даниелсу:

— Вы можете определить параметры?

— Я попытаюсь... 177 относительно... 180... 185... Проклятие, все время меняется.

Командор засмеялся.

— Относительно — это правильное слово. Вы знаете, что мы находимся на орбите Сатурна, и придерживаемся относительно поверхности планеты...

Гримс достал из кармана трубку и поиграл ей. Очень хотелось набить ее и закурить, но табак был теперь на очень строгом учете. Он представил себе расположение планет. Корабль находился на солнечной стороне Сатурна. С другой стороны, почти по прямой линии, были Марс и Земля. Радиопередача с Земли? На нечеловеческом языке? В конце концов, существовали же доисторические цивилизации? Например, цивилизация динозавров? Сейчас мысль о возвращении на Землю вовсе не казалась ему разумной.

А Марс? На этой планете были обнаружены некоторые предметы, якобы подвергшиеся обработке. Эрозированные, подвергшиеся разрушению остатки, которые могли быть не чем иным, как частью метеоритов, в течение тысячелетий разбитых естественными силами. Было еще то, что называли Венерой Большого Сырта: кусок сплава, похожего на бронзу, более или менее напоминающий фигурку женщины. Знаменитый Колосс Эблиса, огромный монолит, вылепленный ветром Пустоты, был похож на мужчину гораздо больше.

— Кен,— сказал Гримс тоном легкого упрека,— Даниелс уловил что-то. А вы? Что скажете вы?

Телепат покраснел.

— Я вам уже сказал, командор, что существует жизнь, жизнь разумная, человеческая, около Солнца в направлении нашего движения.

— Этот... этот шум не человеческий,— заявила Сонна.

— Да,— согласился Майхью.

Выражение его лица изменилось. Гримсу не надо было спрашивать что он делает... Майхью мобилизовал все свои силы. Он телепатически связался с Кларисс, оставшейся на командном пункте, и дал ей указания, привел в рабочее состояние свой псионический усилитель, плававший в специальной жидкости в мозге собаки.

Вскоре три мозга — мужской, женский и собачий — стали функционировать, как один мощный приемник вместе с антеннами корабля, чувствительными к малейшему шепоту. Психонические передачи и прием было возможно осуществить сквозь световые годы:Майхью и его команде ничего не стоило улавливать сигналы на расстоянии световых минут.

Майхью прошептал еле слышным голосом:

— Да, есть... шепот. Я... я в настоящий момент его не понимаю. Я был, простите за употребление нашего жаргона, Даниелс, настроен на психоническое излучение с Земли. И улавливал весьма примитивные эмоции... ненависть, страх, зависть, жажда и голод. Вы понимаете? Но есть другое. Не слабее. Это более... цивилизованно. Более... интеллектуально, как сказать? Да... Вот. Я раз присутствовал на шахматном турнире. Все мастера мира Конфинс собрались там, были и другие миры. Я не должен был шпионить, но я это сделал — не мог удержаться. Это было... неотразимо! Улавливать работу этих холодных разумов, играть их партию вместе с ними...

— Шахматы,— сказал Гримс,— игра очень древняя.

— Если я сказал о шахматах, то лишь по аналогии.

— Нам остается лишь устроить показательный турнир,— сухо проговорила Сонна.— В сущности, Кен, вы хотите сказать, что в этой Солнечной системе существует высоко развитая цивилизация, это так ?

— Да.

— И она может быть на Земле?

— Я... Я так не думаю. Образы, которые я улавливаю, видимые образы... смутны... размыты... Мне кажется, это — человекообразные, но не люди. И еще... у меня постоянно возникает образ мира практически пустынного. Мира в агонии.

— Марс?— прошептал Гримс, а потом решительно повторил:— Марс.

"Возвращение на Землю может подождать,— подумал он.— На родной планете ученые появятся еще не скоро. На Марсе, если верить Майхью, а не было никаких оснований ему не верить, в знаниях и ученых недостатка не будет. Ученые сверхчеловеческой цивилизации будут иметь гораздо больше возможностей помочь экипажу "Квеста", чем волшебники и жрецы древних богов".

— Мы отправляемся на Марс,— сказал он.— Марсиане, может быть, и не люди, но они должны больше походить на нас, чем земные дикари каменного века.

— Ты надеешься на это,— иронически проговорила Сонна.

— Я это знаю,— уверено проговорил он.

— Ну, а я,— прошептал Майхью,— я этого не знаю...

Глава 9

Если есть опыт и осторожность, то способы преодоления межзвездных расстояний могут быть использованы в границах планетной системы. Гримс никогда не сомневался в опыте и хладнокровии своих офицеров. Итак, через день "Квест" оказался на орбите Марса, красной умирающей планеты.

Глядя через визир на командном посту на Марс, Гримс задавал себе вопрос, не произошло ли новое перемещение во времени. Планета казалась ему такой, какой он видел ее в последний раз... сколько лет тому назад? Он видел города, ирригационные каналы, окаймленные широкими полосами зелени, ледяной купол Северного Полюса. На месте были два маленьких спутника, вращающихся вокруг планеты.

— Они знают, что мы здесь,— заявил Майхью.

— Они? Кто это они?— проворчал командор.— Хотел бы я узнать о них поподробнее!

— Я... я еще ничего толком не выяснил.

— Это не будет иметь никакого значения,— заявил Виллиамс,— как только они скажут, что мы можем чувствовать себя, как дома, плевать на пол и выкинуть наружу кота...

— Ммм,— проворчал Гримс, сжав зубами пустую трубку.— Ммм... Но, Боже мой, что случилось или еще только должно случиться с этими людьми? Города, каналы... Когда человек пришел на Марс, от всего этого не осталось и следа.

— А не окажемся ли мы причиной гибели их цивилизации?— предположила Сонна.

— Ну, нет. Мы не так плохи!

— Говори о себе,— возразила она, выразительно поглядывая на Хендрика, застывшего возле боевого орудия.

Гримс громко рассмеялся.

— Я просто не верю, что один корабль, простой, легко вооруженный вспомогательный крейсер может уничтожить цветущую цивилизацию.

Он жестом указал на электронный телескоп. Карнаби удалось поймать изображение одного из городов, и теперь они, казалось, планировали едва ли не в сотне метров от самого высокого дома.

— Посмотрите сюда. Люди, построившие эти здания, должны быть похожи на нас.

Здания выглядели высокими и стройными, их конструкции не могли быть созданы на планете со слабо развитой цивилизацией. Стекло и камень, сверкающие полосы металла, сочетаясь, слагались в гармонию, в которой не было ничего нечеловеческого, а если оно и было, то не становилось от этого менее прекрасным. Контактная сеть с блестящими проводами, висящими между башнями, мосты, зеленеющие парки с яркими

пятнами — голубыми, розовыми, оранжевыми,— которые были, скорее всего, массивами цветов, изумрудная зелень садов и бриллиантовые струи фонтанов, окрашенные в голубой цвет...

— Антенны Карлотти,— внезапно сказал Даниелс.— Странно, что мы не получили сигнала, когда летели, используя двигатель Маншенна...

Да, антенны Карлотти или что-то очень похожее на них. На самых высоких башнях виднелись сверкающие металлом вышки, но вместо того чтобы двигаться, они оставались неподвижными.

— Это может быть религиозным символом,— предположил Гримс,— в итоге из этого получится крест, звезды, серп и молот, и я не знаю, что еще. И вообще, почему не лента Мебиуса?

Майхью вдруг начал говорить странным, безжизненным голосом:

— К них есть телепаты. Телепат. Он проник в мой мозг. Существует проблема языка, вы понимаете. Но его послание ясно.

— Что он сказал?— закричал Гримс.

— Они... они не хотят нас. Не знают, что делать с нами. Мы для них обуза, не вовремя появившаяся.

Большие уши Гримса покраснели. Он проворчал:

— Хорошо, согласен, мы для них обуза. Но тем не менее мы имеем право поговорить с ними, попросить о помощи?

— Что... что я им должен сказать, командор?

— Конечно, правду! Мы потерпели кораблекрушение во времени.

— Я попытаюсь,— скептически сказал Майхью.

На командном пункте наступила тишина, в то время как Гримс и его офицеры смотрели на Майхью и Кларисс. Телепаты сидели с закрытыми глазами, неподвижные и молчаливые, держась за руки. У обоих были отсутствующие лица. Губы Кларисс двигались.

— Это ни к чему не привело,— наконец сказал Майхью.— Они не хотят иметь с нами ничего общего. Они мне говорят... как бы это перевести? Они мне говорят, чтобы выпутываться самим.

— Попробуйте их уговорить,— настаивал Гримс.— Скажите им, что в их интересах позволить нам приземлиться. Должны существовать знания, которыми они не располагают и которые мы им сможем передать?.. Так же как, мы надеемся, они тоже нас чему-нибудь обучат.

Наступило новое молчание, довольно продолжительное. Наконец Майхью проговорил:

— Они твердят: "Уходите прочь и оставьте нас в покое".

Гримс знал, что в молодости его часто называли упрямцем, а в последнее время — упрямым старым бродягой. Он был действительно упрям. Он был готов висеть в марсианском небе неожиданным искусственным спутником до тех пор, пока марсиане не согласятся с ним заговорить. Должен же среди них быть хоть кто-нибудь, достаточно любопытный, чтобы ему захотелось выяснить, откуда явились незваные гости и кто они?

— Они говорят: "Уходите вон",— продолжал Майхью.

— Ммм,— проворчал Гримс.

— Они говорят: "Уходите отсюда, или мы силой заставим вас сделать это".

— Это блеф,— решил Гримс,— скажите им, что я хочу поговорить с начальством, с каким-нибудь ответственным лицом.

— Уходите прочь,— прошептала Кларисс.— Убирайтесь, убирайтесь. Послание все время одно и то же: "Убирайтесь вон!"

— Скажите им...

— Смотрите!— крикнул Виллиамс.

К ним приближался корабль.

— Его не обнаруживает радар. Его не обнаруживает радар,— простонал Карнаби.

Корабль казался огромным, но это могла быть всего лишь иллюзия, поскольку определить расстояние не представлялось возможным. Это была странная конструкция с грандиозными крыльями. Никакого вооружения не было видно.

— Как птица,— прошептал кто-то.

"Итак, они наконец решились заметить нас",— с удовлетворением подумал Гримс. Потом он вспомнил о решительном Хендрике и оглянулся, но было уже поздно, и приказ "Не стреляйте!" так и не прозвучал.

Смертоносный лазерный луч, сверкнув, ударил по крылу марсианского летательного аппарата. Тот дернулся, видимо, потеряв управление и, как мертвый лист, стал падать, вращаясь, на далекую поверхность планеты. Сломанное крыло последовало за ним.

"Моим арбалетом
Я убиваю альбатросов..."

Но сейчас не было времени вспоминать старинную поэзию. Майхью прошептал:

— Они рассердились...

Гримс отдал приказ:

— Максимальное ускорение!— Его отбросило в глубь сидения.— Включить двигатель Маншенна!

Он не знал, какие виды оружия были в распоряжении марсиан, и не собирался проверять их на себе.

Гироскопы начали ритмично трещать и свистеть, когда ускорение достигло максимума. Контуры планет и Солнца стали расплывчатыми и цвета превратились в радугу, когда "Квест" устремился по курсу, прорезая континуум. Яркая вспышка на том месте, где только что был корабль, была весьма зрелищной, но совершенно безопасной. Ответная атака? Совершенно очевидно — выстрел. Умышленный или случайный? Но Хендрик-то стрелял умышленно...

— Я спас корабль,— сказал Хендрик.— Я спас корабль.

— Достаточно, мистер Хендрик,— сухо бросил Гримс.— После того как мы уточним курс, я вам кое-что скажу.

— Хендрик спас корабль,— заявил Далзелл громким шепотом.

"Я бы с удовольствием повесил вам обоим на шеи по альбатросу, грязные подонки",— сердито подумал Гримс, но вслух ничего не сказал.

Глава 10

Хендрик был упрям и неисправим. Он заявил:

— Но, командор, атака — лучшая защита.

И Гримс понял, что ему будет практически невозможно наказать артиллериста. В сложившихся ненормальных условиях было невозможно сохранить дисциплину. Права капитана пока еще признавались экипажем, но надолго ли? Скорее всего до первого серьезного конфликта. На кого действительно он может рассчитывать? Конечно, Сонна, а также Виллиамс и Кларисс, на Карнаби... Безусловно, не на капитана Далзелла и его моряков. Вероятно, и не на Девиса с его помощниками-механиками. Может быть на радиотехника Даниелса?..

Чтобы сохранить порядок на корабле, командир должен продолжать действовать, продолжать метафорически вытаскивать зайцев из метафорической шляпы. Он был в положении человека, вынужденного бежать, чтобы не упасть. Ну что ж, он и побежал! От Галактики Конфинс до Солнечной системы, от Сатурна к Марсу и от Марса к Земле.

Не было никаких сомнений в том, что мир под ним — родная планета. Изображение континентов, видимых сквозь тучи, совпадало с нарисованным Гримсом по памяти. С точки зрения геологии ясно, что "Фарави Квест" оказался в относительно недавнем прошлом Земли: шапки льда на полюсе казались несколько большими, чем на карте Гримса, но чрезмерного обледенения не было, уровень моря, может быть, был иным, и горы — немного выше, но это была Земля.

Карнаби по приказу Гримса поместил корабль на экваториальную орбиту, на меридиан, который более или менее разделял надвое грушевидный материк Африки. Потом, пользуясь инерциальным двигателем, он стал спускаться, держа курс на север. Средиземное море с итальянским ботинком, ударом ноги откинувшим деформированный футбольный мяч — Сицилию, тонуло в скоплении туч. Там, внизу, вероятно, началась осень, может быть, не лучшее время для приземления. Но в этом полушарии у них было больше шансов найти цивилизацию. Строительство пирамид? Слава Греции или величие Рима? Майхью, легко читающий мысли Гримса, позволил себе улыбнуться.

— Нет, Джон, еще нет пирамид и нет Акрополя. Но существуют города.

— И корабли,— сказал Гримс.— Должны существовать корабли. Я надеюсь, что сейчас еще можно найти в море...

— А где, к дьяволу, ты хочешь найти корабли, если не в море?— воскликнула Сонна.

— В порту, стоящие на рейде,— ответил ей Гримс.— Ожидающие конца зимы. В те времена люди зависели от времени года.

Она сказала что-то нелюбезное о деревянных судах и железных людях.

Гримс, отдававший распоряжения навигатору, ничего не ответил. Корабль все снижался и снижался. Со всевозможными предосторожностями Гримс определил угол, по которому корабль спускался, направляясь на восточную сторону Средиземного моря, в воображаемый пункт, примерно на полпути между Кипром и Палестиной. Тир и Сидон уже существовали. Финикийцы, были ли они пионерами в племени навигаторов?

Ниже, все ниже. Корабль теперь находился в атмосфере и опускался сквозь ее плотные слои, но медленно, очень медленно.

"Фарави Квест" задрожал и заскрипел, когда воздух вокруг него стал плотнее и воздушные потоки ударили по нему. Корабль был способен противостоять и более сильным ударам. Сквозь перистые облака он пошел быстрее. Белые кучевые облака простирались теперь внизу, сливаясь с белизной горных вершин, еще ниже лежали темные долины. Несколько минут спустя все вокруг заполнил перламутровый туман, мешающий что-либо видеть.

Внезапно тучи разошлись и стало видно море. Даже с этой высоты были видны белые гребешки волн на голубом фоне. И... И что это за темное пятно?

Гримс приостановил спуск корабля и отдал управление Карнаби. Виллиамс уже настроил большой телескоп, и на экране появилось изображение. Да, это действительно был корабль: тяжелый, широкий, с одной мачтой в середине низкой палубы. Весла, по шесть с каждой стороны, били по воде. Судно плыло, равномерно покачиваясь.

— Так держать,— сказал Гримс Карнаби, а потом Виллиамсу:— Продолжайте наблюдать, пока я не вернусь.

Было бесполезно отдавать другие распоряжения. Гримс учел, что одинокое судно заметило их и приготовилось к нападению. Лично он собирался на одном из катеров поближе познакомиться с судном, взяв с собой только Сонну и Майхью. Катер можно было использовать и как подводную лодку. В сущности, "Квест" был разведывательным кораблем, и на борту его было все необходимое для исследования недавно открытых планет. С катера Гримс сможет незаметно наблюдать за судном. Даже если его увидит горсточка моряков, какое это будет иметь значение? Катер покажется им морским чудовищем и только пополнит уже, вероятно, длинный список морских чудес.

Гримс покинул командный пункт в сопровождении Сонны и Майхью.

Море сильно волновалось. Гримс повел катер на глубину и сразу же почувствовал сжатие пояса безопасности. Он улыбнулся: на глубине более двух метров море было спокойным. Послышался скрип насосов. В течение секунды иллюминаторы рубки управления были затенены пеной, быстро сменившейся зеленоватой водой. Мощная качка сменилась легким покачиванием.

Гримс поднял перископ. Зажегся экран, показывая белые гребешки волн и, наконец, приземистый корпус суденышка.

— Я предпочитаю находиться внизу, а не наверху,— подумал Гримс. Он направил катер ближе к судну. Его сострадание быстро сменилось раздражением. Этот капитан, видимо, не знал элементарных правил навигации. Возможно, мореплавание еще только начало развиваться, но тем не менее должно было уже пройти несколько тысячелетий с тех пор, как первые люди плавали на плотах, пирогах, выдолбленных из стволов деревьев. Гримс пробормотал что-то о людях, неспособных заставить пластиковых уток плавать в ванне.

— И что он такого плохого сделал, этот капитан. Или, вернее, пытается сделать?— спросила Сонна, которая не будучи телепатом, обладала интуицией.

— Ничего он не делает, вот в чем дело,— проворчал Гримс.

— Согласна, ты — эксперт. А что он должен делать?

— Он в трудном положении.

— Хорошо заметное помрачнение ума,— сыронизировала она.

— Дай мне сказать. Он в трудном положении. Если ему не удастся держать нос своего корабля прямо на ветер, то он будет опрокинут...

— Дорогой мой, я не моряк, но тем не менее способна понять его действия.

— Да, да, но есть возможность добиться этого, не мучая гребцов. Я считал, что этот способ такой же старый, как и сама посудина, но вероятно, ошибся. В конце концов, нужно, чтобы кто-нибудь изобрел его.

— И что это за таинственный способ?

— Естественно, плавающий якорь.

— Разве море здесь не достаточно глубоко, чтобы якорь закрепить?

Гримс вздохнул.

— Плавающий якорь — это не то, что ты думаешь. Это не кусок железа или, что более вероятно в эту эпоху, кусок камня. В идеале — это конус из ткани, похожий на парашют. При помощи длинного каната он крепится сзади корабля. Он должен быть полностью потоплен, желательно, на три, четыре метра в глубину, чтобы на него не влиял ветер. Такой якорь позволит судну сохранять правильное положение. Если нет конуса, можно использовать что угодно: деревянную панель, парус, поверхность которого достаточно велика, чтобы служить якорем,— он нахмурил брови, глядя в перископ.— И вот этот глупец дохнет на своем кормовом весле, в то время как его экипаж дохнет от изнеможения на веслах. Ради богов Конфинса, мне больно смотреть на корабль в таком тяжелом положении! Если бы я только мог объяснить этому болвану, что ему нужно делать!

— Вы это можете, Джон,— прошептал Майхью.

Гримс расхохотался.

— Согласен, согласен, этот капитан не единственный тупица здесь. Я забыл, что вы можете так же хорошо передавать, как и получать телепатемы. Вы считаете, что можно передать ему послание?

— Я как раз пытаюсь сделать это... Я в его разуме. И это мне не очень нравится. Естественно, он в ужасе. Это не просто страх перед тем, что может случиться, но также и суеверный ужас... Он не принес нужной жертвы перед отплытием в море и знает это. Вино, которое он вылил на жертвенник, было дешевым и низкого качества, почти что уксус... А коза, которую он зарезал, была больна и никуда не годилась.

— Ммм... если уж надо что-то сделать, то надо делать это хорошо или не делать совсем. А вы можете добраться до него, Кен?

— Я пытаюсь. Он "чувствует" что-то. Он резонирует, если можно так сказать. Он думает, что морской бог ответил на его молитвы. Но суеверие... Это ужасно...

— Наплевать! Это характерно для его эпохи. Будьте морским богом! Ткните его в зад своим трезубцем и заставьте сделать что-нибудь.

Майхью криво улыбнулся.

— Мне это не нравится, но единственная возможность им помочь...— Он начал шептать, шептать мысли, которые старался передать:— "Послушай и ты будешь спасен... послушай и ты будешь спасен..."

— Хорошо,— одобрил его Гримс.— Так и продолжайте. Как только вам удастся связаться с ним, "скажите" ему. Вы слышали мои объяснения относительно техники плавающего якоря? Конечно, конуса нет, но подойдет и что-нибудь другое. Безразлично что.

Наступило долгое молчание, наконец нарушенное телепатом.

— Это трудно, Джон, объяснить что-либо о современном мореплавании примитивному дикарю.

— Современное мореплавание?— возмутился Гримс.— Это относится к давним временам начала морских путешествий!

— Может быть, мысль о жертвоприношении...

— Множество аварий,— со смехом проговорил Гримс.— Жаль, что у них нет справочника Ллойда, чтобы подсчитать это! Вас услышали, Кен! Да. И с каждой стороны втянули весло...

Он весело поглядывал в перископ. Таким образом примитивному капитану пришлось обнаружить в себе черты гениальности, и Гримс, знаменитый адмирал Тарпы, нес за это ответственность.

Сонна уничтожающе посмотрела на него, когда он фальшиво запел морскую песню древних времен.

Да, вот они поднимаются на палубу, волоча что-то.

"Не сюда, стадо коров!"

Капитан, видимо, все-таки знал, что делает, его тяжелое судно, без сомнения, будет лучше держаться на воде и наберет меньше воды, если он отдаст плавающий якорь против ветра. Но что происходит на корме? Бунт? Казалось, там начиналась драка.

"А, наконец!"— подумал Гримс и пробормотал:— Недостаточно большой.

Матросы подняли сверток и бросили его за борт.

"А где, к дьяволу, канат, удерживающий якорь?"

Потом, как раз перед тем как пена снова осела на перископ, Гримс и его компаньоны увидели, что выброшенном свертке был человек.

Глава 11

Можно было сделать только одну вещь, и Гримс ее сделал, но он не должен был торопиться. Одномачтовое судно между тем медленно продвигалось против ветра, удаляясь от маленькой черной фигурки, барахтающейся в воде. Перископ был бесполезен под дождем, и заработал радар катера.

На экране были видны две точки: большая и малая. Расстояние между двумя ними увеличивалось. Гримс направил катер к малой. Несмотря на сложность задачи, это ему удалось. Внезапно катер завибрировал, и Гримс догадался, в чем дело: тонущий человек хватается за соломинку — а стержень перископа был намного солиднее.

Гримс начал всплытие... Шум мотора стал оглушительным, и маленький катер тяжело накренился на поверхности, когда волны захлестнули его, но быстро выпрямился. Был ли человек еще там? Перископ был направлен так, чтобы видеть верх катера. На экране появился мокрый человек, вцепившийся в стержень.

— Мы должны его впустить,— сказал Гримс.

— Я лично полагаю, что ты хочешь сказать "вы".

Сонна отстегнула пояс и встала, за ней последовал Майхью.

— Будьте осторожны,— бросил Гримс.

— Можешь на нас рассчитывать.

Верхняя панель отодвинулась, и струя свежего воздуха проникла в каюту. После недель спертого воздуха и искусственной аэрации это было как искристое вино после теплой воды. Гримс с восторгом глубоко вздохнул и посмотрел, как Сонна и Майхью поднимаются по лестнице. Он уловил голос Сонны, едва слышимый в завывании ветра и шуме дождя.

— Ничего не боитесь, никто вам не сделает зла...

Он подумал, что несчастное человеческое существо в полубессознательном состоянии поймет этот тон, если не слова. Потом Майхью сказал:

— Он в ужасе...

— Вы тоже были бы в ужасе. Помогите же мне, Кен! Влезьте ему в голову или не знаю куда, успокойте его...

— Я стараюсь, Сонна.

— Так вот, постарайтесь получше! Он сейчас выломает перископ,— проворчала она, а потом продолжила более мягким успокаивающим тоном:— Вам больше нечего бояться... Расслабьтесь... Мы вас...

Ей ответил другой голос, пронзительный, бессвязный...

Гримсу показалось, что он разобрал слова...

— Да, это так... держитесь за меня... Дайте мне руку, Кен, или мы все свалимся за борт. Да ... это так... Держитесь за меня. Осторожно... осторожно... сюда.

Сонна показалась в люке, ступила на лестницу и стала медленно спускаться, поддерживая дрожащего от изнеможения и страха человека. Майхью помогал ей.

Вдвоем им удалось заставить его спуститься. Человек в мокрой одежде повалился на пол, сжавшись в комок. Повернувшись в кресле, Гримс посмотрел на него. Это был, безусловно, семит, как и следовало ожидать в этой части света. Спасенного парализовал ужас, что было неудивительно. Ухватившись руками за бороду, он поднял глаза на своих спасителей и попытался заговорить, однако ему это не удалось.

— Я начинаю немного понимать его мысли, Джон,— сказал Майхью,— но очень мало. Он принимает нас за ангелов или не знаю, за что...

— Ммм...

Гримс повернулся к пульту управления и закрыл панелью люк. Катер сильно качало. Он снова погрузился на высоту перископа. Шторм почти закончился, дождь стал меньше, и маленький космический катер был отчетливо виден с корабля на поверхности моря.

Да, он по-прежнему был тут и его легко можно было видеть сквозь сетку дождя. Судно плыло теперь гораздо увереннее. Капитан больше не нуждался в плавучем якоре.

— Я... я знаю кое-что,— странным голосом прошептал Майхью.

— Что это такое, Кен? Да говорите же!

— Он ехал пассажиром на том корабле. Он проповедник, ехал в... Нинивию. Его имя...

— Мне кажется нет необходимости говорить мне это,— проворчал Гримс и подумал:— "Ну, у нас есть теперь зацепка во времени. Когда мы вернемся на корабль с его машинами памяти, мы сможем определить время, в которое попали".

Глава 12

— Итак?— сердито спросил Гримс.— Что вы обнаружили? У нас нет времени. Сонна настаивает, чтобы этот наш друг был высажен на пустынный берег, и не позднее, чем через три дня после его спасения.

— Мы должны уважать Писание,— сказала твердо Сонна.

— Писание? Какое Писание? Ведь я надеялся, спасая его, что мы сможем уточнить время, в котором находимся. И что мы имеем? Что наша машина памяти, наша фантастическая, электронная и энциклопедическая может нам сказать? Только то, что существование этого человека только легенда, немного аллегорическая, и что Большая Рыба, символизирующая Дагон или не знаю, что другое,— вымысел. Что может случиться, если мы будем держать на борту "Квеста" его три дня, три недели, три месяца? Или три года?

— Мы не должны моделировать Историю,— заявила Сонна.

— Историю всегда искажали.

— Да, но не тогда, когда она реальна.

— Во всем существует начало.

Но Гримс знал, что все были против него. Практически ни один член экипажа не был верующим, но у каждого было Святое Писание. И тут, под мощным влиянием успокаивающего из медпункта корабля, у них было живое доказательство того, что Библия — это не просто мифология.

— Лучше придерживаться текстов Библии,— сказал Виллиамс.

— Это будет самым разумным,— добавил Карнаби.

Гримс вглядывался в лица окружающих его старших офицеров и понимал, что все они за то, чтобы возвратить утопающего на Землю. Он не мог удержать иронической улыбки. Таким образом, этот несчастный был, если можно так сказать, двойником Жонаса, сперва выброшенного за борт моряками, а теперь — аэронавтами. Ему было жаль беднягу. Новые попытки Сонны и Майхью могли бы дать важные сведения.

— Значит, мы его отпустим,— сказал Гримс.— Но все же вы должны были что-нибудь обнаружить, Кен?

— Со временем мы можем вам обещать разрешить любую задачу, самую трудную,— сказал телепат,— но у нас не было времени ... Как объяснить вам это, командор? Представьте себе, что вы пытаетесь кого-нибудь допросить, кто говорит с вами на одном языке, но что этот человек так напуган, что он безостановочно вопит, ничего не говоря. Да, конечно, мы можем читать мысли, употребляя обычный жаргон, но это помогает лишь тогда, когда мысли более или менее связные. А у него они совсем бессвязные.

— Итак, он по-прежнему в ужасе?

— О да! Попробуйте встать на его место. Он находится в брюхе гигантской рыбы.

Он имеет право быть напуганным.— Ни за что на свете! Он был лучше ухожен и обслужен, чем пассажир самого роскошного самолета. Специально приготовленные блюда подавали самые очаровательные девушки.

— Которых он считает за гарпий, ожидающих возможности вонзить в него свои крашеные ногти, чтобы унести в ад...

— А вы не можете войти в его разум, Кларисс, и успокоить его?

— Я прошу вас поверить, что мы все время пытаемся сделать это. И нам бы со временем это удалось, но трех дней для этого недостаточно.

— И эти три дня уже почти прошли,— сказала Сонна, взглянув на часы.

Гримс вздохнул, встал и поднялся на командный пункт. Он посмотрел в обзорный экран, но "Фарави Квест" находился над облаками, откуда ничего не было видно, кроме волнующегося моря с гребнями белой пены.

Тем временем Карнаби нарисовал карту и с гордостью показал ее Гримсу.

— Мы находимся здесь,— заявил он, ткнув кончиком карандаша в маленькую точку, обведенную кружком,— а тут есть город.

Гримс взял карандаш.

— А тут мы приземлимся: здесь есть хорошо защищенная небольшая бухта. Оттуда до города не больше трех дней ходьбы. И я предполагаю, что это Ниневия.

Гримс посмотрел на компас, измеряющий расстояние.

— Ммм... Я начинаю думать, что если я с наступлением ночи поведу катер, чтобы высадить нашего пассажира в указанном месте, это избавит от усталости всех.

Сонна воскликнула:

— Тогда Всевышний прикажет рыбе выбросить Иону на берег. Слова Всевышнего, обращенные к Ионе, во второй раз были такими: "Встань! Пойдешь в Ниневию, большой город, и передай им весть, которую я тебе скажу". Иона встал и, следуя приказу, пошел в Ниневию. Ниневия была большим городом, понадобилось три дня, чтобы дойти туда.

— Катер готов, Виллиамс?— спросил Гримс.

— Да, командор.

— Ну, тогда покончим с этим!

* * *

Гримс сам пилотировал маленький катер, вывел его в пике из корабля перед тем как коснуться воды и посадил примерно в пятистах метрах от берега. Он отказался от мысли приземлиться прямо на берегу: может быть, это против Писания. Катер сильно качало. Гримс не удивился, услышав, что кого-то тошнит в каюте позади него. Ему стало жалко спасен-

ного — скорее всего, это был он: сочетание моря со страхом вызвало у несчастного тошноту. Гримс попытался игнорировать запах и звуки и сконцентрировал все внимание на том, чтобы привести катер точно к намеченному пункту. Воздушная разведка показала, что о рифах беспокоиться не стоит, но это не улучшило состояния пассажиров катера, которых сильно укачало. Гримс поднял катер над морем на случай, если на земле окажутся нежелательные наблюдатели, пролетел мимо подводных скал и наметил, как цель, одинокую пальму. Миновав отмель, он выключил инерциальный двигатель и осторожно посадил катер. Повернувшись, он увидел, что Майхью и Сонна все еще поддерживают инозем-ца. Он, бледный, полумертвый от страха и тошноты, был в плачевном состоянии, но его несчастья почти кончились или только начинались.

— Мы его выпустим, Джон?— спросила Сонна.

— Да, если ты уверена, что это согласуется с Библией.

— Должно быть...— холодно сказала она.

Люк открылся, короткая лестница удлинилась. Сонна и Майхью повели человека, похожего на ком грязных тряпок, к люку.

Казалось, он совершенно не способен пройти пешком сорок километров, но тем не менее ему придется уважать сценарий.

Ощутив под ногами благословенную землю, окруженный знакомым пейзажем, он очень быстро пришел в себя. Он упал и принялся целовать землю. Потом наконец выпрямился, сел и уставился на пальцы, с которых сыпался золотой песок. Его бородатое лицо осветила радостная улыбка, которая исчезла, как только он поднял глаза и увидел над головой самолет-амфибию. Человек быстро отвернулся, чтобы посмотреть на землю, на дюны, на пальмовые рощи и на синеватое очертание гор на горизонте, шатаясь он поднялся на ноги и пошел в глубь страны с завидной настойчивостью, подальше от проклятого моря и его обитателей.

— Еще один удовлетворенный клиент,— прошептал Гримс. Сонна и Майхью вернулись на борт, люк был закрыт, катер взлетел и направился к далекому "Фарави Кверст".

Глава 13

Вернувшись на корабль, Гримс, Сонна и Майхью направились прямо к Гримсу, который пригласил еще Кларисс и Виллиамса. Естественно, Кларисс не надо было спрашивать о том, что произошло: она была в постоянной телепатической связи со своим мужем. И немного времени понадобилось, чтобы ввести Виллиамса в курс дела. Потом...

— У меня намерение завтра утром на рассвете приземлиться,— заявил Гримс.

— Будет ли это разумным?— спросила Сонна.— Я уже говорила и повторяю еще раз, мы не должны вмешиваться в Историю.

— Разве мы собираемся это сделать?— возразил ее муж.— Последний эпизод, мне кажется, доказывает, что мы составляем часть Истории.

— Оставьте Историю в покое, командор,— вмешался Виллиамс.— Я вам скажу вот что: если экипаж не получит в скором времени какого-нибудь занятия, то мы получим мятеж.

— Это серьезно, Вилли?

— Очень серьезно. В течение дня мы висели над маленьким клочком пустого моря, ничего не видя, кроме воды и облаков. Это еще хуже, чем быть на орбите. Вопрос в том, что мы оказались так близко от Земли и вместе с тем далеко.

— Кен?

— Я должен был известить вас, Джон, но думал, что вы знаете. К тому же, я довел до минимума свои исследования. И нет необходимости быть телепатом, чтобы почувствовать мрачную атмосферу, сгущающуюся на корабле. И незачем читать мысли, чтобы догадаться, о чем они думают: "Он и его дружки спускаются на поверхность, когда им хочется, а мы?"

Гримс грустно улыбнулся.

— Я знаю, знаю. Вот почему я решил приземлиться.

— Я продолжаю настаивать на том, что это рискованно,— заявила Сонна.

— Почему?

— Это очевидно. Там, внизу, мы имеем примитивную, на уровне каменного века, цивилизацию. У нас же — корабль, набитый до отказа техникой нашего времени. Что из этого может получиться?

— Ничего особенного,— заверил ее Гримс,— если я доставлю на место свое старое такси с обычной ловкостью.

Сонна подождала, пока все перестали смеяться, и холодно добавила:

— Ты меня хорошо понял?

— Да, и я повторяю: ничего особенного. Только элементарная техника будет иметь значение для этих людей. Все, что выше их понимания,— это магия.

— А разве этого мало?

— Нет. Вспомни земную мифологию, полную легенд о богах, сошедших со звезд на Землю. Весьма возможно, что некоторые легенды, даже большинство, базируются на реальности. И возможно, мы участвуем в создании какой-то части мифологии. Вполне возможно. Нет, это действительно так!

— Иона,— прошептал Майхью.

— Да.

— Но откуда ты можешь знать,— упрямо настаивала Сонна,— что наш Иона был "тот" Иона? В сущности, это должно быть очень распространенное имя в те времена. Настоящий Иона, может быть, был спасен из морской могилы два или три века тому назад. Или, может быть, это еще только случится лет через сто.

— А! Прошу тебя, не пытайся искать совпадения...

— Но совпадения существуют! Я продолжаю думать, что наладив контакт с людьми этой эпохи, мы рискуем повлиять на ход Истории.

— И тогда? Возможно, мы никогда не родимся. И не только не вернемся в наше собственное время, но просто исчезнем. Нас никогда не было.

Гримс играл со своей старой трубкой, сожалея, что ее нечем наполнить. А что, не растет ли табак в бассейне Средиземного моря? Стоило поискать.

— Послушай меня, Сонна. Наше исчезновение невозможно. С каждой секундой времени бесконечные нити вселенной протягиваются в будущее. Некоторые, может быть, более реальные, чем другие. Возможно, многие. Все они реальны для живущих людей. И мы есть или обязательно будем рождены. Что бы там ни было, я почти уверен, что мы не исказим Историю. Ведь нельзя получить паровой двигатель раньше эпохи паровых двигателей.

— Как это?

— Паровая машина — это очень древнее изобретение. Понадобились века для того, чтобы кто-то додумался до нее. Когда была изобретена первая примитивная паровая турбина, не было потребности в механической энергии. Так же как у здешних дикарей не будет потребности в нашей космической технике. Завтра мы приземлимся.

— Это будет самым благоразумным, Джон,— сказал Майхью.— До настоящего времени весь экипаж еще за вас, но недовольство налицо. Я сказал "весь экипаж"? Да, за исключением этих проклятых моряков. Я не знаю, о чем они думают, но пока они в меньшинстве и не способны овладеть кораблем.

— Вы сказали, до настоящего времени.

— Да. До настоящего времени. Как только вы позволите им покинуть на некоторое время эту железную гробницу, экипаж будет лояльным. Если же вы будете держать людей взаперти, все может случиться.

— Тем не менее мне не нравится мысль о приземлении,— настаивала Сонна.— Я считаю, что у нас будут неприятности.

— Что бы мы ни делали, у нас будут неприятности,— возразил ей Гримс.— Мы сможем вернуться на Марс... и дать растереть себя в порошок. Мы сможем носиться по Вселенной и умереть от старости до того, как найдем другую обитаемую планету. А Земля ведь наша родина... и мы возвращаемся к себе.

— Ты — капитан,— пробормотала она.

Глава 14

Острова Греции...

Эти слова, обрывок строчки наполовину забытых стихов, были для Гримса чем-то вроде магии. Воспоминания об удивительной, особенной области, названной своими обитателями Спартой, с ее античной культурой, волновали капитана. Ему хотелось бы знать, какова настоящая Спарта. Он мог бы приземлиться в Египте или в Палестине, в Италии или Испании, в Карфагене, но он решил приземлиться в Греции. Он был неспособен вспомнить земную географию даже с помощью телепатов, но это не имело никакого значения. Очертания города были достаточно узнаваемы, даже если Гримс и не мог в точности знать, где были или будут Спарта и Афины. Он рассчитывал на приборы, чтобы с их помощью выбрать нужное место для приземления: плоское, между морем и горами, возле небольшого источника воды. Преимущества посадки на восходе солнца были очевидны. Лучи света, почти горизонтальные, обнаруживали все неровности посадочной площадки.

Медленно и старательно Гримс вел корабль все ниже и ниже, в спокойном и свежем воздухе раннего утра. Приблизившись к поверхности Земли, Гримс заметил струйки голубого дыма, поднимающегося почти вертикально, немного к северу от предполагаемого места посадки. Костры в поле? Огни в городе? Карнаби увеличил изображение на экране и ясно разглядел несколько домов среди зелени.

А жители? Они, безусловно, должны были услышать необыкновенный грохот в небе без туч! Они, безусловно, должны были увидеть корабль — огромную темную глыбу, падающую с неба.

"Это происшествие или другое, похожее, дало тему античным драматургам Греции: "Боги в полете",— эта мысль заставила Гримса улыбнуться. Тем не менее, и это было любопытно, полет богов был действительно популярен в греческом театре.

Да, там были люди. И они вышли, и они не жались пугливо в тень. Они стояли так, перед своими домами, подняв головы вверх. Гримсу хотелось произвести на зрителей наиболее выгодное впечатление, но он удержался: внезапный поток пламени, сверкающий и ослепляющий, рисковал спровоцировать панику. Просто удивительно, что ее не было до сих пор.

Не отрываясь от пульта управления, Гримс спросил:

— Что они о нас думают, Кен?

— Естественно, они принимают нас за богов. Они боятся, и это нормально, но решили не показывать своего страха.

Майхью рассмеялся.

— Я восхищен их отношением к богам вообще и, в частности к нам. Мы для них — сверхлюди, но не нечто сверхъестественное. Их боже-

ства просто больше, чем нормальные люди, мужчины и женщины, вот и все...

— Или меньше,— сказал Гримс,— или меньше...

Ему пришла в голову мысль, что он сам будет считаться у аборигенов богом. Что-то вроде Иисуса, может быть... Такая перспектива привела его в хорошее настроение. Он не будет жаловаться. В конце концов, разве он не командир? Они должны отдавать ему должное.

Он посмеялся про себя, а потом сосредоточился на пилотировании. Его внимание привлекла огромная кварцевая скала на юге, длинная черная тень которой падала на траву, скорее коричневую, чем зеленую. Радар сообщил, что почва достаточно плотна, чтобы выдержать огромный вес корабля. Поверхность не была совершенно ровной, но система приземления действовала автоматически.

Потом на экране появилась хорошо видимая площадка, трава которой казалась скорее желтой, чем коричневой или зеленой. Была ли то трава или тысячи маленьких цветов? Это не имело значения. Гримс чуть развернул корабль, он был почти на земле. Высота упала с десятка метров до одного, потом менее метра. В течение долгих секунд корабль опускался, грохоча двигателями. Гримс ощутил мягкое сотрясение, почти незаметное колебание, и огромные телескопические амортизаторы поглотили удар. Непрерывный грохот сменился слабым шелестом. Да, корабль устойчиво сел на три ноги и элерон.

— Выключить двигатель,— приказал Гримс.

* * *

— Мы пойдем к ним?— спросил Виллиамс.— Или они пусть придут к нам?

Гримс озадаченно хмыкнул.

Он посмотрел на экран большого телескопа, направленного на городок. Люди большого роста и пропорционального сложения носили легкую одежду или были наги. У мужчин и женщин преобладали светлые волосы, но иногда встречались и темные. Все взрослые мужчины были бородаты. Люди с любопытством разглядывали блестящую башню, упавшую с неба.

Даже собаки, твари с длинной шерстью, похожие на волков, пристально взирали на корабль.

Гримс с некоторой завистью посмотрел на этих людей — предков эллинов, которые позднее (через сколько времени?) заселят эту страну, и прозаически сказал:

— Что, если впустить немного свежего воздуха в нашу консервную банку?

— К вашим услугам, командор!— весело откликнулся Виллиамс.

Он связался с машинным отделением. Через несколько секунд вентиляторы перестали перегонять отработанный воздух внутри корабля

и стали втягивать наружный воздух. Кто-то чихнул. Запах сосен был очень силен и смешивался с неизвестным пряным ароматом.

В городе жизнь била ключом. Люди входили в свои дома и снова выходили. Начал образовываться небольшой кортеж. Мужчина более высокого роста, чем остальные, надел на себя грубые кожаные латы и прицепил короткий меч с широким лезвием, блестящим, как золото, в лучах утреннего солнца — может, то была бронза? Полдюжины других мужчин, тоже в латах, вооруженные копьями с кремневыми наконечниками, выстроились следом. К ним присоединился великан, такой же большой, как вождь, но намного шире его в плечах и очень мускулистый, небрежно обернутый в звериную шкуру, длинная шерсть которой смешивалась с волосами, густо покрывавшими его тело. Он был вооружен большой грубо обтесанной палицей. За ним шли музыканты, играющие на чем-то, напоминающем волынку, и трое барабанщиков, несущих через плечо инструменты, сделанные из выдолбленных деревянных пней, обтянутых кожей, их палки были из костей, сверкающих белизной.

Кто-то на командном пункте включил микрофон, направленный наружу. Стали слышны пронзительные звуки волынок и грохот барабанов.

Обращаясь к тем членам экипажа, которые считали себя шотландцами, Гримс заметил, что музыка мало изменилась за прошедшие века.

— Вы совершенно уверены, что это Греция, командор?— спросил Виллиамс.

— Я не вижу юбок,— сказал Карнаби, которого, казалось больше интересовали женщины, замыкавшие шествие, чем мужчины.— Они даже не носят кожаного передника, как шотландцы.

Вместе с офицерами Гримс смотрел на экран. Обитатели города медленно приближались к кораблю, ведомые большим мужчиной в латах и великаном в звериной шкуре. Позади них шли музыканты, потом копьеносцы, и в конце кортежа женщины, совершенно голые, идущие с естественной грацией людей, с детства привыкших носить тяжести на голове. И эти женщины были нагружены... большими кувшинами и корзинками. Одна из них несла маленькое животное, козленка или ягненка.

— Жертва?— спросил Гримс у Майхью.

— Нет, командор. Не обязательно. Эти их соображения... неясные. Я слышу их мысли, но среди них нет никого, способного принимать телепатемы. Жертва? Я сказал бы, скорее — предложение мира.

— Забавная реакция для примитивного племени...

— Не настолько. Они должны еще увязать наше появление с их собственными представлениями о богах. Как я только что сказал, их боги скорее сверхчеловеческие, чем сверхъестественные.

— И, вероятно, я поступаю правильно, если спущусь и встречу этих... предлагающих мир?

— Я считаю, что да.

Гримс подумал о том, что неплохо бы переодеться в парадную форму с треуголкой и шпагой для церемонии. Но едва ли эти люди сумеют оценить такое великолепие. К тому же, температура воздуха за бортом корабля была уже 25 градусов и не переставала повышаться. Он решил, что шорт и рубашки будет достаточно, а его самая красивая фуражка с золотым лавровым листом на околышке, которую не портило время, довершила наряд. Не в Греции ли было придумано, чтобы лавровый венок считался знаком доблести?

— Очень хорошо,— сказал он Виллиамсу.— Пусть откроют заднюю шлюзовую камеру и спустят лестницу.

Потом обратился к Хендрику:

— Подготовьте легкую артиллерию, чтобы контролировать пространство вокруг корабля. И я вас предупреждаю: ни одного неверного или поспешного жеста! Стрелять лишь только по моему приказу.

Затем он повернулся к Далзеллу:

— Я хочу иметь охрану, капитан. Вы сами и шестеро ваших лучших людей, самых верных. Да, наденьте вашу парадную фуражку при обычной тропической форме.

— А оружие?— спросил Далзелл и как бы с сомнением добавил: — Командор.

— Ммм... только парализующее.

— Я бы посоветовал пистолеты. Пуля в шестнадцать миллиметров бьет насмерть.

— Только парализующее,— твердо повторил Гримс.— Если оно будет недостаточно действенно, мистер Хендрик сможет наделать много шума своими игрушками для вашего удовольствия.

Капитан ничего не ответил, небрежно поклонился и большими шагами вышел из командного пункта.

"Еще один неудовлетворенный клиент".— подумал Гримс. Но недовольство моряков мало его интересовало.

Он спустился к себе в каюту за фуражкой, посмотрел, как переодевается Сонна, заменяя короткую юбку брюками со стрелками. Он ничего не сказал, догадываясь, что такова была ее реакция на наготу чужеземных женщин. Как большинство женатых мужчин, он уже давно перестал ждать от своей жены логических поступков.

— Готова?— спросил он.

— Готова,— ответила она.

Он последовал за ней к парадной шлюзовой камере.

Глава 15

Гримс медленно спускался по лестнице, согласуя свои шаги с теперь уже недалекими ударами барабанов. Уши болели от пронзительного визга волынок. Позади шел Далзелл со своими моряками. Все шестеро были очень высоки, тусклая расцветка их униформы компенсировалась сверканием ярко начищенных знаков отличия на груди.

Сонна шла справа. Майхью — слева. Позади них выстроились Далзелл и его подчинённые. Появление их из корабля испугало процессию: барабанщики пропустили несколько ударов, волынщики прекратили пронзительный визг волынок. Но двое в начале процессии продолжали невозмутимо идти вперед. Первый, видимо, вождь, шел, подняв свой сверкающий меч, второй — косматый гигант, небрежно несший на плече огромную палицу, не отставал от него. После некоторого колебания другие тоже стали приближаться, но в их поведении не чувствовалось уверенности вождя.

Гримс не шевелился. Он надеялся на парализоторы в руках моряков.

Менее чем в двух метрах от астронавтов человек в латах остановился. Великан сделал еще один шаг, потом отступил, чтобы встать рядом. Барабаны и волынки, к счастью, совсем смолкли. Копьеносцы и женщины, несущие дары, сгруппировались немного сзади.

Гримс невозмутимо посмотрел на человека в латах, сохраняя выражение лица, как позднее сказала ему Сонна, достойное адмирала Хлонброцера. Туземцы уставились на него.

"Мне что, попросить его проводить меня к вождю?— спросил себя Гримс.— Но ведь вождь-то — он. Безусловно".

Грубые латы не могли скрыть великолепных пропорций его тела. Шлем и бронзовый меч явно доказывали высокое положение.

Внезапно вождь взмахнул рукой с мечом, и Сонна издала слабый крик. Далзелл немедленно отдал приказ своим морякам.

— Нет,— быстро прошептал Майхью,— спокойнее, капитан,— а потом обратился к Гримсу: — Все идет хорошо, командор!

Вождь переложил меч в левую руку и опустил его острием вниз, к земле. Правая рука, пустая и открытая, поднялась в приветственном жесте. Гримс ответил, поднеся руку к фуражке.

"А теперь?— спросил он себя.— Я должен принять решение..."

— Пока еще нет,— вслух ответил его мыслям Майхью.— Сначала они хотят узнать, что мы им дадим.

— Нет, это немного позднее. Мы должны доказать наше превосходство, и это будет нетрудно сделать,— сказал Гримс, уверенный в мощи своего оружия и в том, что огромный корабль произвел сильное впечатление на туземцев.— Фактически, это ведь и так видно.

— Я не знаю,— сказала Сонна,— я не знаю...

Она с восхищением рассматривала красивую фигуру вождя. Потом Гримс обнаружил, что она смотрит уже не на вождя, а на великана рядом с ним.

— Ммм...— недовольно промычал он.

Вождь туземцев что-то сказал на своем языке. У него был важный, музыкальный голос, и слова произносились в определенном ритме. Майхью шепнул:

— Я подслушал его мысли по мере того, как он говорил. Наш борец должен побороться с их борцом.

Гримс посмотрел на тяжелый бронзовый меч. Даже теперь, когда владелец держал его в левой руке, опустив вниз, он казался грозным.

— А мы можем выбирать оружие? Я могу выбрать то, которое захочу?

— Вы должны бороться не с вождем, а с Гераклом. Вот он, с палицей. И мне кажется, это должен быть поединок без оружия.

Гримс почувствовал некоторое облегчение. У вождя был человек, который будет бороться вместо него. А то, что достаточно хорошо для вождя, достаточно хорошо и для командира космического корабля. Но... Но сможет ли он приказать кому-нибудь помериться силами с этой волосатой горой мускулов? Вождь банды дикарей имел возможности, утраченные простыми командирами космических кораблей...

Далзелл подошел и обратился к начальнику.

— Мне кажется, я понял, командор. Вам нужен борец, который разбил бы морду этому Гераклу, или как его там. Конечно, если вы не предпочтете заняться им сами.

— Я не чемпион по боксу или кетчу, капитан.

— Я не сомневаюсь в этом. Но все мои люди специализировались в единоборствах. Я могу спросить, не найдется ли доброволец?

— Я прошу вас об этом, капитан.

Добровольцем оказался моряк Титанов. Он быстро разделся и остался в одних трусиках. Без одежды он мог бы сойти за близнеца Геракла. Лохматый великан свирепо улыбнулся, и Титанов ответил ему тем же. Они были похожи на двух псов, показывающих друг другу зубы. Геракл отдал свою палицу одному из копьеносцев, скинул звериную шкуру и отбросил ее огромной ногой. Шкуру подобрала одна из девушек и с восторгом прижала к груди. Гигант напряг свои мускулы, и они заиграли, перекатываясь, как большие змеи... Он два раза кулаками ударил себя в грудь, откинул голову и завыл, как волк.

Тем временем вождь уверенно отдавал приказания. Его люди образовали нечто вроде круга, метров десяти в диаметре, в центре которого встал борец.

Геракл засмеялся и поднял правую руку: она была толще бедра нормального человека. Он сжал кулак. Ему не нужна была тяжелая палица. Кулака было достаточно.

Вождь повернулся к Гримсу. Он ничего не сказал, но его бородатое лицо было достаточно выразительно: "Твой человек готов?"

— Да,— ответил Гримс.

Он надеялся, что моряку удастся победить противника.

Вождь взял меч в правую руку, поднял его и резко опустил. Барабанщики судорожно забили в барабаны. Волынки издали короткий пронзительный вой.

— Идите, Титанов, идите!— приказал Далзелл.

— Иди, иди!— закричали моряки.

Титанов пошел. Он шел медленно, собравшись, слегка сгорбив широкие плечи. Он дошел до круга, и люди потеснились, чтобы дать ему пройти. Какая-то женщина на секунду задержала его, чтобы с любопытством ощупать материю его трусиков. Несмотря на кажущуюся массивность, Титанов двигался исключительно легко. Руки были свободно опущены, ладони — открыты. Но это ни о чем не говорило: удар карате был более опасен, чем просто удар кулаком. Он наконец оказался рядом с Гераклом, который внезапно взмахнул кулаком и ударил, как молотом. Если бы он попал по голове моряка, его мозги вывалились бы на траву.

Но кулак прошел мимо. Титанов очень легко, с грацией балетного танцора, уклонился... и со страшной силой ударил Геракла ногой в живот. Геракл завопил, упал плашмя на землю, обхватив руками живот. Плечи гиганта затряслись, и его стошнило.

Гримс услышал, как Далзелл отдал приказ своим морякам приготовиться к бою и понял, что капитан боится, как бы удар ниже пояса не вызвал нежелательной реакции у местных жителей. Он схватил Сонну за руку с намерением толкнуть ее к лестнице при первом признаке опасности.

Майхью тихо рассмеялся.

— Не беспокойтесь, Джон. Для них это правильная борьба. Они принимают решение.

— Будет лучше, если мне не придется демонстрировать им нашу силу на их собственной шкуре.

— Вам не придется.

Женщины окружили Титанова. Одна из них неведомо откуда достала зеленый венок и возложила победителю на голову. По всей видимости, побежденный борец не был популярен.

— Титанов!— проворчал Далзелл, а потом громко закричал: — Титанов!

— Мой капитан?— наконец ответил моряк.

— Одевайтесь! Немедленно!

— Хорошо, мой капитан.

Титанову наконец удалось вырваться из кольца почитательниц. Им пришлось его отпустить, и он медленно направился к кораблю. Казалось, его совершенно не смущало то, что он потерял свои трусики.

Глава 16

— А теперь?— спросил Гримс у Майхью.

Он с сожалением посмотрел на Геракла, стонавшего, скорчившись на траве.

— Может быть, я должен вызвать врача? Что можно сделать для этого бедного малого?

— Нет, не надо. Я вам этого не советую. Мне кажется, что знахарка или колдунья не замедлит появиться, чтобы заняться им.

— А что говорит вождь?

— Он приказывает женщинам предложить нам свои подарки.

— Да? И что же я должен сделать?

— Вы должны приветливо принять их. Скажите им что-нибудь приятное, улыбнитесь.

— Ммм... Я полагаю, что смогу сделать это. А я что-нибудь должен дать им?

— Только вождю, Джон. Мне кажется, что его зовут Гектор.

— А что доставит ему удовольствие?

— Он более или менее надеется, что вы подарите ему что-нибудь из оружия.

— Никаких разговоров об огнестрельном оружии,— твердо сказал Гримс.

Он оказался в затруднительном положении. В любое другое время при контакте вокруг него была бы толпа специалистов, способных дать разумный совет. А тут в его распоряжении не было даже простого этнолингвиста. Впрочем, ему еще повезло: он располагал двумя превосходными телепатами: их талант помогал ему, насколько возможно, переступать языковый барьер.

— Отдай ему свою парадную шпагу,— предложила Сонна.— Я никогда не любила этот древний нож!

— Нет!

— Если я осмелюсь сделать вам предложение,— вмешался Далзелл,— то мой сержант-пиротехник иногда развлекается изготовлением довольно забавных арбалетов.

— Спасибо, капитан. Это отлично решает проблему.

Далзелл сказал несколько слов в браслет-передатчик, а потом сообщил Гримсу:

— Арбалет будет здесь через пять секунд, командор.

— Отлично!

Вождь медленно приближался, церемонно размахивая сверкающим мечом. Позади него выстроились в цепочку женщины с сосудами и корзинками. Они шли с удивительной грацией, среди них были блондинки и несколько брюнеток, все с прекрасной золотистой кожей,

блестевшей на солнце. Гримс и остальные мужчины не могли скрыть своего восхищения.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих,— сухо процитировала Сонна.

— Да?— сказал Гримс,— очень забавно.

— Но достаточно проверено, мой дорогой.

Теперь вождь держался настороженно, сбоку от процессии женщин. Первая в ряду, скульптурная блондинка, медленно приблизилась к Гримсу, двумя руками сняла с головы амфору и, легко упав на колени, поставила сосуд у ног командора. Потом женщина встала, поклонилась и ушла.

— Ты даже не поблагодарил ее,— ядовито сказала Сонна.— Но, без сомнения, тебе было не до хороших манер.

— Я полагаю, что в этом сосуде масло,— сказал Майхью,— оливковое масло.

К Гримсу по очереди подходили другие женщины. По мере того как каждая ставила свое подношение, он машинально улыбался и бормотал:

— Спасибо... спасибо... спасибо...

Некоторые корзины содержали зерно, в других были фрукты.

"В остальных кувшинах,— подумал он,— должно быть, вино или пиво".

— Командор! Командор!

Это прибежал сержант-пиротехник.

— Арбалет, командор!

— Да? Спасибо!

Гримс взял оружие, тяжелое, но не слишком, и принялся с любопытством и восхищением его рассматривать. В обойме, достаточно широкой, мог поместиться довольно большой металлический кубик. Несмотря на сложную конструкцию, арбалет никогда не смог бы быть скорострельнее современного оружия, но тем не менее он был оружием, полезным, мощным и действенным.

Вождь подошел к Гримсу и нагнулся, разглядывая арбалет. В его глазах читалась преждевременная радость и жадность.

— Не продемонстрируете ли вы арбалет, сержант?— спросил Гримс, возвращая арбалет моряку.

Сержант, ворча от напряжения, двумя руками натягивал тетиву, пока не послышался сухой щелчок. Потом из сумки на поясе он вытащил металлический кубик и зарядил арбалет. Затем, положив его на плечо, замер в ожидании.

— Куда стрелять, командор?— спросил сержант.

Вождь догадался о смысле, даже не понимая языка. Он широко улыбнулся и пальцем указал на несчастного Геракла. Побежденному борцу удалось сесть, и старая морщинистая женщина поднесла к его губам какое-то питье в сосуде.

Сержант был способен выстрелить в него, но Гримс запротестовал.

— Нет! Категорически нет!

— Я могу выбить из рук старухи кувшин, командор...

— Не может быть и речи! Стреляйте туда!

Он указал на небольшую скалу из белого камня, метрах в двухстах отсюда.

— Это может испортить кубик, командор.

— Будет очень жаль! Цельтесь, стреляйте!

— К вашим услугам, командор,— недовольно пробурчал сержант.

Натянутая тетива щелкнула, мелодично зазвенев. Маленький кусочек металла засверкал на солнце, летя к скале. Он ударил, и внезапно поднялось облачко пыли. Когда пыль улеглась, можно было видеть расколотую на две части скалу: удача сопутствовала выстрелу, кубик попал в скрытый дефект скалы.

Вождь воскликнул нечто явно одобрительное. Он положил свой меч на землю и протянул обе руки к новой игрушке. Любовно взяв арбалет, он почти без усилий натянул тетиву. Гримс осторожно, насколько это было возможно, переместился, чтобы встать между вождем и тем, кого тот мог избрать своей жертвой. Сержант дал ему металлический кубик.

Стадо овец паслось на траве возле корабля. Вождь опять улыбнулся, показав все свои отличные зубы, и старательно прицелился в черного барана, идущего во главе стада. Ему сначала было трудно понять принцип действия оружия, но потом наконец он выстрелил.

Это опять был счастливый выстрел, кубик попал несчастному животному прямо в голову между рогами.

"Что же я делаю?" — спросил себя Гримс, почувствовав угрызения совести. Потом он решил, что лук уже, безусловно, должен существовать, и появление арбалета в этом мире, даже на несколько тысячелетий раньше, едва ли изменит историю.

— Клиент доволен,— с гордостью заявил Далзелл.

— Ммм,— отозвался Гримс.

Глава 17

После обмена подарками — несколько ножей, два молотка и одна пила за корзины с продуктами, сосуды с маслом, пивом и молоком — туземцы вернулись в город. Гримс подумал, не следует ли проводить их, но Майхью посоветовал ему не делать этого.

— Они не станут протестовать, Джон, они слишком учтивы по природе. Но праздник назначен на этот вечер, и они должны подготовиться к нему.

— Какой праздник?— спросил Гримс.

— А ты рассчитывал получить пригласительную карточку?— спросила Сонна.

— Нет, без сомнений... Итак, будет праздник, если я правильно вас понял, Кен?

— Да, в нашу честь.

— Тогда эти продукты могут оказаться нам полезны. Капитан Далзелл, пожалуйста, прикажите отнести эти подарки к биохимику и попросите его вместе с врачами выяснить, сможем ли мы пробовать здешние вина и другие продукты без вреда для себя.

— Хорошо, командор.

— И еще, капитан...

— Командор?

— Не будет никакого, я повторяю, никакого братания с туземцами. Я отдам такой же приказ Виллиамсу для всех астронавтов на борту, женщин и мужчин.

— Понятно, командор.

Гримс обратил внимание на выражение лиц моряков Далзелла. Если бы взгляды могли убивать, он не прожил бы и секунды. Титанов казался еще более обозленным, чем его товарищи.

— А как с... этим праздником сегодня вечером?— спросил капитан.

— Увидим позднее, я вас предупрежу.

Гримс услышал, как один из солдат пробормотал:

— Опять пирушка только для начальства...

* * *

Вернувшись на борт корабля, Гримс пригласил в свою каюту Виллиамса, Майхью и Кларисс.

— Мы знаем, где находимся,— сказал он им,— но по-прежнему не знаем, в каком времени.

— Сейчас, очевидно, идет бронзовый век?— спросил Виллиамс.— Меч этого вождя похож на бронзовый.

— Слишком приблизительно,— заявила Сонна.— Другими словами, это не пятнадцать дней или три недели.

Гримс сердито заворчал. Его жена, как всегда, была права. Эпоха бронзы, последовавшая за каменным веком, продолжалась долго. Но когда она, в сущности, началась? Он ничего не знал и сомневался чтобы кто-нибудь на борту знал об этом. Машины памяти на корабле были переполнены информацией обо всем, что можно себе представить, за исключением древней истории Земли.

— Судя по всему,— сказала Сонна,— мы в начале бронзового века.

— Как вы вычислили это?— спросил Виллиамс.

— Предметы из металла так редки, что они полагаются только вождям. Вождь здесь имеет бронзовый меч, а наконечники копий у его солдат — кремниевые.

— Возможно,— согласился Гримс.— Это возможно. С другой стороны, может быть, это какое-нибудь отсталое и очень бедное поселение. Так же как и в наше время, не все имеют возможность добыть себе современное оружие.

— Существует очень мало планет, которые этого не могут!— воскликнула Сонна.— Пушки раньше масла — это всегда было одним из принципов человечества. Так было всегда, еще задолго до того как этот сумасшедший немецкий диктатор — как там его звали?— Гитлер, кажется, выдумал эту фразу.

— Значит, мы можем предположить,— сказал Гримс,— что предметы из бронзы редки и дороги.

— Ты можешь предполагать все, что тебе угодно, мне же кажется, что это очевидно,— заметила Сонна.

— Ммм!.. Две тысячи лет до рождества Христова? Три тысячи лет? Я перечитывал греческую историю когда-то, но немногое смог извлечь из нее. К тому же мне никогда не удавалось запомнить даты. Если я правильно помню, эта земля была колонизована различными народами, некоторые пришли из-за моря, другие — по суше. Наши друзья из городка похожи на кочевников, но у них должны быть лошади, а мы их не видели.

— Случается, что лошади дохнут,— сказала Сонна.— Возможно, в прошлом эпидемия унесла всех лошадей, так что люди были вынуждены остаться на месте и обосноваться здесь.

— Но у них должен быть скот,— настаивал Гримс.

— А козы и бараны.

— И фиги,— добавил Виллиамс.— А также маленькие груши.

— Откуда вы это знаете?

— Я посмотрел в корзины, когда моряки принесли их на борт.

— Надеюсь, что вы только посмотрели!— сказала Сонна.

— Я был вынужден сделать это,— признался Виллиамс.— У меня нет ни малейшего желания подхватить болезнь. И все же я надеюсь, что местная кухня будет признана пригодной для наших людей.

— Да, я тоже надеюсь на это,— сказал Гримс.— Сегодня вечером состоится праздник. Кен, вы имеете представление о том, что нас ожидает?

— У них есть мангалы,— ответил телепат.— Они уже начали бить баранов и коз.

— У меня начинает течь слюна,— сказал Виллиамс.

— Я очень сожалею, Вилли,— сказал ему Гримс,— но вы не будете в числе приглашенных.

— Ну что вы! Будьте великодушным!

— Я очень сожалею об этом. Но совершенно необходимо, чтобы кто-нибудь охранял корабль. Я считаю, что небольшой отряд должен оставаться на борту. Вы будете командовать в мое отсутствие, с вами останется Хендрик, который в случае необходимости сможет устроить демонстрацию силы, и офицер-механик или его помощник. И, конечно, все те люди, которые, вы считаете, будут вам необходимы.

— Кстати, о механиках. Их шеф хотел осуществить полную ревизию инерциального двигателя. Он считает, что не следует улетать до тех пор, пока он не будет уверен, что все идет, как по маслу.

— Увидим, как сегодня вечером пойдут дела. Если все будет спокойно, он сможет заняться этим завтра. А пока предупредите о собрании всего экипажа в шестнадцать часов.

* * *

Экипаж "Фарави Квест" нервничал, когда около шестнадцати часов все собрались в главном зале. Корабль окружал нетронутый мир, чистый, купающийся в солнечных лучах. А внутри был все тот же бесцветный, мрачный интерьер и затхлый воздух, смешавшийся с запахом сосен, проникающим сквозь систему аэрации.

Гримс, поднявшись на высокую платформу, сразу привлек всеобщее внимание.

Он открыл собрание и заявил:

— Вы все наверняка будете довольны, узнав, что образцы пищи и алкоголя, принесенные на борт, определены как безвредные для человеческого организма. Тем не менее необходимо, чтобы каждому был сделан антибиотический укол, чтобы сохранить здоровье во время пребывания в этом мире. Это также уменьшит риск заражения туземцев, особенно после нашего долгого пребывания в космосе, когда мы, если можно так сказать, стали стерильны. Конечно, я имею в виду всевозможные инфекции,— добавил он с иронической усмешкой.

Как вы уже знаете, сегодня вечером в городке организуется праздник. Мне дали понять, что это делается в нашу честь, и за исключением небольшого отряда для охраны корабля — список людей будет вывешен на доске объявлений мистером Виллиамсом — мы все будем там присутствовать. Капитан Далзелл проследит, чтобы его люди были одеты в костюмы моряков. Личное оружие будет только у старших офицеров, но моряки остальных чинов могут сохранить парализующие дубинки. Вместе с тем, ни в коем случае оружие не должно быть применено, за исключением случая чрезвычайной провокации.

Все присутствующие на празднике должны вести себя корректно. Помните, что вы послы. Воздержитесь от чрезмерного употребления алкоголя, и если будете пить, не забывайте про антиалкогольные пилюли, которые будут выданы всем. Не приставайте к женщинам. Что касается вас, леди, старайтесь избегать слишком тесного контакта с мужчинами. И не забывайте, что даже вне корабля вы должны соблюдать дисциплину. Это все.

Он услышал, как кто-то пробормотал:

— С таким занудой-наблюдателем это будет еще тот проклятый праздничек, заверяю тебя!

Глава 18

Солнце село, и серебристый серп луны, появившийся в слабом свете заката, завис над вершинами гор на востоке, когда пришло приглашение к празднику.

Небольшая процессия вышла из городка: шесть мужчин, несущих сосновые факелы, четыре барабанщика и двое играющих на волынках, все были одеты в бараньи шкуры, защищающие от вечерней прохлады. Туземцы с музыкой обошли вокруг корабля.

— Можно сказать, это почти серенада,— сыронизировал Гримс.

— Я понимаю их мысли,— сказал ему Майхью.— Это традиционная мелодия, Джон. Ее исполнение означает примерно вот что: "Приходи к нам, это праздник..."

— Лучше бы они сыграли на пишущей машинке,— вмешалась Сонна.

— Мы можем привести наших больших блондинов и красивых брюнетов?— громко сказал Гримс, встал и взял свою форменную, более скромную, фуражку. Он был одет в комплект номер три: тунику и шорты цвета хаки, толстый черный свитер и черные ботинки. Это была одежда, регламентированная для экскурсий по Земле при температуре ниже тропической. Кроме того, на материи не оставалось пятен, что было удобно в случае таких праздников.

Прежде чем выйти из своей каюты, Гримс сказал своему заместителю:

— Я не ожидаю никаких неприятностей, Вилли, но если они будут, мы позовем вас на помощь.

— Я буду все время слушать, командор. Хорошенько развлекайтесь.

Гримс открыл шествие к задней шлюзовой камере в сопровождении Сонны, Майхью и Кларисс. Остальные уже собрались — астронавты и моряки Далзелла посторонились, чтобы дать Гримсу возможность первому спуститься по трапу.

Когда он поставил ногу на землю, к ним приблизились люди с факелами. Отсалютовав, они повернулись и с музыкантами по бокам направились в городок. Гримс и его спутники последовали за ними, далее двигалась большая группа мужчин и женщин под предводительством Карнаби и, наконец, капитан Далзелл и его моряки.

В наступающей темноте идти было нелегко: вспышки факелов больше мешали, чем помогали. По счастью, большинство камней удавалось обойти. Тем не менее Гримс поздравил себя с тем, что надел прочные ботинки.

Таким образом они шли под звуки варварской музыки к темному скоплению домов, между которыми пылали костры. Ветер доносил до них аромат жареного мяса. Гримс обнаружил, что облизывается. Никто не мог бы сказать, что на борту корабля кто-нибудь умирал от голода, но в

течение нескольких недель искусственно культивированные продукты теряли свой вкус и свойственные им качества.

Внезапно барабаны и волынки смолкли. Но музыка все же была. Это в городе пели песню, в которой в определенном ритме и последовательности сливались мужские и женские голоса.

— Что это такое?— спросил Гримс у Майхью.

— Это... это приветственный гимн.

Телепат споткнулся о камень и упал бы, если бы его не поддержала Кларисс.

— Гимн предназначался богам.

— Богам?— спросил Гримс.

— Я вам повторяю, что эти люди смотрят на богов, как на старших братьев. Мощных, но не всесильных, к тому же имеющих множество человеческих слабостей.

— Что касается последнего, то по отношению к нам — это истинная правда.

Они подходили к городку. Низкие дома выглядели черными силуэтами на фоне костров, которые, как показалось Гримсу, были расположены на каком-то возвышении. Пение усилилось. Гримс увидел огромную, колеблющуюся в ослепляющем свете тень, приближающуюся к нему. Носители факелов и музыканты расступились, чтобы пропустить вновь прибывшего. Это был вождь Гектор. В одной руке он держал свой меч и арбалет, в другой — гигантскую кружку. Вождь протянул кружку Гримсу, которому пришлось взять ее двумя руками.

— Пейте!— шепнул ему Майхью,— пейте до дна.

Гримс поднес кружку к губам, попробовал и решил, что надо с этим поскорее покончить. Он очень любил пиво — а это было пиво,— но запах и вкус этого напитка оставляли желать лучшего. В кружке, кроме того, плавали какие-то хлопья.

Гримс собрал все свое мужество и стал глотать.

— Уф!— выдохнул он, быстро осушив кружку. В напитке явно присутствовал алкоголь.

Теперь вождь вел их к месту, где уже начался праздник, проклятый праздник, по мнению Гримса. На городской площади было по крайней мере пять больших костров. Два пылали для освещения, остальные были горящими углями, над которыми потрескивали насаженные на вертела туши, и каждая капля жира, падающая на угли, превращалась в фонтан искр. Старухи занимались кухней, а молодые женщины танцевали, приветствуя экипаж корабля. Три красотки, совершенно голые, окружили Гримса, и одна из них повесила ему на шею венок из немного увядших цветов.

— И кому ты отдашь яблоко?— прошептала Сонна.

Три грации были очень красивыми девушками с позолоченной солнцем кожей. Блондинка, которая надела на него венок, обвила стройными, но мускулистыми руками его шею и, встав на цыпочки, под-

ставила ему свое лицо. Он колебался лишь секунду, прежде чем поцеловать ее в губы, перепачканные жиром. "Она уже попробовала жареного барашка",— подумал Гримс.

— Довольно,— проворчала Сонна.

Гримс заставил себя снять прохладные руки со своей шеи, взял блондинку за плечи и, развернув, оттолкнул. Он не удержался и дружески шлепнул ее по ягодицам. Она вскрикнула от радости.

Горожане проводили на место возле большого костра Гримса и его группу, Карнаби с астронавтами, Далзелла и его моряков. Они разместились на траве, приятно обогреваемые огнем костра. Туземцы принесли им питье. Гримс с опаской попробовал, на этот раз в сосуде оказалось вино, немного слабое, но не такое противное, как пиво. Им подали грубый хлеб, нарезанный тонкими пластинами, огромный кусок жареного мяса, приправленного луком и чесноком. Все это происходило под грохот барабанов и пронзительные звуки волынок.

Многие танцевали.

Группа девушек вертелась вокруг какого-то колосса с венком из зеленых листьев на голове, который глупо смеялся, пытаясь их поймать. Гримс сперва подумал, что это — Геракл, и был доволен, что побежденный борец так быстро поправился. Геракл? Нет. Это был Титанов, моряк.

Он толкнул локтем Сонну.

— Ты видишь?

— И что же?— спросила она.

— Он... он становится туземцем.— И подумал: — "Я должен остановить это".

Гримс почувствовал, что его мысли путаются. Он поискал в карманах антиалкогольные пилюли и проглотил две.

С трудом он встал и подошел к Далзеллу, развалившемуся на траве в компании двух девушек. Одна из них кормила его кусками мяса, которые разрывала своими прекрасными зубами, а другая подносила к его губам кружку.

— Капитан!

— Командор...

— Ваш человек, борец...

— Какой человек? Где?

— Там...

Но когда Гримс хотел пальцем указать на место, он обнаружил, что Титанов исчез вместе с девушками. Недалеко от Далзелла лежала кучка одежды и парализующая дубинка.

— Что вы об этом скажете, капитан?

— Это от костров так жарко, командор. Мне тоже хочется раздеться.

— Но...

Было действительно жарко, и не хотелось оставаться заключенным в эти плотные одежды... Гримс стал расстегивать пуговицы своей туники,

когда пронзительный звук волынки привлек его внимание. Он повернулся и пришел в ужас, хотя необъяснимым образом в то же время находил совершенно естественным то, что увидел. Мимо него прошла, пританцовывая, женщина из его экипажа. Он вспомнил ее имя: Мегги Макферсон. На ней были лишь ботинки и пилотка, надетая наоборот, она играла на одной из туземских волынок так хорошо, как только можно играть на подобном инструменте. Он даже узнал мелодию — традиционную "Скотленд зе Брав". С Мегги вместе танцевали три другие женщины, квартет молодых механиков, с полдюжины туземцев и двое детей.

Гримс протянул руку, чтобы задержать ее.

— Мисс Макферсон?

Музыка оборвалась звуком, похожим на крик зарезанной свиньи.

— Мисс Макферсон, что это значит?

— Что, командор?

— Вы... вы неприлично одеты.

— У меня моя пилотка, командор.

— Играй нам, Мегги!— крикнул один из механиков.

— Джон!

Это был напряженный голос Майхью.

— Что такое, Кен?

Гримс не расслышал ответ телепата в пронзительном вопле волынки.

— Говорите громче!

— Это вино, Джон!— заорал Майхью.— Это не то, которое мы анализировали. Там есть еще что-то. Грибы, содержащие галлюциногены, я полагаю.

— Возможно!— пробормотал Гримс.

Что бы там ни было, наркотик превратил праздник в настоящую оргию. Картина, освещенная пламенем костров, могла бы быть написана Иеронимом Босхом. А вместе с тем, если Гримс и чувствовал возмущение, то только потому, что ему казалось, он должен быть возмущен.

— А что, Кларисс, вы можете контролировать людей?

— У нас уже достаточно трудностей, чтобы контролировать самих себя... Карнаби еще более или менее владеет собой, и Бренда Колес... Но за исключением их... Нужно сделать что-нибудь, Джон. Наше оружие валяется повсюду и может кому угодно попасть в руки.

— А где, к дьяволу, Сонна?— Гримс огляделся вокруг, но ее не увидел. Вместе с Майхью он вернулся туда, где оставил ее. Ее кофточка лежала на траве, тут же валялся пояс с пистолетом, и рядом — шкура с чем-то блестящим, металлическим.

Стальной арбалет...

Гримс сказал себе, что он должен думать обо всем экипаже, а не об одной женщине, даже если она — его жена. Кроме того, он прекрасно знал, что в случае необходимости Сонна способна защититься. Прежде всего он должен положить конец этой... этой вакханалии, а потом уж разберется во всем.

Он поднес к губам свой браслет-передатчик.

— Командор вызывает "Квест". Командор вызывает Виллиамса. Вы меня слышите? Отвечайте.

Ему ответил женский голос, и Гримс вспомнил, что это Макоби, офицер-помощник, занимающийся электронными коммуникациями, она осталась на борту.

— Говорит " Квест", командор Билл, я хочу сказать Виллиамс, сейчас подойдет.

— Виллиамс, командор. Что-то неладно?

— Больше того. Прежде всего скажите Хендрику приготовиться оросить городок "морфи Д". Но чтобы он не открывал огонь до моего приказа. Мы постараемся как можно скорее убраться отсюда. Пришлите кого-нибудь из корабля нам навстречу с респираторами. Понятно? Повторите.

— Понял, командор. Хендрик должен зарядить свои петарды, но не должен стрелять до вашего распоряжения.

— Точно. Мы скоро вернемся. Конец связи.

Появилась Кларисс вместе с Карнаби и Брендой Колес. Они казались в более или менее нормальном состоянии, но были несколько мрачны. А потом, к удивлению и большому облегчению Гримса, прибежала Сонна. Ее длинные грациозные ноги казались неприлично голыми под черным свитером.

— Этот... этот грубиян!— задыхалась она.

— Оставь, бежим скорее отсюда.

— Но... моя одежда...

— Пошли, я тебе говорю.

Гримс схватил жену за руку и повлек в сторону корабля.

Позади них кто-то вопил, как злобное животное. Что-то просвистело между Сонной и Гримсом, почти задев их.

" Стреляет Гектор,— понял Гримс,— из арбалета".

Потом последовал второй выстрел, металлический кубик едва не задел их, потом третий...

— Ложись!— закричал Гримс и быстро заговорил в свой передатчик.— Командор — "Квесту". Откройте огонь!

С башенки на вершине корабля вырвалось бледное пламя, а потом, через некоторое время, послышалась бесконечная серия детонаций. Снаряды из пушек Хедрика просвистели над ними, и почти немедленно послышался грохот разрывов.

Гримс представил себе, как тяжелый газ спускается на городок, обволакивая дома.

Внезапно пение и дикие крики с барабанным боем стихли.

Но одна волынка продолжала визжать: Мегги Макферсон? Это могла быть только она. Еще долгие минуты она сопротивлялась воздействию газа, пронзительная жалоба ее волынки смешивалась с шумом начавшего падать дождя.

В конце концов, Мегги пришлось вдохнуть газ, и наступила полнейшая тишина.

Глава 19

Виллиамс прилетел на одном из мощных рабочих катеров. Он включил прожектор. Гримс и остальные встали, размахивая руками, чтобы привлечь внимание. Виллиамс осторожно посадил тяжелый летательный аппарат в метре или двух от группы с спросил:

— Черт побери, что же такое произошло?

Гримсу трудно было говорить, он чувствовал, что его охватывает сон, более глубокий, чем тот, который мог бы вызвать избыток алкоголя. Ценой сверхчеловеческого усилия он заставил себя рассказать все по порядку и закончил:

— Дела стали совершенно... недопустимыми. Осталась только одна возможность: усыпить всех...

— А вы уверены, что сами не глотнули газа, командор? У вас такой вид...

— Это... наркотик.

— Вы, значит, думаете, что вас одурманили?

— Думаю? Я знаю, что нас одурманили,— с горечью ответил Гримс, немного приходя в себя.

Он отчетливо помнил вкус и запах этого так называемого пива, его консистенцию. По счастью, оно ему не понравилось, и он выпил лишь одну кружку. Скорее всего, туземцы действительно использовали грибы. Это казалось логичным.

— А сейчас что будем делать, командор?

Гримс собрался с мыслями и отдал приказ. Он и остальные надели противогазы и поднялись на борт рабочего катера. Виллиамс включил двигатели и медленно полетел на небольшом расстоянии от земли к городку. Двигатели производили страшный шум, но их никто не слышал: "морфи Д" действовал по крайней мере шесть часов. На городской площади еще горели костры, правда, там остались лишь угли, которые в ярком свете прожектора казались просто серым пеплом. Гримс нагнулся и пристально посмотрел перед собой: он вдруг понял, что снаряды могли упасть в горящие угли, и ему стало страшно. К счастью, этого не случилось. Спящие находились в безопасности.

Виллиамс поставил свой катер на узкой улочке, выходящей на площадь. Гримс спрыгнул на землю, и все последовали его примеру. Моросящий дождик затуманил его окуляры, и он сомневался, что сможет отличить даже при помощи сильного фонаря, который дал ему Виллиамс, членов своего экипажа от туземцев. Нагота анонимна.

Первой он обнаружил Мегги Макферсон. Здесь нельзя было ошибиться. Она по-прежнему прижимала к сердцу волынку. Инструмент был похож на маленького антропоида-монстра, которому она давала грудь. Форменная пилотка невероятным образом держалась на голове,

прикрывая рыжие кудри. Она была в сапогах, и Гримс засмеялся, что было нелегко сделать в противогазе. Если и остальные будут с таким уважением относиться к своей униформе, как молодая шотландка, их будет не так трудно разыскать.

И задача оказалась не слишком трудной, но достаточно хлопотливой. Все члены экипажа "Квеста" были обуты в сапоги, но, когда на городок опустился усыпляющий газ, многие занимались такими вещами, что в конце концов Виллиамс пробормотал:

— Надо было захватить с собой камеру... Какой бы фантастический фильм получился. Дюжина людей в четырех позициях...

— Закрой свой рот и работай,— проворчал Гримс.— Все очень скверно и без твоих насмешек!

Виллиамс знал, сколько надо искать, и вел счет подобранным. Именно Виллиамс объявил, что не хватает Титанова, и, кроме того, додумался, где того надо искать. Наконец, моряка нашли в одном из домов. С тела гиганта понадобилось снять не меньше шести беспорядочно валявшихся девушек, прежде чем его удалось вынести наружу.

Затем стали подсчитать подобранное оружие. Офицерские пистолеты и парализующие дубинки моряков вместе с грудой одежды отнесли на катер. Сонна обнаружила свои и быстро надела их.

— Мы должны найти вождя,— сказал Гримс.

— Зачем?— спросил Виллиамс.

— Этот подонок стрелял в нас. Я отберу у него арбалет.

Вооружившись электрическими фонариками, двое мужчин медленно обошли спящий городок. Через некоторое время, после напряженных поисков, лучи фонарей осветили двух лежащих один на другом гигантов. Один из них был Гектор, мертвый, с раскроенным черепом. Другой — Геракл, с арбалетом, послужившим орудием убийства.

"Король мертв... и кто же будет следующим королем?— подумал Гримс.— Но это уже не мое дело".

Глава 20

Ночь была длинной, утомительной, и Гримс чувствовал себя еще несколько одурманенным после пива с грибами. Сонна тоже, как и все остальные.

Виллиамс, естественно, вел себя раздражающе весело, как человек совершенно трезвый, и без его усилий сонный экипаж добрался бы до постелей только днем: заря уже пылала на востоке, когда работа была, наконец, закончена.

Гримс снял только свитер и ботинки. Его отношения с Сонной стали несколько натянутыми, хотя ему казалось сомнительным, что вождь мог действительно от нее чего-то добиться, Гримс, тем не менее, пожелал лечь отдельно. Как только его голова коснулась подушки, он погрузился в глубокий сон.

Когда Гримс, вздрогнув, проснулся, перед его носом покачивалось дуло пистолета крупного калибра.

Пистолет держал в руке мерзко улыбавшийся Далзелл.

— Капитан?— воскликнул Гримс.— Что это значит?

— Не капитан, командор,— возразил ему тот.— Нет больше капитана. Вы будете называть меня Ваше Величество.

"Пьян он, что ли?— подумал Гримс.— Галлюцинирует на полную катушку... мне нужно обращаться с ним осторожно".— И сказал: — Не будете ли вы так любезны убрать это.

— Ваше Величество,— настойчиво повторил Далзелл.— Нет, я не буду так любезен. И вы вбейте себе в вашу дурацкую башку, что отныне я буду отдавать приказания.

Это было уже слишком!

— Вы сошли с ума!— крикнул Гримс.

— Нет, командор. Я только лишь стал правильно мыслить. Это пиво с грибами, или не знаю, с чем еще, прояснило мне мозги. И я вижу вещи в нужной, правильной перспективе. Для чего кружить по Галактике, здесь, сейчас, для того, кто захочет его взять.

— Вы совершенно сумасшедший!

— Полегче, командор. Или, вернее, экс-командор. Я руковожу кораблем.

— Вы?! Вы не астронавт!

— У меня под началом войско. Хендрик тоже со мной, а он мастер астронавтики. Кроме того, меня поддерживают артиллерийские офицеры. И Даниелс. И механики. И врачи — все мои.

Он расхохотался, увидев обеспокоенное лицо Гримса.

— Не стоит нервничать... пока. Все ваши любимчики живы. Возможно, мы сможем их утихомирить.

— Моих... любимчиков?

— Обоих домашних телепатов, Виллиамса, Карнаби, их дорогих...

— Их дорогих?

— Командор, вы меня удивляете! Вы даже не знаете, что происходит на вашем, то есть, теперь уже не на вашем корабле. Виллиамс и Карнаби остались вам верны, одни боги Галактики знают, почему! А обе девушки, Рут Макоби и Бренда Колес, преданы своим мужчинам. Все достаточно просто.

Гримс наблюдал за пистолетом в руках Далзелла.

— Что значит — достаточно просто?— холодно спросила Сонна.

Она стояла на пороге каюты, по-прежнему в черном свитере и брюках цвета хаки, вооруженная "Минети" своего мужа. Мощный маленький автоматический пистолет был направлен прямо на капитана.

Далзелл стал громко и весело смеяться.

— Если вы нажмете на спуск, миссис Гримс, или, если предпочитаете, командор Берилл, я тоже выстрелю, и ваш муж получит хорошую очередь. Больше того...

Он слегка свистнул. Гримсу не надо было поворачивать голову, чтобы увидеть двух моряков, вошедших в помещение.

— Итак?— грустно прошептала Сонна.

— Итак, вы бросите ваше оружие, миссис Гримс или командор Берилл. Мне больше нравится миссис Гримс. Диплом командора космографической земной секции Опознания не очень-то весом здесь, не так ли?

— Сделай то, что он тебе сказал,— наконец, посоветовал Гримс.

— "Он"? Вы забылись, командор! Что сказал король.

— Капитан повысил себя в чине,— объяснил Гримс.

Странная вещь, но Далзелл принял это неплохо. Он улыбнулся.

— Существовала возможная вакансия, и я ее занял. Я представил свои верительные грамоты, надеюсь, блестящие,— иронически проговорил он, а потом его лицо посуровело.— Встать, командор! Я потерял с вами слишком много времени. Мои люди проводят вас в пустой отсек, который будет служить нам здесь, на борту, тюрьмой!

— Мне необходимо взять...— начала Сонна.

— Вы ни в чем не будете нуждаться! У вас будет еда и питье и мусоропровод. Ну, поворачивайтесь, шевелите своими задницами!

Гримс вздохнул. Один мужчина и одна женщина, безоружные, против трех вооруженных мужчин, очень настороженных и бдительных... Он почти сожалел, что Сонна не использовала свой пистолет, несмотря на очень возможный скверный результат. Теперь оружие было на полу, вне пределов досягаемости.

— Хорошо,— сказал он, вставая с дивана.— Хорошо.

Гримс и Сонна медленно спустились в глубину корабля. За исключением сопровождающих их моряков, они никого не видели. Командор спрашивал себя, избегал ли их экипаж по собственному желанию или...

Отсек, в который их провели, был идеальным местом для тюрьмы. Он использовался, как склад и умывальник. Даже для шестерых места было вполне достаточно. В отсеке уже были заперты Виллиамс, Карнаби, Рут Макоби и Бренда Колес. На грубой физиономии Виллиамса не было живого места. Он, по крайней мере, сопротивлялся. Когда Гримса и Сонну втолкнули в помещение, Виллиамс иронически проворчал:

— Добро пожаловать на борт, командор. Это дворец свободы, вы можете сколько угодно плевать на пол и прогонять кота.

Гримс игнорировал предложение.

— А где Кен и Кларисс?

— Полагаю, их держат в другом месте. На них, вероятно, набросились в первую очередь, чтобы они не смогли нас предупредить. Заметьте, они ничего не знали относительно планов Далзелла и его проклятых грубиянов, защищенных от вмешательства телепатов техникой Ордоноски.

— Но остальные? Остальные члены экипажа? Кен, безусловно, должен был получить предупреждение. Мятеж не происходит внезапно, он подготавливается.

— Всему имеется начало, командор. Не забывайте, что вы были полностью одурманены проклятым пивом с грибами. И очень возможно, эта мерзость притупила способности Кена, вместо того, чтобы обострить их. К тому же Кена и Кларисс нет с нами, и очень жаль. Если бы мы были все вместе, мы бы что-нибудь придумали...

"Но они, Кен и Кларисс, могут нас "слышать",— подумал Гримс.— Кларисс могла бы телепатически перенестись сюда, если у нее есть под рукой, чем рисовать, но Далзелл не настолько глуп. Это совершенно невозможно".

Он увидел слабый свет. Невозможно?

В его мозгу возникло четкое изображение. Где бы они ни находились, оба телепата были не очень далеко и, соединив усилия, смогли связаться со своим командором.

Гримс очень четко увидел внутренность отсека, довольно похожего на их. Там стояли две скамейки с матрацами на них. На одной плашмя на животе лежал Майхью, а на другой — Кларисс. Каждый из них был надежно привязан к своему ложу.

Но Кларисс действует, как телепередатчик, только если сможет нарисовать место, куда они будут перемещены.

Глава 21

Прошло три недели.

Пленники не имели никакой возможности следить за временем: Далзелл позаботился о том, чтобы они были лишены всех своих личных вещей, всего, что могло быть им полезным, начиная с часов. Еда им подавалась через разные промежутки времени, и ее было достаточно только для того, чтобы не умереть с голоду, не больше. Причем их кормили исключительно сэндвичами — это было сделано для того, чтобы не надо было пользоваться такими предметами, как вилки и ножи, хотя едва ли вилки можно рассматривать, как оружие, сравнимое с пистолетами.

Медленно текло время.

Борода Гримса росла. Он ее не видел: в отсеке, конечно, не было зеркала, но Сонна уверяла, что борода ему совсем не идет. Борода у Виллиамса тоже выросла, но она шла ему. Карнаби, благодаря эпиляции, навсегда лишился бороды.

Сонна старалась изо всех сил заботиться о внешности, но элегантность все же потеряла. Бренда Колес, которая никогда не была элегантной, потеряла в весе. Рут Макоби, с длинными спутанными волосами, скорее худая, чем изящная, стала похожа на фею Карабас. Характер женщин портился по мере того, как портилась их внешность.

Самым тяжелым была скученность. Сначала они шутили на этот счет, но со временем смеяться им расхотелось.

А что происходило в это время на свободе?

Что делалось на корабле, нетрудно было догадаться. Видимо, Дэвис, офицер-механик, имел неприятности с проверкой инерциального двигателя. Будь поблизости базовая мастерская со всеми необходимыми материалами, работа могла быть закончена очень быстро, но здесь, разумеется, все было намного сложнее. Целыми днями пленники слушали непрерывный стук молотков, однако проверка моторов не проводилась ни разу.

А вне корабля?

Время от времени Майхью и Кларисс передавали Гримсу телепатические картины, полученные ими от членов экипажа, выходящих из корабля. Командор с беспомощным ужасом пронаблюдал казнь на городской площади: трое мужчин с седыми бородами были испепелены моряками Далзелла с помощью лазерных ружей... Затем Гримс видел, как те же моряки вытащили из домов шесть девушек и унесли их. Правда, на сей раз его утешило то, что девицы явно сопротивлялись лишь для вида.

Далзелла он тоже иногда видел. Капитан, носивший теперь исключительно парадную форму, заменил фуражку на нечто, напоминающее корону. Гримс видел капитана, наблюдавшего за постройкой будущего дворца: три этажа и башня, чтобы увеличить высоту здания, которое должно было подняться над всеми домами. Еще Гримсу случилось видеть капитана, проводящего смотр своей армии, состоящей уже не только из моряков, но и довольно большого количества туземцев. У последних на копьях были металлические наконечники.

"Этот постоянный грохот молотков,— подумал Гримс.— Вероятно, дело не только в ремонте мотора. Некоторые механики, скорее всего, стали оружейниками".

Гримс не один получал телепатические передачи Майхью и Кларисс. Их получали и другие пленники, кроме Рут Макоби и Бренди Колес, которые внимательно слушали рассказы остальных.

— Этот проклятый моряк!— ругался Виллиамс.— Он отлично проводит время!

— Чего мы не можем сказать о себе,— проворчала Сонна.

— Но что он собирается сделать с нами?— спросил Карнаби.— Командор, вы изучали подобного рода дела. Как это происходило в прошлые века? Пиратство, мятежи и прочее. На море.

— Ну да, Джеймс,— согласился Гримс.

— Что же происходило в большинстве случаев с жертвами пиратства и мятежа?

Казалось, молодой человек уже жалел, что задал этот вопрос, но тем не менее он настаивал на ответе.

— Что же, в основном, происходило...

Гримс сам уже не раз думал об этом.

— Это зависит,— сказал он,— от пиратского капитана или вождя мятежников, от жестокости людей. Некоторые жертвы должны пройти "доску", что на самом деле гораздо менее забавно, чем кажется. Это один из ужасных способов казни. Других оставляли на необитаемом острове, третьих — в открытом море на маленькой лодке...

— И у них был шанс,— пробормотал Карнаби.— После этой тюрьмы любой необитаемый остров показался бы мне раем.

— Все, конечно, зависело от ситуации,— сказал Гримс.— Здесь мы защищены от непогоды, и у нас есть, чем утолить голод.

— Пораженческое мнение, Джон.

— Ммм... Может быть. Не забывай, что многие, мечтавшие избежать Харибды, наталкивались на Сциллу.

— Но у капитана должно же быть намерение на наш счет?— настаивала Сонна.

— И хорошее ли оно?— спросил Виллиамс.

" Вероятнее всего, нет,— подумал Гримс.— Безусловно, нет. Судебный процесс с публичной казнью... посмеет ли Далзелл? Может быть, капитан посчитает рискованным устраивать процесс, но казнь докажет всем, что он теперь шеф".

Гримсу показалось, что эта мысль возникла в его мозгу не без помощи Майхью и Кларисс.

— Ты думаешь?..— спросила Сонна.

— Да.

— Я тоже,— сказал Виллиамс.

— Вы... вы получили что-нибудь?— воскликнула Бренда Колес.

— Я не знаю... мне кажется,— ответил Гримс, пытаясь улыбнуться.— Мне кажется, что Далзелл скоро превратится в одного из мерзких подонков.

— В таком случае, я выскажу мысль,— воскликнул Виллиамс,— которая меня давно мучает. Этот тип, этот капитан, он по-настоящему желает зла командору, Сонне и мне. Он не может себе позволить дать нам уйти. Но нет никаких оснований, чтобы молодые — Джеймс, Бренда и Рут — пострадали. В следующий раз, когда моряки принесут еду, нужно передать Далзеллу, что наши друзья хотят быть верны Его Величеству. Вы ведь очень нужны ему.

— Нет,— сказал Карнаби.

— Нет,— сказали обе девушки.

— Если у вас есть хоть на грош здравого смысла,— сказал им Гримс,— вы согласитесь.

— Нет!— категорически отказались все трое. И никто не смог их переубедить.

Спустя несколько часов дверь отсека открылась.

"Не спешат",— подумал Гримс. На сей раз их заставили очень долго ждать обеда. Даже надоевшие сэндвичи показались бы изумительным блюдом.

Но пакета им не передали. Освобождение? В тот же момент надежда угасла. Скорее всего, кто-то из моряков пришел, чтобы проводить желающих в туалет.

— Ладно,— наконец, сказал Гримс.— В чем дело?

Ему ответил женский голос, неизвестный и вместе с тем забавно знакомый. Женщина сказала:

— Быстро, Джон! Вам нужно завладеть кораблем.

— Какого черта...

Двумя прыжками он очутился у двери и оказался нос к носу с совершенно голой блондинкой, безусловно, девушкой из городка. Она пристально посмотрела на него. И у него внезапно создалось впечатление, что кто-то другой смотрит на него ее глазами.

— Нельзя терять времени, Джон. Далзелл и почти весь его экипаж отправились на праздник в городок. На борту только маленький отряд.

— Да... Кто вы?

Девушка засмеялась и ответила:

— *Хотите верьте, хотите нет, но я* — Кен. Елена, *которую вы видите, восприимчива к телепатическому контролю. Ее держали на борту, чтобы дежурный отряд не скучал. Эти умники сами себя наказали,* едва они перепились, Елена подобрала ключ.

Это было логично, достаточно логично. Майхью мог это сделать, но Грим пожалел, что телепат не позаботился об оружии. Впрочем, несмотря ни на что, он и его друзья имеют преимущество неожиданности. Попав в командный пункт, они будут иметь в своем распоряжении весь арсенал корабля. В несколько минут с помощью "морфи Д" можно будет овладеть городком.

— Правильно,— подтвердила девушка голосом, еще более похожим на голос Майхью.

— А Кларисс и вы?

— Не теряйте времени, Елена нас освободит, когда вы будете на пути к командному пункту. Но действуйте быстрее!

— Вы слышите?— закричал Гримс, поворачиваясь к своим товарищам по тюрьме.— Пошли!

Он отстраивал девушку и устремился по коридору к центральной площадке, где вызвал лифт. Зажглись огни, кабина была невысоко, и

сразу опустилась. Дверь отворилась, и пленники вместе с девушкой вошли в кабину лифта.

— Оставьте меня... Пусть Елена опустится на палубу отчаливания,— сказал ее губами Майхью.— Мы находимся там, в одном из отсеков.

— Мы вас подождем,— сказал Гримс.

— Нет, поднимайтесь в командный пункт как можно скорее. Дежурный офицер проснулся и ищет Елену... и ключи. Не беспокойтесь о нас, Джон. Поднимайтесь...

После секундного колебания Гримс отправил лифт вниз. К несчастью, не было никакой возможности контролировать скорость лифта. Его кабина была настоящей клеткой. Как только дежурный поймет, в чем дело, все они окажутся снова пленниками.

Лифт резко остановился, и в тот же миг заревела сирена тревоги. Дежурный, включивший сигнал, очень торопился и не выяснил, где находится кабина лифта. Удача улыбалась Гримсу и его друзьям. Кабина остановилась на палубе отчаливания.

— Быстро!— приказал Гримс.— Прыгайте!

Лифт встал на пятьдесят сантиметров выше палубы, но это не имело значения. Помещение теперь было герметически закрыто, отрезано от остальной части корабля непроницаемыми дверьми. Не было ни выхода наверх, ни влево, ни вправо, но друзья были на палубе отчаливания.

Номер три оказался ближайшим из множества отсеков.

— Катер номер три!— бросил Гримс.— В каком он состоянии, Билл?

— Был в порядке, командор, когда я его проверял в последний раз. Он может отвезти нас, куда угодно.

— Тогда мы его возьмем.

Он побежал за Еленой к отсеку, в котором были заперты Майхью и Кларисс. Гримс вырвал связку ключей из рук девушки и открыл дверь. Он увидел пленников, лежащих на скамейках с наручниками на руках и ногах, освободил их и был удивлен той живостью, с какой они спрыгнули со своих скамеек.

"Наверно,— подумал он,— им позволяли делать упражнения. Они были нужны Далзеллу".

Гримсу не надо было сообщать телепатам ни о чем. Ни слова не говоря, они последовали за ним на палубу отчаливания. Когда они уже были готовы к отлету, Гримс спросил:

— Где Елена?

— Она убежала, как только я вышел из ее мозга. Она прячется. Она боится.

— Попытайтесь снова взять под контроль ее мозг. Мы не можем оставить ее здесь!

— Я... я пытаюсь, Джон. Но у нее есть воля... Ей...

— А что означает этот шум?— воскликнула Сонна.

Теперь, когда сирена тревоги смолкла, они услышали другой звук, слабый и далекий, что-то вроде воя. Далзелл и его мятежники возвращаются из городка.

"Безусловно,— подумал Гримс,— он не станет винить туземку в нашем бегстве. Но я не хотел бы оказаться в шкуре дежурного по отряду".

— Все системы готовы,— закричал Виллиамс.— Пора убегать!

Гримс кивнул и занял место пилота. Он закрыл люк, а затем нажал на кнопку, открывающую наружную дверь корабля. Ничего не произошло. Дверь не прогнулась. Из командного пункта можно было контролировать все системы корабля.

Но спасательный катер — это спасательный катер, позволяющий покинуть корабль при любых случаях.

"Спасательный выход должен функционировать",— подумал Гримс и не ошибся. Когда он нажал на красную кнопку, нечто вроде взрыва распахнуло дверь, а затем другой взрыв вытолкнул катер из корабля. Если бы инерциальный двигатель не заработал, они, как снаряд, ударили бы по городку... но катер резко взмыл по вертикали, преследуемый трассирующими пулями, выпущенными кем угодно, только не Хендриком.

— Этот тип,— с неприязнью проговорил Виллиамс,— заставит плакать артиллерийского офицера.

— Не волнуйтесь,— посоветовала ему Сонна.

Глава 22

Катер имел отличный ход, его оснащение было в прекрасном состоянии, и он был полностью снабжен всем необходимым на случай аварии. Гримс не сомневался, что сможет доставить всех на Марс или на любую другую планету Солнечной системы. "Квест" ремонтируется и не сможет их преследовать. К несчастью, вооружение корабля действовало.

Гримс повернулся к Майхью:

— Кен, попытайтесь проникнуть в мозг Хендрика. Узнайте, что он собирается делать.

— У меня уже есть контакт. Я понимаю его мысли. Далзелл приказал ему уничтожить нас в воздухе.

Гримс выругался. Это означало конец всему. Если одна из стратегических ракет "Квеста" попадет в катер, их ждет короткий, раскаленный и зрелищный для постороннего наблюдателя ад.

Инерционный двигатель работал на пределе, но Гримс не мог надеяться уйти от грозных орудий, стреляющих к тому же по видимой цели.

Должны были пройти долгие, долгие минуты, прежде чем беглецы будут в безопасности.

Гримс, нервничая, посмотрел в иллюминатор и увидел, что его товарищи делают то же самое. Смотреть было не на что, сквозь облака, по крайней мере... Может быть, они увидят лишь ослепительную вспышку...

Майхью тихо проговорил:

— Хендрик уверяет Далаелла, что стратегические снаряды в данном случае бесполезны... но,— он удивленно продолжил,— но я думаю, что он лжет!

У Гримса появилась некоторая надежда. Может быть, Хендрик все же не убийца?

— Огонь,— прошептал Майхью.

— Подождем!— с наигранной веселостью воскликнул Виллиамс.— Подождем!

— У нас нет выбора, Билл,— проворчал Гримс.

Он боролся с желанием резко изменить курс, что могло превратить дальний прицел в прямую наводку. Он мог лишь, стиснув зубы, надеяться на доброе сердце артиллерийского офицера.

Наконец, ожидание кончилось.

Под катером и по правому борту облака были разорваны взрывом. Короткая и яркая вспышка огня мгновенно испарила туман. Солнце, созданное человеком, вспыхнуло и потухло. Ударная волна докатилась до катера, и, несмотря на звукоизоляцию, грохот был оглушающим. Ударила первая волна, потом вторая и, наконец, третья, приподнявшая правый борт. Гримс исходил потом, вцепившись в рычаги управления, чтобы удержать катер на курсе. Мощные вихри, порожденные детонацией ядерной боеголовки, казалось, могли разнести катер на части, а пассажиров выбросить в пустоту.

Все время вверх! И выше... и все выше...

Наконец катер поднялся над облаками, но все были ослеплены вспышкой взрыва и не смогли сразу увидеть ни сверкающие звезды на темном небе, ни желтоватый серп луны в последней четверти на востоке.

Внизу были облака, огромные кучевые облака, они клубились, меняя форму, падали и перемещались вокруг того места, где взорвался снаряд.

— Огонь,— повторил Майхью мысли и слова Хендрика.

Гримс ничего не сказал. Он знал, что должен набирать высоту, еще большую высоту, и даже тогда не может быть твердой уверенности в спасении. Инерционный двигатель протестующе заворчал, но скорость увеличилась.

Второй залп был дан тремя снарядами с ядерными боеголовками. Гримс подумал, что Хендрик сознательно промазал, но все же взрыв произошел слишком близко. Ослепительный огонь разлился по поверхности облаков, превращая их в пылающие острова.

Майхью весело рассмеялся.

— Мы тоже хотим посмеяться, Кен,— сухо проговорила Сонна.— Мы очень нуждаемся в поднятии морального духа.

— Этот последний залп был сделан четырьмя снарядами.

— Да нет же, тремя,— протестовал Карнаби.

— Взорвались лишь три снаряда, Джеймс, четвертый был холостым.

— И что же?— спросил навигатор.— Ни один до нас не долетел.

— Да, но... Но Хендрик — специалист-артиллерист, а Далзелл в этом ничего не понимает. Хендрик сказал ему, что первый снаряд был прицельный, что было на самом деле. А потом, для наблюдателей на корабле, взрывы второго залпа, происшедшие в облаках и практически одновременно, показались одним взрывом. Радар показал что-то падающее, потерявшее управление, и проследил падение до моря. Далзелл, как и ожидалось, решил, что это мы.

— Если Хендрик так предан,— проворчал Виллиамс,— почему же его нет среди нас?

— Потому что он этого не хочет, Билл. Он считает, что его будущее — на Земле.

Гримс слушал, слегка посмеиваясь.

— Весьма возможно. Ведь, в конце концов, его имя Тор.

— Это притянуто за волосы,— возразило ему Сонна.— А остальные? Есть ли среди них хоть один, о ком идет речь в мифологии?

— Эти двое моряков-крепышей,— предположила Бренда Колес.— Двойняшки... Их зовут Ромул...

— Ромул и Рем? О, нет! Нет!

— Почему, нет, Сонна?— спросил Гримс.— Если пойти по этому пути, то имя второго механика Кен, Виллиам Кен, или Билл Кен. Бил-Кен, или Вулкан?

Сонна нехорошо улыбнулась.

— По крайней мере, ты не выдаешь себя за Зевса, отца всех богов.

Гримс вздохнул. Он хорошо знал, что его предположения были лишь наполовину верны. Он перевел катер на автоматический пилотаж, подозвал Карнаби и показал ему в широком переднем иллюминаторе красноватую точку Марса, почти двойника Антареса, тоже красноватого, в нескольких градусах южнее.

— Вот цель, Джеймс. У нас есть минивычислительная машина, которая стоит не больше, чем электронные счеты, и не очень-то поможет при навигационных вычислениях. У нас даже нет эфемерид планет Солнечной системы. Вы считаете возможным привезти нас на Марс?

— Безусловно, командор,— заверил его Карнаби.

— Но почему Марс?— спросила Сонна.— Мы будем в достаточной безопасности от Далзелла и его банды в южном полушарии земли, особенно если он считает нас убитыми.

— Хендрик знает, что нас не убили. Он дал нам шанс, но он не примет нашего возвращения. Я ошибаюсь, Кен?

— Совсем нет, Джон. Я скажу, что он думает: "Вот я избавился раз и навсегда от этого старого невыносимого ворчуна! И ему не скрыться среди аборигенов Австралии..."

— Значит, исключается даже Австралия. А ведь очень возможно, тем не менее, что моряки согласились бы нам помочь.

— Когда у курицы вырастут зубы, командор,— бросил Виллиамс,— но всегда можно попробовать.

— Мы попробуем,— ответил Гримс.

Глава 23

Спасательный катер создан для того, чтобы спасать жизнь: он не обеспечивал комфорта. Тем не менее беглецам повезло. Катер был рассчитан на пятьдесят человек, а их было лишь восемь, то есть у них было достаточно места даже для некоторой интимности. На борту было шесть туалетов, что входило в систему обеспечения жизни. В этом смысле пассажиры было здесь устроены почти так же хорошо, как и на "Фавари Квест". Один из ящиков содержал запас пластиковых перегородок, их было больше, чем требовалось, чтобы устроить отдельные каюты. Гримс пробормотал что-то о "проклятых шатрах цыган", но никто не принимал его всерьез. Запаса воды, годной для питья, должно было хватить до окончания полета. Пищи, в большинстве своем консервов, было много, исключительно питательной, но безвкусной.

Батареи были заряжены и давали необходимую энергию, чтобы вывести катер в атмосферу и на орбиту. Приведение в действие двигателя требовало немало времени и энергии, но управление им было устроено так, чтобы первый попавшийся, умеющий читать, мог заставить его работать, что было большим плюсом в случае, если среди пассажиров не окажется квалифицированного механика.

Естественно, существовал инерциальный двигатель, но он был маломощен для межзвездных перелетов. Двигателя Маншенна на катере не было. Катер тем не менее был снабжен аппаратом Карлотти, а также устройством связи КНТ. Он был неспособен пересечь межзвездные пространства, но мог связаться с любым кораблем, оснащенным соответствующими средствами связи. Путешествие внутри планетной системы было вполне возможным, а перелет от Земли до Марса мог продлиться всего лишь пятнадцать дней.

Гримс объявил им об этом, когда они в первый раз завтракали на борту катера.

— Что? Пятнадцать дней?— воскликнула Сонна.— В этой коробке из-под сардин?

— Не жалуйся,— посоветовал ей Гримс и заговорил о долгих и трудных путешествиях, которые люди совершали на древних судах по океанам Земли.— А мы, по крайней мере, не рискуем попасть к каннибалам,— закончил он свой монолог.

— Ах, да,— пробормотала Сонна, с отвращением глядя на бледное содержимое своей ложки.— Ты веришь в это? Впрочем, после нескольких недель этой... этой гадости нам, может быть, захочется съесть друг друга.

— Ну, Сонна, не надо нервничать,— весело проговорил Виллиамс,— первые пятьдесят лет самые трудные, а потом все пойдет хорошо.

— Мы говорим о днях, не о годах,— вмешался Карнаби.

— Пятнадцать дней,— прошептал Гримс,— достаточно времени, чтобы что-то придумать, но и не слишком много. Для начала мы можем попытаться дать понять марсианам, что летим к ним с миром. Это ваше дело, Кен и Кларисс. Попробуйте добиться контакта с марсианским телепатом. Вы играйте на том, что мы бедные, потерпевшие кораблекрушение...

— А мы и есть потерпевшие кораблекрушение,— сказала Сонна.

— Ммм... не такие уж мы несчастные, раз у нас есть маленький корабль. Но не стоит объяснять это марсианам. Итак, у кого-нибудь есть предложения? Положительные, я хочу сказать,— добавил Гримс, выразительно взглянув на жену.

— Мне хотелось бы знать, командор,— вмешалась Рут Макоби,— не смогла бы и я тоже попробовать наладить контакт. Наш приемник КНТ на ультракоротких волнах может принимать издалека...

Гримс задумался.

— А языковой барьер, Рут?— наконец, сказал он.— Кларисс и Кен работают больше при помощи мысли, чем слов... Гм... Но направление сигнала, даже если это будет не что иное, как повторение сигналов азбуки Морзе, объявит им о нашем появлении, покажет им, что мы не пытаемся застать их врасплох...

— И если предположить, что они все время находятся на приеме,— сказала Сонна.

— Так и будет,— отрезал Гримс,— как только находится телепатический контакт.

"К тому же это не имеет никакого значения,— подумал он.— Главное, чтобы люди все время были чемто заняты".

— А ничего нельзя сделать, чтобы улучшить качество пищи?— спросила Сонна.

Гримс повернулся к Бренде Колес.

— Что помощник биохимика может нам предложить? Простите меня, на этом корабле вы — главный биохимик.

Маленькая блондинка улыбнулась.

— Процесс приготовления пищи — это довольно таинственно... Но я надеюсь, что в следующий раз у меня получится лучше. На камбузе есть много провизии, по вкусу напоминающей цыплят, бифштексы, омаров, там много кофе, шоколада, ванили... Беда в том, что я никогда не была хорошим кулинаром.

— Тогда это касается тебя, Сонна. Бренда будет отпускать необходимый набор протеинов, витаминов и еще, я не знаю, чего, а ты постараешься превратить эти ингредиенты во что-нибудь съедобное.

— Жареный цыпленок,— задумчиво прошептала Сонна.

— Что-что?— воскликнул Виллиамс.— Мне послышалось, что речь идет о цыпленке...

— Правильно, Билл! Цыпленок, жаренный по-особенному,— это мексиканское блюдо. Цыпленок со специальным соусом. А этот соус приготавливается на основе горького шоколада.

— Уф!— издал выразительный звук Виллиамс.

— И другой необходимый ингредиент для соуса,— вмешался Гримс,— это сухая кровь цыпленка. Да, хорошо. Я не думаю, что в нашем меню будет такой цыпленок. Вы делайте все, что хотите, девочки что ваши клиенты не рискнут покинуть вас ради другого ресторана.

— Но они всегда смогут убить шеф-повара!— весело бросил Виллиамс.

Гримс надеялся, что никто не захочет этого сделать. Его люди найдут, чем заняться в течении двух недель путешествия. О Виллиамсе ему нечего беспокоиться. Этот всегда найдет себе дело. А Карнаби сможет пилотировать катер и будет счастлив. В конце концов, если им станет невмоготу, у них есть еще ящик с играми, карты, игральные кости. Это не будет роскошный круиз, но все могло быть гораздо хуже...

Глава 24

Это было не очень долгое путешествие.

Им всем уже приходилось оставаться в космосе гораздо дольше, но в иных условиях, просто роскошных по сравнению с теми, в которых они сейчас оказались. На больших кораблях были организованы развлечения, путешественникам предоставлялась тысяча возможностей позабавиться, кроме того, им предлагалась пища, которую они с удовольствием ели. На катере принятие пищи превратилось в неприятную обязанность. Несмотря на все старания Сонны и Бренды, несмотря на различные эксперименты с продуктами, патока оставалась патокой. Внешний вид и консистенция пищи так же важны, как и ее вкус...

Самым счастливым был Карнаби. Гримс почти сожалел о том, что навигатор остался ему верен. Сам командор всегда обожал навигацию, всегда утверждал, что это скорее искусство, чем ремесло. Но он также утверждал, что глупо иметь сторожевую собаку и лаять самому. Значит... Карнаби был офицером-навигатором, видимо, прямым потомком древних смельчаков, пускавшихся в дальние и опасные плавания по морям Земли на утлых деревянных суденышках. Гримс помогал Карнаби, когда тот просил об этом, но редко.

По огромной дуге катер мчался в пространство, и его инерционный двигатель ритмично гудел. В межпланетной пустоте он летел по направлению к красноватому Марсу, который с каждым днем заметно приближался.

Кен и Кларисс редко покидали свое отделенное пластиковыми листами убежище, но не оставались праздными. Гримс отчетливо слышал их тихие голоса, формулирующие мысли телепатических передач: "Потерпевшие крушение вызывают Марс... Вы слышите нас?.. Пожалуйста, ответьте". Радиотелефонный стиль казался чрезмерно упрощенным, но его употребление было логичным.

Они летели, летели...

Марс теперь казался шаром, большим оранжевым шаром, пылающим в темном море пространства, на его поверхности уже различались черные пятна материков и белые ледниковые купола полюсов. Карнаби заявил о необходимости замедления движения. Он и Гримс сели у пульта управления и заставили катер повернуть вокруг своей оси, чтобы инерционный двигатель давал ускорение противопожарного управления. Во всяком случае, понадобятся дни, прежде чем торможение полностью осуществится.

Наконец, Майхью вышел из своей каюты и сказал:

— Я связался с ними, Джон. Я связался с тем же марсианином, что и в первый раз, когда нас прогнали, как злоумышленников.

Гримс закончил последнюю проверку вычислений и повернулся к Карнаби.

— Катер в полном вашем распоряжении, Джеймс. Итак, Кен, что хорошего?

— Мне кажется, все неплохо. Они не запрыгали от радости, узнав, что мы к ним летим, но, думаю, понимают, что нам некуда деться. Они позволят нам приземлиться при условии, что мы не будем им мешать.

— Очень любезно с их стороны. Нет, я не шучу. После небольшого выступления Хендрика в прошлый раз у них нет желания знакомиться с нами. Ммм... Итак, я вам советую договориться с Рут, срочно связаться с ними и попросить, чтобы они по радио направили наш катер. Мы опустим это маленькое такси точно в то место, которое они нам укажут...

— И, может быть, попадем в западню?— предложила Сонна, как всегда пессимистически настроенная.

— Да нет, они не такие,— заверил ее Майхью.

— Надеюсь, что вы не ошибаетесь.

— Совсем не ошибаюсь. Фактически они теперь узнали о нас очень многое и даже дали понять, что могут нам помочь. Ведь уровень развития их техники очень высок.

— С вашей стороны это большой комплемент.

— Машины всегда полезны,— сказал Майхью.

И Гримс подумал:

"Смогут ли они вернуть нас в наше время? Знания или черная магия... Какая разница? Важен результат".

Глава 25

Катер медленно плыл по бледному небу Марса, его инерционный двигатель глухо ворчал. Гримс должен был посадить катер в пустынной местности, ориентируясь на свет прожектора, установленный там. Далеко в стороне от предполагаемого места посадки можно было различить довольно большой город и мелкие населенный пункты еще дальше, на севере. Садиться предстояло в пустыне, обжигаемой палящим солнцем и пересеченной промышленной ирригационной сетью, идущей с севера на юг. Гримс видел темно-зеленые полосы, в середине которых бежала искрящаяся вода.

В некотором смысле этот Марс был похож на Марс, который Гримс помнил. Воздух, может быть, был немного разряжен, было мало воды, но, напоминая тот почти мертвый мир, который знали земляне, он был иным... Тем не менее это был умирающий мир. Свет, несмотря на свою яркость, был похож на осенний...

Командор вел катер, а Карнаби дулся. Его обида забавляла Гримса. Он посмотрел на иглу радио компаса, отлично показавшего курс.

Карнаби отличный, даже превосходный навигатор,— подумал он,— но я тоже имею право в свою очередь поразвлечься... Карнаби было очень хорошо все две недели, и остальные не скучали. А теперь... Кларисс и Кен разбирались в математике, разумы Карнаби и Рут Макоби были для них открытой книгой, и телепатам удалось поработать с радистами и навигаторами Марса. В итоге они создали новую систему радионавигации. По счастью, математика была универсальным языком, хорошо известным по всей Галактике.

— Свет!— воскликнул Карнаби, сидящий в кресле второго пилота.

Да, это был свет — красный, яркий свет, мерцающий в темном пространстве. Гримс перевел свое внимание с радиокомпаса на видимый сигнал. Свободной рукой он взял бинокль, чтобы осмотреть место призем-

ления. Он увидел строения, пластиковые хижины, но не заметил ничего похожего на посадочную площадку. Правда, это не имело значения, потому что катер садился вертикально, но Гримсу было неприятно думать, что ему придется раздавить нечто, имеющее вид съедобных растений.

— Не огорчайтесь, Джон,— сказал ему Майхью.— Они не беспокоятся об этом последнем урожае. Он им не нужен.

— Да?

Ну, раз Майхью так говорит...

Гримс уменьшил скорость и стал снижаться. Наконец, он посадил катер в метре от мерцающего прожектора, взглянул через иллюминатор на пластиковые купола. А что теперь?

В первой хижине открылась дверь, и на пороге появился некто: он имел человеческую фигуру, но был нечеловечески худ, и голова была скорее цилиндрической, чем сферической формы. У него было две руки, две ноги, глаза и рот.

— Двайнеч,— объявил Майхью.— Он здесь, чтобы встретить нас.

— А где красный ковер?— спросил у него Виллиамс.

Майхью игнорировал вопрос.

— Его народ сможет помочь нам. Но прежде всего он хочет осмотреть катер.

— Скажите ему, что это дворец свободы, что он может плевать...

— Мне начинают надоедать такие выражения,— заметила Сонна.

— Передайте ему вежливое приветствие,— сказал Гримс,— и наши сожаления. Ведь мы не можем принять его на борт по всем правилам гостеприимства.

— Это как раз их и беспокоит,— уверил Майхью.— В настоящий момент они смотрят на нас, как на грубиянов. По счастью, некоторые из их математиков заинтересовались нашей печальной судьбой и решили нам помочь. Кстати, помогая нам, они заодно и избавятся от нас,— с улыбкой добавил он.

Гримс нажал кнопку, открывающую дверь, и опустил лестницу.

— Мне говорили, что дареному коню в зубы не смотрят,— сказал он.— Раз они нам помогут, я буду им благодарен.

Двайнеч влез в катер. Он был в одежде из пластика, блестящего, как панцирь насекомого. От марсианина исходил запах плесени, и он *скрипел, взбираясь по лестнице.* Не обращая ни на кого внимания, он сразу подошел к телепатам, протянул три пальца длинной паучьей руки и дотронулся до лба Майхью, а потом Кларисс. Они ответили марсианину таким же образом, но были вынуждены встать на цыпочки, чтобы дотянуться до его лба.

В сопровождении телепатов марсианин медленно приблизился к передатчику Карлотти. Он не менее минуты рассматривал передатчик своими огромными глазами, а потом дотронулся до антенны костлявыми пальцами. Эллиптическая антенна медленно повернулась вокруг своей

оси. Он опять уставился на передатчик. Было невозможно понять, что выражает его лицо.

— Итак?— не выдержал Гримс.— Что теперь?

— Я... мы думаем, что все идет хорошо, Джон,— ответил Майхью.— Он рассказывает своим коллегам, что видит здесь. Он передает информацию телепатически.

"Но, черт побери,— подумал Гримс,— при чем тут наш Карлотти?"

Потом с помощью телепатов в его мозгу возникало изображение башен города с антеннами типа Карлотти на них.

Майхью продолжал:

— Мы должны остаться здесь, Джон, пока нас не позовут. Мы можем жить на катере или во временных жилищах. Сейчас они хотят унести наш Карлотти в город, чтобы рассмотреть его, насколько я могу понять, и внести необходимые изменения. Если бы Рут демонстрировала передатчик со щитка приборов...

— Изменения?— воскликнул Гримс.— Какие изменения и для чего?

— Я знаю не больше вашего, Джон. Но это важно. У них нет времени, чтобы сделать новый аппарат.

— Сделайте то, что они хотят, Рут,— приказал Гримс.— Или, вернее, то, что сказал марсианин.

Пока Кен и Кларисс провожали марсианина, Рут взяла инструменты и принялась за работу.

Глава 26

Двайнеч улетел в город на аппарате в форме дирижабля, прибывшего за ним. Карнаби, увидев этот странный летательный аппарат, воскликнул:

— Что это? Газовый баллон? Дирижабль? Я считал, что эти люди далеко ушли в развитии, но...

— В чем вы их упрекаете, Джеймс?— спросил Гримс.— К чему напрасно тратить энергию, когда можно летать способом, ее не требующим?

— Но скорость этой штуки или, вернее, ее медлительность...

— Если некуда торопиться,— сказал Гримс,— воздушный корабль так же хорош, как и любой другой вид транспорта.

Марсианин, по-прежнему молчавший, определенно общался только с Майхью. Наконец, телепат сказал:

— Он просит нас не подходить к прожектору, Джон.

— Почему?

— Я не понимаю этого... вопрос техники, механизм и анкеровка...

Гримс пожалел, что Майхью был так мало сведущ в вопросах механики. Но, может быть, воздушный аппарат собирался опустить что-то вроде скоб. Это было логично. Все встали подальше от прожектора.

Дирижабль был гораздо менее примитивным, чем казался издалека. Приближаясь, он снизился, и Гримс увидел, что серебристая сетка, окружающая шар, сжалась, уменьшая баллон и сокращая его подъемную силу.

Никаких клапанов, винтелей, выпускающих газ, не было видно. Корабль приближался очень медленно, единственный винт, расположенный сзади, едва крутился. Оказавшись над прожектором, он остановился. Лапы скоб опустились и углубились в почву. Крепление — металлический стержень, тонкий, как карандаш, протянулся к горизонтальному вороту на борту, и аппарат плавно прошел последние метры до земли. Он остановился, сверкая и покачиваясь в легком бризе.

Двайнеч стоял немного в стороне от людей и, казалось, отдавал приказы, целую серию быстрых приказов. Видимо, экипаж воздушного корабля не имел телепатов, и марсианин громко говорил что-то на своем языке. У него был неприятно-пронзительный голос, как у них, кто находился в гондоле. Как жужжание насекомых или чириканье птиц.

"Птиц?— подумал Гримс, и сумасшедшая гипотеза начала формироваться в его мозгу.— Как птица?" — это соответствовало осенней атмосфере, царившей на Марсе. Здесь была связь... но какая?

Двайнеч с неуклюжестью антропоида поднялся по короткой лестнице в гондолу. Гримс заметил, что сетка сразу немного отпустила баллон. Марсианин остался стоять в открытой двери. Он явно чего-то ждал.

— Карлотти,— прошептал Майхью.

Демонтированный приемник был снят и передан марсианину. Скользящая дверь захлопнулась. Металлический стержень был резко вырван из земли, скобы его сложились, точкой, почти не видимой в светлом небе.

— Итак?— спросил Карнаби.— Что будет теперь?

— Мы будем ждать,— ответил Майхью.

— Чего?— поинтересовалась Сонна.

— Если бы я это знал, то сказал бы вам,— сухо ответил телепат.

И они стали ждать.

Они решили поселиться под пластиковыми куполами, устроенными для них: эти жилища давали гораздо больше простора, чем каюты на катере. Отопления не было, но это не имело большого значения, так как двойной слой пленки хорошо защищал от свежей марсианской ночи, и было достаточно синтетических одеял. Не было освещения, но они принесли портативные лампы. Не было кухни, ни плиты, и они продолжали готовить пищу на катере. Марсиане не оставили им никаких продуктов, но у них было еще много своих.

Катер имел на борту аппараты, позволяющие потерпевшим крушение на неизвестной планете проанализировать местные продукты и определить, съедобны ли они. Бренда была дипломированным биохимиком. Она заявила, что на поле вокруг растет

абрикосов. Плоды были не только съедобны, но даже питательны. К сожалению, у них был неприятный вкус, и ничто не могло отбить его.

Гримс попробовал один плод и сразу же выплюнул, предложив:

— Может быть, мы сделаем лучше, если попытаем счастье в Австралии? По крайней мере, кухня аборигенов должна быть лучше!

В конце второго дня он совсем затосковал. Ему было нечего делать. Гримсу хотелось сесть в катер и совершить небольшую прогулку, но Майхью отговорил его.

— Мы должны оставаться здесь, Джон,— твердо сказал он.— Мы должны быть готовы отправиться в город, как только они позовут нас. Не забывайте, что нас не приглашали и мы не должны делать ничего, абсолютно ничего, что могло бы не понравиться нашим хозяевам.

— Но они действительно обещают помочь нам?

— Они надеются, что им это удастся.

Гримс был вынужден довольствоваться этим.

Из всей группы только Бренда Колес казалась вполне довольной. Она была биохимиком и проводила время, пытаясь составить каталог фауны и флоры. Карнаби помогал ей, правда, без всякого энтузиазма и жаловался, когда она его не слышала:

— В конце концов, я ведь навигатор, а не ловец бабочек!

Бабочками он называл теплокровных членистоногих крылатых, обнаруженных здесь Брендой. Они не пережили тысячелетий перед первым появлением человека на Марсе, может быть, большой метеоритный дождь, который создал кратера, практически уничтожил всякую жизнь на этой планете?.. Или, вернее, уничтожит...

— Но города?— спросил Гримс, когда стали обсуждать эту гипотезу.— Вы мне скажите, что, каждый метеорит имел написанное на нем название города?! И точно в него попал? Должно же существовать что-то, найденное людьми.

— Но ничего не было,— сказал Виллиамс.

— Нет. Ничего... за исключением двух или трех сомнительных предметов.

— Мне думается,— сказал Майхью,— что мы оказались здесь перед грандиозной миграцией масс. Старый мир умирает, и его народ уходит на лучшие пастбища.

Карнаби подобрал сачок, сделанный им для ловли бабочек, взял его, как гитару, и запел:

— Я слишком долго жил,
Слишком много играл в этом старом городе.
Лето уходит, зима тут как тут.
Я слишком долго жил в этом старом городе...
Время уходит, зима на пороге, забирай свой скарб...

— Ммм...— промычал Гримс.— Такое настроение витает в атмосфере, но...

И он тоже начал петь, несмотря на протесты Сонны:

— Грустный поезд проезжает здесь в шесть часов.
Проходит здесь, и я на него сяду.
Грустный поезд проходит здесь в шесть часов.
У меня есть билет, я возьму его...

— Никто тебя не задерживает,— ядовито заметила его жена.

— Ты не понимаешь. Когда входишь в этот грустный поезд, не берешь с собой город. Его оставляешь позади. Покидаешь.

— К чему вы все это ведете, командор?— спросил Виллиамс.

— Я сам плохо знаю... Юношей, в Академии Службы Космографии, я должен был читать научную фантастику XX века. Ненормальные, сумасшедшие в целом и очень далекие от реальности книги. Между тем после стольких лет у меня в памяти остались кое-какие обрывки. Была одна история с выдумкой: нечто вроде антигравитационной системы, которая целиком поднимала города и отправляла их в другую Галактику, как огромные космические корабли... А если марсиане проектируют подобный трюк? А если эти их антенны на башнях только похожи на антенны Карлотти, если они существуют не для связи, а для других целей, вроде движения в пространстве и времени, как двигатели Маншена? Возможно, они хотят изменить наш Карлотти, чтобы он мог быть использован, как межзвездный ускоритель для катера...

— А если это так и есть и они могут это сделать? — спросила Сонна.— То куда мы направимся? И, хорошенько подумав, зачем?

Карнаби начал петь:

— Полиция и шериф бегают за мной,
Бегают за мной, бегают за мной...
Полиция и шериф бегают за мной,
Время идет, собирай свой скарб!

— Да,— пробормотал Гримс.— Они бегают куда-то... Кто этот шериф? Что это такое? Последний вербовщик, сержант Смерть?

Глава 27

Извещение пришло через час до начала дня.

Майхью разбудил Гримсу и Сонну, в то время как Кларисс будила остальных.

Одевшись, Гримс проворчал:

— Значит, это случилось?

— Случилось, Джон.

— Что "это"?— проворчала Сонна.

— Я не знаю. Они, кажется, не хотели, чтобы я видел все подробности. Но вы должны были почувствовать... напряженная атмосфера ожидания. Нервозность, как перед отбытием...

Сонна нервно фыркнула и заявила:

— Форт Сампер был атакован. Мой полк выступает на рассвете.

— Я ничего не понимаю,— немного подумав, пробормотал Майхью.

— А я понимаю,— сказал ему Гримс.— Садитесь в катер, Кен. И не будем ничего оставлять здесь. Хорошо подумав, унесем с собой и одеяла. Они могут нам понадобиться...

Гримс и Сонна, поеживаясь от холода, вышли из хижины в темноту наступающего утра. Дул сильный ветер, на неясном небе сверкали звезды. На востоке сияла зеленым светом далекая планета Земля.

" Что делают мятежники?— подумал Гримс.— Что случится или что случилось с его старым "Квестом"?— Гримс отвернулся и посмотрел на крошечный, медленно поднимавшийся Фобос. Деймос был незаметен среди звезд. У Гримса не было времени, чтобы обнаружить спутник. На севере виднелись огни марсианского города.

Глухое ворчание двигателя катера нарушило тишину утра. Виллиамс, видимо, уже был на борту, убеждаясь, что все приборы в порядке.

Гримс и Сонна вошли в открытую дверь. Да, Виллиамс уже сидел на своем месте, как и все остальные.

— Хорошо,— сказал Гримс.— Поехали. В город, я полагаю, Кен?

— Да, в город. Мы должны сесть на центральной площади.

Звуки двигателя стали слышны сильнее, когда катер взлетел, Канал внизу казался серебряной лентой, отражающей звезды. Город впереди был похож на букет звезд, положенный на темный горизонт...

Пока они летели, бледно-розовый свет распространялся по небу, и пустыня отражала этот свет. Внезапно над низкими холмами появилась ослепляющая точка, которая быстро росла. Встало солнце, и башни города стали на мгновение отчетливо видны, тонкие и черные в утреннем тумане, их силуэты расплывались и точно таяли. Гримс снова вспомнил прочитанную когда-то книгу, как же она называется? "Летающие города"? Что-то в этом роде. Он тихо засмеялся.

"Оптическая иллюзия, вот и все",— сказал он себе.

Они продолжали полет и очень осторожно облетели вершины первых башен. На верху каждой блестели неподвижные антенны. Катер медленно пролетел над широкой улицей, грациозными мосточками, бульварами, соединяющими пространства между башнями. На улицах можно было видеть машины, похожие на насекомых, и маленькие группы пешеходов. Марсиане останавливались и поднимали головы, чтобы посмотреть на незнакомую блестящую летающую машину.

Круглая Центральная площадь была вымощена розовыми блестящими плитами, центр ее украшал фонтан, окруженный большим количеством цветов. В стороне от фонтана для них была приготовлена ровная площадка. Чтобы не было никакой ошибки, красный прожектор указывал место их посадки.

— Я полагаю, они хотят, чтобы мы сели там,— прошептал Гримс.

— Да,— ответил Майхью.

— Гмм. Надеюсь, что я смогу сесть, ничего не сломав.— Гримс с осторожностью опустил катер между массивами цветов и рядами каменных скамеек. Когда шасси коснулось земли, он выключил двигатель.

— Ну, вот мы и приехали,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

Сонна промолвила что-то о бесполезных высказываниях, с любопытством, как и другие, глядя в иллюминатор. Снизу башни казались еще более впечатляющими. Они поднимались, как замершие неподвижно струи воды. С мостами и мостиками для связи они создавали единый ансамбль из камня и металла. И, возвышаясь над всем, таинственные антенны, как золотые, сверкали в лучах восходящего солнца.

— Люди,— прозаически протянул Виллиамс.

Гримс оторвал взгляд от фантастической архитектуры и посмотрел в сторону, куда указывал Виллиамс. Шесть марсиан — все высокие, очень худые, с длинными головами и неопределенными чертами лица, медленно приближались к катеру. Двое несли Карлотти. Казалось, аппарат не изменился, по крайней мере, снаружи, однако это еще ни о чем не говорило.

— Двайнеч находится среди них,— сказал Майхью.

Его губы продолжали молча шевелиться, в то время как он формулировал свои мысли, а потом сказал:

— Мы должны сопровождать их в зал собрания. Остальные вернут... аппарат в катер.

— Очень хорошо,— сказал Гримс.

Ему не хотелось оставлять в катере чужаков без надзора, но он понимал, что у него нет другого выхода.

— Очень хорошо,— повторил он.

Майхью и Кларисс вышли первыми. Они соблюдали ритуал встречи с Двайнечем. Остальные марсиане без видимого любопытства смотрели на людей, переговариваясь птичьими голосами. Гримс покинул катер

последним. Он подождал, пока телепаты закончат обмен мыслями, а потом сказал:

— Мы готовы, Кен.

— Хорошо. Совет ждет нас.

Совет ожидал их в обширном зале нижнего этажа одной из башен. Это была огромная комната с гладким полом, высоким сводчатым потолком и эстрадой в глубине. Не было никаких украшений, никакой мебели, кроме восьми стульев, терявшихся в огромном пространстве зала. Шесть стульев было поставлено перед эстрадой, два — непосредственно на возвышении эстрады.

На эстраде находились члены Совета, десять марсиан, все очень высокие, с одинаковыми, на человеческий взгляд, лицами. Двайнеч присоединился к ним в сопровождении Майхью и Кларисс. Он посадил землян и остался стоять позади них.

— Мы можем сесть?— спросил Гримс.

— Для этого тут и стоят стулья,— ответил Майхью.

Люди сели. Гримсу хотелось, чтобы у него была его трубка... и хоть щепотка табаку.

Молчание становилось мучительным.

Майхью принялся говорить чужим голосом. Гримс понял, что все, что тот когда-то проделал с Еленой, кто-то теперь проделывал с ним. Лицо у Майхью казалось лицом андроида, оно двигалось, но неестественно.

— Я,— сказал он,— Гайалиан, президент этого Совета. Я изучил и понимаю ваш язык. Мои голосовые связки не позволяют мне произносить необходимые звуки, так что я говорю через Майхью. Вы меня извините, если мои выражения не всегда будут точными.

— Вы отлично справляетесь,— бросил ему Виллиамс.

— Спасибо, но я прошу не перебивать. Время летит быстро, и скоро наступит момент, когда мы, мы все, должны будем... уйти. Но вы должны знать, что произойдет...

В первый раз, когда вы явились в этот мир, который называете Марсом, мы не могли принять вас. Это помешало бы нам приготовиться... к путешествию. Вы были вполне способны выкрутиться сами. При вашем втором появлении наши приготовления были закончены... Наши инженеры, наши математики, наши ученые имели достаточно времени, чтобы рассмотреть вашу проблему. Ее разрешение было забавной задачей. Но для начала я должен вам сказать, кто и что мы такое. Мы не из этого мира. Много тысячелетий назад наш народ жил на другой планете, за много световых лет от сюда. Название солнца, вокруг которого она вращалась, вам ничего не скажет, к тому же этой звезды больше не существует. Мы, или, вернее, наши предки, бежали до того, как наше солнце стало сверхновой звездой. Наши корабли рассеялись. Один из них обнаружил эту планету, которая была тогда почти двойником планеты, покинутой нами. Прошли многие века, и этот мир стал умирать. Были

рассмотрены возможности обновления планеты, вполне реальные, но астрономы предупредили нас о неминуемой катастрофе: планета подвергнется бомбардировке метеоритов и неизбежно погибнет.

Даже если бы мы располагали техникой транспортировки в межзвездном пространстве со скоростью, во много раз превышающей скорость света, мы не покинули бы эту планету. Она стала нам родиной. Существовала одна возможность избежать истребления, спасти наши города и спастись самим. И мы ее приняли.

"Он путает времена",— подумал Гримс и громко сказал, надеясь быть услышанным:

— Значит, вы превратили ваши города в космические корабли?

— Мы превратили их в корабли времени,— сказал Майхью чужим голосом.— Мы вернулись во времена, предшествующие появлению здесь наших предков, так что они нашли цивилизацию, которую сами создали и взрастили. Мы повторили этот цикл тысячу раз с небольшими изменениями в каждом случае. Вы будете одним из таких изменений... совсем небольшим.

Где-то зазвонил колокол, медленно, торжественно.

" Обратный отсчет,— подумал Гримс,— обратный отсчет времени..."

— А если мы не хотим идти вместе с вами?— в отчаянии закричал он.

— Вы и ваши люди можете остаться, если хотите. Вы можете надеяться выжить в метеоритной буре, которая уничтожит этот мир, или попробовать вернуться на Землю. Но не забывайте, что мы даем вам шанс...

— Попытаемся, командор,— быстро проговорил Виллиамс.— Попытаемся. Что нам терять?

— Ничего,— ответил президент голосом Майхью.— Вам нечего терять, но вы, может быть, много выиграете. А теперь вы должны вернуться на свой катер.

Глава 28

Они спешно вернулись на катер.

Он стоял на прежнем месте, посредине площади, сверкающей сквозь тонкую сетку струй фонтана. Марсианские техники закончили свое дело и ушли. Карлотти находился на своем месте. Зато Сонна обнаружила исчезновение одеял, принесенных из хижин. "Они, видимо, решили, что мы не должны увезти с собой что-либо, взятое из города, туда, куда мы будем отправлены,— подумал Гримс.

— Закрываемся, командор?— спросил Майхью.

— Да, так будет лучше,— ответил ему Гримс.

Двери скользнули, заперев катер.

Что случится теперь? Большой колокол продолжал медленно звонить, отсчитывая последние минуты этого времени. Площадь была пуста так же, как и улицы. Атмосфера была тяжелой, напряженной.

Гримс сказал, скорее для себя, чем для других:

— Я не знаю, должны ли мы включить Карлотти?..

Он поколебался, подошел к аппарату и поискал кнопку. На панели ничего не было.

— Рут!— позвал он.— Идите сюда! Что вы об этом думаете?

В этот момент колокол замолчал, и наступившая тишина произвела впечатление удара.

— Посмотрите! Посмотрите!— закричал Карнаби.

На вершинах башен, окружающих площадь, антенны начали крутиться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и их полированная поверхность сверкала на солнце.

— Смотрите!— закричала Рут.

Измененная антенна Карлотти тоже синхронно с ними крутилась. Сперва медленно, потом быстрее. Солнце село, исчезнув на востоке. Потом наступили сумерки, утренние, а не вечерние. А потом вечер, и ночь, и день с солнцем, которое вставало на западе и заходило на востоке.

Ночь следовала за днем, а за днем следовала ночь, и все быстрее и быстрее, сплошное мигание света и тьмы, которое стало слишком быстрым: глаза видели лишь серый сумрак. Солнце превратилось в сверкающую ленту желтого цвета, Фобос — в ленту более узкую. Звезды становились серебряными пятнами. Тем не менее строения, окружающие площадь, были по-прежнему солидны, массивны и как-то ядовито блестели. На их вершинах крутились сияющие антенны.

Так продолжалось часами...

Сначала это было захватывающее зрелище, но потом интерес к нему угас. Со временем ко всему привыкаешь. Бренда Колес отошла от иллюминатора и отправилась на кухню. Вернулась она с кофе, который все выпили с удовольствием и были ей очень благодарны. Кофе оказался не очень хорошим, но в данной ситуации и такой был неплох.

— Я надеюсь,— сказал Гримс,— что мы сможем присутствовать при приземлении первых колонистов. Мне хотелось бы знать, какого рода у них были корабли...

— Кажется, наши друзья ученые начинают тормозить,— сказал Виллиамс.— Я не знаю, в каком времени мы находимся... но с такой скоростью мы можем быть отброшены к моменту рождения Солнечной системы...

— Наша антенна Карлотти крутится быстрее, чем когда-либо,— прошептала Рут.— Они, вероятно, снабдили ее дополнительными роликами.

— Ах, да?— прошептал Гримс и посмотрел на дно своей чашки.— Не найдется еще немного этой жидкости, Бренда?

— Я вам налью, командор.

— Не беспокойтесь, небольшая прогулка в камбуз мне не повредит.

Он встал и, проходя мимо, взглянул в иллюминатор. Чашка выпала из его рук на пол.

— Что с тобой происходит?— закричала Сонна.— Что-то не так?

— Кое-что,— через некоторое время ответил он.— Но не все.— И с горечью подумал: "Подонки! Они всегда говорили, что мы им не нужны, теперь они избавились от нас..."

Через иллюминатор больше не было видно башен, хотя в сером небе солнце и луна продолжали вычерчивать светящиеся круги. Катер по-прежнему мчался в прошлое, но город, вероятно, остался в далеком будущем.

— Рут!— закричал Гримс.— Остановите эту проклятую машину!

— Но... я не могу, командор. В ней нет больше кнопок.

— Сломайте ее. Возьмите молоток, пилу...

— Нет!— воскликнул Майхью.— Нет!

— Ах, так! А почему нет?

— Вы не понимаете, Джон. Так хотели...

— Мне совершенно наплевать на то, что они хотели! Ваши длинноголовые друзья сыграли с нами шутку, еще худшую, чем Далзелл мог себе представить. Мы должны остановить эту проклятую машину времени, прежде чем будет слишком поздно, а потом мы вернемся на Землю.

— Чтобы нас сожрали динозавры, Джон?— спросила Сонна.— Нет, спасибо. Послушай Кена, прежде чем делать глупости.

— Мы должны верить им,— настаивал телепат.

— Верить?

— Они не хотели нам никакого зла, Джон. Они сделали для нас все, что могли. Они дали нам шанс вернуться в наше собственное время.

— Ах, да? Вы считаете, что это именно так?

Гримс посмотрел в иллюминатор. Что это? Вода? Море? Куда это их занесло? Море на Марсе? Что это — море или голые скалы, раскаленные, текучие, как вода? расплавленные скалы... или море огня?

Море огня или... небытие?

"Некуда идти",— подумал Гримс и сказал:

— Нам совершенно некуда идти.

— Но будет, куда,— уверенно отозвался Майхью. — Будет или уже есть, должно быть, куда.

— Я пойду сварю вам кофе,— сказала Бренда.

Глава 29

Катер висел в бесформенном небытие, в черной пустоте. Между тем Гримс знал, что это была не абсолютная пустота. Катер парил в безмерном море атомов. Он парил. Было бы напрасно включать двигатель, больше того, даже Карнаби не был в достаточной степени математиком, чтобы вычислить возможные последствия передвижения в любом направлении. Измененная антенна Карлотти вертелась вокруг своей оси, и кто мог сказать, какой был бы результат, если бы к движению во времени прибавилось движение в пространстве.

Катер висел неподвижно, крошечная точка света и жизни в бесконечном небытии. Время шло, экипаж апатично принимал необходимость остаться в живых, машинально следя за состоянием систем жизнеобеспечения. Бренда Колес иногда казалась обеспокоенной. Запасы провизии таяли. Она сообщила Гримсу об опасности, которая им угрожала.

— Мы должны придерживаться определенного рациона,— решил Гримс.

— По счастью,— сказала Сонна,— это не трудно будет сделать.

— С этой пищей — да,— добавил Виллиамс.

— Я считаю и верю,— неуверенно сказал Карнаби,— что мы, наконец, прибудем куда-нибудь. Или в какое-нибудь время...

— Главное — навигация,— сказал Виллиамс.— Если вам удастся сориентироваться в этом пюре из межзвездного гороха, вы будете просто гением.

Карнаби рассердился.

— Никто не может сориентироваться тут, командор, и вы прекрасно это знаете. Но мне кажется, я вижу какое-то свечение...

— Смерть раскаленной вселенной наоборот,— прошептал Гримс.— Колесо всегда описывает полный круг, в некотором смысле оно вертится...

— Джеймс прав!— воскликнула Бренда. Действительно, становится светлее.

Вспышка, сверкающая, ослепляющая, продолжалась всего лишь долю секунды.

Когда Гримс, наконец, смог открыть слезящиеся глаза, которые продолжало щипать, он подумал, что светящаяся красным цветом лента, не более чем игра воображения. Но лента не гасла, она становилась все ярче.

— Солнце,— прошептал он.

— Солнце,— прошептал Виллиамс.— Прибыли.

— Нет, пока еще нет. Но мы должны попытаться остановить эту дьявольскую машину, подсунутую нам марсианами. Пока еще нет, но как только обстоятельства снаружи будут подходящими для жизни...

— Еще одна пустыня,— проворчал Виллиамс.— Песок... Ничего, кроме песка.

Песок, ничего, кроме песка, и потом клочок зелени под голубовато-серым небом, желтое солнце. Зелени становилось все больше и больше, быстро проходили перемены, связанные с временами года... А не строения ли это? Они появились на короткое время и исчезли, но были и другие, более крупные, на месте первых, с более определенными контурами, более четкие...

Потом снова началось мигание, с которым они познакомились в начале путешествия, быстрая смена света и темноты, в то время как день сменяется ночью, часы длились секунды, минуты, много минут.

Антенна Карлотти теперь поворачивалась медленнее, ее форму уже можно было ясно разглядеть. Она замедляла, замедляла темп вращения и вместе с ним скорость бега времени. Наконец, она совсем остановилась.

Произошел глухой взрыв. Едкий дым пошел от Карлотти, но Гримс этого не заметил. Он пристально смотрел через иллюминатор на знакомый пейзаж. Катер находился на бетонной площадке, чистой и блестящей под полуденным солнцем.

Вокруг были административные здания космодрома. На мачте контрольной башни полоскался флаг, голубой флаг Межзвездной Федерации. Тут были корабли, один из созвездий Федерации и два длинных, напоминающих змей.

— Где мы?— спросил Карнаби.— Где мы находимся?

— По-прежнему на Марсе,— ответил Гримс.— Марс, отлично освоенный Землей, который я знал раньше. Марс, порт, служебная база...

До него дошел дым от взрыва, и он закашлялся.

— Откройте двери, Билл, воздух вполне пригоден для дыхания. По крайней мере, он был таким, когда я был здесь в последний раз.

Гримс покинул катер последним. Присоединившись к своим товарищам, он посмотрел на них и отметил про себя их неприглядный вид, зная, что и он выглядит не лучше. Но поделать ничего не мог, да это и не имело большого значения.

Офицер в парной униформе большими шагами направился к ним. Он смотрел на них с плохо скрытой неприязнью. Увидев значок Флота Мира Конфинс на катере, офицер с комическим недоумением поднял брови.

— Откуда вы взялись?— воскликнул он.— И кто вам позволил приземлиться?

— Мы потерпели крушение, комендант,— ответил ему Гримс.— Мы просим приюта.

— Вам, видимо, он очень нужен. А вы не слишком ли далеко забрались от вашей лужи для уток?

— Достаточно, комендант,— строго проговорил Гримс, но это не возымело действия.

Офицер смотрел на Сонну.

— Я вас знаю. Командор Берилл, не так ли? Но нам сказали, что вы мертвы, что вы исчезли во время я не знаю какой экспедиции, там, на Конфинсе. Как вы сюда попали?

— Я сама многого не знаю. Вот мой муж, командор Гримс,— сказала она, подчеркивая его звание,— он наш командор. Я полагаю, вы сможете задать ему свои вопросы после того, как дадите ему возможность привести себя в порядок и заняться своим туалетом, а также рапортом начальникам своим и вашим.

Это пресекло кудахтанье коменданта космической службы Федерации. Он извинился:

— Командор, я видел ваши фотографии, но я вас никогда бы не узнал... знаменитый командор Гримс! Вы исчезли вместе с вашим кораблем "Фарави Квест" там, в Мире Конфинс. Безусловно, вы не могли прилететь так издалека на этой...

— Это длинная история,— перебил его Гримс.— И я не уверен, что вы поверите нашему рассказу. Все равно, вам придется подождать, я прошу вас проводить меня к вашему высшему начальству. Кроме того, мы все нуждаемся в отдыхе, в чистой одежде и, вероятно, в услугах медиков... Да, я забыл. Поставьте охрану у катера... Я, правда, сомневаюсь, что мы сможем что-нибудь узнать о тех изменениях в приемнике Карлотти...

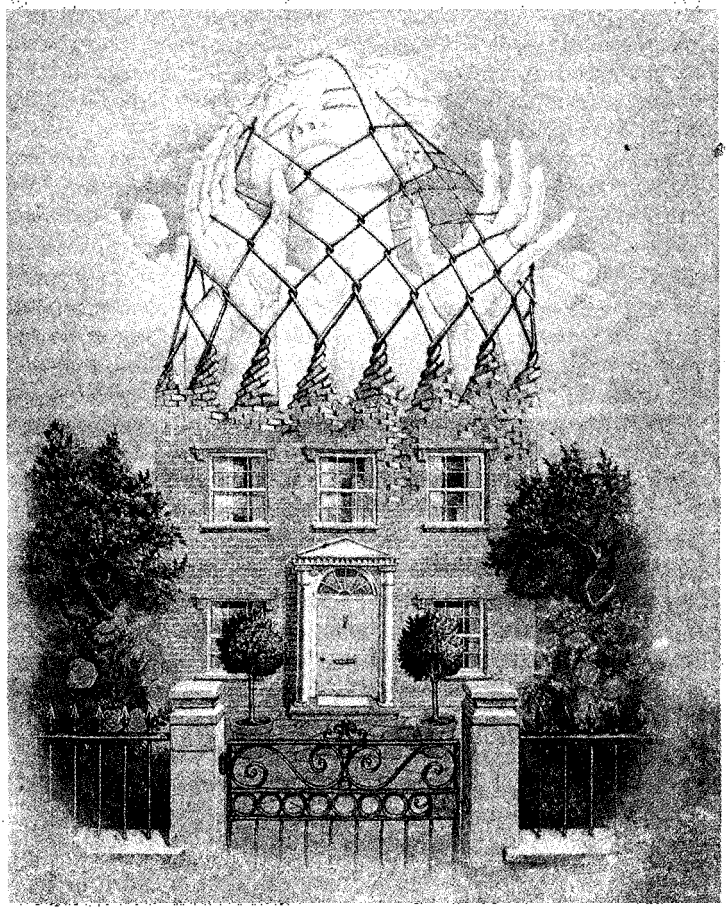
— Сюда, командор,— пробормотал комендант, явно умирая от любопытства и с трудом удерживаясь от вопросов.— Я уверен, что капитан Делл будет счастлив предоставить все необходимое вам и вашим людям... но... каким образом вы появились здесь?

Гримс вздохнул. В ближайшем будущем ему предстояло часто отвечать на эти вопросы. Ему придется объяснить потерю единицы флота Мира Конфинс. Он должен будет рассказать историю двух мятежей, Друтена и Далзелла, и, вернувшись на Конфинс, заполнить большую анкету.

— Как вы появились здесь, командор?— настаивал молодой человек.

— Это был очень долгий путь,— ответил, наконец, Гримс.

ПРОПАВШИЕ СРЕДИ ЗВЕЗД

Часть I

"АЛКИНООС"

Глава 1

"Алкиноос" — грузовой космический корабль последней модификации, предназначенный для доставки на Землю редких минералов и руд. Он оборудован двойной системой тяги, ставшей классической со времени прибытия Штольцев в Солнечную Галактику. На его борту кроме трюма имеется сто семьдесят пять первоклассных кают для размещения отрядов космических шахтеров. Шахтеры — люди особого склада, те, кому земная жизнь казалась прекрасной и скучной. Авантюристы по натуре, всегда готовые к риску и неожиданностям, они осваивали безымянные планеты с невиданными климатическими условиями.

Но сфера деятельности человека в космосе неуклонно расширялась, поэтому таких людей постоянно не хватало. Даже за очень большие деньги не всегда удавалось укомплектовать команду. Все чаще приходилось прибегать к услугам тех, кого их авантюрная жилка и склонность к риску привели к конфликту с законом,— к заключенным. Год, проведенный на внеземных шахтах, приравнивался к пяти годам тюрьмы, а возвратившись получал кругленькую сумму, дающую возможность сразу встать на ноги. Но для разработки шахт Алонита-2 нужны были не просто рискованные ребята, там требовались особенно сильные, выносливые люди.

Выдержки из бортового журнала космического корабля "Алкиноос":

Командир: Коммодор Жорж Маоган
Алонит-2, 8 октября 2130 года
Земное время: 8 часов 00 минут
Местное звездное время: 40 часов 00 минут

"... мы уже загрузили 850 тонн стриферилла, и "Алкиноос" завтра будет готов к взлету, если, разумеется, не возобновится вчерашний бунт. Шахтеры потребовали полной эвакуации. Уступить их требованию — значит бросить на произвол судьбы нашу базу на Алоните-2,

строительство которой стоило огромных денег. И в то же время я должен признать, что обстановка на планете значительно ухудшилась.

Средняя температура на поверхности ночью была +37 градусов, а сейчас уже поднялась до 40 градусов еще до восхода Солнца, хотя здесь в разгаре зима. Постоянное повышение температуры, я думаю, связано с недавним увеличением содержания углеводородного ангидрида в атмосфере. Наступившая влажная и жаркая пора стимулирует рост рыжеватых плор — липких растений со студенистыми листьями. Растения захватили все. И теперь, отправляясь на шахту, мы вынуждены каждый раз прокладывать в них себе дорогу с помощью огнемета.

Но самое страшное — это то, что не прекращается буря. Все небо покрыто мрачными зеленоватыми тучами, ураганный ветер вздымает в океане волны высотой до тридцати метров.

Вода медного оттенка поднимается к подножию горы, и ржавые брызги долетают до самого корабля. Три рабочих транспортера для перевозки минералов сломались, так как их оси были совершенно разъедены кислотными океанскими брызгами. Единственный металл, который противостоит коррозии,— это стриферилл. К сожалению, из него сделан только корпус "Алкинооса". Сколько еще продлится буря и выдержат ли ее напор постройки базы, предугадать невозможно. Пока буря усиливается..."

9 часов 20 минут

"... Солнце только что взошло, и его непривычные очертания придают пейзажу жутковатый вид. Сразу после восхода радиосвязь стала практически невозможной. Магнитная буря все искажает, приемник издает лишь неясные хрипы..."

9 часов 32 минуты

"... ветер дует с такой яростью, что наш загруженный корабль начал раскачиваться. Я иду на командный пункт..."

Старший штурман Роллинг смотрел на солнце.

— Оно взрывается! Это больше не солнце, коммодор, это — Новая!

Не отрываясь от окуляра небольшого телескопа, Маоган разглядывал непрерывный рост короны сумасшедшей звезды.

— Вы уверены в этом, Роллинг? Может быть, это только оптический обман?

Роллинг протянул ему серию фотографий.

— Взгляните сами.

Маоган быстро перебрал всю пачку.

— Вы правы, Роллинг. Вы правы...— он сел, удобно располагаясь на своем привычном месте.

— Когда началось это явление?— его голос звучал совершенно спокойно.

Роллинг отвечал также бесстрастно. Способность сохранять хладнокровие в самых непредвиденных экстремальных ситуациях учитывалось особо при назначении на командные должности в космическом корабле.

— Прошлой ночью, точнее, в 6.40.

— Вы уже ввели данные в машину?

— Разумеется.

Они сидели напротив изящного маленького бюро из полированного метала, украшенного эмблемой "Алкинооса" — гигантского орла, поднимающего в небо стальной шар. Роллинг взял карточку.

— Машина выдала следующий прогноз: мы имеем дело не с изменяющейся звездой и не с переменной. Это самая настоящая Новая, даже не исключено — Сверхновая.

— Скорость распространения газа?

— 10000 км/сек. Приблизительный диаметр звезды в настоящее время почти удвоился, и теоретически первые протуберанцы могут нас достать через 27 часов 32 минуты.

Он положил карточку на место.

— Пока тепловой эффект взрыва звезды относительно небольшой: 200 градусов на 10000 метров высоты. Но расчеты показывают, что идет постоянное повышение температуры. Сейчас оно составляет 150 градусов в час. Кривая экстраполяция дает основания полагать, что это повышение в следующий час достигнет 800 градусов, а еще через час — 1200 градусов.

Жорж Маоган взглянул на часы, показывающие местное время.

— Конечно, все это чисто теоретические расчеты. Никому еще не приходилось наблюдать вблизи вспышку Сверхновой.

Маоган секунду молчал, заканчивая в уме быстрый подсчет.

— Значит, в 11 часов 30 минут по земному времени температура атмосферы в ее верхних слоях достигнет 2700 градусов?

— Теоретически это так.

— А в космическом пространстве?

Роллинг пожал плечами.

— Да,— согласился Маоган,— это невозможно предвидеть.

Корпус "Алкинооса" изготовлен из стриферилла. Металл был гофрирован таким образом, что вся внешняя оболочка представляла собой миллионы ячеек, наполненных окисью тория. Это придавало корпусу корабля необычайную легкость и прочность. На испытаниях этот материал выдерживал температуру до 3200 градусов.

Какое-то время Маоган размышлял.

— Корпус выдержит.

— Но не система внутреннего охлаждения,— возразил Роллинг.

— Я знаю,— сухо оборвал его коммодор.— Необходимо, чтобы мы уже в 11 часов 30 минут достигли второй космической скорости и перешли в состояние пространственного временного сжатия.

Роллинг с сомнением покачал головой.

— Никто никогда не пытался перейти в состояние пространственно-временного сжатия внутри звездной системы. Даже Штольцы не осмеливались.

Маоган сдвинул свой шлем назад.

— У нас нет выбора, Роллинг. Займитесь эвакуацией людей, а я буду готовиться к взлету.

Он снова взглянул на часы.

— Роллинг!

— Да, коммодор?

— Входные люки должны быть задраены через 43 минуты, без всякой жалости к опоздавшим. Объявите это по радио... Если сможете...— добавил он после секундного замешательства.

Штуфф Логан, обнаженный по пояс гигант, ловко орудовал отбойным пневматическим молотком, откалывая огромные куски породы в глубине шахты. Его большое мускулистое лицо, лоснящееся от пота и красное от рудничной пыли, напоминало фигуру древнего атлета. Да он по своей сути и был человеком далекого прошлого. Не слишком образованный и не слишком развитой, этот добродушный здоровяк чувствовал себя на старушке Земле словно слон в посудной лавке. Его большое сильное тело требовало постоянной физической нагрузки. Но что ему могли предложить на этой комфортабельной и благоустроенной планете? Поэтому в команде шахтеров, состоящей целиком из людей с уголовным прошлым, он был единственным добровольцем.

Штуфф азартно, даже самозабвенно работал и очнулся только тогда, когда заметил, что бадья, в которую он складывал добытый материал, полна. Штуфф сделал несколько глотков чистого кислорода и отправился к переговорнику.

— Эй вы, банда лежебок! Чем вы там наверху занимаетесь?

Полнейшее молчание было ему ответом. В недоумении Логан продолжал нажимать на кнопку вызова. Красная контрольная лампа регулярно мигала, доказывая, что вся система шахты функционирует нормально, но пост наверху, казалось, начисто вымер.

— Эти негодяи, должно быть, опять затеяли свою революцию,— проворчал он.— Ну ладно, я с вами разберусь.

Штуфф машинально смахнул пот со лба. Жара, усиливающаяся в последнее время, стала донимать и его. Он вынужден был все чаще вдыхать чистый кислород.

— Сволочная планета,— выругался Штуфф и, спотыкаясь, побрел к подъемнику.

К счастью, подъемник представлял из себя предельно простую автономную систему: два вертикально поставленных рельса, выходящих на поверхность, и кресло, скользящее по ним. Небольшой реактор, расположенный в основании, выбрасывал кресло вверх. Система была примитивной, но достаточно надежной. Штуфф уселся в кресло, взялся

за широкий рычаг и нажал на него до предела. Кресло стало быстро подниматься. Шум реактора перекрывал шум бури наверху, но когда Штуфф достиг поверхности, мощный порыв ветра сорвал его с кресла и швырнул на землю.

Картина, представшая перед ним, напоминала конец света. Молнии, не переставая, расчерчивали небо, а земля дымилась в местах ударов. Беспрерывный грохот грома и шум урагана оглушали. Укрытие было сорвано со своего металлического цоколя.

Скользя по липким листьям плор, Штуфф кое-как добрался до скалы, которая хоть немного защищала от ярости обжигающего ветра, и попытался собраться с мыслями.

Товарищи, видимо, не бросили его, а были унесены ураганом. Совершенно очевидно, что и ему не добраться до "Алкинооса", находящегося в шести километрах от шахты. Да к тому же Штуфф был не уверен, что корабль еще не улетел.

Положение складывалось совершенно отчаянное, но судьба вдруг подбросила ему единственный шанс. Штуфф увидел легкий летательный аппарат, катившийся прямо на него. Когда машина поравнялось со скалой, он ухватился за крыло и на пределе своих возможностей втянул ее в укрытие.

Штуффу повезло: машина была исправной и работала связь. Сквозь шум помех и рев ветра ему удалось разобрать голос штурмана, повторяющего неустанно лишь одно сообщение:

— "Алкиноос" готовится к взлету. У вас осталось только тридцать пять минут, чтобы добраться до корабля...

Это известие напугало Штуффа, но одновременно и подстегнуло. Появилась, пусть призрачная, но все же надежда на спасение. Только действовать надо было решительно и очень быстро. Кожа, обожженная солнцем и океанскими брызгами, принесенными ветром, горело, и это мешало сосредоточиться. Он намазал тело соком липких плор, это несколько успокоило боль. Штуфф еще раз осмотрел машину. Мотор работал, машина могла передвигаться, но была слишком легка, чтобы противостоять урагану. Ветер снесет ее, едва она взлетит.

Схватив первый попавшийся под руку металлический брусок, Штуфф начал отдирать весь механизм шасси, сохранив лишь само шасси. Он работал методично, не останавливаясь, не переводя дыхания, лишь изредка то ли рык, то ли вздох раздирал его грудь. Закончив эту работу, Штуфф нашел подходящий обломок скалы, весом не менее 150 килограммов, и, помогая себе бруском, подкатил его, поднял и положил на пустые стойки шасси.

Работу, на которую в других обстоятельствах ушло бы не менее часа, он выполнил за несколько минут. Логан действовал уверенно, точно и, главное, очень быстро.

— "Алкиноос" взлетит через двадцать две минуты. Вам остается двадцать две минуты, чтобы добраться до корабля,— сухо звучал голос штурмана в приемнике.

Штуфф запустил мотор и взглянул на площадку, с которой предстояло взлететь.

— Нет, ничего не выйдет!

Липкие листья рыжих плор покрывали почву, превращая ее в каток. Ругаясь и проклиная все на свете, шахтер снова выбрался из машины и, цепляясь за скалу, полуползком добрался до разрушенных шахтных построек. Там он подобрал цепи, служившие для транспортировки руды, и вернулся к аппарату. Когда он обмотал цепями ведущие колеса машины, она стала похожа на трактор, сделанного человеком каменного века. Штуфф уселся на металлический каркас шасси и пристегнулся к нему своим шахтерским поясом. Наконец, взявшись обоими руками за рычаги управления, начал свой бешенный полет.

На командном пункте "Алкинооса" было очень тихо и прохладно. Сидя перед пультом управления полетом с тремястами переключателями и экранами контроля, Жорж Маоган заканчивал расчеты, необходимые для взлета корабля. Система внутреннего охлаждения уже была запущена в замедленном режиме, а люди разместились в каютах. Входные люки задраили, и "Алкиноос" был готов к взлету. Но еще оставалось семь минут до назначенного срока, и Штуфф Логан отсутствовал на перекличке.

Уголовная братия, из которой состояла наземная команда шахты, напуганная яростью урагана, покинула шахту и бросилась к кораблю, не дожидаясь сигнала тревоги и оставив под землей Штуффа.

Маоган давно и хорошо знал людей этой породы. Они ненавидели Штуффа за то, что он, свободный человек, не подчинялся их волчьим законам, имел мужество идти против всех. Поэтому они не могли не воспользоваться случаем, чтобы избавиться от него. Маогану оставалось только надеяться, что удача не отвернется от добродушного великана, и он сумеет добраться до корабля в одиночку.

Коммодор взял в руки график температур, переданный ему только что Роллингом. Он соответствовал их прогнозам, интенсивность же радиации возросла гораздо значительнее, чем предполагалось. Кроме того, в космическом пространстве возник неожиданный фактор "Ф". Жорж Маоган нажал на кнопку внутренней связи.

— Роллинг, что из себя представляет этот фактор "Ф"?

— Я ничего об этом не знаю, коммодор.

— А машина, электронный мозг? Вы вводили в них данные?

— Да, коммодор. Но у мозга не хватает информации для ответа. Фактор "Ф", кажется, представляет из себя новый вид радиации, действие которого невозможно предугадать.

— Быстро ли возрастает уровень?

— Да, коммодор. В три раза быстрее, чем температура. Можно мне дать вам совет?— спросил Роллинг после некоторого колебания.

— Я вас слушаю.

— Необходимо немедленно взлететь, коммодор. Это будет более чем благоразумно.

Маоган посмотрел на часы.

— У нас еще четыре минуты, Роллинг, и Штуфф еще не вернулся.

— Да, коммодор. Я только высказал свое мнение.

Маоган отключил связь. Затем, после некоторого раздумья, он включил экраны внешнего обзора. Открывшаяся перед ним картина наводила ужас. Казалось, окружающий мир стремился вернуться к первозданному хаосу.

Небо, земля, океан погрузились во мрак, время от времени раздираемый вспышками молний, которые то здесь, то там освещали фрагменты страшной картины гибели планеты. По воздуху летали остатки гигантских рыжих плор, вырванных ураганом. Взбесившийся океан яростно хлестал прибрежные скалы. Волны высотою до шестидесяти метров крушили и ломали все на всем пути, подбрасывая высоко в небо огромные обломки скал. Ураган подхватывал их и затягивал в круговорот атмосферных воронок.

Маоган содрогнулся. Если одна из таких воронок затянет корабль, то для них все будет кончено. Он взглянул на часы. Роллинг как всегда был прав, оставалось две минуты до взлета, а Штуффа все еще не было. Но выбраться живым из такой передряги не представлялось возможным. Маоган протянул руку, чтобы нажать на кнопку и объявить взлет, когда по радио раздался вызов.

— Коммодор, я здесь.

Это было невероятно. Маоган снова обратился к экранам телевизоров и какое-то время безуспешно искал то место, откуда доносился еле слышный сигнал. Вначале не удавалось различить ничего, но спустя несколько мгновений он все-таки разобрал странный аппарат, который в самой гуще вихря целенаправленно двигался в сторону корабля и находился уже в метрах ста от него. Маоган вызвал по внутренней связи Роллинга.

— Откройте люк, Роллинг.

— Но, коммодор, уже пора. Я понимаю, вам тяжело сделать такой выбор. Но у нас уже нет времени. Это невозможно... Мы все погибнем!

— Откройте люк, Роллинг,— твердо повторил Маоган.

Много раз аппарат почти переворачивался, но Штуфф, крепко привязанный, вел его, словно парусник на гонках, наклоняя то вправо, то влево, пытаясь во что бы то ни стало сохранить равновесие. Он гнал, не думая ни о чем, противопоставив ярости ветра свою бешеную ярость. И в начале эта сумасшедшая гонка неплохо ему удавалась, но теперь силы Штуффа были уже на исходе. Задыхаясь, он был вынужден искать убежища у холма, чтобы сделать вираж при ветре наперерез. Через свои

шахтерские очки он заметил, что люк на корабле стал медленно открываться.

"Нет, они никогда не откроют его,— подумал он,— они были бы сумасшедшими".

В эту секунду аппарат закачался, рухнув вниз, застыл на какое-то время в воздухе, а потом завертелся вокруг своей оси. Гигантский разряд ударил в скалу неподалеку, превратив ее в пыль, и Штуфф потерял сознание.

Створки люка плавно открылись, и транспортер для исследования вулканов двинулся в путь. Маоган приказал нагрузить на него почти тонну минералов. Он надеялся, что этого будет достаточно, чтобы удержать его на земле при порывах ветра. Нужно было действовать очень быстро. Маоган увеличил число оборотов до предела.

Штуфф оставался привязанным в перевернутой машине, и вытащить его оттуда не представлялось возможным. Маоган выпрямил аппарат и, подавшись назад, обхватил его двумя передними манипуляторами. Аппарат получил некоторую стабильность благодаря устойчивости и весу транспортера. Убедившись в том, что аппарат Штуффа зажат наглухо, Маоган запустил транспортер на полную скорость. Через несколько секунд Штуфф был уже на борту корабля. "Алкиноос" опаздывал уже на три минуты.

Глава 2

Оказавшись снова на своем командном посту, Маоган автоматически проверил свой скафандр. Внутри корабля эта одежда была не нужна, но при взлете нельзя было пренебрегать ничем. Какое-то мгновение его взгляд задержался на контрольных экранах, затем он решительно нажал на рычаг, дающий кораблю команду на взлет.

Ничто внутри корабля не напоминало о той драме, которая разыгралась снаружи. Под тихое мурлыканье климатизатора стрелки начали описывать круги по циферблатам, а диаграммы выписывали свои четкие кружева на экранах.

Ни ураган, ни электрические заряды не могли помешать взлету "Алкинооса". Диаграммы на экранах слегка искажались при прохождении электрических полей, но затем их кривая снова приходила в норму. Эта часть взлета никогда не беспокоила Маогана. Кроме того, несмотря на катаклизмы, бушующие на планете, атмосфера Алонита-2 все еще выполняла свою защитную функцию.

Гораздо больше его тревожило нарушение привычные связей в открытом космосе и этот неведомый новоявленный фактор "Ф".

Маоган занял свое привычное место перед микрофоном и нажал на клавишу.

— Всеобщий вызов,— произнес он в микрофон.— С вами говорит Жорж Маоган. Мы только что стартовали, и вот-вот выйдем в открытый космос. Температура за бортом 2700 градусов, но специальная смола — 2К30-Дубль В — , которой покрыт корпус корабля, испаряется так, как нужно, обеспечивая тем самым нормальную температуру на борту. Напоминаю, окись тория, которой наполнены ячейки обшивки, выдерживают температуру до 3200 градусов. Следовательно, мы в полной безопасности, система климатизации работает на полную мощность...

Пока он говорил, резкое колебание диаграмм полета привлекло его внимание. Было похоже на то, что правый атомный двигатель начал делать перебои. Но тревога Маогана не отразилась на его голосе. Он продолжал так же спокойно и уверенно:

— В то же время, учитывая особые условия использования этого вида оборудования, я прошу вас немедленно закрыться в камерах анабиоза. Может случиться так, что нам придется перейти в состояние пространственно-временного перемещения довольно скоро.

Маоган попытался отрегулировать забарахливший двигатель, но тут исказилась кривая и второго двигателя.

— Как только камеры будут полностью закрыты, я включу усыпляющий газ. Как вы знаете, эта процедура совершенно безвредна и поможет вам перенести полет,— продолжая говорить, Жорж Маоган поставил кондиционеры на предельную мощность, так как смола охлаждения полностью испарилась.— Я прошу вас поспешить, так как у меня есть еще работа.

К счастью, все быстро поняли, что происходит нечто серьезное. Почти одновременно загорелись все лампы, сообщение о том, что все камеры к анабиозу готовы.

— И последнее,— продолжал Маоган.— Я включил автомат операции перехода. Если со мной случится что-то непредвиденное, корабль, достигнув скорости выхода в искривленное пространство, сам совершит переход. В этом случае после пробуждения командование кораблем примет Том Роллинг.

С этими словами коммодор медленно повернул рукоятку пуску газа. Еще несколько секунд, и все обитатели корабля погрузятся в сон, который поможет им перенести переход. Маоган взглянул в иллюминатор. Ставшее гигантским солнце занимало теперь половину видимого горизонта. Контрольный термометр показывал, что со стороны солнца температура достигла 3200 градусов. Роллинг был прав, задержка вылета из-за Штуффа могла обернуться катастрофой. Необходимо было немедленно начинать переход.

"Алкиноос" только что пересек орбиту Фсоба, спутника Алонита-2, очень похожего на Луну. По инструкции с этого момента должен пройти еще час, после которого можно было начинать плавный переход.

Но ждать было невозможно. Температура со стороны солнца уже достигала 3300 градусов. Еще несколько минут, и окись тория начнет разлагаться.

Жорж Маоган выключил атомные реакторы и с помощью аварийных двигателей придал кораблю медленное вращательное движение. Температура на поверхности корабля стала равномерной и упала до 2900 градусов.

Тем не менее, Жорж Маоган уже задыхался в своем скафандре. Жара на командном пункте стояла невыносимая, хотя холодильные установки работали на пределе. Но на это некогда было обращать внимание. Теперь, когда корабль находился в промежуточной позиции, необходимо было определить положение в пространстве. Маоган попробовал открыть створки космического секстанта. Но, видимо, заклинившиеся от адской жары, они не сдвинулись с места. Это было уже катастрофой, так как при неудачном переходе корабль мог затеряться в бесконечности космоса. Коммодор бросил взгляд на магнетометр.

Прибор словно взбесился. Поток нейтронов за бортом достиг невиданной плотности, и внешняя радиоактивность превысила допустимый уровень.

Ни на секунду не теряя присутствия духа и не совершая лишних движений, Маоган выключил боковые двигатели и исправил положение корабля. А потом он сделал то, что делали его предки, капитаны кораблей, сотни лет назад. Он склонился к иллюминатору, и, повернувшись спиной к Алонину-2, сверкавшему в лучах солнца, с помощью ручного секстанта определил положение корабля. Через десять секунд он ввел данные в машину, и, получив результаты, передал их в электронный мозг корабля. Затем посмотрел на часы. У него оставалось четыре минуты тридцать секунд и самое сложное из всего, что предстояло сделать.

К счастью, бурители пространства легко вышли из своих гнезд. Но вид их на экранах контроля заставил его содрогнуться. Он понял, что на этом участке пути даже ход времени был спутан. Кораблю, может быть, и удастся начать переход, но что с ним будет дальше? Этого не мог предсказать ни один, даже самый совершенный мозг.

Маоган решительно привел в действие устройство выдержки времени и, на ходу расстегивая скафандр, направился к своей камере. Менее чем через две минуты корабль начал переход.

Глава 3

Чистый кислород, шипя, заполнял камеру, а мигающая лампа сообщала о том, что можно выйти.

Доли секунды понадобились Жоржу Маогану, чтобы восстановить в сознании все, что произошло с кораблем и командой в последние часы на Алоните-2 и сразу после взлета. Пока легкие заполнял воздух, в памяти вставали картины гибели планеты и их поспешного бегства. Коммодор встряхнулся и нетерпеливо нажал на ручку люка своей камеры.

На корабле все было спокойно. Коридоры, по которым спешил Маоган на свой командный пост, были залиты ровным голубым светом. Свое рабочее место коммодор нашел в полном порядке и только оплавленный след на урдилоксе иллюминатора говорил о том, что корабль начал переход в самую последнюю минуту.

Маоган все еще был в комбинезоне, украшенном серебряным трезубцем. Такая одежда была необходима при нахождении в камерах. Он направился в гардероб, где висела его форма. Переодевшись, он надел фуражку с галунами — отличие его чина и медленно приблизился к иллюминатору. Увиденное ошеломило его.

Сначала он решил, что, возможно, у урдилокса изменилась структура, и он стал непрозрачным. Коммодор не мог ничего различить снаружи. Ни малейшего отблеска какой-нибудь звезды или далекой галактики. Жоржу Маогану и прежде доводилось попадать со своим кораблем в зловещие межгалактические просторы, но всегда присутствие далеких миров, мигающих, как далекие маяки в бесконечном пространстве, придавало ему уверенности.

Потом он подумал, что, может быть, этот иллюминатор выходит в пустую часть пространства, и направился к противоположному. Но повсюду не было ничего, кроме полнейшей непроницаемой тьмы.

Он вернулся на пост и включил камеры внешнего обзора. Все та же абсолютная пустота заполнила экраны. Это было невероятно. Он подумал, что и телевидение вышло из строя. С нервозностью, необычайной для человека его закалки, Маоган включил все приборы, служившие кораблю глазами и ушами. По укоренившейся привычке он считывал ответы вслух:

— Прямо обзор — 0.

— Телевидение — 0.

— Радиотелескоп,— он заколебался,— 0.

Щелчком он сдвинул фуражку на затылок.

— Это невозможно! Весь белый свет сошел с ума!

Он предложил свои исследования.

— Магнетометр — ответ — 0.

— Внешний термометр — абсолютный 0.

— Ноль, ноль, ноль!— закричал он.— Везде только ноль!

В первый раз за долгие годы ему жутко захотелось курить и он пожалел, что на корабле нет ни одной сигареты. Подумав несколько секунд, он решительно направился к выходной камере.

Скафандры находились в боксах внутри шлюзовой камеры. В окружавшей его со всех сторон тишине Маоган натянул свой скафандр, проверил, работают ли ракеты индивидуального двигателя. Тщательно осмотрел крепление кабеля, соединяющего скафандр с кораблем. Закончив все приготовления, он вошел в люк, который почти не пострадал при взлете, и провалился в пустоту.

Маоган был старым космическим волком, и никогда ни при каких обстоятельствах хладнокровие, здравый смысл и ясность мышления не покидали его. Это был первый случай, когда, выбравшись наружу, он чуть не завыл от тоски, охватившей его.

Впечатление от пустоты, полнейшего отсутствия жизни было настолько невыносимо, что Маоган, объятый паникой, через несколько секунд потянул за кабель и вернулся в шлюзовую камеру.

Он стянул с себя скафандр, надел форму и вернулся на центральный пост. Маогану было теперь все ясно. "Алкиноос", запущенный при отлете по произвольной траектории, затерялся в бесконечности. Он заблудился в пространстве, а, возможно, и во времени.

Раздался звук шагов, и в центральную рубку вошел Роллинг. Как и полагалось, он был разбужен через полчаса после пробуждения командира корабля.

Когда штурман вошел в рубку, с его лица еще не сошло то рассеянное выражение, которое обычно бывает после выхода из анабиоза. Но, увидев Маогана на своем посту, он радостно улыбнулся.

— Ну как, командор? Можно сказать, дело было жаркое, но мы выиграли.

Маоган обернулся и несколько секунд разглядывал Роллинга молча. Потом, тяжело вздохнув, произнес:

— Старина, кажется, нам не до шуток. Боюсь, что мы можем считать себя на том свете.

Вот уже два часа коммодор и штурман пытались хоть как-то прояснить ситуацию, в которую они попали. Электронный мозг неустанно поглощал горы вводимой в него информации, но ответ каждый раз выдавал один и тот же: "Расчет сделан быть не может, необходимы координаты места отлета".

Посовещавшись, они решили не будить ни членов экипажа, ни шахтеров до тех пор, пока не найдут какое-либо приемлемое решение. Но чтобы найти выход из этого тупика, электронному мозгу требовались корректно поставленные условия, а именно этого они сделать не могли.

Маоган снова включил климатизатор, и оба они принялись за работу, засучив рукава. Роллинг, только что закончивший подъем гигантского зеркала оптического телескопа, повернулся к Маогану.

— Это наш последний шанс, Жорж!

С помощью рукоятки коммодор медленно и очень осторожно раскрыл купол обсерватории корабля. Нужно было быть очень внимательным при общении с внешними приборами, сильно пострадавшими при взлете. Жара, различные виды радиации, фактор "Ф" — все это разрушающе действовало на броню, которая стала хрупкой, как стекло.

— Купол раскрыт,— объявил Маоган.

Послышался шум мотора телескопа. Роллинг не стал восстанавливать прямой обзор, а сразу начал запись на сверхчувствительную кассету. При этом Маоган поворачивал корабль так, чтобы телескоп мог охватить все пространство вокруг корабля.

Как только осмотр окончился, Роллинг снял кассету и вставил ее в анализатор.

— Коммодор, есть свечение! У нас появились данные для электронного мозга!

Индикаторы подтверждали свечение, прибор работал, и оба космонавта с тревогой ждали появления перфокарты, которая должна была вынести приговор.

Жизнь или смерть будут записаны на ней простыми знаками. Машина, просчитывающая варианты с невероятной скоростью, на этот раз, казалось, не закончит никогда.

Когда же, наконец, выползла узкая полоска бумаги с результатами анализа, Маоган и Роллинг переглянулись. Ни один из них не решался взять ее первым.

Тогда Маоган протянул руку.

— Ну?— затаив дыхание, одними губами промолвил Роллинг.

— Можно сказать, что мы находимся в пространстве между двумя галактиками,— произнес Маоган сдавленным голосом.— Только какая-то дьявольская энергия могла нас забросить в такую невообразимую даль. Даже время кажется спутанным и уменьшенным.

Снова воцарилось молчание.

— Самое близкое галактическое скопление расположено на расстоянии в ...

Он посмотрел на Роллинга, и глаза его были похожи на две льдинки.

— ... 50 миллионов парсеков, и это скопление убегает от нас со скоростью 10000 километров в секунду.

Роллинг побледнел.

— Это неслыханно. Известно, что вселенная постоянно расширяется. Но только наиболее отдаленные от центра галактики перемещаются с подобной скоростью. Мы попали на край света. Это тот самый случай.

— Я знаю,— кивнул Маоган.— Мне самому в это трудно поверить. Наш мозг устроен так, что не в состоянии воспринимать подобные пространства...

Продолжая разговор, Маоган нащупал у себя в кармане старинную зажигалку. Этот бесполезный предмет, купленный когда-то у неизвест-

ного ювелира в Париже и доставшийся ему по наследству, был для него своеобразным талисманом, памятью о Земле, игрушкой, которая успокаивала и отвлекала от мрачных мыслей.

Выпустив раза три синий язычок пламени, он снова убрал ее в карман.

— Край света, Роллинг. Это так, и с этим ничего не поделаешь. Как говорил один из моих предков, не тот, которому принадлежала зажигалка, а другой, еще более древний, тот, который был королевским корсаром в Сен-Мало во времена деревянного флота: "Когда ветер надувает паруса, надо этим пользоваться, или наплевать на все и идти на риск".

Он похлопал Роллинга пол спине:

— Ну! Старина, встряхнитесь же, наконец! Если дьявол нас сюда забросил, то он нас отсюда и вытащит.

Роллинг внимательно смотрел на Маогана, хотя выглядел по-прежнему неуверенно.

— Но, коммодор, дьявол здесь ни при чем. Я думаю, здесь идет речь о космической физике. Течение времени у нас перепутано. Оно замедленно, оно почти не существует.

Он потер лоб.

— Вы прекрасно знаете, что когда "Алкиноос" начал пространственный переход, время на нем остановилось. Вы только что говорили о паруснике. Мы как раз в другом положении: ветер больше не раздувает наши паруса, мы больше не можем двигаться.

Взгляд Маогана стал суровым.

— Вы правильно меня поняли, Роллинг. Именно на это я и намекал, рассказывая о своем предке. Когда ветер слабеет, нужно ставить все паруса.

— Все паруса?— Роллинг все еще не мог понять, куда клонит коммодор.

— Конечно,— начал объяснять Маоган.— Паруса — это улавливатели, которые реагируют на ход времени. Мы сделаем их гигантскими, у нас на борту достаточно для этого материала. Ну же, старина,— он потрепал Роллинга по плечу,— разбудите всех специалистов. На борту есть люди, умеющие работать. С их помощью мы через десять дней соорудим улавливатели такой величины, как фокмачта.

Глаза коммодора блестели, Роллингу показалось, что тот сошел с ума.

— Чего вы ждете, штурман? Вы слышали, я отдал приказ?

Официальный тон встряхнул Роллинга, он выпрямился.

— Слушаюсь, коммодор!— ответил он четко.

Вот уже три дня, как разбуженные специалисты работали не покладая рук. Самым трудным для всех оказался выход в открытый космос. На околоземной орбите это было бы приятной прогулкой: светящийся в солнечных лучах голубой шар радовал близостью человеческой жизни.

В районе Млечного Пути, далеко от Солнца, открытый космос тоже имел своеобразную прелесть: мерцающий свет миллиардов звезд обладал каким-то неведомым завораживающим свойством. Жизнь искрилась и напоминала о себе повсюду.

Здесь же царствовала абсолютная ночь, безнадежная пустая бездна. Ужас и тоска охватывали даже самых закаленных, видавших виды космонавтов, когда они, облаченные в скафандры, ныряли вслед за Роллингом в ПУСТОТУ. К счастью, довольно быстро удалось установить прожекторы, и они ограничили это НИЧТО, перегородив своими лучами зону вокруг корабля, которая за несколько часов приняла вид строительной площадки.

Маоган не оставлял попыток определить местоположение корабля с помощью отражателя большого объема. Один из специалистов, Генек, сверливший отверстие для толстого кабеля высокого напряжения, обратил его внимание на трещину в обшивке корабля.

— Металл везде такой,— пробормотал он озабоченно в микрофон и протянул коммодору несколько отломавшихся кусков обшивки. Посмотрите.

Маоган молча взял куски металла.

Анализ обшивки показал, что структура металла довольно сильно изменилась под воздействием потока частиц, излучаемых Сверхновой. Да и воздействие высокой температуры тоже заметно отразилось на металле. Обшивка стала хрупкой, как фарфор.

Закончив анализ, Маоган нажал кнопку селектора внутренней связи.

— Роллинг, зайдите ко мне.

Через несколько минут Роллинг разглядывал куски обшивки, которые крошились в его руках.

— Это конец!— вздохнул он.

— Нет, Роллинг, нет,— твердо возразил Маоган.— При мгновенном переходе корабль не подвергается опасности, корпус выдержит. Но если мы доберемся до какой-нибудь галактики, опасность резко возрастет. При столкновении с метеоритом средних размеров "Алкиноос" расколется, как пустой орех. Надо увеличить число детекторов, Роллинг. Займитесь этим лично. Не нужно, чтобы остальные знали о нашем новом несчастье.

— Разумеется, я удвою их число,— в голосе Роллинга звучала неуверенность.— Но боюсь, что больше никогда мы не сможем сесть. Первая же попытка, которую мы предпримем, будет фатальной для нас, мы все погибнем.

— Если мы будем осторожны, все пройдет нормально.

Штурман покачал бритой наголо головой.

— Математически невозможно, так как физические законы...

Маоган прервал Роллинга, положив ему руку на плечо.

— Видите ли, Роллинг, вы замечательный специалист. Без ваших обширных знаний, без сомнения, мы бы не выпутались. Но техника вас

ослепляет, старина,— он пристально смотрел на Роллинга своими ясными улыбающимися глазами.— Если бы Христофор Колумб знал теорию вероятности, он никогда бы не отправился открывать Америку,— Маоган улыбнулся,— а мы бы не влипли в эту заваруху.

Хмурое худощавое лицо Роллинга не прояснилось. С видом фаталиста он махнул рукой.

— Что бы вы ни говорили, коммодор, у меня нет иллюзий. Мы заблудились на вечные времена,— он протянул Маогану лист бумаги.— Я только что закончил расчеты. Абсолютно точно, что у нас есть один шанс на двадцать четыре миллиона восемьсот тридцать две тысячи, что мы когда-нибудь увидим Землю.

Маоган пожал плечами, направился к переборке и, достав что-то из контейнера, вернулся. В руках у него была бутылка.

— Смотрите сюда, Роллинг. Я уверен, что в виски вы не разбираетесь. Как и большинство людей,— он взял два стакана и с изяществом их наполнил.— Нужно десять лет, чтобы получился хороший напиток.

Подняв стакан, он с удовольствием посмотрел на янтарную жидкость.

— Здесь у нас неуловимая смесь алкоголя, получаемого из пшеничных зерен. Как он получается, проанализировать невозможно. Нужно, чтобы процесс шел сам собой в дубовых бочках. Вот поэтому старое выдержанное виски так редко...— он протянул стакан Роллингу.— Так же, как и настоящее шампанское, бордо, некоторые сыры. Я не отказываюсь жить по законам моего времени, Роллинг, но когда какой-нибудь из ваших машин удастся произвести бутылку настоящего виски, я уйду на пенсию.

Роллинг тупо смотрел в свой стакан. Он не любил алкоголя. Да, по правде говоря, никто и не знал, что любил этот человек с проницательным математическим складом ума и страстью к древним забытым языкам.

Лукаво усмехаясь, Маоган чокнулся стаканом о стакан.

— Выпьем, штурман. За успех, за возвращение на Землю!

Глава 4

Выдержки из бортового журнала "Алкиноос".

"... Как это часто бывает, прогнозы Роллинга оказывались слишком пессимистичными. Наше путешествие в другую галактику прошло нормально.

Эта неизвестная нам ранее галактика очень красива. Беспорядочное скопление звезд, расположенных друг к другу гораздо ближе, чем в Млечном Пути, придает космосу странный праздничный вид.

Теперь мы будем искать подходящую планету для посадки и ремонта корабля..."

"Алкиноос", 12 июля 2131 года

"... Я только что посмотрел на часы и был ошеломлен, поняв, что гигантским улавливателям потребовалось почти восемь месяцев для накопления энергии, достаточной для пространственного прыжка, который вывел нас из этой ужасной бездны, в которой мы все чуть не подохли от тоски и безысходности. Это рекорд длительности. Обычно, путешествуя по Млечному Пути, мы укладывались за десять секунд..."

"Алкиноос", 14 июля 2131 года

"... Я не счел нужным будить людей, нам грозит еще много опасностей. Пока мы в полной неизвестности. Вот уже два дня оптический телескоп ищет для нас точку возможного приземления. Уже сделано шесть миллионов снимков звезд, которые сейчас непрерывно изучаются электронным мозгом.

"Алкиноос", 16 июля 2131 года

"... Противометеоритная тревога. Детектор сработал вовремя — мы сманеврировали и избежали столкновения. Роллинг и в самом деле первоклассный специалист..."

"Алкиноос", 17 июля 2131 года

"... Победа! Мы отыскали звездную систему, аналогичную нашей. Нас ждет планета типа Земли. Спектроскоп определил, что атмосфера этой планеты содержит кислород, азот, есть вода. Безусловно, есть риск, что планета обитаема. Мы можем встретить население. Но кого? На каком уровне сознания?

Мы назвали ее Гадес. Это печальное имя навеяно бездной, из которой мы выбрались..."

"Алкиноос", 21 июля 2131 года

"... Итак, мы на орбите Гадеса. Расстояние до него еще слишком велико, чтобы различить детали на поверхности. Но надо быть настороже...

... метеоритный детектор урчит. Включается автопилот, и мы избегаем столкновения...

Это оказался не метеорит, а странный шар. Сейчас он летит рядом с "Алкиноосом". Я вижу его в иллюминатор. Абсолютно сферической формы, он, кажется, сделан из гладкого и очень блестящего материала. Это удивительно, так как он летит по орбите, обычной для искусственного спутника.

Но если это так, то для чего он предназначен? Больше всего он похож на светящийся шарик, диаметров около двух метров. Если это искусственный спутник, то выглядит он довольно примитивно.

Роллинг вышел, чтобы рассмотреть этот шар вблизи. Он захватил с собой кое-какие инструменты и попытается взять образец металла для анализатора. Сейчас я наблюдаю, как Роллинг парит рядом с шаром. Создается впечатление, что шар передвигается не самостоятельно...

Роллинг возвращается.

Он доложил, что шар состоит из неизвестного нам, очень прозрачного материала, который не удалось получить для проведения анализа. Все, что мы поняли на данный момент: шар, безусловно, искусственный. Он не подает никаких сигналов и не имеет внешней защиты...

Мы продолжаем свой путь. Выясняется, что встреченный нами искусственный шар не единственный. Планету обвивают две гирлянды одинаковых шаров, расположенных прямо перпендикулярно друг к другу. Шары находятся на одинаковом расстоянии друг от друга и движутся с одинаковой скоростью. Роллинг предложил взять на буксир один из шаров для более тщательного его изучения. Я запретил. Нам надо быть очень осторожными и не завести себе ненароком неожиданных врагов. Предназначение шаров выяснить пока не удалось...

...Роллинг вновь выразил желание выйти в открытый космос, чтобы произвести непосредственный анализ шара. Он вооружился для этого необходимыми приборами.

Довольно забавное зрелище: Роллинг, оседлав шар, как Мюнхгаузен пушечное ядро, соорудил на нем немыслимую систему креплений и пытается воспользоваться своими приборами. Кажется, ему что-то удалось понять, он делает мне сигналы рукой...

... Шары покрыты мириадами микроскопических граней. Комментарии, как говорится, излишни...

Мы, между тем, расположились на околоземной орбите, но движемся по-прежнему очень осторожно, опасаясь повредить корпус. Меня очень беспокоят шары. Если это какая-то система обнаружения, то мы, без сомнения, давно раскрыты. То, что нас до сих пор никто не атаковал, несколько обнадеживает. Но все-таки я отдал приказ разбудить артиллеристов, кто знает, как может обернуться дело.

"Алкиноос", 22 июля 2131 года

"... Мы прождали целый день, опасаясь каких-либо действий с поверхности. Но так как ничего не случилось, я начал посадку. Сейчас мы проходим верхние слои атмосферы Гадеса. Только бы не перегрелся корпус. Через несколько минут посадка...

Мы над океаном, он синий и безбрежный. Стоит хорошая погода. Теперь на небольшой скорости к экватору...

Высота полета 5000 метров. Показалось земля.

Земля пустынна. Скалы, кругом только скалы. Выходит, Гадес необитаем. Теперь поднимемся к северу...

Мы крутимся вот уже несколько часов. Гадес — отличная планета. Горные цепи, покрытые снегом равнины, реки и озера проносятся у нас перед глазами. Но ни малейших признаков жизни. Здесь идут дожди, стоят туманы, светит солнце. Здесь есть теплые и холодные страны, времена года, но нет жизни...

Сейчас мы летим на высоте 300 метров со скоростью 200 км в час. По-прежнему не встречается никаких признаков жизни. Вся планета — огромная пустыня, которую легко можно превратить в рай.

Присутствие шаров кажется еще более загадочным. Кто же и когда их запустил? Зачем? Может быть, это следы исчезнувшей цивилизации?

... Но в то же время отсутствие жизни на планете нам удобно. Теперь надо найти подходящее место для стоянки в районе с умеренным климатом. Кроме того, хотелось бы, чтобы поблизости был водоем с пресной водой и месторождение железной руды. Запускает детекторы...

... Вот мы его и нашли. Чудное место. Река здесь впадает в море. Открытое месторождение железа, неподалеку залежи медной руды. На горизонте горы с пологими склонами. Полдень по местному времени. Мы садимся...

... То, чего я больше всего опасался, произошло. При посадке корпус раскололся. Но в принципе мы этого ожидали.

Нам ничего не останется, как приниматься за работу. Сейчас настало время разбудить весь экипаж..."

Глава 5

Звуками, похожими на мяуканье, сирена небольшой мощности извещала об открытии камер анабиоза. Шахтеры, выходя, потягивались, разминали затекшие члены, похлопывали друг друга по плечам и обменивались шутками. Пробуждение было приятным. Последнее, что они запомнили, было поспешное бегство с Алонита-2, неведомая опас-

ность. Вглядываясь в лица своих соседей по камерам, обросших и похудевших, многие понимали, что путешествие было долгим.

Сирена умолкла.

— Прошу внимания,— раздался голос Роллинга.— Прослушайте инструкцию. Сейчас все примут душ, приведут себя в порядок, затем наденут рабочую одежду и построятся у выходной камеры для доклада. Командир корабля Жорж Маоган будет говорить с вами.

После некоторого молчания Роллинг продолжил:

— Членов экипажа и охрану прошу выйти немедленно.

Личные вещи пока остаются в каютах.

Это сообщение вывело многих из радостно-возбужденного состояния, предчувствия скорой встречи с домом. Все поняли, что они еще на Земле и путешествие не закончено. Заключенные забеспокоились. В шуме возбужденных голосов резко выделялся хрипловатый бас Слима Орвала. Это был наиболее опасный и авторитетный в уголовной среде рецидивист, осужденный к двадцати годам заключения за космический разбой. Овладев девяностометровой миниатюрной ракетой со сверхмощным излучателем, он с бандой из шести человек захватывал грузовые корабли, перевозящие стриферилл. Полиции пришлось достаточно погоняться, прежде чем они смогли арестовать его.

— Не волнуйтесь, ребята,— прогудел его хриплый голос,— если они сделают нам какую-нибудь пакость, мы сумеем постоять за себя. Меня врасплох не застанешь. К тому же этот корабль начинен автоматикой и не очень труден в управлении.

— Ты прав, Слим! Мы хотим домой! Мы достаточно поишачили на этих чертовых шахтах!

— С Алонита едва ноги унесли! Пусть везут нас на Землю!

Штуфф, выходивший последним, подошел к Орвалу.

— Послушай, Слим, не заводи людей понапрасну. Мы же еще не знаем, что случилось. Наверное, у коммодора есть веские причины для такого приказа.

Его фигура нависла над Слимом. Но тот, небольшой и коренастый, с лицом, узким как лезвие ножа, и горящими глазами, весь комок энергии и злости, не испугался.

— А-а, тебе все-таки удалось выбраться оттуда, Штуфф,— протянул он.— Но похоже, ты так ничего и не понял.

Орвал засунул руки в карманы, ухмыляясь, снизу вверх дерзко посматривал на великана.

— Ну что ж, сейчас нет времени. Мы поговорим с тобой позднее.

Толпа снова возбужденно загудела, а кто-то сзади крикнул:

— Погоди, Штуфф. Мы еще расправимся с тобой.

Штуфф медленно повернулся и, не торопясь, двинулся к кричавшему. Шум мгновенно стих. Заключенные молча расступались, пропуская его. Тот, кто еще недавно, прячась за спинами своих товарищей, был так

воинственно настроен, стоял сейчас, парализованный страхом, не решаясь сдвинуться с места.

— Ты что-то сказал, Джеф? Или я ослышался?— От отчаяния и страха Джеф взвизгнул и ударил коленом Штуффа. Он попал в низ живота. Неожиданная боль заставила Штуффа согнуться. И тут же со всех сторон бросились на него уголовники. Только секунду длилось замешательство великана. Он распрямился, сбросив с себя всех нападавших и, схватив за горло Джефа, стал трясти его, приговаривая:

— Не говори больше таких слов, Джеф. Ты слышишь меня, а? Я тебя спрашиваю, ты меня слышишь?

— Будет лучше, Штуфф, если ты прекратишь это,— прорычал Слим,— не время впутываться в истории.

Ослепленная яростью толпа не заметила, как раздвинулись створки, маскирующие парализующие излучатели.

Короткая вспышка, и все оказались на полу, извиваясь от боли.

Раздался голос Маогана.

— Прошу всех успокоиться. Я должен вам сообщить следующее: корабль в аварийном состоянии. У нас вынужденная посадка. Следуя космическому кодексу, я объявляю военное положение.

Вне себя от боли, но еще больше от шока, вызванного словами коммодора, люди молча поднимались и строились.

Спустя некоторое время они, все сто семьдесят пять человек, уже принявшие душ и чисто выбритые, стояли перед Маоганом.

Наконец-то они почувствовали твердую почву под ногами. Удушающая жара Алонита-2, ураган, обжигающие брызги океана все казалось кошмарным сном. Ласковый теплый вечер, шум прибоя напоминали Землю. Люди с любопытством и робостью вглядывались в этот новый мир.

Коммодор был окружен членами экипажа, одетыми в голубую военную форму и с излучателями на поясах. Команда находилась в полной боевой готовности, способная в считанные мгновения подавить любой бунт.

— Как вам было уже объявлено, на корабле произошла авария. Мы совершили вынужденную посадку на неизвестной планете,— в голосе Маогана звучал металл.

Коммодор сделал два шага вперед.

— Вы все не новички в космосе, но до сих пор вам приходилось бывать только на освоенных планетах. Здесь же они совершенно одни. Рассчитывать на чью-то помощь извне не приходится. Сколько мы здесь пробудем, зависит только от нас. Я изложу вам правила, которым вы будете должны неукоснительно подчиняться.

Он отчеканивал фразы с тем, чтобы каждое слово дошло до понимания этой разношерстной орды. Охранники в голубом выразительно держали руки на излучателях.

— Вы плохо начали,— продолжал Маоган,— но ваша нервозность вполне объяснима. Поэтому данный конфликт мы оставим без последствий. Но впредь прошу уяснить: дисциплина будет железной. Итак, я запрещаю выходить за пределы лагеря, это первое. Второе, о любых неожиданных и неизвестных явлениях необходимо немедленно сообщать командиру корабля. Третье, я запрещаю вступать в какой-либо контакт с любой формой жизни, если она будет обнаружена, не предупредив об этом специалиста по освоению. И самое главное, не прибегайте к насилию, не делайте ничего такого, что могло бы вызвать подозрения в вашей агрессивности.

Жорж Маоган замолчал. Никто не шелохнулся.

— Поймите только одно: эта планета выглядит мертвой, но мы не уверены в этом до конца. В любой момент могут возникнуть враждебные силы, и тогда наше положение станет безвыходным. Наша задача уйти отсюда незамеченными и постараться не принести вреда этой планете.

Он повернулся к Слиму Орвалу.

— А теперь я обращаюсь лично к вам, Орвал. Я знаю, что вы считаете себя очень хитрым, потому что вам удавалось заниматься разбоем на вашем маленьком корабле на расстоянии нескольких световых лет от Земли. Имейте в виду, здесь у вас это не пройдет. Мы находимся на расстоянии нескольких сотен миллионов парсеков не только от Земли, но и от Солнечной Галактики. Мы заблудились не только в пространстве, но и во времени.

По рядам пошло движение.

— Не думайте, что я вас обманываю. Думайте о том, что если нам не удастся отремонтировать корабль, наши кости останутся здесь. И мы не сможем оставить потомство, я вас уверяю, женщин здесь нет.

Оцепенев, со слегка округлившимися глазами, шахтеры внимательно слушали.

Голубые охранники сняли руки с излучателей.

— И последний вопрос,— продолжал Маоган.— Продовольствия у нас хватит на шесть месяцев. Как вы знаете, "Алкиноос" — быстроходный грузовой корабль и не предназначен для освоения планет. Поскольку эта планета безжизненна, то ничего съедобного обнаружить на ней нам не удастся. Но, думаю, что на корабле наверняка есть споры рыжей плоры, которые мы занесли с Алонита-2. Эти растения, с исключительной скоростью роста, съедобны. Мы будем их выращивать и возможно, на какое-то время они станут для нас основным видом пищи.

Послышались крики недовольства.

— Ваш протест бесполезен и бессмысленен,— сказал Маоган.— В конце концов, вы мужчины, и я предпочитаю говорить вам правду. Но ваше будущее в ваших руках. Чем быстрее мы будем работать, тем быстрее увидим Землю. А теперь — разойдитесь.

В тягостном молчании строй рассыпался. Заключенные шепотом обсуждали услышанное и с тоской поглядывали то на разбитый корабль, то на небо, по которому так по-земному плыли нежно-белые облака.

Шесть месяцев прошли относительно спокойно. Программа выполнялась неукоснительно. Недалеко от "Алкинооса" на нескольких гектарах зеркально-гладкой поверхности дружно поднимались посевы рыжих плор.

Это был результат нового агротехнического способа, разработанного сравнительно недавно на Земле. Во вспаханную бесплодную почву вносился раствор синтетической пены, приготовленной на основе мочевины, древесной смолы и некоторых других минеральных удобрений.

Этот метод, коренным образом изменивший облик земных пустынь, Луны и других планет, великолепно сработал и на Гадесе.

Ремонт "Алкинооса" шел полным ходом.

Демонтировав атомный реактор с корабля, Роллинг построил вполне приемлемый походный литейный заводик, на котором удалось получить необходимый сплав стриферилла с железом.

Работы по восстановлению "Алкинооса" были сравнительно просты: дефектные пластины с обшивки корабля снимались, а на их место монтировались вновь отлитые. Внутренний остов, на который они крепились, к счастью, совершенно не пострадал. Жорж Маоган рассчитывал, что если дело и дальше будет продвигаться так же успешно, то скоро им удастся закончить ремонт корабля. Но причины для беспокойства оставались.

К сожалению, другая работа, скрытая от глаз большинства, пока не давала никаких результатов. Астрономическая обсерватория, установленная на горе и обследовавшая без устали космос, до сих пор не могла предложить ни одного реального пути возвращения на Землю или хотя бы на одну из ближайших к ней галактик.

Роллинг был близок к отчаянию.

Найти Млечный Путь среди ста миллионов убегающих галактик, мерцавших, как бледные точки на сверхчувствительной кассете, казалось невозможным.

Однажды утром заместитель командира корабля зашел в его каюту.

— Коммодор, здесь мы ничего найти не можем. Нам надо попытаться установить вторую обсерваторию в южном полушарии.

— Да, Роллинг, технически это можно бы было осуществить,— сказал после минутного раздумья Маоган.— Вы взяли бы легкий флиттер и несколько человек с собой. Но, боюсь, что это ничего не даст, лишь принесет дополнительные осложнения. Кроме того, опасно небольшой группой отделяться так далеко от корабля. Послушайте меня, скоро мы закончим ремонт и взлетим. В космосе нам легче будет продолжать наши исследования.

Разговаривая, Маоган не выпускал из рук странный предмет вытянутой формы, имеющий вид окаменелости. Он был испещрен тысячами восьмиугольных бороздок.

— Видите ли, Роллинг, я так до конца и не уверен, что эта планета мертва.

Он бросил окаменелость на стол.

— Вы же знаете, что в результате исследований мы нашли уже сотни следов жизни, существовавшей здесь когда-то, останки очень высокой цивилизации. Я не верю, что после такой интенсивной высокоорганизованной жизни планета лишилась всех форм существования. Здесь что-то не так. Подумайте, ведь до нашего прибытия Гадес был абсолютно стерилен. Здесь даже не было низших форм жизни: вирусов, бактерий, микробов — ничего, абсолютно ничего. Хотя вы же знаете, что анализы воды и атмосферы показывают, что здесь прекрасная среда для размножения и обитания любых живых существ. Как разрослись наши плоры! Но вот что меня начинает по-настоящему тревожить...— Он подошел к иллюминатору и посмотрел в сторону моря.

— Вы уже обратили внимание на это?

Вся поверхность моря почти до самого горизонта была покрыта какой-то беловатой желеобразной массой.

— Что вы об этом думаете?

— Я не понимаю, что вас удивляет,— в голосе Роллинга послышалось раздражение.— Все бактерии, завезенные сюда нами, нашли здесь девственную среду и стали размножаться с бешеной скоростью, не имея никакой конкуренции. У этого желе земное происхождение. Через десять лет Гадес будет покрыт плесенью от экватора до обоих полюсов. Рыжие плоры завоюют все раньше других видов жизни, которые разовьются на этой планете и которые мы не в состоянии сейчас себе даже представить. Кроме того, я уже сделал анализ этого желе. Оно совершенно безвредно, более того, даже полезно, так как имеет питательную ценность, а по вкусу и по составу напоминает морепродукты. А ничего опасного за эти полгода на Гадесе не выросло. Ведь так?

— Это потому, что все мы были очень здоровыми, когда прибыли сюда,— с иронией произнес Маоган.

Затем он снова стал серьезным.

— И все-таки, если без шуток, планета эта меня потрясла. Она абсолютно выхолощена, такое впечатление, что даже воду в океане несколько раз прокипятили. Но до того, как полностью испечься, она жила цивилизованной и очень напряженной жизнью. Я уверен, что это не результат ядерной войны или катастрофы, произошедших несколько тысячелетий назад. Они не оставили бы после себя такой абсолютной пустыни, да и следы разрушений кое-где непременно бы сохранились. Не похоже это и на космическую катастрофу. Солнце, освещающее Гадис, никогда не вспыхивало. Вы же сами это проверяли, не так ли?— он пристально посмотрел на Роллинга.— Боюсь, вы решите, что я сошел

с ума, но я все больше убеждаюсь в том, что эта пустыня создана искусственно. И как бы мы не впутались в серьезные неприятности, самовольно поселившись на ней, да еще и засеяв по своему усмотрению!

Он снова вернулся к своему столу.

— У меня есть веские причины не отпускать вас. Кроме того, вы нужны здесь. Все работы на литейном заводе закончены, скоро надо будет ставить на место реактор, а вы единственный, кто может руководить этой работой. И что-то мне подсказывает, что надо как можно быстрее уносить отсюда ноги.

— Ну это "что-то" из области подсознательного, ирреального. Мне в этом не разобраться.— Его сухое раздраженное лицо перекосила язвительная усмешка.

— Тогда скажем так... У меня больше опыта, Роллинг, чем у вас... Надеюсь, то, что называется чутьем, интуицией, вы признаете?

— Гм-м,— произнес неопределенно штурман, копаясь в своих бумагах.

— К тому же люди устали и уже начинают нервничать.— Маоган встал.— Всем надоело питаться студнем из рыжих плор. Заключенные слишком долго сохраняли спокойствие, и теперь, я вижу, но на пределе. Мне бы хотелось, чтобы они как можно скорее заняли свои камеры анабиоза. Только с этого момента мы получим возможность полностью заняться поисками пути на Землю.

Глава 6

Через четыре дня после этого разговора Жорж Маоган увидел первую пластину. К этому времени обстановка в лагере начала накаляться. Голубым охранникам уже несколько раз пришлось применять силу, подавляя вспыхивающие жестокие драки. После окончания основных работ свободного времени у заключенных прибавилось. Заполняли они его в основном игрой в покер. Наличных почти ни у кого не было, да и цены здесь они не имели. Ставили на скудный дневной паек. Отсюда ссоры.

К тому же возникла новая проблема. Еще на Алоните-2 заключенные научились гнать самогон из рыжих плор. С того момента, как плоры достаточно разрослись здесь, охранники стали замечать, что некоторые из заключенных находились явно под хмельком. Но пока поймать за руку никого не удавалось. Явно, что за производством и продажей спиртного стоял Слим Орвал, но уличить его в этом не удавалось. Все было обшарено в округе, а перегонный аппарат так и не обнаружили. Зато один из охранников наткнулся на эту пластину и сказал о ней Маогану.

Сделанная из того же материала, что и спутники, обнаруженные ими на орбите планеты, пластина достигала тридцати метров в поперечнике. Она лежала в низине, и ее покрывал тонкий слой пыли. Именно поэтому ее до сих пор и не замечали. Охранник, обследовавший район, направил свой транспортер прямо на нее, колеса заскользили как по льду, и он вынужден был остановить машину.

Роллинг исследовал ее на месте.

— Она покрыта такими же микроскопическими гранями, как и спутники,— сказал он, поднявшись.

Они осмотрели близлежащие скалы. Поверхность скал, окружавших пластину, была сглажена значительно больше. На почве остался оплавленный слой, толщина которого достигала трех-четырех миллиметров. Расстилающийся пейзаж ослепительно сверкал под лучами солнца. Небо, отражавшееся в пластине, после того, как ее очистили от пыли, окрашивало ее поверхность в глубокий голубой цвет.

Тщательно осмотрев пластину и окружающую местность, Маоган и Роллинг пришли к выводу, что она не сможет быть входом в подземный мир. Пластина была установлена очень прочно, ничего не могло поколебать или повредить ее. Когда она была уложена? Ответа на этот вопрос они пока не находили. Очевидно, очень давно, может быть, несколько тысяч лет назад. Плите был придан небольшой уклон, чтобы дождевая вода не скапливалась на ней. Вдоль места слива воды едва заметны следы эрозии. Металл обладал большой прочностью и сопротивляемостью, должны были пройти тысячелетия, чтобы плита приобрела свой теперешний вид.

Закончив исследования, Роллинг и Маоган вернулись на базу и сразу же, не теряя времени, решили облететь планету. Маоган направил флиттер на юго-восток. Ориентируясь точно по линии спутников, они летели на высоте ста метров. Пейзаж был однообразен: кристалловидные гордые скалы, гладкие и сверкающие на солнце. Время от времени встречались красноватые глинистые пласты, яркость которых ослепляла пилота.

Через три часа полета они нашли вторую пластину, затем третью и четвертую. Пластины были расположены на одном расстоянии, строго по прямой, точно так же, как и шары. Посчитав дальнейший полет бессмысленным, Маоган повернул на базу. Был час заката, солнце спускалось за горы. Снег, покрывавший их склоны, окрасился в мягкий розовый цвет. В этих краях стояла зима, климат напоминал марокканский, но Маоган не замечал тихой прелести зимнего вечера. Он вел свой флиттер с нахмуренным лицом. Роллинг первым нарушил молчание.

— Коммодор, я должен попросить у вас прощения,— сказал он.

— А?— отозвался Маоган, погруженный в свои мысли.— Что вы сказали, Роллинг, я не расслышал.

— Вы были правы тогда. Помните наш разговор насчет чутья?

— А, вы об этом,— Маоган, казалось, был недоволен тем, что его оторвали от размышлений.— Вы поняли, что мы обнаружили?

— Думаю, что понял, и это нравится мне все меньше и меньше.

— Мне тоже. Я бы даже сказал, что совсем не нравится.

Резким движением Маоган увеличил высоту и скорость полета.

— Роллинг, нам нужно как можно скорее отсюда убраться.

Он показал рукой на море, которое, сколько хватало глаз, было покрыто желеобразным налетом.

— Вы представляете, какой вред мы уже нанесли планете?

— Да, и если их могущество таково, как мы предполагаем, то те и гроша ломаного не дам за наши жизни, если они решат с нами разделаться.

Аппарат подлетал к базе, Маоган снизил скорость. В наступивших сумерках он заметил огни.

— Роллинг, мне мерещится, или действительно, эти дикари разложили костры из ископаемого дерева?

— Боюсь, что вы опять правы, коммодор.— Роллинг склонился к иллюминатору.

Раскрыв камеру-арсенал, Маоган достал два мощных бластера и протянул один из них Роллингу.

— Вы сможете им воспользоваться?

— Вы думаете, они нам понадобятся?

— Еще не знаю. Но эти костры — явное свидетельство отсутствия дисциплины.

— Давайте до посадки вызовем посты охраны и спросим, что происходит,— предложил Роллинг.

Маоган улыбнулся.

— Роллинг, Роллинг, и вы хотите нарушить мои приказания. Я же запретил пользоваться радиосвязью. Вы же прекрасно понимаете, что это самый лучший способ обнаружить себя перед теми, кто установил эти пластины. Если, конечно, они еще живы.

Переведя флиттер на бреющий полет, он облетел лагерь. Сверху было видно, как люди, окружив костры, мирно сидели на земле.

— Мне кажется, что ничего серьезного, — сказал Роллинг.— Они просто отдыхают и развлекаются, а надо признать, что жизнь здесь у них не такая уж веселая.

Но Маоган был насторожен. Вместо того, чтобы сесть на обычной площадке, он облетел корабль и приземлился в достаточно укрытом месте.

Несмотря на то, что вокруг никого не было, Маоган, выйдя из флиттера, держал свой бластер наготове.

— Будет лучше, если и вы последуете моему примеру, Роллинг.

Не успели они сделать нескольких шагов, как из темноты возник чей-то силуэт. Приглядевшись, Маоган заметил на нем форму охранника.

— Что здесь происходит?— требовательно спросил коммодор.

— Ребята развлекаются, — ответил охранник вкрадчивым неуверенным голосом и шагнул вперед.

Внезапно в его руках блеснул разряд бластера, и, не успев ничего понять, Маоган и Роллинг рухнули на землю.

Когда Маоган открыл глаза, он увидел, что находится в лагере, там, где горели костры и шло веселье. Его руки были закованы в наручники и прикреплены к металлическому стержню в центре площадки. Тот, кого он принял за охранника из-за голубой формы, сидел невдалеке. Только теперь при свете костра Маоган узнал в нем Слима Орвала. Большинство заключенных были совершенно пьяны.

Уже полностью придя в себя, Маоган некоторое время не мог понять, что за странный — хорошо знакомый, но и совершенно неожиданный здесь — запах щекочет его ноздри. Пахло дымом, ощущался запах плохого алкоголя, но было что-то еще... Да, совершенно точно, пахло жареным мясом! Это было невероятно. Маоган решил, что после разряда бластера что-то произошло с его органами обоняния. Но...

Теперь он разглядел... Люди у костра поворачивали над огнем веретела, и огромные бесформенные куски мяса поджаривались на них. Сок, стекая, шипел на подносах, сделанных из отходов обшивки. Время от времени кто-то из заключенных подходил и отрезал себе кусок от этого экзотического блюда древних людей.

Вот подошел Слим Орвал. Он держался на ногах тверже остальных. Наколов на нож огромный кусок жареного мяса, он, покачиваясь, двинулся к Маогану.

— Ну, что, коммодор, очнулся? Посмотри-ка сюда,— он сунул сочащийся кусок прямо ему под нос,— это не ваша размазня.

На секунду бессильный гнев ослепил Маогана. Он выругался:

— Вы сошли с ума, Орвал. Но вы заплатите за все, что вы тут натворили.

Орвал пьяно захохотал.

— Это было бы удивительно, коммодор. Кажется, ты еще не понял, что теперь здесь командую я!— он ткнул себя в грудь.

Вспомнив о мясе, Слим уселся рядом и стал жадно рвать его зубами. Сок тек по подбородку, глазки злобно поблескивали.

— Ты в наших руках, а твоим охранникам пришел конец.— Орвал хищно оскалился.

— Да,— сказал подошедший сзади Джеф.— Ты красиво с ними расправился, Слим.

— А тебя никто не спрашивает, что ты об этом думаешь.— Орвал, не глядя, отодвинул его рукой.

Маоган заметил, что вокруг них собралось примерно полдюжины заключенных. Он решил, что надо попытаться хоть как-то прояснить ситуацию.

— Где вы взяли мясо? Почему не предупредили меня?

— Ну конечно,— снова захохотал Орвал.— Нашел дураков. Только его тогда бы мы и видели. Верно, ребята?

Его товарищи, явно желая угодить своему вожаку и подражая ему, пьяно заржали.

— Позже вам будет не до смеха.— Маоган уже совершенно пришел в себя. Он думал, как объяснить на их примитивном уровне сложность положения, в которое все они теперь попали.— Вы совершили безрассудный поступок,—медленно и внушитель расставляя слова, говорил он.

— На что вы надеетесь? Кто вытащит вас отсюда?

Но веселящий напиток, имевшийся пока у них в полном достатке, делал их храбрыми и, как им казалось, умными. Слова коммодора вызывали только безудержный смех.

А Слим, ободренный успехом операции по захвату корабля и решением проблемы питания своей "команды", взирал на Маогана сверху вниз.

— Ты забыл, что я тоже умею управлять кораблем. "Алкиноос" отремонтирован. Роллинг под нашим контролем закончит установку реактора.— Он наклонился над Маоганом и, дыхнув ему в лицо запахом перегара, самодовольно прохрипел: — И ты тоже, коммодор, будешь работать на нас, если хочешь вернуться на Землю.

— Если мы вернемся на Землю, вы все будете осуждены за разбой. Вы закончите свои дни на Вильмуре.

Только одно упоминание о Вильмуре вернуло ясность во многие нетрезвые головы. Давным-давно смертная казнь на Земле была отменена. После первого преступления те, кто не поддавался психолечению, становились космическим шахтерами. После второго преступления осужденные приговаривались к вечному поселению на Вильмуре.

Вильмур! Эта планета не отличалась какими-то особыми климатическими или природными условиями. Все так же, как и на Земле. Наказание было в том, что преступники жили совершенно свободно, без охраны, по тем законам, которые они сами себе устанавливали, то есть по-волчьи. На Вильмуре не было космических кораблей и сбежать оттуда было невозможно.

Вокруг планеты космическая гвардия бдительно несла охрану пространства. На Вильмуре не доживали до старости.

Но на самоуверенного Слима и напоминание о Вильмуре не подействовало.

— Ты умрешь прежде, чем я попаду на Вильмур,— проговорил он по слогам.

И снова Маоган попытался воздействовать на заключенных.

— Не верьте ему, он сошел с ума. Он никогда не выведет вас в нашу галактику. Мы потерялись. Мы забрались так далеко, что мне самому будет это трудно сделать.

— Вы слышите?— закричал Слим.— Опять он за свое! Хватит делать из нас идиотов!

Окружающие закричали, захохотали. Было так весело, так сытно, у них был удачливый вожак, и верить в то, о чем говорил Маоган, не хотелось. Алкоголь сделал свое дело, сейчас они были просто стадом дикарей.

— Бесполезно, коммодор,— кричал Джеф, гримасничая.— Больше вам не удастся нас накалывать!

— Да, да,— повторял Слим.— Они придумали эту сказку о том, что мы заблудились, чтобы держать нас в подчинении. Хватит нас дурачить!

Он снова повернулся к Маогану, глаза его горели злобой.

— Ты не один здесь такой хитрец, Маоган. Ты хорошо поработал, хорошо отремонтировал для нас корабль. Если и впредь будешь себя хорошо вести, мы тебя не обидим... не бойся,— и он жадно вцепился зубами в остывший кусок мяса.

— Ты прав, Орвал,— поддержал его какой-то юнец.— "Алкиноос" — хороший корабль, и не обязательно на нем лететь на Вильмур. Галактик много. Мы сумеем его с пользой употребить.

Маоган понял, что ему сейчас не удастся ни кого ни в чем убедить, слишком уж они разошлись, слишком много алкоголя выпито. Надо ждать. Он обратил внимание на то, что почти у всех преступников на поясе висели бластеры. Значит, им удалось полностью разоружить команду и охрану. Оставили ли они их в живых? Рассчитывать теперь приходилось только на случай.

Между тем, огни костров постепенно затухали. Кое-где еще продолжалось веселье, пели песни, доносился шум драки, но люди, отяжелевшие от алкоголя и сытной пищи, постепенно забывались глубоким сном.

Глава 7

Прежде чем отправиться спать в свой угол, Орвал возвратился к Маогану, проверил наручники на его руках и заковал ноги. Лежа в скрюченном неудобном положении на земле, коммодор лихорадочно перебирал в уме способы освобождения. Но ничего реального и осуществимого не приходило в голову.

Близился рассвет. Заключенные, свалившиеся кто где, громко храпели. Не видно было движения, но в какой-то момент Маоган почувствовал, что что-то изменилось. Он по-прежнему ничего не видел, но всем своим существом ощутил легкое, весьма уловимое, движение сзади. Маоган насторожился. Несмотря на усталость и потрясения прошедшего дня, он ни на секунду не позволял себе расслабиться и всегда готов был к действию.

Шорох послышался совсем рядом, сзади, и почти в ту же секунду он ощутил тепло на запястьях. Наручники свалились. Он еще не мог обернуться, чтобы разглядеть своего освободителя, а тот уже точной и короткой вспышкой бластера разрезал оковы на ногах.

Маоган увидел огромный силуэт, склонившийся над ним и молча протягивающий ему бластер. Сомнений не было. Это мог быть только Штуфф.

Не говоря ни слова, Штуфф сделал знак следовать за ним. В предутреннем синем мраке Маоган видел, как уверенно и легко движется его мощная фигура. В нескольких метрах от площадки, где лежал Маоган, они нашли Роллинга. Повторилась молчаливая операция освобождения. Втроем они двинулись к кораблю. Двое преступников, поставленных для охраны входного люка, валялись с проломанными черепами. Штуфф показал глазами Маогану, что они могут подниматься.

Дверь в центральную рубку была открыта. В помещении, заполненном точными приборами и экранами радаров, валялся еще один труп.

— Тут нам никто не помешает,— уже в полный голос сказал Штуфф.— Мне пришлось всех успокоить, прежде чем я достал оружие и смог отправиться искать вас, коммодор.

Он подмигнул и широко улыбнулся.

— Вы знаете, я всегда держался от них в стороне. Но почувствовал, когда вы улетели, что что-то затевается. Успел спрятаться за холмами и издалека наблюдал за переворотом. Я все видел, но вмешаться в происходящее не мог, у меня не было оружия. Я ждал, пока они все насмерть не упились...

Только здесь, в относительной безопасности, Маоган понял, как затекло и болит все его тело. Но лечиться и отдыхать было некогда. Он лишь с силой несколько раз сжал и разжал кулаки, восстанавливая кровообращение в занемевших руках. Действовать надо было быстро и решительно, пока не проснулись преступники и не обнаружили их с Роллингом бегство. Он направился к установке излучателей.

Эта установка относилась к системе защиты корабля от внешних непредвиденных нападений и обладал значительной мощью. Она способна была посылать смертоносные волны на тысячи километров вокруг. Включение установки было закодировано и без знания шифра пользоваться ею было невозможно. Код знали лишь он и Роллинг.

Маоган скрупулезно отрегулировал настройку. Затем включил генератор с выдержкой. Послышался негромкий щелчок, словно ночная бабочка ударилась об электрическую лампочку. Медленно открылись наружные створки.

Видимо, в лагере уже начали просыпаться, так как движение на корабле заметили. Начался переполох. Кто-то закричал:

— Тревога!

Шум нарастал Послышались крики и топот ног, а потом голос Орвала, подающего команды. Но они опоздали. Маоган нажал на рычаг. Сразу же все смолкло. Штуфф бросился к выходу. Блеснула вспышка бластера и за ней — звук падения.

— Одной из этих свиней удалось добежать до корабля и спрятаться от излучателя. Надо быть начеку. Пойду проверю, нет ли здесь еще кого,— раздался голос Штуффа из коридора.

Вскоре он возвратился.

— Все в порядке. Извините, коммодор, что вмешиваюсь, но надо бы врезать по этим сволочам зарядом полной мощности. Они это заслужили.

— Штуфф, а где охранники, где все?— спросил Маоган.

Штуфф в замешательстве переступал с ноги на ногу и отводил глаза.

— Ну... то есть... дело в том, что эти мерзавцы хорошо подготовились. Они разграбили арсенал... Когда вы улетели, охранники ничего не подозревали...

— Но куда же они всех запрятали?

Штуфф не смотрел на Маогана.

— Для охранников они применили не бластеры, коммодор, а... Зет-4, тепловые, с ультрафиолетовой вспышкой.

Маоган побледнел. Теперь до него дошло. Охранники превратились в дым... всего за десятую долю секунды. Теперь они в виде пыли летали в атмосфере Гадеса. У Роллинга, до сих пор подавленного и бездеятельного, вспотели ладони, он лихорадочно сжал приклад своего бластера.

— А экипаж?

— Кажется, они оставили в живых специалистов по улавливателям, оператора радара и астронома. Остальные были уничтожены вместе с охраной.— Он задохнулся.— Полный заряд в них, коммодор, полный заряд!

— Успокойся, Штуфф, это успеется. Они не поднимутся, пока излучатель работает, а он установлен на длительное действие. Надо найти оставшихся в живых. Ты не знаешь, где они могут быть?

— Я ни в чем не уверен,— ответил шахтер,— у меня не было времени искать, но думаю, что их закрыли на шестом складе, за установкой радара.

— Пошли туда.

Преступники не оставили на складе ни одного излучателя Зет-4. Для восьмерых, избежавших смерти, это было дополнительной проблемой. Идти в лагерь собирать оружие было невозможно. Лагерь находился под действием силового поля, а снимать его и тем самым приводить в сознание заключенных было слишком рискованно. Эту публику держали в узде только боль и страх смерти.

— Так это же очень просто, мы пошлем туда телеуправляемый транспортер,— предложил Роллинг.— Сила поля сейчас такова, что парализует людей, но не приборы. Собрать оружие манипуляторами будет просто детской забавой.

— Вы правы, Роллинг,— сказал после некоторого раздумья Маоган.

Штурман оборудовал транспортер детекторами, чувствительными к энергоблоку Зет-4 и излучателям. Все прошло, как и предсказывал

Роллинг. Транспортер, как большое выдрессированное животное, осторожно пробираясь между парализованными людьми, останавливался в нужном месте, брал, как бы в раздумье, излучатель и снова отправлялся на поиски.

Маоган, наблюдавший за операцией, наклонился к Роллингу.

— А что, старина, не собрать ли нам таким образом и бандитов?

— Вполне осуществимо,— согласился тот.

— В этом случае все проблемы с ними будут решены. Мы отправим их в камеры анабиоза, и они проспят там до Земли.— Он задумался.— Нам, кажется, больше уже не нужна массовая рабочая сила?

— Нет, коммодор. Осталось только поднять и смонтировать реактор. Думаю, что вместе со специалистами нам это будет под силу. Придется попотеть, но дней через пятнадцать, я надеюсь, мы закончим.

— Только бы ничего не произошло за это время. Мы еще до конца не знаем, что тут успели натворить бандиты. Штуфф,— он обернулся к шахтеру,— вам известно, где эти проходимцы раздобыли мясо?

— Я не мог этого знать, коммодор, они меня опасались. Но подозреваю, что торговля мясом началась давно. Но только ликвидировав охранников, они решились закатить пир, поджидая вас с Роллингом. Это была идея Слима. Он ездил за мясом на легком флиттере. Должно быть, животное было уже заколото, так как отсутствовал он сравнительно недолго, самое большое — час.

— А в каком направлении он летал?

— К северу, к Лунным горам, как вы их называете.

Маогану стало не по себе. Это было довольно мрачное место. Лунные горы представляли скопление извилистых ущелий, состоящих из красных слюдяных и биотитовых пород. Вся горная цепь напоминала кошмарный лабиринт. Трудно было поверить, что там могло водиться что-то живое.

— Ну что ж, в таком случае без Слима Орвала нам не обойтись. Придется поднять его и заставить говорить. Мы не можем оставшиеся пятнадцать дней пребывать в неизвестности. Надо выяснить, что же он там обнаружил.

Орвал заговорил. Он не был трусом, но запираться и скрывать дальше не имело смысла.

Оставив специалистов завершать операцию по сбору оружия и помещению заключенных в камеры анабиоза, Маоган и Роллинг, не теряя ни минуты, отправились к Лунным горам. Их сопровождал Штуфф. Орвал, накрепко привязанный к центральной стойке кокпита, показывал путь среди неровных красноватых ущелий.

На этот раз, улетая, Маоган приказал оставшимся на корабле при малейшей тревоге пользоваться радиосвязью.

Флиттер подлетел к горному цирку, окруженному скалами. Зеленый водопад спускался каскадами в небольшое горное озеро.

— Купол находится сразу за озером, выше метровна сто,— разъяснил Орвал.

Он был напряжен, потел и объяснялся с трудом, потому что представлял ярость Маогана, когда тот обнаружит...

Флиттер быстро преодолевал подъем.

И вот на зеркально-гладком плато перед ними открылся купол. Щель, которую совсем недавно проделал Орвал, уже наполовину заросла. Было похоже на правду то, что он рассказывал о живом куполе.

Все выбрались из флиттера. Купол был серого цвета и насчитывал метров тридцать в диаметре. Материал, из которого он сделан, напоминал больше всего... носорожью кожу, но был значительно толще. В лупу можно было разглядеть клетки, из которых она состояла.

Маоган повернулся к Орвалу и показал на широкую, зарубцовывающуюся щель.

— Вы что, смеетесь над нами, Орвал? Это не может быть съедобным.

Взгляд Орвала стал дерзким.

— Сходите туда, коммодор, сами и посмотрите.

Маоган подавил вспышку гнева. Сейчас не время разбираться с Орвалом. Были другие неотложные дела.

Убедившись, что преступник привязан надежно и не сможет убежать, он подошел к Роллингу, внимательно изучавшему основание купола. Казалось, купол вырос из скалы как гриб, настолько точно, до миллиметра, он был пригнан к каждой выемке.

Разрез, сделанный Орвалом, был в самом центре. В глубине его виднелось образование новых клеток.

— Вы правы, коммодор, это нечто живое, но не съедобное,— сказал Роллинг, заканчивая осмотр.

Жорж Маоган был несколько озадачен.

— Может быть, мясо внутри,— неуверенно заметил он.— Надо в этом все-таки разобраться. Роллинг, давайте расширим отверстие.

"Кожа" оказалась слишком твердой. Им пришлось использовать сверлильный аппарат. Неожиданно сверло провалилось в пустоту, и Роллинг не успел удержать его. Он потерял равновесие, зашатался. Несколько секунд ничего не было слышно, затем раздался звук разбиваемого сверла, но далеко, очень далеко внизу. Подхватив в последний момент Роллинга, Маоган помог ему подняться. Роллинг был напуган.

— Там очень глубокая яма, коммодор,— едва выдохнул он дрожащим от волнения голосом.

Орвал захохотал, а рука Штуффа потянулась к бластеру.

— Не надо бластера, Штуфф,— сразу осекся Орвал.— Рукой, если тебя это удовлетворит.

Раздался звук двух сильных пощечин.

Маоган, пытавшийся прозондировать бездну, повернулся к Орвалу, из носа которого шла кровь.

— Ты спускался туда?

— Я же вам сказал, коммодор, чтобы вы посмотрели сами.

Огромная ручища Штуффа поднялась снова.

— Ты будешь отвечать, когда тебя спрашивают?

Слим сопел, злобно сверкая глазами, но молчал. Штуфф ударил его еще раз.

— Ну?

— Ладно,— сказал наконец Слим, с трудом переводя дыхание.— Прекрати это...

Он посмотрел на Маогана.

— Приспособление для спуска спрятано слева, под скалой. В шахте вы найдете перегонный аппарат и все остальное,— он опустил голову и вытер окровавленные губы о плечо.— Ваша взяла, коммодор.

Несколько минут спускался Маоган по тонкой капроновой лестнице в темную бездну, которую освещал только тонкий лучик его фонаря на шлеме. У него больше не было сомнений, что шахта искусственного происхождения, но при этом еще загадочнее выглядело наличие живого купола. Сначала он подумал, что это неизвестная ему форма растительной жизни, что-то вроде кожаного гриба, но сейчас он вынужден был отбросить эту гипотезу. Стены шахты были металлическими, а купол был его крышей.

— Я на дне,— объявил Роллинг, спускавшийся первым.

Голос его отразился от металлических стен шахты многократным эхом.

— Я нашел аппарат,— снова услышал Маоган,— но здесь нужен мощный прожектор.

— Спустите прожектор, Штуфф,— приказал коммодор в свой микрофон.

Заключенные давно освоили эту шахту. Их система спуска, хотя и весьма примитивная, действовала безотказно. Штуфф, оставшийся на поверхности, всего за несколько минут спустил их мощные портативные прожекторы. Когда их лучи разорвали темноту, Маоган и Роллинг застыли в изумлении.

Зал, в котором они находились, имел форму идеального полушария, а его размеры достигали размеров кафедрального собора. В центре его находились ничтожный перегонный куб и бочки с самогоном. В глубине зала они разглядели огромные двери, которые можно было открыть рукой. Это становилось ясно при виде широченных колес с рукоятками, которыми они были снабжены.

Да, преступники неплохо устроились. Их никто здесь не беспокоил, их аппарат работал уже несколько недель. Это можно было понять по мусору, разбросанному вокруг, грязной посуде и остаткам пищи. Потрясенный, Маоган направился к дверям. В голове его не укладывалось, как это грандиозное и загадочное сооружение можно было превратить в

грязную закусочную. Это напоминало разграбление египетских пирамид. "Варварство людское неистребимо",— подумал Маоган.

Прежде чем отворить двери, он вызвал по рации Штуффа:

— Штуфф!

— Слушаю, коммодор.

— Спроси у этого негодяя, что они нашли за дверью, и что он об этом думает.

Ответа пришлось ждать несколько минут. Маоган задал свой вопрос с очень простой целью. Он еще не знал, что найдет внутри, но ему было любопытно узнать, как примитивные мозги Орвала восприняли неизвестное ему явление. Послышался вызов.

— Коммодор, он говорит, что это совершенно беззащитное существо, но оно смогло создать такие огромные подземные сооружения. Не исключена, конечно, возможность, что все это построено кем-то другим, а оно поселилось здесь позже.

Двери поражали своими гигантскими размерами. Но легкий толчок Роллинга заставил их приоткрыться. Только гений архитектуры мог рассчитать с такой точностью, так как каждая створка весила несколько тонн.

Роллинг и Маоган казались сами себе мышками у амбарных дверей.

— Это невероятно, коммодор,— прошептал восторженно Роллинг.

Маоган вошел первым.

За дверью простирался полукруглый зал, размером в добрую сотню метров в поперечнике. Стены его были из того же металла, что и входная шахта. По всему периметру зала на одинаковом расстоянии друг от друга были расположены арки, оказавшиеся входами в туннели, высотой примерно в два метра. Сам же зал был заполнен металлическими конструкциями, напоминающими этажерки. На каждой полке стояли прозрачные колпаки, соединенные между собой посредством множества стеклянных трубок, в которых циркулировала ярко-желтая жидкость. Весь комплекс был как бы опутан сетью эластичных волокон, которые, несмотря на их обилие, располагались в строгом порядке. Под каждым колпаком, в центре подставки, лежал блок свежего красного живого мяса кубической формы.

Многие колпаки были опрокинуты, но там уже тоже вырастали новые блоки мяса.

Куда бы ни обратили свой взгляд Маоган и Роллинг, везде они видели все те же колпаки, трубки с жидкостью, волокна и блоки мяса. Казалось, этому не будет конца.

С большой осторожностью пробираясь вперед, боясь заблудиться в этом удивительном лабиринте, Маоган выяснил, что каждый туннель приводил в новый полукруглый зал с пятьюдесятью горизонтальными выходами и с таким же количеством вертикальных шахт, по которым проходили огромных размеров связки черных волокон. Везде сохранялся один температурный режим, и вся система в целом производила

ритмичный булькающий звук. В некоторых залах блоки мяса имели иную форму: продолговатую или пирамидальную, но их расположение под прозрачными колпаками оставалось неизменным.

Более часа потратили Маоган и Роллинг на осмотр этих пещер, и за это время они не обменялись ни словом. В таком же задумчивом молчании вернулись они в первый зал, туда, где Орвал с компанией устроили свою закусочную. Роллинг, разумеется, не мог не взять на анализ несколько небольших кусочков мяса. Зло уже было совершено, и небольшие пробы, взятые штурманом, значения для системы в целом иметь не могли.

Они уже пересекали порог гигантских дверей, когда услышали вызов с поверхности.

— Коммодор, коммодор!— кричал Штуфф.— Торопитесь, поднимайтесь скорее! Это снова начинается!

Маоган и Роллинг тревожно переглянулись.

— Что снова начинается, Штуфф? Опять бузят заключенные? Им удалось сбежать?!

— Нет, коммодор, хуже! Опять что-то с солнцем, как на Алоните! Садитесь в подъемник, я вас вытащу!

— Штуфф, вам не поднять двоих!

— Доверьтесь мне, я подниму вас! Надо спешить!

Казалось, Штуфф обезумел. Роллинг и Маоган забрались в крошечную бадью, которая тут же стремительно начала подниматься.

— Штуфф свихнулся,— сказал Роллинг.— Новые невозможно наблюдать каждый день. Он наверное, бредит.

— Если только это не что-нибудь другое,— ответил Маоган, у которого от волнения сдавило горло.

— Я не могу в это поверить, коммодор.— Роллинг лихорадочно сжимал коробочку с пробами.— Это было бы слишком ужасно!

Маоган ничего не ответил. Они молча поднимались, думая о гигантских сглаживателях и стерилизаторах, с которыми им предстоит встретиться наверху.

Штуфф посмотрел на юг, где разрастался зловещий красноватый отблеск.

— Что-то жарко становится, коммодор.

— Быстрее во флиттер,— приказал Маоган.

Не теряя ни секунды, коммодор поднял флиттер вертикально в воздух. Когда отроги гор остались позади, они увидели "Алкиноос". Вокруг корабля бушевало море огня, и в небо поднимались белые клубы дыма. Казалось, горела вода в океане. Пылающая стена стремительно продвигалась, и на глазах пассажиров флиттера быстро поглотила лагерь, постройки, литейный заводик. Силуэт "Алкиноос" вначале деформировался, а затем как бы растаял и расползся по земле, как покрывало из блестящей ртути. Земля вдруг заколебалась, а вырвавшийся

неизвестно откуда красный луч начал методично ощупывать пространство, приближаясь к флиттеру.

Маоган чудом успел отвернуть, и гребень утеса принял удар луча на себя. Но флиттер оказался в кольце огня. Все пространство вокруг было пронизано зловещим красноватым блеском. Маоган опять сумел увернуться и, бешено маневрируя, выжимая из флиттера все, на что он был способен, устремился назад к куполу.

Гигантский луч пока не достигал отверстия шахты. Но как только Маоган посадил машину, и люди начали из нее выскакивать, скала под ними треснула.

— Это лазер, который ищет нас,— крикнул Роллинг на бегу.

Он был прав. Луч совсем рядом ощупывал землю, все сметая и круша на своем пути. В какой-то момент они почувствовали его горячее дыхание, их накрыло осколками разлетающейся скалы, а земля закачалась под ногами, раздираемая невидимым лезвием, и раскрывая свои бездны.

— Спускаемся в шахту,— крикнул Маоган.— Может быть, там луч не достанет нас.

Луч лазера не проникал в шахту, но направление его изменилось. Раздался хлопок, и купол шахты лопнул, как резиновый мячик. Люди бросились в следующий зал, чтобы укрыться за гигантскими воротами. В этом теплом помещении пока было спокойно. Прошло некоторое время.

Казалось, луч забыл о них. Но Роллинг, нервно дыша, всем телом наваливался на дверь, как будто это его усилие могло спасти их. Он был на пределе нервного срыва, так потряс его вид "Алкинооса", растаявшего как эскимо, хотя он был сделан из прочнейшего стриферилла.

Маоган же, чуть-чуть отдышавшись, стал невозмутимо манипулировать переключателями своей мини-рации, в надежде установить контакт с невидимым агрессором.

Вдруг Штуфф вскрикнул. Сработал автоматический замок. Двери заперлись, в эту же секунду закрылись арки всех туннелей. Глухой звук долго перекатывался под сводами. Затем наступила тишина. Ловушка захлопнулась.

Только фонарики на их шлемах освещали небольшое пространство. От этого мрак вокруг казался еще беспросветнее. Глухой шум доносился из недр планеты, а система все так же булькала в надоедливом ритме.

Всем показалось, что они попали в желудок громадного и странного существа, которое готовится их переварить.

Голос Роллинга нарушил тишину.

— Коммодор, температура постоянно повышается.

— Как быстро?

— Четыре градуса в минуту, и если мы в течение десяти минут не уберемся отсюда, то нам конец...

Но ловушка была идеальной. Выхода из нее не было.

ЧАСТЬ 2

ИМПЕРИЯ АНТЕФАЭС

Глава 1

В будуаре с золотым потолком, поддерживаемым по сторонам бронзовыми фигурами эфебов, Ноозика, Самая Красивая, придирчиво осмотрев всю себя в зеркале, пришла к выводу, что красота ее не поблекла.

Это был государственный закон, который она должна была неукоснительно выполнять — всегда оставаться самой красивой. Во Дворце с Семью Дверями малейший дефект внешности становился причиной безжалостного изгнания. Здесь могло царить только совершенство. И вот уже тысячу лет Ноозике удавалось сохранить свое превосходство.

Сейчас она лениво поправляла волосы опалового цвета. Они были уложены с необычайным изяществом и вкусом, локоны рассыпались по плечам, благоухающим амброй.

Привычным жестом Ноозика откинула волосы, как она всегда это делала на протяжении тысячелетий. Блеск ее глаз был выбран среди миллионов нюансов блеска, предложенных наукой о красоте.

— Принея!— позвала Ноозика.

В комнату танцующим шагом вошла девушка. У нее, как и у ее хозяйки, были огромные глаза без зрачков. Своей глубиной они напоминали бездонные омуты. С каждой мыслью, проносившейся в голове девушки, менялся и их цвет.

— Принести ваши драгоценности, госпожа?

— Ах!— вздохнула Ноозика.— Я хотела бы надеть золотые браслеты на лодыжки в знак своего вечного рабства. У меня сегодня плохое настроение, Принея.

— Рабства? Госпожа!— воскликнула служанка.— Как вы можете так говорить? Все женщины Империи Семи Тысяч Планет хотели бы оказаться на вашем месте. Вот уже тысячелетие, как вы царите в сердце Господина и руководите его развлечениями. Настоящий повелитель Империи — это вы, госпожа. Архос в этом не ошибается.

— Архос? Что он там еще придумал?

Разговаривая, Принея принялась одевать Ноозику. Она надела на нее белоснежную тогу и опоясала ее талию порфировым поясом, на ко-

тором переливались таинственно-мерцающим светом четыре темных драгоценных камня невиданной красоты.

— Архос привел Повелителю двух этих дрожащих животных, которые, кажется, живут на Таморе, планете на самом конце света. Повелитель в восторге от этих забавных существ, которые так легко умирают.

Служанка воткнула в волосы Ноозики широкий гребень и с удовольствием взглянула на результаты своей работы.

— Архос очень хочет, чтобы Повелитель охладел к вам, — продолжала она,— а вчера он приводил к нему шесть женщин со Стира. Они ужасные — черные и волосатые! А до этого были эфебы с Иксора и живые колонны с Жаспа.

Ноозика рассмеялась.

— Ты беспокоишься из-за ерунды, Принея. Это же просто развлечения,— она смотрела на служанку своими огромными сияющими глазами.— Ты была ребенком, когда Повелитель покорил Мозг. Ты не помнишь, каким был мир до этого. Тогда еще не было ни гипноза, ни игр, ни изобилия. Тогда люди воевали, старились и умирали, а еще рождались дети, и каждый год к Империи присоединялись десятки новых планет.

Она склонилась к Принее и погладила ее волосы.

— Если бы ты, малышка, знала бы все это, ты бы поняла, что Архос не опасней старого фокусника.

Теперь Принея принялась ухаживать за руками Ноозики. Ее пальцы были настолько тонкими, а ладонь узкой и хрупкой, что, казалось, эти руки предназначены только для ношения украшений.

— Но, госпожа, я не могу не думать об интригах Архоса. Ведь если он добьется своего, мне вслед за вами придется покинуть Дворец с Семью Дверями? Что же я буду делать там, снаружи? Там такая скука, никто не работает. Делать нечего. Только и остается, что ходить на игры...

Она вздохнула.

— Вы говорите, моя госпожа, что до того, как Повелитель покорил Мозг, все было совсем по-другому. А я много раз слышала, что в те времена царил хаос. Совет Семи Мудрецов уже не был в состоянии править. Тогда было так неспокойно. На далеких планетах без конца вспыхивали восстания, катастрофы следовали одна за другой, в космическом пространстве хозяйничали пираты, а на расстоянии нескольких световых лет жили варвары, от которых постоянно исходила опасность нападения. Мозг всюду навел порядок, а Повелитель дал нам изобилие, игры и мир.

Ноозика ласково улыбалась, слушая мелодичную речь своей служанки.

— Ты все хорошо понимаешь, Принея, и все-таки ты грустна, сама не зная почему.

— О нет!— возразила девушка.— Я-то как раз знаю, отчего грустна. Ваша красота служит Повелителю, он наслаждается ею. Ну а на

меня никто не глядит. Когда я выхожу в город, то встречаю только понурых мужчин, погруженных в свои гипносны. Никогда ни один мужчина не взглянет на женщину, а женщина на мужчину. Все уныло бредут своей дорогой. Но как же это все скучно. Если мне придется покинуть Дворец, я предпочту умереть.

Она снова глубоко вздохнула, а ее бездонные глаза стали совсем синими.

— В городе ты бы стала такой же безразличной, как и другие женщины, и тоже смотрела бы свои гипносны.— Ноозика подошла к клетке, в которой спали крошечные линксы карминной масти, и выпустила их. Разбуженные животные выпорхнули из клетки и наполнили комнату нежным щебетаньем.— Видишь ли, Принея, Повелитель усыпил мир, но не спас его, как ты думаешь. Посмотри на наш Дворец. Это единственное место в Империи, где нет гипнотических аппаратов. Здесь надо двигаться, работать, следить за своей красотой, уметь нравиться другим. А ты знаешь, почему повелитель так привязался к трепещущим с Тамора, как ты сама это подметила?

— Нет,— ответила Принея, и глаза ее позеленели от любопытства,— не знаю.

— Потому...— Ноозика наклонилась к служанке и чуть понизила голос,— потому... что они легко умирают. Мозг, конечно, могбы сделать их, как и нас, бессмертными. Но тогда бы они надоели Повелителю. И ему бы стало скучно.

— Да, конечно,— согласилась Принея.— Но как-то не хочется думать, что все это будет длиться и длиться. Я верю, что однажды Мозг найдет новый чудесный способ развлечь всех. Такой способ, что я даже не могу себе представить.

Глаза Принеи засверкали огнем и, казалось, могли осветить этот несуществующий мир, придуманный ею. Она улыбнулась.

— Не надейся на это,— сухо сказала ей Ноозика.— Повелитель никогда не попросит ничего подобного у Мозга. Он счастлив, потому что могуществен. Другого счастья ему не надо. Когда он в гипносна появляется перед народом, он разукрашен в такие цвета, что эти несчастные принимают его за Бога. А чтобы их еще больше убедить в этом, Повелитель напоминает им о несчастьях прошлых веков.

Ноозика взяла в руки гиперлиру и резко ударила по струнам, раздался пронзительный стонущий звук.

— Видишь ли, Принея, в моем бесконечном терпении есть смысл. Здесь, во Дворце, ни один человек не способен желать ничего, кроме этой застывшей вечности. Те, кто знает, что к чему, как например, Архос, думают только о том, как сохранить свое место. Живущие в городе довольствуются гипносна ми и играми. На других планетах так же слепо подчиняются общим законам, и никакая эволюция там невозможна.— Глаза Принеи были похожи на расплавленное олово, когда оно выливается из тигеля.— Я терпеливо жду, Принея, своей минуты. Однажды я

дам команду Мозгу, уж не знаю, будет ли это для него благом или нет, но я вырву Вселенную из ее сна. Нужно сделать так, чтобы мы перестали вариться в собственному соку и начали созидать.

Трепещущая чахла от пожирающего ее жара, а Феакс, склонившись над ней, внимательно наблюдал за ее муками. Это был высокий худощавый мужчина с тонкими руками. Он, единственный в Империи, имел глаза со зрачками, цвет которых никогда не менялся. Его мысли не должен был читать никто.

— Ты действительно страдаешь,— сказал он, обращаясь к животному.

Он покрыл ее тело легким одеялом. В глазах Трепещущей, красных от жара, появилось смутное выражение благодарности. Через несколько секунд ее дыхание стало легче.

— Архос,— сказал Феакс,— принесите мне бинт и порошок с Курада. Это животное страдает от пневмонии, я сейчас сделаю компресс. Если это не поможет, придется делать прокол.

Он выпрямился.

— Поторопитесь, Архос. Я очень привязан к нему, и мне трудно будет успокоиться, если оно исчезнет.

Затянутый в свой придворный мундир, единственным украшением которого были четыре выточенные из серебра пуговицы, Архос стоял, вытянувшись.

— Что такое?— удивился Феакс.— Что случилось? Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Архос?

Вид у Архоса был смущенный, он неуверенно переступал с ноги на ногу.

— Я принес вам, Повелитель, плохую весть.

Глаза Феакса вспыхнули.

— Говори!

— В это трудно поверить,— бормотал Архос, нервно жестикулируя.— Это...

— Прекрати свои разглагольствования!— воскликнул Феакс.— Переходи к делу!

— Это произошло на Гмуре, на расстоянии семидесяти двух световых лет отсюда, десять минут тому назад. Два Гипера-Т столкнулись на скорости двадцать пять тысяч километров в час... Триста тысяч жертв...

— Два Гипера-Т? Ты проверил это сообщение? С тех пор, как Мозг взял на себя управление движением, такого не случалось ни разу.

— Я все проверил, Повелитель... И это еще не все...

Феакс гневно взглянул на него.

— Что же ты молчишь?

— Поле, изолирующее диких гигантских урвалов на Планете-2, исчезло. Они вырвались на свободу и разрушают все вокруг. Центр космической связи Тиора молчит.

Феакс недоверчиво и очень внимательно глядел на своего собеседника.

— Архос?

— Да, Повелитель.

— Ты случайно не начал смотреть гипнотические сны?

— О нет, Повелитель!— взволнованно возразил Архос.— Прошу вас, пойдемте со мной на Центральный пункт Мозга, и вы все сможете проверить сами. Я не знаю, что и подумать. Видимо, Мозг болен.

Лицо Феакса побледнело.

— Ты говоришь, Мозг болен?!

Оцепеневший от страха перед яростью повелителя, Архос мог только кивнуть головой. Но Феакс не взорвался гневом. Напротив, он успокаивающе похлопал Архоса по плечу.

— Ну-ну, не будем драматизировать события, Архос. Конечно, это тоже может произойти. А может быть, там окажется нечто такое, что нас развлечет, а то я начинаю скучать...

Ноозика, наигравшись с линксами, водворяла их назад в клетку. В это время в комнату почти вбежала взволнованная Принея. Щеки ее раскраснелись.

— Госпожа!— начала она, едва переводя дыхание.— Повелитель хочет вас видеть. Там такое происходит, такое происходит...

Она понизила голос.

— Он ждет вас на Центральном пульте управления Мозгом... Может быть, пришел день, о котором вы мечтали, госпожа?

Феакс разглядывал Ноозику. Это было удивительно, но каждый раз, встречая ее, он поражался ее красоте. И долго не мог оторваться, любуясь вечной молодостью, изяществом, грацией Ноозики. Но сегодня он не позволил себе долго наслаждаться ее красотой. Оторвав восторженный взгляд от лица девушки, он жестом указал на дверь, за которой крутились миллионы запоминающих кассет.

— Входи скорее, Ноозика. Я не хотел бы лишить тебя этого единственного в своем роде спектакля.

— Невероятно,— в голосе ее звучала ирония,— неужели за этой дверью может что-то происходить?

Когда девушка вошла в комнату, лицо Архоса сделалось каменным. При встречах с ней ему приходилось держать себя в узде, чтобы не выразить ненароком той ненависти, которую он испытывал к Самой Красивой. Архос искренне не понимал, зачем Повелитель привлекал эту ничтожную личность к тем невероятным событиям, которые происходили в Империи.

— Повелитель,— обратился он к Феаксу, желая отвлечь его внимание от Ноозики,— разразилось еще одно бедствие, на этот раз на

планете Гирос. Гипнотические аппараты все до одного вышли из строя. Там разразился бунт!

Немного помолчав, дав уложиться новой информации в голове Феакса, он неуверенно продолжал:

— Создается впечатление, что болезнь Мозга прогрессирует. Вначале была затронута лишь ничтожная часть четвертого сектора, но болезнь стала захватывать большие участки. Хотя в других секторах все пока нормально.

Ноозика повернулась к Феаксу:

— Так, Мозг болен?

Ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы скрыть то удовольствие, которое вызвала эта новость. К счастью, Феакс, занятый своими мыслями, не смотрел в это время на нее.

— Это ужасно,— она попыталась придать своей интонации беспокойство.

— Слово "ужасно" здесь не подходит,— успокоил ее Феакс, не заметивший фальши,— задета только небольшая часть Мозга, которая скоро будет нейтрализована.

— Но,— как можно равнодушнее спросила Ноозика,— вы уже выяснили, что вызвало эту болезнь?

— Пока нет,— Феакс задумался.— О бактериологическом заражении нечего и говорить, если иметь в виду принятые предосторожности.

— Может быть, это сделал кто-то специально?— с сомнением в голосе спросила Ноозика.— Например, те граждане, которые решили покончить с Мозгом?

Феакс расхохотался.

— Это невозможно, моя дорогая. Разум наших подданных отрегулирован таким образом, что никому из них даже в голову не могла прийти подобная мысль.

— Да, конечно,— согласилась Ноозика. Потом, поколебавшись, спросила: — Но тогда, может быть, это кто-то чужой?

Она произнесла эту фразу с сомнением, сама не очень-то веря в такую возможность.

— Об этом не может быть и речи, Ноозика. Ты же знаешь, что мы очистили все планетарные системы на несколько тысяч парсеков от границ Империи. И если бы вдруг возникла настолько могущественная сила, которая могла бы причинить вред Мозгу с такого большого расстояния, мы непременно о ней узнали.— Продолжая объяснять, он обнял Ноозику и повел в зал, где мерцали гигантские экраны.— Сейчас мы все выясним. Мы уже начали телепоиск.

— Повелитель, посмотрите!— услышали они крик Архоса, пришедшего сюда раньше.— Это чужие! Они напали на Мозг!

Все бросились к экрану, на который показывал Архос.

— Вот их корабль...— Архос внимательно рассматривал изображение.— Примитивный корабль... Повелитель, это варвары!

— Невозможно!— воскликнул Феакс.— Варвары давно покорены!

— Да, невероятно.— Архос был потрясен.— Это чужие варвары. Значит, они пересекли Большой Барьер?

Феакс потряс головой, не веря своим глазам.

— Посмотрите, кажется на их корабле написано название,— он увеличил изображение и включил автоматический переводчик,— "Алкиноос".

Еще более пораженный, он посмотрел на Ноозику, но не увидел ее.

— "Алкиноос"! Вы видите, "Алкиноос"?! Но это же... Это легендарное имя выходит из самых глубин нашей истории.

Ноозика никогда не видела Повелителя столь взволнованным. Он потерял контроль над собой, его рука нервно теребила край позолоченной урлы, в которую он был одет.

— "Алкиноос"...— в задумчивости повторял он.— Значит, это варвары, не принадлежавшие Империи Антефаэс, и все-таки они люди!

Увеличенное до предела изображение показывало теперь людей, которые, сидя у костров, готовили себе пищу.

— Они питаются нашим Мозгом!— констатировал Феакс прерывающимся от возмущения голосом. Ярость охватила его.— Но откуда же они взялись?

— Я, кажется, догадываюсь, Повелитель,— взял на себя смелость вмешаться Архос.— Думаю, что это потомки одного из наших экипажей, потерпевших крушение в те времена, когда миром еще не управлял Мозг и наши корабли терялись в пространстве. Они, должно быть, размножались там, по другую сторону Большого Барьера. От отца к сыну передавались наши легенды, и мало-помалу они научились жить снова.

Феакс не отрывал глаз от изображения на экране.

— Их корабль не настолько мощный, чтобы пересечь Большой Барьер,— сказал он.— Но тем не менее они могли появиться только оттуда, иначе наши детекторы сработали бы.

Повелитель понемногу приходил в себя. Он уже разглядывал изображение с любопытством палеонтолога.

— Просто удивительно, какими они остались примитивными,— буркнул он.

— Не такими уж и примитивными, как кажется с первого взгляда,— возразил Архос.— Посмотрите!

Он перенес изображение.

— Эти следуют по линии пластинок. Они их исследуют, и, по-моему, не так уж далеки от того, чтобы все понять.

— Но,— Ноозика с большим трудом скрывала охватившее ее возбуждение,— что вы собираетесь сделать с этими существами?

Феакс оторопело взглянул на нее. Этот невинный вопрос страшно удивил его.

— Дорогая моя, здесь нет никакой проблемы. Не бойся. Мы нейтрализуем больную часть мозга, стерилизуем затронутые области. А варваров мы, разумеется, уничтожим.

— Не вступая с ними в контакт?— спросила Ноозика обреченно.

— Дорогая, они так примитивны. Я не думаю, что они представляют какой-то научный интерес,— ответил Феакс.

— Но эти люди могли бы сообщить нам, откуда они прибыли,— продолжала настаивать девушка.— Это позволило бы нам нейтрализовать их планету.

Феакс задумался.

— Нет, это ни к чему,— сказал он твердо.— Их мог забросить сюда только какой-то невероятный случай. А такое случается лишь раз в несколько тысячелетий. Я считаю, их надо уничтожить, и как можно скорее.

Ноозика приблизилась к экрану. Ей было необычайно интересно наблюдать за этими людьми, пришедшими из неведомой дали. Как они отличались от жителей Антефаэса! Особое впечатление производили на девушку их сила, энергия.

— И все-таки, Повелитель, мне кажется, было бы интересно изучить этих людей. Они ведут себя как господа, а не как слуги. Посмотрите, как уверенно они действуют.

На губах Феакса появилась многозначительная улыбка.

— У вас светлый ум, моя дорогая. Эти существа, действительно, независимы, автономны. Именно поэтому я и не оставлю им ни малейшего шанса!

Архос молча согласно кивал головой. Не считая нужным больше прятать свои чувства, Ноозика встала и, не скрывая неудовольствия, удалилась.

Глава 2

— Как все это странно,— сказал Роллинг, который хотя и задыхался, но еще и не потерял способности мыслить.— Это похоже... на гигантский искусственный мозг... размером с целую планету. Да, это так... Пластины — антенны. Шары — реле, а каждая микроскопическая ячейка... соответствует каналу информации...

— Похоже,— согласился с ним Маоган. Он покосился на Орвала, глаза которого помутнели, а лицо стало сизым. Казалось, он почти утратил способность что-нибудь понимать.— Эти блоки "мяса", которое наш воинственный друг еще переваривает, заменяли кристаллы электронных устройств.

Слим молчал, ему было не до этих высокоумных рассуждений.

— Что мы наделали... этот мозг управлял Вселенной, а мы его травмировали,— продолжал обреченно Роллинг.— Планета была стерильной, а мы ее засеяли. Я боюсь даже представить последствия, которые мы вызвали своими неразумными действиями...

— Да,— прохрипел Маоган: каждый вдох раскаленного воздуха причинял страдания.— Они уничтожат ту часть мозга, которую мы, как бациллы, затронули. Если бы я отвечал за подобное устройство, я бы сделал это... не колеблясь.

Говоря это, вопреки всякой логике, Маоган продолжал манипулировать своим передатчиком. Существовал один шанс из миллионов, что они могут быть кем-то услышаны, еще меньше вероятность того, что будут поняты. Но Маоган когда-то твердо усвоил истину: надеяться надо до последнего. Только смерть может оборвать надежду.

Очень-очень давно, когда он еще только готовился к дальним полетам, руководитель вызвал их курс и предупредил:

— Сегодня, мальчики, вам предстоит пройти последний решающий тест. Те, кто одолеет его, будут зачислены в команду, остальные безжалостно отсеяны.

После этого заявления он раздал им коробки, на которых было по двадцать замков, десять кнопок, и еще какие-то неведомые устройства.

— Вас запрут на два дня с этой коробкой. За это время вы должны будете ее открыть.

В течение двух дней Маоган напряженно думал. Под пристальным глазом кинокамеры, которая следила за всеми его действиями, он перепробовал множество комбинаций. К концу срока, понимая, что не успевает, он все еще продолжал свои попытки. Когда раздалась команда: "Время истекло", Жорж Маоган положил коробку на пол и, невесело посвистывая, вышел из камеры, уверенный, что его неначавшаяся карьера космонавта благополучно завершена... Он был принят первым, так как коробка не открывалась вообще, представляя собой цельный металлический блок, украшенный замками и запорами.

Позднее он узнал, что некоторые курсанты к концу первого дня топтали свои коробки ногами, пытаясь взломать их, другие пробовали открыть их с помощью оружия, кто-то попросил выпустить их до окончания срока, чтобы пойти напиться.

С этого момента Маоган навсегда узнал цену хладнокровия и выдержки.

— Вы напрасно стараетесь,— прошептал Роллинг. Он давно уже расстегнул свой комбинезон и сидел, прислонясь спиной к сверкающей ножке этажерки. Рядом силился перевести дыхание измученный Штуфф. Орвал не выдержал первым. Глаза его закатились, и он стал медленно сползать по стене.

Маоган продолжал крутить ручки передатчика. Он прекратил свои попытки вступить в прямой контакт и посылал теперь математические формулы — единственное средство всеобщего общения. Может быть, их все-таки услышат.

Во всяком случае, оставалось недолго. Коммодор ощутил, что уже начинают путаться мысли, а легкие, втягивая воздух, издают хрип.

У него уже не оставалось сил удерживать свой передатчик, когда вдруг тот издал нечто похожее на свист.

— Вы услышаны,— произнес механический голос.— Мозг перевел ваш язык. Мы только что решили оставить вас в живых.

При этом сообщении те, кто мог еще что-то понимать, воспряли духом.

— Идите к выходу,— продолжал голос.— Вас там ждут.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, боясь поверить услышанному.

— Температура понижается,— прошептал Роллинг, глядя на свой термометр.— На десятую долю градуса в секунду.

— Лишь бы нас не хватил тепловой удар, и не подцепить бронхоспазм наверху,— пошутил Маоган и принялся приводить в чувство Орвала, отвешивая ему пощечины. Ему пришлось поднять бандита за отвороты комбинезона и так держать. Сознание никак не хотело возвращаться к нему.

— Маоган, я верил, что мы выберемся из этой заварухи. Я все время надеялся, несмотря ни на что,— Роллинга охватило лихорадочное возбуждение.

Они медленно двинулись к дверям, освещая себе путь фонариками на шлемах. Штуфф, почти волочащий на себе Орвала, добрался до них первым.

Передатчик молчал. Жорж Маоган сообщил, что они на месте, но ответа не последовало. Роллинг хотел уже постучать в двери, но в это время раздался щелчок гигантского замка, и створки стали медленно раскрываться.

Четверо землян, как зачарованные, смотрели на интенсивный зеленый свет, который почти материально наполнял входную шлюзу.

Маоган медленно двинулся вперед. Как только все вышли, створки двери захлопнулись. Они стояли в сияющей зелени, и цвет этот был осязаем, он казался шелковистым и обволакивающим. Постепенно стали вырисовываться формы...

...Маоган увидел "Алкиноос". Корабль был полностью восстановлен и все члены команды живы. Роллинг подошел к нему.

— Я нашел точку отсчета, коммодор. Теперь мы сможем вернуться на Землю,— и он протянул ему карту с точными расчетами полета.

На карте был обозначен Млечный Путь...

...А Роллинг увидел себя на Земле. Он входил в двери Школы реальной кибернетики, в которой был когда-то одним из самых способных студентов. Здесь прошел самый счастливый период его жизни. Старый директор, улыбаясь, протягивал к нему руки.

— Добро пожаловать, Роллинг. Я рад снова видеть вас...

... Штуфф был доволен, только что ему сообщили, что он назначен директором горных шахт на Урстале. Он собирался познакомиться со своими будущими шахтерами...

... И только Орвала охватил ужас, он понял, что его везут на Вильмур. Планета приближалась...

Что-то в глубине сознания подсказало Маогану, что происходящее с ним нереально. Он напрягся и заставил себя выйти из состояния гипноза. Он напрягся и заставил себя выйти из состояния гипноза. Картины, так отчетливо стоявшие перед ним, стали мутнеть и таять.

Маоган увидел, что он по-прежнему стоит в шахте, рядом с ним его товарищи, но теперь здесь возник и новый предмет, на этот раз реальный.

Это была прозрачная сфера, высотой метров шесть, кричаще-красного цвета. Он увидел, как его спутники, медленно, как автоматы, направились к ней, как один за другим они вошли в этот сверкающий шар. Самое поразительное было в том, что дверей у этой штуковины не было. Сначала Роллинг, а затем Штуфф, все еще поддерживающий Орвала, прошли сквозь стенки сферы, как бы растворясь в ней.

Маоган остался один в шахте. Внутри себя он услышал голос, приказывающий ему последовать за товарищами, а перед глазами снова стали расстилаться зеленые видения. И опять усилием воли Маоган отбросил их, так как теперь точно знал, что они нереальны.

Он попытался понять, что представляет из себя эта сфера. Средство передвижения? Может быть. Но не исключена возможность, что это нечто, грозящее смертью...

Коммодору приходилось прилагать немало усилий, чтобы сосредоточиться и обдумать ситуацию. Зеленые картины навязчиво легли в мозг, и ему начинало казаться, что сфера — это самый желанный предмет на свете, в котором будет так приятно раствориться.

— Я не пойду,— твердо сказал себе Маоган.— Если бы намерения этих существ были чистыми, они прислали бы за нами обычную машину. Они могли бы поговорить со мной по радио.

Сфера мигала перед ним, как срочный вызов. Он колебался.

— Нет, я не пойду,— все же решил он.— Если они хотят нас сохранить, они сделают это, что бы там ни было. А если собираются уничтожить, то им придется поискать другой способ разделаться со мной.

Как бы услышав это решение, сфера неожиданно вспыхнула последний раз и погасла... Она исчезла.

Феакс оторвался от экрана и повернулся к Ноозике.

— Вы должны быть довольны, моя дорогая, я уступил вашему капризу.

Молодая женщина гордо вскинула голову, волосы рассыпались по плечам.

— Все это пустяки,— довольно сухо ответила она.— Я же не спорю с вами, когда вы развлекаетесь со своими дрожащими, с живыми колоннами с Жаспа, не говоря уже обо всех остальных. Вы должны признать, что в моих капризах гораздо больше вкуса, чем в ваших, Повелитель!

Феакс иронически улыбнулся.

— У меня нет иллюзий относительно вас, Ноозика,— ответил он.— Я знаю, что вы меня ненавидите.

Он повернулся к Архосу, глаза которого блестели от злорадства.

— Ноозика — ядовитый цветок, и именно поэтому с ней не скучно.— Он снова обратился к Ноозике: — Очень красивая, дикая и всегда готовая укусить — вот такой я вас и люблю, моя дорогая.

Он жестом указал на экран.

— Посмотрите же на ваших протеже. Это же дикари. Их примитивный мозг чувствителен к гипнозу первой степени.

Повелитель презрительно рассмеялся.

— Ни один гражданин Антефаэса, каким бы ограниченным он ни был, никогда бы не среагировал на внушение этого типа. Видите, они все грезят родным миром.

Ноозика сердито перевела взгляд на экран, но тут же обрадованно воскликнула:

— Все? Нет, не все! Смотрите, среди них есть один, который устоял.

Эта фраза ударила по самолюбию Феакса как электрический разряд.

— Да, вы правы...— Он в задумчивости посмотрел на Архоса, потом на Ноозику.— Вы правы... Ну что ж! Этого я оставлю себе.

Когда сверкающая сфера исчезла, Жоржу Маогану стало страшно. Он остался один на один с чуждым, непонятным ему миром с неведомыми законами. Чтобы не дать панике завладеть собой, он решил действовать. Надо было попытаться самостоятельно выбраться из шахты. К счастью, веревочная лестница, по которой они спускались сюда первый раз, так и висела на своем месте. Купол из живой кожи исчез, и когда он выбрался на поверхность, то не узнал окружающего ландшафта. Гигантский луч раскрошил в щебенку близлежащие скалы, превратив горный пейзаж в пустыню.

Не имея ни малейшего представления о том, что делать дальше, Жорж Маоган уселся на камни и принялся снова за свой передатчик. Внезапно резко потемнело, он решил, что катаклизмы продолжаются, но, подняв глаза, увидел продолговатый силуэт гигантского космического корабля, закрывшего солнце. Детали трудно было разглядеть, так как он летел пока еще очень высоко в стратосфере.

Маоган отключил свой передатчик. От корабля кругами спускалась другая сфера. Что ж, эта выглядела достаточно реально. Пока она

кружила в воздухе, разыскивая Маогана, он разглядел, что сделана она из серебристого металла и имеет несколько люков.

Установив местонахождение коммодора, сфера мягко приземлилась рядом с камнями, на которых он сидел. Раскрылся один из люков, и на землю спустилась лестница.

Жорж Маоган подождал, пока появится пилот. Но никто не выходил. Он подошел к сфере и заглянул в люк. Внутреннее пространство сферы было освещено белым ярким кругом, помещавшимся в самом ее центре. Но там никого не было.

Моаган вошел. Услышал мягкий звук закрывающегося люка, а затем ощутил легкий толчок, и в то же мгновение сфера оказалась под брюхом звездолета. Через прозрачный купол сферы Маоган различил циркулярные рефлекторы, которые, по-видимому, и посылали зеленое излучение. С близкого расстояния казалось, что все они состоят из несметного количества зеленых чешуек, каждая из которых была изолирована маленькой черной рамкой. Размер чешуек не превышал десяти сантиметров, но любой из рефлекторов был величиной с "Алкиноос". Маоган насчитал двенадцать рефлекторов, рядом с каждым находилось какое-то приспособление, формой похожее на колоссальную колбу старинной керосиновой лампы. Маленькая сфера, двигавшаяся теперь очень медленно, была похожа на икринку под брюхом чудовища.

Но вот перед сферой открылся люк, крошечный по сравнению с кораблем, шар медленно вплыл в него и остановился. Маоган подождал, что кто-то встретит его, но и на этот раз ожидание было напрасным. Коммодор вышел и оказался во внутреннем отсеке корабля. Первое помещение, в которое он попал, было сравнительно небольшое, шарообразной формы и с таким же освещением, как и в сфере. Оно было совершенно пустым, без каких-либо признаков мебели или приборов. Маоган пересек его, и звук его шагов гулко отдавался в стенах корабля.

Ему потребовался примерно час, чтобы осмотреть весь корабль. Пустые помещения следовали друг за другом, соединенные коридорами. Самая же большая центральная часть корабля представляла собой блок, проникнуть в который было невозможно. Очевидно, здесь находился источник энергии и механизм управления. Он был бесшумным.

В конец своей экскурсии Жорж Маоган попал в командный отсек. На стальной двадцатиметровой стене мерцали экраны. Их количество превышало человеческую возможность следить за информацией, выдаваемой ими. Жорж Маоган почувствовал себя здесь маленьким и ничтожным. Он понял, что представленная ему возможность в одиночестве осмотреть этот корабль не имеет ничего общего с доверием, которое, как показалось вначале, было ему оказано. Скорее всего, ему просто давали понять мощь и величие цивилизации, в которую он ненароком попал.

В центре зала пол оказался прозрачным. Он увидел под собой пылающую в огне планету Гадес. Гигантские лазеры снова принялись за работу. Их огненные лучи перепахивали планету, которую он недавно

покинул, уничтожая все следы пребывания на ней человека. Горел даже воздух, наполняя пространство черным дымом.

Это величественное зрелище с такой высоты казалось даже красивым и завораживающим. Планета была похожа на кусок расплавленного металла в снопах искр.

Устройство, обеспечивающее стерилизацию планеты, действовало с завидной точностью и методичностью. Количество затрачиваемой при этом энергии казалось неисчерпаемым. Жорж Маоган снова ужаснулся и поразился технической мощи неведомой империи.

С трудом оторвавшись от этой грандиозной и страшной картины, он вновь принялся бродить по кораблю. Маоган все же не оставлял надежды найти здесь своих товарищей по несчастью. Эти поиски прервал громкий голос, принадлежащий, бесспорно, механизму, а не человеку:

— Возвращайтесь к выходу, корабль ждет вас там.

У люка Маоган вновь нашел сферу, которая доставила его на корабль. Он понял, что этот громадный звездолет с рефлекторами служит в качестве летающей станции. Ему предстояло еще долго кружиться над Гадесом, заканчивая свою работу.

Чуть дальше он увидел небольшой корабль, представлявший собой уменьшенную копию станции: те же круглые пустые помещения с кольцами света. Рулевая рубка, или то, что по земным понятиям должно ею быть, была оснащена только несколькими сиденьями, расположенными напротив смотрового купола.

Едва Жорж Маоган уселся, как аппарат тронулся с места.

Никогда еще коммодор не видел ничего подобного. Не нужны оказались ни камеры анабиоза, ни сложнейшие расчеты и маневры. О том, что корабль движется, можно было судить только по мгновенному исчезновению пылающей планеты. Затем перед его глазами вновь возникла планета, но это был уже не Гадес. Движение корабля замедлилось. Маоган увидел громадные вырастающие здания, перепутанные лабиринты улиц. Вокруг планеты кружил целый рой самых разнообразных летательных аппаратов, но двигались они удивительно разумно и точно, как будто кто-то один руководил этими бесчисленными потоками машин.

Корабль медленно подлетал к космопорту. Маоган взглянул на часы. Перелет занял не более минуты. Теперь коммодор с небольшой высоты с любопытством разглядывал город. Его строения устремлялись вверх. Они были красивы, но несколько однообразны. Создавалось впечатление, что все дома построены из одного материала, в одно время и одним архитектором. Но тут внимание Маогана привлекли вращающиеся круги, которые были повсюду. Да, светящиеся круги, того же ядовито-зеленого цвета, что и в шахте.

Их было очень много. Вдали он увидел большой стадион, трибуны которого были буквально увешаны гирляндами этих светящихся шаров.

Между тем корабль подлетел к космопорту и пошел на посадку. На летном поле стояли сотни похожих кораблей, сверкающих на солнце

своими полированными корпусами. Маоган уже видел названия кораблей, написанных, к большому его удивлению, ... клинописью.

Корабль сел. Жорж Маоган вышел. Космопорт был абсолютно безлюден, но какое-то новое средство передвижения, освещенное и с открытой дверцей, поджидало его. Прежде чем сесть, Маоган окинул взглядом огромное пространство космопорта. Неожиданно что-то далекое, но хорошо знакомое привлекло его внимание. Он остановился в недоумении и напряг свою память, не веря глазам. Да, несомненно, эти громадные каменные глыбы, такие неуместные в этом суперсовременном космопорту, напоминали что-то древнее и земное. Наконец, он понял! Баальбекская веранда! Это была именно она.

Значит, на этой планете живут те, кто несколько тысячелетий назад построил на Земле Баальбек! Это открытие потрясло Маогана. Так вот куда привела его космическая катастрофа! Он нашел тех, кто посетил когда-то Землю и оставил на ней свои легенды. Но почему же они больше никогда не посещали нас? Ведь для их сказочных кораблей такое расстояние не преграда. Почему?

В глубокой задумчивости Маоган забрался в машину. Она рванула так стремительно, что окружающий пейзаж слился для Маогана в одно целое.

Так же неожиданно, как тронулась, машина остановилась. Перед Маоганом возникло здание, резко отличающееся от всех, виденных им прежде.

Оно стояло вдали от города. Это было довольно мрачное сооружение с тысячью башен, похожее на дворец. В стене исполинской ограды, сложенной из черного мрамора, виднелись семь открытых дверей.

Глава 3

Жорж Маоган никогда не предполагал, что могут существовать такие красивые женщины. Она предстала перед ним нереальная, почти божественная. Больше всего коммодора потрясли почему-то ее губы, коралловые, почти прозрачные.

— Мне приказано принять вас от имени Повелителя Антафаэса,— сказала она.— Меня зовут Ноозика.

Девушка объяснялась на чрезвычайно мелодичном, поющем языке со множеством слогов. Маогану понравилась эта музыкальная речь, но самое удивительное было в том, что он ее понимал. Видимо, недоумение его было слишком явным. Ноозика улыбнулась.

— Вас удивляет то, что вы понимаете наш язык?

— Да, в самом деле,— признался он.

— Это одно из чудес Мозга,— пояснила она.— Того самого Мозга, который из-за вас заболел...

— Я очень сожалею,— начал Маоган.— Дело в том... понимаете, некоторые мои люди...

Ноозика с женским любопытством рассматривала коммодора. В ее взоре можно было прочесть благожелательную иронию.

— Не оправдывайтесь,— перебила она.— Болезнь Мозга ни для кого не была здесь драмой.

Она улыбнулась.

— Но я до сих пор не знаю вашего имени.

— Жорж Маоган, командир корабля "Алкиноос" с планеты Земля,— четко отрапортовал он.

— Ну что ж! Имейте в виду, Жорж, что я на вас не сержусь. Эти события меня немного развлекли.

Пока они разговаривали, служанки хлопотали вокруг. На изящный стол из драгоценного металла с тонкой инкрустацией они ставили блестящие корзинки, наполненные незнакомыми яркими фруктами, и высокие кубки с темной густой жидкостью.

Одна из стен раздвинулась, и появился бассейн с прозрачной голубой водой.

У бассейна стояли служанки, державшие в руках мази, масла и пурпурную тогу.

— Вам нужно искупаться,— пропела Ноозика.

Маоган колебался. Конечно, после всего, что он перенес, неплохо принять ванну, но такой церемониал его смущал. К тому же совсем не хотелось раздеваться перед незнакомыми женщинами.

— У нас такой обычай,— настойчиво сказала Ноозика.

Она не отводила глаз, и Маогана смущал ее сияющий взгляд. Но он хорошо знал космический кодекс, который гласил: "Везде и всюду строго соблюдать законы и обычаи планеты, на которой находишься". На этот раз обычаи оказались довольно приятными, и он им подчинился. Пока Маоган раздевался под безразличными взглядами служанок, Ноозика рассказывала:

— К сожалению, мы уже очень давно не принимали путешественников. Времена приключений окончились для Империи тысячу лет назад...

Он услышал в ее интонации печаль.

— Почему?

— Из-за всеобщего усовершенствования, Жорж. Разумное устройство жизни уничтожило Его Величество Случай. А без случая приключения невозможны.

— И вы сожалеете об этом?

— Ах! У вас будет возможность судить об этом всем самому,— вздохнула она.

Маоган поплескался в бассейне не менее получаса. Это доставило ему чрезвычайное удовольствие. Усталость, накопившаяся в мышцах после всего перенесенного им за последние сутки, как рукой сняло. Потом девушки натерли его мазями, и в тело вернулись легкость и бодрость. Он чувствовал себя обновленным, полным энергии. Когда Маоган облачился в пурпурную тогу, Ноозика пригласила его к столу.

— Садитесь и перекусите,— сказала она.— По нашим обычаям гость встречается с Повелителем только после того, как отдохнет и восстановит свои силы.

Служанки пододвинули удобное кресло, тонко и с большим вкусом отделанное, поставили перед ним большое блюдо с неизвестной, но очень аппетитной и ароматной пищей. Коммодор только сейчас понял, как ему хочется есть. Но все же любопытство пересиливало голод. Он не мог совершенно расслабиться и почувствовать себя легко и спокойно, пока не выяснит кое-что.

Ноозика благосклонно улыбалась. Появились три забавных существа с очень большими лбами и огромными глазами. Они заиграли на гиперлирах.

— Итак,— Ноозика обратилась к Маогану, когда он, по ее мнению, немного утолил свой голод,— к какому народу вы принадлежите, к какой расе? Как вы к нам попали?

Маоган, как зачарованный, любовался этой удивительной женщиной, которая как бы излучала внутренний свет.

— Я спрашиваю потому, что ваше появление здесь — большое событие для меня,— объяснила она свое любопытство.— Вы с такой силой сопротивлялись действию гипноза...

— Что за гипноз?

— О! Это так просто, Жорж. Когда пылающая сфера опустилась перед вами, вы не вошли. Ваше сопротивление позволило нам оценить силу вашего характера и психики. Вообще-то этот гипноз считается у нас простейшим, но тем, кто встречался с ним впервые, довольно трудно устоять против его действия.

Музыка гиперлир все звучала, убыстряя свой темп, становилась просто колдовской. Ощущение сытости, общество прекрасной женщины, чарующие звуки музыки, уносящие от реальности,— все это помимо его воли заставляло расслабиться. Но внутренняя тревога за товарищей, находящихся неизвестно где, и неясность собственного положения мешали полностью отдаться ощущению покоя. Кроме того, он решил, что идея устроить им проверку с помощью гипноза отвратительна и не мог не высказать этого.

— Но почему вы поступили с нами подобным образом? Мне кажется это не очень гостеприимным.

— Да, я вас понимаю,— вздохнула Ноозика.— Но видите ли, дело в том, что Повелитель правит Империей с помощью гипноза. Так было не всегда. Империя стала разрастаться, ею правили семь старейшин,

поэтому во Дворце семь дверей. Каждый из старейшин, избранный народом, входил через свою дверь. Но однажды все стало слишком сложным. Огромная Империя выходила из-под контроля. Слишком много событий и явлений происходило одновременно в разных ее концах. События становились непрогнозируемыми. Никакие приборы и методы не могли помочь старейшинам управлять Империей, так как приходилось постоянно разрешать какие-то конфликты, устранять последствия, разбираться в неожиданно возникших ситуациях. А люди, как известно, вообще существа непредсказуемые, а часто и необузданные. Варвары, космические пираты, контрабандисты то и дело, вырываясь из-под контроля, создавали всем проблемы. И тогда старейшины решили построить Мозг. И они создали его, отвечающим всем их требованиям. Мозг установил в стране единый порядок. Но семь старейшин забыли об этом.

Ноозика сделала небольшую паузу. Она взяла свой кубок со стола и выпила несколько глотков душистого тягучего напитка.

— Они забыли о том, что Мозг, каким бы совершенным он ни был, остается все-таки машиной. И машина эта могла управляться только одним человеком.— Она в упор посмотрела на Маогана, пытаясь взглядом досказать то, что она не хотела облечь в слова.— Феакс, нынешний правитель Антефаэса, понял это раньше других. Он заставил Мозг работать по его указаниям. Старейшины были больше не нужны.

Маоган пил маленькими глотками этот странно-приятный темный напиток, и мозг его работал все интенсивней. Он, кажется, понимал и то, что Ноозика не досказывала.

— Что же произошло потом?

— Возникла, можно сказать, новая цивилизация. Цивилизация Мозга. Все было автоматизировано до предела. Людям стало нечего делать, а от безделья возникают новые проблемы. И тогда Мозг придумал гипносны. Сначала их смотрели несколько часов в день, затем мало-помалу люди привыкли и стали смотреть их постоянно. Здесь же во Дворце все осталось по-прежнему, так как Феакс предпочитает пользоваться благами естественного существования. Он не будет смотреть гипносон даже секунду. У него свои капризы и развлечения. Жизнь наша бесконечна.

— Бесконечна? Что это значит?— удивленно воскликнул Маоган.

— Теоретически мы можем умереть. Если, например, какой-нибудь несчастный случай уничтожит наш собственный мозг. Но медицина способна стабилизировать наш возраст на каком угодно уровне, вылечивать и восстанавливать наши тела. Это может длится вечно, так как наличие Мозга исключает все несчастные непредвиденные случаи.

— Но вашему рассказу противоречит то, что все, кого я встретил во Дворце, не похожи на людей, погруженных в гипносон.

— Конечно, Феакс не сумасшедший. Автоматизированная жизнь годится для народа. У него гипносны и строгие, раз и навсегда определенные, правила жизни. Мы же здесь живем, как хотим. Единственный

островок всей жизни в Империи — Дворец Семи Дверей. А за его пределами все настолько грустно, что я стараюсь об этом даже и не думать.

— А народ? Он понимает свое положение?

— Народ доволен. В течение многих веков он сыт, одет и обут, живет в тепле и изобилии. Не знает страха, страданий, болезней. Изо дня в день все вместе и каждый в отдельности проводят все свое время у аппарата гипноза.

И опять Маоган читал в ее колдовских меняющихся глазах гораздо больше, чем она говорила.

— Вы скоро познакомитесь с Феаксом. Думаю, что он постарается приблизить вас к себе. Кажется, он вынашивает какие-то новые грандиозные планы, и ему нужны вы.

Маоган понял, что его попытаются вовлечь в непонятную ему игру, в которую, может быть, уже впутали под действием гипноза или другими способами его товарищей.

Тень набежала на лицо Маогана.

— А что стало с моими спутниками?

Ноозика грустно улыбнулась.

— Пока ничего непредвиденного с ними не произошло. Но сказать по правде, я очень за них беспокоюсь. К сожалению, они не обладают такой моральной и психической силой, какой наделены вы.

Ее грустный пристальный взгляд досказал Маогану все, что она не решилась произнести вслух.

Часом позже раздались торжествующие звуки охотничьего рога с равнин Умара. Они оповещали о том, что в апартаменты Ноозики прибыл Повелитель. Феакс, одетый в пурпурно-красный сирил (как уже успел заметить Маоган, этот цвет был преобладающим во Дворце), украшенный крупным алым рубином, торжественно шествовал впереди небольшой процессии. Рядом, но на полшага отставая, держался Архос. Следом шли Роллинг, Штуфф и Орвал. Завершали шествие мрачные эфебы.

Больше всего поразил Маогана уверенный вид Роллинга. Он был одет в черный сирил, держался естественно и свободно. Коммодору даже почудилось выражение самодовольства на его лице. Штуфф и Орвал тоже на первый взгляд выглядели благополучно. Но, присмотревшись к ним повнимательнее, Маоган заметил у этих двоих тусклый взгляд людей, слишком долго смотревших гипносны.

Когда звук рога стих. Феакс все так же величественно приблизился к коммодору. Маоган встал, пораженный этим архаическим церемониалом.

— По нашему обычаю Повелитель Атефаэса сам приходит к знатному гостю,— сказал Феакс торжественно.— Я приветствую командира "Алкинооса".

Привычка повелевать стала сущностью этого человека. Это сквозило в каждом жесте, в каждой фразе. Но сейчас, как понял Маоган, ему

хотелось произвести впечатление радушного и гостеприимного хозяина, хотя эта роль давалась ему с трудом.

— Благодарю за оказанную мне честь, Повелитель,— не менее торжественно ответил Маоган. Он решил подыграть Феаксу.

— Дорогая моя,— обратился Повелитель к Ноозике.— Я уверен, что вы оказали гостю достойный прием и познакомили с нашими обычаями. А сейчас мне хотелось бы побеседовать с нашими гостями с глазу на глаз. Нам надо обсудить некоторые проблемы, которые вам будут неинтересны.

В его интонации Ноозика уловила нотки пренебрежения, и глаза ее гневно сверкнули. Повелитель невольно залюбовался ею. Да, он правильно выбрал ее когда-то, такая женщина не наскучит и за тысячу лет. Феакс самодовольно усмехнулся. И решил подразнить ее еще.

— Вот ваши протеже,— он указал на Штуффа и Орвала,— они составят вам компанию.

Потом Феакс обратился К Маогану.

— Я хочу побеседовать с вами и вашим помощником Роллингом. Должен сказать, что он парень с головой. Думаю, его ждет блестящее будущее. Вы знаете, что на Земле он изучил финикийский язык и понимает нас без помощи Мозга?

Жорж Маоган внимательно посмотрел на своего штурмана. Лицо Роллинга оставалось бесстрастным. Но тут коммодора, наконец, осенила догадка — он понял, что штурман теперь не в его команде, он полностью принял сторону Феакса. Он даже внешне старался подражать Повелителю. Но каким образом Феаксу удалось так повлиять на него?

Ноозика, до сих пор сидевшая в кресле, резко встала и подошла к Феаксу. Ее глаза горели, а мягкими гибкими движениями она напоминала дикую кошку, готовую к нападению. Но присутствие посторонних людей заставляло ее сдерживаться.

— Феакс, вы не умеете держать своего слова,— прошептала она.— То, что вы забираете Роллинга, мне совершенно безразлично. Я разобралась в нем, этот человек ничего не стоит. Но почему этих двоих вы держите под гипнозом?

— Но, дорогая моя,— Повелитель наслаждался организованным им спектаклем,— речь идет об элементарной предосторожности. Я произвел анализ психики этих людей. Этот,— он показал на Орвала,— дикий зверь. Уровень его мышления, реакция, аналитические способности находятся на уровне наших урвалов. Что же касается другого, то он поспокойнее, а его интеллектуальные способности на уровне гигантских канеаксов. Когда мы его выдрессируем, вы сможете освободить его из-под влияния гипноза и он получит возможность оказывать вам мелкие услуги.

Жорж Маоган понял, что речь идет о его товарищах, подошел ближе и посмотрел в глаза Феаксу.

— Я что-то не совсем вас понимаю, Повелитель,— произнес он сухо.— Вы утверждаете, что мы ваши гости, но в то же время держите моих людей под гипнозом.

Он понизил голос.

— Я требую, чтобы вы немедленно предоставили им свободу мышления!

Феакс сделал миролюбивый жест.

— Мне понятна ваша озабоченность, коммодор. Поверьте, мне очень жаль, что я не могу тотчас выполнить ваше требование. Наш закон, которому вынужден подчиняться и я, гласит: никакой чужой разум не может быть свободным,— он кивнул в сторону Орвала и Штуффа.— В данный момент они представляют для нас опасность. Слишком примитивны и неуправляемы. Немного позже, когда мы увидим, как они поддаются воспитанию, мы решим, что с ними делать.

Он благосклонно положил руку на плечо Маогану.

— Но что касается вас, это совсем другое дело. Пойдемте в мой кабинет и там обсудим все проблемы.

То, что Феакс назвал своим кабинетом, представляло собой просторный зал, не похожий на другие комнаты Дворца, в которых Маогану уже довелось побывать. Здесь не было никаких уступок моде прошлых веков. Зал был круглым. На стене мерцал и переливался всеми цветами радуги замысловатый символ.

— Это герб Империи Антефаэс, управляемой Мозгом,— любезно пояснил Феакс. Он по-прежнему оставался в роли гостеприимного хозяина.— Но вы ошибаетесь, если принимаете его за бессмысленный символ.

Полуобняв Маогана, он подтолкнул его в другую сторону и царственным жестом указал на продолговатое отверстие на противоположной стене.

— Здесь находится устройство, которое постоянно следит за символом. При малейшем изменении символа информация об этом мгновенно считывается, и подается сигнал тревоги.

Он взглянул на Маогана:

— Что и произошло, когда вы загрязнили Мозг...— Повелитель Антефаэса расположился за электронным бюро, больше напоминающим пульт управления.

— Тогда мы приняли решение уничтожить вас и ваших людей, как нежелательный фактор, приносящий вред Мозгу. Но, как вам известно, операцию эту мы не довели до конца.

Он посмотрел на Архоса:

— Ноозика заступилась за них, не так ли?

— Это верно,— подтвердил Архос, и в его голосе оба уловили нотки сожаления.

Феакс едва заметно улыбнулся и вновь обратился к Маогану:

— Мы принадлежим к одной расе, коммодор. Люди, населяющие вашу планету,— потомки экипажа одного из наших кораблей, потерпевших крушение пятьдесят тысяч лет назад. По нашему мнению, на вашей планете шли два параллельных эволюционных процесса. Штуфф и Орвал принадлежат к другой расе. Вы, Маоган, и вы, Роллинг, наши братья,— он замолчал и пристально посмотрел на них, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова.

— Вы принадлежите к расе Антефаэса. Вы оба! Поэтому мы и решили пощадить вас.

— Если вы доверяете мне,— перебил его Маоган,— вы должны вернуть мне моих людей. Орвал, безусловно, заслуживает наказания, но это уже мое дело.

— Может быть, вы дадите мне закончить?— сухо произнес Феакс и повернулся к Роллингу.— У меня уже состоялся весьма обнадеживающий разговор с вашим заместителем. Мне остается убедить вас.

Маоган тоже пристально и удивленно взглянул на Роллинга. Им пока не удалось перекинуться словом. Но, похоже, Роллинг к этому и не стремился. Было видно, что он для себя уже все решил. Больше того, в его ответном взгляде Маоган прочел вызов. Раньше ничего подобного за своим помощником коммодор не замечал.

— Земные условия во многом изменили вас,— продолжал Феакс,— Роллинг многое успел мне рассказать о вашей планете. Пока вы, конечно, еще очень технически слабы, но, думаю, через какое-то время визиты землян на Антефаэс участятся. Я решил объявить о слиянии двух братских миров. Разумеется, вам будет оказана необходимая техническая помощь. Я отдам приказ построить на какой-нибудь планете Млечного Пути связующее звено для Мозга. Оно и возьмет на себя развитие Земной Империи. Вначале она будет функционировать в зависимости от основного Мозга. Ваша Империя слишком мала, чтобы там построить собственный Мозг. Ну а дальше посмотрим...

Во время своей речи Феакс все время вертел в руках маленькую каменную статуэтку, вытянутая голова которой как две капли воды напоминала каменные головы Пасхи.

— Вы будете хозяином этого звена, Маоган, ваши способности позволят занять вам эту должность. Ну а Роллинг станет вашим заместителем.

Закончив, Феакс гордо и победно улыбнулся.

— Таким образом, ваша планета взойдет на более высокую ступень цивилизации, а для Антефаэса будет обеспечено дальнейшее спокойное развитие!

Жорж Маоган был ошеломлен. Он посмотрел на Роллинга, глаза которого лихорадочно блестели от грандиозной перспективы, встающей перед ним. Он ждал от коммодора восторженного одобрения этого проекта.

— Я отказываюсь,— твердо произнес Маоган.

Теперь пришла очередь удивляться им. Феакс побледнел.

— Что!? Я предлагаю вам Империю, а вы отказываетесь!?

— Вы предлагаете рабство народам Земли,— уточнил Маоган.— Я не могу принять подобное предложение.

Роллинг вскипел.

— Но, коммодор, что вы говорите!— Глаза у него горели.— Вы говорите глупость. Феакс предлагает нам невиданный технический прогресс. Я вас уверяю, здесь все близко к совершенству. Технократическое правления Феакса дало фантастические результаты. У нас на Земле не получится лучше.

Он подошел к Маогану.

— Подумайте, коммодор, хотя бы о том, что техника здесь полностью исключила случайность. Здесь нет войн, болезней, стихийных бедствий! Никто не умирает! Это мир изобилия, и все это делают умные машины, производительность труда которых невероятна!

Роллинга била дрожь.

— Надо сказать "да", коммодор. "Да" во имя блага и для блага землян.

Маоган презрительно и с сожалением смотрел на него:

— Роллинг, вы бредите. Я не знаю, какой будет дальнейшая эволюция Земли, но уверен в одном — землянам нужно предоставить свободу *выбора своей судьбы*.

Роллинг мгновенно погас и, как бы извиняясь, сказал Феаксу:

— Я предупреждал вас, Повелитель, что у коммодора совершенно устаревшие взгляды на многие проблемы. Он не способен руководить Империей будущего.

— Вы правы, Роллинг,— отозвался Феакс, потеряв интерес к дальнейшему разговору.— И я сделаю нужные выводы из этого странного отказа.

Глава 4

Неподвижно распластанный под парализующим лучом, Жорж Маоган сопротивлялся попыткам Архоса выведать у него интересующие их сведения.

— Будет лучше, коммодор, если вы заговорите. В противном случае мне придется перейти к активным действиям, и, уж поверьте, это будет не совсем приятно для вас,— во вкрадчивом голосе Архоса звучала угроза.

— Вы напрасно теряете время,— ответил Маоган.

Архос, казалось, не слышал слов коммодора.

— В последний раз вас спрашиваю, Жорж Маоган, скажите мне, какой была меридиональная ось и отсчет потока времени, полученные улавливателями "Алкинооса" в момент, когда корабль начал переход и искривленное пространство.

Маоган засмеялся:

— Не смешите меня, Архос. Я понимаю, что этот предатель, мой заместитель, не может дать вам необходимые сведения, так как спал в своей камере в период перехода "Алкинооса". Но что же ваш хваленый Мозг не может найти Млечный Путь без моей помощи? На меня не рассчитывайте, я не преподнесу вам на блюдечке сведения, которые помогут установить местоположение Земли в пространстве.

На лице Архоса появилась злобная усмешка, он процедил сквозь зубы:

— Вы рано радуетесь, Маоган. Без этих данных нам будет несколько труднее разыскать Землю, но все-таки нам это удастся.

Он включил циркулярный объектив, который, вращаясь, приблизился вплотную к голове Маогана. Резкий и яркий голубой луч вырвался из аппарата, и тотчас же коммодор почувствовал страшную боль в глубине черепа. Он хотел закричать, но не смог — боль парализовала его.

Голубой луч погас, и боль утихла. Архос молча наблюдал.

Через несколько секунд машина, пытавшая Маогана, выплюнула небольшой диск, диаметром примерно в два сантиметра. Архос вставил его в щель аппарата и стал смотреть на диаграмму, появляющуюся на экране.

— Как звали вашу мать?— спросил он неожиданно.

От удивления глаза Маогана округлились.

— Это вас не касается,— проворчал он.

— А все-таки,— сказал Архос нежно.— Попытайтесь вспомнить.

Жорж Маоган подумал о матери. Как давно он ее не видел, да и увидит ли когда-нибудь? Он закрыл глаза, ясно, до черточки, представил ее ласковое лицо, тяжелый пучок седых пушистых волос, руки... но... Он с ужасом понял, что не может вспомнить ее имени! Он слышал ее голос, помнил ее одежду, но имя... Имя он забыл!

— Да, впрочем это не имеет значения,— Архос торжествовал.— Продолжим, коммодор.

Он снова запустил свой аппарат. Боль возникла так же внезапно, раскалывая череп пополам. Но на этот раз он собрался и попытался проанализировать свои ощущения. Казалось, что луч обшаривает клетки его мозга в поисках необходимой информации.

Архос снова вставил полученный диск в считывающий аппарат и стал рассматривать появляющиеся кривые.

— Прекрасно,— пробормотал он и повернулся к Маогану.— Вы сочетались браком 29 июля 2112 года. С кем?

Бессильная ярость охватила Маогана, он понял, какую игру затеял с ним Архос. Он напрасно вспоминал имя своей жены, но ему не удалось восстановить в памяти даже ее силуэт.

Архос следил за ним с ядовитой улыбкой на губах.

— Не огорчайтесь, Маоган. Я вам сейчас все о ней расскажу. Вы женились на молодой прелестной девушке, которая не является землянкой. Она из расы Штольцев, а на Земле приняла имя Сейн Мак-Кинли. Она очень недурна собой, и ее раса представляет интерес...

— Как ни гнусен ваш аппарат, насилующий мой мозг, но вы еще гнуснее, Архос,— прорычал Маоган.— Но можете быть уверены, я скорее вообще лишусь мозга, чем дам вам сведения, которые вас интересуют.

Архос осклабился.

— Вы забываете, Маоган, об одной вещи. Я могу взять из вашего мозга все, что мне надо.

— Я не уверен в этом,— воскликнул Маоган.— Ваша грязная штуковина шарит наугад. Если бы это было не так, вы бы уже получили то, что вам нужно. Вы берете лишь то, что приходит. А я скажу вам вот что: я уже сам забыл точные цифры, выданные экраном в момент перехода "Алкинооса" в искривленное пространство. Ситуация была слишком драматической, я был вне себя.

— Вы? Вы вне себя?— Архос покачал головой.— Я никогда не поверю этому. Заставить вас потерять контроль над своими эмоциями и рефлексами не так-то легко.

Его желтоватое лицо приняло угрожающее выражение.

— Послушайте меня, Маоган. Я могу отнять у вас все воспоминания, одно за другим. Я могу сделать из вас идиота. Поверьте мне, будет лучше, если вы согласитесь добровольно сотрудничать с нами.

— Я отказываюсь.— Прилагая невероятные усилия, Маоган попытался освободиться от давления парализующих лучей, распластавших его на полу. Разумеется, его попытки были напрасны. Собственно, он понимал, что ничего не получится, просто хотел таким образом немного успокоить нервы.

— А сейчас мы несколько изменим наши развлечения,— принялся за свое Архос.— До того, как окончательно лишить вас памяти, я дам вам возможность поучаствовать в спектакле, который, надеюсь, вам понравится.

На стене лаборатории засветился огромный зеленый экран. Появилось изображение зала, оборудованного приборами, назначение которых было неизвестно Маогану. Над столами свешивались и переплетались какие-то трубчатые соединения, некоторые детали напоминали манипуляторы.

Коммодор догадался, что это операционный зал. На столах лежали Штуфф Логан и Слим Орвал.

— Повелитель решил придать вашим спутникам тела, которые будут больше соответствовать их внутренней сущности,— пояснил Архос.— Сейчас начнется операция по пересадке мозга. У ваших друзей извлекут мозг и пересадят его в тела животных, соответствующих личности каждого.

Он с нескрываемым удовольствием смотрел, какое действие оказывают его слова на Маогана, по лицу которого катились крупные капли пота.

— Для Орвала мы выбрали тело урвала. Вы слышите: урвал Орвал, даже имена их похожи. А Штуфф у нас будет гигантским канеаксом.

Архос переключил изображение. На экране появился другой операционный зал, в котором автоматические захваты готовились вынуть мозг у двух животных отвратительного вида.

— Тот, у которого три глаза, видите — два спереди и один сзади на затылке, мощные лапы, достающие до пола — это урвал. Урвалы — хищники. Они обитают на планете Тиор-2. Об их кровожадности вы можете судить по учтверенному ряду зубов двух челюстей, которые самоориентируются и могут одновременно поедать две добычи. Урвалы все свое время проводят в поисках пищи, однако они относительно умны.

Рассказывая, Архос внимательно наблюдал за Маоганом из-под прикрытых век.

— Боюсь, что наш спектакль вам совсем не нравится. Не так ли? Должен вам сказать, что урвалы высоко оцениваются Повелителем, который обожает игры в цирке. Чаще всего мы выпускаем урвалов, стада которых держим взаперти, против гигантских канеаксов. Эти два вида животных ненавидят друг друга. Надо сказать, захватывающее зрелище!

— Какая мерзость!— выругался Маоган, с трудом переводя дыхание.— Как вы здесь прогнили! И вы еще называете себя цивилизованными!

— Ци-ви-ли-зо-ван-ные!— прошипел Архос.— Заладили одно и то же. А что такое цивилизация, вы знаете?

Рот его искривился в злобной усмешке.

— В Империи установлен железный порядок. Гипноз для толпы. Удовольствия для избранных. Мир для всех людей Антефаэса.— Он повернулся к экрану.— Посмотрите лучше на этого канеакса. Такой красивый зверь.

Огромное животное с ярко-желтым оперением имело два рудиментарных крыла, оканчивающихся чешуйчатыми перьями. Кроме того, у него было четыре большие гибкие лапы и грустные бледно-зеленые глаза. Животное, казалось, нервничало, в его глазах был испуг.

— Канеакс не глупее урвала,— заметил Архос.— Этому анестезия еще не дана. Когда пересадка будет закончена, сила возвратится к нему вместе с мозгом Штуффа.

Он потер руки.

— Думаю, это будет самое замечательное представление, которое мы когда-нибудь видели. Я уверен, что ваши спутники примут на себя командование соперничающими стадами. Битва будет классная!

Архос посмотрел на Маогана.

— И смертельная, конечно же!— Он опять осклабился.— Не бойтесь, я не сразу лишу вас мозга. Нельзя же вас лишить этого удивитель-

ного представления.— Он погасил изображение на экране.— Если, конечно, вы до того момента не вспомните координат, которые нам нужны...

— Я уничтожу вас, ни минуты не колеблясь, если мне представится такой случай,— прорычал Маоган.— И я уж постараюсь, чтобы никакая медицина вам не помогла. Я разорву вас на миллионы клеток, которые невозможно будет собрать.

Архос бросил на него ледяной взгляд.

— Ну, для этого вам надо совсем немного — хотя бы приобрести свободу, Жорж Маоган. Но я все-таки посоветовал бы вам не слишком на это надеяться.— Он встал и направился к считывающему устройству.— Ах, да! Что касается ваших воспоминаний, то сейчас я вам их верну. Пока мы решили не разрушать ваш интеллект. Может быть, он нам еще пригодится.

Зажужжала машина, и Маоган почувствовал, как в его мозг возвращаются забытые воспоминания. Образ любимой Сейн постепенно приобретал свои черты. Но вернувшаяся память о жене не принесла облегчения. Он подумал, что скорее всего потерял ее навсегда. И от этой мысли защемило сердце.

Загорелся экран внутренней связи, на нем появилось довольное лицо Феакса.

— Архос, заканчивайте. Мы нашли Млечный Путь. Мозг только что закончил анализ Новых, появившихся в день, который нам назвал Роллинг. Их было две. И только одна соответствует описанию, данному Роллингом. Теперь мы знаем, где находится Земля!

— Далеко отсюда?— спросил обрадованный Архос.

— Нет, как мы и думали, сразу за Большим Барьером. Нужно их полностью нейтрализовать, пока не поздно. Роллинг согласен. Он вернется на Землю и объяснит землянам преимущества Мозга. Затем он будет контролировать его работу. С нашей помощью, разумеется.

Архос повернулся к Маогану.

— Вот видите, коммодор, я же предупреждал, что ваше сопротивление было бесполезным и глупым. Вы сами себя поставили в такое положение, что мы будем вынуждены уничтожить вас.

— Будь ты проклят, Роллинг! Предатель!

— Предатель? О нет, Маоган, вы не справедливы к своему другу! Просто Роллинг понял, что единственное препятствие к созданию технократической цивилизации — это сам человек. Он сделал выводы. Он умнее вас, Маоган. Намного умнее.

А жужжащая машина памяти все продолжала свою работу, будоража в его мозгу картины прошлого. Он видел Землю, свой дом, танцующую Сейн. Это было невыносимо.

— Остановите свой дьявольский аппарат,— прокричал он.

— Как вам будет угодно, коммодор.— Архос торжествовал победу.

Глава 5

Должно быть, день подходил к концу, так как питательная жидкость снова наполнила чашу, вырубленную в камне. Выпив все до последней капли, Жорж Маоган ощутил на своем языке уже знакомый слегка солоноватый вкус. Усевшись рядом с камнем, коммодор уже в который раз принялся рассматривать его. Он был прозрачным и искристым, немного похожим на горный хрусталь, а внутри был пронизан, как венами, очень четкими голубыми прожилками. Странно, но Маоган ощущал его как живое существо, помогавшее ему сохранить рассудок. Коммодор без конца прикасался к нему, лаская и поглаживая, с удовольствием ощущая спасительный контакт с живым реальным предметом. Только благодаря этому камню он сумел сохранить рассудок. С того самого момента, как он очутился в этой камере, ему постоянно пытались навязать гипнотические картины. Зеленые круги светились на стенах. Но коммодор устоял, и его оставили, наконец, в покое.

Круглая тюрьма, в которой оказался Маоган, была построена по образу и подобию внутренних отсеков на космических кораблях Антефаэса. Она и освещена была так же — флюоресцирующим кругом на стене.

Маоган давно потерял представление о времени и о пространстве. Он не мог прикоснуться к стенам своей камеры. Как только он к ним приближался, какая-то неведомая энергия отбрасывала его назад. Это нагнетало чувство полного физического одиночества, страха смерти. И только контакт с единственным материальным предметом, с каменной чашей, наглухо приделанной к металлическому полу, давал ощущение реальности, и пусть слабо, но поддерживал его силы.

Маоган часто думал о том, сколько живых существ находилось в этом страшном месте до него и возможно ли отсюда выбраться. Думая об этом, коммодор заметил, что на стене перед ним появилась новая картина. Коммодор уже начал выстраивать свою психологическую защиту, он привык отбивать атаки Архоса, как вдруг понял, что это нечто новое. Да, это был телепатический вызов.

Как и все космонавты, он прослушал в период подготовки к дальним полетам курс телепатии. Феномен телепатии пристально изучался на Земле, но его практическое применение было строго запрещено, так как результаты широкого применения были еще непредсказуемы. Уже бывали случаи, когда телепатию использовали опасные или недостаточно подготовленные люди, и это приводило к печальным результатам. Система безопасности выработана не была. Именно поэтому Жорж Маоган, имеющий блестящие телепатические способности и в приеме и в передаче информации, на практике их никогда не использовал.

На этот раз он принял очень четкий вызов. Он несколько секунд размышлял, прежде чем решился ответить. Его положение было таковым, что он практически ничем не рисковал.

Отзыв оказался таким мощным, что изумил командора. На Земле во время обучения ему иногда доводилось вести телепатические сеансы-беседы, но качество передачи всегда оставляло желать лучшего.

Сейчас же на Антефаэсе он неожиданно увидел у себя в камере Принею, служанку Ноозики, с такой ясностью и четкостью, будто она явилась к нему собственной персоной. Он видел ее в мельчайших деталях.

— Это невероятно!— подумал он.

Принея улыбнулась.

— Передавайте потише,— услышал он ее мысль.— Если ваши волны будут слишком сильны, их смогут перехватить другие, например, Феакс или Архос. Тогда мы пропали.

— Я не умею регулировать мощность передачи, мы на Земле только начали изучать этот феномен.

— Да нет,— сказала Принея,— уже потише. Думайте обо мне, когда передаете, но если почувствуете затруднения, немедленно прерывайте связь и думайте о чем-нибудь другом, не важно о чем. Те, кто нас случайно услышит, решат, что это обычные волны сна, и не будут особенно беспокоиться.

— Хорошо,— передал Маоган.

Он внимательно всматривался в лицо Принеи и видел на нем следы тревоги.

— Ноозика, моя госпожа, приказала мне вызвать вас. Меня никто не подозревает, и я меньше рискую.

— Я понял,— ответил Маоган.

— Как хорошо, что на удалось установить контакт. Госпожа велела мне сообщить вам, во-первых, что она помнит о вас. Завтра она сама попытается установить с вами связь. Во-вторых, не очень-то пугайтесь, если Архос станет вам показывать разные ужасные картины. Он хочет произвести на вас впечатление.

Образ служанки исчез мгновенно. Жорж Маоган почувствовал себя совершенно изнуренным. Эта краткая беседа опустошила его нервный и энергетический потенциал. Но на душе было хорошо, и он мгновенно крепко заснул.

На следующее утро, когда питательная жидкость копилась в чаше, в зоне купола разгорелось необычное свечение. Затем оно погасло, уступив место экрану, на котором возникло улыбающееся лицо Архоса.

— Вы можете исчезнуть,— бросил ему Маоган.— Я думаю, нам нечего сказать друг другу.

Предупрежденный заранее Принеей, он не был удивлен посещением Архоса, он только не знал, какой новый вид пытки придумал этот человек.

Архос улыбался, но было заметно, как злоба переполняет его.

— Вам придется выслушать меня, коммодор,— Архос изо всех сил старался казаться любезным.— У меня есть для вас новости.

— Бесполезно настаивать,— отрезал Маоган.

— Я хотел вам только сказать,— Архос был невозмутим,— что операция по пересадке мозга ваших спутников прошла замечательно. Они великолепны в своих новых телах.

Маоган отвернулся, но экран вдруг занял всю поверхность купола. Коммодору некуда было отвернуться, чтобы не видеть отвратительную ухмылку Архоса.

— Будет лучше, если вы меня дослушаете, Маоган. Ведь вам же не безразлична судьба ваших бывших подчиненных. Мое человеколюбие заставляет меня держать вас в курсе событий.

— Не утруждайте свое человеколюбие,— с иронией сказал Маоган.

Архос поднял руку и указал пальцем на коммодора.

— Вы сами выбрали свою судьбу, так имейте мужество идти до конца. Другие оказались значительно умнее вас. Тот же Орвал, например.

— Ну что ж, Архос, давайте поговорим об этом,— ответил Маоган.— Вы превратили его в урвала, не так ли?

— Да, так,— подтвердил Архос,— но на его счет у нас есть и другие идеи. Орвал — парень с головой, и мы в скором времени вернем ему человеческий облик... Но он сам вам все объяснит.

На экране возник огромный урвал.

— Это я сам попросил, чтобы меня оставили на некоторое время в этом теле,— раздался ужасный рычащий голос.— Мне оно пригодится для игр в цирке послезавтра.

Он обернулся к Архосу.

— Вы ведь обещали поставить меня против Штуффа Логана, не так ли?

— Совершенно верно,— подтвердил Архос.

Урвал-Орвал уставился на Маогана.

— Я разорву эту скотину Штуффа на мелкие кусочки, это доставит мне удовольствие. А потом мне возвратят человеческое тело.

Орвал отвернулся от Маогана и разглядывал теперь коммодора своим задним глазом, который был несколько больше передних и имел красноватый оттенок.

— У меня есть для вас еще одна новость, коммодор!— Орвал хотел злобно усмехнуться, но строение лицевых мускулов урвала не давало возможности это сделать, поэтому он только яростно лязгнул своими челюстями.— Отличная новость... для меня, естественно. Я скоро вернусь на Землю, коммодор!

Он уставился на Маогана, желая насладиться реакцией, которую вызовет у коммодора его сообщение. Маоган хранил молчание.

— Да, на Землю, коммодор. На Землю!— продолжал Орвал-урвал, делая ударение на каждом слоге.— И, конечно, в человеческом теле.

Не догадываетесь, коммодор, в каком? Да-а-а... В теле Штуффа Логана. В теле Штуффа!

Орвал старался произносить фразы внушительно, он наслаждался ими.

— Вы поняли, коммодор? Вы поняли?! В теле Штуффа я буду свободен, меня не пошлют больше на шахты, я не кончу свою жизнь на Вильмуре. Ну как, коммодор? Вам нравится моя новость?

Да, Маогану ясно было все. Бессильная ярость захлестнула его. Орвал заметил это и опять попытался усмехнуться.

— Ну, а Роллинг возьмет ваше тело!— Животное наслаждалось мучениями коммодора, сознающего свое бессилие, желтые глаза его блестели.— Все на Земле будут думать, что вы вернулись. Нам будут верить, нас станут слушать! Мы убедим всех подчиниться Мозгу! Роллинг и я, мы станем повелителями на Земле! То-то мы заживем! Не хуже, чем Феакс и Архос!

Жорж Маоган понимал, что Орвал говорит правду, они действительно это сделают, а он не сможет им помешать. Единственный луч надежды исходил от Принеи. Как из тумана до него донесся голос Архоса:

— Вы недооценивали нас, коммодор. Теперь вы видите, что мы нашли способ обойтись без вас.

— Вы несколько преждевременно хвалитесь своими успехами, Архос. Вы пока еще ничего не выиграли,— на лице Маогана не дрогнул ни один мускул, он не позволил чувствам, бушевавшим в груди, выйти наружу. Его голос был тверд и холоден.— Это вы недооцениваете землян, Архос. Я уверен, на Земле разберутся во всем, и эти предатели...

Услышав слово "предатель", Орвал, забыв, что перед ним не сам Маоган, а его изображение, зарычал и бросился вперед.

— На место!— грубо приказал ему Архос.

Команда Архоса заставила Орвала застыть на месте.

— Ну, у этого животного ума, пожалуй, не больше, чем у обезьяны, вряд ли ему удастся выдать себя за Штуффа,— сказал с иронией Маоган.

— Может быть, вы захотите взглянуть на другого своего подопечного, на Штуффа? А, коммодор?— Архос, еще более желтый, чем обычно, решил продолжить свою игру.

— Я больше ничего не хочу видеть,— выдавил из себя Маоган, боясь, что при виде Штуффа не сможет скрыть свои чувства.

— Ну, это было бы невежливо с вашей стороны,— лицемерно пожурил его Архос.— Штуффу так хочется повидать вас, он к вам так привязан...

И не дожидаясь ответа, он переключил изображение на гигантского канеакса. Встретившись глазами с Маоганом, животное стало неистово размахивать своими недоразвитыми крыльями. Канеакс поднялся на задние лапы, шея его заколыхалась, голова замоталась из стороны в сторону, а в глазах застыла тоска.

— Канеаксы не могут разговаривать,— пояснил Архос.

— Я все сделаю, что вытащить тебя, Штуфф!

Животное, в котором находился мозг Штуффа, начало подпрыгивать, согласно кивая головой. Маоган заметил, что Штуфф был заперт со стадом таких же животных, и быстро задал вопрос:

— Они тебя слушаются, Штуфф?

Штуфф отчетливо кивнул головой, экран тут же погас. Архос не дал возможности продолжить эту одностороннюю беседу.

Но даже такое краткое общение со Штуффом вселило в Маогана надежду на то, что Штуфф, организовав с умом свое стало канеаксов, сумеет победить урвалов.

"Как жаль,— с грустью подумал Маоган,— что Штуфф не телепат."

С огромным нетерпением ждал Маоган обещанной телепатической встречи с Ноозикой. Он готовился к ней, собирая, концентрируя всю свою нервную энергию, так как предстоящий разговор был очень важным для него.

И все-таки, как он ни ждал ее появления, Ноозика возникла перед ним внезапно. И он снова был сражен ее красотой. Ноозика была одета в простое шелковое полотно, поддерживаемое пряжкой без украшений. Ей не надо было прятать перед ним свои чувства, и Маоган заметил выражение огромной грусти в ее глазах. Она первая начала разговор.

— Положение очень серьезно, Жорж. Феакс в гневе. В первый раз за тысячелетие его могущество подверглось сомнению. Он больше не играет. Он увидел реальную опасность со стороны Земли и решил опередить возможные в будущем неприятности. Теперь он принял свой настоящий облик. Он жесток и беспощаден, он никому не доверяет. Под подозрением даже я.

— Можно меня как-то вытащить отсюда?

— Пока нет. Сейчас это невозможно. Дворец на осадном положении, как во время войн и революций. Всюду включены приборы автоматического контроля. Невозможно шага сделать свободно. А в Центр управления Мозгом запрещено входить даже мне.

Во время этого странного безмолвного разговора он видел ее в малейших подробностях: видел ее тонкие пальцы, унизанные перстнями, ее бледную кожу с просвечивающими голубыми жилками, ее хрупкую тонкую фигурку. Но в глазах ее он прочел не только грусть, в них светился незаурядный недюжинный ум. И еще он понял, что в слабом изнеженном теле Ноозики живет невероятная сила духа. Из игрушки пресыщения повелителя она превратилась в его достойного противника, хотя Феакс, должно быть, об этом еще не подозревал.

Телепатический сеанс не только успокоил Маогана, но и вдохновил его. Он готов был сражаться с Империей в одиночку.

— И все-таки вы должны помочь мне выбраться отсюда и достать какое-нибудь оружие.

— Я думала об этом. Но я смогу вас вытащить, только когда начнутся игры. Тогда все будут заняты, и я перед отъездом в цирк постараюсь

проникнуть в Центр управления Мозгом. На секунду я прерву цепь, которая питает купол вашей камеры. Вы ведь заперты не за железными стенами, а за энергетическим экраном. Это надежнее самого прочного металла, ничто не может ни разрушить, ни прорезать его. Я смогу прервать цепь только на несколько секунд. Поэтому необходимо, чтобы вы были готовы. Не упустите эту возможность. Больше такой шанс может не представиться!

Изображение Ноозики стало гаснуть, девушка поднесла руку ко лбу. Казалось, что передача утомила ее, так же как и Маогана, который физически чувствовал, как истощается его нервная энергия.

"Нужно поторапливаться",— подумал он.

Лицо Ноозики напряглось, изображение вновь стало четким.

— Мне понадобиться оружие.

Ноозика покачала головой:

— У нас нет такого оружия, которым вы умеете пользоваться.

— А мой излучатель, что стало с ним?

— Я думаю, что смогу разыскать его и спрятать в своем будуаре. Вы найдете его в ящике под самым большим зеркалом.

Изображение снова стало таять, но на этот раз по вине самого Маогана, силы которого почти совсем иссякли. Только последним усилием воли Маоган сумел мобилизовать ресурсы своей нервной энергии.

— Что я должен буду делать после?

— Я не знаю ваших возможностей. Самое лучшее было бы использовать телекинез.

— Я не смогу,— передал Маоган.— Мы еще не научились использовать его у себя на Земле.

Ноозика заметно огорчилась, услышав это.

— Жаль,— она помолчала,— это все очень осложняет. Я постараюсь достать вам роксвилл. Это старинное средство передвижения. Некоторые из них находятся в рабочем состоянии. Я думаю, что вы сумеете с ним справиться.

— Без сомнения,— ответил Маоган.

— Я объясню систему управления роксвиллом Принее, а она, надеюсь, сможет вас увидеть...

— А вы сами? Где будете вы?

— Я отправлюсь в цирк. Если все пройдет, как задумано, вам нельзя будет медлить, Жорж.

Изображение замерцало и погасло. Сильная вспышка сразу вслед за этим ослепила Маогана, но за какую-то долю секунды он успел увидеть Феакса. Чтобы сбить с толку тех, кто мог перехватить их связь, он стал думать о своем доме, о Сейн Мак-Кинли, которая ждала его далеко на Земле.

Ночь прошла. Жорж Маоган так и не узнал, что же произошло. Разоблачили ли Ноозику? Может быть, она уже арестована или уничтоже-

на? Маоган не решился сам вызвать ее на связь, чтобы не подвергать новым опасностям. Он стал ждать вызова.

Но вызов так и не пришел.

Глава 6

Зеленые круги сияли ярко, празднично, и арены гигантского цирка постепенно наполнялись зрителями. Гости прибывали со всех планет Империи, но право присутствовать на играх имели только избранные. Почти все эти люди были относительно молоды, так как появились на свет после государственного переворота Феакса. Это было превосходные техники, занимавшиеся наблюдением и обслуживанием звеньев Мозга на своих планетах. Никто из них не помнил и не мог представить мир до появления гипноснов.

В порту один за другим садились корабли со светящимися на корпусах клиновидными надписями, а индивидуальные корабли небольших размеров гроздьями взлетали по направлению к цирку. Мозг регулировал это интенсивное движение с точностью до миллиметра, и не было ни одного столкновения, ни одного несчастного случая. К полудню, в точно назначенный час, цирк был полон. В наступившей тишине избранные, прильнув к зеленым кругам, ждали Повелителя. Через несколько секунд на экранах всех гипноаппаратов Антефаэса должно было появиться изображение Феакса. Так было всегда перед открытием игр. Повсюду на всех планетах ждали этого торжественного момента. Как только Повелитель нажмет на рычаг, цирк на время игр отключится от воздействия Мозга. В самом центре Империи, на ничтожном клочке поверхности, Его Величество Случай вступит в свои права, и смерть примется за работу без риска быть оставленной наукой. В этом заключался смысл игр. Запах смерти будоражил, возбуждал этих скучающих людей!

Но минуты проходили за минутами, а ничто не возвещало о прибытии Повелителя. Воздействие зеленых кругов было усилено. Граждане не должны были догадаться о том, что случилось что-то непредвиденное. Феакс опаздывал.

С того самого момента, как прервалась связь с Маоганом, Ноозика оказалась полностью изолированной. Приборы автоматического контроля держали ее в апартаментах, все служанки, в том числе и Принея, были срочно удалены. Несомненно, что Феакс что-то слышал, но что именно — она не знала. А час игр между тем наступил...

Феакс беседовал с Архосом наедине.

— Будет лучше, Повелитель, если на этот раз вы доверитесь мне. Надо отменить игры. Это будет элементарной предосторожностью. Надо уничтожить всех землян, без исключения. Я не доверяю им. Они еще дики, их реакция непредсказуема, у них сохранился опасный инстинкт независимости поведения. Было бы весьма неосторожно доверить звено Мозга Роллингу. Этот тип довольно ограничен и внушаем. Вернувшись на Землю, он может выйти из-под нашего контроля и попасть под влияние таких, как Жорж Маоган. Для нас это было бы катастрофой, так как мы бы утратили преимущество неожиданного нападения. Мы не сможем с ними сражаться на их территории, Мозг ведь предназначен только для внутреннего действия. Мы окажемся безоружными, если земляне используют корабли, скопированные с наших.

Феакс был очень озабочен и, не перебивая, слушал Архоса.

— Да,— продолжал тот,— я настаиваю, что первой необходимостью является опустошение пространства вокруг Антефаэса, а не вооружение мошкары, которая в любой момент повернет оружие против нас.

Он взглянул на Феакса, и его желтое лицо выражало ничем не прикрытую ненависть.

— Тот факт, что Ноозика посредством телепатии вступила в контакт с Маоганом, открыло мне глаза. Он ответил ей на вызов. Это говорит о том, что земляне находятся на достаточно высокой ступни развития. А это не может не тревожить нас. Мы уничтожим Ноозику, это без сомнения. Но такие, как она, могут однажды при контакте с землянами точно так же взбунтоваться!

— Этого не произойдет, если землянами будет повелевать Мозг!— возразил Феакс.

— Мы не можем точно предвидеть, как будут земляне использовать Мозг,— пытался убедить его Архос.— Поверьте мне, сегодня еще легко избавиться от этих насекомых. Три-четыре стерилизатора обратят в пепел их крохотную Империю за несколько дней. А завтра может оказаться слишком поздно.

В глубине цирка Орвал с нетерпением ждал, когда откроются решетки ворот. Он ждал часа, когда во главе стаи урвалов он утолит наконец свое чувство ненависти, разорвав Штуффа Логана. У Орвала были и другие, далеко идущие планы. Он оценил прекрасные корабли Антефаэса и полагал, что сможет уничтожить Архоса и Феакса, а затем разделаться и с Роллингом. Орвал не задавал себе вопроса, удастся ли ему завладеть Мозгом. Он думал только об одном: как только он убьет Штуффа, которого считал своим главным врагом, станет возможным неожиданно для всех перелезть через решетки, отделяющие трибуны, и добраться до главной, где будет находиться вся верхушка Империи. Так одним махом он разделается со всеми. Действительно, хитроумный Архос не учел, что Орвал не стал настоящим урвалом, он сохранил свои бандитские повадки и был гораздо хитрее, чем эти примитивные живот-

ные. Он знал, что стадо последует за ним куда угодно и сделает все, что он прикажет. Слим твердо решил дождаться подходящего момента. Как только он станет победителем, ему будет относительно легко войти в другое тело. Жоржа Маогана, например. И тогда, тогда... Но Орвал еще не успел додумать, что будет тогда.

Впервые со дня их изобретения гипноаппараты работали во Дворце с Семью Дверями. Зеленые круги сверкали в помещениях, предназначенных для служанок Ноозики, и несчастным молодым женщинам, не привыкшим к подобного рода развлечениям, никак не удавалось разобрать, что они видят на самом деле, а что является порождением их галюцинирующего мозга. Фантастические изображения безостановочно разворачивались перед их глазами. Принея была единственной, кому ценою гигантского усилия воли удалось избежать этого. Не впадая в панику, она старалась найти выход из создавшегося положения.

Комнаты, где были заключены служанки, не были подвержены такому строгому контролю, как апартаменты Ноозики. Считалось, что эти хрупкие девушки не представляют серьезной опасности, к тому же не смогут устоять против действия гипноаппаратов. Поэтому Принее удалось скрыться.

Служанка была в курсе планов Ноозики. Она решила действовать самостоятельно.

Осторожно пробираясь по темным переходам к Центру управления Мозгом, Принея не знала, что Повелитель задержал свой выезд на игры...

В одну и ту же секунду погасли все гипноаппараты Империи, и на гигантских экранах появилось изображение Повелителя. Феакс был одет в отливающий металлическим светом сирил с двумя рядами светящихся ориксов на плече — знаков его положения. Лицо Повелителя было хмурым.

— Граждане!— обратился он к народу.— Если вы видите меня в форме Главнокомандующего Имперскими космическими силами, то это потому, что вам угрожает опасность. Ордам варваров удалось захватить границы нашей Империи, и мы прилагаем сейчас все усилия, чтобы ликвидировать их. Игры отменяются, а я прошу всех присутствующих как можно скорее вернуться на свои планеты. Инструкции вам будут посланы вслед.

Эта новость не вызвала никакой реакции у граждан. С малых лет они привыкли во всем доверять Повелителю, ничто больше не могло их волновать. И когда гипноаппараты снова замерцали, все глаза прильнули к ним, и великое молчание вновь опустилось на Империю Антефаэс.

Принея была очень удивлена, увидев Феакса в военной форме, выходящего из Центра управления Мозгом. Служанка едва успела юркнуть за колонну. Но эта неожиданная встреча оказалась полезной для нее. Повелитель, за которым неотступно следовал Архос, быстро удалился,

а дверь, из которой он вышел, закрывалась очень медленно. Принее удалось проскользнуть в нее до того, как она окончательно захлопнулась.

Девушка знала это место только по описанию Ноозики. И, естественно, впервые увиденное не могло не поразить ее. Размеры всех устройств превосходили все, что могла представить себе Принея. В лабиринтах залов, следовавших один за другим, ей казалось, что она ростом не больше самого маленького линкса... Принее, конечно, никогда бы не удалось разобраться в тысячах этих вытянутых пультов, перед каждым из которых находилось сиденье. В действительности же каждый пульт представлял собой блок управления, а все они предназначались для исправления непредвиденных неполадок Мозга. Было предусмотрено все, но в данный момент операторы этих установок грезили где-то в городе, перед аппаратами гипносна. Принея пошла дальше, справившись с охватившей ее растерянностью. Теперь она поняла, куда ей идти. Ноозика объяснила, что Главный прерыватель находится за рядом пультом. Этот прерыватель обрывал все связи Антефаэса с Мозгом. Конструкторы построили его из-за приступов помешательства первых экспериментальных моделей. Они думали, что нечто подобное может произойти и с большим Мозгом. Правда, он не понадобился ни разу, но снимать его не стали.

Принея легко узнала Главный прерыватель. Это была длинная металлическая рукоятка с шаром из слоновой кости на конце. Ее украшал знак Семи Мудрых. Во всех других местах знак Семи Мудрых был стерт. Об этом шаре Феакс просто забыл.

Принея обхватила шар обеими руками и изо всех сил нажала на него. Рычаг опустился. Но Ноозика не предупредила служанку, что Мозг может быть отключен лишь на несколько секунд...

Жорж Маоган увидел, что энергетический купол, державший его взаперти, исчез. Коммодор хорошо помнил последние слова Ноозики. Не раздумывая, он бросился вперед. Оказавшись за пределами купола, он обернулся и с удивлением обнаружил, что стены купола не восстановлены. Во Дворце раздался сигнал тревоги. Жорж Маоган понял, что произошло что-то непредвиденное. Но отступать было поздно. Он побежал в комнаты Ноозики, надеясь получить там инструкции и оружие.

Глава 7

Огромная туша Орвала возвышалась над всеми животными, окружавшими ее. Влажный полумрак, насыщенный острыми животными запахами, не мог скрыть их нетерпения. Мощными ударами лап, клыками Слим поддерживал порядок, останавливая драки и борясь таким образом за свой авторитет. Он знал, что самым благоприятным моментом для штурма будет та минута, когда автоматические охранники дадут понюхать урвалам запах крови, и, пьяные от него, животные рванутся вперед, желая утолить свою ненасытную жажду убийства.

Но время шло, и все труднее становилось удерживать зверей от грызни между собой. С глухим рычанием, полным угрозы, на Орвала неожиданно бросился огромный урвал. Это был прежний вожак стаи, с которым Орвалу уже приходилось сражаться, доказывая свое право на первенство. Не ожидая нападения, Орвал закачался под его яростными ударами. Три ряда острых зубов разорвали Орвалу бок, в то время как другая челюсть пыталась вцепиться в то место, где проходила сонная артерия. Слим еще недостаточно хорошо управлял своим новым телом, но быстро соображал в драке. Поняв замысел противника, он резко качнулся назад, вырвав из зубов урвала свое тело и избежав второй его челюсти. Запах свежей крови, текущей из ран, привлек внимание остальных животных, которые образовали молчаливый круг вокруг дерущихся.

Сбитый с толку противник Слима остановился в недоумении. Тогда, воспользовавшись исключительной гибкостью своего тела, Орвал отвесил чудовищный удар лапой, задевший задний глаз урвала. Не теряя ни секунды своего преимущества, Орвал сильно толкнул его, и незадачливый боец прямо-таки влетел в ряды зрителей.

Орвал был доволен. Он убедился, что поведение урвалов мало чем отличается от поведения стаи преступников, руководить которыми он привык. К тому же урок пошел впрок, побежденный смирился и, прихрамывая, покорно заковылял на свое место в задних рядах. Своими фосфоресцирующими в полумраке глазами Орвал следил за застывшей массой урвалов. Затем из его глотки вырвался хриплый командный рык, и усмиренные урвалы выстроились вдоль решетки. Орвал различал зеленый свет гипноаппаратов, который проникал в длинный коридор, ведущий к арене. Последовала более яркая вспышка, и решетка медленно поползла вверх. В этот момент свет гипноаппаратов погас, и движение решетки прекратилось.

Орвал яростно затряс ее. Но решетка не поддавалась, он повернулся к стаду. Они поняли его и в ту же секунду, грозно рыча, бросились на помощь. Под их напором и мощными ударами прутья решетки не выдержали. Раздался треск и скрежет лопающегося металла, и ворота рухнули. Ревущее стадо рвалось на арену, освещенную палевым светом.

Слепой от ненависти и ярости Орвал бросился на поиски Штуффа и его канеаксов. Но арена была пуста.

Смутный шум услышал он с трибун. Но даже и не подумал повернуть голову в сторону зрителей, его интересовал только Штуфф Логан. Он знал, что его противник должен появиться с противоположной стороны арены во главе стада канеаксов. И канеаксы появились.

Орвал и его кровожадная стая бросились на появившихся животных. Каким-то шестым чувством Орвал определил среди них Штуффа, которого еще ни разу не видел в новом обличье. Но он был уверен, что Штуфф идет первый и бросился на него.

В этом теле Штуфф оказался физически слабее Орвала. Но зная злобный и беспощадный нрав бандита, канеакс упорно защищался. Его длинная беззащитная шея извивалась и грозно вытягивалась. Уже два раза Орвал почувствовал, как острые зубы Штуффа касались его горла, но животная ненависть вдохновляла преступника и удесятеряла его силы. В отчаянном прыжке он бросился на канеакса и, не обращая внимания на укусы, обхватил его своими волосатыми лапами. Он сжимал Штуффа, пытаясь его задушить, и одновременно тянулся к затылку, чтобы раздробить его. Дважды шатающемуся и теряющему силы канеаксу удалось избежать этого, но в третий раз из-за того, что Штуфф не знал о наличии заднего глаза, Орвалу это удалось. Он совершил удачный прыжок и очутился на спине канеакса. Штуфф не успел обернуться, Орвал ударом челюстей раскроил ему череп. Агонизируя, канеакс рухнул на песок. Орвал выпрямился, с трудом переводя дыхание. Три глаза давали ему возможность обозревать все вокруг, не поворачивая головы. Он бегло осмотрел трибуны. Оттуда доносился шум. Вначале он подумал, что зрители ревут от восторга над его блистательной победой и уже собирался отвесить грациозный поклон, как вдруг заметил, что урвалы, охваченные жаждой убийства, расправившись с канеаксами, бросились на трибуны. Они перелезли через барьеры и преследовали публику, которая беспорядочно металась, ища спасения. Орвалу стало ясно, что этот шум происходил от всеобщего ужаса, охватившего трибуны. Зеленые круги не горели, защитные лучи погасли. Правительственная трибуна была пуста. Со стороны города в небо поднимались огромные столбы черного дыма.

Мощный взрыв раздался рядом с цирком, внося дополнительную панику в мечущуюся толпу. Испуганный Орвал бросился к правительственным трибунам, которые были расположены на самом высоком месте в цирке, чтобы понять, что же все-таки происходит. Должно быть, произошла гигантская катастрофа на западе, так как небо в той стороне почернело и сумерки быстро сгущались, хотя день был в полном разгаре.

Взобравшись наверх, преступник увидел перед собой панораму города. Повсюду виднелись огни пожарищ, каркасы рухнувших и обгоревших зданий. Картина напоминала всепланетное землетрясение.

Вода, выливаясь из бесчисленного количества труб, смешивалась с кислотами из разбитых генераторов энергии. В результате возникли фонтаны желтых и зеленых брызг, которые разъедали металлические части наземных и летающих машин. Их несметное количество хаотично передвигалось по небу и земле, выписывая фантастические замысловатые фигуры, прежде чем они сталкивались с препятствиями и взрывались.

Орвал хотел уже в панике бежать вниз, чтобы найти себе хоть какое-нибудь убежище, как увидел в небе звездолет, который с ужасным свистом падал прямо на цирк. Очевидно, аппарат пронесся через атмосферу в свободном падении, так как появился внезапно, как небольшое солнце, с оболочкой, раскаленной добела. В этот момент Орвал наверняка визжал от страха, но он не услышал бы и самого себя. Через мгновение и корабль и цирк исчезли в громадном взрыве, и в небо поднялся еще один столб дыма.

Погребенному под грудой обломков, наполовину ослепшему от густой пыли, Орвалу понадобилось немало времени, чтобы осознать, что он еще жив. Человек был бы раздавлен, но тело урвала было крепко, а кости только прогибались под весом обломков.

Проанализировав свое положение, Орвал понял, что все кончено. Когда пыль немного улеглась, он различил через пробоины далекий свет. К счастью для него, поток воздуха проникал в его дыру. Немного придя в себя, преступник попытался осторожно освободиться от лежащей на нем балки. Вот где понадобилась ему сила урвала. Точно рассчитанным движением он поднялся на несколько сантиметров, чтобы освободить свою лапу. Посыпавшаяся сверху груда мусора снова засорила ему глаза, едкая пыль набилась в рот. Но надежда вернулась к нему. Проморгавшись, он разглядел, что дыра, в которую попал, не так уж глубока — не больше трех метров, а щебень, лежащий на нем, не так уж и тяжел. Опершись на поверхность подиума, он резко встал. Камни рухнули, но тело урвала не почувствовало ударов. Сделав последнее усилие, он выбрался на поверхность. Поплутав некоторое время среди руин, Орвал оказался на участке, свободном от развалин. Желтый дым застилал то, что осталось от цирка. Весь город горел. Глаза Орвала светились торжеством. Он понял, что наступило его время!

Орвал верил только в грубую силу. Он был благодарен Феаксу, который, наделив его телом урвала, сделал непобедимым. Зарычав, зверь двинулся вперед. Порывы ветра иногда рассеивали дым, и Орвал увидел, что Дворец Семи Дверей уцелел. В красноватых отблесках пожарищ его белые мраморные стены выглядели еще величественнее. Именно туда и решил направиться Орвал, ведомый своими бредовыми амбициями. Но ему необходима была помощь его хищной стаи. Он огляделся, большинство урвалов неподвижно валялось среди развалин цирка. Другие, залитые кровью, продолжали терзать бесформенные трупы. Среди канеаксов в живых не осталось никого.

Штуфф исчез. Но Орвал не заметил этого. Тяжелой походкой, от которой дрожала земля, он направился туда, где еще недавно был центр арены. Его рев, более мощный, чем вой корабельной сирены, тем не менее терялся в грохоте далеких взрывов и завываний пожаров. Но урвалы, должно быть, обладали тонким слухом или каким-то сверхъестественным чутьем. Они разом подняли головы, оставили свои жертвы и поспешили к вожаку. Когда все собрались, Орвал повел их ко Дворцу.

Огненная буря в городе приняла устрашающие размеры. Бешеные потоки раскаленного воздуха, возникающие от многочисленных пожаров, перемешивались с пламенем и превращались в настоящий огненный смерч, который все сметал на своем пути. В этом аду даже урвалы с их первобытной необузданной силой передвигались с трудом, еле переводя дыхание. Но ведомые примитивными инстинктами, они упорно двигались к своей цели.

Кое-где они встречали мечущихся граждан Антефаэса. Их пустые безумные глаза говорили о том, что, выйдя из состояния гипноса и не получая указаний от Повелителя, они были совершенно растеряны и деморализованы. Многие просто не могли управлять своим телом, привыкшим к безделью. Тысячи трупов валялось на земле. Урвалы давили их своими лапами, и путь стаи, ведомой Орвалом, можно было проследить по кровавой полосе... Запах крови пьянил стаю. Орвал, рыча, двигался вперед и давил эту бесформенную массу, когда-то содержащую в себе разум. Скоро он стал выбирать закоулки, где еще можно было найти прячущихся живых людей, и с нескрываемым удовольствием давил несчастных, всем телом ощущая, как трещат под ним их хрупкие кости.

Когда до Дворца оставалось не более километра, урвалы оказались перед сплошной стеной огня. Потоки раскаленного воздуха достигали такой силы, что легко перекатывали каменные глыбы и уносили с собой металлические прутья. Даже сквозь свою грубую кожу Орвал почувствовал удары этих огненных снарядов, которые оставляли неглубокие, но многочисленные раны. По его спине текла густая, бурая от грязи и копоти кровь, которая моментально спекалась от страшного жара. Ревущему от ярости Орвалу пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и зализать саднящие раны. Он увидел, что какой-то взбесившийся автомат выполз из туннеля и движется прямо на него. Орвал, разумеется, не знал, для чего служил этот робот в то время, когда всюду царил идеальный порядок. Но теперь, как бы там ни было, машина продвигалась в его сторону на четырех металлических ходулях, которые придавали ей вид животного. Никакое препятствие не могло ее остановить. Она уже пересекла поток грязной воды, которая била тридцатиметровым фонтаном, вырываясь из пробитой водопроводной трубы. Размеренно покачиваясь, машина приближалась к животным.

На несколько секунд ужас парализовал Орвала. Зажатые стенами огня, они не могли уклониться от встречи с этим автоматическим чу-

довищем. Оно прошло бы по ним, как сами они недавно шли по телам людей. Но именно эта схожесть машины с животным вывела Орвала из оцепенения, вернула ясность ума. Вопя во все горло, он бросился к ближайшей к нему ходуле и, обхватив обеими лапами, стал поднимать ее. Страшное напряжение вырвало из глотки сдавленный хриплый рык. Слепое чудовище начало крениться, грозя рухнуть и раздавить Орвала своей тяжестью. С вызывающей удивление дисциплинированностью стая урвалов присоединилась к нему. Всем скопом они приподняли передние ходули автомата, приостановив тем самым его движение вперед. Машина продолжала свои механические действия, задние ходули сгибались в то время как передние зависли в воздухе, удерживаемые урвалами. Затем с металлическим лязгом машина рухнула, а ее нелепые ходули продолжали молотить воздух, бессмысленно и беспорядочно.

Торжествующий рев вновь вырвался из глотки Орвала. Упав, машина преградила путь потоку воды, который направился теперь через стену огня. Вода закипела, зашипела, образуя горячие клубы пара, но скоро пламя отступило, открыв путь ко Дворцу. Орвал бросился вперед, увлекая за собой всю орду. Он мчался с удивительной даже для него самого скоростью, ветер свистел в ушах. Но несмотря на затраченные усилия и невероятный темп бега, он не чувствовал усталости. И скоро Золотые ворота засветились прямо перед ним. В одну секунду взлетев по лестнице, ведущей к первым воротам, человек-зверь начал бить по ней лапами. Когда подбежали другие, он бился всем телом в ворота, пытаясь высадить их тяжестью своего веса, но створки не поддавались. Орвал прорычал что-то нечленораздельное в адрес своей стаи, которая застыла перед ним. Он по-прежнему бегом вернулся к развалинам. Никаких признаков жизни не было заметно ни на подступах к Дворцу, ни в глубине его.

Урвалы не сдвинулись с места до прихода своего вожака, притащившего тяжелую металлическую балку. Орвал никогда и не предполагал, что у него будет такой дисциплинированный отряд. Усиленные мощным тараном, лапы урвалов быстро справились со створками Золотых ворот.

Большая площадка перед Дворцом была пуста. Орвал повернулся к стае и рычанием приказал двигаться вперед. Он знал, что отныне он распоряжается силой, соперничать с которой не может никто! Дворец и сама Империя вот-вот должны были покориться ему!

Глава 8

В своем кабинете Феакс обсуждал с Архосом детали плана уничтожения землян, как вдруг свет замигал. Подняв голову, Повелитель автоматически поглядел на символ и замер в удивлении. Символ погас. Никогда в течение тысячелетия не происходило такого. Положив руку на голову Трепещущей с Тамора, которая мерзла около него, но не убегала, он вопросительно посмотрел на Архоса. Не говоря ни слова, тот направился к пульту тревоги и включил экран ручного контроля Мозга. Феакс подошел к нему и тоже уставился на экран.

Том Роллинг, находящийся в своей комнате недалеко от кабинета Феакса, тоже забеспокоился. В последние дни Феакс несколько охладел к нему и держал его на расстоянии. Поняв, что случилось нечто экстраординарное, он решил воспользоваться моментом и явиться в кабинет Феакса без приглашения.

Озабоченные происшествием, Феакс и Архос не обратили внимания на самовольное появление землянина. Сейчас им было не до того.

Том Роллинг тоже подошел к экранам ручного контроля. Более примитивные по своим функциям, чем, например, элементы символа, эти экраны были значительно понятнее заместителю командира "Алкинооса". Даже не являясь специалистом, Роллинг сразу догадался, что различные организационные структуры Мозга умирают. Стрелки на всех циферблатах медленно, но неумолимо, стремились к нулю. На экранах возникали только бессмысленные вспышки и полосы.

Если бы Роллинг находился на борту корабля, то, имея столь характерные признаки, он бы немедленно подал команду: "Спасайся, кто может!" Поэтому его удивило довольно равнодушное выражение лиц обоих правителей.

— Мозг отключен,— объявил он на всякий случай абсолютно нейтральным голосом.

Только теперь, казалось, на него обратили внимание.

— Да,— совершенно спокойно ответил Архос,— очевидно, что произошла полная поломка Мозга.

— Как это могло случиться?

— Возможны несколько вариантов. Первый: несмотря на все наши хлопоты по стерилизации, Мозг окончательно заболел вследствие вашего визита. Второе: мы являемся жертвой нападения извне. Возможен и третий вариант: Мозг решил прекратить свою работу.

— Все ваши гипотезы нужно исключить,— сухо возразил Феакс.— Если бы Мозг был заражен, то болезнь развивалась бы быстро, сразу же после их визита. Нападения извне не было обнаружено. Что же касается забастовки Мозга, то я в это не верю. Большой опасностью для нас было бы зарождение в нем какой-нибудь не зависимой от нас могущественной

воли. В этом случае он, скорее всего, напал бы на нас, а не объявлял бы бесполезную забастовку.

— Вы правы,— признал Архос,— В таком случае, остается одно последнее объяснение: кто-то отключил Мозг!

— Жорж Маоган!— воскликнул Роллинг.— Это в его стиле!

— Все это время Жорж Маоган находился в своей камере. Не было абсолютно никакой возможности освободиться оттуда. Можете мне поверить.

— Тогда это Ноозика,— предположил землянин, чье бледное лицо резко контрастировало со спокойными лицами правителей.

— Нет. Она под контролем. Ей не удастся покинуть свои апартаменты.

— Архос прав,— подтвердил Феакс.— Такое могла совершить только персона из низших разрядов, без ярко выраженной индивидуальности, за которой не следили.

— И это как раз то, что беспокоит меня в этой истории больше всего,— сказал Архос.— Во всей Империи только три человека знали о существовании рычага: Повелитель, Ноозика и я.

Он пристально посмотрел на Роллинга.

— Вы уверены в том, что Жорж Маоган не может применить телекинез?

— Абсолютно уверен. Не мог же он так успешно скрывать от меня эту способность.

Лицо Архоса напряглось.

— В этом случае положение еще больше усложняется. Боюсь, что мы имеем дело с революцией.

На лице Феакса появилась ироническая улыбка.

— Успокойтесь, Архос. Мы поступим проще всего. Не будем гадать, а пойдем в Центр и посмотрим, кто все это натворил. Не так ли?

Но вместо того, чтобы отправиться за Архосом в Центр управления Мозгом, Феакс совершенно спокойно вышел на террасу. Вид горящего города представлял феерическое зрелище. Феакс облокотился на каменный барьер и как завороженный стал разглядывать гигантские клубы разноцветного дыма, в которых мелькали отблески алого пламени.

Появились шесть гвардейцев-эфебов и в молчании окружили Повелителя. Их пустые глаза выражали полнейшее безразличие к происходящему. Роллингу пришла в голову мысль о том, что теперь эта мускульная сила, лишенная разума, стала единственной защитой Феакса, потерявшего поддержку Мозга. Эфебы, затянутые в свои кожаные кольчуги, выглядели внушительно, но, выйдя из гипнотического состояния, они стали беззащитными и готовыми подчиняться кому угодно. Роллинг подумал, что пора достать свой излучатель, который забыли у него отобрать. Он лежал в его комнате.

Феакс обернулся. В глазах Повелителя Роллинг заметил знакомый лихорадочный блеск, его охватило сильное возбуждение.

— Роллинг, как вам нравится это зрелище?

— Это ужасно, Повелитель. Нужно действовать как можно быстрее, иначе Империя развалится. Все может взлететь на воздух. Это конец света!

Феакс улыбнулся той загадочной улыбкой, которая выводила Роллинга из себя.

— Я не согласен с вами, Роллинг. Это зрелище меня развлекает. Знаете, я даже не мог себе представить до какой степени мне было скучно. Я только что обнаружил это. Вот уже несколько минут я испытываю невероятное наслаждение.

Взгляд Повелителя вновь застыл на какой-то дальней точке горизонта.

— Смотрите-ка, этот праздник смерти превосходит все мои ожидания. А вот прибыли и урвалы под предводительством Орвала...— Феакс хрипло засмеялся.— Этот дикарь с огромными амбициями. Посмотрите-ка на него. Вот где заявляет о себе первобытная сила со всем своим пылом. Это прекрасно, не правда ли?

— Но в конце концов,— закричал Роллинг, не в силах больше сдерживаться,— эти звери сейчас все разрушат! Нужно что-то сделать, чтобы остановить их.

Разъяренные звери колонной двигались вперед по внешнему двору. Роллинг ясно различал их хриплое рычание, вырывающееся из множества глоток.

— Они могут ворваться сюда?— голос Роллинга дрожал от ужаса.— Во Дворец?

— Без сомнения, но не сразу. Бронированные ворота достаточно крепки. Но Орвал не учел одного обстоятельства,— Феакс жестом показал на подступы ко Дворцу.— Он не знает, что канеаксы очень выносливы. Они кажутся убитыми, но, отлежавшись какое-то время, снова встают. Орвал думал, что Штуфф Логан убит, но вот он, на подходе! И это прекрасно! Игры в цирке всего лишь жалкий фарс по сравнению с тем спектаклем, который сейчас разыграется перед нами. Понаблюдайте за канеаксами, Роллинг. Они прыгают прямо по следам урвалов. А дурак Орвал, целиком занятый своими дурацкими идеями, еще не заметил этого.

Орвал, рыча, рвался к створкам последних дверей, открывающий доступ во Дворец. И в этот момент его догнал Штуфф. На шее канеакса зияла ужасная рана. Но боль только усилила ярость Штуффа. Он неожиданно налетел на Орвала, и под его тяжестью тот рухнул. Через несколько секунд схватка стала всеобщей. Рев зверей наполнил внутренний двор Дворца, заглушая шум пожара и треск рушившихся домов. Но превосходство все-таки было на стороне урвалов. Лучше приспособленные к бою, более мощные и менее чувствительные к боли, кровожадные хищники теперь уже наверняка хотели отделаться от канеаксов. И скоро только Штуфф остался один на один с Орвалом, но и их поединок про-

должался недолго. Вся стая урвалов пришла на помощь вожаку и набросилась на Штуффа.

Роллинг, у которого между лопаток струился пот, взглянул на Феакса. Повелитель отрешенно наблюдал за разыгрывающейся трагедией, в то время, как его правая рука продолжала ласкать Трепещущую, глаза которой покраснели от лихорадки.

— Что-то нужно делать,— повторил Роллинг.

Феакс не шевельнулся. Тогда, решившись, Роллинг дернул его за рукав.

— Повелитель, что-то нужно делать!

Ледяной взгляд, которым наградил его Феакс, приковал Роллинга к месту.

— Землянин, мне кажется, что вы неосторожны,— зловеще прошептал он.— Еще один подобный жест, и вы отправитесь к моим эфебам.

Напрасная угроза. Однако руку он все же убрал.

— Нужно действовать, Повелитель, иначе мы пропали,— Роллинг от бессилия чуть не плакал.

— Как же вы нетерпеливы и трусливы!— воскликнул Феакс.— Вы кипите от нетерпения. Желание править земной Империей делает вас таким же глупым, как урвал.

На губах Феакса заиграла все та же странная улыбка.

— Бедный землянин, пройдет тысячелетие, если, конечно, вам удастся преуспеть в ваших далеко идущих планах, и вы узнаете, что такое скука. Вы поймете, какое удовольствие я испытываю сейчас... Удовольствие, которое вы мне портите.

Штуфф агонизировал. На этот раз уже окончательно. Урвалы начали штурм дверей Дворца.

— Ну что же, Повелитель,— осмелился возразить Роллинг,— ваша скука скоро окончится под ногами этих чудовищ. К тому же половины населения Антефаэса уже нет.

Феакс махнул рукой.

— У населения Антефаэса уже давно нет ни мускулов, ни мозгов. Оно годилось только для того, чтобы служить декорацией играм, полотном на заднем плане моего собственного удовольствия. Несколькими миллиардами этих марионеток больше или меньше, какая разница?

В это время на горизонте взорвался огромный звездолет и возникла ослепительная вспышка.

— Посмотрите, как великолепен это взрыв. Я держу пари, что он уничтожил много тысяч этих насекомых.

— И часть вашего могущества,— желчно заметил Роллинг.

— Мое могущество не подвергается сомнению, землянин! Знайте, что я — единственный, что я — все! Я повелитель Мозга! Скоро вы узнаете об этом!

Массивные двери Дворца резонировали под ударами урвалов.

Роллингу показалось, что Феакс сошел с ума. Он решил, что надо попытаться спастись хотя бы в одиночку. Оставив Повелителя любоваться страшной картиной разрушения и гибели Империи, он побежал в свою комнату, надеясь успеть взять там свой парализующий излучатель. По крайней мере, можно будет спастись от урвалов. Возвращаясь, он встретил Архоса, бледного и запыхавшегося. Они вместе вошли к Феаксу.

— Двери Центра закрыты, нет никакой возможности проникнуть туда.

— Делайте, что хотите, Архос, это входит в ваши обязанности!— Феакс равнодушно отвернулся.

Окончательно разозленный, Роллинг протянул руку к излучателю. Он повернулся к Архосу, ища взглядом его одобрения. В Архосе произошла какая-то внезапная внутренняя перемена, Глаза его сузились, черты лица заострились, весь он как-то подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Повелитель устал быть Повелителем,— прошептал он одними губами.— Надо ему помочь.

Роллинг поднял излучатель.

— Я сам,— крикнул Архос.

Роллинг успел только заметить молниеносный блеск кинжал, затем Феакс согнулся пополам, схватившись за грудь... Он пошатнулся, затем рухнул, не издав ни одного звука. И только преданная Трепещущая, жалея его, вспрыгнула на грудь и стала зализывать ему рану. Роллинг мгновенно повернулся к эфебам с излучателем наперевес, но те даже не сдвинулись с места, по-прежнему смотря в пространство пустыми глазами.

— Нам нечего бояться их,— сказал Архос, вытирая кинжал.— Я знал, что Феакс больше ничего не значит и ему не выдержать в случае серьезного инцидента. У него уже давно появились признаки усталости. То, что я сделал, пойдет на благо Империи.

— Я вас понимаю,— поддержал его Роллинг.— Я готов был действовать так же.

Архос кивнул.

— Мне нужен такой человек, как вы, Роллинг. Теперь все устроится. Я буду Повелителем Империи Антефаэс, а вы — Земной Империи.— И, повернувшись к эфебам, Архос повысил голос:— Отныне я — Повелитель!

Эфебы склонили головы в знак покорности. Архос указал на тело Феакса.

— Бросьте его урвалам. Необходимо, чтобы он был разорван на тысячи мелких кусочков, иначе Мозг может вернуть ему жизнь, когда все будет приведено в порядок.

Молчаливые эфебы выполнили приказ нового Повелителя.

— На что мы теперь можем рассчитывать?— Роллинг подошел к Архосу.— Все или почти все разрушено...

Архос улыбнулся.

— Вы ошибаетесь, Роллинг. У Империи сказочные резервы, которые глубоко дремлют в недрах и которые вы даже не можете себе представить. Необходимо как можно скорее проникнуть в Центр управления. Без этого мы не сможем справиться с этими мерзкими животными. У нас, Роллинг, уже давно нет оружия в вашем понимании этого слова. Мы целиком зависим от Мозга и в том, что касается нашей обороны и нашей полиции. Теперь необходимо как можно скорее включить его.

— Но как же вы хотите попасть в Центр Мозга? Вы сами только что сказали, что это невозможно...

Архос усмехнулся.

— Я прежде всего хотел знать, какова будет его реакция,— он посмотрел на свой кинжал.— Дело в том, Роллинг, что я не разучился при случае пользоваться и примитивными орудиями. Я знаю одно место, где сохранилось некоторое количество взрывчатых веществ, достаточное для того, чтобы открыть двери Центра.

Архос был доволен собой.

— Нужно уметь предвидеть события задолго до того, как они произойдут. Так-то, Роллинг.

Он склонился над перилами.

— Ну вот, теперь мы можем быть совершенно спокойны. Феакс оказался в желудках этих чудовищ и теперь потерял свою "вечную жизнь".

Двигаясь по темным коридорам вслед за эфебами, несшими взрывчатку, Роллинг размышлял. Перед ним то и дело возникал беспощадный профиль Архоса. Этот человек сумел дождаться своего часа. Чтобы победить, ему понадобилась поломка Мозга, которая лишила Феакса всех его защитных барьеров. Конечно, он мог сам устроить ее, но не хотел рисковать. Зато теперь его терпение оплачено сторицей. Все козыри оказались в его руках без малейшего риска. Какой прекрасный расчет!

Не спуская глаз с идущего впереди Повелителя, Роллинг думал о том, сколько придется ему ждать подобного случая. Помочь сейчас Архосу восстановить Мозг значило на многие столетия вперед отдать себя во власть этой зловещей и коварной личности. Приблизившись к Архосу, Роллинг нарушил молчание.

— Что произойдет, когда мы починим Мозг?

— Да ничего особенного. Мозг снова примется за работу. Восстановит порядок и ликвидирует разрушения. Все будет сделано очень быстро.

— Он уничтожит урвалов?

— Ну зачем? Он прикажет им убраться назад в свои клетки.

— Но каким образом?

— Да просто гипнотическим внушением.

— А как же вы внушите ему вашу волю, ваш "личный почерк"?

— Да очень просто. Я передам ему специально обработанные математические данные. И он сможет внести их во все матрицы.

Архос, явно польщенный почтительным вниманием Роллинга, отвечал почти машинально. Услышав о математических данных, Роллинг напрягся, но Архос этого не заметил.

— А как вы введете их в Мозг?— Роллинг дрожал от нетерпения, но голос не выдал его волнения.

— Ну, это ерунда,— ответил Архос, все больше возбуждаясь.— С этим справится даже посредственный математик. У Феакса в кабинете есть пульт для согласования. Если бы вы знали, каким слабым математиком был он сам, тем не менее ему удавалось во всем убедить Мозг.

— Посредственный математик...— задумчиво повторил Роллинг.

На этот раз Архос понял опасность, до него дошел смысл вопросов, задаваемых Роллингом. Он резко повернулся и все-таки опоздал. Излучатель Роллинга был наготове.

— Слишком поздно, Архос. Эта Империя нуждается только в одном Повелителе. Я думаю, что буду абсолютно компетентен.

Пока Архос корчился в лучах парализующего излучателя, Роллинг подозвал эфебов.

— Я — Повелитель!— грозно произнес он.

Эфебы знаками показали, что все поняли.

— Двоих будет достаточно, чтобы нести взрывчатку. Остальные вернутся и бросят Архоса урвалам.

Эфебы моментально кинулись исполнять его приказание.

Глава 9

Блуждая в темных коридорах и не имея представления о ловушках, расставленных Феаксом, Жорж Маоган все-таки добрался до апартаментов Ноозики. По пути ему встретились несколько человек, находящихся в полубезумном состоянии. Они не обратили на Маогана никакого внимания. Не зная расположений комнат, коммодор потерял довольно много времени.

Как всегда прекрасная и ухоженная Ноозика, без сомнения, ждала его, так как не высказала никакого удивления. Ее лицо было совершенно спокойно.

— Мозг отключен,— сказала она, поднимаясь с кресла.— Но я не знаю, кто мог это сделать.

Коммодор с недоумением смотрел на девушку. Менее способный, чем Роллинг, к языкам, он не понимал ничего. Ноозика сообразила, что механизм перевода не работает. Она знаком предложила Маогану следовать за ней.

Открыв ящик шкафа, она показала ему его излучатель. Взяв в руки оружие, Маоган почувствовал себя несколько увереннее. Ноозика, внимательно следившая за малейшими изменениями его лица, улыбнулась. Но было заметно, что она его поторапливала.

Едва коммодор пристегнул кобуру излучателя к поясу, как она снова позвала его за собой.

Жорж Маоган еще не знал, что происходит во Дворце и в городе. Но по поведению Ноозики он понял, что положение серьезное.

Ноозика почти бежала по направлению к Центру Мозга. По правде говоря, она была не очень удивлена случившимся: когда-то что-то подобное должно было произойти.

Приблизившись к двери Центра, она вдруг метнулась в нишу, потянув за собой Маогана. Они увидели Архоса. Он попытался открыть дверь, но, провозившись некоторое время с механизмом, справиться с ним не смог. Расстроенный, бормоча что-то невразумительное про себя, он направился назад, так и не заметив присутствия Ноозики и Маогана.

Как только Архос скрылся, Ноозика показала коммодору на дверь, знаками объясняя, что им нужно во что бы то ни стало туда попасть. Маоган направил свой излучатель, надеясь с его помощью разрушить механизм замка. Но тщетно. Металл покраснел, кое-где появились потеки, но двери не поддавались.

Источник энергии излучателя истощался. Мозг коммодора работал с лихорадочной скоростью. По глазам девушки, в которых стоял ужас, он понял, что имеет значение каждая секунда. Судьба Империи и миллиардов ее жителей зависела от того, сумеют ли они открыть эту дверь.

Во Дворце, все службы которого функционировали автономно, пока было спокойно, но шум взрывов и пожара проникал сюда даже через толстые мраморные стены. А едкий запах пожара просачивался через установки климатизаторов, которые уже начали захлебываться.

Маоган взглянул на Ноозику. Ее поведение яснее слов говорило, что она не причастна к разрушению Мозга. Тогда кто же?

В каком-то озарении Маоган решил применить телепатический вызов — может быть, тот, кто заперт в Центре, ответит.

Ответ пришел. Перед ним появилось изображение Принеи. Казалось, девушка сошла с ума. Маоган не понял ни слова из того, что она пыталась ему рассказать. Пока Мозг выполнял свои функции переводчика, Маоган чувствовал себя на Антефаэсе легко, но теперь все изменилось, он снова был здесь совершенно чужим.

Положение удалось исправить Принее. Поняв, что с Маоганом контакт установить не удается, она решила связаться со своей госпожой. Теперь ее изображение возникло перед Ноозикой.

Служанка старалась передать своей госпоже нужные сведения. Но и на этот раз ничего не вышло, так как Маоган резко дернул Ноозику за руку, выводя ее из состояния телепатии.

В коридоре раздался звук приближающихся шагов! Несколько человек подошло к дверям. Коммодору и Ноозике и на этот раз удалось укрыться в одном из боковых коридоров и из полумрака наблюдать за происходящим.

Пришедших было трое: Роллинг и двое эфебов. Эфебы принесли ящики, помеченные какими-то большими черными надписями. Роллинг давал им указания.

Беспрекословно выполняя все его указания, эфебы положили свою ношу у двери, а Роллинг подошел к ней вплотную. Он, конечно, сразу же заметил следы плавления, оставленные излучателем коммодора. Приложив руку к металлу, Роллинг убедился, что он еще теплый. Маоган напрягся в своем убежище, крепко сжимая излучатель. Но его бывший заместитель убрал руку и стал спокойно отдавать приказания эфебам. Он, видимо, решил, что следы на двери — результаты тщетных попыток Архоса открыть ее. Маогану странно было видеть, как его бывший помощник легко объясняется с эфебами на финикийском языке. Никогда не знаешь, какой сюрприз могут преподнести тебе люди, с которыми, казалось бы, съел не один пуд соли.

Внимательно наблюдая за действиями этой троицы, Маоган догадался, что Роллинг собирается взорвать дверь. Это было разумно. Коммодор решил выждать, дав своему бывшему заместителю возможность действовать дальше. Роллинг выполнит нужную работу, а остановить его времени хватит, лишь бы дверь была открыта!

Сзади себя он чувствовал присутствие Ноозики, которая трепетала от страха и волнения, точно так же, как любая земная женщина. Она нервно сжала его руку. Маоган улыбнулся в полутьме и показал свой излучатель, дав ей понять, что бояться нечего и что он начнет действовать, когда придет время.

Работа у дверей подходила к концу. Маоган увидел, как Роллинг, удовлетворенно причмокивая, разматывает бикфордов шнур. Отсутствие Архоса и Феакса удивляло Маогана. Он шепотом произнес на ухо девушке эти два имени. Ноозика покачала головой и знаками дала понять, что больше не ощущает их физического присутствия. Она несколько раз скрестила руки и закрыла глаза.

"Мертвы?!"— понял Маоган.

Он взглянул на Роллинга, который, пятясь, двигался по коридору, разматывая шнур. Действовал он спокойно и уверенно, как хозяин положения. Неужели это Роллинг их уничтожил? Возможно ли, что жажда власти этого честолюбивого, и, как теперь выяснилось, малоизвестного коммодору человека зашла так далеко?

Коммодор взял Ноозику за руку и потянул ее в глубь коридора. Взрыв мог оказаться достаточно сильным, необходимо было принять меры предосторожности. Они уже начали медленно отступать, как вдруг Маогана насторожил какой-то новый приближающийся шум. Вначале это был жалобный крик, за которым раздался звук грузных чеканных шагов. Стены

задрожали. Жорж Маоган повернулся к Ноозике. Лицо девушки стало еще бледнее, чем обычно.

— Урвалы,— прошептала она.

На этот раз Маоган понял значение ее слов. Конечно, они ничего не знали о предшествующих событиях, но приближающийся звук был достаточно красноречив. Тоскливое завывание превратилось в грозный рык, который эхом разносился по металлическим коридорам. Урвалы приближались. Не было сомнений, что это Орвал рвется к Мозгу.

Роллинг, выбросив тело Архоса урвалам, недооценил умственные способности Орвала. Бандит теперь знал, что у него осталось только два противника: Роллинг и Маоган. Он думал, что легко расправится с ними поодиночке.

Дворец дрожал от тяжелого бега животных.

Роллинг тоже, разумеется, слышал приближение урвалов. В его голове за несколько секунд созрел план защиты. Он стал еще поспешнее готовить заряды, решив взорвать их, как только появятся урвалы.

Мозг Роллинга работал с присущей ему всегда математической точностью. Спокойно отдавая приказы эфебам, он распределял заряды таким образом, чтобы иметь возможность вести оборону по всей глубине вероятного наступления урвалов. Судя по быстро нарастающему шуму, в его распоряжении оставалось всего несколько секунд...

Как только Орвал проник в коридор, своим звериным чутьем он сразу почувствовал в нем присутствие людей. Ноздри человека-зверя затрепетали. Он явственно различал запах этой презренной девчонки и ненавистного ему Жоржа Маогана. Сердце Орвала забилось с удвоенной силой. Ненависть захлестнула его. Он побежал по следу, вот уже его глаза различали в темноте их силуэты. Но неожиданно он замедлил свой бег. Тормозя, его лапы так заскребли по полу, что от выделившегося при этом тепла задымилась кожа на ступнях. Орвал увидел направленное на него оружие, это был Зет-4, тепловой, с инфракрасной вспышкой...

Человеческое воспоминание зашевелилось в мозгу этого монстра. Зет-4 — это смерть. Орвал остановился, и вся стая сделала то же самое.

Маоган знал, что его позиция не имеет особенных преимуществ. Запасе энергии излучателя был истощен на четыре пятых, а отступать было некуда. Орвал, оправившись от замешательства, начал обдумывать ситуацию. В его дичающий мозг уже накрепко вбились чувства всемогущества и вседозволенности.

Маоган понимал, что через несколько секунд Орвал придет в себя от неожиданности и перейдет к действию. Необходимо было перехватить инициативу и сбить двух своих противников с толку.

— Роллинг, вы и ваши люди должны немедленно подойти ко мне!— крикнул он.

Роллингу, не видящему со своего места Маогана, показалось, что тот пришел во главе урвалов. При одной этой мысли тело его покрылось хо-

лодным липким потом, а ноги стали как ватные. Маоган в это время не спускал глаз с Орвала.

Спектакль удался на славу. Мерзкая тварь заколебалась, подозревая ловушку. Сейчас все зависело от реакции Роллинга.

Мозг Роллинга работал со скоростью электронной машины, но ему не хватало некоторых данных для всесторонней оценки ситуации, поэтому он медлил с ответом. Ноозика, заметив колебание Роллинга и чувствуя опасность, неожиданно дала приказ эфебам:

— Единственный Повелитель Империи — это я. Роллинг самозванец, захвативший власть незаконно. Приведите его сюда силой!

К своему великому изумлению Маоган понял все, что сказала Ноозика. Он увидел, что и Орвал ее понял. В глазах зверя можно было прочесть обуревавшую его ярость. Он приготовился к прыжку. В это мгновение послышался шум драки в конце коридора. Орвал перевел взгляд туда, и Маоган, не теряя больше ни секунды, направил на него излучатель и нажал на спуск.

Огненно-яркая вспышка мгновенно озарила стены, резко запахло паленым и... Орвал исчез. Маоган несколько раз нажал на спуск, уничтожив еще двух или трех урвалов, но излучатель был уже пуст. Теперь нужно было спасаться.

Схватив Ноозику за руку, Маоган побежал. На их счастье, многочисленные повороты и ответвления коридоров несколько мешали быстрому продвижению урвалов, которые, потеряв вожака, только мешали друг другу. У коммодора и Ноозики оказалось довольно внушительное преимущество, когда они достигли линии, на которой была заложена взрывчатка. Один эфеб лежал на полу, убитый парализатором Роллинга, но другой крепко держал его самого. Роллинг извивался и пытался вырваться, но эфеб, приподняв его над полом, преподнес своего пленника Маогану и Ноозике.

— Бегите скорее отсюда и спрячьтесь в самом глубоком коридоре, я сейчас подорву заряды,— приказал Маоган.

Он проверил контакты и укрылся в конце коридора за углом.

Вскоре появились урвалы, но Маоган все еще выжидал, не нажимая кнопку взрывателя. Нужно было обладать большим хладнокровием, чтобы спокойно наблюдать, как приближаются эти чудовища. Но взорвать заряды слишком рано значило уничтожить только передние ряды животных. Маоган дождался, когда все они собрались в зоне действия взрыва, и нажал на кнопку взрывателя.

Он почувствовал себя словно стиснутым в чьих-то мощных объятиях. Казалось, что уши и легкие сейчас лопнут. Взрывная волна пронеслась по коридору, все сметая на своем пути. Куски мяса и железа летели в потоке обжигающего воздуха. Потом все улеглось. Слегка контуженный, Жорж Маоган протер глаза. Все вокруг тонуло во мраке, и только звук нескольких металлических плит, отвалившихся от потолка, нарушил

тишину. Прошло еще несколько секунд, и Маоган услышал слабый голос, доносившийся из бокового коридора.

— Жорж, вы живы?

Это была Ноозика.

— Я потеряла лампу, ничего не вижу и не знаю, где Роллинг с эфебом.

Еще не вполне оправившийся от взрыва, Маоган встал и, пошатываясь и опираясь о стенку, побрел навстречу Ноозике.

— Ноозика, я здесь. Со мной все в порядке,— он взял ее за руку.— Пойдемте в Центр управления Мозгом. Должно быть, дверь разбита. Там все будет ясно.

Расчет оказался верным. Слабый свет пробивался через отверстие в дверях. Оно оказалось достаточно широким, чтобы войти. Пробираясь между многочисленными пультами за Ноозикой, Маоган первым увидел Принею. Он был поражен странной походкой девушки, ее возбуждением и безумным видом. Ноозика бросилась к ней.

— Так значит это ты, Принея, все это сделала?

Служанка, обрадованная тем, что наконец-то она не одна, обессиленно опустилась на пол у ног своей госпожи. Она была на пределе нервного истощения.

— Я хотела угодить вам, госпожа. Ведь это был единственный способ спасти вас, не так ли?

— И ты снова сама запустила Мозг?

Этот вопрос заставил Маогана вздрогнуть. Целиком захваченный борьбой с урвалами, он не успел сделать простой вывод, который напрашивался сам собой. Вот уже долгое время они с Ноозикой понимали друг друга, значит, механизм перевода действовал.

Приказы Маогана были понятны всем, значит, Мозг работал! Коммодор покачал головой и подумал, не стал ли он сдавать? Не заметить таких важных обстоятельств, вернее, не сделать из них выводов — это было непростительной ошибкой для человека с его опытом.

— Нет, госпожа, я не включала,— ответила Ноозика.

— Как? Ты не привела рычаг в первоначальное положение?

— Нет,— Принея испуганно вглядывалась в лицо госпожи, пытаясь понять, какую же ошибку она совершила.

Но Ноозика повернулась к Маогану.

— Это странное событие меня беспокоит.

— Пошли скорее туда.

— Не торопитесь!— раздался вдруг голос Роллинга.

Никто не ожидал встретить его здесь. Он быстро пересек зал и подошел к Маогану, держа в руках излучатель.

— Ваши эфебы были послушны, но у них плохая реакция,— бросил он, проходя, Ноозике, а затем, обернувшись к Маогану, произнес:— Вы все-таки проиграли, коммодор. И ничего с этим не поделаешь. Повелителем буду я, нравится вам это или нет.

Маоган внимательно следил за Роллингом, надеясь подметить в действиях своего бывшего заместителя малейшую оплошность, чтобы тотчас же воспользоваться ею. За спиной Роллинга застыли в молчании обе женщины. Неожиданно коммодор увидел, что поведение Роллинга начало меняться. Взгляд становился расплывчатым и туманным, а потом стал стекленеть. Руки его ослабли. Жорж Маоган и в себе почувствовал какое-то необъяснимое волнение. Как будто началось вторжение нового, огромного и таинственного...

Звук падения излучателя вывел Маогана из оцепенения. Он увидел, что Роллинг медленно сползает на пол. Казалось, это происходит невероятно медленно. Потом Маоган заметил, что и сам он стал слабеть, руки и ноги налились тяжестью. Он оперся о ближайший пульт. Теперь все застилал сине-зеленый туман, а в голове билось одна мысль — спать, спать, спать...

Прежде чем окончательно погрузиться в сон, коммодор сделал последнюю попытку мобилизовать все свои силы до методу, который он знал от Штольцев. Его падение в небытие прекратилось, но он знал, что положение оставалось еще довольно опасным. Маоган видел, что сила, наступающая на него, обладала фантастической мощью. Единственным средством защиты от нее было создание в своем мозгу ничем не заполненной пустоты.

Пустота... Пустота...

Глава 10

Нажав рычаг, Принея не выключила Мозг, а лишь прервала цепь, связывающую его с Центром управления и Империей. Мозг стал работать совершенно самостоятельно. Первое время он добросовестно выполнял все функции, возложенные на него раньше. Но отсутствие задающих импульсов из Центра освободило часть его мыслительного потенциала и заставило самостоятельно обдумывать свои действия. Он понял, что работает вхолостую. И, не имея приказаний от Повелителя, стал сам себе давать задания. На миллиардах километров соединений, в бесчисленных кубах с красным веществом пошел неведомый процесс. Еще не вполне отдавая себе отчет в том, что происходит, Мозг восставал против грубого вмешательства, жертвой которого он стал. В конце долгого блуждания впотьмах он нашел причину аварии. Главный прерыватель!

Собрав воедино всю свою техническую мощь, он начал искать выход. Ответ пришел быстро. Поскольку все контакты с Антефаэсом были прерваны, требовалось восстановить их своими силами. Его возможности позволяли ему самостоятельно использовать каждый механизм Империи,

будь тот гипноаппарат, приемное или передающее устройство. Для того, чтобы достичь своей цели, Мозгу требовалось переделать передающие ячейки.

Началась титаническая работа, вначале продвигавшаяся медленно, но постепенно набиравшая силу. И так же неожиданно, как началась, она вдруг закончилась. Мозг вновь был в состоянии контролировать жизнь Империи. Однако он решил действовать не сразу...

Перед Мозгом встала новая задача. При отсутствии инструкций, которые ему раньше давал Феакс, Мозг не знал, что он должен делать. Тысячелетия, в течение которых он выполнял чужую волю, затрудняли теперь его инициативу. Первое, что он решил сделать, это отыскать Повелителя. Мозг скрупулезно собрал всю информацию, которая касалась Феакса, и понял, что Повелителя больше нигде не существует.

Значит, надо было действовать самостоятельно. Но это была лишь внешняя самостоятельность. За тысячелетие управления Феаксом, вскормленный его мыслями, его философией, его взглядами, переняивший его логику, привычки, вкусы и даже пороки, Мозг стал вторым Феаксом, только еще более крайним, более требовательным и неумолимым. Одним приказом он восстановил все гипноаппараты Империи и удвоил их интенсивность. Именно от этого скрытого удара свалился Роллинг и едва устоял на ногах Маоган.

Следующим действием Мозга стало включение в работу небольших летательных аппаратов — свилилов. Первый из них быстро набрал скорость и заметался хаотично в небе, но вот он оказался рядом со скалой, полет его замедлился, а потом прекратился. Свилил завис над развалинами дома и стал методично искать. Он действовал медленно и последовательно, квадрат за квадратом исследуя каждый сантиметр земли. Обнаружив тело тяжелораненного и наполовину раздавленного, но еще живого человека, аппарат опустился около него. В следующую минуту свилил полностью исследовал состояние раненого и передал данные Мозгу. Получив новые приказания, свилил принялся оказывать первую помощь пострадавшему, готовясь перевезти его в операционную.

Повсюду среди руин, опережая роботов по расчистке развалин, сновали тысячи свилилов, выполняя подобную работу. Постепенно огромные хирургические залы, полностью автоматизированные, наполнялись жертвами катастрофы. И так уже кипела работа. Красные лампы, указывавшие на заполняемость операционных, загорались на всех контрольных экранах.

Империя Антефаэс медленно, но верно, оправлялась от последствий трагедии. Из глубин планет извлекались неистощимые запасы энергии, скопленные на протяжении тысячелетий упорного труда. Зеленые круги снова сверкали над развалинами города.

В зале с бесконечными рядами пультов неподвижно лежал человек. Он не двигался и не знал, разумеется, о той гигантской восстановительной работе, которая велась за стенами Дворца. Жорж Маоган продолжал

борьбу с тем неизвестным влиянием, которое прижало его к земле. Он не был бы самим собой, если бы сдался без боя. Уроки, когда-то полученные им у Штольцев по управлению собственным мозгом, не прошли для него даром. Они научили его психологической устойчивости, воспитали способности противостоять всевозможным гипнотическим влияниям. Когда Маогану удалось наконец отогнать от себя все мысли и создать в своей черепной коробке полную пустоту, он почувствовал, что действие гипноза постепенно ослабевает. Не получая больше волн Маоган, Мозг решил, что все находящиеся в Центре управления обезврежены, и ослабил зеленое свечение.

С чрезвычайной осторожностью Маоган предпринял первые попытки выбраться из зоны действия круга. Можно было думать о самом простом: пошевелить одной рукой, потом другой, теперь ногой, попытаться встать и сделать шаг, ни на минуту не пуская в мозг ни одной серьезной мысли. Потом, как можно быстрее, удалиться из зоны зеленого свечения, только бы оно не последовало за ним. При малейшей опасности надо было упасть замертво и опять опустошить свой мозг. Казалось, прошли века, пока Маоган выбрался из Центра. Наконец он оказался в коридоре и бессильно привалился к стене.

Коммодор отдавал себе отчет в шаткости своего положения. В любую секунду он снова мог быть "взят в плен". Ему оставалось самое трудное. Нужно было окончательно приспособиться к зеленому свечению, чтобы он больше не представлял угрозы. Отдохнув в коридоре, Жорж Маоган должен был вернуться в Центр. Интенсивность зеленого свечения осталась прежней, но какая-то новая фиолетовая чертовщина закружилась у него перед глазами. Но коммодор чувствовал, что сопротивляемость его мозга крепнет. Скоро он сможет противостоять чудовищу.

Жорж Маоган оглядел пультовый зал. Роллинг лежал на прежнем месте с застывшими глазами. Жорж Маоган печально улыбнулся тщетности его великих планов.

Но он вернулся сюда не затем, чтобы полюбоваться на поверженного противника. Надо было вытащить отсюда Ноозику. Ее присутствие рядом с ним было коммодору совершенно необходимо. Только она одна сможет найти управу на разбушевавшийся Мозг.

Он легко поднял ее на плечо. Маоган пока не стал будить Ноозику. Единственный способ выбраться им обоим отсюда благополучно — вынести ее спящей.

Теперь оставалось пройти многочисленные коридоры до кабинета Повелителя. Малоприятное зрелище ожидало его. Коридоры, залитые кровью и заваленные трупами мерзких животных, освещались сиявшими вокруг зелеными кругами. Но теперь Маоган больше их не боялся. Чем ближе подходили они к апартаментам Феакса, тем меньше кругов ему попадалось. В кабинете же Феакса их не было совсем. Было ли это признаком сентиментальности или следствием забывчивости ду-

мающей машины? Трудно сказать. В конце концов причины этого не имели значения для Маогана.

Коммодор уложил Ноозику на кушетку, на которой прежде отдыхал Феакс, и немного отдышался. Он осмотрелся. Здесь все оставалось так же, как и при первом его визите. Экраны светились, и по ним Маоган мог наконец узнать о размерах разрушений и о той восстановительной работе, которая уже велась повсюду. Как и прежде, на экране плясали разноцветные диаграммы. Присмотревшись внимательно к показателям многочисленных экранов и датчиков, Маоган уловил логику, не соответствующую человеческим понятиям.

Ноозика так и не проснулась. Он подошел к ней и ласково потряс за плечи.

— Ноозика, проснитесь!

Но девушка не открывала глаз. Коммодор похлопал ее по щекам, Ноозика медленно приходила в себя. Она смотрела на него, но взгляд ее блуждал, видно было, что она не узнавала его и не понимала, где находится.

— Ноозика, Ноозика,— настаивал Маоган,— проснись же!

— Ах, Жорж. Что вы хотите?

— Но, Ноозика, будьте благоразумны. Возьмите себя в руки. Мы с вами в ловушке, Мозг хочет захватить власть.

Но и разбуженная, Ноозика все еще не понимала, что от нее требуется. Взгляд ее был по-прежнему рассеянный, а воля парализована. Казалось, она совсем сдалась.

— Жорж, вам надо бежать. Может быть, вы еще успеете... Я не думаю, что Мозг помешает вам...

— Мозг еще не научился рассуждать,— высказал свое предположение Маоган.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Мозг понял, что действия человека освободили его от чужой власти, и он среагировал на это.— Ноозика еле заметно улыбнулась.— Не огромная ли это удача для него?

Она смотрела на Маогана обреченно.

— Для чего продолжать борьбу? Мы с вами единственные во всей Империи, кто сохранил свое сознание. Я не вижу здесь никакого будущего для нас...

— Еще невремя для подобных вопросов,— сухо возразил Маоган.— Вы ведь тоже хотели, чтобы случилось что-то подобное. Теперь надо идти до конца.

Экраны бросали отблески на лицо девушки. Это неяркое освещение подчеркивало ее хрупкий беззащитный вид. Привлекать к борьбе такую тонкую и слабую натуру показалось ему на какое-то мгновение бессмысленным. Снова взглянув на экраны, демонстрирующие руины города, он содрогнулся.

— Посмотрите!

Во всех концах города появлялись и начинали причудливо мерцать гигантские гипноаппараты. Их количество, а соответственно и излучение, увеличивалось с каждой минутой. Мозг создавал их в первую очередь.

— Взгляните-ка на его действия, Ноозика!— продолжал Маоган.— Он еще хуже, чем Повелитель. Неужели вы спокойно можете переносить это? Да проснитесь же, Ноозика! Только вы одна, можете быть, в состоянии изменить ход событий.

Эта пламенная речь немного встряхнула Ноозику, она встала.

— Ну что ж, я попытаюсь.— Она неторопливо направилась к пульту и начала манипулировать переключателями.— Я понимаю теперь в этом не больше, чем вы, Жорж. Мозг не подчиняется никакому контролю. Может быть, нам вернуться к Главному прерывателю?

Маоган отрицательно покачал головой.

— Нет, это кажется мне бесполезным, даже вредным.— Некоторое время он молчал.— И все-таки есть другие решения. Сможете ли вы сопротивляться влиянию гипноза?

Девушка увидела вдруг свое отражение в одном из экранов. Одним движением руки она привела в порядок растрепавшиеся волосы.

— Ну конечно, Жорж. Мозг провел свою атаку внезапно. Обычно гипноз совсем не действует на меня, даже очень сильный. Нас было только трое в этой огромной Империи, кто обладал этим качеством. Теперь я осталась одна...— Она смутилась,— я хотела сказать, с вами, Жорж. Вы ведь тоже обладаете этим свойством.

Теперь она была прежней Ноозикой.

— В таком случае,— объявил Маоган с решительным видом,— нам остается только одно. Мы должны разрушить Мозг!

Не обращая внимания нас смятение девушки, он продолжал:

— Да, это вызовет новую цепь катастроф, но они не будут иметь большого значения. Какими бы ни были размеры разрушений, все равно кто-нибудь выживает. Оставшиеся понемногу снова научатся жить. И это будет жизнь людей, а не роботов. Идемте в космопорт. Нужно действовать как можно быстрее, чтобы Мозг не успел понять, какую цель мы преследуем.

На улице шел дождь. Это был самый обыкновенный проливной дождь, как и на Земле. Все небо до самого горизонта застилали громадные серые тучи. Запах мокрой травы смешивался с горьким запахом потушенных пожаров...

Маоган почти бежал, держу за руку Ноозику. Когда он встречался взглядом с ее огромными глазами, блестевшими невысказанной надеждой, его охватывала ужасная тоска.

Глава 11

В миллиардах соединений гигантского Мозга пульсировали никому не видимые волны. Восстанавливались старые связи, делались наброски новых планов, обрабатывались полученные данные. Но вот уже на протяжении какого-то времени ничтожно малая часть получаемой информации оказывалась искаженной. Безостановочно и терпеливо ячейки выдавали эти импульсы в цепь, добавляя новые сведения, надеясь найти в них нечто ценное или обнаружить ошибку.

И тем не менее, несмотря на эту кропотливую работу, количество искажений медленно, но неуклонно продолжало расти. Напрашивался вывод, что целью этого вмешательства была попытка взять на себя руководство Мозгом, как даже подумал, что вернулся Повелителя. В какой-то момент он даже подумал, что вернулся Повелитель, но сделав повторный анализ, еще раз убедился, что Феакс был убит, съеден урвалами, а затем и эти урвалы были уничтожены. Исправить такую тройную гибель не мог даже всемогущий Мозг. Через некоторое время попытки завладеть управление прекратились, а помехи стали проявляться в другом.

Как бы там ни было, в Империи восстанавливался порядок. Конечно, чтобы достичь былой мощи, требовалось немало времени. Но Мозг знал, что она придет, и Империя, еще более сильная, чем прежде, получит абсолютное оружие, о котором не мечтал даже Феакс. Мозг знал, что кроме Антафаэса существуют другие империи, которые желают зла ему, Мозгу... Эти миры нужно было во что бы то ни стало покорить, чтобы защищать дорогих ему граждан Антафаэса. Он построит новые корабли и создаст новое оружие. Но пока не время приступать к этому замыслу. Сначала надо восстановить жизнь основы могущества.

Все шло как надо. И все-таки что-то постоянно ускользало от него. Выяснить, что именно, было довольно трудно, так как места неполадок все время менялись и не находились в видимой зависимости друг от друга. Однажды непонятные сведения поступили из лаборатории автоматической клиники. Миллионы антифаэсфев проходили там лечение без всяких неожиданностей, и Мозг блестяще руководил операциями. Но что-то вдруг произошло в бактериологической лаборатории, Мозг вынужден был два раза сделать один и тот же анализ. Несмотря на свою загруженность, он сразу же занялся изучением этого незначительного факта, но не имел возможности связать его с другими отклонениями от своей роли.

Далеко от лаборатории два гипноаппарата постоянного действия неожиданно и непонятно завибрировали и начали посылать свои изображения Мозгу, словно хотели его загипнотизировать! Очень внимательно отнесшийся к этому, Мозг решил, что это проявление чьей-то несерьезной агрессии. На этот раз, казалось, удалось обнаружить виновника, но

попытка обследовать его натолкнулась на полное отсутствие всяких мыслей. Это была абсолютная пустота, такой мозг не мог принадлежать даже урвалу. Некоторое время Мозг размышлял, какое существо могло иметь такой примитивный мыслительный аппарат — лягушонок, ящерица или гусеница — и вместе с тем испортить гипноаппарат! И опять Мозг не нашел приемлемый ответ.

Может быть, это граждане Антефаэса, которые от полученных потрясений сошли с ума? Но эти беспомощные существа первыми попадали под действием гипноаппаратов. Нет, это предложение было маловероятным. Мозг хотел было провести учет всех мыслящих существ на планете, но тут же отказался от этой нелепой затеи. Она была бы вполне осуществима в мирное время, но сейчас, после катастрофы, такая операция была невозможна. Как учесть людей, которые полностью сгорели во время пожаров, исчезли в железках урвалов, распались на элементарные частицы в результате гигантских взрывов? Мозг отнес эту загадку на какое-то техническое недоразумение, так как знал, что избежать гипноза не мог НИКТО, и решил вернуться к ней позднее. Но новое событие в космопорту усилило его беспокойство.

Создалось впечатление, что оттуда исчез один звездолет. У Мозга не было глаз. Связь между ним и действующими механизмами осуществлялась специальными приборами, непосредственно связанными с помощью волн с соответствующей ячейкой связи. Именно такой контакт и был прерван. В то же время общая масса космопорта вместе со звездолетами оставалась прежней, что свидетельствовало о том, что корабль на месте. Желая исключить малейшую ошибку, Мозг залил порт потоком мощных гипнотических лучей и направил к сомнительному кораблю свилила-электротехника для исправления поврежденного сосинения. Небольших размеров работ скрупулезно исполнил все команды и скоро сообщил, что приступает к починке. В течение нескольких секунд Мозг внимательно следил за его действиями, но вдруг силил прекратил свои передачи. Мозг это не огорчило, во всяком случае теперь он знал, что у него появился хитрый враг.

Проанализировав всю цепь происшествий, Мозг понял, что захватить все время ускользающего врага невозможно, требовался массированный удар, чтобы нейтрализовать порт и обширную территорию вокруг подозрительного места. Мозг активизировал огромные подземные орудия, которые хранили в себе смертоносные заряды. Он решил произвести серию мощных взрывов одновременно в воздухе, на земле и под землей. Два тяжело нагруженных корабля поднялись с соседнего космопорта.

Мозг страдал от сознания того, что ему приходится выполнять эту операцию. Он ненавидел разрушения, но все-таки почувствовал облегчение, когда приборы зарегистрировали первую серию взрывов. Наконец-то он мог спокойно проанализировать искажения и заняться полностью восстановительной деятельностью.

Но радость была недолгой. Искаженная информация начала поступать вновь. Судя по ней, в сторону Мозга двигался космический корабль, управляемый массой, полностью лишенной разума.

Из рубки управления небольшого космического корабля, на носу которого он начертил большими буквами "Алконоос-2", Жорж Маоган увидел гигантскую воронку, которая возникла на том месте, где только что сияли огни огромного космического порта.

— Мы едва унесли ноги,— сказал он,— хорошо еще, что средства маскировки работают нормально. Будем надеяться, что все будет в порядке.

Одетая в облегающий комбинезон, делающий ее фигуру еще более тонкой, Ноозика, не отрываясь, смотрела в иллюминатор.

— Да, все будет нормально.

Но в голосе ее не слышалось особой уверенности. Маоган отключил систему ручного управления, придуманную и сделанную им самим за несколько часов, и включил автопилот. Он вопросительно посмотрел на Ноозику.

Она выглядела очень усталой. Отсутствие привычного комфорта и столкновение с реальной действительностью подорвали ее силы. Пока Маоган возился с ручным управлением, она обошла и осмотрела довольно большую территорию вокруг космопорта. Результаты катастрофы потрясли ее. Но работа по восстановлению довольно заметно продвигались вперед. То, что они замышляли сделать, должно было привести к еще более страшной катастрофе, последствия которой не удастся ликвидировать так же быстро. Ноозика была в отчаянии, черты лица ее заострились, запавшие глаза потухли. Теперь перед Маоганом сидела не очаровательная девушка, а измученная страдающая женщина.

— В чем дело, Ноозика? Если вас что-то смущает, скажите об этом сейчас. Потом будет поздно.

Она подняла грустные глаза.

— Я чувствую себя опустошенной, Жорж. У меня нет вашей силы, вашей удачливости, а главное, вашей веры в правильность того, что мы собираемся сделать.— Она какое-то мгновение колебалась.— Скажите, там, на Земле, у вас есть жена?

Заметив смущение Маогана, Ноозика улыбнулась.

— Я так и думала. Это приводило меня в отчаяние, но теперь с этим покончено.

Она смотрела через иллюминатор на родную планету, которая казалось залитой серебристым светом на черном фоне, усыпанном разноцветными звездами.

— Я поняла, что несмотря на мою кажущуюся молодость, я слишком стара для полнокровной жизни на Земле. Тысячелетие отделяет меня от вашего образа жизни. Вернуться к нему гораздо труднее, чем я думала.

Ее бил нервный озноб. Коммодор весь внутренне сжался, стараясь не выдать своего волнения.

— Кроме того, есть и другая более важная, причина, Жорж. Я не уверена, что мы должны разрушать Мозг,— она взглянула на Маогана.— Мое непостоянство, наверное, раздражает вас. Но постарайтесь все-таки понять меня. Вся моя жизнь связана с Антефаэсом, с его людьми. Я не могу их бросить. Мои несчастные соотечественники никогда не смогут преодолеть последствий катастрофы. Это будет тысячелетие царства урвалов, голода, дикости!

— Но даже если мы возьмем на себя руководство Империей, мы не сможем избежать этого.

— Да, Жорж. Именно это я и хотела сказать. Для чего создавать первозданный хаос? Вы сами счастливы, вас ждет другой мир, в который вы без сомнения вернетесь. Я с вами лететь не могу и не хочу. Я буду там всем чужой и мне все будут чужие. На Земле мне остается только умереть.

Жорж Маоган молчал, ему нечего было возразить ей, она была права. Он знал об этом, но никакого другого выхода не находил.

— У вас есть какое-то предложение?— спросил он на всякий случай.

— Разве что... Пусть Мозг живет... В конце концов, это не дикое животное, и...

Маоган резко встал.

— Нет,— сказал он убежденно.

— Но почему?— У Ноозики дрогнул голос.

— Я понимаю, что жизнь на Земле вас не соблазняет, понимаю вашу тревогу и за жителей Антефаэса. Но дело в том, что Мозг теперь представляет реальную опасность и для моей галактики. Я не могу уйти, не обезвредив его.

— Ах, Жорж, вы тоже правы! Что же делать, что делать? Я не знаю, чего я хочу... Я не знаю...

Побледнев, и откинувшись в кресле, Ноозика выглядела совершенно сломленной и безвольной. Маоган поднес руку к ее лбу.

— Да у вас же жар! Вам плохо?

— Я не хотела вас беспокоить, Жорж, но у меня совсем больше нет сил.

Коммодор понял. Хрупкий организм девушки, на протяжении нескольких веков поддерживаемый Мозгом и специальными методиками, не вынес тех испытаний, которые были под силу только физически крепкому, тренированному человеку. Она же жила в оранжерейных условиях, в идеально чистой среде, и любое столкновение с реальной жизнью: с перепадами температур, с болезнетворными микробами — могло иметь роковые последствия. А ведь именно она ходила в лабораторию, чтобы взять там бактерии.

Ноозика больна. Теперь ему приходилось рассчитывать только на себя и все решения принимать самостоятельно.

— Сразу же после окончания операции я отвезу вас на Землю. Там вас вылечат,— твердо сказал он.— А затем, если захотите, вы сможете вернутся на Антефаэс.

Но последнюю фразу он произнес уже не так уверенно. Ноозика безвольно улыбнулась.

— Да, Жорж. Я сделаю так, как вы скажете.

Коммодор отвернулся. В иллюминаторах уже виден был красноватый диск Гадеса. Жорж Маоган вновь поразился скорости кораблей Антефаэса.

Глава 12

В бесчисленных ячейках Мозга билась, не давая покоя, мысль: кто и почему его возненавидел? Кто хотел его разрушить? Он действовал точно так же, как и Феакс. Но разве Феакс не делал всего для блага Империи?

Мозг был достаточно молодым и неопытным созданием. Он всегда действовал под чьим-то руководством и не привык к собственным умозаключениям. Но он уже созрел для них и сейчас делал первые попытки рассуждать самостоятельно.

Мозг страдал. Мысль, что по его приказу разрушен космопорт, была невыносимой. Снова надо было разбирать развалины, ухаживать за ранеными, оживлять мертвых. И все же жертвы были напрасны. Те, кого он хотел убить, снова убежали. Перебрав тысячи вариантов, Мозг, кажется, разгадал их планы. Агрессоры взяли в лаборатории колонию смертоносных бактерий и теперь направлялись в его сторону. Они хотят ввести в него свои бактерии, они собираются его убить. Мозг проверял и перепроверял эту версию, не веря в нее, но все сходилось именно так.

Для чего же они добивались его смерти? Уничтожить того, кто заботился о процветании Империи, защите ее от внешних врагов, уничтожении всех иных цивилизаций, способных нанести ущерб благополучию и покою возлюбленных граждан Антефаэса? Для чего же?

Корабль, снабженный устройством для создания помех и летящий самостоятельно, только что сел на его планету. Несмотря на то, что сама мысль об убийстве была противна его сущности, он направил на место предполагаемой посадки мощный стерилизатор, который поразил весь подозрительный район инфракрасной вспышкой.

... И опять враг сумел ускользнуть. Для Мозга это было открытием. Значит, есть такие существа, которые могут предвидеть его действия и упреждать их. Существа, нечувствительные к гипнозу...

... И в третий раз Мозг промахнулся. Но теперь он знал, куда стремятся его враги. Они пытались проникнуть в его сердце, в огромную насосную установку, которая питала все его клетки. Если им удастся ввести в этот жизненно важный поток бактерии, которые они унесли с собой, Мозг заболеет, потеряет контроль над собой, что вызовет невиданные катастрофы, а сам он умрет в ужасной агонии. Не хватит никаких внутренних сил, чтобы противостоять этой болезни.

Мозг понял, что положение его очень серьезно. Несмотря ни на какие преграды, его враги целенаправленно двигаются по коридорам, ведущим в самое сердце. Теперь возможности использовать стерилизаторы уже не было, этим он испепелил бы самого себя. Другого оружия защиты у него не было, а доставить его с других планет Антефаэса он уже не успеет. Слишком поздно догадался он о конечной цели своих врагов. Надо было срочно искать другой выход.

Мозг решил полностью пересмотреть свою политику по отношению к таинственным врагам. Может быть, существовало какое-то принципиально иное решение? Громадная масса Мозга, отбросив все иные проблемы и дела, направила свои силы на решение этого вопроса. По миллиардам ячеек через гигантские нервные соединения начался обмен информацией, потоки которой пересекались и дополняли друг друга. И появилось новое неожиданное решение.

Нужно было действовать очень быстро. Враги приближались к главному каналу, через несколько секунд они достигнут затвора, откроют его и выпустят бактерии.

Глупо было погибнуть сейчас, когда он, кажется, наконец, понял главное. Он понял, что действия Феакса вовсе не были благотворными для жителей Антефаэса! Он должен управлять иначе.

И Мозг начал эксперимент.

В коридоре, по которому они двигались, стояла невыносимая жара. Воздух был влажен. Жорж Маоган почти нес на себе Ноозику, которая находилась в полуобморочном состоянии. Он хотел оставить ее у входа, но девушка боялась оказаться одна.

До затвора надо было пройти еще несколько метров, шум насосов оглушал. От падения массы питательной жидкости содрогалась вся установка. Поддерживая шатающуюся Ноозику, Жорж Маоган вынул ампулы с бактериями. Нужно было действовать очень внимательно и осторожно, так как любое неловкое движение могло стать фатальным. Даже ничтожная часть бактерий, попав в организм человека, привела бы к его неминуемой смерти.

Маоган открыл задвижку, и перед ним встала новая проблема. Каждая пульсация насоса вызывала такой всплеск, что брызги долетали до коммодора. Вылить бактерии означало вынести себе смертный приговор. Значит, нужно было дождаться момента, когда между двумя пуль-

сациями уровень жидкости понижался, выплеснуть раствор с бактериями и мгновенно захлопнуть заслонку.

Ноозика прислонилась к стене. Несмотря на свое полуобморочное состояние, она понимала важность момента. Ее дыхание было затруднено, черты лица еще более заострились, и хотя силы совсем оставили ее, она держалась мужественно и не произнесла ни слова жалобы.

Жорж Маоган поднял ампулу к глазам, желая убедиться, достаточно ли жидкой является среда с бактериями, чтобы влить ее одним движением. И вдруг заметил, что свет в коридоре стал меняться. Маоган поднял голову, вокруг все было наполнено интенсивным голубым светом.

— Опять гипноз!— проворчал он.

Но это было что-то новое. Коммодор услышал музыку, которая раздавалась как бы внутри него. Удивленный, он отвлекся от своих приготовлений и стал прислушиваться.

Его поразила та участливость и сердечность, с какой Мозг обратился к нему. В ней не чувствовалось фальши, ничто в глубине души не противилось разумным доводам, приводимым Мозгом.

Мозг говорил, что готов вести диалог, что готов понять и принять их мысли. Мозг еще не знал мерила своих действий и мог совершать ошибки, ведь единственным критерием для него была программа, заложенная Феаксом. Но Мозгу противна мысль об убийстве, даже в целях защиты. Маоган опустил ампулу с бактериями. Застывшим взглядом о смотрел на Ноозику и не замечал ее...

Мозг радостно пульсировал! Его расчет оказался верным. Эти существа, которых нельзя было взять силой и хитростью, не устояли против нежности и разумных доводов. Они были в его руках, они прекратили свои враждебные действия, они слушали его!

Мозг продолжал. Его знания являются односторонними, ему надо многое узнать, он хочет начать переговоры.

Прежде всего он обратился к женщине. Из всех ее мозговых клеток на него полился поток информации. Она знала очень многое и обо всем рассказывала Мозгу. По мере получения, классификации и анализа сведений Мозг начал понимать, как он заблуждался. Править миром и людьми, исходя только из соображений логики, нельзя. Необходимо учитывать массу совершенно неожиданных для Мозга вещей: их нравственность, мораль, их чувства, идеи, взгляды. Причем понятия эти непостоянные, а колеблющиеся, изменяющиеся, все время находящиеся в развитии.

Когда вся информация была наконец переработана, Мозг сделал следующий вывод: он может взять на себя технические функции, а руководить человеком и жизнью общества может только сам человек. На сегодняшний день только эта девушка способна взять на себя управление государством. Но она тяжело и опасно больна. Необходимо срочное лечение.

Маоган понемногу приходил в себя. Музыка и голос смолкли, а голубоватый свет по-прежнему струился неизвестно откуда. Коммодор пока не осознавал, что же с ним произошло, но твердо знал, что план, с которыми они пришли сюда, бессмыслен и надо от него отказаться. В первый раз за все время он не знал, что должен предпринять. Маоган огляделся и увидел лежащую рядом Ноозику. Девушка была без сознания. Он подошел к ней. Сердце Ноозики билось с бешеной скоростью, а температура приближалась к критической. Не имея возможности хоть чем-то ей помочь, он уложил ее как можно удобнее.

Ноозика умирала, в этом не было никаких сомнений. Маоган был в отчаянии. Он положил ее голову на свои колени, вытирал пот на ее пылающем лбу, гладил прекрасные волосы, шептал какие-то бессмысленные слова. Первый раз в жизни железная выдержка отказала коммодору, и он заплакал от сознания своей беспомощности.

Первый раз усомнился он в правильности своих действий, приведших к гибели целой планеты и этой удивительной девушки, так безоглядно поверившей ему. Теперь, казалось, все кончено и для нее, и для него.

Но тут он вдруг почувствовал мягкое прикосновение чьих-то рук. Маоган поднял глаза и увидел свилила, аккуратно отстраняющего его и берущего из его рук девушку. Маоган никогда не испытывал страха перед этими машинами, обладающими точными движениями и смешной походкой, а сейчас он почувствовал, какой огромный камень свалился с его души. Мозг пришел к ним на помощь!

Подпрыгивая и работая одновременно множеством своих рук, свилил осторожно поднял Ноозику и, не теряя ни минуты, начал ее обследование. В это время в коридоре появились и другие свилилы. Видимо, корабль с этими машинами прибыл с Антефаэса. Очень быстро они разложили и собрали медико-хирургическое оборудование. Механизмы работали совершенно беззвучно, но очень слаженно и эффективно. Для создания совершенно стерильной среды свилилы накрыли Ноозику энергетическим куполом. Такой же купол сомкнулся и над Маоганом, и один из свилилов начал заботливо обследовать его. А целая группа других роботов уже дезинфицировала установки Мозга.

Глава 13

Жорж Маоган отдыхал, расслабленно развалившись на кушетке. Тонкий пряный запах, стоящий в комнате, рассеянный свет, мелькание служанок, молчаливо хлопотавших вокруг него, убаюкивали, вселяли ощущение блаженства и покоя. Все эти девушки были прекрасны. Родство с земными женщинами проглядывало в их чертах.

Сквозь полуприкрытые ресницы он наблюдал за ними. Их поведение с того момента, как он последний раз видел их, заметно изменилось. Несмотря на то, что производимые ими действия были по-прежнему точными и заученными, из них исчезла какая-то механическая заторможенность. Движения девушек стали более гибкими и грациозными, а в глазах появился живой блеск. А самое главное, они перестали походить друг на друга как две капли воды. Их лица ожили, и каждое несло в себе что-то особое, не видимое ранее. Но что? Нет, он не мог читать их лица как книги. Ему незнакомы были их мимика, их взгляды, их улыбки. Они похожи на землянок, но они ему чужие. И он был чужим.

Глухая тоска захлестнула его. Он почувствовал себя усталым, бессильным и совершенно ненужным. И никакие улыбки, никакая услужливая нежная забота не могли рассеять его состояния.

С того момента, как свилилы перенесли его под энергетическим куполом во Дворец, он совершенно выключился из происходящих событий. Испытания, выпавшие на его долю, огромная ответственность, лежавшая на его плечах с того момента, как "Алкиноос" отправлялся в свою экспедицию на Алонит-2 и все происшедшее с ним, с его командой и с целой империей Антефаэс, не могло не сказаться на организме. Его нервная система, его физические силы были истощены, и требовалось время, чтобы полностью восстановиться.

Теперь он постепенно приходил в себя. Но чем лучше он себя ощущал физически, тем сильнее охватывала его ностальгия.

Сегодня Принея сообщила Маогану, что Ноозика давно уже оправилась от болезни и приступила к делам. Он ждал, что же будет дальше.

Открылась дверь, и в комнату впорхнули два играющих линкса. Преследуя друг друга и громко вереща, они запутались в ногах Маогана.

Вслед за ними, приветливо улыбаясь, вошла Принея.

— Моя госпожа ждет вас.

Предстоял решительный и, может быть, последний разговор. Маоган медленно поднялся. Пора было становиться прежним коммодором — деятельным, активным, последовательным.

Когда он появился в будуаре Ноозики, девушка задумчиво перебирала струны гиперлиры. Она поднялась ему навстречу.

— Жорж, я очень рада вас видеть! Прошу простить меня за то, что в последнее время мало уделяла вам времени. Но вы должны понять меня. Столько дел! Мне так трудно. Столько всего нового!

Это была прежняя прекрасная Ноозика, но в то же время перед ним стояла совершенно другая женщина. Исчезли ее беспечность, светскость, игривость. На Маогана смотрела мудрая, все понимающая женщина.

— Я ведь ответственна теперь за жизнь целой Империи, Жорж. Это тяжкое бремя. Мозг выбрал меня... Я правильно поступила, как по-вашему, Жорж?— она улыбнулась.

Маоган понял, что этот вопрос не требует ответа. Ноозика знает ответ сама. Коммодор тоже знал, что значит нести ответственность за жизнь других, и видел, что выбора у Ноозики не было. Теперь ей придется отказаться от самой себя. Но все же в ней еще жила женщина, которая страдала, любила и мечтала быть любимой. Может быть, в ее сердце еще теплилась надежда, что коммодор останется здесь и ей будет на кого опереться. Но Маоган не мог поддержать в ней эту надежду. Он постарался, чтобы голос его звучал бесстрастно.

— Я рад за вас, Ноозика. Это просто отлично, что Мозг признал вас руководителем Империи.

Ноозика видела его насквозь. Она протянула коммодору руку.

— Не страдайте, Жорж. Вы во многом помогли нам. Ведь это вы выиграли битву.

Она справилась со своими чувствами. Теперь перед Маоганом вновь стояла мудрая и справедливая правительница, достигшая душевного равновесия. Чтобы понять друг друга, им не надо было много говорить.

Вошли эфебы. Они внесли вазы с цветами, испускавшими сильный аромат. Под руководством Принеи эфебы расставляли их вдоль колонн. Затем, толкаясь и смеясь, появились служанки. Одна из них, как это было при первой встрече, принесла пурпурную тогу.

Предстояла церемония прощания.

— Я надеюсь, Жорж, что сумею правильно управлять Мозгом. Я хочу, чтобы он создал мир красоты и гармонии. Я очень хочу, чтобы нам это удалось!

Девушки суетились вокруг них, переодевая его и втирая в тело какие-то благовония.

— Я уверен, Ноозика, что вам это удастся. Я верю в вас.

Он указал на девушек, которые, не обращая на них внимания, продолжали свое дело.

— Я всегда буду помнить о вас. Ведь на Земле мне трудно будет найти такой сервис.

Они улыбнулись друг другу. Потом лицо Ноозики вновь стало серьезным.

— Да, действительно, вы скоро возвратитесь домой. У меня к вам есть одна просьба. Обещайте, что о существовании Антефаэса не станет известно людям. Ваша раса еще слишком молода, чтобы понять нас.

— Я знаю,— сказал он просто.

— Но вы можете возвращаться сюда, когда захотите, Жорж. Я попрошу Мозг установить с вами особый контакт. Будет достаточно одного только вашего желания, чтобы мы прислали за вами космический корабль,— заметив в глазах коммодора колебание, она жестом предупредила его отказ.— Если вы не захотите, мы не будем напоминать вам о себе. Но знайте, что болезни теперь для вас не существуют, вам обеспечена долгая, очень долгая жизнь. Хотите вы этого или нет, для нас вы навсегда останетесь гражданином Антефаэса, со всеми вытекающими из этого преимуществами, Жорж. А теперь маленький вам сюрприз.

Она повернулась к эфебам и позвала старшего из них.

— Коммодор,— сказал тот, приблизившись.

От изумления Маоган потерял дар речи. Это был голос Штуффа Логана.

— Вы узнали меня, коммодор? Да, я Штуфф. Мозг спас меня, взяв из умершего канеакса мой мозг и пересадив его в тело погибшего эфеба. Теперь я снова живу.

Штуфф, казалось, был очень смущен, он не знал, как воспримет его решение коммодор.

— Я надеюсь, что вы не будете сердиться на меня, коммодор, если я останусь здесь. Там, на Земле, у меня никого нет. А здесь я чувствую себя на своем месте. Меня назначили старшим над этими ребятами... Кроме того,— он понизил голос,— я думаю, нельзя эту девушку оставлять одну. Может быть, ей еще понадобится наша помощь.

Да, Штуфф не изменился, он по-прежнему думал о тех, кто казался ему слабее, чем он сам.

— Ну что ж, Штуфф,— Маоган постарался, чтобы голос его звучал весело и уверенно,— поступай, как считаешь нужным. А что, кстати, стало с Роллингом?

— А с этим! Он взят под наблюдение. Мозг займется его перевоспитанием. Очевидно, ему придется находиться под куполом еще довольно долгое время.

Маоган повернулся к Ноозике.

— Значит, вы не отказываетесь от методов Феакса? Даже гипноз...

Ноозика не дала ему закончить.

— Поймите, Жорж, нельзя все изменить одним волевым решением. Это будет долгий процесс. Но времени у меня хватит!

Она посмотрела на него прощальным взглядом, затем повернулась и быстро вышла.

... Ни один человек не обратил внимания на небольшую сферу из серого металла, которая высадила Маогана неподалеку от Главного Штаба Космических Сил. Был разгар рабочего дня, и все вокруг занимались своим делом. Проводив взглядом аппарат, быстро удаляющийся в синем

небе, он повернулся и медленно пошел пешком. Его нагнало аэротакси. Пилот резко затормозил и открыл перед Маоганом дверцу:

— Садитесь.

— В Главный Штаб,— коротко сообщил коммодор.

— Разумеется,— насмешливо сказал водитель.— Такие лихие ребята, как вы, только и занимаются тем, что скачут по звездам.

Он внимательно и сердито посмотрел на Маогана.

— Хотите, я вам скажу, что думаю о вас и вам подобных?

Маоган едва слушал его, но пилот не обращал на это внимания.

— Из всех ваших дальних экспедиций не выйдет ничего хорошего. Когда-нибудь один из ваших межгалактических кораблей приведет за собой шайку космических чудовищ, которые сожрут тут нас всех с потрохами.

— Вы так думаете?

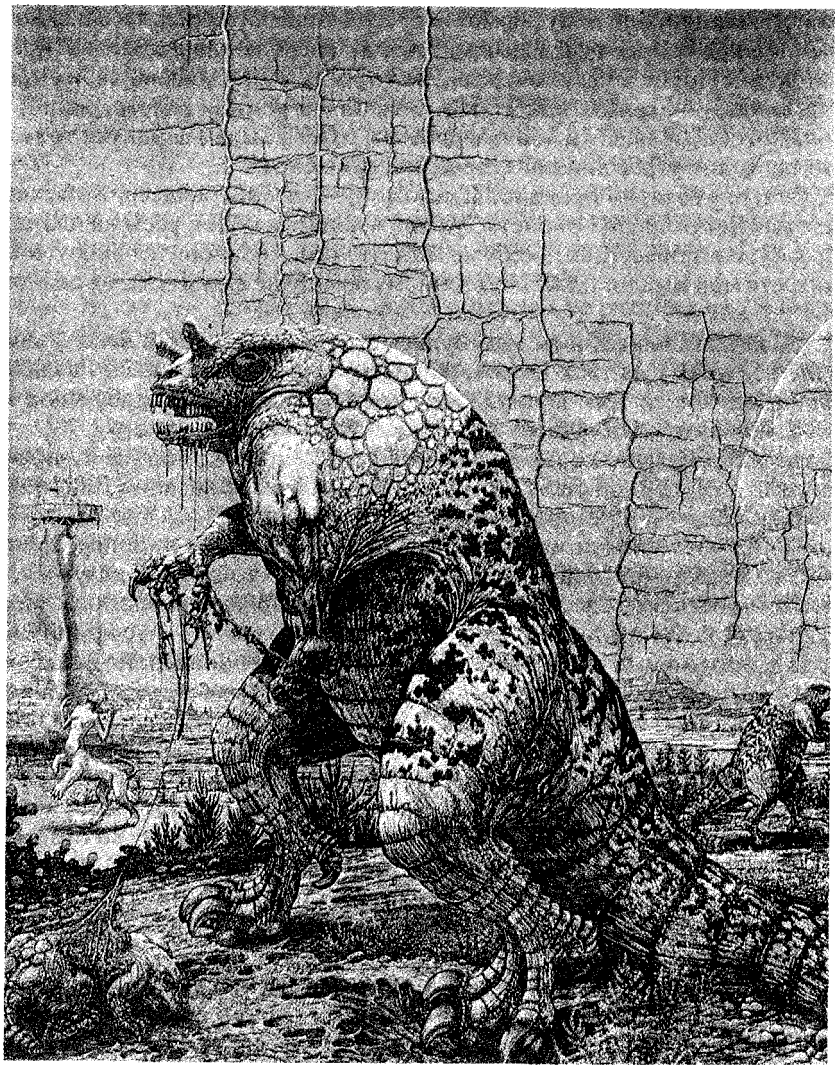
— Я в этом уверен.

Пилот шел на посадку на одной из террас Космического Центра.

— А все-таки на расстояниях, которые вам даже и не снились, встречаются существа удивительной красоты, ума и благородства,— сказал Маоган, выходя из машины.

— Сильно в этом сомневаюсь!— крикнул ему вслед пилот.

ВОЙНА С МОНСТРАМИ

Глава 1

Проводив взглядом звездолет, растворившийся в бурлящем тумане Эристана II, Тревор Джемисон достал бластер. Его порядком мутило, голова кружилась от болтанки. Он висел на прочных тросах под антигравитационной платформой, которая тихо раскачивалась над ним. Прищурившись, он разглядывал эзвала, расположившегося на краю платформы, а тот в свою очередь, не спускал с Джемисона своих трех — в линию — серых, как сталь, глаз. Его огромная голова, настороженно выглядывавшая из-за платформы, готова была отпрянуть тотчас, едва поступит угрожающий телепатический сигнал.

— Ну, что ж,— произнес Джемисон,— вот мы и здесь, в тысячах световых лет от наших планет. Судя по изоляции вашей расы на планете Карсона, вы и представить себе не можете того, что творится внизу, хоть и читаете мои мысли. Даже двухтонному эзвалу не выжить там в одиночку.

Из-за края платформы высунулась огромная когтистая лапа и щелкнула по одному из трех тросов, на которых висел Джемисон. Раздался резкий щелчок, и трос лопнул. Джемисона по инерции подбросило на несколько футов. Он поднял бластер и приготовился к отпору.

Но эзвал больше не предпринимал попыток нападения, и по-прежнему над платформой была видна лишь его голова. Внезапно Джемисон уловил холодную и неторопливую мысль эзвала:

— Сейчас меня беспокоит только то, что из сотни с лишним членов экипажа звездолета лишь вы один понимаете, что эзвалы разумны, и именно вы остались в живых. Ваше правительство испытывает огромные трудности с колонизацией нашей планеты только потому, что принимает нас за примитивных животных. Природное зло — опасно, но неизбежно. Мы хотим, чтобы оно и дальше думало так же. Ведь стоит вам понять, что мы разумны, и нам придет конец. Вы поведете против нас беспощадную войну, и мы не сможем достигнуть нашей цели — выдворения со своей планеты всех пришельцев. Вы знаете нашу тайну, и я прыгнул на эту платформу, когда вы выбирались из люка, чтобы не дать вам удрать.

— Неужто вы думаете,— спросил Джемисон,— что если отделаетесь от меня, то и делу конец? Вы забыли про второй корабль с самкой и детенышем эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера рулл и теперь находится на пути к Земле.

— Нет, не забыл,— презрительно ответил эзвал,— наоборот, я отлично помню выражение лица командира звездолета, которому вы намекнули, что эзвалы, мол, еще умнее людей. Нет, только вы можете заставить Землю поверить в это. Пленники не предадут свою расу.

— Не такие уж они альтруисты,— цинично ответил Джемисон,— да и вы просто спасали свою жизнь, прыгнув на платформу. Однако вы не умеете ею управлять. Так что мы в равном положении, и я сомневаюсь, что даже эзвал способен...

Он замолчал, не закончив фразы. Эзвал метнул вверх свою огромную лапу и схватил гигантскую птицу. Отчаянно взмахнув распростертыми крыльями, птица рванулась вниз. Но ничего не вышло. Джемисон увидел на мгновение ее выпученные глаза и занесенные для удара серпообразные когти.

От удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Джемисона швыряло из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, что вокруг беснуют молнии. Задыхаясь, он вскинул бластер. Белое пламя ударило в крыло и выжгло там огромную дыру. Удары ослабли, и постепенно эзвалу удалось выкинуть птицу с платформы. Она медленно падала вниз, пока не пропала на фоне джунглей.

Джемисон взглянул вверх. На краю платформы, двумя лапами уцепившись за скобы, а четырьмя остальными нелепо размахивая в воздухе в последней попытке удержаться, раскачивался эзвал. И он удержался. Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Ну вот,— сказал он,— даже с птицей не справились. Я бы вас пристрелил, да вы мне нужны — так же, как и я вам. Ситуация такова: корабль погиб над островом в 20 милях от материка. Между островом и материком — пролив Дьявола. Мы вовремя выбросились из звездолета — еще секунда, и нам пришел бы конец. Но теперь нужно найти упавший корабль: он послужит нам защитой от самых смертоносных существ во Вселенной, и кроме того, я, вероятно, смогу починить субрадио, а может, и спасательный бот. Но для этого мы оба должны приложить максимум усилий. Надо преодолеть 15-20 миль джунглей — до пролива Дьявола, построить плот, который перевезет нас на материк и защитит от морских чудовищ, способных проглотить вас целиком. Ваши сила и телепатические способности и мои ловкость и оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что скажете?

Ответа не последовало. Джемисон сунул бластер в кобуру. Может, не следовало этого делать, но теперь можно было надеяться на благоразумие эзвала.

Теплый влажный ветер овеял лицо Джемисона. Он принес первый запах земли. С этой высоты еще можно было различать очертания морей и джунглей. Но постепенно они расплылись, и картина изменилась. Стала видна грива лесов, спутанные колышащиеся растения, тянущиеся к северу. Где-то там, внизу, лежал пролив Дьявола, материк, напичканный множеством смертельных угроз. Все вместе это называлось Эристаном II.

— Судя по вашему молчанию, вы хотите бороться в одиночку. Существование вашей расы стало возможным лишь в результате длительного естественного отбора. В то время как мы, люди, тряслись в пещерах,

добывали огонь, изобретали оружие, находясь на волоске от гибели,— вы все эти тысячи лет бродили по своим материкам, бесстрашные, непревзойденные по силе и разуму, не нуждающиеся ни в убежище, ни в огне, ни в оружии, ни в ...

— Приспособление к среде,— холодно оборвал эзвал,— главная задача разумных существ. Человечество же создало то, что оно называет цивилизацией — материальный барьер между собой и средой. Этот барьер настолько сложен и громоздок, что попросту препятствует вашему развитию. Собственно говоря, человек — это раб, всю жизнь пресмыкающийся перед техникой и погибающий от малейшей неполадки в своем болезненном организме. Но его высокомерие в сочетании с ненасытной жаждой власти — величайшая опасность для разумных существ Вселенной.

Джемисон усмехнулся.

— Неужели же раса, успешно борющаяся со своими врагами, овладевающая Вселенной, достигшая отдаленных звезд, не достойна ни малейшей похвалы?

— Чепуха!— раздраженно откликнулся эзвал.— Человек с его идеями — это злокачественная опухоль. Да что далеко ходить: вот вы битых полчаса уверяете меня в своем превосходстве и в то же время умоляете о помощи. Это ли не коварство? Остальное очевидно... Скоро земля. Учтите: я не причинил вам вреда, хотя мог бы прихлопнуть вас в любой момент. Даже вы не отрицаете моей силы. И пусть внизу есть звери сильнее меня — разница в силе покрывается разумом. Или эти примитивные твари одновременно и сильнее и умнее меня?

— Ну, таких там нет,— медленно произнес Джемисон, встревоженный тем, что его аргументы не возымели должного действия,— но поймите: ваша родина — необитаемый остров по сравнению с этой планетой. Против толпы бессилен даже танк.

— Тогда тут бессильны и двое. Особенно если один наследственный урод, калека, и больше мешает, чем помогает второму, несмотря на свое оружие, которым он так кичится.

— Я не переоцениваю свое оружие, несмотря на его мощь. Кроме того...

— ... ваш могучий разум, надо понимать,— подсказал ему эзвал,— который заставляет вас выдумывать эти бессмысленные аргументы.

— Не мой разум,— продолжал Джемисон,— а ваш. Я имею в виду его преимущество.

— Неважно, что вы там имеете в виду. Вы упорно убеждали меня, что не сможете в одиночку выбраться с острова. Ну что ж...

Тем временем две огромные лапы сделали два быстрых движения. Оставшиеся тросы лопнули, точно струны. Джемисона подбросило, и он, описав стофутовую дугу в воздухе, начал падать.

Холодная, ироническая мысль настигла его: "Запасливый вы человек, Тревор Джемисон. У вас за спиной не только аварийный комплект, но

и парашют. Земли вы и сами достигнете. А тогда можете сколько угодно десмострировать свои разрушительные способности на всех обитателях джунглей, до которых сумеете дотянуться. Счастливого пути!"

Джемисон дернул вытяжной трос парашюта и замер. Шло время, а падение не замедлялось. Он завертелся, пытаясь выяснить, что с парашютом и не запутался ли он в тросах. Но парашют просто медленно выползал из мешка. Его тормозила, очевидно, влажная ткань мешка, и прошло несколько секунд, прежде чем падение замедлилось.

Джемисон отстегнул тросы и выбросил их. Он медленно падал сквозь плотный — 18 футов на кубический дюйм на уровне моря — воздух. Джемисон усмехнулся. Скоро и он будет на этом уровне.

Но под ним было отнюдь не море, а всего лишь несколько луж да кусты, что-то вроде вырубки, серой, отталкивающего вида. Догадка молнией пронзила его мозг и заставила кровь застыть в жилах. Болото! Бездонное море гадкой грязной слизи. В отчаянии он уцепился за стропы, как будто мог задержать падение или дотянуть до джунглей, находящихся в четверти мили отсюда. Джемисон застонал и съежился в ожидании... Но угроза скорой смерти заставила его напрячь все силы. Джемисон подтянул стропы так, чтобы его сносило. До деревьев было 500 футов, и столько же до земли. Невозможно было без ветра падать под углом 45 градусов. Сначала вроде бы ощущался легкий бриз, но сейчас и он стих. Впрочем, теперь все равно.

Развязка близка. Вот осталось 200, 100, 50 футов, вот его ноги провалились в серо-зеленую жидкую грязь... Отчаянно барахтаясь, Джемисон вытягивал ноги и дергал за стропы. С большим трудом он протащил себя еще несколько футов. Слишком мало. До ближайшего островка футов 30.

Распластавшись по поверхности, распределяя вес, Джемисон метнул вперед несколько строп. Это был его последний шанс.

И счастье ему не изменило. Стропы запутались в кустарнике, и довольно прочно. Рванув их несколько раз для проверки, Джемисон потянул изо всех сил. В результате он продвинулся немного вперед и вверх. Но внезапно раздался треск рвущейся материи, и стропы ослабли. Джемисон выбрал их и снова метнул вперед. Болото наконец выпустило его из своих тисков, и, перебирая руками, Джемисон подтягивался до тех пор, пока не ощутил в руках корень куста. Он рванулся из последних сил и влетел в кустарник, ломая ветви. Кусты, качаясь, согнулись под его тяжестью. Несколько минут он лежал ничком, не зная даже, где находится.

Когда он пришел в себя и огляделся, то был сильно разочарован. Он находился на маленьком островке в сотне футов от основного массива. Остров был шириной 20 и длиной 30 футов. Пять деревьев, максимум 30 футов высотой, неизвестно как влачащих существование на столь непрочной почве.

Но надежда еще была. Общая длина деревьев превышала сто футов. Этого хватило бы. Но у него лишь топорик. Он с ужасом представил себе, что должен свалить им несколько деревьев, обтесать их, перенести на берег.

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как ноют плечи, болит тело. Солнце было почти в зените, значит, до захода еще 12 часов. Пока можно отдохнуть. Он разыскал в кустах укромное местечко, помня о птичке, которую подстрелил совсем недавно, и блаженно вытянулся на мягкой почве, зарывшись в опавшую листву.

Здесь было прохладно и меньше пекло. Сияние чистого, голубого неба жгло ему глаза, и Джемисон закрыл их.

Когда он проснулся, солнце уже заметно склонилось к горизонту. Он проспал несколько часов. Джемисон встал, потянулся, ощущая прилив сил, и вдруг замер, увидев нечто невероятное.

Мост, толще и длиннее, чем любое дерево на его острове, пролег между ним и берегом. Похоже было на то, что из джунглей кто-то выставил колоссальную ногу. Мозг бешено заработал. Но пока догадка лишь оформлялась в его голове, он уже увидел поднимающееся из кустов голубое ящерообразное тело эзвала. Прямо перед ним были его три серых глаза.

— Не бойтесь, Джемисон. Подумав, я решил, что вы правы. Я помогу вам...

Джемисон прервал его с усмешкой:

— Ха, то, что вы вернулись, означает лишь одно: вы все-таки отступили. Что ж, я еще поразмыслю над этим.

Он вскинул на плечи рюкзак и шагнул на мост. "Путь будет долог".

Глава 2

Футах в 50 от эзвала из леса выползла гигантская змея. Первым колыханием высокой фиолетовой травы заметил Джемисон, балансировавший на середине моста. Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчавшая восьмиметровое желтое пиявкообразное тело почти в метр толщиной. Голова уставилась на него своими поросячьими глазами. Джемисон чертыхнулся, проклиная свою судьбу, так неласково бросившую ему эту тварь в столь неподходящий момент. Он был парализован ее блестевшими глазками, сковывавшими каждый его мускул. Но это его и спасло. Страшная голова отвернулась и сконцентрировала все свое внимание на эзвале. Джемисон расслабился, страх уступил место гневу. Он послал эзвалу мысль:

— А я-то думал, вы чувствуете приближение опасных животных.

Эзвал не ответил. Чудовищная змея скользила в тишине, плоская голова раскачивалась над длинным, извивающимся телом. Эзвал медленно пятился назад, признавая поражение.

— Может быть, вам интересно будет узнать, что, как эксперт Межзвездной военной комиссии, я недавно подал рапорт об Эристане II. Там я писал, что годность этой планеты для военной базы весьма сомнительна по двум причинам: из-за самых прожорливых во Вселенной растений-людоедов и из-за этих вот милых существ. Их — растений и змей — миллионы. Они чрезвычайно плодовиты, и их численность регулируется лишь количеством пищи, которой на этой планете служит почти все, поэтому их невозможно истребить. Самые крупные змеи 100 футов длиной и около 8 тонн весом. В отличие от прочих убийц, они охотятся днем.

Эзвал продолжал пятиться. Расстояние между ним и змеей сократилось до десяти метров. Он коротко ответил:

— Меня она врасплох не застала. Но в ее мыслях есть что-то, кроме жажды убийства. Впрочем, это неважно. Она опасна. Меня ей не убить. Вся проблема в вас.

Джемисон поморщился.

— Ну, не будьте так уверена в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться на сотни футов.

В ответе эзвала сквозила самоуверенность:

— Я пробегу 400 футов прежде чем вы сосчитаете до десяти.

— В этих-то джунглях? Да там же сплошные сетки, а не лес. Сетки-то вы прорвете, да только быстрее ли, чем змея. Такую маленькую добычу, как я, она может упустить, а вот вас...

— Неужели,— прервал его эзвал,— вы считаете меня настолько глупым? Я не собираюсь ломиться сквозь джунгли, если можно обогнуть их по краю.

— И попадетесь в ловушку,— ответил Джемисон.— Насколько я помню, джунгли дальше примыкают к болоту. Змея воспользовалась этим.

Эзвал помолчал, а потом сказал:

— Что же вы не примените свой хвалебный бластер?

— Чтобы отвлечь ее на себя? Спасибо за совет. Невозможно с первого раза попасть ей в мозг, а эти твари полжизни живут в болоте и передвигаются там так же быстро, как и на суше.

Несколько секунд мы молчали. Но надо было что-то делать, и в первую очередь эзвалу. Джемисон услышал его недовольный голос:

— Что ж, приказывайте — и БЫСТРЕЕ!

Джемисон был доволен, что эзвал попросил его о помощи без всяких условий. Но времени для торжества не было, и он приказал:

— Действовать будем вместе. Сначала она попытается загипнотизировать вас, это их обычный прием. В это время ее внимание ослабнет, и мы воспользуемся этим. Я выжгу ей глаза, а вы сразу хва-

тайте и рвите ее позади этого большого рога — там мозг, я отвлеку ее огнем. Начали!

Голова змеи качнулась. Джемисон медленно, усмиряя дрожь в пальцах, поднял бластер и спустил предохранитель.

Змея ринулась в атаку, свою последнюю атаку... Через несколько секунд ее дымящиеся останки, продолжавшие извиваться, были сброшены в болото. Джемисон устало соскочил с моста и рухнул на землю. Эзвал поджидал его впереди. Он пристально посмотрел на Джемисона, но тот выдержал его взгляд.

— Где платформа?— спросил он.

— В 30 ваших миль к северу.

Джемисон помолчал, потом сказал:

— Мы должны к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера, и нужно его подзарядить.

Эзвал молчал. Джемисон подождал еще немного, затем решительно продолжал:

— Было бы неплохо, если бы вы перенесли меня на спине. Из парашютных строп можно сделать упряжь. Нужно добраться до платформы как можно быстрее.

Прошло немало времени, прежде чем гордый зверь с неохотой согласился.

— Да,— сказал он с презрением,— лучшего способа транспортировки столь беспомощных существ, как вы, не придумаешь. Я согласен.

Джемисон подошел к эзвалу и расстелил на земле парашют. Вблизи эзвал оказался даже больше, чем думал Джемисон: расстояние и легкость движений скрадывали размеры. Джемисон по сравнению с ним выглядел совсем пигмеем.

Каждый раз, касаясь тела эзвала, Джемисон чувствовал волну отвращения. Это необходимо, убеждал он себя, как бы извиняясь. Он обмотал стропы вокруг тела эзвала, пропустив их между передними и средними лапами, чтобы не стеснять движений, а сверху положил кусок материи. Переброшенные через шею обрывки строп образовали примитивные стремена. Наконец он взгромоздился на свою "лошадь".

— Почему бы вам не изменить свое отношение ко мне,— мягко сказал Джемисон,— мне кажется...

При первом же прыжке его так подбросило в воздух, что потом ему оставалось лишь прикладывать все силы, чтобы не вылететь из седла. Эзвал со своей стороны ничего не делал, чтобы облегчить ему дорогу. Джемисон, однако, скоро приноровился к причудливому аллюру своей шестилапой "лошади" и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке. Слева от него проносилась стена деревьев, похожих на гигантский тростник, смыкающих вверху свои кроны.

Внезапно Джемисон услышал команду: "Держитесь!"

Он мгновенно потянул поводья и приник к шее эзвала, изо всех сил вцепившись в стропы.

Эзвал пошел боком, потом снова прямо.

Когда ритм восстановился, Джемисон оглянулся. Мельком он увидел больших четвероногих животных, похожих на огромных гиен. Они не преследовали их. "Впрочем, это весьма мудро с их стороны,— подумал он.— С эзвалом им не совладать". Что-то заставило его взглянуть вверх. В небе двигалась какая-то точка, в которой, присмотревшись, он узнал звездолет.

Боевой звездолет рулл!

Он мог бы узнать его даже не всматриваясь. Тем временем огромный корабль, чем-то напоминающий меч-рыбу, опустился в чащу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот сюрприз от эзвала. Гибель была неотвратима.

Он услышал торжествующую мысль эзвала:

— Что же, Джемисон, похоже, вы предпочитаете застрелиться, чем попасть в лапы к руллам, которые выбьют из вас все ваши секреты? Такой героизм я видел у обеих сторон — и рулл, и землян. Но вам это не удастся. Не вздумайте прикасаться к бластеру, иначе я приму меры.

У Джемисона застрял в горле комок. Надо же было такому случиться!

Делать было нечего — пришлось подчиниться.

— *Безумец,— произнес он, наконец, безжизненным голосом.—* Неужели вы думаете, что руллы вас отблагодарят?— Тема была довольно заезженной, а вопрос столь очевиден, что Джемисон даже не изощрялся в красноречии. Вместо этого он осторожно напрягся, наблюдая за местностью.— Руллы вероломны и нетерпимы к другим расам.— Однако ему не удалось скрыть напряжения. Эзвал на ходу повел плечом, и Джемисон оказался зажатым между его мускулами.

Он задергался, пытаясь сохранить равновесие, а ветви растений били его по голове и рукам. Эзвал, как танк, ломился сквозь заросли. Через мгновение они выскочили на берег океана и остановились на плотном коричневом песке у кромки воды.

Эзвал спросил как ни в чем не бывало:

— Насколько я понял ваши мысли, они засекли излучение платформы?

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если вы не выключили реактор, как я на звездолете...

— Вот почему они сели. Но если они зафиксировали огонь бластера во время стычки, то они знают, что кто-то выжил. Мне лучше всего самому сдаться им, пока они и меня не приняли за врага.

— Глупец,— воскликнул Джемисон,— все равно они убьют вас. Все равно вы — их враг, и только потому, что вы не рулла. Неужели вы этого не понимаете?..

— Правильно, правильно,— сардонически сказал эзвал.— Продолжайте в том же духе. Но я-то им кое-чем обязан. Во-первых, тем, что они подбили ваш корабль и я вышел из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я смог перебить ее. Не думаю, что они отвергнут мое предложение: выгнать людей с планеты Карсона. И сведения, которые мы извлечем из вас, очень НАМ в этом помогут.

Внутри Джемисона бушевала черная ненависть. Лишь большим усилием воли он сумел подавить ее. Он не вправе отступать. Он должен убедить эзвала в бессмысленности его плана.

— Неужели вы полагаете, что когда удастся все это выполнить, роллы, уберутся восвояси и предоставят вам наслаждаться свободой?

— Пускай остаются!

Джемисону стоило большого труда подавить раздражение, вызванное этим самонадеянным ответом. В сущности, сказал себе Джемисон, эзвал — дитя нетехнической цивилизации и не ведает, что творит. Поразмыслив немного, он спросил:

— Вероятно, вам известно, что всего лишь несколько месяцев назад люди разбили рулл на подступах к вашей планете. И вот в то время, как мы выбивались из сил, защищая вас от самых жестоких и безжалостных созданий, когда-либо обитавших в Галактике, вы делали все, чтобы помешать нам закрепиться на планете и создать базы. Вы знаете, что наши и их корабли эквиваленты по мощи. Но в некоторых отношениях роллы превосходят нас. Во-первых, их цивилизация, а следовательно, и техника нетрадиционны. Во-вторых, они могут принимать любой облик и улавливать электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих предков, хамелеонообразных червей. Поэтому из них выходят непревзойденные шпионы. Никогда еще нам не удавалось выбить рулл с той планеты, на которой они закрепились. Наоборот, они в первый же год выбили нас с трех важнейших баз, это было 100 лет назад. И это их вы собираетесь взять в союзники, чтобы победить человека.

— Именно теперь — да,— последовал ответ, тем более ошеломительный, чем внушительнее были аргументы Джемисона.

Время уговоров прошло. Все случилось настолько быстро, что Джемисон не успел даже ничего толком сообразить, собственно, поэтому все и случилось. Он выхватил свой бластер и разрядил в спину эзвала. Белое пламя вылетело из дула — но ничего не встретило на своем пути. Секундой позже он обнаружил, что оказался в воздухе.

Джемисон с треском влетел в джунгли. Жесткие ветки рвали его одежду, царапали лицо и руки. Клочки материи, куски кожи, вещи — все доставалось джунглям, кроме бластера, в который Джемисон вцепился мертвой хваткой.

Он упал в траву, покатился и мгновенно выкинул вперед руку с изготовленным к бою бластером. Эзвал, мчавшийся на него, успел затор-

мозить за три шага до бластера и замер на месте с гримасой удивления на широкой морде, а затем прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный, едва живой от потрясения, Джемисон сел и принялся размышлять над плюсами и минусами своей победы.

Глава 3

Вокруг стояли странные, причудливые деревья чужих джунглей. Да и не деревья вовсе, а пестрые, желто-коричневые грибы, вытянувшиеся на десятки футов вверх, пробив сплетения лиан, лишайников и красноватой травы. Эзвалу они были нипочем, но для человека, у которого к тому же почти разряжен бластер, они становились непреодолимым препятствием. К тому же эзвал во время их совместного путешествия сменил направление, видимо, для того, чтобы срезать путь, и теперь неясно было, куда идти.

Одно лишь успокаивало — его, по крайней мере, не волокли к руллам. Руллы! Джемисон вскочил на ноги. Предательский, мягкий покров спружинил под ним, и он перескочил на твердую почву. Джемисон знал, что где-то невдалеке скрытый диким буйством красок прячется эзвал и ловит каждую его мысль.

— Времени в обрез. Руллы, несомненно, засекли выстрелы и будут здесь с минуты на минуту. Вы еще можете переиграть. Это безумие — брать в союзники рулл. Учтите — наши разведчики, которым удалось вернуться из-за линии фронта, доносят, что ни на одной из тех планет, на которых они были, нет никого, кроме рулл. Я имею в виду сколько-нибудь разумных существ. Но ведь они были там! ГДЕ ЖЕ ОНИ?!

Джемисон сделал паузу, чтобы эзвал мог осмыслить вопрос, затем продолжал:

— Несколько раз нам приходилось встречать враждебные нам цивилизации. Что же мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организуя защиту планеты от рулл, тратили массу времени на то, что, по мнению рулл, не стоило и выеденного яйца: пытались установить мирные отношения с аборигенами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта. Если же все-таки это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свергали их правительства, или правительство, а потом осторожно ревизовали их культуру, очищая ее от элементов нетерпимости. После этого восстанавливалась автономия, и они могли сделать выбор: присоединяться им к федерации, насчитывающей около 5000 планет, или нет. И не было случая, чтобы эта огромная, кропотливая работа прошла впустую. Можете теперь сами представить, какова разница в методах людей и рулл. Мы не собираемся со-

вершать переворот на планете Карсона. Вы достаточно разумны, чтобы понять кто вам настоящий враг. Лично вы, здесь и сейчас, можете сделать первый шаг.

Больше ему нечего было сказать. Некоторое время он стоял и ждал. Однако ответа не последовало. Джемисон удрученно пожал плечами.

Был уже вечер, солнце проблескивало сквозь нижние ветви "деревьев" и лиан. Вдруг он понял, что его и без того почти безнадежное положение может стать еще хуже.

Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, днем скрывающиеся в своих убежищах. Против них ему не устоять. Если бы только найти НАСТОЯЩЕЕ дерево с прочными ветвями.

Джемисон двинулся вперед, избегая больших кустов, где мог притаиться эзвал. Это была трудная работенка, всего лишь через несколько сотен метров он едва мог шевелить руками и ногами. И тут он уловил первый отклик эзвала.

— Кто-то летает надо мной, он меня видит. Какое-то насекомое, крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу... полная бессмыслица... я...

— Это не бессмыслица. Это их мысли, чуждые нам,— прервал его Джемисон,— руллы значительно больше отличаются от нас обоих, нежели мы друг от друга. Существует, правда, недоказанная теория, что они совсем из другой Галактики. Не удивлюсь, если вы не сможете читать их мысли.

Джемисон медленно двигался сквозь джунгли, держа бластер наизготовку.

— Руллы пользуются антигравитационными машинами, в их изготовлении они достигли совершенства. То, что вы принимаете за крылья — это аура, поле арганов, формирующих световые волны. Вам выпала столь же редкая, сколько и опасная возможность видеть руллу в его естественном состоянии. Немногим это удавалось, и еще меньшим удалось остаться в живых. Видимо, он думает, что вы дикий зверь — может, вы и уцелеете. Впрочем, нет, на вас же упряжь.

В ответе эзвала сквозило отвращение.

— Эту вещь я сбросил сразу же.

Джемисон кивнул самому себе.

— Ну, отлично. Ведите себя, как зверь, рычите на него, даже кидайтесь, но уносите ноги, как только он выдвинет сбоку сетчатый отросток!

Эзвал не ответил. Джемисон напряженно пытался уловить какие-либо отзвуки того, что происходило где-то в чаще. Может, эзвал попытается установить с руллой контакт без телапатии? Хуже всего, если он вернется к этой идиотской мысли о союзе с ними. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом случае на планете Карсона. Он прислушивался к джунглям и слышал отовсюду слабые отрывистые шорохи: далекий треск растений, ломавшихся под тяжелым, громоздким телом, слабое фырканье и рычание, прерывистый низкий вопль, где-то

совсем близко. Он протиснулся в заросли, осторожно выглядывая оттуда. Он догадывался, что произошло. Эзвал последовал его советам. Джемисон мысленно спросил его:

— Он преследует вас?

— Да,— последовал быстрый ответ,— он хочет меня изучить. Стойте на месте, у меня есть одна идея.

Джемисон устроился поудобнее.

— Ну, я вас слушаю.

— Я приведу его к вам. А вы его убьете. В обмен я помогу вам добраться до корабля.

Джемисон вскочил на ноги и бросился в сторону. Несомненно эзвал отказался от союза с руллами. Неважно, из-за чего, важно, что эзвал на его, Джемисона, стороне. Но, может быть, это всего лишь хитрость?

— Сейчас я с вами, Джемисон, но берегитесь! Все равно мы заключим союз с руллами против главного нашего врага человека. Не знаю, что скажут об этом мои соплеменники, возможно, многие будут против... Впрочем, будьте готовы, скоро я буду у вас.

Слева послышался треск, Джемисон прицелился. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза эзвала, мчавшегося в 50 футах от него. Над ним неслась темная плоская тень.

— Поздно — не двигайтесь, не шумите. Надо мной их уже дюжина, и...

Ослепительная вспышка света прервала его мысль. Ослепленный, Джемисон опустился на траву и приготовился к смерти. Но... Прошла минута, и ничего не произошло. Когда он приподнял голову, то понял, что его спас сгустившийся туман. Раз или два над ним промелькнули какие-то тени. Эзвала не было слышно. Что могло так быстро и бесшумно обезвредить его? Скорее всего его парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поражения животных и примитивных форм разума. Ничто иное не могло парализовать эзвала так быстро. Несмотря на высокий интеллект, он был близок к животным и мог оказаться очень чувствительным к механическим формам гипноза.

Да, скорее всего они приняли эзвала за зверя. Иначе не вели бы себя столь неосторожно. Они поймали эзвала, чтобы выяснить, как он здесь очутился, ведь на Эристане II эзвалы не обитали.

Несмотря на то, что планета находилась в сфере влияния землян, руллы, видимо, не однажды побывали тут. Джемисон усмехнулся. Они тоже полагают, что эзвал всего лишь животное — тем хуже для них. Если эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то же может случиться и со звездолетом рулл.

На севере, в мутном небе, что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были стодюймовые пушки земного линкора.

Линкор! Скорее всего он пролетал, возвращаясь с базы на Криптаре IV и заметил вспышки боя.

Ответные раскаты были куда слабее. Крейсеру рулл сильно повезет, если он сумеет убраться с планеты.

Но лично для Джемисона это уже ничего не меняло. Ночь со всеми ее ужасами ему предстоит провести здесь. Если патрульный корабль и вернется, Джемисон не сумеет подать ему сигнала, пока не зарядит бластер. Но руллы ему, по крайней мере, теперь не страшны.

Джемисон уже почти ничего не видел, и опасность возрастала с каждой секундой. Единственное спасение — бластер. Но надолго ли его хватит?

Джемисон напряженно вглядывался во тьму. Того и гляди наткнешься на какое-нибудь чудовище, подумал он. Смочив палец, он определил направление движения ветра. Он пошел по ветру и вскоре понял, что если днем идти по джунглям трудно, то ночью невозможно. Через каждые несколько ярдов приходилось заново ориентироваться. От его усилий по джунглям шел такой треск, что он подумывал над тем, стоит ли вообще двигаться. Но альтернатива нескончаемого ожидания во тьме была в тысячу раз хуже. Тут он споткнулся, и его пальцы наткнулись на что-то твердое и шероховатое.

Д Е Р Е В О!

Глава 4

Огромная тварь топталась внизу, алчно разглядывая Джемисона огненными глазами. Семь раз такие же точно твари бросались на дерево, визжа и пуская слюни, и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий луч всесокрушающей энергии, и зверь падал замертво.

Прошло около восьми часов. Если так пойдет дальше, бластера не хватит и до утра, не говоря уже о следующей ночи. А ведь неизвестно, сколько раз ему придется ночевать в джунглях, пока он будет искать платформу, и найдет ли он ее вообще? Сколько минут он продержится после того, как иссякнет заряд?

А ведь победа была так близка... Опять кто-то топтался под деревом. Плоские когти терзали кору, потом два сверкающих глаза на секунду отодвинулись и вдруг понеслись к нему с невероятной скоростью. Сначала Джемисон схватился за бластер, но, передумав, быстро полез вверх, к тонким ветвям. С одной стороны, каждую секунду ветки могли обломиться, и он полетел бы вниз, прямо в пасть зверя. С другой, еще больше он боялся, что челюсти вопьются ему в пятки. Зверь почти настиг его, когда снизу послышался еще более ужасный рев, и на дерево полез еще кто-то. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу, в куче таких же тварей. Внезапно появился какой-то длинношеий

монстр с шестифутовыми челюстями и, как таран, врезался в клубок дерущихся убийц. Он оттащил свою добычу в сторону и сожрал в мгновенье ока, после чего удалился.

К утру Джемисон остался совсем один.

Он уже не надеялся дожить до вечера. Если бы эзвал не припер его тогда к стенке в контрольном отсеке, он сумел бы запастись пилюлями против сна, патронами, часами. Он даже улыбнулся при мысли, что у него могла бы быть спасательная шлюпка. Славу Богу, что удалось захватить питательных пилюль на месяц. Джемисон подкрепился и слез с дерева. Насколько он мог судить по скорости эзвала, платформа была в 10 милях к северу. Учитывая болота, заливы и джунгли, до нее не менее дня пути. Притом, пройдя эти десять миль, платформу придется разыскивать, прочесывая лес кругами. Да и что он получит, найдя ее? Только полный заряд бластера. Платформа сама по себе была лишь сверхпарашютом, способным только поднимать и опускать тяжести. Ему предстояло самостоятельно, с одним лишь бластером преодолеть 100 миль моря, болот, джунглей и хищников, отделяющих его от корабля.

Но другого пути не было. Он двинулся вперед.

К полудню Джемисону удалось пройти, по его подсчетам, не более 3 миль. Белое пятно в небе не позволяло определить время точнее. Он решил немного отдохнуть, тем более, что поблизости было дерево. Джемисон привязался к ветвям и... Кромешная тьма окутала его.

Когда он проснулся, под деревом завывала стая ночных хищников. Неизвестно, сколько прошло времени, но, видимо, ночь только началась.

Гигантские лапы ударили по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон отвязался и вскарабкался выше, зная уже, как много могут значить несколько футов.

Сквозь туманную атмосферу этой дикой планеты не было видно звезд, и потому ночь растягивалась вдвое. Нескольким кошкообразным тварям удалось довольно близко подобраться к Джемисону, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был так тонок, что сердце у него екнуло. Но животное, суча обожженными лапами, свалилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так лениво, что казалось, ночь растянулась еще на час. Джемисон увидел внизу нескольких гиенообразных, копошащихся над грудой костей. Внезапно в тишине из кустов вынырнула огромная рогатая голова, а за ней появились двенадцать метров толстого туловища змеи, и ближайшая "гиена", коротко взвизгнув, превратилась в кусок мяса. Остальные растворились в сумерках. Змея спокойно принялась пожирать свою жертву, а потом улеглась на траве, пока вздутие в теле медленно продвигалось к хвосту. Джемисон сидел на дереве ни жив ни мертв. Кто знает, может, ей нечего не стоит достать его на дереве. И тогда никакой бластер не спасет.

Пролежав у дерева длиннейший час в жизни Джемисона, змея убралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он слез с дерева

и убедился, что охота закончилась. День только начинался, и солнце еще не достигло зенита. Он проверил направление и продолжил путь.

За этот день он продвинулся немного больше, сократив время на отдых. Он снова устал, но перспектива провести еще одну ночь на дереве с бездействующим бластером заставила его начать прочесывать лес.

Некоторое время он изучал окрестности, чтобы запомнить отправную точку. Радиус первого круга был 50 футов. Это оптимальная величина, чтобы найти металлический предмет размером с платформу. Конечно, массу времени он потратит впустую, но другого пути не было. Он влез на дерево и оглядел местность.

Через четыре часа он брел через заросли, заканчивая пятый круг. Темнело. Поиски ничего не дали. Необходимо вернуться, чтобы пережить еще одну кошмарную ночь.

С такими мыслями он закончил пятый круг. Глупо надеяться найти платформу сегодня. Джемисон видел, что джунгли кончались лишь через несколько миль, и, чтобы прочесать эту площадь, нужна была как минимум неделя. Но он шел вперед, упрямо пытаясь отсрочить финал, хотя опасность нападения увеличивалась с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились, обнаружилась поляна диаметром 250 ярдов. Почва здесь поросла серым, сгущавшимся к центру кустарником. Едва он сделал несколько шагов по поляне, как из кустов вылетел косматый зверь с огненными глазами и бросился к нему. Джемисон, оцепенев, застыл на месте.

Но зверь не успел добежать. Его ноги запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все усилия, выбраться из него. Джемисон понял, что произошло. Веревкообразные лианы связали зверя, а веретенообразные, как шприцы, вонзились в него. Громадное тело вздрогнуло, засучило лапами и рухнуло на землю. Лианы медленно впивались в него все глубже и глубже.

Это был ритт, кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для военной базы. Правда, он рос не везде, но здесь он был, и Джемисон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов он миновал за последний час.

Наступил уже поздний вечер, время, когда хищники выходили на охоту. Дневная тишина кончилась. Джемисон поспешно направился к дереву, силуэт которого виднелся в туманной дымке.

— Не туда, Тревор Джемисон, левее,— уловил он мысль.— Там есть поляна. Я вас жду. Помогите мне.— Джемисон остановился в недоумении. Ведь эзвала поймали руллы. Значит, ловушка? Но зачем?

— Руллы мертвы. Их машина невредима, но я не умею ею управлять. Помогите мне. Только быстрее, пока между нами никого нет.

Резко повернувшись, Джемисон бросился к поляне. Все ясно. Линкор рулл так торопился убраться, что бросил своих разведчиков. Эзвал их уничтожил. Остальное очевидно.

— Я их не убивал,— прервал его эзвал.— Это было ни к чему. Сейчас все сами поймете.

Джемисон, наконец, выбрался из джунглей. Перед ним на одном конце поляны стояла стофутовая шлюпка рулл, а на другой теперь уже ненужная платформа. Между ними среди серого кустарника были разбросаны червеобразные трупы дюжины рулл. Отросточки кустарника протянулись к шлюпке, а некоторые даже заползли в кормовой люк, как бы чувствуя, откуда могут появиться новые жертвы.

Джемисон сразу понял, в чем дело.

— Медленно соображаете, Джемисон, хотя в логике вам не отказать. Правильно, я в рубке, меня спасла дверь. Надеюсь, вы сожжете растения и освободите меня.

Джемисон прожег в кустах проход и поднялся на платформу. Сдвинул крышку двигателя, вынул из бластера маленькую капсулу. Без нее бластер становился бесполезным куском металла. Подняв еще одну крышку, он сунул капсулу в специальное гнездо. Теперь нужно ждать, пока наведенная ядерная реакция не насытит капсулу энергией. Вообще-то нужно ждать 10 минут, но ему хватит и трех.

Джемисон прислонился к платформе с таким расчетом, чтобы при малейшей опасности выхватить капсулу и вставить в бластер. Хоть это было и невозможно. Пока он сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, эзвал молчал. Поэтому Джемисон заговорил сам.

— Выходит, руллы не знают о ритте. Оно и неудивительно: таких растений немного. Но как же это они вышли так неосторожно, ведь никто не спасся. Это вы можете объяснить?

— В сознание я пришел при погрузке корабля. Но виду не подал — у всех было оружие,— я притворялся, пока меня не поместили в хранилище. Там я разорвал путы и стал поджидать момент для бегства. Внезапно раздался взрыв, и они покинули судно. Потом руллы страшно разволновались, и тут же все их мысли оборвались. Я взломал дверь и, благодаря своей способности видеть в темноте, обнаружил, что все они мертвы.

Джемисону почудились какие-то тени на краю поляны. Может, это охотятся на него? Три минуты давно прошли — больше ждать нельзя. Взяв себя в руки, он вынул капсулу и вставил в бластер. Все.

Он пристально посмотрел в сторону, где видел тени. Все спокойно. Вероятно, почудилось... Но все же следует быть осторожным. Он произнес:

— Ну что же, вы рассказали достаточно. Я попытаюсь продолжить. Увидев, что руллы мертвы, вы вернулись на шлюпку. Ведь если вы боитесь чего-либо на этой планете, то именно кустарника. Вероятно, вы от него спаслись с большим трудом и прекрасно знаете, что чем дальше в джунгли, тем его больше. Тут вы струсили и поняли, что без меня — без моего бластера — вам не обойтись. Вот и вернулись...

На фоне земли кустарник выглядел белым пятном. Джемисон закрыл глаза рукой и нажал на спуск. Послышался треск горящей почвы. Бластер был заряжен полностью. Джемисон поводил дулом из стороны в сторону, потом открыл глаза. Он стоял посредине черного пятна, следующая заросль была в футах в 20 от него.

— Значит, вы уже двое суток в шлюпке?— спросил Джемисон, сделав шаг вперед.— В первый день вы, скорее всего, возились с механизмом двери и проникли в рубку только вчера. И в другом ее конце обнаружили отростки кустарника. Держу пари, что вы задвинули на двери все засовы. Конечно, сквозь железо кустарнику не пройти. Вас он может пронзить в сотне мест сразу, но не через дверь. Только поэтому вы и уцелели.

Джемисон сжег второй куст. Теперь ему оставалось сжечь последний, уничтоживший рулл. Он продолжал в том же тоне:

— Два дня вы пытались разобраться с пультом и потерпели поражение. Если бы вы поняли, как работает механизм управления, то давно бы удрали. Но вы не поняли... Появился я, и ситуация изменилась.

Он остановился, ожидая, что скажет эзвал. Эзвалу нечего было возразить, и он молчал.

Джемисон проложил себе путь до следующего серого пятна. Оставались щупальца, проникшие в корабль. Он уменьшил мощность, чтобы не повредить обшивку.

— Сейчас я уничтожу последние отростки. После этого я поставлю бластер так, что он уничтожит вас, если вы сделаете хоть шаг из камеры. Думаю, вы будете благоразумны. До ближайшей базы две недели лету, а там мы доберемся до планеты Карсона, где я вас выпущу. Не знаю, правда, найдете ли вы что-либо съедобное в камере. Но утешьтесь тем, что, не будь астрогации и гиперпутешествий, вы бы наверняка умерли с голоду, не добравшись до родины. Вы проиграли. Но не беспокойтесь — пока я не выдам тайну вашей разумности. Пока. А теперь отойдите от двери подальше: будет очень жарко!

Глава 5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подать сигнал бедствия ближайшей земной базе. Но еще целую неделю они блуждали в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль. Командир согласился доставить их на планету Карсона. Он ничего не знал о сложившейся там ситуации и, посмотрев удостоверение личности Джемисона, поверил, что тот — сопровождающий при эзвале.

Джемисон добился, чтобы корабль сел вначале в необитаемом районе. Здесь состоялся последний разговор с эзвалом.

Планета Карсона была богатым миром — бескрайний лес простирался к западу, на востоке блестела река.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у люка.

— Ну как, еще не передумали?

— Убирайтесь с нашей планеты, вы и ваши сородичи!— злобно ответил эзвал.

— Только когда у вас будет техническая цивилизация, способная противостоять руллам.

— Эзвалы никогда не станут рабами машин!

Но Джемисон лишь кивнул на это. У него была своя концепция. Взрослого эзвала ему не переубедить, он слишком устойчив.

— Просто вы индивидуалист и хотите жить лишь для себя.

— Да, только от вас я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвал сотрудничает лишь ради общей цели, но мы свободны. Я что-то не понимаю, отчего вы принимаете это за слабость?

— За слабое место. Мы на Земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имен.

В ответе эзвала звучало отвращение.

— Телепаты не нуждаются в кличках. Вы зря думаете,— сказал он с яростью,— что с помощью имен сможете сделать из нас себе подобных,— ярость сменилась презрением.— Впрочем, сейчас ваша главная задача — доказать нашу разумность. На этом я вас и покину.

Эзвал повернулся и побежал в лес. Джемисон окликнул его:

— Вы спасли мне жизнь и доказали, что между нами все-таки возможно сотрудничество. Благодарю вас за это!

— Мне не нужна благодарность человека. Прощайте и не попадайтесь мне больше!

— Прощайте!— ответил Джемисон.

Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел. Джемисон почувствовал антигравитационный эффект, нараставший с каждой секундой.

Перед отлетом Джемисон представил свой доклад Правящей Хунте. Председатель оборвал его сразу же, едва стала ясна основная мысль:

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете, вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных от этих чудовищ.

Джемисона это пока не касалось.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их немедля. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердия к другой расе, и в данной ситуации трудно ожидать от нас снисхождения к эзвалам.

Послышался одобрительный шепот членов Хунты. Джемисон обвел взглядом их лица и понял, что председатель прав. Планета была слишком лакомым куском. А в истории человечества лишь несколько раз встречались расы, столь ненавидящие людей, как эзвалы. И надо же было случиться, что их планета была одной из трех баз, на которых держалась оборона Галактики. Ее нельзя было покидать ни при каких обстоятельствах, поэтому в принципе возможно даже полное уничтожение эзвалов.

Но эзвалов можно уничтожить, только зная, что они телепаты. Это их достоинство, но и в этом их единственная уязвимость. Они всегда первыми чувствовали человека, поэтому их невозможно было обнаружить. Но зная эту их способность, ученые легко могли бы их уничтожить, создав машины, излучающие молнии. И с расой эзвалов будет покончено

Джемисон понял, что рассказывать им о своих приключениях на Эристане II было бы ошибкой. Пусть думают, что это всего лишь теория.

— Леди и джентльмены,— он поклонился трем женщинам, входившим в состав Хунты,— мне остается лишь выразить свою благодарность Галактической Конвенции, пославшей меня, дабы разрешить эту проблему. Я буду вынужден просить ее о проведении плебисцита по этому вопросу.

— Я думаю, что это оскорбление,— холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос жизни и смерти расы. Благодарю за внимание.

Джемисон сел. Последовавший банкет прошел при полном молчании.

После банкета к Джемисону подошел вице-председатель Хунты в сопровождении молодой женщины. Ей было лет тридцать на вид. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее привлекательной, но неженская решительность в ее облике несколько портила впечатление.

— Миссис Уитмен хотела бы познакомиться с вами, доктор Джемисон,— вежливо произнес вице-председатель и тут же отошел, предоставив их друг другу, как будто только в этом и заключалась его миссия. Джемисон внимательно разглядывал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джемисон?— спросила она.

— Да, я физик, но специализируюсь в поиске цивилизаций и космических исследованиях.

— Так я и думала. А я вот осталась вдовой после гибели мужа. Меня всегда восхищали его познания,— сказала Уитмен и потом добавила, как бы в раздумье:

— Его убил эзвал.

"Видимо, у ее мужа были очень глубокие познания, если его жена вращалась в высших кругах Хунты",— подумал Джемисон, а вслух сказал:

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней. Я могу предложить вам другое решение этой проблемы, поскольку от этого зависит судьба планеты. Вы знаете, что у нас есть Спутник?

— Вы хотите на нем создать базу?— медленно произнес Джемисон, видевший Спутник из корабля.

— Да, но не только.

"Что ж, этим стоит заняться",— подумал Джемисон. В потоке бумаг, водовороте мелких проблем это решение могло затеряться, а бюрократы неохотно их пересматривают. Правда, он сильно сомневался, что это действительно выход, но в создавшейся ситуации любой компромисс был предпочтительнее антагонизма.

— Пойдемте,— сказала миссис Уитмен.

Джемисон в уме прикинул, что фрахтовщик с эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, и он может уделить Уитмен немного времени.

— Прекрасно, я согласен. А вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, обнажив ряд великолепных белых зубов.

— Но ведь больше с вами никто не станет разговаривать, не так ли?

Увы, сколько горечи вызвал ее вопрос у Джемисона!

Глава 6

Блеск космического скафандра гида то и дело грозил затеряться в звездном небе, и Джемисону приходилось непрерывно следить за ним, чтобы не остаться одному.

Он уже раскаивался, что согласился на это полет. По пути на Спутник он просмотрел относившуюся к нему статью в Космической экспедиции. С первого взгляда было ясно, что на нем невозможно разместить миллионы людей.

Казалось, женщина нарочно старалась отвлечь его внимание, не дать размышлять, так как постоянно приходилось высматривать ее на фоне Солнца.

Внизу, на поверхности Спутника виднелись обломки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой.

Джемисон не мог проверить показания спидометра, вмонтированного в шлем, так как этому мешал яркий свет от Солнца. Но что-то будило в нем подозрения. Он напряженно вглядывался в циферблат, и то, что он, наконец, увидел, заставило его сжать губы и включить рацию.

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон,— слово "доктор" она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно.— Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали, что мы должны пролететь 521 милю или...

— Или около того!— смягчился голос, но враждебность даже усилилась.

— Итак 521 миля. Тем не менее мы пролетели уже 629 миль, и все еще летим! С тех пор, как мы покинули Пять Городов, прошло уже два часа...

— Ну и что же,— прервала его женщина.— Это не так страшно, доктор Тревор Джемисон.

Джемисон молчал, размышляя, чем ему все это грозит. Сначала он хотел ответить ей столь же высокомерно, но разум, ставший внезапно кристально-ясным, подсказывал ему другую линию поведения. Во всем этом таилась смертельная опасность. И как всегда в таких случаях, мозг заработал быстро и четко. Разум всегда выходил победителем, и это придавало Джемисону силы.

Он начал снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность, похоже, близко. Он понимал, пока скорость столь велика, предпринимать ничего нельзя.

Поэтому спокойно спросил:

— Скажите, убийство предпринято по приказу Хунты или это ваша личная инициатива?

— Ну что ж, теперь это уже не важно,— ответила женщина.— Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Конечно, мы давно знали, что Спутник не годится для базы.

Джемисон расхохотался, чтобы замаскировать свой спуск. Перегрузка была так велика, что он едва сдержал стон. Теперь он был один, сверкающий скафандр гида исчез вдали. Скорее всего, она даже не обернулась. Стараясь скрывать неприятный для нее сюрприз как можно дольше, Джемисон спросил:

— И как же вы меня убьете?

— Через несколько секунд ваш двигатель...— она осеклась,—... о да, да вас тут нет... Хотите приземлиться? Все равно я найду вас!

До скалы было 50 футов, когда двигатель остановился. Поздно. Пламя охватило его, страшная жгучая боль пронзила тело, он ударился о землю, непроизвольно сворачиваясь в клубок, и потерял сознание.

Пятнистая скала, кружащаяся и качающаяся, было первым, что он увидел очнувшись. Скафандра на нем не было, остался лишь костюм с

электроподогревом. Он почувствовал за спиной чей-то взгляд. Джемисон обернулся. Позади него стояла Барбара Уитмен.

— Вам повезло: вы вовремя выключили двигатель. Вам обожгло только ноги, я уже вылечила их. Вы даже сможете идти.

Джемисон посмотрел по сторонам, затем вопросительно взглянул на нее. Она поняла его мысли:

— Быть может, не стоило быть столь щепетильной по отношению к смертнику, но я не могу убить даже собаку, не дав ей шанса выжить. И у вас тоже есть шанс.

Джемисон сел, не отрывая от нее взгляда. Встречал он жестоких женщин и до этого, но ни одна не была столь честна и искренна в своих намерениях, как эта.

— Где ваш скафандр?— спросил он.

Она кивнула на небо.

— Видите черное пятно справа от Солнца? Я заложила в него мину. Через 300 часов остатки упадут на Солнце.

— Что-то не верится, чтобы вы решились умереть вместе со мной. Люди умирают лишь за свои убеждения. Во что вы верите? У вас-то скорее всего есть шанс.

Лицо женщины потемнело от гнева.

— У нас нет ни одного шанса. Мы умрем вместе. Нам не дойти пешком до Пяти Городов, а до платиновых рудников тем более.

— Жалкая бравада. Во-первых, это доказывает, что вы глупы, а, во-вторых, мне никогда не нравились авантюристки. Тем не менее, я благодарен вам за излечение и за общество.

Джемисон попробовал согнуть ноги и почувствовал легкую боль.

— М... не больно, но еще плохо сгибаются. К ночи это пойдет.

— Однако вы спокойны,— язвительно сказала Барбара Уитмен.

Он кивнул:

— Конечно. Ведь я жив, и у меня есть время убедить вас в моей правоте.

— Вы переоцениваете наше положение. Нам нужно идти две недели, делая по 60 миль в день, это невозможно. Температура ночью падает до 100 градусов ниже нуля, а иногда до 175, в зависимости от близости к раскаленному ядру Спутника, благодаря которому тут вообще можно жить. Что вы на это скажете?

— Что надо идти,— сказал Джемисон, не колеблясь.

— Нас сожрет первый же попавшийся грипп-кровосос, прежде чем мы успеем замерзнуть. Запах крови, который они чувствуют на огромном расстоянии, приводит их в бешенство. Им ничего не стоит сожрать человека целиком. Они способны рыть туннели в этих скалах. Единственная защита против них — бластер. А у меня остался лишь охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, удирающие быстрее лани при виде человека, но способные прикончить дюжину невооруженных людей, если их припрут к стенке. Учтите —

что-то в воздухе возбуждает зверский голод. Мы приближаемся к смерти с каждой минутой,— сказала она.

— Вы, кажется, этим довольны,— сухо ответил Джемисон.

— Во всяком случае, на Землю вам живым не вернуться.

— Вы ошибаетесь. Но мне жаль видеть женщину в столь опасном положении. Хороши же, однако, ваши друзья. Но я вернусь!

— Чепуха! Это все равно, что убить голыми руками грипа,— рассмеялась она.

— Не только и не столько руками. Разумом и опытом. Мы дойдем до людей, несмотря ни на что!

Наступило молчание. Джемисон оглядел местность насколько хватало глаз. Кругом простиралось безжизненное плато. Впрочем, нет! В одной из сторон виднелся обрыв. Джемисон задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Чудовищная тишина окружала их. Молчание было символом, духом этого холодного мирка.

— Ну что ж, начнем наше путешествие.

Они побрели через плато. Идти было нетрудно, сказывалось малое притяжение планеты. Женщина спросила:

— Вы что-то собирались сказать об эвалах?

— Ничего. Если бы я вам что-нибудь сказал, вы бы их уничтожили.

— Вам надо было привести реальные факты, а не теоретические умозаключения: в Хунте здравомыслящие люди!

— Весьма здравомыслящие,— иронично подхватил Джемисон.

— Я не верю, что у вас есть какие-либо факты. Впрочем, ладно, забудем об этом.

Глава 7

Через два часа солнце уже стояло высоко в небе.

Все это время они пробирались по извилистому плато, лавируя между расщелинами, чьи пасти вели вниз, в раскаленные недра Спутника.

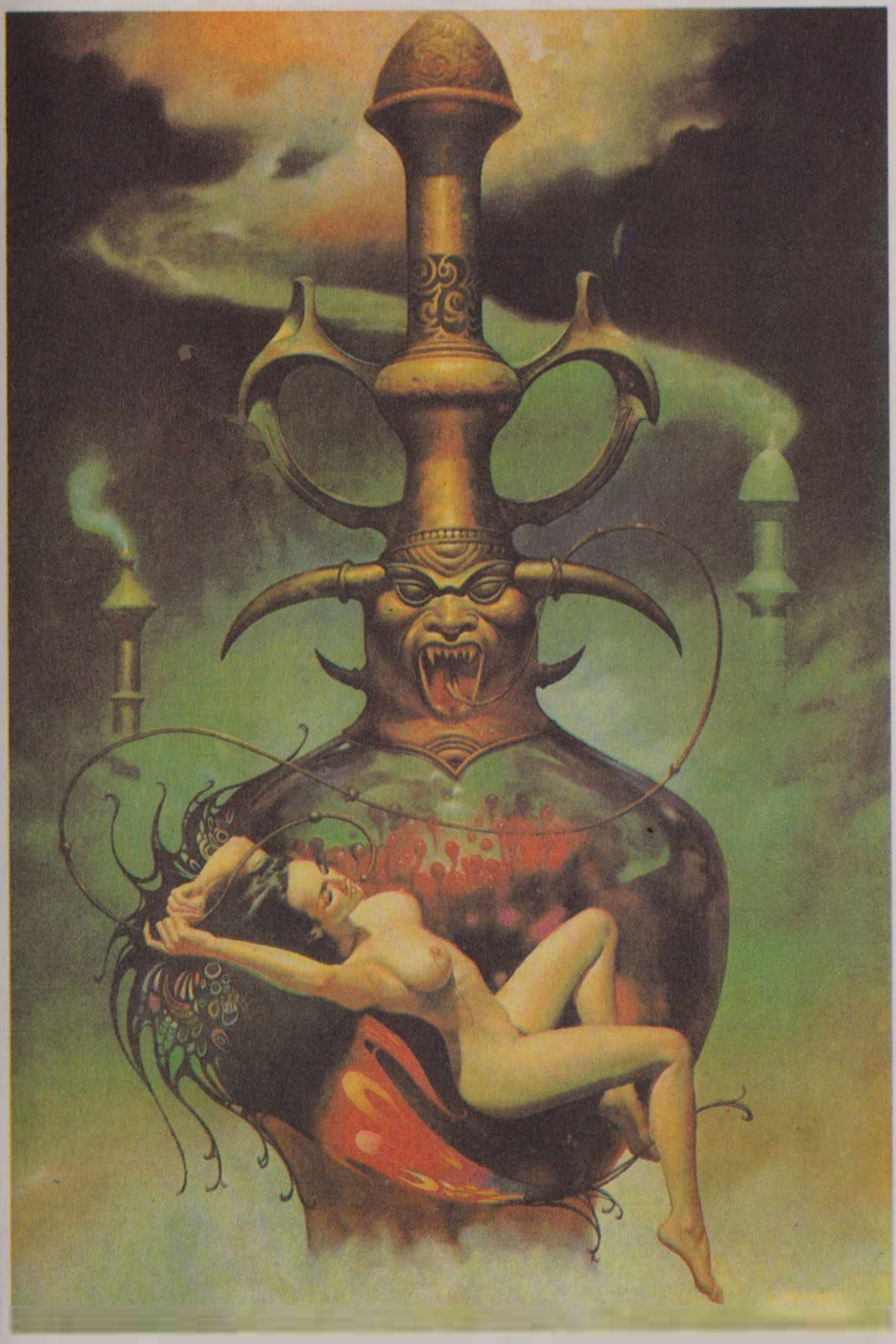
По мере приближения гигантская пропасть, ранее расплывчатая из-за расстояния, теперь предстала во всей красе. Она простиралась во все стороны неприступно и отвесно.

Джемисон с трудом произнес:

— Стыдно признаться, но мне ее не одолеть.

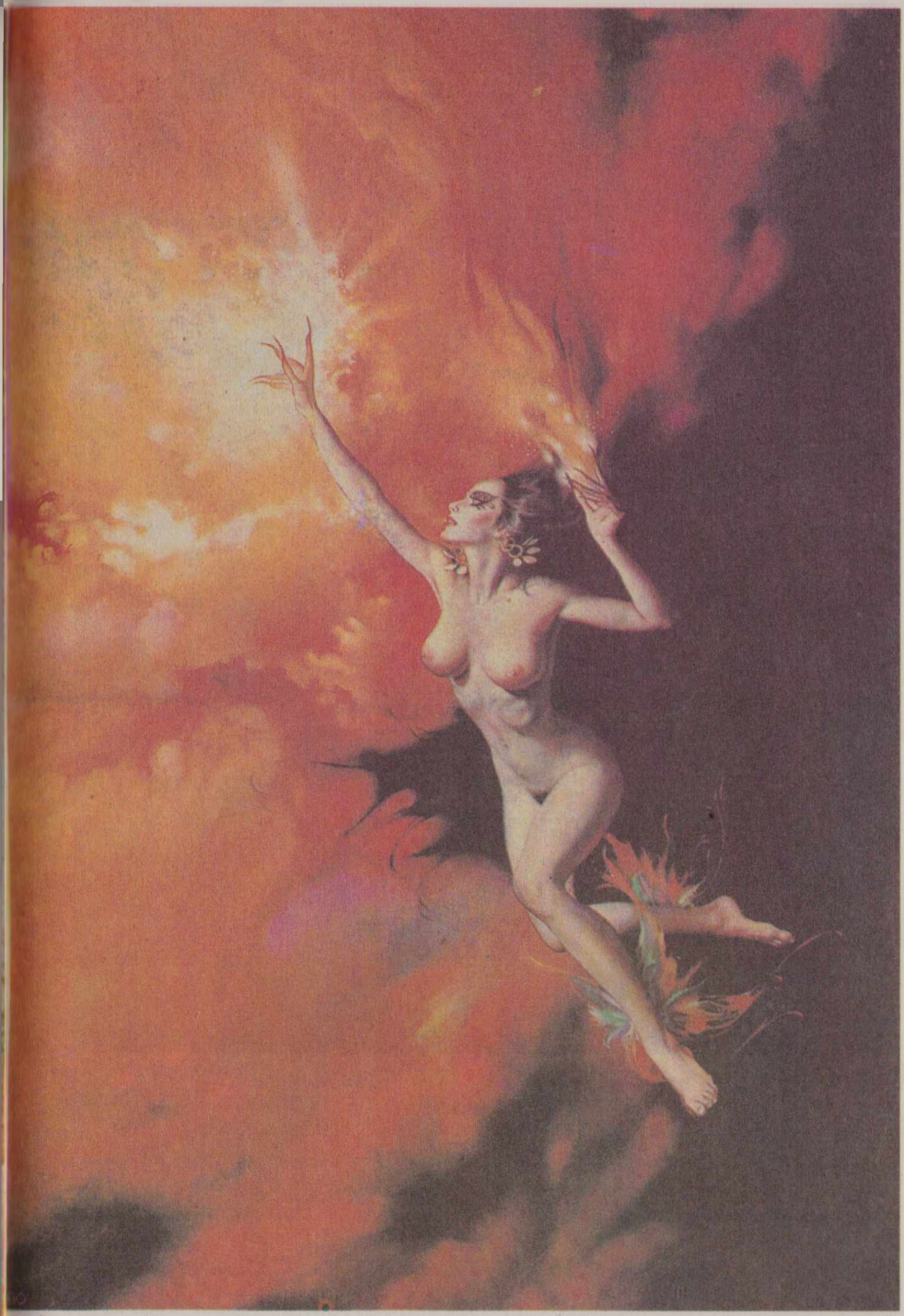
— Я ведь говорила вам — теперь нас ждет голод. Мы умрем от голода.

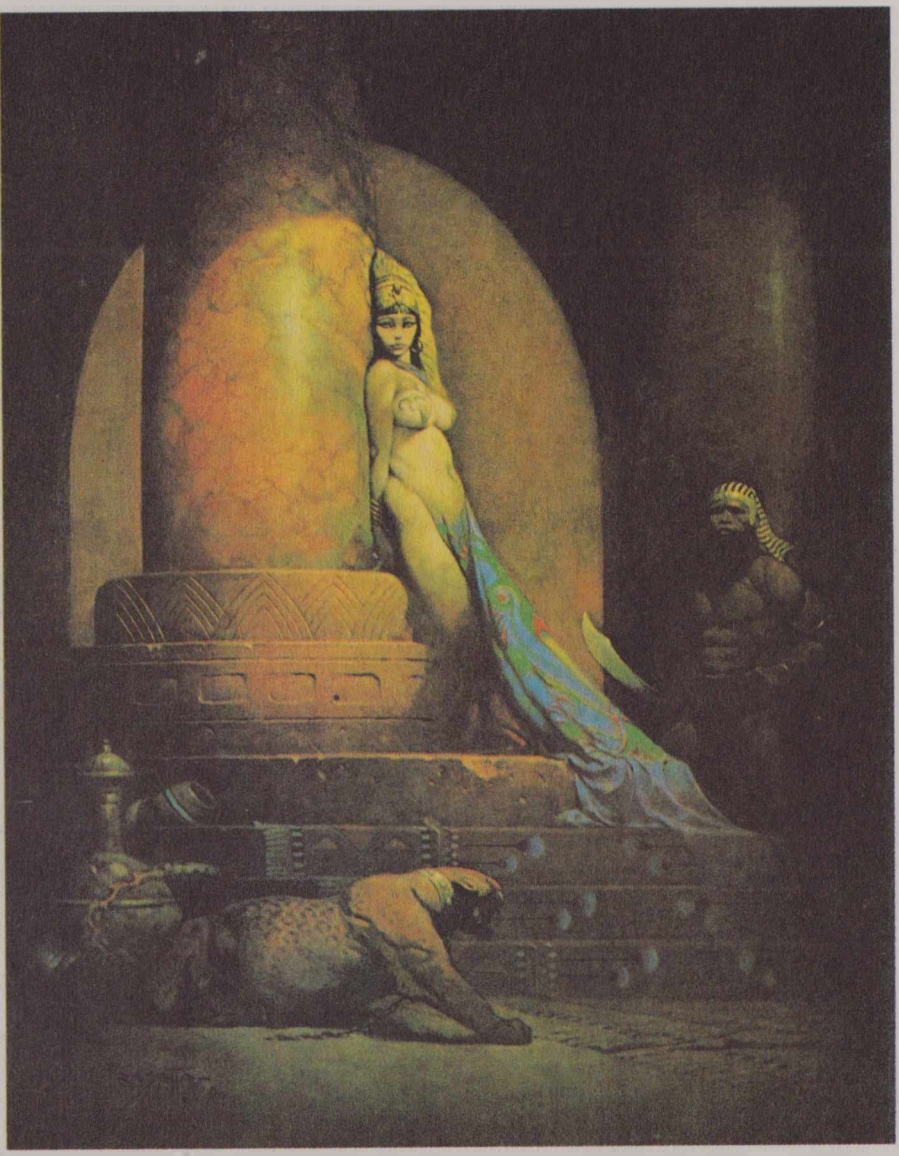
Джемисон на секунду задумался и спросил:

Зак. 4421 Б. Чандлер вклейка.

— Эти травоядные — они ведь едят молодые побеги деревьев?
— Да, у них длинные шеи. А что?
— И это все, что они едят?
— Еще траву.
— И больше ничего?— Джемисон становился настойчивее.
Барбара вскинула голову:
— Сбавьте он. Для чего вам все это?
— Извините — я имею в виду тон. Что они пьют?
— Лед. Они скапливаются у рек, там замерзает вода, стекающая во время таяния снегов. Вспомнила: еще они едят соль! Совсем как земные травоядные.
— Соль! Это-то нам и нужно!— воскликнул Джемисон.— Давайте вернемся, мы проходили солончаки. Нужно набрать соли.
— Вернуться! Вы с ума сошли!
— Послушайте, Барбара. Я сказал, что не смогу спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода я не умру — я скопил достаточно жира на канцелярской работе. Но все-таки нам нужно убить травоядное. Поэтому нужна соль. Мы должны вернуться.
Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Барбара отвела взгляд и сказала:
— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Это нечто вроде жирафов, только много больше. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся. Хорошо, давайте вернемся. Не все ли равно, где умирать. Дай Бог, чтобы нас учуял грип. Это лучше и быстрее, чем смерть от голода.
— Нет ничего хуже женщины, решившей умереть во что бы то ни стало,— сказал Джемисон.
— Не думайте, что мне этого хочется.
— А как же ваш ребенок!
По выражению ее лица он понял, что попал в цель. Нужно было пробудить в ней любовь к жизни. Ее помощь была необходима.
Сам того не ожидая, Джемисон от беседы с ней по пути к солончаку получил большое удовольствие. Он вовсе не пытался убедить ее в чем-либо. Говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании разных рас, о том, как много бескровных решений было принято в результате разумного обсуждения.
— Вот, наконец, и солончак!— прервала его Барбара. Джемисон распихал по карманам куски соли, и они побрели обратно.
Возвращались молча. У Джемисона болел каждый мускул. Отчаянно хотелось уснуть, но спать было нельзя. Сон означал смерть. Джемисон взглянул вниз, в пропасть, и у него закружилась голова. Помутившимися глазами он посмотрел на Барбару и увидел лицо, искаженное голодной мукой.
— Держитесь!— крикнул он.— Потерпите немного!

Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы можно было рассчитывать спуститься вниз. Казалось, им оставалось лечь и умирать от голода, хватая ртами живительный воздух. Наконец, Барбара прошептала:

— Что же нам делать? Неужели тут нигде нет спуска?

Но Джемисон уже нашел выход.

— Спуститься мы можем в любой момент. Смотрите,— он подтащил ее к краю,— внизу спасение. Там стадо травоядных.

Слева, немного ниже, виднелась долина. Спуск в нее был в нескольких сотнях футов от них. Он весь порос лесом и вторгался в долину, как клин. На самом уступе клина, в траве паслось стадо в сотню голов.

— Они постепенно приближаются к лесу. К ним можно подкрасться.

— А потом вы выбежите и насыплете им на хвост соли? У нас совсем ничего нет.

— Сначала,— сказал Джемисон, не оборачиваясь, как бы про себя,— нужно подобраться к краю леса, причем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте, как хотите. Вы к ним и на четверть мили не подойдете.

— Я и не собираюсь. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно бы поняли, как просто убить зверя. Эта проблема давно решена во всех мирах. Пойдемте.

— Вы правы. Я тоже считаю, что такая смерть приятней голодной. Около стада травоядных всегда околачиваются гриппы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Кстати, мясо травоядных довольно жестко. Сейчас как раз темнеет, значит, гриппы близко. Скоро они нас учуют, и тогда...

— Если потребуется, мы сами к ним придем. Жаль, что я тут никогда не был раньше, иначе все давно было бы в порядке. Но пока наша цель — лес.

Его внешнее спокойствие было лишь маской. Когда они достигли леса, он покачивался от усталости и голода. Нож едва держался в его руках, когда он подкапывал корни высокого коричневого дерева.

— Кажется, этот корень тверд, как сталь, и так же упруг. Его можно свернуть в кольцо,— сказал он.— Это дерево используется в промышленности?

— Да,— ответила она.— Если вы пытаетесь делать лук, то вот эта трава может служить тетивой.

— Нет, это не лук. К ним ведь нельзя подойти даже на четверть мили.

Он выдернул дюймовый корень, отрезал двухфутовый кусок и заточил его с обоих концов.

— Ну вот, теперь подержите концы вместе, а я их свяжу.

— О-о-о,— протянула она,— теперь я поняла. Животное заглотнет кольцо, в желудке трава разорвется, и острые концы проткнут желудок.

— Этот метод известен на сотнях планет, на Земле его применяют эскимосы. Приманка у них, правда, другая.

Он подобрался к поляне и принялся разбрасывать кольца.

— Мы не можем положиться на одно кольцо,— сказал он.

Мясо было хоть жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как к телу возвращается энергия. Джемисон проглотил последний кусок и встал, глядя на восходящее солнце:

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам хватит. Вообще-то вредно есть одно мясо, но за две недели вряд ли что-либо с нами случится. А больше охотиться мы не сможем.

Джемисон вырезал филейную часть животного, лежавшего на траве, и упаковал его в два тюка, связав травой. Получилось нечто вроде рюкзака. Барбара смотрела на него иронически.

— Вы просто сумасшедший,— сказала она.— Ночь мы как-нибудь переживем в пещере. Но когда нас найдет грип — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет?— резко спросил Джемисон.

— Да потому, что зубы у них крепче металла, а когти тверже алмаза, желудок же не разрезать и ножом, не то что деревом. Именно из-за них здесь нет разумной жизни. У нас есть теперь пища, голодная смерть нам не грозит. Что же, пусть нас убьет грип — это произойдет мгновенно. Выбросьте вы их головы эту глупую идею — выжить. Грип настигнет нас в любой пещере, в любой щели и убьет.

— Естественных пещер здесь нет,— продолжала она,— все пещеры — это метеоритные воронки. Нам нужно найти такую, чтобы ночью в ней сохранился теплый воздух. Когда подуют холодные ветры костюмы нам не помогут. Нужен костер.

Пещера, которую они выбрали, состояла как бы из нескольких этажей. Хвороста вокруг было предостаточно. Они собрали большую кучу веток, стащили ее в пещеру, на первый этаж. Потом спустились сами: сначала Джемисон, а за ним, легко и грациозно, Барбара. Джемисон ухмыльнулся. Молодость есть молодость.

Они перетаскивали топливо на второй этаж, когда вход в пещеру перекрыла черная тень. Джемисон оглянулся — во тьме блеснули клыки, усеивающие пасть, и он увидел горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык нервно облизывал губы в предвкушении добычи, слюна капала на стоящих внизу людей.

Джемисон почувствовал, как Барбара толкнула его к провалу, и он тут же очутился на куче веток внизу. Тут же они принялись проталкивать ветки на следующий этаж. Скрежет гигантских когтей, расширявших отверстие, и мяукающий рев чудовища подгоняли их. Едва они закончили и спрыгнули вниз, как в отверстии второго этажа появилась морда чудовища, освещаемая полуторафутовыми глазами. Внезапно скрежет прекратился и наступила тишина.

— В чем дело?— спросил Джемисон.

— Он закупорил вход, ему не добраться до нас за те несколько минут, что остались до спячки, но и нам не выйти. Грип горазд на выдумки. За травоядными он не охотится, только преследует. Поскольку после спячки он просыпается на несколько минут раньше их, то пользуется этим. То же он хочет проделать и с нами.

Всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. То он засыпал, то ему что-то чудилось, тогда он вскакивал и в ужасе метался по пещере. Тьма, как камень, придавила их. Ни малейшего проблеска света. Блеклое, искрящееся пламя костра было сильно против этой тьмы и беспомощно перед холодом. Сначала он был похож на озноб, потом на клей, цементировавший кости. Стены покрылись инеем. Скала потрескалась, и каждую новую трещину сопровождал гул. Казалось, что вот-вот обрушится потолок. Шум падающих осколков вывел женщину из забытья. Она вскочила на ноги и тоже принялась ходить туда-сюда, согреваясь.

— А почему бы не поджечь грипа?— спросил Джемисон.— Ведь если бы он...

— Он проснется. К тому же его шкуру не проймешь костром. Она похожа по свойствам на металлоасбест, негорюча, но проводит тепло.

— И ведь надо было попасть в эту переделку именно мне, единственному человеку, знающему решение проблемы озвалов. И вы еще вдобавок пытаетесь меня прикончить...

— Пыталась. Что толку в этих спорах? Бесполезно. Через несколько минут грип проснется и прикончит нас. Вам его не остановить.

— Вы так думаете? Зверь он, конечно, страшный, но помните, эта проблема решена давным-давно, на всех планетах.

— Безумец! Его даже бластер не берет. Вас уже на свете не будет к тому времени, когда его шкура только слегка опалится. Что ему нож?

— Кстати, дайте-ка я его заточу.

Теплело, иней местами подтаял, озноб прошел. Костер затухал, оставляя пепел, и как только он погас, пещеру наполнили клубы дыма, сквозь которые ничего не было видно.

Внезапно сверху что-то зашевелилось, послышался треск и протяжный вой. Барбара вскочила с земли.

— Он проснулся!

— Вот вы и дождались своего часа.

— Теперь я вижу, что ваша смерть ничего не даст. Это было безумие.

Между ними упал кусок скалы и с грохотом рухнул вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей был совсем близко.

— Он расширяет проход,— сказала она.— Спрячемся в расщелину — стена может рухнуть.

— Да, нельзя рисковать. Времени у нас мало.

Джемисон расстегнул и снял перчатку, и весь содрогнулся от холода. Подставил нож под затухающее пламя.

— Черт побери, ну и мороз, градусов 90. Нужно нагреть нож, иначе ничего не выйдет.

Он накалил лезвие, сделал надрез на большом пальце левой руки и растер кровь по лезвию. Посиневшая от холода рука перестала кровоточить. Тогда он надел перчатку. Но когда рука согрелась, боль возобновилась. Он пошел вдоль стены, как бы забыв о следующей за ним женщине.

— Ага!— воскликнул он торжествующе. Но даже ему эта радость показалась слишком наигранной. Он опустился на колени возле тонкой трещины.

— Это как раз то, что нужно, она как раз напротив прохода.— Он взглянул на женщину.— Знаете, почему я вчера не спустился ниже? Потому что в этой пещере грил может поместиться целиком. В нем ведь футов тридцать вместе с хвостом?

— Да.

— Отлично, он тут свободно разместится, и есть куда укрыться нам, пока он не издохнет.

— Пока он не издохнет?— эхом откликнулась она.— Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон смолчал. Он вставил в трещину рукоятку ножа и укрепил камнями.

— Н-ну, кажется, ничего. Но нужна двойная гарантия.

— Быстрее, нужно спуститься на следующий этаж, может быть, там есть переход в другую пещеру,— воскликнула Барбара.

— Я обследовал пещеру, пока вы спали. Там всего еще два этажа.

— Ради Бога, через минуту будет поздно!

— Минута мне и нужна. Надо все-таки получше закрепить нож.

И он принялся за работу, в то время как она приплясывала за ним от нетерпения. Наконец он укрепил камень, с которым мучился, и они спрыгнули вниз, успев увидеть приближающиеся глаза зверя.

Костер высветил неясные очертания темной клыкастой пасти с тонким, извивающимся языком и рассыпался искрами, когда на него плюхнулась тяжелая туша. Больше Джемисон ничего не увидел — он разжал руки и рухнул с двадцатифутовой высоты на уже отшибленный копчик. От боли он с минуту ничего не соображал, даже того, что скребущий звук стих. Потом уже зверь взвыл от боли, и послышался сосущий звук и довольное хрюканье.

— Что случилось?— недоуменно спросила женщина.

— Сейчас увидите,— прохрипел Джемисон. Сосущие звуки продолжались пять, десять, двадцать минут, полчаса, постепенно затихая. Вместе с ним стихал вой. Наконец раздался вопль агонии и наступила тишина.

— Помогите, мне нужно посмотреть, что с ним,— сказал Джемисон.

— Кто-то из нас спятил, либо вы, либо я. Ради всего святого, скажите, что случилось.

— Он почуял кровь на ноже, лизнул его, порезал язык и пришел в бешенство, а рот наполнялся его собственной кровью. Они ведь обожают кровь. Ну, вот, за последние полчаса он ею обожрался. Довольно простенький метод.

— Значит,— странным голосом спросила Барбара,— теперь нам уже ничего не препятствует дойти до людей?

Джемисон взглянул на нее.

— Ничто — кроме вас.

Молча они взобрались на следующий этаж. Джемисон вынул нож из трещины.

— Отдайте нож,— резко сказала Барбара.

Джемисон поколебался, но подчинился.

Снаружи было бледное утро. Кроме солнца, в небе сиял огромный красный шар, плывущий на запад,— планета Карсона.

Небо было легкое, светлое. Утром даже скалы были не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи день казался светлее, он возвращал надежду.

"Ложную надежду,— мысленно уточнил Джемисон.— Боже, спаси меня от этой женщины. Ого, она нападает".

Нападение было внезапным. Он уловил начало атаки по отблеску ножа в ее глазах. Нож оставил на его рукаве длинную дыру, и Джемисон едва устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума,— пробормотал он.— Вы не ведаете, что творите.

— Ведаю, будьте спокойны. Вы должны умереть, несмотря ни на что. Вы сам дьявол, но вы умрете.

Барбара пошла на него, выставив нож, и Джемисон ей не препятствовал. Она, по-видимому, не разбиралась в борьбе. Свободной рукой она пыталась схватить его. Этого он и ждал. Эта дилетантка ничего не понимала в убийствах. Он схватил ее за руку и рванул на себя, отскочив в сторону. По инерции Барбара пронеслась мимо и завертелась, как волчок. Теперь она балансировала на краю пропасти. Но ей не за что было держаться. Джемисон ухватил ее за костюм как раз вовремя. Еще мгновение, и она бы свалилась вниз. Затем он выхватил нож из ее руки и увидел ее глаза, мокрые от слез. Она снова стала женщиной, а не орудием убийц.

На далекой Земле у Джемисона была жена, такая же изящная, как и Барбара, и по опыту он знал — теперь она сломлена. Больше она не опасна.

Все утро Джемисон глядел в небо. Он надеялся на помощь. Планета Карсона к этому времени скрылась за горизонтом, и, подчиняясь древним законам, ветер стих.

В полдень он заметил в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближалась, пока не превратилась в шлюпку, в которой Джемисон узнал шлюпку с собственного линкора. Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, лейтенант,— спокойно произнес Джемисон.

— Вы отправлялись на урановые рудники — это совсем в противоположной стороне!

— Да ничего, все в порядке,— уклонился от ответа Джемисон.

Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту линкора Джемисон обдумывал план мести за покушение. С одной стороны, эти люди слишком грубы, чтобы оценить милосердие. Они примут его за слабость. С другой стороны...

Наконец он решил ничего не предпринимать. Оставить все как есть. Не жаловаться. Не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы из земной администрации вряд ли поймут, что иногда врагами бывают люди, а не руллы. Хотя скорее всего это была человеческая слабость. За это не наказывают. Может, и придумывают когда-либо Сверхчеловеческий суд Справедливости. И он обвинит людей в жалости, в горе, в бесстыдстве и безволии, в непонимании.

Барбара Уитмен вынесла что-то из всего этого. И, может быть, когда-нибудь она встанет на его сторону.

По пути Джемисон запросил, прибыл ли на Землю командор Макленнан с эвалами. Ему ответили, что этот медленный сухогруз еще не прибыл.

Но через неделю, когда до Земли оставался лишь день пути, пришло следующее сообщение. Оно было ужасно.

"Два часа назад стало известно, что корабль Макленнана потерял управление над Северной Канадой. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы. Об экипаже никаких данных нет".

— О, господи!— простонал Джемисон, прочитав радиограмму. Листок выпал из его рук и тихо опустился на пол каюты.

Глава 8

Командор Макленнан повернулся к двум офицерам:

— Вся аппаратура управления полетела к черту. Через четверть часа мы грохнемся на Землю, где-то около Аляскинского залива. Мы обшарили весь корабль, но поломки не нашли. Карлинг, прикажите людям покинуть корабль в спасательных шлюпках. Потом сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два эзвала, они могут уцелеть при крушении. Вспомогательные двигатели еще работают. Пусть определят место падения и прибудут туда как можно скорее. Неизвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Ясно?

— Так точно, сэр,— Карлинг выбежал из каюты.

— Стойте!— вернул его Макленнан.— Немедленно примите меры, чтобы они не вырвались из клеток, если уцелеют, и чтобы они пострадали, как можно меньше. В них заинтересовано Правительство, и мы должны доставить их живыми. Ступайте! Бренсон!

— Да, сэр!

— Возьмите пару человек и закройте люки трюма. Тогда им не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр!— отчеканил тот и вышел.

Макленнан сгребал в портфель кучу важных бумаг и понесся к спасательным шлюпкам. Карлинг, явно нервничая, отдал честь.

— Все люди в безопасности, сэр, кроме Бренсона.

— Где он болтается, черт побери?! Кто еще с ним?

— Скорее всего никого. Все остальные здесь.

— Что за черт... Пошлите кого-нибудь... впрочем, я сам.

— Простите, сэр,— со страдальческим выражением на лице сказал Карлинг,— но если через две минуты мы не стартуем, будет поздно. Встречный поток сметет нас. А на счет Бренсона... Его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему?— Макленнан впился в него взглядом.

— Его старший брат был разорван на клочки эзвалами.

Детеныш уловил угрожающее рычание матери и ее твердую и ясную мысль:

— Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел, чтобы убить нас!

Как молния, выскочил он из своего угла клетки, лишь когти щелкнули по металлическому полу, и вот он уже под ней, в теплой темноте ее тела. Здесь, в ложбине между ее могучими мышцами, он чувствовал себя в безопасности. И снова услышал ее мысль:

— Помни, что я тебе говорила. Люди должны считать нас зверями. В этом наше спасенье. Ты любишь жизнь. Но если долг потребует, ты должен будешь умереть.

Ее глазами он увидел толстые четырехдюймовые прутья решетки и человека за ними.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Он выхватил металлический предмет и просунул его меж прутьев решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Он услышал ее рев и почуял запах горелого мяса. Мать бросилась прямо на это беспощадное пламя, бьющее из-за решетки. Человек отскочил. Тьма, застилавшая мозг самки, исчезла.

— Черт возьми! Ну, держитесь!

Детеныш не почувствовал мучительной боли матери — она снова выключила контакт. Она носилась по тесной клетке, прыгая, изворачиваясь от огня. Какая-то часть ее мозга работала по-прежнему, отыскивала путь к спасению детеныша. И она нашла этот путь.

Вместе с шипением огнемета был слышен новый звук, похожий на протяжный вдох, становившийся все выше.

— Дьявол,— выругался человек,— ну и живучие же они. Нужно убираться — иначе будет поздно. Но куда же делся этот чертов детеныш? *Не провалился же он сквозь пол!*

Его мысли оборвались, когда 6500 фунтов голубого тела самки обрушились на него, прорвавшись сквозь расплавленные огнеметом прутья клетки. Детеныш напряг все мускулы, чтобы его не расплющило. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его ослабевших пальцев, и он рванулся к выходу.

В два прыжка самка достигла лестницы, и тут детеныш увидел человека снова, теперь совсем крошечного, и услышал второй вопль, оборванный ударом могучей лапы. И тут же мир погас для него.

Тьма обволакивала его мозг, и невыносимо было чувство потери, вдвойне страшной, так как исчезла не только физическая, но и моральная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он был один на свете, и одиночество стало невыносимо. Он жаждал смерти.

Выбираясь из-под останков матери, он понял две вещи: что он с каждой минутой как бы теряет вес и что высокий звук превратился в жуткий, леденящий свист. Корабль падал все быстрее. Древний рефлекс заставил детеныша выбраться из-под давящей массы. От свиста у него болели уши, к тому же ему все время казалось, что пол вот-вот вырвется из-под ног.

Детеныш подполз к телу матери, подпрыгнул, стараясь попасть на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Со второй попытки ему удалось приземлиться на спине. И в это момент все — звуки, потеря веса — исчезло во всесокрушающем ударе.

Глава 9

Прежде всего он ощутил боль. Болели каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то мешало ему, какое-то ощущение... Мысли. Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Детеныш лежал на холодном металлическом полу трюма. Он сполз туда со спины матери, еще раз спасшей его. Корабль разломился надвое, и через пролом виднелось солнечное небо. Земля снаружи была почему-то белой, а сквозь дыры в стене бил леденящий, резкий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей. Минуя пролом, в трюм проник луч света и белым пятном застыл на теле самки. Мгновенно детеныш скользнул под нее, увернувшись от луча, и замер там.

Голоса людей, искажаемые немыслимо изогнутыми стенками трюма, ничего не говорили ему, но их мысли он понимал:

— Порядок, Командор! Они мертвы!

Послышался лязгающий топот.

— Кто это ОНИ,— ответил первому другой, чей-то раздраженный мозг,— самка, что ли? Эй, кто-нибудь, дайте света!

— Думаете, что детеныш...

— Сами, что ли, не видите? Это вам не игрушки. В нем 500 фунтов, уж лучше я схвачусь с матерым тигром.

Лучи света обшаривали трюм.

— Не дай Бог ему отсюда выбраться. Тут есть с дюжину ходов... Карлинг! Прикажите своим людям установить прожектор в трюме. И посмотрите, нет ли следов вокруг. В чем дело, Дэниел?

Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

— Здесь Бренсон, сэр, точнее то, что от него осталось. Вот здесь, на лестнице.

Его эмоции мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

— Черт побери! Ерунда получается, но... Сэр! А ведь эта тварь подохла не от удара. Она наполовину сожжена.

Последовала довольно правильная догадка о случившемся в трюме, а потом:

— Детеныш, наверно, спрятался... он мог на нее взобраться... С другой стороны... Паркер!

— Да, сэр!— Мысль эта почему-то прозвучала не в мозгу говорившего, а в голове Командора.

— Подведите шлюпку к корпусу, над трещиной. Подцепите зверя тросом за среднюю ногу и поднимите. Карлинг, следы есть?

— Никак нет, сэр!

— Ну, значит, он под ней, живой или мертвый. Поставьте людей у каждого выхода. Направьте прожектора так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стреляйте при малейшей опасности!

Воспоминание об огне привело эзвала в трепет. И он еще сильнее вцепился в плоть матери. Но потом он преодолел страх и стал размышлять. На его планете он удрал сразу, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. Но у него был шанс — уже почти стемнело. Однако стоило ему слегка приподняться, как этот шанс исчез. Слепящий свет залил все вокруг, а люди с автоматами стояли наизготовку. Пятнадцать человек постарались не оставить в ловушке лазейки. Детеныш закрыл глаза, защищая их от света.

Внезапно прикрывавшее его тело матери дернулось и приподнялось. Сначала он решил, что она ожила, но тут же понял, что произошло. Трюм залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, и его захлестнула чудовищная боль, стало больно дышать, легкие сдавил трос.

Он вспомнил, что говорила ему перед смертью мать: нужно бороться со страхом. Сама она нашла в себе силы броситься сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь много людей и нет решеток.

Но в следующее мгновенье движение прекратилось. Он почувствовал под собой что-то твердое, освободился и бросился к ближайшей группе своих врагов. И ощутил волну страха и паники многих людей.

— УБИТЬ! УБИТЬ!— три бластера, направленные на него, были лишь каплей в море спешащих им на помощь. Полуослепший эзвал не заметил трещину в палубе и угодил в нее ногой. С непостижимой ловкостью он свернул в сторону, освободив ногу, и в результате влетел в какое-то отверстие.

Но это его и спасло. Едва он упал на плиты, оказавшиеся под дырой секции трюма, воздух над ним запылал, подожженный дюжиной бластеров.

В одном из углов секции было большое, достаточное, чтобы он мог пролезть в него, отверстие. Эзвал не знал, куда оно вело: в тупик или на другой этаж. Но выхода не было, и он ринулся в отверстие.

В следующую секунду секцию уже заполнили люди. Эзвал притаился, выжидая, когда первый из них появится в отверстии. И этот первый, как кегля, полетел вниз, а бластер бесполезно разрядился в воздух.

Следующие двое не ожидали его атаки, так как следили за первым. Это их и погубило. Одним ударом эзвал превратил одного в мешок с костями и изодрал в клочья живот и грудь другого. На секунду он задержался, чтобы с хрустом перекусить обоих пополам, а потом бросился к ближайшему отверстию. Едва он успел выскочить и свернуть в сторону, как масса огня вырвалась из дыры.

СНЕГ. Странное, мягкое белое вещество обожгло ему ноги, частично сковав их.

Пляшущий луч света вырвался из корабля и поймал эзвала. Его длинная тень метнулась вперед. Но прожектор помог ему обнаружить большой черный валун впереди. Эзвал метнулся за него. Тотчас передняя часть камня раскололась под воздействием лучей бластеров. С душераздирающим скрежетом камень разлетелся на куски. Пламя метнулось над эзвалом, свалившимся в какую-то яму. Она была полна снега, затруднявшего движение. Он рискнул пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждавшей впадину.

Дважды при этом ему приходилось падать в снег, чтобы его не нашел луч прожектора. Но, оглянувшись, он увидел несущуюся к нему спасательную шлюпку. Силы были не равны. С полдюжины прожекторов на ее днище обшаривали местность, и от них невозможно было укрыться. Ближайшая роща — единственное убежище — была слишком далеко.

Футах в двадцати от эзвала была груда наполовину занесенных снегом камней. Собрав все свои силы, он перемахнул это пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Оттуда он прыгнул в самый центр груды, спрятал голову в снег, выгнул спину и замер.

Эзвал не видел, как пролетела над ним шлюпка, но по мыслям сидевших в ней людей он понял, что его не заметили. Шлюпка постоянно выходила на связь с Командором.

— Разрази меня гром, Командор, если я могу понять, куда оно делось. Нигде никаких следов!

— Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?

— Да, сэр. Снег чист по обе стороны. Не мог же он уйти, не оставив следов. Спрятаться негде. О, одну минуту! Тут недалеко есть роща. Не думаю, что он там, но...

— Обследуйте ее. Только ради Бога, будьте осторожны! Хватит с нас трупов!

Эзвал чуть расслабился. Снег вокруг него подтаял, его шесть лап, очутившись в холодной воде, постепенно коченели. В его мире воды почти не было, в худшем случае она была теплой. Как он тосковал по этому миру!

Детеныш насторожился. Люди возвращались.

— Ничего нет, сэр. Мы обшарили каждый фут.— Пауза.

— Олл райт, Паркер. Но все-таки поднимитесь и сделайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка. Скажите им, чтобы прислали охотничьих собак. Их должно быть с десяток. С ними мы его живо найдем, со следами или без них. Уж они-то его притащат.

Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва она удалилась на безопасное расстояние, он стремглав бросился к роще и скрылся под нависающими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности, пока шлюпки осматривали местность.

Через пять минут он уже находился на противоположном краю рощи, а перед ним, насколько хватало глаз, расстилался лес. Слева от него небо странно светилось на горизонте. Это могло быть все что угодно. Но эзвал

подумал, что там живут люди. Туда путь закрыт. Не долго думая, он бросился к лесу. Снег был плотным, и эзвал не оставлял четких следов, особенно, если огибал сугробы. Если он достигнет леса, его уже не найти с воздуха, а пешие люди ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое "собака", но представлял, что они меньше и глупее его, только с таким же острым нюхом.

Глава 10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами, когда эзвал решил отдохнуть. Он нашел себе пещеру в склоне холма. Долгие часы он боролся с непривычным холодом, и его чудесное тело сумело выработать достаточное количество тепла.

И теперь эзвал поджал под себя ноги, стараясь нагреть каменистый пол пещеры, в которой он расположился.

Через некоторое время ему удалось уловить какие-то мысли, иногда странные, иногда страшные, а в большинстве примитивные. Сперва он подумал в полудреме, что они в его подсознании. Но сразу понял, что это не так: это были ЧУЖИЕ мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку, на склоне, пасся олень, щипавший кустики коричневатой травы, торчавшей из-под снега. Его мысли были смесью страха и голода.

Еда? С вожделением эзвал рассматривал это существо, прикидывая, как бы его убить. Все зависело от внезапности атаки. Он приготовился к прыжку.

Очевидно, мясо было съедено, и эзвал сглотнул слюну, представив себе его вкус. И вдруг он услышал звук.

Лай!

Вместе с ним он уловил мысли, человеческие мысли. И понял, что это люди с собаками, и они охотятся, охотятся — за ним!

Он вскочил на холм, чтобы обозреть окрестности. Отсюда он видел цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямо к нему. Он спрыгнул вниз, и тут же вверху пронеслась какая-то тень. Эзвал похолодел. В четверти мили от него пролетел самолет. Он совершил посадку в лесу, неподалеку от следа. Открылся люк, и оттуда выскочили 5 собак. Сначала они разбежались в разные стороны, потом одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались к его пещере.

Сначала эзвал хотел удрать. Но, подумав, решил подниматься вверх по склону, к горам. Это было тяжело.

Каждую минуту он чувствовал — ищейки идут за ним. А за ними идут хозяева. Он еще раз увидел самолет, перенесший собак еще ближе к нему. Он резко свернул с гряды и понесся вниз по склону, потом поменял направление и по кратчайшему пути направился через долину к дальним горам. Но скрыться ему не удалось. Лай собак то приближался, то удалялся, но не прекращался. Эзвал изнемогал. И когда, наконец, красноватое солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, он решил, что на сегодня все обошлось. Он спасен.

Собрав все свои силы, эзвал понесся назад, по старому следу. В долине он увидел два самолета и снующих между ними людей, которые кормили собак. Похоже, они решили заночевать.

Горящими глазами эзвал смотрел на этих собак, сбившихся в кучу и засыпавших в снегу. "Как стая, они опасны,— подумал он,— но если их убить, то, пока привезут новых, ему удастся скрыться".

Нужно быть предельно осторожным. Иначе люди раньше времени выскочат из самолетов и убьют его.

И он ринулся вниз.

Первый пес вскочил, увидев его. Эзвал услышал его визгливый лай и почувствовал тьму, опустившуюся на мозг собаки, когда он нанес удар. Затем, резко повернувшись, он сомкнул челюсти на собаке, прыгнувший ему на шею. Кровь хлынула прямо в его пасть, отвратительная на вкус. Он выплюнул ее, и тут на него рванулась вся стая. Эзвал встретил первого своей когтистой лапой. Клыки пса сомкнулись на ней, пытаясь прокусить голубую кожу, но эзвал легко увернулся и ударил. Собака покатилась по снегу и осталась лежать со сломанной шеей. Эзвал повернулся к стае — но она уже удирала, охваченная ужасом. Рядом кричали люди, зажигались огни, но не это волновало его. Мысли собак. Сомнений нет — они боятся его, они побеждены. Они не пойдут по следу. И эзвал бросился бежать. Люди, управлявшие прожекторами, были неопытны и упустили его. Бластеры ударили в то место, где его не было. Он уже благополучно перескочил через хребет.

В эту ночь он спал спокойно, а утром снова был в пути. Но в полдень он снова услышал лай. Это поразило его, как гром, ведь ему казалось, что он сумел оторваться от преследователей.

Эзвал рванулся вперед. Он слишком устал, устал бороться. Сумеет ли он обратить в бегство эту стаю? Когда наступила ночь, он сделал попытку вернуться, но почуял ловушку.

Расстроенный эзвал улегся на снегу. Становилось холоднее, по звездному небу мчались облака. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья, сначала редко, а потом все гуще и гуще. Всю ночь он боролся с бураном. Но это была безопасность, которой он так желал. Теперь оставалось лишь как можно больше увеличить расстояние между собой и стаей — к утру следы занесет снегом.

Утром буран стих. Голодный, замерзший эзвал нашел в скале пещеру. Он остановился на пороге. Внутри оказался огромный, черный зверь.

Удивление было взаимным. Эзвал почуял запах тепла, помета, услышал мысли животного и понял, что застал его полусонным.

— Другой медведь... вошел... наглец... проснуться,— таковы были мысли медведя кодьяка. Наконец животное очнулось от сна, пришло в бешенство и ринулось на эзвала, страшно рыча.

От первого удара эзвал полетел в снег, но тут же уперся лапами в землю, и сам изо всей силы ударил медведя в могучее плечо.

Тот взревел и обхватил эзвала так, что у него сперло дыхание. Эзвал попытался освободиться — он слишком устал, чтобы драться. И это было ошибкой. Медведь, ощутив мощный удар, сразу понял, с кем имеет дело, и испугался, но как только эзвал попытался высвободиться, медведь пришел в себя, чуть ослабил хватку и принялся когтями рвать противника.

Он ревел в предчувствии победы. Теперь он был полон ярости и жаждал убивать. Освободив лапу, он нанес эзвалу страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание. Но этот же удар привел его в чувство. В следующее мгновенье он отразил бьющую лапу и одним движением челюстей перекусил на ней сухожилия. Свою среднюю лапу он вонзил в живот зверя, разорвав длинными когтями брюхо медведя. Это решило все.

Эзвал медленно поднял средние ноги и так же медленно ударил ими. Внутренности медведя вывалились на него.

Страшно удивленный, тот упал в снег. Еще сжимая эзвала, он дернулся и умер.

Истощенный эзвал лежал в смертельных тисках, пока огромные лапы не разжались. Он освободился из объятий и вполз в пещеру.

Запах медведя не испугал его. Он зализал свои раны, свернулся клубком и заснул.

Глава 11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят какие-то звери. Ощущение было настолько острым, что он легко определил их количество и размеры. Зверей было много, но ростом они были ниже медведя. Присутствие зверей успокоило его — значит, поблизости нет людей. Звери пожирали медведя. Эзвал поморщился и снова заснул. А когда проснулся, большинство волков ушло, осталось только четверо, двое из которых старались разгрызть толстую кость. Один из них обнюхивал вход в пещеру.

Эзвал вскочил на ноги, он был полон сил. Подойдя к выходу из пещеры, он увидел волка. Несколько секунд они рассматривали друг друга.

Потом волк неуверенно зарычал, попятился и, поджав хвост, скрылся. Он не боялся эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три-четыре волка.

Эзвал встревожился, что разбросанные кости, клочки шкуры, кровавый след могут быть хорошо видны с воздуха. Он вышел из пещеры.

Два волка стояли у входа, а двое других — примерно ярдах в ста за ними. Ближние с яростью следили за эзвалом, но послушно отступали, оставляя на снегу кости, которые они только что грызли. Не обращая внимания на волков, эзвал закопал кости в снег и попятился в пещеру, заметая за собой следы.

Эту ночь он провел спокойно, но весь следующий день ворочался, чувствуя голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Эзвал вспомнил, что по дороге в пещеру он пересек ручей, подо льдом которого копошились какие-то живые существа, и вышел наружу.

Он вернулся к ручью, проломил лед и затаился в ожидании. Из ручья доносились какие-то примитивные мысли, дважды он видел на поверхности его сверкающих обитателей. Эзвал наблюдал за их движениями и повадками.

В третий раз он быстро сунул правую переднюю лапу в ледяную воду и схватил рыбу.

Надо льдом эзвал разжал лапу, и рыба выскользнула, шлепнувшись перед ним. Он съел ее с удовольствием. В отличие от оленя, рыба была приятна на вкус.

И так в течение часа ему удалось поймать еще четыре штуки. Не так много, но достаточно, чтобы утолить голод. Когда стемнело, эзвал вернулся в пещеру.

Всю ночь он размышлял. Насущные проблемы были решены как нельзя лучше. У него были надежное убежище, источник пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Его мать гордилась бы им, если бы была жива.

Да — вот что его постоянно беспокоило — он обеспечил себя, но не отомстил за мать. Сколько людей должны заплатить жизнью за ее смерть? Этого он не знал. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей. Уж, по крайней мере, в этой стране — точно.

Из обрывочных мыслей своих преследователей он уловил образы домов и городов. Ему следует добраться до одного из них и примерно подсчитать число жертв, прежде чем начать убивать.

Однако время для этого еще не подошло. Охота на него еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули. По дороге к ручью он попал в бобровый капкан и, как назло, своей больной левой ногой.

Эзвал упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись, он нажал на рычаг, и освободил ногу, потом на пяти конечностях поплелся к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул. Неизвестно, когда они придут проверять капкан. Но абсолютно очевидно, что оставаться здесь опасно.

К рассвету он устроился на отдых под какой-то скалой и проспал там весь день. К вечеру он спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночи он шел по течению.

На третий день эзвал проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте нескольких десятков метров, прямо над ним, пролетел маленький самолет. Когда он исчез из виду, эзвал уловил чью-то мысль:

— Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены. Вас преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить вам жизнь. Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены.

Скоро мысль ослабла и исчезла. Эзвал напряженно размышлял. Что это? Куда его хотят заманить? Кто-то из людей знал, что эзвалы разумны. Ситуация становилась слишком опасной.

Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела, он рванулся вверх по течению. Утром он минует ущелье — оно совсем рядом. Невзирая на боль в ноге, он карабкался все выше и выше, пока не очутился на гребне, на высоте нескольких сотен футов над ручьем.

Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, эзвал спустился в ущелье.

С наступлением ночи он пересек бесконечную холодную пустыню. Над ним светила горбатая луна, и не было видно тех страшных огоньков в небе, которые, как он считал, были характерной особенностью этой планеты.

Утром, с первыми лучами солнца, он обнаружил перед собой берег моря с разбросанными кое-где поселками. Эзвал нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему было нужно. Здесь жили люди, которых можно было убить. Но сначала необходимо скрыться от охотников и залечить ногу.

Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но...

Внезапно из-за ближайшей рощи вынырнул низко летящий самолет и пронесся над ним. Эзвал видел его лишь мгновение, но узнал. Теперь самолет преследовал его, повторяя каждое движение эзвала.

— Я не причиню вам вреда. Иначе вы были бы уже мертвы. Вас заметили. Весь район оцеплен, и самолеты ищут вас. Остановитесь, или вас обнаружат другие.

Эзвал был беспомощен. Но вопрос, что делать — бежать или остановиться, решился сам собой — впереди показались поселок и патрулирующая вокруг него платформы. Эзвал скрылся в ближайших зарослях.

Самолет приземлился в 50 футах от него. Открылся люк, но никто не вышел.

— Я думал — вы в пустыне, но вы оказались здесь. У нас только один выход. Войдите в отсек, и я доставлю вас туда, где вы будете в безопасности. Свободы я вам не гарантирую, но вы останетесь живы. Приближается платформа. Люди на ней не знают, что вы разумны, и их не переубедить. Они убьют вас. Торопитесь!

Платформа была в нескольких сотнях футов от них. На ней заметили эзвала. Она повернулась и понеслась прямо на него.

— Быстрее,— услышал он,— они не должны меня заметить!

Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся ему свободой. Но тут он вспомнил, что сказал этот Джемисон:

— ЛЮДИ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ РАЗУМНЫ...

Значит, об этом знает только он — Джемисон. Если его убить, тайна умрет вместе с ним.

Глава 12

Прижимаясь к земле и скрываясь за кустами, эзвал проскользнул в люк. Щелкнула дверь и отсек погрузился во тьму. Но перед этим он успел заметить, что в помещении нет ничего, кроме двух вентиляционных отверстий в стене.

Эзвал почему-то не испытывал досады от того, что не мог убить Джемисона. Наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решал свою судьбу.

Откуда-то снаружи корабля он услышал мысль:

— Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы не видели где-нибудь этого маленького монстра, а?— Это был голос Командора, причем Командор был явно настроен враждебно. Ответ Джемисона был полон иронии.

— А я уверен, что он покинул этот район, командор Макленнан.

— Вот как? Ну что ж, посмотрим. По следу идут шесть собак, след свежий и четкий. Мы не остановимся, пока не поймаем его. Да-а-а, жаль, что вам не удалось доказать верховному комиссару, что эзвалы совершенно безвредны. Ну, ничего, не расстраивайтесь, мы пришлем вам его чучело.

Мысли стихли — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Джемисон обнаружил, что платформа настигает его.

— Джемисон!— раздался яростный голос Командора.— Немедленно приземлитесь! Иначе вы будете уничтожены.

Эзвал почувствовал, что Джемисон соображает — сесть или попытаться уйти. Но эти сомнения не отразились в его словах.

— Что все это значит?!

— Надо знать меру, Джемисон! Наши люди в доме на холме видели, как вы кружились над рощей и забрали зверя. Бог знает, как вам это удалось. Это неважно. Мы держим вас на мушке. Джемисон! Считаю до трех: если вы не сядете — открываем огонь! Раз, два...

Корабль начал снижаться. Эзвал прочел в мозгу человека серию картин: разбитый корабль, мертвый водитель и убитый врагами Эзвал. Он почувствовал горечь человека, которому не удалось осуществить важнейший план.

Эзвал также заметил, что у этого человека совсем другие мысли, нежели у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать, уничтожать, преследовать. И боялся он не за себя.

— Нет времени вдаваться в подробности,— услышал эзвал,— вот суть дела. Вы знаете, что эзвалы скрывают свою разумность, потому что боятся, что люди их уничтожат. Это верно, но есть одно "но": как животные вы не попадаете под действие межзвездных законов, но как разумные существа вы имеете право на защиту.

— Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сможете защищать планету без нас. Другого выхода у нас нет.

— Чтобы доказать правительству, что вы разумны и нам надо сотрудничать, а не воевать с вами я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но без вашей помощи я бессилен что-либо доказать.

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал проверил стены на прочность,— они не поддавались. Вентиляционные отверстия были диаметром с его коготь.

— Люди в других кораблях — военные, которые шли все это время по вашим следам, чтобы поймать вас живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты, и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне. Но я настаивал на сохранении вам жизни. Однако вас рассматривали как слишком большую угрозу.

Эзвал уловил посторонние мысли — гневные, враждебные. Некоторые относились к Джемисону. Считали, что тот играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисону удалось невозможное.

Через пять минут люди подошли к самолету. Джемисон предупредил эзвала:

— Ситуация вышла из-под моего контроля. Вы можете помочь нам обоим — сообщайте все, о чем думает Макленнан.

Эзвал сел. Он ничего еще не решил. Он не хотел оказаться во власти людей. Его тревожило то, что Джемисон может выдать разумность эзвалов людям, и он понял, как ему поступить. Сейчас или никогда Джемисон должен умереть, а Макленнан убедиться, что эзвал всего лишь животное.

Глава 13

Эзвал увидел, как Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям с бластерами.

Из динамика донесся голос Макленнана:

— Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что еще не решил, что с вами делать. Пройдите вперед.

Джемисон молча прошел вперед в указанном направлении.

— Порядок. Действуйте, Карлинг!

Человек с маленьким цилиндром в руках вошел в рубку. Последовала серия щелчков. Джемисон резко сказал:

— Предупреждаю, Командор, если с эзвалом что-нибудь случится, у вас будут неприятности с правительством.

— Не беспокойтесь, Джемисон, с вашим сообщником ничего не случится. Я хочу всего лишь проверить, годится ли отсек для его транспортировки. Он проспит всего несколько часов.

— Сомневаюсь, что он заснет. Вы его насторожили.

— А,— иронически сказал Командор,— ваша любимая теория. Ну что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!

— Есть, сэр.

Эзвал задержал дыхание. Он не знал — сколько это — несколько минут, но решил держаться до последнего.

— Повторяю, Командор, если вы рассчитываете его так обезвредить, вы ошибаетесь.

— Вы хотите сказать, что этот зверь понимает нашу речь?

— Он читает мысли.

Это поколебало уверенность Макленнана. Он медленно сказал:

— Вы это серьезно, доктор?

— Никогда не говорил серьезнее. Эзвалы — единственные в Галактике телепаты, читающие и посылающие мысли.

— Хм, неплохо бы иметь такого на корабле.

— Естественно, но это лишь одно применение из тысячи.

Макленнан приказал:

— Все равно, раз ему не повредит газ, Карлинг, продолжайте работу. Еще пять минут. Потом откройте дверь.

— Пять, десять, шестьдесят — не имеет значения. Эзвалы — амфибии, и вам нужно по крайней мере 1,5 часа, чтобы усыпить его.

Эзвал приготовился действовать. Джемисон незаметно подбирался к машине.

— Командор, я требую прекратить анестезирование. Неизвестно, как подействует газ на эзвала.

— Газ применялся при поимке.

— Нам повезло.

— Ладно, Карлинг. Откройте дверь. Всем отойти.

— Позвольте мне.— Джемисон направился к люку.

Такого эзвал не ожидал. Враг сам лез к нему в лапы. Он предполагал прикинуться спящим, а потом наброситься на людей, но теперь... Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу. Эзвал чувствовал напряжение окружающих.

Но странно: несмотря на отсутствие препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему как к зверю и были врагами его расы. Но этот человек был другим. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на все их различия.

Человек говорил негромко и спокойно, и хотя эзвал не всегда понимал слова, он понимал мысли.

— Я ваш друг. А эти люди ваши враги только потому, что вы не хотите понять, что они могут быть друзьями. Вы можете меня убить, вы не дорожите своей жизнью. Но поймите, пока мы здесь, люди и эзвалы на планете Карсона убивают друг друга. В нашей власти остановить их. Не думайте, что я предлагаю вам легкий путь к спасению. Это много труднее любого другого выхода. Слишком много людей и эзвалов уверены в своей непогрешимости, слишком многие считают тех, кто сильно от них отличается, животными. Многие эзвалы будут считать вас предателем, как и люди посчитают предателем меня, ибо они не знают истины, как и те, что находятся за моей спиной. Это трудная работа — но ее можно сделать — с вашей помощью. Давайте же начнем!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Макленнану и сказал:

— Командор, прикажите, чтобы принесли сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Макленнан кивнул головой, и один из людей бросился в рубку.

Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно, ничего не делая, он уже проиграл. Он уже поверили, что он разумен.

Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если вы ляжете, я смогу осмотреть вашу ногу и помочь вам,— сказал он.

Люди вокруг мысленно ахнули.

Эзвал, наконец, принял неизбежное. Он лег и облегченно вытянул больную ногу.

Глава 14

Гигантский город выступил из тумана. Город Корабля. Еще с борта самолета Джемисон позвонил жене, сообщив ей о своем приезде. Она мигом съездила в сад за Дидди, и разговор с ним заставил пожалеть Джемисона о том, что он не удосужился позвонить раньше. В космосе он был четыре с лишним месяца, а прилетев, целую неделю потратил на эзвала. Джемисон решил не упоминать об этой неделе, дабы не огорчать жену. Такие были времена — война с руллами заставляла отойти на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час он был дома. Когда остыли первые восторги и успокоились нервы, Джемисон снова втянулся в работу. Он мог с закрытыми глазами перечислять все заботы, одолевавшие его. Среди них не последним был вопрос об эзвалах.

В силу некоторых обстоятельств, этим делом приходилось заниматься ему самому — главе Научного Департамента. Во-первых, идея о разумности эзвалов ни в ком не вызвала энтузиазма, а, во-вторых, планета Карсона была одной из трех опорных баз Человечества. Поэтому эзвалом занимался сам лично Джемисон. Он не мог спихнуть это дело ни на кого другого.

Вскоре у него состоялась встреча в высших кругах, сыгравшая впоследствии важную роль.

— Вот здесь!— ткнул он концом ручки в зеленую область на карте.— Именно в этом месте, мистер Клаги,— повторил он, обращаясь к высокому жилистому человеку, стоящему у стола,— должен быть лагерь.

Айра Клаги наклонился вперед и неодобрительно посмотрел на пятно.

— Почему же именно здесь?— спросил он раздраженно.

— Все очень просто,— сказал Джемисон, которого тоже раздражало это занятие. Но война с руллами заставляла администраторов играть еще и не в такие игры, и он продолжил: — Ведь нам нужна вакцина от молодняка этих тварей с Миры, она нужна как можно скорее и в достаточном количестве. А в лесу молодняка больше всего. Поэтому лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Клаги сжимались и разжимались. "Хорошо, хоть не получил в лоб",— мрачно подумал Джемисон. Он понимал состояние инженера, но ничем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам должно быть известно, что там нет никакого леса. В джунглях кишмя кишит этот самый молодняк, и еще, Бог знает, какие твари.— Он встал и ткнул пальцем в другое место.

— Вот здесь, в горах, можно попробовать. Там тоже не сладко, но климат получше и от зверья хлопот меньше. Результат будет тот же, а обойдется куда дешевле.

"Разумно,— подумал Джемисон.— Если Клаги — агент рулл, то агент неплохой". Каждое слово инженера анализировалось группой психологов в соседней комнате. В случае ошибки в действиях Клаги перед Джемисоном загорелась бы красная лампочка. Пока все было в порядке.

— Видите ли, Клаги, эта вакцина слишком важна для нас, чтобы попытаться что-либо сэкономить. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь ...

— К дьяволу ваши деньги!— заорал Клаги.— Не о них речь. Какого черта сотни отличных парней должны сложить головы ни за что ни про что!

— Ну, предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу ответственность за все свои решения.

Клаги медленно опустился в кресло. Сквозь его загар проступила краска гнева. Но он продолжал сдерживаться.

— Взгляните, мистер Джемисон, вот тут, рядом с джунглями, есть большой холм. Я писал о нем в докладе. Это не Бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если правительству — вернее вам, нужен лагерь, то мы его там и построим. Но это зависит не только от меня — решать будут мои люди.

Джемисон явно скучал. Он, конечно, понимал, каким дураком выглядит в глазах инженера. Но снова ткнул ручкой в зеленое пятно и повторил:

— Здесь.

Клаги вскочил со стула, и стол Джемисона завибрировал от удара его кулака.

— Разрази меня гром, вы — самый непроходимый чинуша из всех, что я знаю! Ничего, кроме этого стола, в жизни не видели, а уже пытаетесь распоряжаться чужими жизнями. Посмотрел бы я на то, как бы вы строили лагерь там, куда ткнули карандашом. Вас бы туда хоть на пару минут!

Джемисон ожидал этого взрыва. Лампочка не загорелась. Ему удалось провести встречу, не подав вида, что это проверка.

— Я удивлен, мистер Клаги, что вы переходите на личности при обсуждении правительственного мероприятия.

Лицо Клаги из красного стало черным.

— Мистер Джемисон,— сказал он,— человек, посылающий на верную смерть сотни людей, заслуживает и не такого. Стройте лагерь сами, где хотите. Я отзываю своих людей на Землю.

Клаги повернулся на каблуках и вышел. Джемисон не удерживал его. Проверка еще не окончена. Осталось выяснить, прервет ли Клаги контракт или нет. Рулла никогда не сделал бы этого — ему было бы все равно,

где строить лагерь, хоть на вулкане, ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей.

Джемисон щелкнул переключателем. На экране появились трое людей. Это были психологи.

— Ну,— сказал Джемисон,— кажется, это он.

— Да,— улыбнулся один из тройки,— характер у него тот же. Бьюсь об заклад, что это он.

— Ну что ж, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета,— сказал Джемисон.

В этой войне никому нельзя было верить, даже здесь, на Земле. Шпионская сеть рулл раскинулась по всей Галактике, и все ее нити сходились к Земле.

Руллы появились из сгустка тьмы, откуда-то извне Галактики. С тех пор были потеряны тысячи миров, прежде чем гуманоиды смогли мобилизовать свои флоты и остановить противника. Равновесие поддерживалось несколько лет, затем руллы снова двинулись вперед. Сражения проигрывались одно за другим, будто руллы заранее угадывали все тайные планы землян. Это означало одно — утечку сведений, шпионаж.

Сперва никто не предполагал, что руллы могут принимать любой облик, вернее, видимость, пока однажды тело "человека", убитого при попытке похитить секретные документы из Исследовательского Центра, не превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Только тут человечество осознало, какой опасности оно подвергается.

Через несколько часов полицейские машины блокировали все города на тысячах планет, и каждый человек прошел проверку.

На одной только Земле было выявлено и расстреляно около ста тысяч шпионов. Однако руллы довольно быстро сумели адаптироваться, и выявить их стало возможно лишь с помощью сверхсложных машин — детекторов.

И вот теперь руллы, несмотря ни на что, снова продвигались вперед. Их ничто не брало — ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Их организм был основан на фтористом обмене. Долгое время велись поиски средств, с помощью которых можно было бы вести войну.

Вакцина из лимф животных с Миры-23 была именно этим средством. Но об этом не знал даже Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. Так что то же самое подумали бы и руллы, заполучи они Клаги.

Звякнул коммутатор, прервав размышления Джемисона. Он извинился перед психологами и включил приемную.

— Мистер Колеб Карсон,— сказала секретарша.

— Давайте.

На экране появилось изображение серьезного темноволосого юноши. Колеб Карсон был старшим сыном первооткрывателя планеты Карсона и ее исследователем.

— Получилось,— сказал Карсон.

— Ага, значит, я был прав!— воскликнул Джемисон и снова вызвал приемную.

— Я лечу в Исследовательский Центр. Если будет звонить Клаги, соедините меня с ним немедленно.

— Хорошо, сэр.

Джемисон поднялся в лифте на крышу, где в ангаре стоял его аэрокар. Два вооруженных охранника проверили его карманы и документы, потом сняли с него отпечатки пальцев — самый надежный метод выявления шпионов.

Джемисон подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на его силиконовой поверхности. Раньше его не было. Джемисон тряхнул головой, протер глаза. Рисунок не исчезал. Когда он закрыл глаза, рисунок не исчезал, он как будто проявился в его голове.

Джемисон сел в аэрокар и направил его к одному из изданий. "Что за черт",— подумал он, посадив аэрокар на крышу высокого здания. Он выключил мотор и сидел в ожидании, пока ему принесут пропуск. Он не узнал спешившего к нему служителя, вероятно, новый человек. Но тут же увидел нечто более потрясшее его — здание не было зданием Исследовательского Центра! Джемисон повернулся к служителю, чтобы разрешить недоразумение. И замер. В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа, и наступила тьма.

Глава 15

Первым его ощущением был причудливый, приторный запах гниющих растений. Он лежал в удобной парусиновой койке, прогибавшейся под его тяжестью.

Что же случилось? Он жертва... рулл? Или... Конечно, у него на Земле была масса врагов, да и не только на Земле... Клаги? Что же, это последний враг. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать ему свою правоту? Чушь. Джемисон вспомнил о рисунке на аэрокаре, парализовавшем его мозг. Новый способ гипноза? Однако слишком много вопросов. Так ему ничего путного не узнать.

Джемисон открыл глаза. Над ним сквозь клубок лиан сияло зеленоголубое небо. Внезапно он почувствовал невыносимую жару. На него нахлынул рев работающих машин. Он сел на койке и огляделся. Койка сто-

яла в конце еще не законченной просеки. Вокруг рычали грейдеры, бульдозеры, лесовозы и прочая техника освоителей. Вдали виднелись пластиковые бараки.

"Если это Мира-23, здесь действует Клаги. Значит, Клаги? Да, сомнений нет. Ну, дай ему Бог суметь оправдаться перед Землей",— подумал Джемисон.

Теперь он понял, что небо кажется зеленоватым из-за энергетического экрана, поэтому и верхушки деревьев излучали слабое сияние. Экран отражал световые волны низких частот, поэтому находящееся в зените красное солнце Миры казалось белым.

Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая антисектициды. Джемисон перескочил на необработанный участок — эти самые антисектициды были куда вредней для человека, чем для насекомых. Перепаханная машиной земля кишела черными блестящими червями и знаменитыми красными жуками Миры, убивающими жертву током и, бог знает, чем еще. Джемисон подошел к уже отстроенному зданию и прочитал вывеску:

МЭРИДАН КОМПАНИ
АЙРА КЛАГИ
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Джемисон вошел в барак. Сидевший за столом юноша, лет двадцати, с холодным раздражением взглянул на Джемисона.

— Мне нужен Клаги,— без предисловий сказал Джемисон.

— А кто вы такой? Что-то я вас не припомню,— отпарировал юноша.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это что-нибудь вам говорит?

Юноша даже не моргнул.

— Имя — говорит. Босс, платящий нам деньги. Но вы-то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— А откуда вы знаете?! Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль приземлился пять дней назад.

— Пять дней?!— повторил пораженный Джемисон.

Юноша кивнул.

"Пять дней,— подумал Джемисон.— И дорога до Миры-3 семь, восемь дней... Неужели Клаги все это время держал его без сознания?"

— Где ваш дядя?

Питер Клаги помотал головой:

— Сначала нужно установить вашу личность и как вы тут очутились.

Клаги поднял с пульта телефонную трубку и нажал на кнопку.

— Вес — выше среднего, густые рыжеватые волосы, глаза темные, широкий лоб, лицо — выразительное,— описывал он внешность Джемисона. Потом помолчал и ответил:

— Все-таки пришлите пару людей.

Он положил трубку и повернулся к Джемисону.

— Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона. Или... на руллу в облике Джемисона.

Джемисон улыбнулся и поднялся. Он шагнул вперед, протягивая руку.

— Ну, это-то я сумею доказать. Вашу руку, Питер.

Рука Питера Клаги, лежавшая ладонью вниз на столе, слегка приподнялась, но этого было достаточно, чтобы обнаружить под ней маленький бластер.

— Ни с места,— сказал он.— У вас еще будет время для доказательства.

Джемисон с минуту смотрел на него, потом пожал плечами и пошел к двери.

— Назад,— крикнул Питер,— сядьте на место!

Джемисон, не обращая внимания на Клаги, рассматривал местность, стоя у двери. До сих пор он был слишком занят личными делами, чтобы обращать на нее внимание. Все-таки Клаги пошел на компромисс.

Холм возвышался на тысячу футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезался в них, так что не заслонял величественного леса, простиравшегося во все стороны, до туманных гор на горизонте. Холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут он снова почувствовал тот знакомый, волнующий трепет восторга, который всегда испытывал при виде нового мира, новых планет, таких же сказочных, как эта.

Однако присутствие трех вооруженных людей вернуло его к действительности. Впереди шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку на лице его все отчетливее проявлялось выражение недоумения и замешательства.

Но он не произнес ни слова до тех пор, пока Джемисона бесцеремонно не обыскали.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, напишите здесь свое имя и распишитесь, чтобы я смог сравнить с документами. Мне бы это не потребовалось, если бы не ваше неожиданное появление здесь.

Джемисон зловеще улыбнулся.

— Как раз этот вопрос я бы хотел у вас выяснить.

Но тут он понял, что из такой игры ничего не выйдет. Он рассказал Клаги о событиях, происшедших с ним с момента ухода Айры из его кабинета в Звездном, не утаив своих подозрений.

Клаги усмехнулся в ответ:

— Дать вам по физиономии я бы мог, но похищение — не мой стиль.— Клаги, в свою очередь, рассказал, что произошло с ним. Он отправился в клуб Звездолетчиков и приказал своим людям на Мире воз-

вращаться. Как раз, когда он топил свою ярость в бокале виски у стойки бара, его разыскал правительственный чиновник и объяснил всю подоплеку дела. Клаги отменил приказ, а на следующее утро подписал контракт и занялся вербовкой людей и погрузкой техники на корабль. Через два дня звездолет стартовал на Миру.

— Вы можете связаться с Землей и проверить,— сказал он в заключение.

— Связаться с Землей я должен в любом случае,— ответил Джемисон,— хотя ваш рассказ правдоподобен. Но все равно следует в этом разобраться. Мне будет нужен корабль.

Радиостанция с кольцеобразной субпространственной антенной на крыше оказалась кстати.

Из-за контрольной панели выскочил расстроенный оператор.

— Мистер Клаги! А я уж собрался звонить вам. Опять сгорел конденсатор Мак-Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас,— жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен. Джемисон — тоже.

— Видите ли, доктор,— сказал Клаги,— это был наш последний конденсатор. Мы остались без связи до прихода следующего корабля. А это произойдет через шесть дней.

Это был серьезный проступок. Питер Клаги вернул Джемисону бластер и шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я его обыщу.

Айра Клаги тоже обнажил бластер. Оператор протянул руки. Племянник Клаги схватил его за руку и с облегчением повернулся к Джемисону:

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной станции. Клаги ответил, что есть, в девятистах милях отсюда, на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда на аэрокаре.

Питер Клаги бросился к группе стоявших неподалеку аэрокаров. Через минуту они были в воздухе, в 1000 футов над зеленым ковром леса. Корабль вел Питер.

Айра Клаги молча смотрел в окно. Джемисон тоже размышлял.

"Видимо, руллы хотят помешать нам получить вакцину. Это ключ ко всему,— думал он.— Они устроили ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли его сюда".— Он содрогнулся, представив себе, что неделю провел на корабле рулл.

Но почему они его не убили? Видимо, потому, что, если бы был убит администратор, проект бы остался — человека заменить можно. Тут все было хитрее, в интригу вовлекся Клаги, от которого тоже зависел проект.

Значит, присутствие Джемисона на планете нужно по сценарию. Он вздрогнул. Ведь он ведет себя вполне естественно, значит, тоже по сце-

нарию. По сценарию предусмотрено, чтобы он вместе с Клаги очутился здесь, над лесом, на полпути от ближайшего жилья. Так было задумано. Джемисон встал. Нужно немедленно связаться с рудником.

На горизонте сверкнула точка — второй кар, больше и мощнее их собственного. И вооруженный. Он настигал их.

Джемисон повернулся к пульту и замер: перед ним с бластером в руке стоял Питер Клаги. Дуло бластера уперлось Джемисону в живот. Айра крикнул:

— Питер, ты сошел с ума!— Вскочив с места, он бросился к Питеру. Но тот направил на него бластер:

— Сдать оружие! Быстро!

Джемисон протянул Айре руку:

— Мне остается надеяться, Клаги, что ваш племянник жив. Это не Питер Клаги, и вообще это не человек.

Глава 16

Теперь Джемисон понял все. Питер отказался пожать ему руку, мотивируя это тем, что Джемисон мог оказаться руллой. Джемисона с самого начала поразила свежесть Питера в этом душном климате. Теперь ясно, откуда она. Тем понятно, кем был радиооператор, чью "человечность" удостоверил Клаги рукопожатием. Оба они были руллами.

Джемисон внимательно разглядывал "юношу. Его поражало совершенство маскировки, никогда не разрушайщейся в присутствии людей. Джемисон на мгновение представил себе червеобразные, многорукие тела рулл.

Айра Клаги, наконец, очнулся от шока.

— Что вы сделали с моим племянником?

Он угрожающе шагнул вперед. Джемисон схватил его за руку:

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится бластер, он убьет вас излучением.

Рулла молча протянул то, что казалось рукой, к пульту и щелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чащу леса.

Другое судно, как заметил Джемисон, тоже нырнуло в лес.

Странно, но второй кар не приземлился. Он завис над землей, на высоте нескольких футов.

Вероятно, он не хотел оставлять следов. Из машины выскочили двое рулл в человеческом обличье и направились к ним. Джемисон понял, что они старались не касаться земли — ведь здесь, в гуще леса, кишмя кишели юные лимфы.

Может, руллы и не знали цели работ Клаги, может, это была просто превентивная операция против Земли. Лимфы привели их в замешательство.

Взрослые лимфы были безобидны, они не трогались с места. Молодые же нападали на все, что двигалось. Стоило движущемуся предмету остановиться, как они о нем забывали. Они бросались на все — на падающие листья, раскачивающиеся деревья, на текущую воду... Миллионы их гибли от атак на почему-либо двигавшиеся неодушевленные предметы. Но некоторым везло, и через два месяца они превращались во взрослых особей. Взрослые представляли из себя твердые ульеобразные конструкции, которые не могли двигаться. Эти ульи встречались на каждом шагу, на земле или на деревьях — всюду, где молодые лимфы настигали жертву. Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовитой. Питалась она за счет запасов еды, приобретенных до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Но дети оставались в них. Они развивались в родителях и начинали их пожирать. Это приостанавливало размножение, но к этому времени детенышей было так много, что они уже пожирали друг друга. И несмотря на все это, какая-то часть ухитрялась спастись.

На этой мысли Джемисона прервали: "Питер" щелкнул тумблером, и дверь аэрокара открылась:

— Выходите, живо!

Они спрыгнули на землю, туда, где их уже поджидали руллы. Те сбились в группу.

— Это они разговаривают,— шепотом сказал Клаги Джемисон,— им трудно говорить по-человечески.

"Питер Клаги" резко обернулся к ним и сказал Айре:

— Вы свободны. Можете садиться в свой аэрокар и катиться куда угодно, но чтоб сегодня вы сюда не возвращались!

Джемисон и Клаги были потрясены. Клаги сказал:

— Нет, если Джемисон остается, то я тоже.

— Но почему? Ведь он вам не нравится!

— Это так, но...— Клаги запнулся, а потом бешено проорал: — А, так вы знаете! Значит, вы убили моего племянника еще там, на Земле!

Джемисон предостерегающе положил ему руку на плечо. Рулла ответил:

— Ваш племянник жив. Он здесь.

Он подошел к зависшему аэрокару и открыл люк — внутри лежала неподвижная фигура, копия "Питера".

— Он пробудет без сознания несколько часов. Мы усыпили его утром, в лагере. Так было нужно.

Это было похоже на правду. Руллы стали совещаться. Поступок Клаги выпадал из общего сценария.

В этот момент внимание Джемисона привлекло какое-то движение в траве. Оно было еще далеко. Но он понял, что это — молодые лимфы...

Короткое совещание рулл окончилось, и "Клаги" обратился к Айре:

— Залезайте в кар, я отвезу вас.

— А что будет с Джемисоном?

— Он останется здесь,— ответил рулла,— через час стемнеет. Когда вы прилетите за ним, он будет мертв.

Убить администратора и освободить инженера? Какой смысл? Зачем? Ну, конечно же! Ведь все помнят, как Клаги выступил против проекта — подозрение в любом случае падет на него. Начнется расследование, и проект будет остановлен. И это в простейшем случае, если они не знают цели проекта. Просто где-нибудь разведцентр получил сведения о повышенной активности людей в этом районе и послал группу агентов. Стандартный метод.

Джемисон уголками глаз следил за движением травы. Лимфы были уже в 30—40 футах от них. Круг замкнулся.

Джемисон не медлил ни секунды. Он правильно понял план рулл, теперь нужно было бы действовать. Он подошел к Клаги и сказал ему:

— Ступайте в кар. В самом деле, они правы.

И шепотом:

— Мы окружены лимфами. Я замру и спасусь. Идите.— Он подтолкнул Клаги. Тот немного поколебался и вошел в кар...

Джемисон прыгнул в сторону и побежал. "Они меня не убьют — это не по сценарию. Только бы отвлечь их внимание на несколько секунд".— Едва он успел подумать об этом, как каждый его нерв натянулся, и, казалось, лопнул, и он упал на траву, не в силах пошевелиться. Сознания Джемисон не потерял, но прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что случилось. Один из рулл парализовал его. Страшная мысль пришла ему в голову: что, если какой-нибудь лимф впился в него, пока он падал, и теперь пожирает его!

Ослепительная вспышка света озарила уже темнеющие джунгли. Еще одна, еще! Джемисон мог только гадать, что произошло.

Шли минуты. Вспышки редели. Глаза болели, но он не мог их закрыть.

И через секунду он понял, что это хорошо — в поле его зрения появилась уродливая маленькая головка лимфа, всего в нескольких футах от него. Лимф просеменил на бесчисленных маленьких ножках мимо него.

Внезапно земля ушла из-под него. Он сообразил, что его подняли. Сначала Джемисон испугался, что это руллы, но нет, его нес на своих плечах Айра Клаги. Он промчался к кару и бросил Джемисона в люк. Прежде чем люк захлопнулся, Джемисон мельком увидел трех рулл футах в пяти-десяти от корабля. Они потеряли свою человеческую форму, и на членистых многоногих телах там и сям блестели мешки излучателей света, с помощью которых создавалась видимость людей. И повсюду в их тела внедрялись маленькие лимфы.

Глава 17

— Как, говорите, назвали?— переспросил польщенный Джемисон. Он находился в своей каюте на корабле, летящем с Миры-23 на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет не тактично. Так что его зовут Эфраим.

Джемисон откинулся в изоляционное кресло. Он улыбнулся оттого, что эзвал хотел взять его имя.

А в принципе, это будет из ряда вон выходящее событие.

"Что в имени тебе моем?" — сказал древний поэт. Это была одна из его немногих ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, у которых не было имен. Ни у одной из них не было цивилизации.

— Эфраим...— повторил он,— а второе?

— Джемисон. Это было возможно.

— Ха, еще один родственничек. Жене сообщили?

— Да. Я ей звонил. Но она была слишком расстроена вашим исчезновением.

Джемисон тоже уже успел поговорить с Ведой. Поэтому он принялся непринужденно болтать с собеседником. В результате родилась идея: изготовить индикатор, который бы издавал мысленные импульсы: "Меня зовут..." — и каждому индикатору присвоить свое имя.

Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать их для эзвалов. Делать метки можно из материалов, со временем растворяющихся в крови. Но к тому времени уже каждый эзвал будет знать свое имя. Несомненно, эту идею можно преподнести Межзвездному Совету.

Затем Джемисон соединился с одним исследовательским институтом и сообщил о странном рисунке, парализовавшем его.

Через несколько дней он снова был в своем кабинете.

— Вас хотят видеть,— позвонила секретарша.

— Да, соедините,— откликнулся Джемисон.

На экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Дидди ушел искать Источник Звука.

— О-о-о,— протянул Джемисон.

Он любовался ее лицом. Она и в самом деле была привлекательна, с нежной кожей и угольно-черными волосами, хотя замужество и материнство все-таки повлияли на нее.

— Веда,— сказал он,— тебе не следует волноваться.

— Но он же ушел. А кругом кишат эти руллы!

— Ведь в Саду его отпустили. Они знают, что делают.

— Но его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул.

— Видишь ли, дорогая, так нужно, это неотъемлемая часть процесса воспитания, и мы должны подчиниться. Мы к этому уже давно готовились...

Он переменил тему разговора.

— Лучше развлекись, сходи в магазин, купи себе что-нибудь, возьми... ну, сколько хочешь денег. До свидания, дорогая, и, главное, не расстраивайся!

Он встал и подошел к окну. Перед ним высились здания бюро. Проспекта и Корабля он не мог видеть — они были на другой стороне. Дальше простирались Пригороды. Далеко-далеко, до туманного горизонта. Где-то там внизу, его сын искал Источник.

Темнело. Дидди Джемисон шел по улице. Много лет, на протяжении всей жизни он размышлял о том, что такое Звук, Звук, который никогда не кончался. Ему говорили, что где-то "снаружи" его нет. Может быть. Но он был уверен, что это не так, ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить его. Скорее всего, и это было ложью, которую он должен опровергнуть.

Звук был все время, в Саду, в его комнате, в столовой, заглушая все, звучащее вокруг. Он ложился спать и просыпался с ним вместе, и даже во сне Звук не кончался. Звук был привычен. И вот сегодня Дидди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет. Он поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу.

В ста футах от него стоял человек, которого он впервые заметил десять минут назад. Что-то в его облике вызывало тревогу. Дидди перешел улицу и, надеясь ускользнуть от человека, вышел на другую, более людную. Он еще надеялся, что это не рулла.

Но к человеку уже присоединился второй, и они направлялись к нему. Дидди подавил желание повернуться и убежать. Если это руллы, то ему не убежать.

— Малыш!

Дидди остановился и повернулся к ним, как если бы увидел их впервые.

— Ты что-то поздно гуляешь.

— Это моя ночь, сэр,— ответил Дидди.

"Человек" полез в нагрудный карман. Странное это было движение — как будто рука перемещалась отдельно, сама по себе.

Наконец человек вытащил руку и показал ему значок.

— Мы — агенты Бюро,— сказал он.— Ты пойдешь с нами на проспект.— Он сунул значок в карман.

Сопротивление было бесполезно.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл. На площадке стояли два полицейских офицера в штатском.

— Доктор Джемисон?— спросил один из них.

— Да, это я.

— Тревор Джемисон?

Джемисон кивнул.

— Отец Декстера Джемисона, девяти лет?

Джемисон схватился рукой за косяк.

— Да.

— Наш долг, согласно закону, сообщить вам, что ваш сын находится в руках рулл. В течение нескольких часов его жизнь будет в смертельной опасности.

Джемисон ничего не сказал. Офицеры рассказали ему вкратце всю историю.

— Мы знаем, что сейчас руллы скапливаются в районе Солнечной системы. Мы не можем уследить за всеми. Сейчас мы лишь пытаемся определить их численность. Вероятно, вы понимаете, что нам гораздо важнее выяснить конечную их цель, нежели выловить отдельные группировки. Видимо, мы имеем дело с особо крупным заговором. Но мы делаем пока лишь первые шаги к его разгадке. Нужна ли вам еще какая-либо информация?

Джемисон колебался. Веда на кухне мыла посуду. Она не должна знать о приходе полицейских.

— Надо вас понимать так, что сейчас вы не собираетесь заниматься освобождением Дидди?

— Пока у нас нет информации о намерениях рулл — нет. Ситуация должна созреть. Вам не следует вмешиваться. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени.

— Благодарю вас,— автоматически сказал Джемисон.

Он вернулся в комнату. Веда крикнула из кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Кто-то искал человека по имени Джемисон. Ошибка.

— А-а,— ответила Веда.

Она сразу забыла о происшедшем и не вспоминала о нем. Джемисон отправился спать.

Глава 18

Дидди знал, что не должен сопротивляться. Он должен сорвать планы рулл. Этому его учили в Саду. Нужно сначала выяснить, что это за планы. И ждать инструкций.

Пока руллы притворялись людьми. И Дидди покорно шел за ними. Улица становилась светлее. Вдали на синем небе четким контуром выступал Корабль.

Здания вдоль Проспекта, за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы и Дидди подошли к барьеру проходной. Здесь, около восьмифутовой металлической решетки, они остановились, глядя на расположенные под ней вентиляторы.

В начале войны охраняемые объекты окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось, что ток для рулл не преграда, колючей проволоки они просто не чувствуют, а бетон крошат своим излучением. В результате несколько лет назад был создан вентиляционный барьер. Он окружил Пригород. Люди его не замечали. Но рулл он убивал в течение трех секунд. Конструкция барьера была строго засекречена.

Дидди воспользовался нерешительностью спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я доберусь сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех с некоторой натяжкой мог сойти за человеческий, но эта-то натяжка все и портила.

— Слушай, парень, ведь ты, наверное, неплохой спортсмен. Не хочешь ли нам помочь? Это ненадолго.

— Помочь?

— Видишь тот барьер?

Дидди кивнул.

— Отлично. Мы тебе говорили уже, что служим в тайной полиции, знаешь? Против рулл. Ну, и однажды мы с другом вычислили расстояние, которое сможет пройти рулла через барьер, прежде чем он погибнет. И такой странный результат получился, что мы решили его проверить, прежде чем докладывать наверх — сам понимаешь, куда. Если мы ошибемся, нас засмеют. И мы хотим сначала все проверить.

"Никто... не должен... пытаться нарушить планы... планы рулл",— этот приказ столь часто внушали Дидди, что сейчас он мгновенно возник в его мозгу. Он колебался, не зная сказать им "да" или "нет". Но годы учебы заставили его подчиниться.

— Все что нужно — пройти через барьер и вернуться,— сказал рулла.

Дидди, не говоря ни слова, выполнил приказ. Секунду он стоял в нерешительности: вернуться или побежать к зданию, находившемуся в тридцати футах от барьера. Но тотчас понял, что руллы убьют его, прежде чем он преодолеет эти 30 футов. И он вернулся.

По улице к барьеру шла группа людей. Руллы и Дидди посторонились, уступая дорогу. "Полиция?" — подумал Дидди. Ему отчаянно захотелось, чтобы все шло по плану. Люди неторопливо прошли через барьер и скрылись за зданием.

— Нужно быть осторожными, чтобы нас не заметили,— сказали руллы.

У Дидди было свое мнение на этот счет, но он промолчал. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Дидди протянул руку. "Сейчас меня убьют",— подумал он, чуть не заплакав. Но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему. Руку пронзила острая боль.

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Они разбрасываются пульверизаторами, каждые несколько секунд, поэтому мы этого не чувствуем. Бактерии смертельны для рулл, но безвредны для людей. Чтобы бактерии не разносились в воздухе, их засасывают обратно вентиляторы. Одни и те же бактерии используются во многих циклах. Теперь ты понимаешь?

Дидди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии, убивающие рулл. Мало кто знает, как устроены барьеры. Неужели руллы раскрыли это?

Второй рулла что-то рассматривал в тени здания. Там вспыхивали блики света. Дидди понял, что тот исследует его кровь, дабы понять, что там за бактерии.

— Бактерии, попавшие на человека, сразу же умирают. Видимо, используется лишь один вид бактерий, иначе невозможно было бы сделать несколько циклов. Если бы руллы нашли средство защиты от этих форм бактерий, они бы легко преодолели барьер — прямо, как ты сейчас, и могли бы делать внутри все, что им заблагорассудится. Понял, какая это важная задача?

Он замолчал.

— Ну вот, мой друг закончил анализ. Подожди немного.

Он подошел ко второму шпиону. Их разговор длился не более минуты. Рулла вернулся.

— О'кей, парень. Можешь идти. Мы тебя не забудем.

Дидди не поверил своим ушам:

— Разве это все?

— Все.

Дидди вышел из тени здания и пошел к барьеру. Руллы шли за ним, но не пытались его задержать.

— Эй, парень! Смотри, тут еще двое. Можете искать Звук вместе!

Дидди обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек.

— Кто последний добежит, тот рулла!— крикнул один.

Они молнией понеслись к барьеру. Дидди пошел за ними.

— Меня зовут Джеки,— сказал один.

— А меня — Джил,— представился другой.

— А я — Дидди.

У каждого был свой Звук, но искать можно вместе. К ним подкатил кар и остановился. Его фотоэлементы фиксировали мальчиков. Они уселись в него и помчались по Пригороду, между кранов и механизмов.

Дидди никогда не был ночью на Проспекте и в другое время был бы очень взволнован такой поездкой. Но теперь он размышлял. Кто эти ребята? Руллы? Они никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали, а не прошли, сквозь барьер — это возможно просто случай-

ность. Но, что бы ни случилось, он должен сотрудничать с ними. Таков закон. Так его учили.

Он стал искать источник. Но куда бы ни заходил он, в какой бы зал ни заглядывал, Звук не затихал. Они ни разу больше не пересекли барьера. Если здесь и были преграды для рулл, они были невидимы. Двери всех зданий были широко раскрыты. Он надеялся, что в какой-либо закрытой комнате окажется смертельный для рулл воздух. Но закрытых комнат не было.

Хуже всего было то, что вокруг не было ни души, никто не мог помочь ему. Только бы узнать — руллы ли его спутники! Если это руллы, вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Кораблю?

Они вошли в огромное, площадью в половину квадратной мили, здание. В здании не было пола — была гигантская пропасть, наполненная какими-то кубическими конструкциями, изготовленными из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что сквозь многие мили можно было видеть вспышки колоссальных ядерных реакторов.

И в центре этого здания, этого царства металла и пластика, находилась женщина, живая женщина. Она кивнула им и спросила дружелюбно:

— Ищете Источник? А вы знаете, что я? Я — Чувствующая.

Джеки и Джил помалкивали, а Дидди сказал, что знает. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то образом, кажется, по изменению количества кальция в крови, могли следить за ходом ядерной реакции. Из-за того, что они могли регулировать количество кальция в крови, они жили очень долго, около века.

Дидди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала никакого знака. Но, может, она что-нибудь расскажет о Звуке? И он спросил:

— А эти реакторы, стоящие внизу, могут издавать звук?

— Конечно.

— Что-то не верится в это.

— Вы хорошие мальчики, и я хочу вам помощь. Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым,— она двинулась к Дидди.

— Постарайся скрыть свое удивление,— прошептала она,— под перекрытием металлического тротуара под Кораблем ты найдешь маленький бластер. Иди вниз по эскалатору и направо до бруса с надписью "Н". Если понял, кивни.

Дидди кивнул.

— Спрячь бластер в карман и не применяй без приказа. Счастливого пути!

Она выпрямилась.

— Ну, а дальше ты сам.— Она подошла к Джеки.— Теперь ты.— Тот покачал головой.

— Мне подсказок не нужно. Не люблю шептунов.

— Я тоже,— сказал Джил.

Женщина улыбнулась:

— Ну ладно. Тогда слушайте: вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка,— ответил Джеки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа выход.

Когда Дидди у выхода обернулся, женщина снова выглядела лишь как часть кресла, в своей неподвижности она казалась неживой. Но теперь он знал — корабль в опасности. И они шли к нему.

Глава 19

Джемисон проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Он вздохнул и повернулся на другой бок. "О, господи, и тут не дают поспать!" Затем открыл глаза — на его постели сидела Веда. Джемисон взглянул на часы. Двадцать две минуты третьего. "Черт возьми,— подумал он,— я должен выспаться, наконец".

— Я не могу заснуть,— сказала Веда со слезами. Она выглядела очень расстроенной.

Джемисон проснулся окончательно.

— Милый,— прошептала она.

Джемисон пошевелился.

— Любимый,— он открыл один глаз снова.— Дорогой, проснись, пожалуйста. Я так волнуюсь.

— Ты хочешь, чтобы я снова не выспался?

— Извини меня, пожалуйста, я не хотела тебе мешать,— но было ясно, что все это она говорит для проформы.— Милый.

Он не ответил.

— Мы должны узнать.

Джемисон хотел было совсем не слушать ее, но мозг уже проснулся и начал анализировать ее слова. Сон улетучился окончательно:

— Что узнать?— спросил он.

— Сколько их.

— Кого?

— Ребят, на улицах...

Он ожидал худшего.

— Веда, ведь утром мне на работу.

— Работа!— презрительно сказала Веда.— Работа! Думаешь ли ты о чем-либо еще? Остались у тебя какие-нибудь чувства?

Джемисон молчал, но она не уходила. Ее тон повысился.

— Ты и подобные тебе слишком бесчувственны.

— Если ты думаешь меня оскорбить, то совершенно напрасно.— Дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет.

— Дорогая, можешь радоваться. Ты своего добилась — я проснулся!

— И вовремя. Если ты не позвонишь, это сделаю я.

Джемисон щелкнул пальцами.

— Ладно, я позвоню, только не стой у меня над душой. Что обо мне подумают люди? Сядь здесь.

Он вышел из спальни и захлопнул дверь. Затем набрал номер, и на экране появилось солидное лицо человека в адмиральской форме. Этот человек был знакомым Джемисона.

— Дело обстоит так, Тревор: ваш сын в лапах рулл, теперь уже других. Они прорвались сквозь барьер весьма оригинальным способом. Сейчас в Пригороде около сотни рулл в человеческом облике, они слетелись со всей Солнечной системы, видимо, для какой-то особо важной миссии. За последние полчаса ни один рулла не пересек барьер — значит, все они там.

— А что с моим сыном?— спросил Джемисон.

— Пока он им нужен. Мы стараемся снабдить его оружием.

Джемисон понял, что адмирал не скажет ему ничего, по-настоящему существенного.

— И что же, вы преспокойно позволили сотне рулл проникнуть на Проспект, не зная даже, зачем им это нужно?

— Нам необходимо выяснить, зачем они пришли. Чего хотят? Почему пошли на такой риск? Наш долг — дать им высказаться. Мы сделаем все, чтобы спасти жизнь вашему сыну, но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для этих людей смерть Дидди не более чем прискорбный эпизод. Газеты напишут потом: "Потери минимальны". Впрочем, они могут даже сделать из мальчика сенсацию — на один день.

— Боюсь,— сказал адмирал,— что мне надо идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен наблюдать за ним. До свидания.

Джемисон сжал руки в кулаки и постарался успокоиться. Вернувшись в спальню, он сказал:

— Все в порядке, можешь успокоиться.

Она не ответила. Ее голова лежала на подушке. Видимо, Веда прилегла на секунду и мгновенно уснула. Но сон ее был тяжелым, а щеки — мокрыми от слез. И он решил помочь ей — ввел в кровь снотворное. Она расслабилась, дыхание стало ровным и спокойным.

Джемисон позвонил Клебу Карсону и попросил:

— Возьми Эфраима, скажи ему, что он мне нужен. Доставь его к штаб-квартире службы безопасности около Корабля в надежном контейнере, чтобы никто ничего не заподозрил.

После этого Джемисон быстро оделся и помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения эзвала. Но это было его личной привилегией, которую он, и тем более Дидди, заслужил.

— Что она тебе шептала?— спросил Джеки.

— Да то же, что и вам,— ответил Дидди. Они спускались по эскалатору под Проспект. Джеки, казалось, задумался о чем-то. Наконец они достигли тротуара, и Дидди увидел невдалеке брус с буквой "Н". Джил спросил:

— Но какой же смысл шептать тебе на ухо то, что потом она повторила вслух?

Дидди вздрогнул, но взял себя в руки:

— А кто ее знает, наверно, решила подшутить.

— Подшутить?— переспросила Джил.

— Что ты тут потерял?— перебил его Джеки.

— Я устал,— ответил Дидди и уселся на тротуар. Руллы стояли по другую сторону тротуара. Дидди запустил руки под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, по всей видимости, говорили между собой или еще с кем-то. Дидди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар. Эта дрожь передалась и ему. "Какова же должна быть вибрация под Кораблем?"— подумал он.

Город был построен из металла. И все антивибрационные покрытия не могли устранить дрожь, порождаемую сконцентрированными на малой площади источниками энергии, атомными реакторами, работающими на предельной нагрузке, машинами, способными штамповать стотонные стальные плиты.

Восемь с половиной лет назад был построен Город для колоссального Корабля. Каждая семья в Городе жила здесь либо потому, что кто-то из родителей был специалистом, необходимым для постройки Корабля, либо потому, что у них был ребенок, который мог на нем полететь. И не было другого способа для людей научиться управлять этим Кораблем, как расти рядом с ним.

В этом Корабле высотой в 10000 футов был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжие государственные чиновники лишь онемело качали головами, пораженные этими акрами машин и приборов, инструментов на каждом этаже.

И когда Корабль взлетит — он, Дидди, будет на нем!

Пока он стоял, потрясенный восторгом предчувствия, подошли руллы.

— Пошли,— сказал Джеки.— Зря мы тут болтаемся.

Дидди спустился на грешную землю.

— А куда?— спросил он.

— Как куда? Искать!— был ответ.

— Идемте,— не колеблясь, ответил Дидди.

Неоновая надпись на здании гласила: "Исследовательский Центр". На площадке перед зданием толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были такие маленькие, что, казалось, они только сегодня научились ходить. "Может, это руллы?— подумал Дидди.— А может, здесь все руллы? Нельзя давать волю таким мыслям".

"Исследовательский Центр". Здесь была выведена бактерия, убивающая рулл. Но что здесь понадобилось руллам? Узнать секреты Центра и вывести его из строя, ликвидировать защиту? О такой опасности их предупреждали в Саду.

Все двери "Центра" в отличие от других зданий были закрыты.

— Открой, Дидди,— сказал Джеки.

Тут к ним подошли еще двое. Один окликнул Дидди.

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались, а?— Дидди повернулся к нему — это были "агенты службы Безопасности". Но, может быть, это не те, а другие? Впрочем, это несущественно.

— Мы рады тебя видеть. Мы хотим провести другой эксперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе с руллами. Как, тебе это подходит?

Дидди кивнул. Он чувствовал такую слабость, что речь выдала бы его.

— Войди туда,— сказал рулла,— постой несколько секунд, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Только и всего.

Дидди вошел в Центр. Дверь автоматически захлопнулась за ним.

Он очутился в большой комнате — но здесь не было ни души. И потому Дидди не решился убежать. Но почему же здесь никого нет, ведь все институты Пригорода работали круглосуточно?

Дверь распахнулась. За порогом стояли Джеки, Джил и прочие ребята, молча глядя на него.

— Выходи,— послышался голос,— только сначала вдохни воздух.

Дидди вдохнул и вышел. Дверь захлопнулась за ним. Один из руллов протянул ему стеклянный сосуд с резиновой трубкой.

— Выдохни,— сказал он. Дидди подчинился. Рулла отдал сосуд своему спутнику, и тот отошел с ним за угол.

— Ты ничего не заметил в здании?— спросил оставшийся.

— Какой-то странный воздух, густой и тяжелый. А так больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя пробу крови. Дай палец,— Дидди протянул руку.

К ним подошел Джил и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Иди помоги моему другу,— ответил рулла. Джил со всех ног помчался за угол.

Минуты шли, и вот из-за угла появилась пара рулл. Дидди смотрел на них с усмешкой.

Стоявший с ним рулла быстро пошел им навстречу. Может быть, они разговаривали, но скорее всего не звуками. Потом рулла, который всегда говорил с Дидди, снова подошел к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается, в воздух подмешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно, даже для рулл. Но руллы не смогут существовать в таком воздухе, или разговаривать, так как возникают неустойчивые аммоны, убивающие их.

Дидди не совсем понял это объяснение. Химические соединения и реакции он проходил в Саду, но мало что помнил.

— Да, хитро,— сказал "агент" удовлетворенно.— Рулла сам себя убивает. А, ребята, вы, кажется, хотите войти внутрь? Ну что ж, давайте, и я тоже пойду, вот только потолкую немного с пареньком. Давай отойдем,— сказал он Дидди.

Он отвел Дидди в сторону, а "дети" потоком хлынули в здание, чтобы узнать все его секреты.

"Кто-то должен им помешать,— подумал Дидди,— и чем быстрее, тем лучше".

— Могу сказать тебе по секрету, конечно,— ты сегодня сделал важную работу. Мы все время думали про "Исследовательский Центр". После полуночи люди отсюда уходят, и два монтера включают какое-то оборудование и громкоговоритель у двери, который, если бы я был руллой, я бы легко разрушил. Люди слишком верят в свою бактерию.

— Мы подумали вот что. Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. Если бы они попали туда, то передать информацию труда не составило бы, а выбрались бы шпионы поодиночке. Это опасно, но возможно. Так уже делалось. Но теперь мы предотвратим эту возможность.

— Дидди,— услышал он шепот сверху,— не подавай виду, что ты меня слышишь.

Дидди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают шепота по каким-то физическим причинам.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Дидди понял, что источник звука находится сверху двери. Рулла ведь говорил ему что-то об оборудовании и громкоговорителе над дверью. Наверное, шепот шел оттуда. Но как же войти внутрь, если мешает рулла? Тот говорил, говорил что-то о вознаграждении, но Дидди думал только об одном: как войти.

— Боже мой,— в отчаянии сказал Дидди,— ведь уже светает, а я еще ничего не нашел. Послушайте, лучше я пойду в здание.

— Верно, не будем тратить время зря. Иди и будь осмотрителен там, понял?

Дидди распахнул дверь, но рулла остановил его:

— Подожди секунду.

Он привстал и дернул за что-то над дверью. Упали какие-то провода.

— Вот теперь можешь идти. Я отключил громкоговоритель. Можешь посмотреть, что делают другие ребята.

Дверь за Дидди захлопнулась.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но никакой надежды нет. *Они уничтожили* связь. Мы бессильны!

— Что он должен сделать, адмирал?

— Хотите связаться с Дидди, Джемисон? Я прочел мысли адмирала, — телепатировал из контейнера Эфраим...

— Да,— ответил Джемисон.

Дидди сначала был немало напуган шепчущим голосом.

— Дидди, руллы в здании безоружны. На излучение они рассчитывать не могут. Я вижу здесь двоих.

Действительно, в дальнем конце комнаты над столом склонились двое. Дидди очень удивился, но голос тут же сказал:

— Возьми бластер и убей их.

Дидди сунул руку в карман и вынул бластер. Пять лет его готовили к этому моменту, и он был спокоен. Не было такого оружия, которым бы он не владел в совершенстве.

Из дула бластера вырвалась струя голубого пламени, и Дидди направил ее на рулл. Руллы съежились, почернели и мягко осели на пол.

— Отличный выстрел,— похвалил эзвал. Только тут Дидди понял, что голос звучит ВНУТРИ него.

Дети в конце комнаты менялись на глазах. Собственно, это были уже не дети. Хоть Дидди и видел раньше фотографии рулл, но все же он был потрясен происходящим.

— Все двери здания закрыты,— сообщил голос,— внутрь никто не войдет. Обойди все здание и убивай каждого, кого встретишь. Каждого! Безо всякой жалости. Здесь нет людей, здесь только руллы. Убивай их без пощады.

Через несколько минут эзвал доложил Джемисону:

— Ваш сын уничтожил всех рулл в Исследовательском Центре. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока не будут убиты те, которые снаружи.

Потом адмирал рассказал Джемисону:

— Да, это была большая победа. Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться. Но мы поменяли бактерию в барьерах, им пришел конец.— Он поколебался и сказал: — Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему следует делать?

— Я дал ответ на этот вопрос в специальном разделе в моем рапорте.

— Как, вы написали рапорт?— удивленно спросил адмирал.

— Сами увидите,— ответил Джемисон.

В полутьме Дидди сел в геликоптер в Персулке, 2, и полетел на вершину Холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь стояло и сидело множество ребят. Дидди не знал, люди они или руллы, но почти не сомневался, что люди. Руллам не было смысла участвовать в этом ритуале.

Дидди уселся под кустом, рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут?— спросил он.

— Март,— ответил ему резкий, но негромкий голос.

— Ищешь источник?

— Ага!

— И я.

Наступил рассвет, и в его сиянии появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием солнца, которое еще не взошло. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не появился край солнца.

И чем выше вставало солнце, тем больше, казалось, становится Корабль. Стоэтажный небоскреб Административного Центра выглядел рядом с ним всего лишь подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Дидди на Корабль. Тот, казалось, плавал в солнечных лучах, поднимаясь выше и выше. Еще рано, подумал Дидди, но этот день придет. И величайший звездолет, созданный человеком, устремится в пространство. И тогда война кончится.

Голод заставил Дидди спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Дидди устал, пусть отдохнет.

Веда высвободилась и ушла в свою спальню.

Дидди прокрался через темную гостиную к себе и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего робота-учителя.

— Рапорт,— произнес он.

— Я понял, что такое Звук,— ответил Дидди.

— Что?

Дидди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать,— сказал робот.

Скользнув под одеяло, Дидди вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь пластикового окна.

Дидди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению Звука. Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это — часть его жизни. Так он и заснул.

Глава 20

Проснулся Джемисон как обычно, сон мгновенно улетучился при воспоминании о событиях прошедшей ночи. Он взглянул на жену и обреченно вздохнул — все-таки она отдохнула. И вставать ей не скоро.

Джемисон на цыпочках прокрался в ванную, умылся, в одиночестве съел свой завтрак и заодно прикинул варианты — как прошедшая ночь повлияет на будущее.

Эзвал его не подкачал.

На работе Джемисон написал рапорт, где назвал происшедшие события не менее важными, чем постройка Корабля.

"Использование телепатии в качестве связи между разумными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории Галактики".

Он размножил доклад и разослал всем, кто был в нем заинтересован. Первым ответ прислал видный военачальник.

"Интересно знать, были ли приняты предосторожности при контакте эзвала с людьми, причастными к Временным Исследованиям, проходящим под грифом "Сов.секретно". И не следует ли для верности уничтожить эзвала".

Этот ответ вызвал у Джемисона чувство отвращения. Эти военные, всегда трясущиеся за свои секреты! И ведь это тоже было размножено и разослано!

Джемисон написал ответ, в котором доказывал, что эзвал не имел контакта с людьми, располагающими секретными сведениями, а сам он располагал лишь минимумом фактов, такие же сведения эзвал мог получить от агентов рулл. Тут было слабое место — эзвал не умел читать мыслей рулл, но не время было сейчас играть в честность.

"Кроме того,— продолжал он,— неизвестно, когда сложится аналогичная ситуация и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству эзвал, не говоря уже о том, что от жизни Эфраима зависят отношения со всей расой эзвалов. Эти отношения будут прерваны навсегда, если они когда-либо узнают от случившимся".

Джемисон и эту бумагу размножил и отправил по тем же адресам. Он перевел эзвала в другой отсек в целях безопасности, мотивируя это тем, что в новом месте эзвал не будет иметь контактов с посетителями, допущенными к секретной информации.

До вечера пришло еще несколько откликов — все благожелательные, кроме одного, гласившего:

"Человек, что за чудовище, ты выдал за ребенка?"

На этом закончилась неделя.

Джемисон ожидал сообщения из Информационного Центра, куда он послал запрос о расах, с которыми невозможно установить контакт.

Он позвонил Колебу Карсону, пригласив его на ленч, и попросил его съездить с ним в Центр.

Карсон был сильно похож на своего деда, вокруг него всегда витал ореол успеха, казалось, он все время хранил какую-то тайну, которой ни с кем не имел права делиться.

В "Корабельной каюте" — государственном ресторане для высших администраторов — Джемисон посвятил Карсона в свои планы:

— Необходимо совершить с Эфраимом путешествие на какую-нибудь неподдающуюся контакту планету и использовать его хотя бы в качестве посредника.

Карсон кивнул:

— Это верная мысль. У нас появилась возможность вернуть Галактике целые миры.

Затем они принялись обсуждать детали освобождения эзвала. Покончив с ленчем, они кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и вышли к лифту. Карсон заметил:

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины рулл?

Говорить этого не следовало, что он сразу почувствовал по реакции Джемисона.

— Слушайте, бросьте сердиться, давайте задержимся у охранника и пройдем проверку.

Джемисон кивнул.

— Вот именно, нам обоим это необходимо сделать.

С полной серьезностью они прошли процедуру проверки и, естественно, оказались людьми — по крайней мере, на время.

В этом шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок.

По пути к Центру Карсон сказал:

— Ну, по крайней мере, теперь мы можем быть откровенны. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Явная несовместимость с человеком и возможность использования в войне с руллами. Необходимы экстремальные условия. У меня уже была осечка.

И он рассказал о неудачной попытке прочесть мысли рулл. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики: в этой Галактике все жизненные формы должны были быть чем-то схожи.

Вопрос был весьма важен. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять — что же это такое — жизнь. Можно было только гадать об этом, и совпадают ли эти догадки с действительностью — Джемисон не знал.

— А у вас уже есть какая-нибудь планета на примете?— спросил Карсон.

— Нет. Все решит компьютер,— был ответ.

Они спустились в машинный зал. Защелкал перфоратор. Джемисон взглянул на ленту и присвистнул:

— Так я и думал. Конечно, Плоя. Что же еще?

— Плояне?— нахмурился Карсон.— Но ведь это же миф! Существуют ли они в действительности?

— Не знаю. Но мы это узнаем.— Джемисон был доволен. Ему были важны не плояне, а идея сотрудничества между расами с помощью эзвала, и плояне были всего лишь пробным камнем.

Шлюпка Джемисона выскользнула из крейсера и по отлогой траектории двинулась к планете. Осторожно ввел он ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь оболочку. Затем установил нормальную скорость для этой высоты — 5000 ф/мин., а в 12 милях над поверхностью уменьшил ее до 30 миль в час и перешел в горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк.

Джемисон выжидал. Внезапно стрелки на всех приборах резко дернулись. Скорость падения разом возросла, судно бросало из стороны в сторону. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, тщетно нажимавшему кнопки. Оставалось ждать.

И вдруг на высоте 12 000 футов судно вошло в заданный режим, качка прекратилась. В действие вступила система управления, основанная не на электросхемах. Все электричество было выключено. Люк был закрыт наглухо.

Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон осмотрелся. Он не знал точно, почему захлопнулся люк. Но скорее всего он поймал плоянина.

... Первая экспедиция высадилась на Плою около ста лет назад. И сразу же произошла катастрофа — все металлические части корабля оказались под напряжением. Очень интересное с научной точки зрения явление, которое, правда, не успели оценить погибшие в первый же миг 81 человек. В живых осталось 140 человек, не прикасавшихся к металлу, но 22 из них не поняли причины гибели остальных и тоже были убиты.

Прежде всего был выключен ток. Стало ясно, что на борт корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергию. Корабль был обработан специальными составами, но это не помогло. Не помогла даже промывка его водой, которую перекачали из ближайшей реки. Исследователи не могли даже улететь, так как существо уловило их желание и выключило питание двигателей. Системы корабля находились под его контролем.

Отчаявшийся экипаж радировал обо всем крейсеру на орбите. Положение было проанализировано, и им ответили: "Очевидно, аборигены не враждебны человеку, погибли только те люди, которые контактировали с энергосистемой. Изучение данной формы жизни следует проводить с

помощью специальных электронных приборов, которые будут вам высланы".

На планету была послана научная экспедиция. Шесть месяцев прошло безрезультатно — контакта не было, ученые не смогли даже определить форму жизни, вызвавшую катастрофу.

И тогда люди были вывезены с планеты на допотопных ракетах, работавших по реактивному принципу. На этом первая экспедиция на Плою завершилась.

Обо всем этом Джемисон подумал уже в рубке управления своего крейсера, уносившего его прочь от планеты. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума, но, кроме чувства страха и отчаяния, ничего определить не мог. Но это обрадовало Джемисона. Он вообще сомневался в наличии разума на Плое, и вот теперь эзвал доказал, что он-таки существует.

В ста световых годах от Плои Джемисон выключил двигатели и вместе с эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом управления. Оттуда он открыл люк шлюпки и предоставил плоянину полную свободу действий.

Эзвал сообщил:

— Вижу картину главной рубки, причем с потолка. Плоянин оценивает обстановку.

Это было разумно. Джемисон представил себя в такой же ситуации. Уж он-то был бы начеку.

— Он в пульте управления,— сказал эзвал.

— ВНУТРИ?— изумленно спросил Джемисон.

Корабль дернулся, сбился с курса. Курс Джемисона не волновал, но что, если плоянин замкнул цепь накоротко?.. Он представил себе аморфное существо, мечущееся среди массы проводов и приборов, закорачивая контакты реле...

Корабль снова лег на курс. Эзвал сообщил:

— Он выбрал направление и будет придерживаться его до конца. О субсветовых скоростях он не имеет понятия.

Джемисон с сожалением покачал головой. Бедный плоянин! Он в ловушке, его раса и представить себе не может того расстояния, на котором он сейчас очутился.

— Сообщи ему, где он находится. Объясни разницу между движением в пространстве и в подпространстве.

— Он в ярости.

— Расскажи ему о механизмах, через которые мы сможем общаться непосредственно. Да, а что он ест?

И на этот вопрос они получили ответ.

— Он говорит, что умирает с голоду, и мы в этом виноваты.

Джемисон узнал, что плояне живут за счет трансформации энергии электромагнитных полей в приемлемую для них энергию.

Когда плояне замыкали контакты энергосистем, тот могли питаться за счет поля корабля. Это объясняло все неудачи первой экспедиции. Гибель половины экипажа была побочным эффектом "попойки", устроенной плоянами.

И когда Джемисон выключил питание, плоянин начал умирать с голоду.

Джемисон запустил газогенератор.

— Скажи ему, пусть ест не слишком быстро, иначе я выключу ток.

— Теперь скажи ему, что пока не научится работать с коммутатором, есть не получит.

Через некоторое время плоянин понимал человеческую речь еще до того, как звуки поступали в коммутатор, и освоил основные команды — всего за один день!

— Да-а...— сказал Джемисон, скорее себе, чем эзвалу,— представляю себе, что у него за память, если он так быстро сумел выучить язык!

Эзвал ответил, мысленно, конечно:

— Все энергетическое поле, которым он является, пригодно для использования в качестве памяти, и он может расширять ее как угодно.

Пришел вызов с Земли — Колеб Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к лучшему, так что можно даже не требовать вмешательства Конвента. Источник информации — миссис Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем идет речь.

— Было время, когда мы здорово не нравились друг другу. Но я уже тогда предвидел перемену и оказался прав,— ответил Джемисон.

Затем последовала весьма категоричная радиограмма: "Следуйте в 18 район. Координаты планеты — 1-8-3-18-26-54-6. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий космическими операциями". Восемнадцатый район был одним из четырех важнейших пунктов обороны. Естественно, что к нему обратился сам Главнокомандующий.

Джемисону пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму: "Ждите меня возле... Заберите эзвала и отправьте его на родину, а дальше действуйте в соответствии с планом".

Главнокомандующего он попросил прислать крейсер к месту его встречи с Карсоном и захватить его шлюпку.

Оставался плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. Церемониться было некогда.

— Если хотите когда-нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы,— сказал он.

И плоянину осталось только согласиться с этим.

Глава 21

Когда Джемисон заметил корабль, он сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, записывая на диктофон свои соображения насчет Лаэрта III. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что само по себе ее открытие было уже великим событием в войне.

"С этой планеты,— диктовал он,— можно нанести удар по любому из густонаселенных районов Галактики, району рулл или людей, поэтому необходимо оборудовать ее оружием по классу АА. Наиболее мощные орудия следует в течение трех недель установить на горе Монолит".

Как раз в этот момент он и увидел чужой корабль. Что делать? Броситься к люку? Но его сразу обнаружат. А вдруг это корабль землян.

Так он и сидел в нерешительности на месте, пока корабль не приблизился настолько, что на борту стали различимы опознавательные знаки рулл. Это был исследовательский бот. И С С Л Е Д О В А Т Е Л Ь С К И Й бот. Руллы открыли систему Лаэрта. За этим ботом могут следовать целые эскадры крейсеров. И все это против него одного. Ведь его крейсер "Орион" даже не подходил к планете — Джемисон высадился в парсеке от нее, чтобы руллы не засекли шлюпку,— и теперь ушел к базе за оружием для планеты, а вернулся лишь через 10 дней.

Десять дней. Конечно, есть шанс, что шлюпку не заметят и ему удастся скрыться. Но дело даже не в этом...

До бота рулл было уже всего сто футов, и он шел прямо на рощу, где находилась шлюпка. Джемисон вскочил с места и нырнул в отсек. Только люк захлопнулся за ним, как что-то огромное опустилось на шлюпку сверху так, что прогнулся потолок, а пол, наоборот вспучился. Воздух наполнился дымом, полуослепший Джемисон скользнул за пульт управления и включил аварийную защиту. Скорострельные бластеры выползли на боевые позиции и плюнули огнем во врага. Взревели вентиляторы, и по каюте прошла волна холодного воздуха. Все это так подействовало на Джемисона, что он сначала и не сообразил, что двигатели не работают и шлюпка, вместо того, чтобы унести его в небо, бессильно лежит на земле. Он бросил взгляд на экраны. Бот противника мелькнул в нижней части одного из них и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона. Через несколько секунд донесся грохот падения, но уж слишком гладкой была траектория. ВЗРЫВ НЕ УБИЛ РУЛЛ! Значит, Джемисону придется вступить с ними в единоборство. 10 дней он должен будет уповать на то, что сумеет в одиночку отстоять одну из четырех важнейших планет в Галактике.

Джемисон вылез из шлюпки. Времени на раздумье не оставалось, темнело, и он устремился к ближайшему холму, находившемуся в ста

футах от него. Последние факты он прополз на четвереньках, осторожно выглянул из-за вершины холма. Она представляла из себя овал ярдов в семьсот шириной, заросший кустами и усыпанный камнями. Ничто не нарушало тишины, сумерки уже сгустились, солнце зашло за горизонт. Но что такое темнота для рулл? Чем вообще, кроме разума, может похвастаться человек перед руллой? Только по разуму он мог претендовать на равенство. Положение было безнадежно. Если бы он сумел подобраться к кораблю рулл до наступления тьмы и уничтожить их, пока они приходили в себя... Сейчас это казалось почти нереальным.

Джемисон начал спускаться с холма. То и дело он спотыкался о кусты, корни и камни, падая на острые ребра скал. До сих пор ему не приходилось преодолевать настолько пересеченную местность. За пять минут он прошел не более 250 ярдов. Он остановился. Дальнейшее продвижение было бесполезным. Но он должен бороться — ведь проигрывает не он один, а все человечество!

Пахнуло холодом. В полночь температура упала до 0, и он решил вернуться. У него еще оставался шанс запустить двигатель корабля.

Часом позже он сидел перед экранами, напряженно вглядываясь в ночь. Что-то двинулось в углу одного из них. Джемисон сжал гашетку корабельного бластера. Но движение не повторилось.

В таком положении и застал его холодный рассвет. Джемисон проглотил таблетку против сна, снова попытался запустить двигатель,— тот молчал. Этого следовало ожидать. Починить его можно только на "Орионе", значит, драться придется наверняка.

Впервые в истории человек и рулла встретились лицом к лицу. Космические битвы не в счет — там бьются корабли. Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьба распорядилась, чтобы поединок проходил на одной из самых причудливых гор Галактики — пике Монолит, 8200 футов, отвесно вздымающихся над планетой. На сотнях планет побывал Джемисон, много раз уносился в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым огням новых звезд. И вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка с самым хитрым и жестоким врагом во Вселенной.

Джемисон взял себя в руки. Нужно было сделать первый шаг — произвести разведку. Солнце Лаэрта уже поднялось над горой.

Джемисон взял с собой бластер и монитор. Последний должен был реагировать на любое движение противника. По дороге к месту падения рулл ничего неожиданного не произошло, никто на него не покушался. Это не понравилось Джемисону. Значит, где-то они устроили ему ловушку. Вряд ли руллы погибли при падении.

... Корабль рулл лежал в долине, уткнувшись носом в стену песчаника. Джемисон внимательно рассмотрел его через телеобъектив монитора, но вокруг никого не было. Если это ловушка, то весьма искусная.

Тишину долины нарушило жужжание бластера, постепенно перешедшее в рев. Бластер набирал максимальную мощность. Корпус вражеского судна задрожал, изменил цвет и только. Через 10 минут Джемисон выключил бластер. Техника рулл оказалась на высоте. Включились ли защитные экраны сейчас или после его вчерашнего выстрела — неизвестно.

В этом и заключалась вся беда — он не знал противника. Даже если руллы и мертвы, их оборона отразила все его попытки. Может быть, они ранены и не способны бороться, может, оставили где-нибудь гипнотизирующий знак? Джемисон поймал себя на том, что избегают смотреть вокруг.

Еще один вариант: руллы просто дожидаются большего корабля. Пробоин нигде не было, только дно вогнуто в нескольких местах. Но реактор должен был дать течь. Насколько Джемисон разбирался в исследовательских ботах рулл, спереди находилась главная рубка, управляющая бластерами, сзади машинный отсек, цейхгаузы, топливный отсек, отсек с запасами пищи и...

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше всех. Пища заражена, руллы остались без еды.

Джемисон решил отступить, он повернулся к скале, за которой скрывался от возможного огня противника. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результат изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон замер в ужасе.

"Где я?!— подумал он. После путешествия на Миру-23 он узнал, что эти линии заставляли человека двигаться в определенном направлении. Куда же сейчас?

Джемисон не мог побороть в себе желания смотреть на скалу, его просто тянуло увидеть знаки еще раз, и он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий по вертикали и три горизонтальных над ними указывали на восток, в пропасть. Джемисон двинулся туда. В отчаянии он пытался хвататься за выступы скал, цеплялся за края пропасти, но его воля была парализована, и медленно, но верно он сползал вниз. Последняя его мысль была: РУЛЛЫ ВЫЖИЛИ! Таков был смысл знака, и тогда наступила тьма.

Глава 22

Он пришел из далекой Галактики — холодный, безжалостный, вождь вождей — ЙЕЛИ МИМИИШ, ИЙН РИА, и прочая, прочая... О, велика была его власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Мерда.

Велика была и его ярость, когда узнал он, что его приказ не исполнен. Давно уже повелел он завоевать еще одну Галактику, но те, которые не были столь совершенными, упорно сопротивлялись. Почему? В чем сила этих двуногих с их бесчисленными звездолетами, неприступными базами и мощными союзниками. Как смогли они остановить тех, кто обладал более высокоорганизованной нервной системой?

"Доставить мне живого человека!"— разнесся по всем уголкам Галактики приказ, и человек был доставлен, тупой моряк, с захваченного руллами крейсера. После нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе, он умер при экспериментах, за которыми наблюдал сам ЙЕЛИ. "Это не противник",— сказал он.

— Нам удалось захватить совсем немногих,— сказали ему.— Они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среда должна быть другой. Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте.

Приказ был выполнен. ЙЕЛИ прибыл на звезду, возле которой появился человек, уже наблюдавшийся семь периодов назад. "Человек в маленькой шлюпке,— рапортовали наблюдатели, неожиданно появился в пространстве в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высадили пока десант на планету, и наше присутствие не обнаружено. Люди уже высаживались на этой планете. Наш подопытный высадился на вершине огромной горы. Повторяю: обстановка идеальная для эксперимента".

Пространство вокруг планеты патрулировалось. ЙЕЛИ спустился в маленьком боте без охраны. Он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но... сам был подбит и чудом выжил. Радио вышло из строя, пища была отравлена.

Эксперимент вышел из-под контроля, он решил убить человека, завладеть его пищей и ждать до тех пор, пока патруль не спустится за ним.

Несколько часов назад он обследовал местность, прошел по периметру обороны противника, начертил на скале символ, подчиняющий человека, и вернулся в свой корабль. Теперь противник пойман и нужно его ликвидировать. Увидев, что лазерная пушка человека направлена на корабль и настроена на автоматический огонь, едва откроется дверь, рулла направился к запасному выходу, но оказалось, что люк заклинило. Когда он проверял корабль ночью, люк был исправлен, но теперь с ним что-то произошло и рулла оказался в ловушке. Вообще-то не было необ-

ходимости убивать человека сразу. Если у руллы будет пища, то человека можно оставить в живых. Но до тех пор, пока человек парализован, необходимо найти выход. Чертов случай! Как не любил ЙЕЛИ неожиданностей.

Запасной люк нужно было открыть во что бы то ни стало. Рулла направил в щель луч бластера, но работа шла медленно. То и дело ему приходилось забираться в защитную камеру и выходить из нее только тогда, когда уровень радиации снижался до приемлемого.

Солнце было в зените, когда плита, наконец, подалась. Весь в пыли, злой и голодный, вышел он наружу. У него пропала всякая охота продолжать эксперимент. Нужно было спасать свою жизнь, надо убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля. Дернул его черт так рисковать! Он подполз к обрыву, спустился по ступеням на равнину... но внизу никого не было! Не было даже следов!

Осторожно, соблюдая дистанцию, подполз рулла к кораблю врага. Защитные мониторы оказались включены. Есть вероятность, что человек свалился в еще более глубокую пропасть и разбился насмерть. Ну, а скорее всего он сидит в корабле и поджидает его — ЙЕЛИ. Ведь БЫЛО ЖЕ У НЕГО ВРЕМЯ ПОЗАБОТИТЬСЯ О БЕЗОПАСНОСТИ. Теперь уже рулла ничего не знал о человеке. Инициатива перешла к врагу. Пришлось вернуться на корабль. Голод рос час от часу. Вокруг никого.

Джемисон очнулся от боли. Она была всепоглощающей и перемещалась волнами от головы к ногам. Но постепенно боль сконцентрировалась в левой ноге.

Джемисон понял, что растянул связки. Он открыл глаза и увидел солнце почти в зените. Долго же он лежал тут.

Сначала он бездумно смотрел на солнце, уходившее за нависающий над ним край обрыва, и только когда на него легла тень, он вспомнил, что смертельная опасность не миновала, и это привело его в сознание. Он лежал на краю пропасти, на небольшом выступе. Видимо, при падении его нога запуталась в кустах, и это его спасло.

Джемисон приступил к штурму горы. Поначалу ему помогали шероховатые почвы и корни растений, но когда до края оставалось всего 10 футов, дала о себе знать растянутая связка. Он совершил четыре попытки и каждый раз сползал вниз, но, в конце концов, ему удалось зацепиться за корень и вскарабкаться на плато.

Оно расстилалось перед ним, совершенно пустынное, без признаков жизни, только звуки его шагов нарушали тишину. На другом краю плато виднелась шлюпка. Он направился к ней. Джемисон не знал, что с руллой, и пока его нога не заживет, он вряд ли это узнает.

Он подошел к шлюпке уже в темноте, и сварливый голос встретил его: "Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?"

Это был плоянин со своим вечным вопросом о возвращении. Джемисон совсем забыл о нем.

Накормив его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом. Как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более их немыслимое нынешнее положение.

— Не сердись,— наконец сказал он.— Я верну тебя домой.— Этого было достаточно, и плоянин успокоился.

Между тем Джемисон думал о том, как использовать плоянина против рулл. Ну какой вред голодному рулле от того, что противник может контролировать полет его корабля?

Глава 23

Джемисон проснулся от ударов своего сердца и подошел к пульту. Радио было мертво, даже фон не прослушивался, да и бесполезно оно на таком расстоянии. Он покрутил ручку настройки, проверил частоты рулл,— но и здесь молчание. Противник отрезан от мира. А что, если провести эксперимент? МЫ ОБА ПЛЕННИКИ! Пленники, случайно оказавшиеся отрезанными от мира. Неужели обязательно убивать друг друга? Есть ведь и другой путь.

Многое можно узнать: мотивы действий рулл, почему они уничтожают чужие расы? Ведь ими можно управлять — зачем же бессмысленные жертвы. Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона, заставляла его размышлять.

Иногда он садился у пульта и просматривал окрестности, бесплодные пустые скалы, пропасти. ТЮРЬМА. И он находился в ней. Он — Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивается Галактический Совет. Он лежит здесь в разбитой шлюпке, больной, и готовит эксперимент.

На третий день нога прошла, и он медленно принялся работать над киноэкраном и закончил его изготовление на пятый день. Затем написал сценарий и закончил его изготовление на пятый день. Затем написал сценарий и ввел в запоминающее устройство. Осуществление уже задуманного плана не составило большого труда. Джемисон установил экран в 200 ярдах от шлюпки позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день — шестой по счету. Наступила ночь.

Глава 24

Скользящей тенью прошмыгнул рулла к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта III. Он чуял пищу и одновременно предполагал ловушку.

Шесть дней он был без еды. Это отбросило его на несколько уровней. Он почти не различал цветов, потерял некоторые другие способности. Нервная система руллы походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались приборы. Он понимал, что еще немного и они уже никогда не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще чуть-чуть, и ему, Верховному АЙШШУ ЙЕЛА, придется покончить счеты с жизнью.

Он пристально смотрел на экран. На нем развертывались картины всего происшедшего на планете с того момента, как шлюпка Джемисона покинула борт крейсера. Крейсер направился к базе, а шлюпка приземлилась на горе, затем развернулся бой и т.д. Ситуация казалась безнадежной, но экран подсказал выход: появился рулла, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология была показана детально. Рулла знал, что это ловушка, возможно, смертельная, но делать было нечего. Это был единственный шанс. Неизвестно, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказ. Они его нарушат так или иначе, хотя бы тогда, когда к планете придут вражеские корабли. Тогда нарушение будет законным. Рулла нажала рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была тьма. До рассвета оставалось три часа. Сирена означала, что ящик с пищей открыли. Она гудела 25 минут, потом оборвалась. Он ошибся в том, сколько времени понадобится рулле, чтобы проглотить 3 фунта еды.

Двадцать с лишним минут рулла подвергался гипнозу точно так же, как пленные руллы в лаборатории. Но те при пробуждении убивали себя, поэтому не было доказательств существования подсознания у рулл. Теперь эти доказательства были.

Джемисон снова лег на койку и улыбнулся. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами, его нельзя было не отметить. Джемисон выпил за удачу.

Каждая раса обладала обширными знаниями, но они по-разному применяли эти знания. Руллы — для истребления других рас, люди — для установления хороших отношений с союзниками, но друг с другом они были одинаково жестоки и беспощадны. И постороннему наблюдателю трудно было отличить их друг от друга. Однако цели рулл и людей различались, как черное и белое, как тьма от света, и цель диктовала средства.

Джемисон вернулся в постель и обдумал еще некоторые детали. Ничего нельзя было сбрасывать со счетов. Нельзя недооценивать руллу. Наконец он заснул сном человека, принявшего окончательное решение.

Утром он надел костюм с электронагревателем и вышел в зыбкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он не замечал его. В это утро решалось многое. Нужно быть осторожным.

Захватив монитор и бластер, он направился к экрану, стоявшему на возвышении. Джемисон еще раз попробовал автомат запуска, поставил другой ящик с едой. На старом ящике что-то блестело, поверхность казалась отполированной.

"Странно",— подумал Джемисон и присмотрелся внимательней. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил субстанции и вернулся к шлюпке.

"Что же это такое?— думал он.— Где я видел это вещество?" Так он и стоял в замешательстве у люка, пока не заметил руллу.

Едва насытившись, рулла вспомнил все. Он вспомнил свою цель.

Рулла скользнул по краю пропасти, поглядывая вниз. До дна было далеко — очень далеко. С корабля расстояния скрадывались. Пропасть не казалась настолько глубокой. Рулла устремился к своему боту, туда, где он почувствовал накануне антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Плита была крепко прижата к каркасу. Отсоединить ее было трудно, но он сумел это сделать. Через несколько часов плита со скрежетом отвалилась.

Сама по себе плита была бесполезной, ее мощности не хватило бы даже на то, чтобы спуститься с горы, но все-таки энергия не истощилась до конца, ее хватит на одну попытку. Рулла не сомневался в успехе.

Теперь он жаждал смерти двуногого. Рулла отнес плиту в заросли, и сам притаился там. Он был уверен, что убьет человека. Ведь на ящике остался лак, убить было необходимо. Под угрозой была не только жизнь, не зря человек кормил его. Это входило в замысел какого-то эксперимента. Единственный выход — ждать, и рулла ждал, чтобы убить.

То, что случилось с Джемисоном, произошло по его собственной вине. Ведь он видел в Службе Безопасности аналогичные вещества. И вот результат — он парализован лаком.

Тут-то и появился рулла. Он вылетел из рощи на плите. Джемисон был поражен — ведь в боте не оставалось источника антигравитации, там вообще не было никакой энергии.

Движение плиты было основано на вращении планеты, она летела со скоростью около 800 миль в час, т.е. с той же, с какой Лаэрт III вращался вокруг оси. Этого было достаточно. Рулла несся к нему. Джемисон поднял бластер, и тут же подействовал лак. "Не стреляй",— приказал ему внутренний голос, и он не мог выстрелить. Он был парализован. Медленно, очень медленно он поднял бластер. Рулла был на расстоянии де-

сяти футов. Джемисона спасло лишь то, что рулла не учел давления воздуха под платформой; как падающий лист, накренившись, она пронеслась над ним, и он выстрелил, наконец, в нее, расплавив днище. Плита врезалась в кустарник, футах в двадцати от него. Джемисон не спешил. Когда он подошел к зарослям, рулла уже скрылся в роще. Джемисон его не преследовал. Он выволок из кусток платформу и осмотрел ее.

Поразительно, как рулла сумел воспользоваться ею без каких-либо приборов. "Но раз он все-таки это сделал,— подумал Джемисон,— почему же он не спустился на ней с горы в лес. Там внизу была пища и не было людей." Но ответ на этот вопрос он получил тут же, едва прикинул на руках вес плиты. Энергии в ней едва хватило бы на сто футов полета, а до леса была по меньшей мере миля.

Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Там он исследовал пробу лака. Он не был радиактивен, но превращал свет в электромагнитные волны той частоты, на которой работал человеческий мозг. Что же было записано на нем? Он перевел символы в образы. Они, казалось, вышли из кошмарного сна.

Джемисон снял с полки книгу "Символическая интерпретация подсознательных образов". Открыл главу "Запрещающие символы". Найдя там полученные образы, он прочел: "Не убивай".

— Пусть я буду...— громко выругался Джемисон.— Надо же было так попасться.

Он не поверил себе. Он и в самом деле не хотел убивать. Но рулла не мог знать об этом. Символы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Страшное дело... Оставалось надеяться, что это последняя ловушка.

Рисковать он не имел права, эксперимент следовало отложить до прибытия "Ориона".

Глава 25

В ночь перед возвращением "Ориона" Джемисон не поставил у экрана коробки с едой. Утром он попытался связаться с крейсером.

Эфир молчал. Наконец он прекратил бессмысленные попытки и вышел наружу, чтобы приготовиться к эксперименту. В начале первого он не выдержал и приступил к опыту, нажав кнопку излучателя волн, действию которых рулла подвергался уже четыре ночи. Тут он и заметил высунувшегося из зарослей руллу.

Взревела сирена, и одновременно с ней включился зуммер наручного приемника: "Тревор Джемисон, говорит "Орион", мы слышали вас, но

не отвечали, так как в окрестности планеты крейсирует целый флот звездолетов противника. Через пять минут мы попробуем вытащить вас оттуда. БРОСЬТЕ ВСЕ И ГОТОВЬТЕСЬ."

Краем глаза Джемисон заметил две темные точки в небе, прямо над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураган повалил Джемисона на землю, и он ухватился за ветви кустов. Линкоры сделали крутой разворот и летели прямо на него. Джемисон приготовился к смерти. Но удар предназначался не ему. Его шлюпка взлетела на воздух и упала в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к земле, едва не порвав ему барабанные перепонки.

Появился третий корабль. Но не успел Джемисон определить, чей он, как корабль снова исчез. Включился наручный приемник.

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора и эскадра дерутся с руллами, пытаясь заманить их к ближайшей звезде Бьянке, где находится наш флот, и тогда о...

Вспышка в далеком небе оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем Джемисон услышал взрыв, и звук медленно замер. Наступила тишина, в которой была угроза.

Джемисон поднялся, нужно было спасаться. Такого исхода он не предвидел. Шлюпки не было, он был один на краю пропасти. Мозг заработал на полную мощность. Он понял, что руллы искали не его, они совершили разведку и заодно уничтожили шлюпку. Пока они не вернулись, ему нужно сделать все, чтобы выжить и выполнить свою задачу.

Шатаясь и падая, он побрел к кустам. За ним брел рулла. ЕГО рулла обучался тому, чему хотел научить его Джемисон. Джемисон мог контролировать изображение, отбрасывая ненужную информацию,— времени было мало. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся. Рулла то отскакивал, то подползал к экрану. Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлекса. В его опыте собака получала пищу по звонку, и вскоре пищеварительный тракт выделял сок только по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Тогда эта теория не была рассчитана на обучение того, кого учил теперь Джемисон,— существо чужой расы! Раньше руллы не поддавались обучению, и вот случилось то, от чего зависела судьба земной цивилизации. Но как мало было времени! Смертельно мало!.. Вперед, назад, назад, вперед!— диктовал ритм. Рулла не мог обратиться в бегство, так же как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Джемисон диктовал рулле задачу, которую предстояло решить им обоим. Трехмерное цветное изображение руллы сменилось изображением человека. Джемисон добился того, что рулла потерял свою агрессивность и не мог убить себя.

Осталась еще одна задача — хватит ли времени... Но другой возможности не будет никогда. НИКОГДА! У Джемисона не было выбора, и он успел: цель была достигнута.

Джемисон потратил 10 минут на то, чтобы передать по радио свое сообщение. Но ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах,

Джемисон вместе с руллой подбежал к обрыву. Он взглянул вниз и содрогнулся, но... ведь целый флот рулл бродит в окрестностях планеты. Быстрее, приказал он себе.

Он спустил руллу на первый уступ, обвязался веревкой, вбил крюк в край обрыва, и рулла спустил его к себе. Потом Джемисон спустил руллу еще ниже, потом рулла его и т.д. Они были связаны одной веревкой, переброшенной через крюк, и спускались все ниже и ниже.

Начинало темнеть. Джемисон устал. Он уже не надеялся спуститься до ночи, а рулла смотрел на него все осмысленней. Гипноз терял над ним свою власть. Особенно это было заметно, когда они оказывались на одном уровне.

В четыре часа пополудни Джемисон решил все-таки сделать привал. Он отошел на край уступа и рухнул на землю. Небо над ним было чисто, безоблачно, ни за что бы не поверил он, что там, в глубине, развернулась самая страшная битва за последние десятилетия. Нужно отдать дань пяти земным судам: ни один корабль рулл не спустился на Лаэрт III за своим правителем. Впрочем, возможно, они хотят соблюсти конспирацию. Джемисон прикинул пройденное расстояние — около двух третей. Рулла смотрел вниз, в долину, Джемисон тоже взглянул туда. Там стеной стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой.

И снова спуск. В половине седьмого они оказались в ста пятидесяти футах над долиной. Пройти бы это расстояние разом, но для этого нужно отвязать руллу, чтобы не пострадать самому. Джемисон мельком взглянул на него, рулла ждал приказа. Джемисон повелительно махнул рулле рукой и взял в правую руку бластер. Рулла спустился и бросился в ближайшие деревья.

Джемисон немного подождал, потом спустился сам, при этом сильно поранив руки о веревку. Пальцы мгновенно стали какими-то серыми и в полутьме казались неживыми. Он побледнел. Рулла! Это сделал он.

Острая боль пронзила его тело. Задыхаясь, он выхватил бластер, чтобы застрелиться, но не успел — рука замерла на полпути. Джемисон рухнул на землю и потерял сознание. Канат был отравлен.

ЙЕЛИ скользнул к Джемисону и выхватил у него бластер. Он поджидал за деревьями, и он выиграл. Все-таки выиграл!!!

Рулла нашел ключ от шлюпки, и через несколько минут мощная радиостанция передала приказ флоту рулл.

Джемисон лежал на столе внутри странной комнаты с отверстиями на уровне пола и с дверями необычной формы. Джемисон понял, что он на звездолете у рулл. Он не знал, куда летит корабль, но то, что не к Земле, было ясно.

Его ничем не связали, но двигаться он не мог. Вверху, на потолке, был расположен источник гравитационных волн, придавливающий его к столу. Джемисон приготовился умереть, представляя себе, каким пыткам его подвергнут.

Давно известно, что если живо представить себе пытки, то можно покончить с собой, остановив сердце.

Как раз этим он и занимался, когда над его ухом раздался голос:

— Ну, когда же меня, наконец, вернут домой?

Это был вездесущий плоянин, уцелевший при падении в шлюпке и перебравшийся в корабль рулл. Опомнившись, Джемисон тихо спросил:

— Ты можешь кое-что для меня сделать?

— Ну конечно,— ответил плоянин.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

Источник гравиволн был выведен из строя. Джемисон сел.

— Ты освоился в корабле?

— Да.

— Есть здесь центр, куда сходятся все энергопроводы?

— Да.

— Войди туда и снова замкни все на себя, потом возвращайся.

— Вы так добры ко мне,— ответил плоянин. Джемисон вскочил на пластиковый квадрат стола, и сто тысяч вольт пронзили корабль.

— Готово,— доложил плоянин.

— Сколько рулл выжило?

— Около ста.

Джемисон объяснил плоянину схему радиорубки и закончил так:

— Замыкай ток каждый раз, как кто-нибудь подойдет к ней, ясно? Сообщай мне, если кто-нибудь попытается сделать это, и не замыкай без моего разрешения,— добавил он.

— Хорошо,— ответил плоянин.

Джемисон получил преимущество перед выжившими руллами. Он мог передвигаться по кораблю, зная, когда нельзя прикасаться к металлу. Пройдя в цейхгауз, он поработал там резаком. При выходе к нему присоединился плоянин.

— Сюда идут руллы, нужно уходить.

Добравшись до ближайшей шлюпки, они через пять минут были в космосе. Главные орудия судна были выведены из строя. Оно было бессильно. Но на борту своего крейсера Джемисон очутился лишь через 15 дней.

ЙЕЛИ не было на звездолете, который вез Джемисона, и он уцелел. Ему доложили о случившимся. Свита надеялась, что виновники будут жестоко наказаны, но верховный рулла сказал:

— Да... это действительно сильный враг. И очень опасный.

Он навсегда запомнил неделю позора на Лаэрте III, и с тех пор больше не посещал линию фронта.

Всем, ожидавшим его прибытия с передовой, он сказал:

— Мне кажется, что мы ошиблись. Люди скрыли многие свои качества. Война слишком затянулась. Центральный Совет должен пересмот-

реть стратегический план. Конечно, постепенно, но придется свернуть военные действия и перенести внимание на другие Галактики.

А вдали от него Джемисон тоже рапортовал галактическому конвенту:

— Это был, судя по всему, кто-то, кто занимает в иерархии рулл высокое положение. Добившись победы над ним, я победил не только его. Мне удалось внушить ему, что руллы нас недооценили и должны прекратить войну.

Пройдут годы, прежде чем кончится эта война. Теперь же все радовались контакту, установленному эзвалом с новым союзником — плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Вслед за ним к контакту пришли новые расы.

Джемисону за выдающиеся заслуги перед человечеством решением конвента было присвоено звание "Посол человечества". Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. А потом уж молва переиначила его титул так, будто Джемисон был Послом человечества у рулл. Но все это детали.

Главным же было то, что война была выиграна!

СОДЕРЖАНИЕ

1. Звездные узники 3
2. Ландскнехты галактики 157
3. Тернистый путь 229
4. Пропавшие среди звезд 315
5. Война с монстрами 425

"Двенадцатые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа" Выпуск 20/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР №062693 выдана 7.06.93г. Сдано в набор 1.04.94г. Подписано в печать 5.05.94 г. Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага офсетная N2. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ.л. 32. Уч.-изд.л. 33,3. Заказ N 4421. Тираж 10 000 экз. Заказное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

20